

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Star 4/70.6

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб. Невскій, 92).

XV.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1907 ГОДЪ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

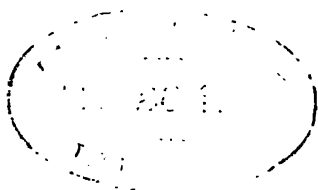
СОДЕРЖАНІЕ:

С. Найденовъ. Стѣны.
А. Серафимовичъ. Онъ пришелъ.
Скиталецъ. На Волгѣ.
Н. Телешовъ. Крамола.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
М. Горькій. Жрецъ морали.
Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

№ 4170.6

Типографія Спб. акц. общ. СЛОВО. Ул. Жуковскаго, 21

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
С. Найденовъ. Стѣны	1
А. Серафимовичъ. Онъ пришелъ	123
Скиталецъ. На Волгѣ	143
Н. Телешовъ. Крамола	149
Ив. Бунинъ. Стихотворенія	193
М. Горькій. Жрецъ морали	201
Е. Чириковъ. Легенда стараго замка	219

С. НАЙДЕНОВЪ.

СТѢНЫ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА:

ОЛЬГА ИВАНОВНА, хозяйка гостепримнаго дома.

ПРАСКОВЬЮШКА, ея компаньонка.

АРТАМОНЪ СУСЛОВЪ.

ОСОКИНЪ, управляющій домами Сулова.

ЛИЗА, дѣвушка.

ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ КАСТЯНОВЪ, учитель гимназиі въ отставкѣ.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА, жена его.

ЕЛЕНА, дочь ихъ.

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КОПЕЙКИНЪ, конторщикъ.

КОПЕЙКИНА, жена его.

ТАНЯ, ихъ дочь.

МАТРЕША, бѣлошвейка.

МАКСИМЪ СУСЛОВЪ, отецъ Артамона, мясникъ, скотопромышленникъ и домовладѣлецъ.

ПРИКАЗЧИКЪ ИЗЪ МЯСНОЙ ЛАВКИ.

ДѢВУШКА ВЕЗЪ СЛОВЪ.

ЖИЛЬЦЫ ДОМА СУСЛОВА.

Дѣйствіе происходитъ въ столичномъ городѣ.

С. Найденовъ. Стѣны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостепривмный ночлежный домъ Ольги Ивановны. Странная комната: на окнахъ спущены тяжелыя красныя занавѣси, обои свѣтло-голубые, и это сочетаніе голубого и краснаго производитъ впечатлѣніе чего-то нелѣпаго. Съ правой стороны, на первомъ планѣ, стоитъ двухспальная, красная кровать, покрытая шелковымъ одѣяломъ, со множествомъ подушекъ; надъ ней слабо горитъ розовый фонарь. У кровати умывальникъ и женскій туалетный столикъ. Посрединѣ гостинная мебель и столъ. На высокихъ тумбочкахъ по бокамъ дивана канделябры. На столичкахъ запыленные, искусственные цвѣты-букеты. На круглой желѣзной печкѣ стоитъ гипсовая фигура женщины. Въ каждомъ простѣянкѣ между оконъ большія зеркала, отчего комната называется „зеркальной“. Полъ закрытъ разноцвѣтными старыми коврами. Два новыхъ ковра, съ изображеніемъ какихъ-то странныхъ фигуръ, украшаютъ стѣны. Кромѣ нихъ, стѣны еще украшены дешевыми олеографіями въ золоченыхъ рамахъ. Въ глубинѣ, въ углу, иконы; передъ ними теплятся лампы. Въ открытую дверь видна передняя, освѣщенная стѣнной лампой. Изъ передней спускается лѣстница къ парадному крыльцу, обнесенная перилами и обставленная растеніями въ банкахъ.

По поднятіи занавѣса, комната долго пуста. Слышно, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи. Потомъ вдругъ, какъ будто бы призракъ, не то изъ-за двери, не то изъ-за печи, безшумно, въ туфляхъ, появляется низенькая, тщедушная, со сморщеннымъ личикомъ, набѣленнымъ и нарумяненнымъ, старушка, съ трясущейся нижней челюстью. Это Ольга Ивановна. На ней шелковая верхняя юбка и ночная бѣленькая кофточка. Волосы растрепаны, сѣдая косичка, какъ мышинный хвостикъ, трясется свадн. Въ рукахъ у нея собачка—большая болонка, съ которой она нянчится, какъ съ ребенкомъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА

(баякая собаченку).

Ну, ну, лежи... больна, такъ лежи... Чего тутъ вер-
тишься?.. Я тебѣ на ноги чулки свяжу, не будешь про-
стужаться! (Ласково теребя собачку за ухо) Не бѣгай... не
бѣгай... Хлопнуть палкой—будешь знать... Люди другъ
друга убиваютъ, а тебя развѣ пожалѣютъ? Нѣтъ въ
нихъ жалости... Черти они, черти... (Садится на стулъ, за-
думывается, поетъ что-то божественное и качаетъ собачку. Пауза.
Слышно, какъ подъѣзжаютъ къ дому) Приѣхали... (Обращается къ
собачкѣ) Не пустимъ... мы съ тобой никого не пустимъ...
Сами все живое мясо съѣдимъ... Любители... Будь они
прокляты!..

(Пауза. Раздается громкій, продолжительно-отры-
вистый звонокъ. Въ передней появляется Пра-
сковьюшка, компаньонка и подруга Ольги Ива-
новны. Она очень похожа на Ольгу Ивановну,
какъ будто сестра, но только значительно моложе
ея и не имѣетъ привычки бѣлиться и румяниться.
Одѣта прилично—для приѣма гостей)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не пускай!.. Видѣть никого не хочу... Не пускай...

ПРАСКОВЬЮШКА.

Молчите... Завтра за квартиру платить, такъ не то
запоеете...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Изъ банка возьмемъ... Возьмемъ изъ банка...

ПРАСКОВЬЮШКА.

Идите въ свою комнату... Знаю я васъ!

(Спускается съ лѣстницы. Ольга Ивановна
выбѣгаетъ въ переднюю)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не смѣй, Прасковья!.. Я не хочу... не хочу я больше
грѣха... Дай умереть безъ этого... (Съ параднаго крыльца
довносится разговоръ) Прасковья! (Задыхаясь отъ злости) Слы-
шишь? Слышишь, что я говорю?..

(Прасковьюшка появляется на лѣстницѣ)

ПРАСКОВЬЮШКА.

Что орете? Хорошіе господа... Иванъ Игнатьевъ при-
везъ...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какой Иванъ Игнатьевъ?

ПРАСКОВЬЮШКА.

Извозчикъ. Онъ плохихъ не привезетъ: знаетъ, ка-
кихъ намъ можно, какихъ—нѣтъ... Одинъ-то бывалъ у
насъ—знакомый...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Окаянная... Будешь въ огнѣ горѣть, будешь!

ПРАСКОВЬЮШКА.

Вмѣстѣ будемъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я не хочу больше...

ПРАСКОВЬЮШКА.

Будеть болтать-то!.. Нашло на тебя, завтра пройдетъ, — опять за старое примешься... Не въ первый разъ находить на тебя... Успѣешь покаяться, великій постъ для этого есть. (Нетерпѣливо громко стучать въ дверь и звонять) Стучать... Иди-ка въ свою комнату!.. Молись!

(Спускается съ лѣстницы)

ОЛЬГА ИВАНОВНА

(ей вслѣдъ).

Будешь въ аду горѣть... Будешь!.. Проклятая, кош-кина дочь!

(Уходитъ въ свою комнату, въ которую ведетъ изъ парадной двери.)

По лѣстницѣ поднимаются Осокинъ и Артамонъ Сусловъ. Прасковьюшка помогаетъ имъ раздѣваться въ передней. Артамонъ Суловъ медленно раздѣвается, чего-то стыдится, робѣетъ. Осокинъ чувствуетъ себя, какъ дома, поетъ, щиплетъ Прасковьюшку.

Артамонъ—молодой человекъ, лѣтъ 27—28. Лицо интеллигентное, красивое, фигура неуклюжая, сутуловатая... Задумчивъ, сумраченъ... Въ немъ, гдѣ-то глубоко, сидитъ дѣтская, наивная, довѣрчивая душа, и пока она не появляется наружу, онъ какой-то мертвый, но въ минуты откровения этотъ серьезный, неуклюжій человекъ становится большимъ, наивнымъ, приятнымъ ребенкомъ. Въ настоящій моментъ онъ сильно пьянъ и старается не показать этого. Осокинъ—лѣтъ 38, сильно пожившій, истасканный человекъ. Рѣдкіе, сѣдѣющіе волосы; сѣдые волосы на бородѣ и усахъ онъ выстригаетъ, отчего получаютъ замѣтныя лысины. Человекъ живого, сангвиническаго характера. Ходитъ въ русскомъ костюмѣ и носитъ дворянскую фуражку съ краснымъ околышкомъ. Войдя въ комнату, онъ окидываетъ ее взглядомъ, встаетъ въ театральную позу и поетъ)

ОСОКИНЪ.

„Мнѣ все здѣсь на память“...

ПРАСКОВЬЮШКА

(зажигая лампу на столѣ передъ диваномъ).

Вотъ веселый какой... Давно не были...

ОСОКИНЪ.

Давно, мадамъ Прасковьюшка, давно, благодѣтельница... (Обращается къ Артамону, стоящему въ передней) Ты чего же тамъ стоишь? Здѣсь безъ доклада, каждый хозяинъ, входи.

(Артамонъ не входитъ, стоитъ въ передней и смотритъ въ комнату Ольги Ивановны)

ОСОКИНЪ.

На что ты тамъ заглядѣлся?

АРТАМОНЪ

(подходя къ двери, пораженный видимымъ фактомъ).

Какая-то старуха тамъ молится.

ОСОКИНЪ.

Это Ольга Ивановна... сама Ольга Ивановна!..

ПРАСКОВЬЮШКА.

Ахъ, Господи!.. И двери не затворила... (Уходитъ, чтобъ затворить дверь, и скоро возвращается)

ОСОКИНЪ.

Экземпляръ, бабушка мой!.. Типчикъ... Хоть сейчасъ на выставку... Настоящій истинно-русскій человѣкъ: живетъ въ помойной ямѣ и пребываетъ въ божественномъ экстазѣ. У ней вездѣ лампадки горятъ... Видишь?

АРТАМОНЪ.

Какъ же это такъ?

ОСОКИНЪ.

Ну, ее къ чорту!.. У насъ на каждомъ шагу непонятное недоразумѣнiе... Я привыкъ ко всякимъ нелѣпостямъ... Иди сюда!.. (Втаскиваетъ его въ комнату за рукавъ) Вотъ комната, о которой я тебѣ говорилъ... Эти стѣны видѣли и слышали такія штуки, что еслибы рассказали,—покраснѣли бы всѣ кремлевскія башни и московскія церкви... Правда, Прасковьюшка?

ПРАСКОВЬЮШКА.

Ничего у насъ нѣтъ такого. Сорокъ лѣтъ Ольга Ивановна проживаетъ здѣсь, и никогда ничего.

ОСОКИНЪ.

Сорокъ лѣтъ!.. Слышишь? Сорокъ лѣтъ! Вѣдь это московская древняя грановитая палата...

(Артамонъ съѣлъ и углубился въ самого себя)

АРТАМОНЪ.

Странная старуха... молится...

ОСОКИНЪ.

Плюнь на нее!.. Надъ каждой ерундой ты голову ломаешь. Прасковьюшка, за дѣло!.. Живо два экземплярика. Мнѣ эту... какъ ее?—Феоночку... Обязательно... Ради нея только и пріѣхалъ. (Обращаясь къ Артамону). Прекрасная дѣвушка: бюстъ феноменальный, а животъ съ ладонь... Понимаешь?..

АРТАМОНЪ.

Пакостникъ ты...

ОСОКИНЪ

(добродушно похлопывая его по плечу).

Ладно! Рассказывай сказки, наводи тѣнь... Знаю я тебя!.. (Обращается къ Прасковьюшкѣ) Ему, Прасковьюшка...

АРТАМОНЪ.

Никого мнѣ не надо.

ОСОКИНЪ.

Будетъ влюбленнаго корчить! Ему что-нибудь такое попроще, вродѣ крымскаго яблочка. Главное, чтобъ упругость была, упругость... (Обращаясь къ Артамону) Такъ, что-ли? Угодилъ?

АРТАМОНЪ.

Никого мнѣ не надо.

ОСОКИНЪ

(обращаясь къ Прасковьюшкѣ).

Шагомъ маршъ!.. Живо!.. А предварительно сейчасъ бутылочку коньяку — три звѣзды — и яблоковъ... Валяйте...

ПРАСКОВЬЮШКА.

Приказальщикъ какой! Постараюсь. (Уходить за коньякомъ)

АРТАМОНЪ.

Зачѣмъ ты меня сюда привезъ?

ОСОКИНЪ.

Самъ же просилъ всю подкожную Москвы показать.

АРТАМОНЪ.

Подкожную... Это не подкожность... Это тоже одна внѣшность.

ОСОКИНЪ.

Да что же мнѣ для тебя кожу москвичей выворотить? Чудакъ человѣкъ... Не понимаю, чего ты хочешь?

АРТАМОНЪ.

Въ томъ-то и дѣло, что не понимаешь. (Встаетъ и идетъ къ двери)

ОСОКИНЪ.

Куда ты?

АРТАМОНЪ.

На старуху посмотрю. (Выходитъ въ переднюю и возвращается) Затворилась.

ОСОКИНЪ.

Что она тебѣ далась?

АРТАМОНЪ.

Мать напомнила... Она такъ же молилась. Комнатка у ней была махонькая, и вся въ иконахъ, какъ у этой. Надымить, накадить и стоять, словно въ оиміамѣ какомъ небесномъ... А свѣчи и лампадки въ туманѣ этомъ мигаютъ и тухнуть, и никакъ не могутъ потухнуть...

(Входитъ Прасковьюшка съ коньякомъ и фруктами въ вазѣ)

ОСОКИНЪ.

Вотъ это хорошо! Подопьемся!..

ПРАСКОВЬЮШКА

(ставя на столъ принесенное).

Пожалуйста! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

ОСОКИНЪ.

Ну, живо второй номеръ!.. Одна нога тамъ, другая здѣсь.

ПРАСКОВЬЮШКА
(выходя изъ комнаты).

Ишь, разгорѣлось... Торопыга какой!..

ОСОКИНЪ.

Стерва!.. Убить такую, какъ собаку... У нихъ денегъ много...

АРТАМОНЪ.

Да и насъ съ тобой не мѣшаетъ.

ОСОКИНЪ
(наливая коньякъ).

Подопьемся! Брось все... На свѣтъ—все тринь-трава, Артамонъ... Помни это и пей...

(Пьютъ)

ОСОКИНЪ.

Будь у меня твои деньги, я показаль бы себя... я сумѣлъ бы пожить! Вспомнили бы Осокина... Да онѣ будутъ!.. Слышишь? (Ударяетъ кулакомъ по столу) Издохну, а деньги будутъ!.. Безъ тебя проживу... Не хочешь со мной дѣла дѣлать, не вѣришь,—не надо...

АРТАМОНЪ.

Ничего у тебя не выйдетъ... Дворянипъ ты,—проживать только умѣешь.

ОСОКИНЪ.

Чортова перечница!.. Въ прошломъ году съ барками на Волгѣ, если бы меня не подвель компаньонъ-мерзавецъ, я бы... Сто тысячъ у меня сейчасъ было бы!.. „Проживать только умѣешь“... Дурья голова... Я три раза былъ богатъ...

АРТАМОНЪ.

Наслѣдства получаль...

ОСОКИНЪ.

Нѣтъ, не наслѣдства. Поѣзжай-ка на Волгу,—на всѣхъ пароходахъ, во всѣхъ гостинницахъ торговые прейсъ-куранты моего изданія... Вездѣ прочтешь: „Изданіе Осокина“.—Ты думаешь, это шутка? Нѣтъ, братъ, это пятьюдесятью тысячами пахнетъ. Тридцать тысячъ въ карманъ положилъ... Не вѣришь? Счета покажу! Да развѣ тебѣ что-нибудь докажешь, Гома невѣрующій!

АРТАМОНЪ.

И нечего доказывать,—мнѣ это не интересно.

ОСОКИНЪ.

А что тебѣ интересно? Ленка Кастьянова? Такъ будь у меня деньги, черезъ недѣлю моя была бы, безъ остатковъ, безъ всякихъ разговоровъ... И всѣ бы эти ея идеи и убѣжденія въ пятки ушли бы, и стала бы она ихъ топтать, а я бы приговаривать: такъ ихъ и надо, такъ ихъ и надо!.. Терпѣть не могу ученыхъ дѣвокъ. Врутъ, каналы!..

АРТАМОНЪ.

Дуракъ!

ОСОКИНЪ.

Вотъ тебѣ и дуракъ. А я одну курсистку въ три дня оставилъ. Такіе подвель турусы на колесахъ, такъ залиберальничаль, что она сейчасъ же меня за революціонера приняла, и понятно, разъ, два—и готова... „Ахъ, ахъ, ошиблась!..“ Слезы, рыданье... „Не ошибайтесь, до свиданья!“ Знаю я этихъ ученыхъ... и Ленка такая же... Черезъ недѣлю—моя... Пари на пятьсотъ!

(Подаетъ ему руку)

АРТАМОНЪ

(крѣпко сжимая его руку).

Пятьсотъ, говоришь? Пятьсотъ, такъ пятьсотъ...

ОСОКИНЪ

(вырывая руку).

Пусти!.. Выпусти, говорю... Не ломай пальцы... Ой!

АРТАМОНЪ

(сжимая сильнѣе).

Пятьсотъ, такъ пятьсотъ...

ОСОКИНЪ (корчась).

Не дури! Больно... Я шутя говорилъ про нее... На кой чортъ мнѣ она? Пусти!..

АРТАМОНЪ

(выпуская руку).

Не забывай... И не смѣй здѣсь говорить про нее.

ОСОКИНЪ.

Медвѣдь! Настоящій медвѣдь... Буржуй!..

АРТАМОНЪ.

Не нравится вашей милости? Смотри! (Показываетъ ему кулакъ) Ври, да не завирайся...

ОСОКИНЪ.

Ну, будетъ, перестань... Изъ-за всякой чепухи ты серьезныя вещи дѣлаешь... Приѣхали время провести, а ты тутъ... Глупо это! Давай подопьемся... (Наливаетъ двѣ рюмки и пьетъ)

АРТАМОНЪ

(утрюмо смотря на него).

И зачѣмъ ты на свѣтѣ живешь? Притомъ разными субсидіями и преимуществами пользуешься... Удавить тебя надо.

ОСОКИНЪ.

Погоди, я тебѣ покажу... Къ Рождеству золото буду лопатами загребать.

АРТАМОНЪ.

Никакими я съ тобой дѣлами не желаю заниматься. Всѣ эти дѣла—воровство одно. Я и отцу это говорилъ, и тебѣ неоднократно повторялъ,—и все вы ко мнѣ пристааете. Ну васъ въ банное озеро!.. Отецъ мой мясникъ и домостроитель, а ты дворянинъ, но цѣна вамъ обоимъ два ломаныхъ гроша, а я ихъ не дамъ... Слышишь?

ОСОКИНЪ.

Съ тобой о дѣлѣ говорятъ, а ты антимонію производишь... Болванъ!.. Брось бывать у Кастьяновыхъ... Какъ товарищу, говорю, брось! Толку черезъ это не будетъ, совсѣмъ съ ума спятишь. Ты купецъ, и твое дѣло хватать, ащеть—и больше никакихъ. Пожалуйста, не задавайся на макароны! Если каждый алтынникъ будетъ разсуждать, такъ это...

АРТАМОНЪ (строго).

Молчи... (Пауза) Глупый ты человекъ, больше ничего... Зачѣмъ привезъ меня сюда?

ОСОКИНЪ.

Ребенокъ какъ!.. Спеленали, да привезли...

АРТАМОНЪ.

Подмазывается, подлаживается... Эхъ ты, дворянинъ! Ты думаешь, что я тебя не вижу?.. Насквозь вижу и—презираю... Да, презираю. (Пьетъ)

ОСОКИНЪ.

Погоди... (Наливаетъ себѣ рюмку и чокается съ нимъ) Помиримся. Терпѣть не могу ссоръ... Я, братъ, рубаха: для меня люди всѣ равны...

АРТАМОНЪ.

Врешь!

ОСОКИНЪ.

Съ тобой сегодня разговаривать нельзя.

АРТАМОНЪ.

То-то! (Пьетъ) Миѣ на свѣтъ не хочется глядѣть, а ты съ разными глупостями... И про Кастьянову не смѣй такъ, никогда не смѣй...

ОСОКИНЪ.

Да вѣдь я же шута про нее... такъ, между прочимъ А если дѣйствительно хочешь знать мое мнѣніе объ ней, такъ я тебѣ скажу...

(Артамону пріятно говорить о Еленѣ Кастьяновой, и на этотъ разъ онъ не замѣчаетъ, какъ Осокинъ подлаживается къ нему, навязывается съ дружбой)

АРТАМОНЪ.

Говори.

ОСОКИНЪ.

Рѣдкая дѣвушка... Не отъ міра сего... Она вся тамъ, гдѣ-то далеко, въ будущемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ она— на землѣ... Она любитъ каждый булыжникъ на улицѣ и, кажется, страдаетъ за него, когда ходятъ и ѣдятъ по немъ.

АРТАМОНЪ.

Вѣрно... вотъ это вѣрно! Глаза у ней какіе-то такіе ясные, особенные...

ОСОКИНЪ.

Глаза рѣдкіе,—ни у одной такихъ не встрѣчалъ...

АРТАМОНЪ.

Правда вѣдь? Это рѣсницы дѣлаютъ ихъ такими... Потому, у ней волосы... Смотри, какіе волосы...

(Вынимаетъ бумажникъ и изъ него вытаскиваетъ фотографическую карточку Елены)

АРТАМОНЪ

(показывая карточку).

Волны... понимаешь,—волны!

ОСОКИНЪ.

Она на птицу похожа.

АРТАМОНЪ.

Не даромъ ей улетѣтъ все куда-то хочется...

ОСОКИНЪ.

Хороша-то хороша, только вотъ что, братъ,—ты мнѣ объ ней говорить здѣсь запрещаешь, а самъ карточку вытаскилъ. Это некрасиво...

АРТАМОНЪ.

Да, да... Я и забылъ, что мы въ этомъ домѣ... Подождемъ отсюда!

ОСОКИНЪ.

Погоди... Здѣсь хорошо, уютно... Подопьемся...

(Пьетъ: Пауза. Осокинъ ложится на диванъ; Артамонъ сидитъ въ креслѣ и живетъ тяжело, пьяными ощущеніями и мыслями)

ОСОКИНЪ.

Хорошо... Люблю пожить... Люблю, знаешь, чувствовать себя такъ, какъ сейчасъ... Мнѣ какъ-то все безразлично и ни о чемъ не думается... Тамъ, гдѣ-то, кто-то кричитъ, бѣснуется, бьется о стѣнку головой, а мнѣ все равно—лежу и курю... Это блаженство, которое не всѣмъ понятно... Хорошо...

(Пауза)

АРТАМОНЪ.

Обидно.

ОСОКИНЪ.

Что?

АРТАМОНЪ.

Обидно мнѣ!

ОСОКИНЪ

(равнодушно, смакуя свое блаженство).

Что обидно?

АРТАМОНЪ.

Изъ жизни моей ничего не выходитъ и, кажется, ничего не выйдетъ. (Размышляя) Дома чужой я и тамъ.. чужой...

ОСОКИНЪ.

Гдѣ тамъ? У Кастьяновыхъ?

АРТАМОНЪ.

Не у нихъ только... вообще, среди такихъ людей, какъ они... Что я для нихъ? Буржуй... Они и разговариваютъ

со мной какъ-то не такъ, какъ между собой... Вотъ вчера пришелъ къ одному, — Елена Егоровна послала... — такъ и такъ, говорю, посоветуйте, какихъ такихъ убѣжденій держаться... и вообще, дескать, интересно знать, отчего на землѣ такая канитель идетъ? — Просто ему, чистосердечно говорю... А онъ: „Изъ отцовскаго мѣшка золото вытряхните, тогда и узнаете, а до тѣхъ поръ ничего не поймете“... Несуразный какой-то... Не могу я имъ свои мысли ясно выражать... И стыдно мнѣ ихъ... Самъ не знаю, отчего, а стыдно...

(Изъ дверей доносится шумъ разговора и смѣхъ)

ОСОКИНЪ (прислушиваясь).

Постой!.. Кажется, привезли намъ... (Вскакиваетъ съ дивана)

АРТАМОНЪ.

Ну, ихъ!.. Давай одни... Говорить будемъ, коньякъ пить. (Пьетъ)

ОСОКИНЪ.

Благодарю покорно... Ты мнѣ надоѣлъ: объ одномъ и томъ же цѣлый вечеръ тростишь... Давай деньги!

АРТАМОНЪ.

Какія деньги?

ОСОКИНЪ.

Вѣдь ты мнѣ обѣщаль 50 рублей. Не могу же я здѣсь безъ денегъ.

АРТАМОНЪ.

Эхъ, какой ты!..

(Шарить въ карманахъ, ищетъ деньги, находить
• отдѣльныя монеты и отдаетъ ихъ Осокину)

ОСОКИНЪ.

Ну давай, давай! Тутъ 85.

АРТАМОНЪ.

Чай, будетъ?

ОСОКИНЪ.

За тобой 15... Я, братъ, люблю келейно... У меня здѣсь есть любимая комната...

(Уходитъ. Артамонъ выпиваетъ двѣ рюмки, ложится на диванъ, тяжело дышетъ и сопить, смотря не мигая на потолокъ.)

Большая пауза. Прасковьюшка нерѣшительно отворяетъ дверь и пропускаетъ Лизу)

ПРАСКОВЬЮШКА (въ дверяхъ).

Къ вамъ барышня.

(Скрывается. Входитъ Лизанька, полная дѣвушка съ деревяннымъ, широкимъ лицомъ и безсмысленными глазами. Чужое, нарядное платье виситъ на ней мѣшкомъ. Рабочія, красныя, большія руки старается не показывать. Смущается, робѣетъ; повидимому, недавно начала свои гастролы у Ольги Ивановны)

При входѣ ея, Артамонъ медленно подымается и садится на диванъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ Лизаньку съ головы до ногъ)

ЛИЗАНЬКА.

Здравствуйте!.. (Не рѣшается подать ему руку, садится въ кресло и глухо молчитъ) Что вы такъ смотрите?

АРТАМОНЪ.

Ничего, такъ... (Пауза) Васъ какъ звать?

ЛИЗАНЬКА.

Лизой... (Вспомнивъ, что кавалеровъ надо развлекать разговорами) Я у знакомыхъ была сейчасъ... Меня дома не застали, оттого такъ долго... Я все по знакомымъ, люблю въ гостяхъ бывать, особенно, когда на гитарѣ играютъ...

Одна моя подруга съ офицеромъ живетъ, такъ онъ на гитарѣ играетъ...

(Пауза)

АРТАМОНЪ

(показывая на вазу съ яблоками).

Хотите яблочка?

ЛИЗАНЬКА.

Благодарю. (Взрываетъ яблоко и держитъ въ рукахъ. Пауза.)
Что вы такой скучный?

АРТАМОНЪ.

А такъ...

ЛИЗАНЬКА.

Можетъ быть, мнѣ уйти? Не понравилась я вамъ?
Не стѣсняйтесь, скажите... Вамъ другую привезутъ.
Здѣсь можно разныхъ смотрѣть... У всякаго свой вкусъ.

АРТАМОНЪ

(что-то вспоминая, опускаетъ голову на грудь и глухо, какъ будто про себя, читаетъ).

„И куда преступнымъ окомъ
Я ни погляжу,—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зрю“.

(Эти строки пьянаго и, вообще, наклоннаго къ сантиментальности Артамона, страшно разстраиваютъ и взвинчиваютъ; глаза его наполняются слезами, и сидитъ онъ, какъ будто бы придавленный низкой крышей)

ЛИЗАНЬКА.

Это вы къ чему же? Какъ будто бы не зачѣмъ?
Посмотрѣвъ на него, послѣ небольшой паузы) Что съ вами,
„олубчикъ“? (Пересаживается на диванъ рядомъ съ нимъ)

АРТАМОНЪ.

Скверно на землѣ... А могло бы быть хорошо... Я знаю, какъ могло бы быть... Только надо человѣку научиться думать и чувствовать не по-собачьи. Все въ немъ, и все для него — и солнце, и небо, и лѣса, и моря... А онъ такъ себя унижаетъ. Смотрѣть мнѣ больно на него и на себя больно смотрѣть... (Почти сквозь слезы) Тутъ закономъ не поможешь, — они всѣ собачьи, — тутъ надо душу одухотворить, и все сызнава, чтобы камня на камнѣ не осталось... А этого не понимаютъ, никто не понимаетъ... Елена Егоровна тоже ничего не понимаетъ... А меня недорослемъ считаютъ. Смѣются, не слушаютъ, когда я говорю... Все учать... А можетъ быть, я ихъ самъ могу учить?

ЛИЗАНЬКА.

Да вы не убивайтесь! (Лаская его по плечу) Ишь, какой вы, голубчикъ, трогательный.

АРТАМОНЪ.

Дома меня за человѣка не считаютъ... Отецъ давно рукой махнулъ, и я на него махнулъ... Мы, какъ кошка съ собакой, живемъ... И никого у меня нѣтъ, никого... Матреша есть... а зачѣмъ она мнѣ? И что можетъ она дать мнѣ? Это тоже... тутъ тоже запятая. Ребенокъ. У меня ребенокъ есть... А что изъ этого слѣдуетъ? Мнѣ вотъ моя душа дороже ребенка и дороже Матреша. Я... я самъ по себѣ хочу... Елена Егоровна опять тутъ не понимаетъ... Меня никто понять не можетъ... И я никого не понимаю, и книгъ многихъ не понимаю. У меня отъ книгъ голова болитъ.

ЛИЗАНЬКА.

Я не знаю, что сказать вамъ... Вы книгъ-то не читайте. Что ихъ читать, коли голова болитъ?

АРТАМОНЪ

(отстраняя ее, какъ будто про себя).

Зачѣмъ же это я? (Всматриваясь въ глаза Лизаньки)
Кто ты мнѣ, и кто я тебѣ? Зачѣмъ я тебѣ все это го-
ворю?

ЛИЗАНЬКА.

Вѣдь я не просила, вы сами...

(Пересаживается на кресло. Она уже испугалась скандала, какъ бы ее не побѣди, съежилась, замолчала. Молчитъ и Артамонъ.)

Большая пауза. Онъ забываетъ о ея присутствіи и ложится на диванъ внивь лицомъ)

ЛИЗАНЬКА.

Уйти мнѣ? (Пауза. Артамонъ начинаетъ тихо хныкать. Лизанька смущается, беспомощно стоитъ и смотритъ на него) А вы перестаньте! Вы мужчина... Вотъ грѣхъ какой!

(Тихо, на цыпочкахъ выходитъ изъ комнаты. Черезъ нѣкоторое время въ дверяхъ появляются Прасковьюшка, Ольга Ивановна, позади ихъ Лизанька)

ОЛЬГА ИВАНОВНА

(подходя къ Артамону).

Человѣкъ, о чемъ плачешь?

ЛИЗАНЬКА

(въ дверяхъ, шопотомъ).

Давно такъ они.

(Артамонъ приподнимается и, увидавъ надъ собой Ольгу Ивановну, пронизываетъ ее долгимъ взглядомъ)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что смотришь? Не мѣсто тебѣ здѣсь, не мѣсто...
Зачѣмъ ко мнѣ прѣхаль?

АРТАМОНЪ

(глухо, укоризненно, продолжая смотрѣть на нее).

Старуха, а румянишься...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

А ты не замѣчай... Что замѣчать-то? Если каждому человѣку на его грѣхъ указывать, палець отвалится. Палець-то отвалится, а грѣхъ-то все останется.

АРТАМОНЪ.

Значить, по-твоему, ничего на землѣ дѣлать не надо? Такъ все, какъ есть, и оставайся? А если я видѣть не могу? Я никакого безобразія видѣть не могу...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Настоящее-то безобразіе, милый человѣкъ, прчется, его не увидишь... Это ничего, что я рожу-то свою напачкала, у меня и душа запачкана—оно и подходить. А вотъ у другихъ рожь-то чисто ангельская, а душа-то... у меня, у проклятой сводни, прости, Господи, лучше! Напрасно обидѣлъ...

АРТАМОНЪ.

А вы простите.

(Странно прозвучало въ этомъ домѣ Артамоново навное „простите“. Всѣмъ почему то сдѣлалось неловко и прятно. Ольгѣ Ивановнѣ съ этого момента особенно полюбился Артамонъ)

ПРАСКОВЬЮШКА.

Вамъ не понравилась барышня? Можно другую.

ЛИЗАНЬКА.

(совершенно безобидно).

Я имъ говорила

АРТАМОНЪ.

Никого мнѣ не надо.

ОЛЬГА ИВАНОВНА

(качая головой).

Чумазлайка, ему не надо этого... Развѣ, не видите, что не съ этимъ человѣкъ пріѣхалъ? Онъ мѣста себѣ не найдетъ.

АРТАМОНЪ.

Вотъ именно, именно, старуха!

ПРАСКОВЬЮШКА.

Только и остается вамъ вмѣстѣ Богу молиться.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не кощунствуй... Убирайся, уходи отсюда!

(Прасковьюшка уходитъ)

ЛИЗАНЬКА

(подходя къ Артамону и подавая руку).

До свиданья, господинъ хорошій!

АРТАМОНЪ

(пожимая ей руку).

До свиданья. Вы бы яблочко... Возьмите яблочко.

ЛИЗАНЬКА.

Я получила.

АРТАМОНЪ.

Получите еще. (Подаетъ ей яблоко)

ЛИЗАНЬКА.

Развѣ для подружки... (Идетъ къ двери и останавливается)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что встала?

ЛИЗАНЬКА.

Очень они славные. (Уходит)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ничего дѣвушка... Только испортится... Нельзя не испортиться, — человекъ не властенъ надъ самимъ собой.

АРТАМОНЪ.

Въ томъ-то вся и штука, старуха, что онъ властенъ... Только вотъ человекомъ-то трудно быть... мѣшаютъ... Ему съ малолѣтства, какъ въ руки покойника отходную, расписаніе жизни вручили: это можно, а это нельзя, это полагается, а то ни подъ какимъ видомъ... Вотъ онъ и мается всю жизнь съ этимъ расписаніемъ. Житья нѣтъ человекъ! Никакъ душу подъ расписаніе подладить нельзя!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Насолили тебѣ, я вижу, люди-то... А ты плюнь на нихъ! Пошли ихъ къ лѣшему и живи самъ по себѣ.

АРТАМОНЪ.

Нельзя этого. Раньше я такъ жилъ—знать никого не хотѣлъ, отъ всѣхъ рукъ отбился... И такъ съ мальченокъ... Въ гимназію поступилъ, такъ меня черезъ годъ поперли оттуда: „намъ такихъ не надо“. А теперь вижу,—нельзя такъ жить потому, что все одно къ одному, и моя жизнь—это вся жизнь... Я вотъ недавно это понималъ и смутился очень... умомъ смутился.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не по себѣ тебѣ, парень, вижу, не по себѣ. Замы-

гарили тебя люди... Ты имъ не вѣрь, никому не вѣрь... Я ихъ знаю... Лучше меня никто людей не знаетъ... Они днемъ—на улицахъ, въ магазинахъ, управленіяхъ своихъ—ряженые, всѣ ряженые, а вотъ у меня ночью такіе, какіе есть—настоящіе... Перевидѣла я ихъ за 40 лѣтъ, и какихъ только не перевидѣла—и образованныхъ, и необразованныхъ, и духовныхъ, и военныхъ, и штатскихъ... У меня всѣ бывали—и профессора, и купцы, и священники, и разные тамъ попроще... Такъ вотъ я тебѣ что скажу: днемъ у нихъ у всѣхъ разныя лица, а ночью, у меня здѣсь—одно, и такое, что у собаки лучше... Я собакъ больше людей люблю... Посмотри ступай: у меня въ двухъ комнатахъ 30 собакъ, да 20 кошекъ живетъ... Человѣкъ одинъ—Прасковья, и хуже ихъ всѣхъ...

АРТАМОНЪ.

Такъ не вѣрить? А я вотъ такъ вѣрю, только не не тѣмъ, которые у васъ бываютъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

У меня всякіе бываютъ... И тѣ, которые хорошими кажутся днемъ-то, бываютъ, всякіе бываютъ...

(Молчаніе. Артамонъ выпилъ коньяку и углубился въ самого себя, пристально глядя исподлобья на Ольгу Ивановну)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Тяжело, что-ли, тебѣ? Ты знай Бога, да себя.

АРТАМОНЪ

(глухо и тихо).

Убить мнѣ кого-нибудь хочется.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что?

АРТАМОНЪ (громче).

Убить мнѣ кого-нибудь хочется!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что ты?.. Сумасшедшій человекъ! Да ты православный, что-ли?

АРТАМОНЪ.

Раскольникъ. У меня дѣдъ Сусловскую вѣру основалъ въ губерніи... Говорятъ, много было Суловцевъ, да теперь вымирать стали.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Пьешь ты много... у тебя разумъ-то и мутится.

АРТАМОНЪ.

А можетъ быть, и не мутится... Я, старуха, прозорливый, подкожную жизнь всякаго человекъ вижу.

(Въ передней появляется Осокинъ съ какой-то дѣвушкой. Онъ—въ веселомъ настроеніи, поетъ: „Все это шутки, шутки, шуточки“... И помогаетъ дѣвушкѣ одѣться)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Вотъ товарищъ вашъ... (Тихо, нагнувшись къ нему) Зачѣмъ съ такимъ хороводишься?

АРТАМОНЪ.

Онъ ничего... У него была когда-то амбиція, дворянская честь, а теперь онъ продался купцу... Да еще какому купцу? Мяснику, отцу моему... Домами его управляетъ... Прислуживаетъ...

(Входитъ Осокинъ, продолжая напѣвать. Ольга Ивановна встала и отошла въ сторону)

ОСОКИНЪ

(замѣтивъ на себѣ тупой, тяжелый взглядъ Артамона).

О-о, какъ осовѣлы! Допилъ?

(Вереть бутылку, смотреть и ставить на столъ)

АРТАМОНЪ

(продолжая смотрѣть на него).

И проданъ онъ весь купцу, отцу моему... Отецъ держать его для бахвальства и чванства: у меня, дескать, дворянинъ въ услуженіи находится.

ОСОКИНЪ.

Что ты несешь?

АРТАМОНЪ.

Издѣвается надъ нимъ, платитъ ему 40 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. И онъ знаетъ это и—служить, и пресмыкается, потому что подлащивается въ счетъ будущихъ благъ... Дѣлового человѣка разыгрываетъ... (Его охватываетъ порывъ страшной злобы—онъ схватываетъ бутылку и хочетъ ей ударить Осокина) Ахъ ты, вша!..

(Осокинъ успѣваетъ отвернуться отъ удара)

ОСОКИНЪ.

Что ты, ни съ того, ни съ сего? Какой дьяволъ тебя укусилъ?

АРТАМОНЪ.

Погоди, за деньги пятки скоро будешь щекотать моему отцу, какъ крѣпостныя бабы щекотали господскія пятки. Лягушкой прискачешь, ящерицей приползешь—къ погамъ купца и будешь пресмыкаться, пока не издохнешь... Будешь, будешь, будешь!..

(Наступаетъ на него съ бутылкой въ рукахъ)

ОСОКИНЪ.

Смотри, я полицію призову!

АРТАМОНЪ

(отбрасывая бутылку въ сторону).

Пошелъ вонъ! Видѣть тебя не могу! Противенъ ты мнѣ!

(Идетъ на диванъ и ложится внизъ лицомъ)

ОСОКИНЪ

(уходя въ переднюю).

Дикарь!.. Онъ человѣка убить можетъ.

(Ольга Ивановна, не на шутку перепугавшаяся, шепча молитву, подходитъ къ Артамону и крестить его. Осокинъ, одѣваясь въ передней, продолжаетъ ругаться)

З а н а в ѣ с ѣ .

С. Найденовъ. Стѣны.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляет третій задній дворъ грязнаго столичнаго дома, называемый садомъ. Съ правой и лѣвой стороны огромныя стѣны; въ глубинѣ видна часть пятиэтажнаго дома съ нѣсколькими входными общими крыльцами. Одно изъ нихъ, ведущее во многія квартиры, между прочимъ, ведетъ и въ квартиру Кастьянъ въ нижнемъ этажѣ, окна котораго равняются почти съ землей. Домъ набитъ жильцами дешевыхъ квартиръ. По вѣшному виду видно, кто и какъ тутъ живетъ: на нѣкоторыхъ окнахъ виситъ бѣлье, сушатся подушки, на веревочкахъ мотается провизія и т. п. Посрединѣ дома темныя ворота, онѣ выходятъ на слѣдующій дворъ, гдѣ происходитъ постройка новаго дома, видны лѣса, строительные матеріалы; пѣлыми днями слышна тамъ трудовая жизнь: ругань, стукъ топоровъ, паденіе тяжелыхъ вещей, пѣсни рабочихъ, когда они втаскиваютъ тяжелые предметы. На заднемъ дворѣ, въ садикѣ, сравнительно спокойно. Тутъ растутъ у стѣнъ какіе-то запыленные кусты, посрединѣ чахнутъ три дерева; подъ однимъ изъ нихъ сдѣланы столъ и скамейка, врытые въ землю. Были когда-то клумбы, но теперь остались отъ нихъ жалкія очертанія. Въ углу, на первомъ планѣ хмѣлевая бесѣдка; хмѣль не выросъ, нѣсколько безсильныхъ вѣтокъ его вьются по ржавымъ проволокамъ. Солнце рѣдко проникаетъ на этотъ задній дворъ, и когда иногда и не надолго врываются въ него лучи солнца, то они кажутся необыкновенно блестящими, кричащими. Клочокъ неба замѣтнае по ночамъ, когда на немъ звѣзды.

По поднятіи занавѣса, Копейкинъ сидитъ подъ деревомъ. На немъ осеннее пальто, калоши, въ рукахъ тросточка. Дни его сочтены, чахотка въ послѣднемъ періодѣ. На темно-земляномъ лицѣ его съ плохой растительностью, выдѣляются глаза подъ густыми бровями, тяжелые, злые глаза.

На дворѣ сумрачно. Неподвижный Копейкинъ производитъ впечатлѣніе спящаго человека. Пауза. Лучъ солнца яркимъ снопомъ откуда-то изъ-за стѣны вливается въ садикъ. Копейкинъ встрепенулся, ожилъ, съ умиленіемъ глядитъ на солнечное пятно, образовавшееся на землѣ. Въ одномъ изъ оконъ дома появляется голова Тани.

ТАНЯ

(въ окнѣ).

Папа, солнце! Иди на солнце!

КОПЕЙКИНЪ

(отъ радости потирая руки).

Да, да... солнышко... Я сейчасъ... (Идетъ къ тому мѣсту, гдѣ легло солнечное пятно) Стульчикъ... стульчикъ принеси.

(Таня скрывается и черезъ нѣкоторое время появляется на дворѣ со стуломъ. Она—дѣвочка лѣтъ 14-15, худенькая, болѣзненная, совсѣмъ еще подростокъ, хромоножка. Носитъ синія очки съ черной сѣткой)

ТАНЯ

(смотря на небо).

Кажется, прячется...

(Солнце исчезаетъ)

КОПЕЙКИНЪ.

Ну, ничего, ничего... Поставь стулъ... Оно опять выглянетъ... (Садится на стулъ и киваетъ головой въ сторону передняго двора) Вотъ шумять больно... цѣлый день тукъ-тукъ-тукъ... пыль летитъ, известка... Строять гроба живымъ... Имъ только бы ампоше, въ карманъ себѣ... Что имъ люди? Пустьдохнуть...

ТАНЯ (грустно).

Пойдемъ въ комнаты...

КОПЕЙКИНЪ.

Мать сердится?

ТАНЯ.

Ну, ее!.. Чѣмъ я виновата, что она родила меня хромой? Злится, сама не зная, на что...

КОПЕЙКИНЪ.

Злучкой стала. Не смѣй съ матерью ссориться! Слышишь?—Не смѣй!.. Испортилась ты... Поправлюсь, опять съ тобой заниматься начну... За скрипку примемся... нѣмецкій языкъ...

(Пауза. Таня смотрит задумчиво на небо)

ТАНЯ.

Не выглядеть солнышко... Пойдемъ домой...

КОПЕЙКИНЪ

(вспоминая свою родину).

Въ Таганрогѣ круглый годъ солнце, и зимой солнце... Уѣхать бы туда, и хорошо было-бы, не захвораль-бы я тамъ...

ТАНЯ.

Молчи ужь! Не уѣхалъ, такъ что говорить...

КОПЕЙКИНЪ.

75 рублей въ Таганрогѣ на улицѣ не валяются... Ты, что-ли, мнѣ давала-бы ихъ? Глухая... Пятнадцать лѣтъ, а глухая...

ТАНЯ.

Ты ихъ все равно сейчасъ не получаешь,—болень...

КОПЕЙКИНЪ (раздражаясь).

На метлѣ поѣдемъ... Вонъ тамъ у воротъ, у дворника, метла стоитъ, сядемъ съ тобой, да и поѣдемъ... Тащи метлу!

ТАНЯ

(что-то раздумывая, про себя).

И все сердишься... всѣ здѣсь только сердятся... винять другъ друга... А виноватъ тотъ, кто всю эту жизнь сдѣлалъ... (Подумавъ) Выходить, Богъ, папочка, виноватъ.

(Робко заглядываетъ солнцу)

КОПЕЙКИНЪ.

Солнышко... опять оно... (Двигается вѣстѣ со стуломъ какъ будто-бы ближе къ солнцу) Хорошо... Грѣть... грѣть. (Съ дѣтскимъ довольствомъ) Такъ... такъ... вотъ это такъ... Мнѣ только-бы солнце, больше ничего не надо... (Послѣ небольшой паузы) Теперь въ Таганрогъ тепло, какъ лѣтомъ... купаться скоро начнутъ...

(Въ квартирѣ Кастьяновыхъ распаивается окно, и на подоконникѣ появляется Елена. Почему-то кажется,—некстати и неожиданно громко раздастся на дворѣ ея веселый, жизнерадостный голосъ.

Елена—маленькая, съ птичьей, миловидной фязіономіей, какая-то вся остренькая, похожая на мальчишку, съ длинной косой, дѣвушка лѣтъ 20—21. Сильно, всѣмъ своимъ существомъ реагируетъ на каждое явленіе жизни)

ЕЛЕНА.

Здравствуйте, Федоръ Федоровичъ!

КОПЕЙКИНЪ

(радуясь, что видитъ ее).

Какъ живемъ? Работаемъ?

ЕЛЕНА.

Во всю... И днемъ, и ночью...

ТАНЯ

(наклоняясь къ уху отца).

Мама не велитъ разговаривать съ нею...

ЕЛЕНА.

Что? Что вы сказали? Повторите, Таня! (Послѣ небольшой паузы, укоризненно) Я слышала, что вы сказали: мама не велитъ разговаривать со мною?

ТАНЯ (горячо).

Да.—Вы папу погубили... Если бы не вы, онъ не бастовалъ бы, служилъ бы до сихъ поръ. (Сдерживая слезы) Мама говорить...

КОПЕЙКИНЪ.

Молчи, скверная дѣвчонка!..

ЕЛЕНА.

Вашъ папа боленъ, онъ не могъ служить...

ТАНЯ

(убѣгая домой).

Я мамѣ скажу, что ты разговариваешь.

ЕЛЕНА.

Таня, это нехорошо...

ТАНЯ

(дразня ее).

А я вотъ скажу, скажу...

ЕЛЕНА.

Я сейчасъ съ вами поговорю, не уходите домой...

(Выпрыгиваетъ изъ окна въ садъ. Таня убѣгаетъ)

ЕЛЕНА.

Ушла...

КОПЕЙКИНЪ

Злючка стала... Испортила мать... Глядѣть мнѣ на нее больно...

(Пауза. Елена ходитъ по садку и думаетъ)

ЕЛЕНА.

Права она? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ я немного виновата?

КОПЕЙКИНЪ.

Ну, вотъ вадорь! Я самъ себѣ господинъ... Вотъ, погодите, поправлюсь, я еще покажу себя... Я еще поработаю... За пятьдесятъ цѣлковыхъ выворачивать свою душу больше не буду... Нѣтъ-съ, дудочки! Только бы поправиться,—я въ газетахъ начну работать... У меня есть кой-какія мысленки... Не помажу по губамъ, ужъ могу сказать, не помажу...

ЕЛЕНА

(съ сожалѣніемъ смотря на него).

А, можетъ быть, если бы вы не увлекались... Впрочемъ, что значать наши маленькія жертвы, наши маленькія жизни? Намъ не хорошо, будетъ другимъ лучше (Желая сказать ему что-нибудь пріятное) Ничего, не робѣйте,—жизнь впереди.

КОПЕЙКИНЪ.

Мнѣ только поправиться-бы, я-бы... То-есть такъ, знаете, накипѣло, такъ накипѣло... (Показывая на сердце) Кажется, горло перерѣзаль-бы... Только къ газетѣ какой-нибудь пристроиться-бы,—не чернилами, кровью писалъ-бы, кровью...

(Входятъ Копейкина и Таня. Онъ собрался въ ссудную кассу; въ рукахъ у Копейкиной большой узелъ съ разнымъ тряпьемъ. На головѣ Тани уродливая, съ крупными цвѣтами, шляпка матери. Она въ ней кажется смѣшной и жалкой.)

Копейкина—тумбообразная женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, искалѣченная, немученная жизнью, сварливая, злая. Опустившіеся углы губъ придаютъ особенно ослобленное выраженіе ея лицу. Лѣзетъ изъ кожи, не смотря на всю свою бѣдность, чтобы одѣться, какъ барыня,—получается нѣчто нелѣпое и жалкое)

КОПЕЙКИНА

(подойдя къ мужу и дергая его за рукавъ).

Иди! Въ квартирѣ никого нѣтъ... Мы уходимъ...

КОПЕЙКИНЪ.

Куда?

КОПЕЙКИНА.

Въ ссудную кассу... (Обращаясь къ Еленѣ) Последнія лохмотья несемъ, и все по вашей милости... Во всякомъ случаѣ, я издѣваться надъ собой не позволю... Какіе мы ни-на-есть, а все-таки люди.

ЕЛЕНА.

Кто-же надъ вами издѣвается?

КОПЕЙКИНА.

Не слѣпые... Видимъ... Я все вижу! Погубили моего мужа, погубили... Всегда, всѣмъ буду это говорить!

КОПЕЙКИНЪ.

Тише, мамаша, тише!

КОПЕЙКИНА

(начинаетъ кричать).

Кого мнѣ стѣсняться? Кого я боюсь? Я правду всегда всѣмъ скажу, хоть на улицѣ, при всѣхъ... Погубили тебя, погубили!

ЕЛЕНА.

Это ложь!

КОПЕЙКИНА.

А-а, правда глаза колетъ! А я правду больше всего люблю, черезъ нее и погибаю... У меня золотой медали нѣтъ, я гимназію не кончила, а все же я не хуже другихъ и не позволю, не позволю надъ собой смѣяться!..

(Услышавъ крикъ Копейкиной, въ нѣкоторыхъ окнахъ дома появляются жильцы. Она замѣчаетъ ихъ и, чувствуя ихъ сочувствіе къ себѣ, воодушевляется. Злоба настолько овладѣваетъ ею, что она уже не сознаетъ, что говорить)

ЕЛЕНА.

Никто надъ вами не смѣется...

КОПЕЙКИНА

(обращаясь то къ жильцамъ въ окнахъ, то къ Еленѣ).

Всѣ на дворѣ знаютъ, что вы съ моей жизнью сдѣлали! Покуда васъ здѣсь не было, развѣ мы такъ жили? Онъ работалъ. У насъ въ сохранной кассѣ триста рублей было... Всѣ это знаютъ... Приѣхали, познакомился онъ съ вами и сталъ пропадать изъ дома... Цѣлыя ночи у васъ сидѣлъ, мудрости набирался...

ЕЛЕНА.

Время его сдѣлало другимъ, не я...

КОПЕЙКИНА.

Время! Скажите, пожалуйста, онъ никогда не получалъ этой газеты...

ЕЛЕНА.

Вы не поняли...

КОПЕЙКИНА.

Какъ-же? Куда ужъ намъ понять! А все-же мы почестнѣе васъ,—насъ изъ городовъ не выгоняли, мы людямъ жить не мѣшали, съ обысками къ намъ полиція не ходитъ... Вашъ папенька...

ЕЛЕНА.

Не смѣйте трогать моего отца!

КОПЕЙКИНА.

Не нравится?.. А вотъ вы меня не только потрогали, а все сердце мое разорвали, всю жизнь мою разбили...

ЕЛЕНА.

Это вамъ все представляется, вы отъ горя одурѣли. Мнѣ васъ очень жаль...

КОПЕЙКИНА.

Мнѣ жалости вашей не надо... Я хлѣба на нее не куплю... Плевать мнѣ на вашу жалость!.. (Обращаясь къ Танѣ) Покажи ей языкъ, покажи!

(Таня показываетъ языкъ. Жильцы смѣются)

КОПЕЙКИНЪ

(сильно волнуясь и сдерживая себя).

Мамаша, мамаша!

(Изъ воротъ, возвращаясь съ прогулки, съ зонти-

комъ и коробкой конфетъ въ рукахъ, входитъ Кастьяновъ.

Онъ—драхлый, нервный, болѣзненный старикъ. Постоянно курить или свертываетъ папирсы и ѣсть конфеты. Жизнь приучила его больше молчать, и онъ глубоко переживаетъ все въ самомъ себѣ, сохраняя вѣдшую холодность. Только чужкая Елена чувствуетъ, что дѣлается въ стариковской душѣ. Это когда-то, въ юности, была широкая, горячая натура, которой все-таки хватило ненадолго)

КАСТЬЯНОВЪ.

Что такое? Что такое тутъ, Леночка?

ЕЛЕНА

(подбѣгая къ нему, въ нервной лихорадкѣ).

Папа, папа! Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Эта женщина... эта женщина...

КОПЕЙКИНА.

Что эта женщина? Эта женщина говоритъ правду. (Обращаясь къ Кастьянову) Воспитали дочку... сумѣли... И отдають... отдають такимъ учить... (Обращаясь къ жильцамъ) Отдають такіе дураки, какъ мы... А они вотъ, вотъ чему учать... (Показываетъ на мужа)

КАСТЬЯНОВЪ.

Въ чемъ дѣло?

ЕЛЕНА.

Она говоритъ, что мы погубили ея мужа!..

КОПЕЙКИНА.

Я говорю и всегда буду! Не вы,—онъ служилъ бы, не бастовалъ бы, и никакихъ у него глупостей въ го-

ловѣ не было бы... А теперь изъ-за нихъ онъ вотъ до чего себя довелъ!

КАСТЬЯНОВЪ.

Я все-таки не понимаю...

КОПЕЙКИНА.

До старости дожили, а не понимаете... Вамъ въ церковь надо ходить, Богу молиться, а вы людей смущаете, дочкѣ потакаете...

КОПЕЙКИНЪ

(въ вступленіи).

Замолчи!.. Замолчи, мать! Я... я... только и жизнь узналъ, когда съ нимъ познакомился. Я вспомнилъ, что я человѣкъ... Измытарилъ ты меня... Люди били, а ты прибавляла... И всю жизнь такъ, всю жизнь... Но теперь довольно... довольно! Я выросъ! Это ты врешь, что я погибъ: профессора лучше тебя знаютъ... Я еще покажу себя! Я не погибъ... Я выросъ! Понимаешь? Выросъ!..

(Наступаетъ на жену. Жильцы смѣются)

ТАВЯ.

Папа... (Обращаясь къ матери, топя ножками, со сжатыми кулачками) Не смѣй папу обижать! Онъ боленъ... онъ умиретъ!

КОПЕЙКИНА

(хватая ее за руку).

Пойдемъ... Я у васъ въ долгу не останусь. Припомните вы меня! Припомните...

(Уходитъ съ дочерью въ ворота. У Копейкина прошла вспышка; онъ упалъ духомъ, размякъ, лицо искажали складки страданія, и слезы полились изъ глазъ)

КОПЕЙКИНЪ

(жалуясь, какъ ребенокъ).

Если я не поправлюсь, кому я нуженъ такой? Зачѣмъ я такой жить буду? Всѣмъ въ тягость... И никто мнѣ не скажетъ правды: умру я, или нѣтъ?...

ЕЛЕНА

(обращаясь къ отцу).

Папа, что съ тобой? Ты весь поблѣднѣлъ. (Вереть его подъ руку) Пойдемъ! Тебѣ надо въ кровать.

КАСТЬЯНОВЪ.

Ничего... пустяки... Ничего, Леночка.

ЕЛЕНА.

Я знаю, это ничего... (Уходя съ отцомъ домой) Я сейчасъ, Федоръ Федоровичъ!

(Пауза. Копейкинъ садится на стулъ и задумывается. Жильцы изъ оконъ скрываются)

КОПЕЙКИНЪ.

Никто не скажетъ... никто...

(Возвращается Елена. Смеркается. На заднемъ дворѣ прекращается трудовой день)

ЕЛЕНА.

Вамъ тоже надо домой... Становится холодно,—еще не лѣто...

КОПЕЙКИНЪ.

Да, холодновато...

ЕЛЕНА.

Идите... Лягте въ кровать и ни о чемъ не думайте...

КОПЕЙКИНЪ.

Сейчасъ. (Пауза) Скажите мнѣ только правду: умру я, или нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Я вѣрю докторамъ... Вѣдь вамъ сказали, что у васъ хорошее сердце, что оно еще поборется...

КОПЕЙКИНЪ.

У меня сердце хорошее. Всѣ доктора сказали...

ЕЛЕНА.

Ну, вотъ, видите! Главное, сердце.

КОПЕЙКИНЪ (оживленно).

Съ моимъ сердцемъ еще можно, значить, поскрипѣть... поработать... Мнѣ только дѣвчурку на ноги поставить бы.

ЕЛЕНА.

Не надо простужаться, идите домой...

КОПЕЙКИНЪ.

Простужаться не надо... (Идетъ домой) Я поправлюсь. Спасибо сердцу... Сердце у меня здоровое... хорошее сердце...

(Уходитъ Елена, проводя Копейкина до крыльца, садится на скамейку, устала. Марья Герасимовна появляется въ окнѣ своей квартиры; она встревожена больше, чѣмъ обыкновенно. Въ послѣднее время ей какъ-то особенно неспокойно живется, все кажется, вотъ-вотъ случится что-нибудь, одолеваетъ непонятный страхъ передъ жизнью, и ходить она стала робко, несмѣло и говорить тише, все осматриваясь по сторонамъ. Въ ней до сихъ поръ еще сидитъ институтка, и манеры, ужимки у нея институтскія, такъ и кажется, что сейчасъ она сдѣлаетъ реверансъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

изъ окна, таинственно и робко).

Леночка! А, Леночка! Что здѣсь такое случилось? Я спала, ничего не слыхала. Ты не слышишь, что ли? Поди сюда!

ЕЛЕНА.

Ничего не случилось, не бойтесь.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Поди сюда!

ЕЛЕНА.

Отстаньте, мама!

(Марья Герасимовна, закрываетъ окно и скоро выходитъ въ садикъ. Съ каждой минутой страхъ овладѣваетъ ею все больше и больше. Прежде чѣмъ начать говорить, она присматривается къ открытымъ окнамъ дома)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Никого нѣтъ. Мнѣ кажется, что и камни, и стѣны подслушиваютъ. (Еще тише) Что такое? Отецъ ни слова не говоритъ, ты тоже... Я вижу, что-то такое здѣсь было..

ЕЛЕНА.

Ничего, мама... Я сказала, ничего. Ты всего стала бояться,—какъ будто бы сейчасъ изъ кустовъ выско-
чить кварталный и потащить тебя въ полицію...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Какъ чужая вамъ... Секреты у васъ все съ отцомъ стали... Цѣлую жизнь я ему прыть охлаждала, а онъ подъ старость лѣтъ опять студентомъ становится... Изъ гимназіи прогнали, въ отставку велѣли подать...

Стыдь-то какой! Вотъ пенсіи не получить, такъ будетъ знать.

ЕЛЕНА.

А я горжусь.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Тише... Чѣмъ гордиться-то?

ЕЛЕНА.

Отцомъ горжусь... Вы стыдитесь, а я горжусь... Ихъ только двое во всей гимназіи противъ всѣхъ пошли...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Ну, ладно, ладно... Что здѣсь-то было?

ЕЛЕНА.

Ничего не скажу. Папа хорошей... Онъ могъ бы многое сдѣлать. Вы ему только мѣшали, только хотѣли, чтобы онъ былъ чиновникомъ, смиреннымъ и послушнымъ.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

Не тебѣ судить насъ. Я его цѣлую жизнь любила и только добра ему хотѣла...

ЕЛЕНА

(сожалѣя, что обидѣла мать).

Простите... Вы слишкомъ, слишкомъ меня любите... Въ этомъ мое несчастіе. Я, кажется, опять васъ обижаю? Не будемъ разговаривать.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Отець-то очень разстроился,—курить, не выпуская изъ рта папиросу, и все затягивается... Всегда онъ такъ, когда разстроится чѣмъ-нибудь... Пойду къ нему,—какъ бы чего съ нимъ не сдѣлалось... (Земѣтивъ у воротъ Артамона) Артамоша!

ЕЛЕНА.

Гдѣ?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Вонъ онъ...

(Елена подбѣгаетъ къ Артамону и отступаетъ, пораженная его видомъ. Онъ не спалъ нѣсколько ночей, грязенъ, растрепанъ)

ЕЛЕНА.

Что съ тобой? Гдѣ былъ?

АРТАМОНЪ
опуская голову).

Не спрашивай...

ЕЛЕНА.

Опять? А слово? Гдѣ твое слово?

АРТАМОНЪ.

Мнѣ стыдно тебѣ въ глаза глядѣть... Не спрашивай
ничего...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Да что съ тобой случилось? Весь ты въ грязи!..
Подъ заборомъ, что ли, валялся?.. Ахъ, Артамоша!
Пойдемъ, умойся, приведи себя въ порядокъ.

ЕЛЕНА.

Тебѣ ванну надо сдѣлать, пойдемъ въ квартиру.
(Идутъ къ крыльцу)

АРТАМОНЪ.

Безъ нея можно... (Останавливается въ раздумьѣ у крыльца)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не разговаривай... Сейчасъ прикажу нагрѣть воды.
(Уходить)

АРТАМОНЪ.

Отецъ искалъ?

ЕЛЕНА.

Справлялся, раза три присылалъ.

АРТАМОНЪ.

Не забылъ еще... Ну, да скоро позабудеть...

ЕЛЕНА.

Что же всталъ? Идемъ...

АРТАМОНЪ.

Не пойду я къ вамъ... Когда я былъ тамъ...—я все по дурнымъ мѣстамъ ходилъ, Елена, тамъ мнѣ легче... — когда я былъ тамъ, я думалъ: есть на свѣтѣ уголокъ, я приду въ него, и мнѣ будетъ хорошо... Пришелъ, и назадъ уйти хочется... Чужой я здѣсь...

ЕЛЕНА.

Не пушу... И папа, и мама, и я — мы всѣ тебя любимъ.

АРТАМОНЪ.

Меня одна старуха тоже полюбила... Я вотъ къ ней пойду... Она страданія человѣка понимаетъ...

ЕЛЕНА.

А я развѣ не понимаю?..

АРТАМОНЪ.

Ты какъ-то по другому... Ты за тѣхъ, которые потомъ будутъ, а глубину настоящей скорби ты не замѣчаешь. Старуха замѣчаетъ и правду жизни видитъ, а ты слѣпая...

ЕЛЕНА.

Какая тамъ старуха?.. Пойдемъ... Потомъ будемъ говорить. (Артамонъ упирается) Не ломайся! Идемъ!

АРТАМОНЪ.

Ладно. Только я, можетъ быть, уйду... Ты не удерживай... (Уходить)

Картина вторая. Занавѣсъ не спускается. По степенно становится темнѣе и темнѣе... Наступаетъ ночь... Клочокъ неба надъ стѣнами заткался звѣздами... Изъ дома и въ домъ прошли нѣсколько жильцовъ. Теперь, когда смолкла строительная работа на переднемъ дворѣ, въ садикѣ слышнѣе городская жизнь — шумъ колесъ, свистъ паровозовъ и неуяснимый гулъ... Гдѣ-то на башнѣ пробили часы.

Изъ воротъ, робко озираясь, входитъ Матреша, стройная, хорошо сложенная, точно точеная дѣвушка, съ прирожденными пластичными манерами и изящно-красивымъ личикомъ; только по костюму, да по тону рѣчи можно догадаться, что это горничная или модистка. Матреша — бѣлошвейка.

Войдя въ садикъ, она заглядываетъ въ окна квартиры Кастьяновыхъ. Квартира освѣщается. Матреша, увидавъ въ комнатахъ Елену, робко стучитъ по окну. Елена отворяетъ окно.

ЕЛЕНА.

Кто это?

МАТРЕША (робко).

Я... Простите... (Смущенно) Здравствуйте! (Подаетъ руку) Не приходилъ Артамонъ?

ЕЛЕНА.

Пришелъ только сейчасъ... Здоровъ и живъ.

МАТРЕША

Славу Богу, слава Богу...

ЕЛЕНА.

Идите къ намъ!

МАТРЕША.

Онъ не любитъ, когда я вхожу къ вамъ, да притомъ же Марья Герасимовна...

ЕЛЕНА.

Мама ничего...

МАТРЕША.

Она ничего, только такъ смотреть, что неловко дѣлается... На прошлой недѣлѣ замѣчаніе сдѣлала,—сказала: людямъ полагается жить въ законныхъ бракахъ...

ЕЛЕНА.

Я скажу мамѣ, чтобы она не смѣла вамъ замѣчаній дѣлать... Идите!

МАТРЕША.

Лучше пошлите его сюда, скажите: только на два слова...

ЕЛЕНА.

Славная вы! Если бы я могла на васъ жениться, я женилась бы и всю вашу жизнь устроила бы... Слушайте... сядьте сюда... (Показываетъ на подоконникъ и садится сама. Матреша тоже садится. Елена говоритъ тише)

ЕЛЕНА.

Я съ нимъ говорила, совѣтовала на васъ жениться. Онъ очень боится, не надѣется на себя, но все-таки не прочь, если ужъ это нужно, необходимо.

МАТРЕША.

Неужели? Не можете быть... Вы шутите?.. По ихъ убѣжденію, это глупости...

ЕЛЕНА.

Такъ-то такъ, но на свѣтѣ, Матреша, много глупостей, которыя мы принуждены пока дѣлать... Измѣнится жизнь, и не будемъ дѣлать мы глупостей...

МАТРЕША.

Понятно... Только очень тяжело съ ребенкомъ,—на квартиру хозяйки не пускаютъ...

(Пауза. Обѣ задумались)

ЕЛЕНА.

Я его сейчасъ пошлю... Поговорите съ нимъ...

(Отходитъ отъ окна. Матреша, наполненная радостью и боязнью, подойдя къ крыльцу, ждетъ Артамона; когда онъ выходитъ, она бросается къ нему на шею, обнимаетъ и цѣлуетъ)

АРТАМОНЪ

(совершенно равнодушно отстраняя ее рукой).

Неловко здѣсь,—народъ.

МАТРЕША.

Не радъ? (Отошла отъ него на шагъ и замолчала. Молчитъ и онъ) Пропадалъ сколько дней... Я мѣста себѣ не находила... вился, встрѣтились, и такъ обходишься...

АРТАМОНЪ.

Не цѣловаться-же намъ съ тобой здѣсь? Чудачка...

МАТРЕША.

Я не прошу, чтобы ты цѣловался... А неужели нельзя поласковѣе? Я такъ о тебѣ забочусь...

АРТАМОНЪ.

Все это я знаю и благодаренъ тебѣ... Только объ этомъ нечего говорить...

(Садится на ступеньку крыльца и свистить. Пауза.
Матреша садится рядомъ)

МАТРЕША.

Сегодня я тебя во снѣ видѣла... Будто-бы ты идешь по полю, а Колюшка за тобой удочки несетъ... На полѣ цвѣтовъ много и разные, разные... (Пауза) О чемъ я ни заговорю, ты все молчишь... Какъ будто тебя не касается все мое... Двѣ разные жизни...

АРТАМОНЪ.

Пустяки...

МАТРЕША.

Нѣтъ, не пустяки... Ты своей жизнью живешь, а я—твоей, потомъ Колюшкиной, а ужъ затѣмъ своей... И хуже всѣхъ мнѣ! Вѣдь вотъ опять приходится комнаты искать... Какое это мученіе! Не пускаютъ съ ребенкомъ, да еще съ такимъ, незаконнорожденнымъ...

АРТАМОНЪ.

Сволочи! Дрянъ люди, Матреша! — Мнѣ одна старуха ихъ, какъ на ладони, показала... Да я и безъ нея зналъ...

МАТРЕША.

Елена Егоровна славная...

АРТАМОНЪ.

Она не въ счетъ... Ей представляется, что она завтра утромъ проснется, посмотритъ въ окно—и увидитъ царствіе Божіе на землѣ... А городъ, съ его вонючими домами, улицами, провалится въ тартарары... Это такъ, моментально... Смѣшная...

(Матреша отодвигается отъ него и задумывается. Пауза)

МАТРЕША.

Каждый разъ, когда ты объ ней говоришь, дѣлаешься пріятнымъ, такимъ, какимъ былъ раньше... Похожъ на того, что въ Лѣтнемъ саду присталъ ко мнѣ... Присталъ и не отсталъ. На горе себѣ ты связалъ меня съ собой... Скажи: вѣдь ты такъ, такъ думаешь?

АРТАМОНЪ.

Вадоръ... старая пѣсня... Все ты объ одномъ толкуешь...

(Пауза. Матреша пересаживается ближе къ нему и робко кладетъ голову на его грудь)

МАТРЕША.

Артамонъ, люби меня...

АРТАМОНЪ.

Да вѣдь я-же люблю... Я не подлець, я никогда не брошу тебя... Только мнѣ странно: міръ огромный, и идетъ въ немъ ерунда страшная,—ужась беречь, а тебѣ все равно... И ничего ты не хочешь...

МАТРЕША.

Мнѣ любви твоей надо... Вотъ я тебѣ говорю о квартирѣ, что нигдѣ съ ребенкомъ не пускаютъ, а ты не обращаешь вниманія...

АРТАМОНЪ.

Все это я, братъ, понимаю... отлично представляю... И если ужъ такъ тебѣ необходимо становится, я же-нюсь, и тогда... тогда тебѣ, понятнo, будетъ лучше...

МАТРЕША.

Еще-бы, еще-бы! Вездѣ жить можно будетъ, люди не будутъ пренебрегать... Я вѣдь не хуже ихъ... Ты не бойся меня и ничего не бойся... Подумай, разсуди: вѣдь все останется по-прежнему, только мнѣ и Колюшѣ будетъ лучше... Люди не будутъ смѣть къ намъ дурно относиться.

АРТАМОНЪ.

Что у него животь болитъ еще?

МАТРЕША.

Давно прошелъ... Я ему гофманскихъ капель на сахарѣ дала. Два раза сказалъ сегодня: папа... А ты вотъ три дня не былъ...

АРТАМОНЪ.

Завтра приду... Потолкуемъ...

МАТРЕША.

Какъ было бы хорошо... Какъ было бы хорошо! (Встаетъ) Надо домой идти... Я на минутку... Кухарка за Колюшей хотѣла посмотреѣть, пока я бѣгаю...

(Изъ воровъ появляются—Осокинъ, Копейкина и Таня; остановились въ воротахъ и о чемъ-то говорятъ)

АРТАМОНЪ.

Иди, иди... Народъ тутъ... Слышишь, разговоръ?

МАТРЕША

(цѣлуя его).

Прощай... Когда придешь? Въ шесть? Въ шесть?

АРТАМОНЪ.

Ну, въ шесть, семь, восемь...

МАТРЕША.

Нѣтъ, въ шесть, обязательно въ шесть... Прощай
(Опять цѣлуется) Я рубашку Колюшѣ сшила—голубенькую
съ бѣлыми мушками. Да это тебѣ неинтересно... Прощай.

(Проскальзываетъ въ ворота, стараясь быть неза-
мѣченной Копейкиной и Осокинымъ. Арта-
монъ уходитъ въ квартиру Кастьяновыхъ)

КОПЕЙКИНА

(выйдя изъ-подъ воротъ).

Видѣли? Видѣли, сейчасъ проскользнула?

ОСОКИНЪ.

Нѣтъ. Кто проскользнулъ?

КОПЕЙКИНА.

Матрешка... Каждый день она къ намъ бѣгаетъ...
Женять они Артамона на ней... Вотъ увидите, у меня
нохъ есть...

ОСОКИНЪ.

Вы, того... Вы насчетъ этого чуть что услышите, ко
мгѣ сейчасъ же,—этого допускать нельзя... Только и
стоитъ прогнать ихъ съ квартиры, да контрактъ свя-
зываетъ...

КОПЕЙКИНА

(подсматривая въ окно).

Посмотрите... Чай собираются пить... Тоже, какъ люди

хорошіе, проклятыя, живутъ,—на столѣ и сырѣ, и масло...
 Даетъ же Господь людямъ! (Увидѣвъ Артамона) Арта-
 монъ! Артамонъ вошелъ...

ОСОКИНЪ.

Возвратился... Что онъ дѣлаетъ у нихъ? Интересно...
 (Подсматриваетъ въ окно) Изволите ли видѣть? Съ книгой...
 Литературой занимается... Вотъ дуракъ! То пьетъ, то
 читаетъ...

КОПЕЙКИНА.

Погибаетъ... Ужъ вы, пожалуйста, господинъ Осо-
 кинъ, насчетъ квартиры...

ОСОКИНЪ.

Ладно, ладно... Не разговаривайте, услышать...

КОПЕЙКИНА.

Пожалуйста... Позвольте пожать вашу руку... вы та-
 кой пріятный человекъ...

ОСОКИНЪ

(продолжая подсматривать).

Пожмите. (Подаетъ ей руку)

КОПЕЙКИНА

(обращаясь къ Танѣ).

Пойдемъ!

(Пауза. Осокинъ продолжаетъ свои наблюдения
 и вдругъ отскакиваетъ отъ окна, какъ мячикъ.
 Тигровыми прыжками подбѣгаетъ къ стѣнѣ и,
 какъ тать, пробирается въ хмѣлевую бесѣдку.
 Елена распахиваетъ окно и выпрыгиваетъ въ
 садъ)

ЕЛЕНА (выпрыгивая).

Артамонъ, за мной! Дышать свѣжимъ воздухомъ!

АРТАМОНЪ

(показывается въ окнѣ).

Я черезъ дверь...

ЕЛЕНА.

Вылѣзайте въ окно... тюлень!..

(Артамонъ вылѣзаетъ. Елена схватываетъ его за руку, закидываетъ голову назадъ и смотритъ на небо)

ЕЛЕНА.

Смотрите на небо...

АРТАМОНЪ.

Сколько звѣздъ!..

ЕЛЕНА.

А намъ изъ нашего колодца видно только клочокъ неба...

(Пауза)

ЕЛЕНА.

Вы знаете названія звѣздъ?

АРТАМОНЪ.

Нѣтъ, кромѣ „Большой Медвѣдицы“, ничего...

ЕЛЕНА.

Давайте искать „Большую Медвѣдицу“ ... (Переходитъ на другое мѣсто) Не видите?

АРТАМОНЪ.

Нѣтъ. Она вѣдь ковшомъ, а тутъ мѣста мало...

ЕЛЕНА.

А я вижу, вижу... вижу!

АРТАМОНЪ.

Гдѣ?

ЕЛЕНА (показывая).

Вонъ, надъ трубой... Видите? Видите, изгибается?

АРТАМОНЪ.

Нѣтъ.

ЕЛЕНА.

Надъ трубой... надъ трубой...

АРТАМОНЪ.

Ну, ее къ чорту! Шея заболѣла...

(Садится на скамейку. Елена все смотритъ на звѣзды)

АРТАМОНЪ.

Вы меня не узнаете... Ей-Богу, не узнаете... Совсѣмъ другимъ буду... Мнѣ жизнь представляется такой... (Подумавъ) Вотъ мы живемъ, и нѣтъ у насъ ни родины, ни городовъ, ни домовъ,—ничего нѣтъ, что жить мѣшаетъ... И ничего мы этого не хотимъ, а хотимъ мы и дѣлаемъ новую родину, распахиваемъ поля, работаемъ и поемъ пѣсни... Обязательно пѣсни... Подъ пѣсни строимъ новый домъ, большой, огромный для всѣхъ домъ, съ зеркальными окнами... И крыша тому дому небо... Только небо... Отецъ на старомъ мѣстѣ громоздить пятиэтажный... Не построить... То-есть, онъ построить, да... (Задумывается)

ЕЛЕНА

(подходя къ нему).

Вы что-то говорили? Я не слышала...

АРТАМОНЪ.

Я не говорилъ, я пѣлъ...

ЕЛЕНА.

Пѣли?..

АРТАМОНЪ.

Это бываетъ... Вотъ мнѣ вы говорили сейчасъ въ комнатѣ о разныхъ книжныхъ мудростяхъ, а мнѣ показалось, что вы говорите о чемъ-то другомъ, о чемъ-то хорошемъ,—о Богѣ или небѣ, вотъ объ этомъ, что надъ нами... А мудрости эти всѣ тутъ не причемъ...

ЕЛЕНА.

Вы не поняли... Давайте сидѣть здѣсь до зари...

АРТАМОНЪ.

Давайте... Съ большой охотой...

(Пауза)

ЕЛЕНА.

Какъ-то разъ, когда мнѣ было лѣтъ семнадцать, я попала за городъ... Былъ вечеръ... Закатывалось солнце... И мной овладѣло такое настроеніе, что я встала на колѣни и поцѣловала землю... И это искренно, безъ всякой комедіи... Со мной никого не было...

АРТАМОНЪ.

Мнѣ хочется это сейчасъ сдѣлать...

(Молчаніе)

Занавѣсъ.

С. Найденовъ. Стѣны.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ квартирѣ Кастьяновыхъ. Три двери: одна, въ глубинѣ, выходитъ въ переднюю и расположена противъ парадной входной двери, двѣ другихъ находятся съ лѣвой стороны и ведутъ въ комнату Елены и въ комнату старика Кастьянова.

Обстановка разнохарактерная: золоченая мебель и простыя кухонныя табуретки. У одной изъ стѣнъ—рваный турецкій диванъ; недалеко отъ него старинныя часы тумбой. Посрединѣ — обѣденный столъ; надъ нимъ лампа. Рояль. Большой книжный шкафъ; на немъ стоитъ глобусъ. Буфета нѣтъ—развалился; посуда поставлена на отдѣльномъ столѣ и покрыта скатертью. Драпировки на окнахъ и дверяхъ разноцвѣтныя, дырявыя. На стѣнахъ портреты писателей 60-хъ годовъ и географическія карты. На полу—подобіе ковровъ

Каждая вещь въ комнатѣ говоритъ о разрушающейся жизни.

Утро. На столѣ кипящій самоваръ и посуда. Самоваръ уныло поетъ. Старикъ Кастьяновъ, въ старомъ халатѣ и туфляхъ, бродитъ по комнатѣ, останавливается иногда передъ окномъ и смотритъ на улицу. Онъ не спалъ ночь, пожелтѣлъ, осунулся; повидимому, переживаетъ что-то мучительное, тяжелое. Жадно куритъ и, докуривъ одну папиросу, торопливо свертываетъ другую.

КАСТЬЯНОВЪ

(обращаясь къ самовару).

Поешь? Выпроваживаешь? Не умираю еще... поживу... Вотъ тебѣ! (Закрываетъ трубу самовара крышкой, снова бродить по комнатѣ. Подходить къ окну и принимаетъ какую-то дѣвушку, идущую по улицѣ, за Елену) Леночка! (Торопливо, задыхаясь отъ радости, идетъ къ средней двери и кричить) Старуха, Леночка идетъ!.. Я говорилъ, что придетъ...

(Входитъ Марья Герасимовна)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Гдѣ? Показалось тебѣ...

КАСТЬЯНОВЪ.

Нѣтъ, смотри! (Оба подходятъ къ окну) Видишь? Видишь, походка такая, какъ у Леночки... Вонъ тамъ идетъ, у желѣзнаго дома...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Это не она... Глаза-то у тебя совсѣмъ плохіе стали...

КАСТЬЯНОВЪ.

Не она... Какъ же это не она? А мнѣ показалось...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Что чай-то не пьешь? Пей! Смотрѣть-то на тебя страшно: пожелтѣлъ, какъ лимонъ.

КАСТЬЯНОВЪ.

Это тебѣ кажется...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Чего ужъ не кажется. Вижу я, что съ тобой дѣлается...

(Уходитъ. Старикъ садится на стулъ и погружается въ тяжелыя думы; кажется, что онъ думаетъ о смерти. Пауза)

КАСТЬЯНОВЪ.

Не придеть... А ну-ка не придеть?..

(Отгоняя отъ себя эту мысль, начинаетъ усиленно курить. Входитъ Марья Герасимовна съ каплями въ рюмочкѣ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

На, выпей.

КАСТЬЯНОВЪ.

Чего тутъ еще?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не разговаривай, выпей... Это успокоить...

КАСТЬЯНОВЪ.

Ничего не успокоить. (Выпиваетъ капли)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

(ставя рюмочку на столъ).

Ночь не ночевала... О насъ не подумала... И что люди будутъ говорить?

КАСТЬЯНОВЪ.

Глупости! И все ты по рецепту другихъ живешь,

которыхъ и въ глаза никогда не видала... Всю жизнь такъ: „осудать“! „Подумаютъ“! Ничего, никогда я больше не слыхалъ отъ тебя!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не разстраивайся... Что элишься? Говорить съ тобой нельзя стало... Совсѣмъ студентомъ сталъ подѣ старость лѣтъ: все не такъ, все не нравится... (Садится пить чай и наливаетъ ему стаканъ. Ставитъ передъ нимъ стаканъ) Пей! (Послѣ небольшой паузы) Къ доктору сегодня пойдемъ... Пусть при мнѣ тебя осмотритъ: ты вѣдь самъ ничего не скажешь.

КАСТЬЯНОВЪ.

Ступай одна—осматривайся.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

(вырываетъ у него изъ рукъ папиросу).

Перестань курить! Вѣдь всѣ внутренности свои прокоптълѣ, изъ рта не выпускаешь...

КАСТЬЯНОВЪ

(свертываетъ новую папиросу).

Это ты напрасно... 85 лѣтъ ты мнѣ это говоришь, и 85 лѣтъ я курю.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не я, задохся бы въ дыму... И Богъ знаетъ, что съ тобой было бы безъ меня... Можетъ быть, и въ каторгу угодили бы... (Пауза) Не ждала я, чтобъ Леночка вся въ тебя вышла... (Съ отчаяніемъ) И гдѣ ходить? Подумать страшно... Придетъ ли?

КАСТЬЯНОВЪ.

Придетъ... Вотъ посмотри, сейчасъ придетъ... Засидѣлась у какой-нибудь подруги и осталась ночевать...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не притворяйся, старикъ... Меня утѣшать нечего. Самъ не вѣришь словамъ своимъ... И что съ ней сдѣлалось? Кончила курсъ съ золотой медалью, любила музыку, играла такъ, какъ никто въ гимназіи... Помнишь Саратовскій концертъ? Начальница поцѣловала при всей публикѣ... И вдругъ... не понимаю...

КАСТЬЯНОВЪ.

Стара, чтобъ понимать... Впрочемъ, ты никогда этого не понимала...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Чего не понимала?

КАСТЬЯНОВЪ.

Никакого протеста... Ты только приноравливалась къ жизни, да меня лечила касторкой отъ всякихъ фантазій...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Что говоришь, старій?

КАСТЬЯНОВЪ.

А что? Развѣ неправда? Вѣрно!.. Бывало, чуть во мнѣ вспыхнетъ огонекъ и какому-нибудь почтенному вору-меразавцу захочется запустить, ты сейчасъ же касторки... У тебя—все отъ плохого желудка, всякая порядочная мысленка...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

И сейчасъ скажу, что все отъ здоровья... У Лечочки нервы плохіе... Ей надо водой лечиться и на желудокъ обратить вниманіе... У насъ въ пансіонѣ мадамъ Альбертъ всегда, бывало, какъ дѣвочка заду-

мается, сдѣляется грустной, касторки давала... Всѣмъ, всѣмъ... Такая была славная, симпатичная...

(Въ передней звонокъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Она!

КАСТЬЯНОВЪ.

Можетъ быть, Артамонъ... Если бы она!

(Оба бѣгутъ въ переднюю отпирать дверь. Приходитъ Артамонъ, печаленъ и сумраченъ. Раздѣвается въ передней и входитъ въ комнату. Старики въ то время, когда онъ раздѣвается, забрасываютъ его вопросами. Онъ упрямо молчитъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Ну что же? Что? Говори скорѣй!

КАСТЬЯНОВЪ.

Что молчишь-то? Рассказывай. Былъ у Осиповыхъ?

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Къ Бондаревымъ заѣзжалъ?

КАСТЬЯНОВЪ.

Чай, въ трактирѣ сидѣлъ, не искалъ? Говори!..

(Всѣ входятъ въ переднюю въ комнату. Молчаніе Артамона обьяло стариковъ страхомъ и ужасомъ. Артамонъ сѣлъ у чайнаго стола. Пауза)

КАСТЬЯНОВЪ.

Говори... Все равно узнаемъ.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Господи, что такое?

АРТАМОНЪ.

Ничего. Не нашель я ее. Вездѣ былъ, гдѣ она бываетъ.

КАСТЬЯНОВЪ.

Ну что же? Что?

АРТАМОНЪ.

Да чего *что*? Видите, одинъ, — значитъ, не нашель.

КАСТЬЯНОВЪ.

Не скрывай... Говори, Артамонъ, не скрывай... Вѣдь намъ еще хуже не знать-то, что съ ней...

АРТАМОНЪ.

Я самъ не знаю, что съ ней и гдѣ она.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Правда?

АРТАМОНЪ.

Правда... отстаньте!

(Молчаніе)

АРТАМОНЪ

(обращаясь къ Кастьянову).

Что носъ повѣсиль? Не годится старому студенту носъ вѣшать.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

А ты заѣзжалъ къ этой?.. Какъ ее? Рыженькая такая... еврейка она... Гофманъ. что ли?

АРТАМОНЪ.

Заѣзжалъ... Не была она у ней...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

И у Осиповой быть?

АРТАМОНЪ.

Говориль уже...

(Пауза)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Я пойду искать... И къ Гофманъ, и къ Прибытковой схожу опять. Онѣ мнѣ помогутъ... Онѣ скажутъ, гдѣ она... Пейте тутъ чай... я пойду.

АРТАМОНЪ.

Придетъ она.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Когда придетъ? Можетъ быть, съ ней, Богъ знаетъ, что случилось! Пойду одѣться... (Уходить)

КАСТЬЯНОВЪ.

Всю ночь не спалъ... Затылокъ теперь ломить... Ворочался, думалъ-думалъ и ничего не выдумалъ... Ну, что мнѣ съ ней дѣлать? Замужъ совѣтовать выйти, дѣтей народить? Не могу я этого, стыдно... А другого ничего не придумаю...

АРТАМОНЪ.

Пусть ее.

КАСТЬЯНОВЪ.

Пропадетъ, ни за грошъ пропадетъ... Ей вѣдь море по колѣно, — она ничего не боится... совсѣмъ казакъ на войнѣ... Бывало, въ мое время и либеральничали, работали, но какъ-то все это келейно, тихо, втихо-юлку... А теперь вѣдь на площадяхъ кричать, на

улицахъ орутъ... А талантовъ нѣтъ... Гдѣ Герценъ? Гдѣ у нихъ Герценъ? Вонъ онъ, посмотри! (Показываетъ на портретъ Герцена на стѣнѣ) Умъ! Огонь!

АРТАМОНЪ.

Ну, ихъ!..

КАСТЬЯНОВЪ.

Кого?

АРТАМОНЪ.

Да всѣхъ вашихъ писателей... Не люблю я ихъ...

КАСТЬЯНОВЪ.

Неучъ, неучъ...

АРТАМОНЪ.

Толковали, толковали, а изъ жизни ничего не сдѣлали, только въ тупикъ ее загнали... Имъ хорошо,—они умерли! А намъ вотъ тутъ живи, да расхлебывай всѣ мерзости!

КАСТЬЯНОВЪ (добродушно).

Болванъ! Ты, братъ, совсѣмъ дуракъ. Да развѣ это писатели сдѣлали?

АРТАМОНЪ.

Не они только... Время ихъ сдѣлало, наше время... А они выражали свое время, стало быть, и они тоже... Это я такъ понимаю.

КАСТЬЯНОВЪ.

Болванъ и выходишь, да еще односторонній болванъ... Ничего ты правильно себѣ уяснить не можешь. А отчего? Систематическаго образованія нѣтъ. Если бы не щелопайничаль, а учился...

АРТАМОНЪ.

Слышалъ я это! Только мнѣ всегда казалось, — не тому меня начинали учить, чему надо... Мнѣ мальчиш-кой больше всего хотѣлось знать, откуда люди на землѣ появляются, и зачѣмъ они появляются... День и ночь я объ этомъ думалъ, и мучила меня эта тайна; а при такомъ состояніи я никакъ не могъ грамматикой прилежно заниматься.

КАСТЬЯНОВЪ.

Что же тебѣ объяснить надо было?

АРТАМОНЪ.

Я не знаю, что надо было. Только грамматика-то тутъ не причеиъ была, а особенно молитвы... Смѣшили онѣ меня... Я ихъ учителю, какъ дьяконъ, нараспѣвъ отвѣчалъ и хохоталъ, а онѣ отцу жаловался... Отецъ поролъ... И всякое ученье сдѣлалось мнѣ противно тогда.

КАСТЬЯНОВЪ.

Не попалъ ты въ руки хорошія... Былъ у меня одинъ такой же огарокъ, какъ ты... Въ Тамбовской гимназіи я тогда служилъ...

АРТАМОНЪ (прислушиваясь).

Постой... Кажется, Осокинъ въ кухнѣ. (Подходить къ двери передней)

КАСТЬЯНОВЪ (прислушиваясь).

Кухарку пробираетъ.

(Ясно доносится фраза Осокина: „У меня, смотри, не выливать помой!“)

АРТАМОНЪ

(отходя отъ двери).

Сюда идетъ. Должно быть, за мной...

(Садится на диванъ: входитъ Осокинъ)

ОСОКИНЪ

(подходя къ Артамону).

Здравствуй! (Протягиваетъ руку; Артамонъ руки не даетъ) Очѣнь деликатно... ничего другого отъ васъ ждать нельзя... Я за вами... Отецъ требуетъ... Требуетъ какого-то отчета въ трехъ тысячахъ... По вексямъ, что ли, вы тамъ заняли у кого-то...

КАСТЬЯНОВЪ.

Что, вы и здороваться не хотите?

ОСОКИНЪ.

Простите, я разсѣянъ... Неприятности все... Чортъ знаетъ, какія возлагаютъ на тебя идиотскія порученія, и ты долженъ ихъ исполнять!.. (Здороваясь съ Кастьяновымъ) Что, Елена дома?

АРТАМОНЪ.

Какая она вамъ Елена?

ОСОКИНЪ.

Я съ вами не желаю перебираться... Желаете вы идти къ отцу?

АРТАМОНЪ.

Скажите ему: отчета отдавать никакого не хочу, деньги подъ векся больше братъ не буду и, вообще, не буду у него братъ никакихъ денегъ...

ОСОКИНЪ.

Романтизмъ... Вотъ вы ступайте и скажите ему.

АРТАМОНЪ.

Не хочу.

(Молчаніе)

ОСОКИНЪ.

Странно... При чемъ же я тутъ? Онъ накинется на меня, и я долженъ буду выслушивать то, что вы должны выслушать. Не очень это пріятно...

(Уходитъ. Звонокъ)

КАСТЬЯНОВЪ.

Она! Ея звонокъ...

(Выбѣгаетъ въ переднюю, за нимъ выходитъ Артамонъ; Марья Герасимовна уже въ шляпѣ, собравшаяся идти искать Елену, появляется тоже въ передней.)

Дверь отпирается, и входитъ Елена. Въ шляпѣ и кофточкѣ, прямо проходить въ свою комнату)

КАСТЬЯНОВЪ

(съ ребяческой радостью кружась около Елены).

Пришла... Наконецъ-то пришла!.. Гдѣ же это ты? Ну, потомъ, потомъ расскажешь... чай, голодная? Сядишь чай пить.

ЕЛЕНА

(уже въ дверяхъ своей комнаты).

Мнѣ надо остаться одной... я... мнѣ нужно умыться, привести себя въ порядокъ...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА (важно).

Какъ мать, я тебѣ обязана сказать, Елена...

ЕЛЕНА.

Пожалуйста, мама, безъ этого тона!

(Уходитъ. Недоразумѣніе. Молчаніе. Заговорили почему-то таинственно, почти шопотомъ)

КАСТЬЯНОВЪ.

Блѣдная. Замѣтили вы? Блѣдная? Да?

АРТАМОНЪ.

Это ничего... Я не люблю красныхъ лицъ.

КАСТЯНОВЪ.

Не мылась... Вы слышали—сказала: пойду, умоюсь? Значить, не до того было... Авось, все расскажетъ... только итъ, едва ли... Она въ послѣднее время совсѣмъ разговаривать со мной перестала... А всегда была откровенна... Гдѣ? Что? Ничего не знаю... (Обращаясь къ Артамону) Авось, тебѣ расскажетъ. Попытайся...

АРТАМОНЪ.

Не буду. Захочетъ, сама расскажетъ. (Садится на диванъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

(подсматривая въ замокъ двери Елениной комнаты).

Бумаги какія-то рветъ... Грѣхъ... грѣхъ, да и только... Пойду ей цвѣтной капусты сварю,—чай, ѣсть захочетъ... (Уходитъ въ кухню)

КАСТЯНОВЪ.

А я полежу, братъ... Голова у меня не того... Надо полежать.

(Уходитъ въ свою комнату. Артамонъ, посидѣвъ на диванѣ и что-то обдумавъ, подошелъ къ двери Елениной комнаты, хотѣлъ было постучать, но раздумалъ и снова, стоя у дверей, погрузился въ думы.)

Въ передней появляются Матреша и Марья Герасимовна. Матреша въ бѣломъ, простенькомъ платьѣ, шляпкѣ, въ рукахъ небольшая картонка съ цвѣтами. Оживлена, весела, счастлива)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА

(въ передней).

Ну, иди, иди... не бойся... Чего ты сегодня какъ разрядилась? (Показывая на Артамона) Вонъ онъ стоитъ. Разговаривайте, я мѣшать не буду. (Уходитъ)

МАТРЕША

(подбѣгая къ Артамону).

Здравствуй! (Хотѣла было его поцѣловать, но спохватилась и осмотрѣлась кругомъ) Нельзя... увидятъ... Готовъ?

АРТАМОНЪ.

Что ты такъ рано?

МАТРЕША.

Вѣдь сегодня 28-ое.

АРТАМОНЪ.

Ну что же 28-ое?

МАТРЕША.

День вѣнчанья... Батюшка общалъ послѣ обѣдни вѣнчать... Надо сейчасъ идти... У меня все готово... И четырехъ свидѣтелей нашла... Одинъ, Богъ его знаетъ, кто... подошла и попросила на улицѣ какого-то господина... Засмѣялся и согласился.

АРТАМОНЪ.

Чортъ возьми, а я и забылъ объ этомъ обстоятельстве... Мнѣ казалось, 28-ое не скоро.

МАТРЕША.

Какъ же такъ? Надо идти... За десять рублей батюшка согласился.

АРТАМОНЪ.

Надо?

МАТРЕША (испугавшись).

Какъ же иначе? Ты бы хоть одѣлся...

АРТАМОНЪ.

Да у меня нѣтъ ничего, кромѣ этого... (Показывая на визитку) Галстухъ развѣ бѣлый пустить?

МАТРЕША.

Это хорошо, надѣнь.

АРТАМОНЪ.

Грязный онъ, чортъ его возьми! Чай, и этотъ сойдетъ?

МАТРЕША.

Да ужь ладно... Давай только, я его перевяжу... До сихъ поръ не научился завязывать. (Перевязываетъ галстухъ и говоритъ) Надо скорѣе!.. Тотчасъ же, какъ обѣдня кончится, за насъ примутся. Только бы скорѣе!.. Батюшка говорилъ, что въ полчаса окрутить... Что ты такой грустный? Не смѣй быть такимъ!

АРТАМОНЪ.

Такъ идти?

МАТРЕША.

Какъ же иначе? Вѣдь у насъ все рѣшено.

АРТАМОНЪ (подумавъ).

Да?.. Надо идти. (Садится на диванъ)

МАТРЕША

(вынимая изъ картонки цвѣты).

Ты мнѣ позволишь? Я не рѣшалась одна, думала, тебѣ не понравится...

АРТАМОНЪ.

Въ чемъ дѣло?

МАТРЕША.

Цвѣты приколоть сюда можно? (Показываетъ на грудь)

АРТАМОНЪ.

На кой чортъ? Пойдемъ по улицѣ, и люди, пожалуйста, будутъ догадываться, что вѣнчаться идемъ... Плюнь на это дѣло!

МАТРЕША.

Что же мы дурного дѣлаемъ? Напротивъ, про тебя будутъ говорить, что ты хорошей человѣкъ.

АРТАМОНЪ.

Что губы надула? Приколи, если надо тебѣ...

МАТРЕША.

И приколю!.. Мнѣ самой пріятно. Я не для людей... (Прикалываетъ) Надо идти, Артамоша!

(Артамонъ встаетъ и подходитъ къ двери комнаты Елены. Послѣ нѣкотораго раздумья, стучитъ въ дверь и громко говоритъ)

АРТАМОНЪ.

Елена, я вѣнчаться пошелъ!

(Входитъ Елена)

ЕЛЕНА.

Раавѣ сегодня? Такъ скоро... Здравствуйте! (Цѣлуетъ Матрешу) Рады? Счастливы?

МАТРЕША

(скрывая свою радость).

Мнѣ все равно... Нельзя иначе...

ЕЛЕНА

(зоветь мать, подойдя къ дверямъ передней).

Мама, Артамонъ вѣнчаться идетъ!

(Изъ своей комнаты выходитъ Кастьяновъ, изъ передней—Марья Герасимовна)

КАСТЬЯНОВЪ

(обращаясь къ Артамону).

Не ожидалъ, братъ... Не скрою, удивилъ ты меня... Ну, что-же... Это честно... Это хорошо. Одобряю твое желаніе.

АРТАМОНЪ.

Да это, въ сущности, желаніе квартирныхъ хозяекъ... Мнѣ все равно... Житья ей не дадутъ съ ребенкомъ... Если бы не было этого квартирнаго отродья, съ ней-то (киваетъ на Матрешу) я какъ-нибудь поладилъ-бы...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Что ты говоришь? (Обращаясь къ Матрешѣ) А я вотъ такъ рада за васъ... Не все равно, милая, далеко не все равно... Дай Богъ вамъ счастья! (Цѣлуетъ ее) А ему вѣрить нельзя, что это все равно... Неправда! Онъ (показываетъ на Артамона) первый будетъ меньше уважать... Рада, очень рада! (Опять цѣлуетъ) И ко мнѣ, ко мнѣ, какъ я говорила, если повѣнчаетесь... Вотъ вамъ стариковскую комнату приготовлю... Живите... Сама буду за маленькимъ ходить...

КАСТЬЯНОВЪ.

Да, да, къ намъ... Послѣ вѣнца къ намъ...

ЕЛЕНА

(подавая руку Артамону)

Будьте счастливы...

АРТАМОНЪ.

Куда ужъ намъ быть счастливыми!.. Да не особенно нужно это. Трудно быть господиномъ судьбы своей.. Нами управляетъ случай: беретъ въ свои лапы и бросаетъ, какъ комки грязи... Но я поборюсь еще... Это не конецъ... (Обращаясь къ Матрешѣ) Ручку!

(Предлагаетъ руку Матрешѣ и уходитъ въ переднюю. Марья Герасимовна выпускаетъ ихъ черезъ парадное крыльцо)

КАСТЯНОВЪ

(смотря имъ вслѣдъ).

Не ладно что-то...

ЕЛЕНА.

Еще одна необходимая, какъ смерть, глупость. (Идетъ въ свою комнату)

КАСТЯНОВЪ

(хватая ее за руку).

Не пуцу! Опять запрешься въ комнатѣ... Поѣшь что-нибудь, поѣшь!..

ЕЛЕНА.

Какъ это скучно!.. Ну налейте стаканъ чаю...

(Садится за столъ. Старикъ наливаетъ чай. Возвращается Марья Герасимовна и дѣлаетъ бутерброды съ сыромъ и масломъ. Оба смотрятъ въ глаза Елены и боятся, чтобы она опять не ушла въ свою комнату. Садятся. Пауза)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Что же ты намъ ничего не расскажешь?

ЕЛЕНА.

Не знаю, что...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Можетъ быть, ты... Можетъ быть, у тебя есть что-нибудь такое, сердечное?..

ЕЛЕНА.

Сердечное?.. Есть.

КАСТЬЯНОВЪ.

Въшь хлѣбъ съ масломъ... въшь... (Подвигаетъ ей бутербродъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Вотъ и расскажи намъ... Все расскажи... Кто онъ? Можетъ быть, тамъ что-нибудь случилось?.. Мало-ли что бываетъ?.. Ты молодая, ошибку сдѣлать могла...

ЕЛЕНА.

Онъ, мама, великанъ, могучій, сильный и наивный, наивный, какъ ребенокъ... Я его люблю, я вѣрю въ него... Онъ невѣжественъ, онъ темень, но онъ прекрасенъ!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Ну что комедіяничаешь? Съ тобой серьезно, а ты... (Перемигивая тонъ, добродушно-сердито) Скажи прямо: гдѣ была сегодня?

(Старикъ дѣлаетъ ей какіе-то знаки, чтобы она молчала, и жадно курить)

ЕЛЕНА.

Я ничего вамъ не скажу.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Хорошо... очень хорошо... Никогда ты со мной по-человѣчески не говоришь, все съ нимъ, все съ нимъ.. (Киваетъ на старика) Ну, хоть ему расскажи... Я и мѣшать не буду, уйду... Всегда у васъ секреты отъ меня были.

КАСТЬЯНОВЪ.

Ну, ну, старуха, что ты!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Лишняя я здѣсь, лишняя...

(Обиженная, почти плача, выходитъ изъ комнаты.

Пауза. Старикъ не рѣшается разспрашивать ее и мучается, волнуется, боится ей смотрѣть въ глаза.

Елена подходитъ къ нему, прижимаетъ его голову къ себѣ и ласкаетъ по волосамъ)

ЕЛЕНА.

Успокойся, старенькій, не волнуйся... Ты знаешь, что я ничего не дѣлаю дурного... Ты вѣришь мнѣ?..

КАСТЬЯНОВЪ.

Такъ-то такъ, да вѣдь...

ЕЛЕНА.

Ну, что? Что?

КАСТЬЯНОВЪ.

Посмотри ты на себя... Фитюлька ты... Тебя плетью за-двое перешибить можно, и мокренько только остается.

ЕЛЕНА.

Вѣра горами двигаетъ...

КАСТЯНОВЪ.

Слова, фразы, Леночка... Ей-Богу, фразы!...

ЕЛЕНА.

Что же ты, старенькій, лгаль мнѣ? Вѣдь я оказала то, что ты не разъ мнѣ самъ говорилъ.

(Пауза. Старикъ опустилъ голову)

ЕЛЕНА.

А-а, стыдно стало!..

КАСТЯНОВЪ.

Что ты со мной, какъ съ ребенкомъ, разговари-
ваешь!

ЕЛЕНА.

Учитель... теоретикъ. Всѣ вы такіе... Ученіе само по себѣ, а жизнь сама по себѣ... Это не такъ... Жить—значить—творить, дѣлать жизнь...

КАСТЯНОВЪ.

Объ этомъ мы съ тобой послѣ поговоримъ, — объ этомъ безъ конца говорить можно... Ты мнѣ лучше расскажи: какъ и что? Гдѣ ты бываешь?

ЕЛЕНА

(отходя отъ него, холодно).

Я ничего не скажу.

КАСТЯНОВЪ.

Что же, не пойму, по-твоему, что-ли, я?

ЕЛЕНА.

Поймешь!

КАСТЯНОВЪ.

Вотъ и говори!

ЕЛЕНА.

Но не почувствуешь... Ты не можешь чувствовать, какъ я... Не смотри на меня такъ... не смотри!

КАСТЯНОВЪ.

Вѣдь я мучаюсь, Леночка!.. Я...

(Чаще затягивается дымомъ, и рука дрожить у него)

ЕЛЕНА.

Я знаю, но я ничего не могу сдѣлать... Пойми—ничего...

(Садится на диванъ и закрываетъ лицо руками. Старикъ переходитъ къ ней и садится рядомъ. Пауза)

КАСТЯНОВЪ.

Сказала бы...

ЕЛЕНА.

Ахъ, папа! Любовь, какъ самый грубый деспотизмъ, можетъ отравлять жизнь, мѣшать свободѣ... Это кажется абсурдомъ, а на самомъ дѣлѣ это такъ, это такъ, папа!..

КАСТЯНОВЪ.

Чепуха!.. Для меня всегда была любовь чувствомъ самымъ высокимъ, самымъ священнымъ.

ЕЛЕНА (подумавъ).

Есть двѣ любви—маленькая и большая... Маленькая это та любовь, которой мы любимъ наши столы, стулья, мужей, отцовъ, дѣтей... Большая любовь это... это—

любовь Христа, любовь ко всему міру... Мнѣ кажется, можно любить солнце, народъ гораздо больше, чѣмъ своего ребенка...

КАСТЬЯНОВЪ.

Фразы, Леночка!.. Ей-Богу, фразы... Вѣдь мы же люди, а не боги!

ЕЛЕНА.

Маленькая любовь суживаетъ, опопляетъ жизнь; она источникъ всего маленькаго, всего ничтожнаго... И черезъ эту любовь люди несчастны... только черезъ нее, черезъ свою маленькую любовь. Если бы они любили солнце, идею, будущее, они не страдали бы, когда ломаются ихъ стулья, изнашивается платье, умираютъ близкіе...

КАСТЬЯНОВЪ.

По-твоему, и близкій человѣкъ, и стулъ—одно и то же. Хоть убей, не могу понять!

ЕЛЕНА.

Ну, я не умѣю яснѣе выразить то, что чувствую... Но есть любовь, папа, гнетущая, нудная, которой не нужно, совсѣмъ не нужно мнѣ...

КАСТЬЯНОВЪ (потрясенный).

Это ты про мою любовь къ тебѣ говоришь? Это ты?.. Вотъ какъ!

ЕЛЕНА

(пожалѣвъ его).

Нѣтъ, нѣтъ, папочка!.. Я говорю про любовь муж- чины и женщины...

КАСТЬЯНОВЪ.

Ну, что-же! Спасибо... Такъ мнѣ и надо, дураку...

Живи, какъ хочешь... люби отца, какъ стуль... Это одно и то же... Стуль, столъ, отецъ, мать, кочерга!..

ЕЛЕНА.

Папочка!.. (Цѣлуетъ его)

КАСТЬЯНОВЪ.

Мнѣ жить немного... Проживу какъ-нибудь...

ЕЛЕНА.

Господи, какъ это скучно!..

(Изъ кухни доносится разговоръ Копейкина съ Марьей Герасимовной.. Елена обрадовалась его приходу, какъ возможности прекратить нудный разговоръ)

ЕЛЕНА.

Кажется, Копейкинъ пришелъ... Вотъ человѣкъ маленькой, маленькой любви... и я не знаю несчастіе его человѣка... Понимаешь теперь меня?

КАСТЬЯНОВЪ.

Хоть убей, не понимаю!.. Копейкинъ несчастливъ потому, что онъ боленъ.

ЕЛЕНА.

Онъ и здоровымъ никогда не могъ быть счастливымъ, веселымъ, бодрымъ... (Увидѣвъ Копейкина и Таню въ передней) Идетъ сюда...

КАСТЬЯНОВЪ.

Я смотрѣть на него не могу... Сердце надрывается.
(Уходитъ въ свою комнату. Входятъ Копейкинъ и Таня)

ЕЛЕНА.

Вотъ это хорошо, что пришли... рада васъ видѣть... (Помогая Танѣ довести его до дивана) Какъ это вамъ удалось вырваться?

ТАНЯ.

Плачешь все—просится сюда... Мама ужъ сама велѣла отвести.

КОПЕЙКИНЪ

(сажаясь на диванъ).

Не ври... совсѣмъ не плакалъ... Что я баба, что-ли? Не понимаетъ она меня съ матерью... Вотъ опять на вашемъ диванѣ... Вчера мнѣ очень плохо было, думалъ,—конецъ, и не придется на вашемъ диванчикѣ посидѣть, а сегодня ничего... молодцомъ я сегодня... (Послѣ небольшой паузы, благодушествуя) Опять у васъ... (Прислушиваясь къ бѣнію своего сердца) И хорошо себя чувствую... Сердце здорово работаетъ...

ЕЛЕНА.

Чаю хотите?

КОПЕЙКИНЪ.

Нѣтъ, пить сейчасъ... (Хвалясь) Мяса здоровый кусокъ съѣлъ: аппетитъ появляется... Вотъ только желудокъ испортился отъ лекарствъ... А былъ знаменитый желудокъ, прямо гордился желудкомъ—никогда никакихъ катарровъ!..

ЕЛЕНА.

Вы поменьше думайте о вашихъ болѣзняхъ... Читали сегодня газету?

КОПЕЙКИНЪ (равнодушно).

Нѣтъ... (Показываетъ на Таню) Вонъ не принесла... Пя-

така у нихъ нѣтъ для меня... Все закладываютъ, продаютъ, а на газету пятака нѣтъ...

ЕЛЕНА.

Вы что-же ко мнѣ, Таня, не приходите за газетой? Вѣдь я вамъ говорила... (Беретъ со стола газету и даетъ Копейкину) Вотъ новый номеръ.

(Копейкинъ беретъ газету и тотчасъ же забываетъ про нее, держа въ рукахъ)

ТАНЯ.

Мама не велить къ вамъ ходить... Вы меня испортите.

КОПЕЙКИНЪ.

Что говоришь? Дурочка!

ТАНЯ (злобно).

Самъ ужъ очень умный! Умные люди много денегъ зарабатываютъ, а ты грошовое жалованье получалъ... И бѣлья у насъ отъ этого нѣтъ.

КОПЕЙКИНЪ.

Это ей мать въ голову вбила.

ТАНЯ

(топая хромой ножкой).

Оставь меня! Разговаривай вонъ съ ней... (Показываетъ на Елену)

КОПЕЙКИНЪ.

Тише... Ножкѣ больно станетъ! (Обращаясь къ Еленѣ) Опять у ней ножка что-то болить, ноетъ въ суставѣ... Мать въ клинику водила... Ничего, говорятъ, это... бояться нечего.

ЕЛЕНА.

А глаза какъ?

КОПЕЙКИНЪ.

Глаза ничего, надо пока только очки носить...

ТАНЯ.

Пока... Всю жизнь проносишь их! Не хочу я носить! На улицѣ надо мной мальчишки смѣются, дергаютъ меня за косу... И зачѣмъ вы меня на свѣтъ родили? Зачѣмъ?

КОПЕЙКИНЪ

(выходя изъ себя).

Молчи! Молчи!..

ТАНЯ.

Не хочу я очки носить! Не хочу!.. Я лучше умру, а ихъ носить не буду!..

(Срываетъ очки, бросаетъ на диванъ и убѣгаетъ изъ комнаты)

КОПЕЙКИНЪ

(беря очки и рассматривая ихъ).

Не изломала? Нѣтъ... Ну, слава Богу!.. Три рубля заплатили! (Прячетъ очки въ карманъ) Совсѣмъ испортилась дѣвочка!.. Я уже два мѣсяца не занимался съ ней... нѣмецкій начали даже... Мнѣ по нѣмецкому языку если немного позаниматься, я могу ее самъ выучить... Два года вѣдь уроки бралъ по нѣмецкому... Деньжищъ уйму истратилъ... Это не шутка!..

(Пауза. Елена, удрученная визитомъ Копейкина, рѣшительно не знаетъ, о чемъ и какъ говорить съ нимъ. Это ее мучаетъ; она готова заплакать. Подошла къ роялю и стала перебирать клавиши)

КОПЕЙКИНЪ.

Усталъ я немножко... Можно лечь?

ЕЛЕНА.

Понятно, голубчикъ.

(Копейкинъ ложится. Пауза)

КОПЕЙКИНЪ.

Сыграйте что-нибудь...

ЕЛЕНА.

Не буду,—вась музыка разстраиваетъ.

КОПЕЙКИНЪ.

Я вѣдь родился музыкантомъ... Ничего я не люблю на свѣтѣ, кромѣ музыки... Бывало, чуть цѣлковый лишній заведется, бѣгу въ концертъ. Оперу я не любилъ, я концерты любилъ... Миѣ теперь ясно, что я музыкантомъ родился... (Послѣ паузы) У меня ужъ рѣшено: какъ поправлюсь, опять уроки на скрипкѣ начну брать... Для себя музицировать буду... Утромъ писать, а вечеромъ музицировать...

ЕЛЕНА

(подходя къ нему).

Это хорошо...

КОПЕЙКИНЪ.

Люблю музыку... очень люблю. (Утираетъ пальцами слезы)
У тѣвочки тоже музыкальныя способности есть... Вотъ
би ее скрипачкой сдѣлать!.. Ножка тутъ не помѣшала
би —и хроменькой можно на скрипкѣ играть..

ЕЛЕНА.

Это—мысль хорошая.

КОПЕЙКИНЪ.

Я ее въ консерваторію отдамъ... Это у меня рѣшено...

(Въ передней появляется Артамонъ и раздвѣается; Марья Герасимовна тоже появилась въ передней, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоитъ бутылка бѣлаго вина и стаканы. Артамонъ держится во время слѣдующей сцены съ напускной развязностью и веселостью)

АРТАМОНЪ

(входя въ комнату и обращаясь къ Марьѣ Герасимовнѣ).
Съ виномъ встрѣчаете?.. Честь честью!..

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

А гдѣ же Матреша?

АРТАМОНЪ.

Къ себѣ ушла.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Да вы повѣнчались, что-ли, или нѣтъ?

АРТАМОНЪ.

Какъ же, повѣнчались!.. Возложилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы!..

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не пойму: шутишь ты, или нѣтъ?

АРТАМОНЪ.

Давайте вина!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не дамъ!.. Изъ всего вы, даже самаго священнаго, балагурство устраиваете, шутки... Развѣ такъ можно!

(Входитъ Кастьяновъ)

КАСТЯНОВЪ.

Поздравляю, братъ! (Крѣпко пѣлуется и трясеть его руку)
Хвалю... честно... благородно!.. Хоть и неучъ ты, а мно-
гое тебѣ прощу... А гдѣ же жена?

АРТАМОНЪ.

Ушла къ себѣ.

КАСТЯНОВЪ.

Какъ же такъ? Вѣдь мы просили же вмѣстѣ сюда,
чтобы... Надо же какъ-нибудь день-то этотъ отмѣтить...
Вѣдь такой день разъ въ жизни бываетъ!

АРТАМОНЪ.

Это лишнее... А жена завтра переберется къ вамъ,
сегодня уложится... Теперь вѣдь ей можно и у васъ.
и у всѣхъ жить: получила право,—возложилъ еси на
главахъ ихъ вѣнцы!

КАСТЯНОВЪ.

Что дуришь? Все у васъ не по-людски выходить...
Смотрѣть-то мнѣ на васъ не хочется... Должно быть,
и тебѣ, что жена, что стулъ—все равно!

(Машетъ рукой и, огорченный, уходитъ въ свою комнату)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Именно не по-людски... не дамъ вина къ обѣду и
мороженаго не дамъ!.. Пойду не велю кухаркѣ дѣлать...

(Артамонъ и Елена смѣются)

АРТАМОНЪ.

Заплачу... Мороженаго хочу!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Лучше не глядѣть. (Уходитъ)

КОПЕЙКИНЪ.

Да вы не шутите? Правду, что-ли, женились?

АРТАМОНЪ.

Женился.

КОПЕЙКИНЪ.

Нашего полку прибыло... Поздравляю!.. (Протягиваетъ костлявую, холодную руку)

АРТАМОНЪ.

Какого полку? Страждущихъ и обремененныхъ? Не хотѣлъ бы я пополнять собой этотъ полкъ...

(Отходить, садится въ кресло у окна и задумывается. Напускное веселое настроеніе оборвалось.

Пауза. Копейкинъ начинаетъ дремать. Елена ходитъ по комнатѣ и, рѣшивъ говорить съ Артамономъ, затворяетъ дверь въ комнату отца, и подходитъ къ нему)

ЕЛЕНА.

У меня безъ тебя была тяжелая сцена съ отцомъ.

АРТАМОНЪ.

Не новость... Я хочу веселья сценъ... Когда будутъ веселыя сцены?

ЕЛЕНА.

Когда измѣнится жизнь.

АРТАМОНЪ.

И умремъ мы...

ЕЛЕНА.

Ужасно было тяжело говорить... Что я могла сказать ему? Что? Я чувствую, — я уйду, и они умрутъ... Развѣ это не ужасно?..

АРТАМОНЪ.

А ты не оставила мысли уйти?

ЕЛЕНА.

Это зависит не отъ меня... Я, можетъ быть, должна буду это сдѣлать...

АРТАМОНЪ.

Ты знаешь, куда идти тебѣ? Я не знаю, куда идти мнѣ... Къ старухѣ...

ЕЛЕНА.

Какъ нехорошо, что между нами есть это совершенно лишнее недоразумѣніе...

КОПЕЙКИНЪ (засыпая).

А мнѣ не вѣрится, что я у васъ на диванѣ...

ЕЛЕНА.

Онъ, кажется, спитъ...

(Пауза)

ЕЛЕНА.

Какъ ты себя чувствовалъ въ церкви?

АРТАМОНЪ.

Скверно... Странно... когда я шелъ вѣнчаться, мнѣ это казалось комедіей, ерундой, но въ церкви, когда зажгли свѣчи и надѣли вѣнцы, мнѣ сдѣлалось вдругъ почему-то страшно... Я вспомнилъ тысячи, десятки тысячи другихъ, которые, такъ же шутя и не придавая никакого значенія обряду, вѣнчались и... создавали изъ своей жизни каторгу, дѣлали роковыя ошибки... (Тихо, кивая на Копейкина) Вотъ какъ онъ... Я не знаю, способенъ ли я на какую-нибудь работу... А если нѣтъ? Къ отцу я не пойду, и тогда что-жъ? (Опять тише, кивая

на Копейкина) Его жизнь, его конецъ, а можетъ быть, и хуже... Человѣку постыдно такъ кончать... Онъ рождается разъ...

ЕЛЕНА.

Не бойся, ты такъ не кончишь... Ты кончишь обязательно красиво. Я въ этомъ убѣждена... Мало сдѣлаешь, это несомнѣнно, но кончишь красиво.

АРТАМОНЪ.

Это ты такъ говоришь... а на самомъ дѣлѣ пренебрегаешь мной... Ничего не говоришь, не откровенна... Можетъ быть, я могъ бы быть полезенъ въ твоемъ дѣлѣ?

ЕЛЕНА.

Ты тамъ лишній... ты слишкомъ горячъ, необузданъ, можешь погубить все дѣло... Потому, ты не вѣришь намъ... Иди своей дорогой...

КОПЕЙКИНЪ

(во снѣ).

Солнышко...

ЕЛЕНА

(не разлышавъ).

Что вамъ? (Подходить къ нему) Онъ спить...

(Пристально разсматриваетъ его лицо и поражается имъ)

АРТАМОНЪ.

Мнѣ грустно, Елена... Меня какъ будто бы кто-то оскорбилъ, обидѣлъ, надавалъ пощечинъ... Я это еще въ церкви почувствовалъ..

ЕЛЕНА.

Злое у него лицо... Это брови придаютъ такое выраженіе...

АРТАМОНЪ.

Если ты уйдешь, я уйду за тобой...

ЕЛЕНА.

Я не возьму тебя... Поди сюда, посмотри на его лицо...

(Артамонъ подходитъ къ ней и смотритъ на Копейкина)

ЕЛЕНА.

Мнѣ кажется, вотъ-вотъ онъ сейчасъ умереть... Тяжело... (Отходить отъ дивана) Ты замѣчаешь, что здѣсь все умираетъ? Умираетъ эта лампа, диванъ, глобусъ... Умираютъ эти писатели на стѣнахъ и книги на полкахъ... Папѣ 65 лѣтъ... Все это естественно... Но тутъ еще можно прожить годъ, два, пять... Меня не хватить на это!.. Бѣжать, бѣжать отсюда!..

АРТАМОНЪ

(тихо и страстно).

Возьми меня съ собой!.. Я погибну здѣсь!.. Ты вѣра моя, маякъ мой!..

КОПЕЙКИНЪ (проснувшись).

Музыки! Хотъ бы сыграли что-нибудь... Я пришелъ послушать... Сыграйте!.. Можетъ быть, и не услышу больше никогда...

ЕЛЕНА

(подойдя къ нему).

Что-же, голубчикъ, вамъ сыграть?

КОПЕЙКИНЪ.

Вотъ это... что я люблю... Какъ это называется?..
Бетховена соната она.

ЕЛЕНА.

Quasi una fantasia?

КОПЕЙКИНЪ.

Да, да...

ЕЛЕНА.

Ну, хорошо...

(Садится за рояль и играетъ. Артамонъ слушаетъ, наклонившись надъ роялю; долго сдерживаетъ себя, сжимаетъ зубами платокъ и, наконецъ, рыдаетъ. Елена оборвала музыкальную фразу)

Занавѣсъ.

С. Найденовъ. Стѣны.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация второго дѣйствія. Вечеръ. На переднемъ дворѣ кончился рабочий день. На одной изъ стѣнъ лежитъ кроваво-золотистое пятно — отблескъ солнца, и когда этотъ отблескъ на стѣнѣ потухаетъ, въ садикѣ становится почти темно и скоро совсѣмъ темно.

По поднятіи занавѣса, Копейкина ходитъ подъ окнами квартиры Кастьяновыхъ, — повидимому, чего-то ожидая.

Изъ воротъ выходятъ—Максимъ Сусловъ, Осокинъ и приказчикъ изъ мясной лавки, здоровенный дѣтина въ бѣломъ фартукѣ и съ огромными ножами за поясомъ.

Максимъ Сусловъ—очень старый старикъ; рѣдкіе, сѣдые волосы его пожелтѣли; онъ сгорбился, но все еще силенъ и крѣпокъ; худъ и высокъ; лицо посинѣло, и на рукахъ, съ постоянно растопыренными пальцами, рѣзко обозначились жилы. Ходитъ въ длинномъ сюртукѣ и цилиндрѣ, какіе носятъ раскольническіе попы. Голосъ у него громкій, повелительный; въ рукахъ палка.

МАКСИМЪ СУСЛОВЪ.

Здравствуйте, мадамъ! (Подаетъ руку Копейкиной) Разо-
рять гнѣздо идемъ... (Киваетъ на окна квартиры Кастьяно-
выхъ) Премного вамъ благодаренъ за разныя сообще-
нія... Такъ и надо... Если про этихъ господъ молчать,
они всѣ города и селенія отравятъ...

КОПЕЙКИНА.

Понятно, отравятъ... Мужа моего точно зельемъ
какимъ опоили... Совсѣмъ разумъ потерялъ и такія
заговорилъ вещи, что, прямо, стыдно слушать... „Я вы-
росъ! Я выросъ!“ А чего выросъ? Въ землю увязъ...

МАКСИМЪ СУСЛОВЪ.

Умственность у него небольшая... Относительно по-
мѣщенія не обременяйтесь, подождать малость могу.
(Обращаясь къ Осокину) Ступайте, скажите: отецъ гово-
рять пришелъ...

ОСОКИНЪ.

Отправимся вмѣстѣ, будетъ лучше.

МАКСИМЪ.

Я знаю, что лучше... доложите.

ОСОКИНЪ.

Я не лакей...

МАКСИМЪ.

Покорнѣйше прошу...

(Осокинъ ни съ мѣста)

МАКСИМЪ

(обращаясь къ приказчику).

Доложи!

(Приказчикъ уходитъ)

МАКСИМЪ

(дѣлая низкій поклонъ передъ Осокинымъ).

Простите, пожалуйста, дворянинъ-батюшка, обидѣть изволили мы васъ... не взыщите...

ОСОКИНЪ.

Я никогда не буду разговаривать съ вашимъ сыномъ... а также не буду ѣздить на базаръ съ вами и по разнымъ грязнымъ дѣламъ ходить... Вы и передъ лавочниками, и передъ всѣми бахвалитесь мной...

МАКСИМЪ.

Не вами, фуражкой вашей... Только, мнѣ кажется, разговоръ этотъ теперь ни къ чему, потому что мнѣ не до васъ...

(Возвращается приказчикъ)

ПРИКАЗЧИКЪ.

Не пуцають... Говорять, видѣть не желаютъ...

МАКСИМЪ

(начиная кричать).

Какъ? Меня не желаютъ видѣть!.. Я припелъ окончательный разговоръ съ сыномъ вести, а меня не желаютъ видѣть! (Подбѣгаетъ къ окну и стучить палкой) Отпереть!.. Слышите? Отворить сейчасъ двери!.. За полицией пошлю, выломить заставлю!..

(Въ окнахъ появляются жильцы. Нѣкоторые изъ нихъ, заинтересованные скандаломъ, выходятъ на дворъ; постепенно набирается чловѣкъ 10—15)

Что я, хозяинъ здѣсь, или нѣтъ? Окна перебью, отворите!

АРТАМОНЪ

(появляясь въ комнатѣ у окна и отворяя его).

Что тебѣ надо?

МАКСИМЪ.

Окончательно говорить съ тобой пришелъ... Пусти, отвори двери!

АРТАМОНЪ.

Нечего намъ съ вами разговаривать. Проваливайте!
(Хочетъ затворить окно)

МАКСИМЪ

(цѣпляясь за раму и обращаясь къ приказчику).

Держи. Держи одну половину! Не пускай... не пускай!...

(Артамонъ бьетъ ихъ по рукамъ и старается закрыть окно)

МАКСИМЪ.

Руки на отца поднимать?! Почтенные, смотрите! Отца бьютъ... Вотъ какой ояъ! (Обращаясь къ приказчику) Держи! Не пускай!.. Не пускай!..

АРТАМОНЪ

(выпрыгивая въ садикъ).

Что вамъ надо? Васъ въ двери не пускаютъ, вы въ ок а ломитесь... Не позволю я никакого вреда дѣлать Ка тыновымъ!.. Знай это и убирайся отсюда!

МАКСИМЪ.

Вонъ! Всѣ вонъ изъ моего дома!.. Они разбойничье гнѣздо устроили у меня... вольнымъ духомъ надышали въ стѣнахъ моихъ... Ограбили сына моего... женили на дѣвкѣ паскудной!.. (Обращаясь къ жильцамъ) Вотъ что они сдѣлали, почтенные, съ сыномъ моимъ!..

КОПЕЙКИНА.

И мужу моему всю жизнь испортили!.. Всѣ это знаютъ...

МАКСИМЪ

(подбѣжавъ къ окну и стуча по подоконнику палкой).

Вонъ, развратители! Вонъ, нечистые духомъ! Старикъ! Учитель! Поди сюда!.. Я тебя при всемъ народѣ срамить буду!.. И дочь твою!..

(Артамонъ подбѣгаетъ къ нему и отталкиваетъ его отъ окна. Максимъ опять рвется къ окну... Происходитъ нѣчто похожее на драку... Наконецъ, Артамону удается такъ сильно толкнуть Максима, что тотъ валится. Жильцы смѣются. Чувствуется, что симпатіи ихъ на сторонѣ отца. На крыльцо выбѣгаетъ Матреша)

МАТРЕША

(не сходя съ крыльца, въ то время, когда они борются).

Артамонъ!.. Прошу тебя... Поди сюда!.. Артамонъ!..

МАКСИМЪ

(подымаясь съ земли съ помощью Осокина и Копейкиной).

Ты вотъ какъ?! Ты вотъ какъ съ отцомъ!.. Что же теперь мнѣ дѣлать съ нимъ, почтенные? (Обращаясь къ приказчику) Казни его! Казни! Полосни ножомъ!.. Полосни ему брюхо!..

АРТАМОНЪ

(выхватывая ножъ изъ-за пояса приказчика).

Я, можетъ быть, самъ полосну!..

МАТРЕША

(подбѣгая къ нему).

Артамонъ!.. Артамонъ!..

(Старикъ опѣшиль, сдался и смутился)

МАКСИМЪ.

Ты не того... Ты съ ума-то не сходи... Брось ножъ!
Брось!

АРТАМОНЪ

(бросая ножъ).

Сволочь!.. Только подъ ножомъ, подъ страхомъ смерти
въ тебѣ образъ человѣческій появляется... Убирайся
отсюда! Не мѣшай людямъ жить!.. (Обращаясь къ жиль-
цамъ) И вы всѣ убирайтесь... Чего смотрите?

(Нѣкоторые уходятъ подальше отъ грѣха)

КОПЕЙКИНА.

Какъ же вы такъ папашу?

АРТАМОНЪ.

Весьма естественно... Вотъ онъ мнѣ отецъ, и я очень
просто отрекаюсь отъ него!..

(Жильцы выражаютъ порицаніе, слышны воз-
гласы: „какъ же такъ?“ „Грѣхъ“. „Богъ счастья
не дастъ“... и другіе)

АРТАМОНЪ.

Заступаетесь?.. Онъ васъ въ сырыхъ квартирахъ
гноить, кожу сдеретъ, если платить не будете, а вы

все будете заступаться... Какъ же? Отецъ!.. Противно смотрѣть мнѣ на васъ... Уходите съ глазъ долой!..

(Почти всѣ уходятъ, кромѣ Копейкиной и Осокина, да еще двухъ-трехъ человѣкъ)

МАКСИМЪ.

Ты не очень... не очень... легонько... Каинъ... Прямо Каинъ!.. Отца убить хотѣлъ!..

АРТАМОНЪ.

Это ты меня убить хотѣлъ!..

МАКСИМЪ.

Я? Какъ это я? Врешь!.. Что я, японецъ, что-ли? Индусъ некрещеный? (Чувствуя себя неправымъ и чтобы сорвать на комъ-нибудь свою досаду, набрасывается на приказчика) Ты чего тутъ стоишь? Иди въ лавку!.. Что я тебя для ножоваго дѣла, что-ли, звалъ,—ножи-то за поясъ воткнулъ? Сказано, чтобы только въ лавкѣ съ ножами быть! Неслухи! Ступай въ лавку! (Приказчикъ уходитъ) Господи, грѣха-то какого надѣлали!.. Предъ всѣми жильцами какой позоръ приняли!.. Вѣкъ теперь не замолить... (Идя къ воротамъ) Осокинъ, за мной! Распоряженіе произойдетъ.

(Уходитъ. Осокинъ слѣдуетъ за нимъ. На сценѣ остаются Артамонъ, Матреша, Копейкина, которая держится въ сторонѣ, гуляя у стѣны и стараясь услышать, о чемъ говорятъ Артамонъ и Матреша)

МАТРЕША.

Говорила,—лучше уѣхать изъ дома его... Видишь, что выходитъ...

АРТАМОНЪ.

Что выходитъ?

МАТРЕША.

Неспокойствіе какое... Что это за жизнь?

АРТАМОНЪ.

Тебѣ все покою хочется... Ну, едва ли ты со мной его дождешься. Чѣмъ дальше отъ меня будешь, тѣмъ лучше тебѣ будетъ... Я покою больше всего боюсь...

МАТРЕША.

Цѣлыми днями ругаешься... И чѣмъ ты недоволенъ, никакъ догадаться не могу... Скажи мнѣ: чего тебѣ надо? (Пауза) Я тебя стала бояться... Какъ-то ты сразу, вдругъ переѣнился. Почему? Мной недоволенъ? Ну, я переѣду съ ребенкомъ куда-нибудь, оставлю тебя одного... Хочешь, чтобъ такъ было? Я сдѣлаю...

АРТАМОНЪ.

Ты тутъ не причемъ...

(Пауза)

МАТРЕША.

Уѣхать бы отсюда...

АРТАМОНЪ.

Я уѣду... Я далеко уѣду...

МАТРЕША.

Вѣдь я не держу тебя: поѣзжай, куда хочешь...

АРТАМОНЪ.

Еще бы держала... Меня держать нельзя, и никто не можетъ.

МАТРЕША.

Тыше говори, — народъ... Копейкина у стѣны хо-

дить... (Пауза) Если нужно тебѣ, я уѣду, одна буду жить...

АРТАМОНЪ.

Говорю, ты тутъ не причемъ... Мнѣ все равно, какъ тамъ выйдетъ—одна, не одна... Не въ этотъ штука...

МАТРЕША.

А въ чемъ-же?

АРТАМОНЪ.

Большой жизни мнѣ хочется... Я не согласенъ жить, какъ люди живутъ. Не хочу. Лучше ничего не надо... Поняла?

МАТРЕША.

Нѣтъ... Какъ же жить не такъ, какъ люди живутъ? Этого нельзя...

АРТАМОНЪ.

Искать надо... жизни другой искать... И въ этомъ исканіи, можетъ быть, настоящая жизнь и есть... Дѣдъ мой всѣ вѣры перепробовалъ, ни одну не нашелъ по сердцу и свою выдумалъ, Сусловскую... Вотъ и я свою найду... Мнѣ безъ этого никакъ жить нельзя... Не понимаешь ты этого... Тебѣ кажется, что я тобой недоволенъ и сержусь на тебя, а этого нѣтъ. Ей-богу, нѣтъ!.. Я уважаю тебя... А сержусь я на всѣхъ, и недоволенъ я всѣми людьми... И, главнымъ образомъ, за то, что они изъ жизни помойную яму устроили, одно безсмысліе, и стояла для себя вездѣ понадѣлали... Отецъ, вотъ, имъ новыя строить... радъ, что люди такіе...

МАТРЕША.

Это ты такъ все говоришь... Ты мной недоволенъ... Я это чувствую, чувствую сердцемъ...

АРТАМОНЪ (задумавшись).

Выходить, что и чувства, какъ мысли, есть короткія и слѣбныя...

МАТРЕША.

Опять недоволенъ... Что ни скажу, все не такъ...

(Пауза)

АРТАМОНЪ.

Водка дома у насъ есть?

МАТРЕША.

Вѣдь ты далъ слово Еленѣ Егоровнѣ не пить...

АРТАМОНЪ.

Ну, ладно... Ты не говори ей... Есть водка?

МАТРЕША.

Нѣтъ.

АРТАМОНЪ.

Сходи купи... (Вынимаетъ кошелекъ)

МАТРЕША.

Не пойду!.. Ни за что не пойду! Не падо тебѣ водку пить... Вредно...

АРТАМОНЪ.

И удивительно, право, какъ люди свою шкуру берегутъ!.. Я самъ пойду, куплю... (Встаетъ)

МАТРЕША.

Не ходи! Не пуцу я тебя.

АРТАМОНЪ.

Меня не пускать нельзя... Запомни это...

(Уходить въ ворота. Матреша склоняется надъ столомъ и украдкой вытираетъ слезы. Пауза. Подходить Копейкина)

КОПЕЙКИНА.

Хотите умный совѣтъ послушать?

МАТРЕША.

Какой совѣтъ?

КОПЕЙКИНА.

Пропавшая ваша жизньъ, если не послушаете меня.

МАТРЕША.

Вы ходили тутъ и подслушивали?..

КОПЕЙКИНА.

Чего подслушивать? Всѣ знаютъ, какъ вы живете... Мнѣ жалко васъ, хочу совѣтъ вамъ дать... Я въ жизни все видѣла, все испытала... Была дурой, стала умной, только—жаль—поздно, ухватиться не за что, и молодость прошла... А была я покрасивѣе васъ...

МАТРЕША.

И ничего отъ васъ не хочу... Оставьте меня...

КОПЕЙКИНА.

Мнѣ жалко васъ... Пропадете!.. Много нашей сестры пропадаетъ изъ-за мужей... А вашъ такой, что хуже моего... Развѣ можно на него положиться? Плюньте на него—совѣтую! Послушайте меня: ступайте сейчасъ къ старику,—такъ и такъ, молъ, простите за все и обезпечьте маленькаго Сулова... Простить старикъ,—онъ спитъ и видитъ, говорятъ, внуценка имѣть... И еще въ домъ къ себѣ возьметъ... Вѣдь онъ одинъ живетъ...

Ступайте!.. Спасибо мнѣ скажете... вѣкъ будете благодарить...

(Матреша встаетъ и идетъ къ крыльцу. Изъ вѣротъ выходитъ Осокинъ)

КОПЕЙКИНА.

Что ужъ больно гордо себя держите? Разговаривать не хотите? Можетъ быть, хуже меня будете нищей... Я какая ни-на-есть, а внѣ закона дѣтей не рожала!.. Мой папаша хотя и парикмахеръ, но никогда-бы этого не допустилъ бы...

МАТРЕША.

Вы напрасно обидѣлись на меня... Я просто не хочу слушать вашихъ совѣтовъ... (Входитъ на крыльцо)

ОСОКИНЪ.

Не обращайтесь вниманія, Матрена Степановна. У госпожи Копейкиной сердце уязвленное,—ей все кажется, что ее обижаютъ и посягаютъ на ея драгоцѣнное существованіе.

КОПЕЙКИНА.

Не только уязвленное, а... я уже не знаю, какое... въ клочки разорванное!

ОСОКИНЪ

(обращаясь къ Матрешѣ).

Куда это мужъ ушелъ? Сейчасъ видѣлъ, прошелъ въ ворота, безъ шапки...

МАТРЕША.

Не знаю... Такъ... должно быть, на улицѣ постоять...

ОСОКИНЪ

(стараясь понравиться Матрешѣ).

Я все-таки люблю его... Онъ меня не перевариваетъ,

а я люблю... И радъ, очень радъ, что старику сейчасъ потасовку задалъ. Слѣдуетъ! Его-бы въ волостномъ правленіи положить на скамейку и выпоротъ... Я съ удовольствіемъ выпаль бы ему штукъ сто!..

КОПЕЙКИНА.

Лиса... Вотъ лиса!..

ОСОКИНЪ.

Вамъ, Матрена Степановна, не подходитъ называться Матреной Степановной... Вамъ шло-бы имя—Людмила, Татьяна, и еще лучше-бы—Раиса: въ этомъ имени есть что-то райское...

МАТРЕША.

Не къ чему этотъ разговоръ... (Уходитъ)

ОСОКИНЪ.

Ушла... Не везетъ... Совсѣмъ перестало везти... Чортъ знаетъ, какія женщины стали, даже модистки!.. Бывало, разъ, два—и готово, а теперь ни чорта не выходитъ... Старъ, что-ли, сталъ?

КОПЕЙКИНА.

Пора ужъ уgomониться... Я думаю, много погубили нашей сестры... И не стыдно?

ОСОКИНЪ.

Чего-же стыдиться? Горжусь... (Пристально посмотрѣвъ на Копейкину) Приходите часовъ въ двѣнадцать сюда...

КОПЕЙКИНА.

Что вы! У меня мужъ умираетъ!..

ОСОКИНЪ.

Не умереть,—онъ сто лѣтъ будетъ умирать... Въ самомъ дѣлѣ, приходите—тряхнемъ стариной!..

КОПЕЙКИНА.

Пожалуйста, не смѣйтесь... Я была очень хорошенькая... На Тверской въ фотографіи моя карточка даже висѣла...

ОСОКИНЪ.

Я не смѣюсь... Ей-Богу, серьезно... Мнѣ ваша душа нравится и вообще...

(Входитъ Артамонъ. Копейкина убѣгаетъ до мой. Осокинъ быстро пошелъ къ воротамъ. Встрѣтясь съ Артамономъ, они посмотрѣли другъ на друга и, молча, разошлись; Артамонъ, оставшись одинъ, вынимаетъ изъ кармана бутылку съ водкой, выбиваетъ пробку, стуча по дну бутылки ладонью, и пьетъ прямо изъ горлышка, сидя на скамейкѣ. Встаетъ и нервной походкой, что-то обдумывая, поглаживая голову, ходитъ по садику, нѣсколько разъ выпивая изъ бутылки.

Освѣтились нѣкоторыя окна—стало совсѣмъ темно. Клочокъ неба безъ облака, и кажется звѣздъ на немъ еще больше... Городъ какъ будто бы особенно неспокоенъ: въ обычномъ шумѣ его слышны новые, необычайные звуки.

Елена возвращается откуда-то домой. Входитъ въ ворота и проходить ко крыльцу)

АРТАМОНЪ

(сидя на скамейкѣ).

Елена, это ты? (Отбрасываетъ бутылку)

ЕЛЕНА (вздрагивая).

Ты меня испугалъ. (Подходя къ нему) Наши дома?

АРТАМОНЪ.

Не приходили еще... Я очень радъ, что ихъ не было, — здѣсь была безобразная исторія... Приходилъ отецъ...

ЕЛЕНА.

Теперь мнѣ все равно, что было здѣсь и будетъ... Я обрубила. Сейчасъ ѣду.

АРТАМОНЪ (растерявшись).

Куда?

ЕЛЕНА.

На югъ...

АРТАМОНЪ.

Зачѣмъ?

ЕЛЕНА.

Нужно... Я обязана... Не спрашивай, —ничего не скажу... Надо торопиться, пока не пришли наши... Иначе не выбраться. Поѣздъ отходить въ 12 часовъ... Если можешь, дай мнѣ пятнадцать рублей... Я боюсь, что у меня не хватить...

АРТАМОНЪ.

Ты не уѣдешь...

ЕЛЕНА.

Не будемъ ни о чемъ говорить. Все кончено... Я обрубила.

АРТАМОНЪ.

Ты не уѣдешь... Тебя не хватить на это... Ты вернешься съ первой станціи!

ЕЛЕНА.

Подло удерживать меня... Ты не долженъ!.. Я дала

слово ѣхать, и я обязана ѣхать... Я не могу дольше оставаться въ этой квартирѣ! (Показываетъ на окна своей квартиры)

АРТАМОНЪ.

Ты не можешь?.. Зачѣмъ-же ты помогала меня приковать къ ней? Чтобъ я одинъ задохнулся? Да?

ЕЛЕНА.

Это было необходимо... У тебя не было другого выхода.

АРТАМОНЪ.

Вздоръ!

ЕЛЕНА.

Надо торопиться... Мнѣ нужно взять кой-какія бумаги... (Идетъ ко крыльцу)

АРТАМОНЪ

(хватая ее за руку).

Постой!.. Мнѣ нужно что-то тебѣ сказать... Погоди, я сейчасъ вспомню...

ЕЛЕНА

(подумавъ, рѣшительно).

Я знаю, что ты хочешь сказать... Я не люблю тебя и уѣду одна... Больше разговаривать намъ не о чемъ.

АРТАМОНЪ

(растерявшись, какъ ребенокъ).

Я зналъ это, но... Какъ же это? Что-же мнѣ дѣлать?
Н... ты...

(Изъ воротъ выходятъ старики Кастьяновы, возвращающіеся изъ гостей)

ЕЛЕНА.

Наши!

КАСТЯНОВЪ.

Ты что это, Леночка? Куда собралась?

ЕЛЕНА.

Я на минуту... Мнѣ нужно сходить къ Гофманъ..
отнести книгу...

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, не пущу. Одиннадцатый часъ, на улицахъ тьма оборванцевъ, просто проходу нѣтъ!.. Пойдемъ ужинать... Напрасно не пошла съ нами,—было очень весело! И квартира у нихъ большая, въ семь комнатъ! (Подходя къ дверя) Пойдемте!

ЕЛЕНА

(сходя съ крыльца).

Я сейчасъ приду, мама.

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Не пущу. Не пущу! Иди домой!...

КАСТЯНОВЪ.

Можетъ быть, ей и въ самомъ дѣлѣ очень нужно, старуха... Гофманъ недалеко живетъ, она скоро придетъ... Только дай слово, что скоро придешь. (Обращаясь къ Артамону) Проводи ее!

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Съ нимъ не пущу... Кухарку возьми...

ЕЛЕНА.

Какія глупости! Никакихъ провожатыхъ не надо... Я одна. (Идетъ и останавливается) Забыла взять книгу.

КАСТЬЯНОВЪ.

Какую? Я принесу сейчасъ...

ЕЛЕНА.

Я сама.

(Входитъ въ квартиру. Старики идутъ за ней, Артамонъ остается въ неподвижной позѣ у крыльца; черезъ нѣкоторое время возвращаются Елена и старикъ Кастьяновъ. Елена спускается съ крыльца)

КАСТЬЯНОВЪ

(стоя на крыльцѣ).

Такъ ты, смотри, не обманывай! Ужинать будемъ ждать...

ЕЛЕНА

(съ напускною веселостью).

Сейчасъ, сейчасъ... Ахъ, какой ты! (Толкая его въ дверь и, смѣясь, цѣлуя голову) Пошелъ, пошелъ домой... а то зацѣлю тебя до смерти!

(Старикъ скрылся за дверью. Что-то оборвалось въ груди Елены... Моментъ колебанія... Освѣтились окна квартиры... Елена подбѣжала къ окну и, прячась, заглядываетъ въ него)

ЕЛЕНА (тихо).

Они умрутъ... Ты будь съ ними... все время будь съ ними... Тебѣ не долго придется здѣсь быть: они умрутъ.

АРТАМОНЪ.

Ты возвратишься съ первой станціи...

ЕЛЕНА

(не слыша фразы Артамона и продолжая смотрѣть въ окно).

Папа заводитъ часы... заводитъ часы... Надъ нимъ крыло смерти...

АРТАМОНЪ.

Ты возвратишься съ первой станціи...

ЕЛЕНА.

Никогда... (Отходя отъ окна) Давай пятнадцать рублей...
(Артамонъ, медленно отсчитывая, даетъ деньги)

ЕЛЕНА.

Скорѣй... Но до поѣзда еще долго... Я успѣю... Я уже свободна!

АРТАМОНЪ.

Покуда живы они, ты не будешь свободна, гдѣ бы ты ни была!

ЕЛЕНА.

Да... Это жестокая мысль... Отойдѣмъ подальше, а то насъ могутъ слышать... (Отходить къ скамейкѣ. Пауза) Зачѣмъ мы отошли?.. Намъ нечего говорить... Надо торопиться... Поѣздъ отходить въ двѣнадцать... Теперь одиннадцатый... Мама, кажется, сказала — одиннадцатый?.. Я ѣду на югъ... Ты не бросай ихъ... Ты... Я, можетъ быть, тебѣ напишу... (Опять подбѣгаетъ къ окну) Папа все еще заводитъ часы!.. Какъ долго онъ заводитъ ихъ сегодня!.. Почему такъ долго?.. Мама уже въ капотъ... Удивительно скоро она надѣваетъ капотъ! (Подходя къ Артамону) Въ каждое воскресенье папѣ коробку конфектъ... Я могла только ему давать коробку конфектъ въ каждое воскресенье. Артамонъ!.. (Пауза) Артамонъ, скажи мнѣ что-нибудь! Давай сядемъ... сядемъ... поговоримъ... (Садятся. Пауза) Говори... Намъ надо что-то такое сказать... Отъ тебя пахнетъ водкой... Ты опять пилъ водку?

АРТАМОНЪ.

Сегодня случится что-нибудь... А если не случится, я никогда не уйду отсюда...

ЕЛЕНА.

О чемъ ты говоришь?

АРТАМОНЪ.

Когда я не зналъ тебя, у меня были тяжелыя мысли... И когда я узналъ тебя, мысли эти стали легкими и свѣтлыми... Онѣ не были тяжелы мнѣ... Теперь онѣ опять дѣлаются тяжелыми, и онѣ раздавятъ меня.

ЕЛЕНА.

Я не понимаю хорошо, о чемъ ты говоришь... Тебѣ надо сдѣлаться человѣкомъ, надо научиться работать. Я говорю пошлости... Не слушай... Тебѣ подскажетъ сердце, что надо дѣлать. Я вѣрю въ твое сердце. Ты человѣкъ большой любви...

(Пауза)

АРТАМОНЪ.

Ты ѣдешь по Курской дорогѣ?

ЕЛЕНА.

По Курской... Я уже забыла, что ѣду... Черезъ два дня я на югѣ... Увижу море... Я никогда не видала моря... Оно мнѣ представляется грознымъ. Какъ жаль, что это все такъ выходитъ... Мы—друзья и враги... Все равно... (Подбѣгаетъ къ окну) Должно быть, часы испортились... Папа все еще заводитъ ихъ. Когда я была маленькой, я пугалась, какъ били они по ночамъ... уходила спать къ мамѣ... Но теперь этого нѣтъ... есть только будущее. Я вѣрю, вѣрю, Артамонъ! Если придется мнѣ умереть, я умру безъ страха... (Отбѣгая отъ окна) Мама подошла къ окну... Должно быть, услышала мой голосъ. Скорѣе... скорѣе... (Вбѣжить къ воротамъ и останавливается) Копейкинъ... Я не простилась съ нимъ... Надо его повидать. (Вбѣгаетъ на крыльцо и задумывается, взявшись за ручку двери) Можно и не видать...

АРТАМОНЪ.

Елена, я сейчас караулъ закричу на весь городъ...
Въ Богородскѣ будетъ слышно!..

ЕЛЕНА.

Глупости... Надо идти. (Спускается съ крыльца) Теперь
ужь пора.

АРТАМОНЪ.

Ты уйдешь, я пойду и убью отца своего.

ЕЛЕНА.

Что за вадоръ?

АРТАМОНЪ.

Если бы не онъ, ты не ушла бы отъ меня. Онъ
сдѣлалъ меня ненужнымъ тебѣ... Онъ... только онъ. Я
лишній вездѣ, гдѣ честно, свято и тепло... Да есть ли
это? Есть ли? Елена, гдѣ это все хорошее, о чемъ мы
съ тобой говорили? Что душу живило, въ восторгъ
приводило?.. Вѣдь мнѣ землю хотѣлось порой цѣло-
вать!.. Гдѣ оно? Нѣтъ, ничего нѣтъ... обманъ одинъ...
Тьма, кругомъ тьма!.. Потомъ другимъ будетъ лучше...
А я хочу, чтобы мнѣ было лучше!.. Я закричу сей-
часъ... Ей-Богу, Елена, закричу!.. Не могу я жизни пе-
реносить... не могу!..

ЕЛЕНА.

Тише... тише... не надо такъ громко... Теперь о
томъ, что было, поздно говорить... Вѣрь, какъ я...
Прощай!..

АРТАМОНЪ.

Не вѣрю... Ничему не вѣрю... Все обманъ, все иллю-
зія... Не уходи, ради Бога, не уходи! Ты пойми, я
хочу, чтобы мнѣ было лучше!

ЕЛЕНА.

Я не знаю, о чемъ мы говоримъ... Все это не нужно, все лишнее... Я обрубила... я обрубила. (Быстро уходитъ)

АРТАМОНЪ

(слѣдуя за ней).

Погоди... Я понялъ, что я хочу сказать. Погоди.

(Оба исчезаютъ во тьмѣ передняго двора. Сцена долгое время пуста. Вышелъ изъ крыльца какой-то жилецъ и торопливой походкой прошелъ въ ворота. Большая пауза. Распахивается окно въ квартирѣ Копейкиныхъ, и раздается дрожащій голосъ, безильный и сильный, тихій и громкій отъ слезъ)

КОПЕЙКИНА

(въ окнѣ).

Кто-нибудь подите сюда!.. Человѣкъ скончался! Мужъ умеръ!.. Батюшки! (Падая на подоконникъ, въ слезахъ) Родимые!.. Кто-нибудь подите сюда!

(Прислушивается къ тишинѣ садика и, убѣждаясь, что никого нѣтъ, отбѣгаетъ отъ окна. Гдѣ-то въ другой квартирѣ открылось окно, выглянула голова въ турецкой фескѣ, и опять закрылось окно... Пауза.

Выбѣгаетъ испуганная, потрясенная смертью отца, Таня. Какъ кошка по крышѣ горячаго домика, мечется по садикъ, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета... И очутившись у дерева, склоняется на стволъ его, испуганными глазами глядитъ на окна своей квартиры и шепчетъ)

ТАНЯ.

Папочка... Папочка... Папочка!

(Вбѣгаетъ Артамонъ и останавливается у doorway. Таня пугается его и убѣгаетъ домой. Артамонъ, помню своей воли, кѣмъ-то тол-

каемый, повернулся на мѣстѣ и пошелъ, смотря въ землю, къ лѣвой стѣнѣ... Натыкается на стѣну, прижимаетъ къ ней лобъ и стонетъ сквозь зубы, задерживая въ себѣ крикъ. Пауза.

Въ квартирѣ Кастьяновыхъ отворяется окно... Показывается въ окнѣ старикъ и прислушивается къ тишинѣ садика..

Спустя немного, къ нему подходитъ старуха и спрашиваетъ)

МАРЬЯ ГЕРАСИМОВНА.

Идетъ?

(Прислушивается къ тишинѣ)

Занавѣсъ.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

ОНЪ ПРИШЕЛЪ.

I.

— Такъ ѣдешь?

— Вду.

Они курили, въ промежуткахъ прихлебывая густой застывшій чай. Лампа изъ-подъ абажура низко и желто освѣщала разбросанныя газеты, рукописи, книги, пере-вѣсившіеся черезъ стулъ штаны, а выше абажура ровная пепельная тѣнь поглощала незатѣйливую обстановку полустуденческой комнаты. Молчалъ потухшій, самоваръ.

— Тебя всюду ищутъ.

— Знаю.

— Твоя голова оцѣнена.

— Знаю.

Хозяинъ съ рыжей бородкой, въ синей суконной, безъ пояса, рубахѣ, прошелся изъ угла въ уголъ, сильно затягиваясь. Подошелъ къ столу и ткнулъ въ зашуршавшій листокъ:

— „...Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы получили свѣдѣніе, что за поимку товарища Богуна правительство назначило три тысячи рублей...“

Гость усмѣхнулся и погладилъ небольшую, но густую и окладистую черную бороду:

— Дешево... я думалъ,—дороже стою.

Ничего не было замѣчательнаго въ этой трехтысячегрублевой фигурѣ, но все въ немъ было удивительно пропорціонально. Грудь, плечи, руки, ноги—все было въ мѣру, все было полно живой, упругой, сдержанно сквозившей въ каждомъ движеніи силой. Лицо некрасивое, но злое добродушіе, державшееся постоянной улыбкой въ углахъ глазъ, смягчало его.

— На югѣ снова провалы,—заговорилъ онъ дѣловымъ тономъ, какъ бы желая сказать, что разговоръ на прежнюю тему исчерпанъ,—одного не понимаю, зачѣмъ эта кислятина, эти студни лѣзутъ въ дѣло?.. Для того, чтобъ фигурировать въ статистикѣ арестовъ?

— Милый мой, точно высчитано: средняя продолжительность работы—два мѣсяца.

Богунъ быстро, упруго поднялся.

— А я тебѣ говорю, а я тебѣ говорю,—смягчавшая его лицо постоянная скептическая улыбка въ углахъ глазъ пропала, и жесткостью, холодной и непреклонной, вѣяло отъ этихъ рѣзко-опредѣленныхъ чертъ,—я тебѣ говорю: черезъ шесть мѣсяцевъ правительство назначить за мою голову шесть тысячъ.

Хозяинъ покачалъ головой. Въ сосѣдней комнатѣ укачивали ребенка, и мѣрно и неясно доносилось: „аа-аа-аа“... и поскрипывали кольца колыбели. Не отвоя глазъ, черно глядѣла темнота въ стекла.

Богунъ ходилъ, заложивъ руки за спину, и думалъ.

— Наконецъ, если ты такъ скучаешь по семьѣ,—проговорилъ хозяинъ, вертя надъ лампой потухшую папиросу,—такъ лучше выписать ее въ какое-нибудь укромное мѣсто, куда и ты пріѣдешь, и поживешь. Въдь ужъ за твоей квартирой неослабно слѣдятъ.

— То-то, что не скучаю, —усмѣхнулся Богунъ, продолжая ходить,—я уѣхалъ отъ нихъ два года назадъ... Жена... жену я... люблю,—проговорилъ онъ съ разстановкой, какъ бы рѣшая самъ для себя этотъ вопросъ и приглядываясь къ воспоминаніямъ прошлаго, да...

откровенно сказать, меня и не тянетъ туда... Жена, какъ жена, хорошая женщина... дѣвочку я оставилъ крохотной, ей было около трехъ лѣтъ... я даже себя не представляю, что она теперь такое, ну... Нашему брату насчитать семейной жизни.. не до того... некогда, брать...

Помолчали. Все поскрипывали кольца, и мѣрно, какъ маятникъ, усыпляюще доносилось: „аа-аа-аа“...

— Тогда я тебя не понимаю...

— И все-таки я поѣду,—проговорилъ Богунъ, и добродушно-алая усмѣшка сбѣжала съ лица, и было оно жестко, сурово и непреклонно,—не понимаешь? Ну просто... просто встряхнуться хочу...

— Ну-у, голубчикъ,—протянулъ хозяинъ,—имѣешь ли ты право распоряжаться такъ собой? Ты принадлежишь партіи, а не себя, ты долженъ считаться только съ интересами партіи, а не съ своими капризами, и во имя партійной этики тебя всегда осудятъ.

Надменно зазвучалъ голосъ Богуна:

— У меня петля на шеѣ, и рано или поздно я въ ней повисну, а этого для удовольствія не дѣлаютъ, но никому никогда я не принадлежалъ, никому никогда я никакихъ обязательствъ не давалъ...

И, вдругъ остановившись, насмѣшливо - злобно бросилъ:

— Этика... партійная этика!.. Я самъ себя—этика!..

II.

Богунъ всегда спалъ крѣпкимъ, глубокимъ и, въ то же время, чуткимъ въ одномъ направленіи сномъ, въ кнѣзь спялъ моряки. Какой бы грохотъ и шумъ ни слышалъ вокругъ, его нисколько не беспокоило и не нарушало безмятежности сна, но присутствіе новаго толчка, хотя бы онъ сидѣлъ тихо, не шевелясь, пробуждало моментально, какъ электрическая искра.

И сейчасъ Богунь вдругъ почувствовалъ знакомое безпокойство, и первое, что онъ ощутилъ, среди гула и тряски вагона, это присутствіе человѣка, котораго раньше тутъ не было. Сквозь слегка приоткрытыя рѣсницы, при зачинающемся утрѣ, онъ увидѣлъ большія красныя руки на колѣняхъ, огромное тѣло, большое, лошадиное лицо и внимательные безцвѣтно-водяные глаза. Изъ-подъ бѣлобрыхъ бровей они неподвижно глядѣли на Богуна, не моргая голыми, безъ рѣсницъ, вѣками. И было въ этомъ внимательномъ взглядѣ водяныхъ глазъ что-то холодное и непредотвратимое.

Богунь, медленно позѣвывая, открылъ глаза, какъ бы не замѣчая визави. И сейчасъ же голыя, безъ рѣсницъ, вѣки сомкнулись подъ бѣлобрыхими бровями, и большое тѣло колыхалось отъ тряски на скамьѣ сонно и лѣнливо.

„А-а, голубчикъ!..“

Богунь почесалъ переносицу, какъ бы соображая, спать ему еще или довольно, глянулъ на мелькающую въ окнѣ сырую, осеннюю черную землю и оглядѣлъ вагонъ: все такъ же въ пыльномъ табачномъ дымѣ покачивались все тѣ же фигуры пассажировъ.

— Али женился?—слышалось сквозь дымъ и гулъ качающагося вагона.

— Женился... высокая да длинная!

— Вотъ не люблю, какъ высокая да тонкая.

— Тонкая да уши большія, страсть не люблю!

— А по мнѣ абы баба, въ хозяйствѣ все одно.

— Дозвольте чайничекъ...

Богунь бѣгло глянулъ на него: все та же покачивающаяся массивная фигура, огромныя руки на колѣняхъ и неподвижно затаенныя облѣзлыми вѣками глаза. Но и сквозь вѣки, казалось, онъ глядѣлъ все тѣмъ же внимательнымъ, безцвѣтнымъ водянымъ взглядомъ.

Богунь захотѣлъ провѣрить; прислонился въ уголь

и, чувствуя тряску вагонной стѣнки, закрылъ глаза, осторожно глядя сквозь рѣсницы. И тогда тихонько поднялись голыя вѣки, и безцвѣтные, водяные глаза снова, не моргая, неподвижно глядѣли на него, упорно, внимательно, разглядывая каждую линію, каждую черту лица.

„Да, это—онъ... сомнѣній нѣтъ“,—думалъ Богунъ, и ощущеніе злой усмѣшки проползло у него въ душѣ. И тогда Богунъ смѣло и прямо глянулъ въ глаза. Тотъ было закрылъ, но сейчасъ же подъялъ вѣки и тоже глянулъ прямо и упорно,—нечего было скрывать, они поняли другъ друга. Такъ съ секунду глядѣли другъ на друга два человѣка, потомъ спокойно перевели глаза и стали глядѣть въ окно на убѣгающую влажную землю, постоянно чувствуя другъ друга, постоянно чувствуя завязавшійся узелъ жизни и смерти.

„Сколько нужно наблюдательности, смѣтки, характера, сколько потрачено выдержки, нервного напряженія“,—думалъ Богунъ, — „чтобъ среди ежеминутно мѣняющагося людского моря открыть затерянную песчинку. И теперь этотъ, съ водяными глазами, огромный, массивный, спокойно везетъ жертву, зная, что некуда дѣться, не ускользнуть, не вырваться изъ огромныхъ красныхъ рукъ.

И нѣтъ у него злобы, нѣтъ у него ненависти къ преслѣдуемому и открытому имъ человѣку. Быть можетъ, въ глубинѣ души онъ думаетъ,—правъ человѣкъ, котораго онъ ни за что теперь не выпуститъ изъ рукъ, котораго предаетъ на висѣлицу. Только особенное чувство озлобленной любви, такъ знакомое охотнику, къ недающемуся въ руки, ускользящему и манящему звѣрю, наполняло его.

Настоящая, жгучая ненависть загоралась въ этихъ водяныхъ глазахъ, когда вставала личная опасность, когда преслѣдуемый оборачивался, оскаливалъ зубы и могъ укусить. Но были страшной силы огромныя крас-

ныя руки, въ боковомъ карманѣ топорщился револьверъ, и всегда бросятся на помощь всѣ эти мирно разговаривающіе о женитьбѣ, о чайникахъ, о дорогѣ люди.

Богунъ опустилъ глаза. Онъ чувствовалъ спокойствіе, холодное и жесткое, и такую же холодную, спокойную рѣшимость. Кончится перегонъ, войдутъ жандармы, и бесполезна будетъ самая мысль о сопротивленіи. Перевелъ глаза на сидяція на скамьяхъ, покачивающіяся среди вагоннаго гула и говора въ пыльномъ дыму фигуры. Въ простотѣ душевной, эти картузники, эти мужички съ изборожденными лицами, черные отъ черной земли, будутъ помогать вязать жандармамъ и чловѣку съ водяными глазами.

А въ окнѣ все летѣла назадъ сырая осенней сыростью земля, и воронье надъ ней, и низкое бѣгущее сѣрое небо. И два чловѣка сидѣли другъ противъ друга, и каждый дѣлалъ неизбежное для него.

III.

Богунъ поднялся и пошелъ изъ вагона. Въ дверяхъ оглянулся. *Тотъ* тоже поднялся и пошелъ за нимъ.

Богунъ вышелъ въ корридорчикъ. Тутъ стояло нѣсколько чловѣкъ. Разсказывали анекдоты, и сквозь гулъ поѣзда раздавались взрывы хохота. Богунъ быстро перешелъ черезъ двигавшіяся, качавшіяся между вагонами чугунныя площадки, изъ-подъ которыхъ бѣшено рвался съ удесятенной силой грохотъ мчавшагося поѣзда, и быстро, чтобъ разгорячить *того*, пошелъ по душному, переполненному сизымъ дымомъ другому вагону, цѣпляя торчавшія отовсюду узлы и чемоданы. *Тотъ* слѣдовалъ по пятамъ.

Такъ они прошли два вагона, и Богунъ перебрался въ корридорчикъ третьяго, присѣвъ за открытой съ площадки дверью.

Никого не было. Показался *тотъ*. Онъ быстро глянуть навверхъ, опасаясь, чтобъ преслѣдуемый не взобрался на крышу, и торопливо и осторожно перебрался между вагонами. Въ ту же секунду что-то съ страшной силой толкнуло его. Богунъ, упершись въ стѣнку корридорчика, изо всѣхъ силъ хлопнулъ дверь и почувствовалъ, какъ подъ его напряженными руками тяжелая дубовая, окованная желѣзомъ дверь глухо и массивно шлохнула во что-то мягкое. На секунду взмахнули въ воздухѣ красныя руки, и потомъ сквозь стекла, покачиваясь, ходила изъ стороны въ сторону только зеленая стѣнка противоположнаго вагона.

Богунъ рванулъ дверь и наклонился между колыхавшимися въ грохотъ изъ стороны въ сторону вагонами. Снизу, между ходившими ходуномъ площадками, на него глядѣло изуродованное ужасомъ окровавленное лицо. Все тѣло волоклось подъ буферами по шпаламъ, и огромная рука послѣднимъ судорожнымъ зажатіемъ шила въ край чугунной площадки.

Окровавленный ротъ, круглый и темный, кричалъ о чемъ-то. Онъ не молилъ о спасеніи,—тутъ не могло быть рѣчи о пощадѣ,—онъ просто кричалъ о животномъ ужасѣ смерти, но для Богуна былъ нѣмъ этотъ круглый, черный, исковерканный, судорожно мѣняющійся на окровавленномъ лицѣ ротъ. Въ безумномъ грохотѣ желѣза и стали бурно крутившійся ураганъ пожиралъ всѣ звуки. Только глаза, огромные безцвѣтные, водяные, выкатившіеся изъ-подъ бѣлобрысыхъ бровей глаза глядѣли на него взглядомъ издыхающей собаки, которая не видитъ смысла своей гибели, и тоже кричали о послѣднемъ ужасѣ ничѣмъ не смягчаемой, ничѣмъ не искупаемой смерти.

Держась за желѣзную скобу, Богунъ быстро нагнулся и съ размаху ударилъ между этими глазами, чтобъ потушить ихъ страшный нѣмой крикъ. Окровавленное лицо мелькнуло, и внизу уже никого не было.

только съ неукротимой быстротой, сливаясь, неслись шпалы, и неся злобно, упорно, торжествующе грохочущій говоръ колесъ.

Богунъ вошелъ въ корридорчикъ и отеръ капли холоднаго пота со лба. Постоялъ. Никого не было. Прощелъ въ свой вагонъ, сѣлъ и долго глядѣлъ на уносящуюся сырую, черную, нѣмую землю съ вьющимся надъ ней ворошьемъ и низко бѣжавшимъ сѣрымъ небомъ, и противъ него была пустая скамейка.

На скрещеніи пересѣлъ въ другой поѣздъ и снова потерялся, какъ иголка, среди миллионовъ людей.

IV.

Комната была небольшая, но въ ней было свѣтло и уютно, а на дворѣ изъ темноты кто-то кланялся, заглядывалъ и стучалъ голыми, прилипавшими къ стекламъ вѣтвями, и въ трубѣ возились, слышался непонятный разговоръ, чудилось пѣніе безъ словъ, безъ мотива.

Какъ засвѣтившаяся искорка, среди темныхъ звуковъ, прозвенѣлъ тоненькій голосокъ:

— Мама, кто въ трубѣ разговариваетъ, онъ—живой?

— Нѣтъ, дружокъ, это—вѣтеръ.

Дѣвочка, лѣтъ четырехъ, сидѣла въ кроваткѣ и пересматривала тысячу разъ пересмотрѣнныя картины въ книжкѣ. На стѣнѣ темная тѣнь мѣрно взмахивала черной рукой, и казалось, ея плоскія движенія по стѣнѣ имѣли загадочное отношеніе ко всѣмъ спутаннымъ, неяснымъ, разбросаннымъ въ домѣ звукамъ осенней ночи.

— Мапочка, ты сегодня не будешь плакать?

— Нѣтъ, дружокъ.

Кто-то плакалъ, стучалъ и просился въ окна, въ стѣны, въ двери, у кого-то не было счастья и ласки, или ему не нужно ихъ было, и опъ смѣялся, издѣваясь

надъ теплою, уютною, надъ свѣтлой комнатою, надъ тоненькимъ голоскомъ ребенка.

— Мама, отчего козерогъ—козерогъ?

— Такъ называли, дѣтка.

— Смѣшной козерогъ.

Тѣнь перестала двигаться, черная рука слилась съ общимъ контуромъ, и было неподвижно, задумчиво, точно тонкій налетъ грусти подергивалъ предметы. Молодая женщина сидѣла неподвижно, какъ и тѣнь на стѣнѣ, неподвижно лежало на колѣняхъ шитво, не поблескивала игла. Блѣдное лицо говорило застывшимъ выраженіемъ: „что бы я ни дѣлала, куда бы ни шла, какъ бы ни были сухи глаза,—слезы, слезы всегда стоятъ въ горлѣ... дни уходятъ, молодость уходитъ, жизнь уходитъ...“

А за окномъ снова кто-то кланяется, заглядываетъ и шуршитъ мокрыми вѣтвями, кто-то плачетъ, кто-то стонетъ, не то смѣется и издѣвается. И попрежнему въ этомъ черномъ мракѣ ведется свой собственный особенный разговоръ, въ которомъ нѣтъ человѣческаго смысла. И среди мертвыхъ мятущихся ночныхъ звуковъ раздался живой человѣческій звукъ, точно кто стукнулъ подъ окномъ.

— Ав!..

Въ комнатѣ все наполнилось чуткимъ напряженіемъ вниманія. Дѣвочка глядѣла широко раскрытыми глазами.

— Мама, это—онъ?

— Да нѣтъ, моя крошка... не выдумывай, моя птичка.

— У него бѣлые зубы, лохматя ноги...

— Будетъ, будетъ... разсматривай свои картинки.

— Онъ разговариваетъ въ трубѣ и стучитъ въ окна...

— Да это вѣтеръ вѣткой. Успокойся, дружокъ.

— Мама, у волка, который съѣлъ Красную Шапочку, длинные зубы?

Снова тѣнь на стѣнѣ, наклонившись, плоско замазываетъ черной рукой, тянется вечеръ, бродятъ по дому смятенные ночные звуки.

Стукъ, стукъ!!!...

Да, ясно, кто-то стучитъ. Какъ жутко вдвоемъ съ ребенкомъ! Дѣвочка торопливо слѣзаетъ съ кровати босыми ножками на полъ.

— Кто тамъ?.. Ахъ, Боже мой, Киса, развѣ можно на холодный полъ, — торопливо беретъ дѣвочку на руки, — у тебя и безъ того головка горячая... но кто тамъ?... что вамъ нужно?... что?.. не разберу... что?.. но я вѣдь не знаю, что вы за человѣкъ... нѣтъ, не узнаю голоса, приходите днемъ...

Но тамъ настойчивы, — стучать подъ окномъ, стучать у дверей, и этотъ живой стукъ въ тысячу разъ страшнѣе мертвыхъ звуковъ ночи. Слышны шаги отъ дверей къ окну, и къ черному стеклу приникаетъ бѣлое пятно лица съ темными пятнами глазъ.

Дѣвочка въ ужасѣ охватываетъ мать за шею рученками и прячетъ личико. Женщина вскрикиваетъ, отрываетъ отъ себя ребенка, сажаетъ въ постельку и черезъ минуту съ плачемъ, съ судорожнымъ смѣхомъ, съ рыданіемъ обнимаетъ человѣка съ черной окладистой бородой.

V.

— Нѣтъ, ты — не мой папа.

— А кто же я?

Дѣвочка дѣловито смотритъ на мать, потомъ въ черное окно.

— У того, который въ трубѣ разговариваетъ, ноги лохматая, а ты вѣдь добрый его?

Ея глазки свѣтятся лукавствомъ. Они сидятъ

вдвоємъ,—мать хлопочеть съ чаемъ,—но дѣвочка держить своего гостя на почтительномъ разстояніи.

— Но вѣдь и мама говоритъ, что я—твой папа.

— Подожди, не спиши, — докторально заявляеть маленькая женщина, нахмуривая крохотныя бровки,—мама мнѣ рассказывала, какой мой папа.

— Какой же?

— Онъ большо-ой, большой... съ нашу крышу, и сильный, такой сильный, такой сильный, льва побореть, у него нога съ мамину кровать, а глазъ...—дѣвочка поискала глазками по стѣнѣ,—съ окно...

Человѣкъ съ черной бородой смѣется.

— Ты знаешь козерога?

— Я знаю не только козерога, но и мою милую крошку, мою дочурку, которая будетъ любить своего папу.

Та качаетъ головкой.

— Когда мама мнѣ рассказывала про моего папу, всегда плакала, а теперь смѣется... нѣтъ, ты—не мой папа.

Но на другой день они были друзьями. Она сидѣла въ кроваткѣ со своими игрушками и книжками, а онъ въ простѣнкѣ между окнами, плотно прислонившись къ стѣнѣ, совсѣмъ избѣгая ходить по комнатѣ, чтобъ не было видно со двора, и держаль крохотную тепленькую ручку въ своей сильной рукѣ. Они говорили о самыхъ разнообразныхъ вещахъ и выясняли другъ другу свое міросозерцаніе.

— Знаешь, меня начинается ревность глотать, — говорила молодая женщина, оторвавшись на минутку отъ хозяйскихъ хлопотъ и смѣясь счастливымъ смѣхомъ,—то тебя революція отнимаетъ у меня, а теперь дочка забрала. Павлуша, милый, надѣнь, тебѣ будетъ очень удобно... это я папашѣ вышивала къ именинамъ, все равно, надѣнь.

Богунъ просунулъ руки въ рукава и запахнулъ

мягкія теплыя полы расшитаго халата. Жена любовно завязала концы шнура съ болтающимися кистями.

— Вотъ те разъ!..—проговорилъ Богунъ, оглядывая себя,—не угодно-ли!.. Недостаетъ ермолки съ кисточкой. Отъ вис...—но во время прикусилъ языкъ.

„Отъ висѣлицы до халата—одинъ шагъ“...—мелькнуло у него.

Начались странные дни, странные дни тайнаго семейнаго счастья, скрытаго отъ людскихъ глазъ. Когда просыпались, уже день загорался звенящимъ дѣтскимъ голоскомъ, искрился милый смѣхъ, и наполнялъ комнату дѣтскій лепетъ, наивный и полный своеобразнаго и неожиданнаго для взрослыхъ смысла.

Пили чай съ коврижками, говорили, безпричинно смѣялись, играли въ лото, рассказывали длинныя сказки, чудесныя исторіи. И чудилась лѣнивая рѣка, желтѣющіе пески, дремлющій лѣсъ, и опрокинутыя въ дремлющей водѣ бѣлыя облака, и истома, и зной соннаго лѣтняго дня. Какъ будто не нужно было усилій, какъ будто не было рѣзкихъ звуковъ, красокъ, какъ будто дремотно клонился весь міръ, и кругомъ было тихо, спокойно и легко.

VI.

Какъ-то вечеромъ Богунъ сбросилъ халатъ, надѣлъ евой пиджакъ, шляпу.

— Я иду.

Женщина затрепетала.

— Куда?

— Въ комитетъ... нѣтъ-ли чего, кстати порученія дать на югъ.

Она обвила его, спрятала голову на груди, неудержимо рыдая.

— Я знаю... я... знаю... тебя... у... меня... отнять!..

Онъ гладилъ ея голову, но глаза смотрѣли жестко

и холодно, и она знала: никакими силами нельзя было его удержать. Онъ ушелъ и поздно ночью вернулся. На другой день опять ушелъ и сталъ уходить каждый день и возвращаться ночью.

Стали и къ нему приходять.

Все это былъ молодой народъ, плохо одѣтый, съ худыми лицами и безпокойно горѣвшими глазами.

Цѣлыми часами, понизивъ голосъ, говорили о дѣлахъ, о выступленіяхъ партіи, о готовящихся покушеніяхъ, расшифровывали и зашифровывали письма.

Ребенокъ внимательно вглядывался въ этихъ людей, надѣвалъ мяконькія туфельки, тихонько слѣзалъ съ кровати и, забравъ все свое имущество, карабкался къ отцу. Тотъ бралъ къ себѣ на колѣни, и по суровымъ чертамъ проходило выраженіе внутренней мягкости и ласки, такъ не вязавшееся съ этими чертами и такъ неожиданно присущее имъ. А голосъ его все такъ же дѣловито звучалъ:

— Такъ, говорите, есть народъ, а денегъ не хватаетъ? Да вѣдь въ мѣстномъ комитетѣ у нихъ же есть средства. Наконецъ, можно снестись съ центральнымъ...

— Папочка, если нѣтъ денегъ, я своего козерога могу подарить. Вотъ.

Всѣ смѣются, а она смотритъ на нихъ не подѣтски внимательными глазками, и черточка напряженія и мысли хмурить ея лобикъ. Что въ отцѣ теперь что-то новое, и не весь онъ принадлежитъ ей, это она отчетливо понимаетъ. И ей опять хочется забрать своего папу.

Въ окна попрежнему черно смотритъ ночь, но она давно перестала быть живой. Уже никто тамъ не кладется, не плачетъ, не стучитъ, не заглядываетъ, а если и стучитъ, такъ это просто мокрѣя вѣтви о холодное стекло. Никто не возится и не разговариваетъ въ грубѣ, а если и возится и воетъ, такъ это просто вѣтеръ.

Зато цѣлое море новыхъ понятій хлынуло въ ея маленькую головку, и она хлопотливо ихъ сортируетъ. И она хочетъ опять забрать себѣ своего папу, обвиняетъ его шею и цѣлуетъ:

— Я тебя крѣпко, крѣпко люблю, папочка.

И, бессознательно ища слабаго мѣста въ его сердцѣ, говоритъ:

— А мама опять стала плакать.

А они ласково гладятъ ея головку, и ихъ суровыя рѣчи о дѣлахъ, спаянныхъ съ жизнью и смертью, перебиваются смѣхомъ, шуткой, и лаской, и маленькой сказочкой.

Отецъ прижимаетъ къ губамъ эту головку съ мягкими льняными волосами, и странное ощущение нарастающаго въ этомъ тепломъ комочкѣ сознанія проникаетъ его какимъ-то новымъ, незнакомымъ, неиспытаннымъ дотолѣ чувствомъ.

— Ой!.. Какая твоя борода!.. Щечочетъ... отчего она такая черная? ты ее красишь?

VII.

Какъ-то вечеромъ въ комнату ворвался запыхавшійся, блѣдный человѣкъ и, съ трудомъ переводя дыханіе, крикнулъ:

— Домъ оцѣпляють!..

Богунъ выпрямился, спокойный и холодный.

— Гдѣ?

— Въ Кривомъ переулкѣ... возлѣ фабрики... Скорѣе... иначе поздно!..

Женщина, захлебываясь, съ безумными глазами, обнимая одной рукой и толкая другой къ двери, шептала поблѣвшими губами:

— Павлуша... уходи.. сию минуту... уѣзжай... не ворочайся больше, не медли... уходи... ради всего...

Онъ обнялъ жену, легонько отстранилъ и нахло-

нился надъ дѣвочкой. Та лежала съ блестящими глазами и горящимъ личикомъ и сосредоточенно перебирала края простыньки.

— Ну, дѣвочка, прощай... будь здорова, весела, не забывай своего папу...

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее. Дѣвочка, равнодушно относившаяся ко всему, что происходило, занятая своей простынькой, вдругъ обвила отца и улыбнулась:

— Нѣтъ, ты мой.

— Скорѣе... уже въ воротахъ...

— Павлуша, уходи...

— Уходите-же!..

— Крошка моя... но вѣдь мнѣ надо ѣхать далеко... мнѣ очень надо ѣхать...

Она нахмурила бровки, какъ хмуридъ ихъ Богунъ.

— Хорошо, папочка, только...—губки ея дрогнули,—приди ко мнѣ еще разочекъ... мамочка ждала, плакала... теперь я буду ждать... буду пла...кать... буду... дол...го пла...кать...

Губки ея опять задрожали.

— Павлуша... Павлуша... ты погибъ...

Женщина металась, ломая руки.

Богунъ взялъ дѣвочку, посадилъ на колѣни, обнялъ и, чувствуя ея горячее тѣльце, потерявшееся въ его сильныхъ рукахъ, сталъ говорить, удерживая трепетаніе голоса, самъ не узнавая себя, самъ удивляясь неизсякаемому источнику бившей въ немъ нѣжности:

— Мой дружочекъ... мой милый, мой ласковый дружочекъ... моя крошка, моя ненаглядная... папа придетъ... папа твой придетъ... папа твой во что бы то ни стало придетъ... будь покойна, моя ласточка, и жди своего папу... только будь здорова, у тебя что-то горячая головка...

— Дворъ наполненъ людьми...—теперь только черезъ крышу сарая...

Еще разъ поцѣловаль, положилъ въ кроватку и бросился въ двери.

Ворвалась орда, но нашла рыдавшую женщину и ребенка.

VIII.

И онъ пришелъ.

Онъ пришелъ въ глухую, темную, вѣтреную осеннюю ночь.

Вѣтеръ бился въ воротахъ и крышахъ, бѣгалъ по лицамъ, по двору, рвалъ и путалъ клочками темноту, колебалъ пламя газовыхъ рожковъ, заглядываль во всѣ углы, гдѣ особенно густо лежала ночная темь.

Изъ-за забора фонарь, колеблясь и моргая желтымъ глазомъ, то смѣясь, то хмуро, заглядываль во дворъ, и трепетныя тѣни суетно и торопливо сновали по всему двору, безпокойно ища кого-то.

Было пусто, вѣмо и неподвижно, хотя ночь была заполнена шумомъ, суетой и мельканіемъ, и чудилось напряженное вниманіе враждебнаго и скрытаго. Кто-то пытливо вслушивался и, не отрываясь, всматривался въ темноту.

И вѣтеръ, не находя покоя, опять пустился на поиски, и, трепетно мелькая, засновали тѣни. Сторожко пробрался вдоль забора, гдѣ особенно подозрительно густѣли колеблющіяся деревья, и устремился къ маленькому домику, тихо и уютно глядѣвшему освѣщенными окнами въ глубинѣ двора. И вмѣсто того, чтобы пѣть въ трубѣ сквернымъ голосомъ и гремѣть листьями желѣзной крыши, приникъ къ окнамъ.

Должно быть, онъ увидѣлъ тамъ неожиданное, потому что воровски, низомъ побѣжалъ назадъ, забрался въ самую глушь и притаился. А вмѣсто него къ освѣщеннымъ окнамъ прилипли десятки жадныхъ глазъ.

И тѣни перестали сновать по двору, и фонарь уже

не заглядывалъ черезъ заборъ, а горѣлъ ровно, спокойно и строго, выполняя свое прямое назначеніе освѣщать улицу, ибо теперь начиналось человѣческое.

Глаза, жадно прилипшіе къ окнамъ, увидѣли небольшую комнату, освѣщенную лампой, кроватью посрединѣ. У кровати на колѣняхъ, уронивъ голову на руки, рыдала женщина. Возлѣ стоялъ чернобородый мужчина. Въ кровати, разметавшись, спалъ ребенокъ.

Съ трескомъ сорвались съ петель двери, раздались выстрѣлы, крики, брань... Чернобородый мужчина моментально исчезъ, въ другой комнатѣ зазвенѣли стекла. По двору тяжело затоптали, и опять крики, блескъ, выстрѣлы, брань...

— Дьяволы!.. Да вѣдь это — Миколка!.. Сволочи, свово душите, а энтотъ убѣгъ!..

— Го-го... дяржи... дяржи... въ уголъ!..

— Бей!..

Снова выстрѣлы, снова крики и брань, тяжелое сопѣніе, хрипъ...

Вѣтеръ попрежнему воровски тайлся, ибо совершалось человѣческое. Только фонарь изъ-за забора искося повелъ желтымъ глазомъ, и всѣ тѣни, узкія и длинныя, повело въ уголъ, гдѣ тяжело и трудно ворочался черный клубокъ.

Клубокъ притихъ, развернулся, выпрямился и распался на отдѣльныя фигуры. Въ темнотѣ слышалось сморканіе, смѣхъ, радостный говоръ.

— Съ благополучіемъ!.. Опять, думалъ, убѣгѣтъ... каждый день караулили... Ну и, сволочь, здоровый, чистый кабанъ... будетъ теперь помнить, проклятый... Слава те, Господи, Царица Небесная, заработали ребягишкамъ на молочишко...—И, снявъ поблескивавшую ляхой въ темнотѣ фуражку, перекрестился.

СКИТАЛЕЦЪ
НА ВОЛГЪ.

Я ѣхалъ весною по Волгѣ, безъ дѣла невольно скучая
Шумѣлъ пароходъ, и зеленныя горы тянулись,
Смѣнялись косами песковъ золотистыхъ,
И Волга широко плескалась, какъ море...
Порой встрѣчались расшивы, и плыли громады-бѣляны,
Качались плоты, и на нихъ огоньки разгорались,
И люди въ посконныхъ рубахахъ себѣ котелокъ кипя-
тили,

Готовя свой скудный обѣдъ или ужинъ.
И медленно эти картины, плывя предо мною, тянулись,
И ревъ парохода внезапно прорѣзывалъ воздухъ
И каждой горою по нѣскольку разъ повторялся,
Какъ будто другъ другу онѣ каждый звукъ отдавали.
И были разлиты величье и строгость въ природѣ.
Душа насыщалася ею. Но мысли меня тяготили.
Людей захотѣлось мнѣ видѣть и слышать,
И къ людямъ я мыслью моею вернулся.

Цвѣтуція дѣвы и пышно-одѣтыя дамы
Гуляли, смѣялись, забавно играли словами
И ѣли конфеты, ихъ въ пурпурный ротикъ бросая.
Античною ручкой бряцали ошѣ на рояли,
И звучно неслись надъ рѣкою Бетховена звуки.
Дужчины-же, важные, сытые, съ плотной осанкой,
За воздухъ свѣжемъ все время лишь пили да ѣли.
И, вкусный обѣдъ плотоядно и строго смакуя,
Знакомъ золотистымъ обильно его поливали.
Они говорили увѣренно, громко и важно

О томъ, будто ими народъ избалованъ,
 Что твердая власть лишь одна успокоитъ голодныхъ.
 О бѣдномъ народѣ заботливость такъ выражая,
 Они наѣдались, оружье сложивъ на тарелки.
 И рѣчи ихъ были такъ лживы и грубы,
 Что, полный презрѣнья, я внизъ торопливо спустился.

Тамъ, въ трюмѣ,—и грязно, и тѣсно. Товары
 Навалены грудами всюду, и люди
 Гнѣзятся межъ нихъ на полу... И невольно
 Смѣшался я съ бѣдной, сермяжной толпою.
 Предъ ней на скамейкѣ сидѣла сѣдая старуха,
 Одѣтая просто, вся въ черномъ, но что-то
 Въ лицѣ ея было такое, что я поневолѣ
 Къ ней чувствовать сталъ уваженъ и робость.
 Она говорила: „возстанетъ родной братъ на брата,
 Возстанутъ отцы на дѣтей своихъ!.. Голодъ настанетъ,
 И будутъ великія войны, и моръ на людей испо-

шлется.
 Великіе будутъ и стоны, и слезы, и скрежетъ зубо-
 ный!

И вотъ, когда люди и смыслъ, и любовь теряютъ,
 Собьются съ дороги, какъ стадо всѣ врозь разбре-
 дутся,—

Появятся тутъ лжепророки, объявится въ мірѣ Анти-
 христъ.

И будутъ они обѣщать всѣмъ страдальцамъ
 Свободу, прощенъ грѣховъ и спасенъе.
 И будутъ имъ вѣрять, спасенъя отъ нихъ ожидая.
 Но только гласъ трубный еъ небесъ, зки громъ, проне-
 сется,

Какъ истинный Богъ нашъ со славою всею приндетъ
 Во облацѣхъ свѣтлыхъ, съ громами и силой небесной.
 Тогда Онъ возсядетъ на тронъ, окруженный небесными
 вой,

И звѣзды, пылая, падутъ всѣ на землю,

И міръ загорится... И всё, что въ могилахъ отъ вѣка
 Лежали, воскреснуть и явятся вновь предъ Судьею.
 Всѣ явятся вмѣстѣ: отцы сыновой повстрѣчаютъ,
 А матери дочерей: всё, всё, кого смерть разлучила,
 Увидятся послѣ разлуки, чтобъ снова разстаться на
 вѣки“.

На мигъ тутъ умолкла старуха и крупныя слезы
 Съ морщинистыхъ щекъ рукавами утерла.
 Толпа замерла въ ожиданьи. Слеза за слезою
 У грубыхъ матросовъ по мѣднымъ ихъ лицамъ кати-
 лись,
 Въ густыхъ бородахъ исчезая, какъ будто металлъ рас-
 топленный.

Она продолжала: „восплачутся, горько восплачутся
 люди,
 А Богъ, отдѣливъ свое стадо отъ козлищъ,
 Речетъ нечестивымъ: „идите въ огонь вѣчный!“
 Рыданья и стоны въ толпѣ вокругъ меня зазвучали,
 И самъ я, давно уже вѣру во все потерявшій,
 Почуялъ, какъ слезы въ отравленномъ сердцѣ вски-
 пѣли.

Старушка умолкла... Но я къ ней приблизился робко
 И тихо спросилъ ее: „бабушка, кто-жъ эти люди?
 Кто грѣшники злые, что отданы будутъ на муку?
 Не тѣ ли, что въ бѣдности черной живутъ и страдаютъ?
 Ужель, какъ въ аду, на землѣ изнывая,
 Они и за гробомъ за что-то наказаны будутъ?
 А тѣ, что живутъ, какъ въ раю, на землѣ и владѣютъ
 землею,
 Ужель и за гробомъ всё будутъ опять наслаждаться?“
 Старуха меня оглядѣла сначала съ большимъ недо-
 вѣремъ
 И брови сѣдня въ молчаньи нахмурила строго.

Но, видя, что голосъ отъ слезъ у меня прерывался,
 Опять прояснилась и мнѣ отвѣчала любовно,
 И голову гладила мнѣ, какъ ребенку,
 И голосъ ея зазвучалъ такъ отрадно,
 Такъ мягко, съ такой материнской любовью:
 — А ты, мой дружочекъ, счастливицамъ земли не за-
 видуй!

Судья справедливъ, на судъ все оцѣнить!
 Строптивъ ты, я вижу, и мало, охъ, мало ты вѣришь!
 Пошли тебѣ Господи твердое, сильное сердце!
 Судья не за гробомъ, а здѣсь всѣхъ разсудить,
 Онъ—видитъ обиженныхъ, слышитъ стenanья!
 Придетъ Онъ, повѣрь мнѣ! Судъ—будеть!

Сказала—и снова съ рассказомъ къ толпѣ обратилась.
 И долго и строго еще говорила старуха.
 А чуткія горы, какъ прежде, навстрѣчу тянулись
 И съ важною думой на мощныя волны глядѣли.
 Казалось, что рѣчь ея молча онѣ подтверждали,
 И все: и рѣка, и лѣса, и угрюмыя скалы
 Какъ будто таили въ себѣ эти важныя рѣчи,
 Дышали одною великой и строгою думой.
 Шумѣли колеса, и волны, звеня, разбивались,
 И мчался впередъ пароходъ, гладь рѣки разрѣзая.
 Межъ тѣмъ за горами ужъ солнце садилось,
 И тѣни отъ нихъ, словно тучи, ползли надъ рѣкою.
 И день угасалъ, и темнѣли румяныя краски,
 И, всыхнувъ, какъ искры, одна за другою
 По темному небу зажглись золотистыя звѣзды.

Н. ТЕЛЕШОВЪ.

КРАМОЛА.

I.

Съ нѣкоторыхъ поръ, неизвѣстно—зачѣмъ и откуда, сталъ появляться въ городѣ прилично одѣтый господинъ, лѣтъ 40, съ пушистыми бакенбардами и въ цилиндрѣ, не очень модномъ и не новомъ; такъ же не очень новъ и не очень моденъ былъ его костюмъ, и это придавало ему много солидности; ничто не обнаруживало въ немъ ни легкомысленнаго франта, ни прогорѣлаго барина, напротивъ—видѣлся въ немъ простой человѣкъ, которому некуда было дѣвать свободнаго времени; этимъ и объясняли его склонность поговорить, пошутить и рассказать множество новостей.

Появлялся онъ то въ Охотномъ ряду, гдѣ заглядывалъ въ мясныя и зеленныя лавки, восхищался пѣвчими птицами, то зааживалъ провѣдать купцовъ на Старую Площадь, то въ Ряды, то появлялся на торговыхъ подворьяхъ, и вездѣ стали знать его въ лицо и разговаривать съ нимъ. Обыкновенно онъ выбиралъ такія лавки, гдѣ торговцы бывали попроще и посѣрѣе, а заходилъ къ нимъ въ такое время, когда они бывали не очень заняты. Въ мясной лавкѣ онъ покупалъ курицу или говядину, въ колоніальной—папирсъ, въ галантерейной—галстукъ, а познакомившись, заходилъ нерѣдко и такъ: потолковать отъ нечего дѣлать, или „почесать языкъ“, какъ выражались торговцы.

— Ну-ка, отецъ-благодѣтель, — обращался онъ ве-

село къ одному изъ приказчиковъ, — заверни-ка мнѣ фунтикъ колбаски.

— Ну-ка, отецъ-благодѣтель, достань десяточекъ папирось,—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Поэтому за нимъ и укрѣпилось прозвище „Благодѣтель“, хотя въ глаза его всѣ называли просто господиномъ. Кто онъ такой и какъ его имя — почему-то никто не спрашивалъ; интересовались имъ только одни мясники, съ которыми онъ имѣлъ особенную склонность бесѣдовать. Здоровенные ребята, съ мускулистыми руками и толстыми лицами, въ грязныхъ, засаленныхъ фартукахъ, обвѣшанные кругомъ бедеръ широкими, длинными ножами, они иногда загадывали другъ другу: кто такое Благодѣтель? Одни говорили, что онъ непремѣнно дворцовый лакей, потому что у него баки очень вылощены.

— И все знаетъ. Сколько разъ про войну предсказывалъ: что скажетъ, то, гляди, и случится на завтра. Ты попробуй, распахни ему пальто: у него, небось, все пузо въ золотѣ!

Другіе не соглашались.

— Нѣтъ. Лакей не можетъ такъ разговаривать. Да у нихъ и харчи казенные: на кофѣ ему говядина, или сырая курица!

— А, можетъ, онъ для любовницы покупаетъ!

— Вотъ ежели для любовницы... Только онъ, все-таки, скорѣе всего по монопольной части,—оттого все и знаетъ.

— А зачѣмъ у него баки-то такія, если онъ по питейному дѣлу?

— А чего-жъ имъ не быть? Это у мѣнялы баки не выростутъ, а акцизному можно и съ баками...

Къ хозяевамъ Благодѣтель относился болѣе почтительно, здоровался съ ними за руку и вздыхалъ о плохихъ барышахъ, а на плохіе барыши купцы всегда любятъ пожаловаться.

— Вѣдь этакъ дѣла-то въ двѣсти лѣтъ не поправятся,—сочувственно говорилъ Благодѣтель, качая головой и задумываясь.—Кого ни послушаешь, одно и то же: плохо и плохо. А что за причина? Что за напасть пошла на Россію?

— Насчетъ дѣловъ — это вѣрно, что напасть. Наши дѣла теперь, по-русски сказать...

— Не договаривайте. Знаю, какъ скажете.

— То-то и оно! Всякій знаетъ, какъ ежели по-русски про теперешнія дѣла сказать...

Однажды Благодѣтель явился въ мясную лавку поутру, въ самый разгаръ торговли. Всѣ были заняты: рубили, рѣзали, вѣшали, получали деньги, завертывали, считали; возлѣ прилавковъ, дожидаясь очереди, стояли кухарки въ теплыхъ платкахъ, съ сумками и корзинками.

— Я подожду,—сказалъ Благодѣтель:—мнѣ не къ спѣху.

И сѣлъ на табуретъ возлѣ конторки.

— Дожили до времечка... нечего сказать! — вздохнулъ онъ, видимо, сердясь на кого-то.

На слова его никто, однако, не обратилъ вниманія. Попрежнему раздавалось на разные голоса: „Людской говядины-то не положили“... „Сію минуту-съ“... „Съ васъ два рубля тридцать восемь“... „Баранины восемь фунтовъ“... „Сдачи извольте получить“...

Работа кипѣла: хрустѣли подъ топорами кости, звенѣли на мраморной доскѣ деньги, щелкали счеты,—и Благодѣтеля не замѣчали. Тогда онъ всталъ и громко сказалъ:

— Слышали новость? Всѣхъ крестьянъ опять скоро крѣпостными сдѣлають.

Мгновенно все затихло и остановилось, точно въ вертѣвшееся колесо кто-то просунулъ палку. Всѣ руки опустились, всѣ глаза глядѣли на Благодѣтеля, а онъ,

будто не замѣчая этого, закуривать папиросу и молчалъ.

— То-есть...какъ...крѣпостными?..—вымолвилъ чей-то голосъ, въ которомъ было и недовѣріе, и страхъ, и злоба.

— Какъ въ старину было. Будутъ опять господа, будутъ и крѣпостные. Такъ рѣшили сдѣлать ученые люди—интеллигенты. У нихъ ужъ дѣло налажено.

— Чтобъ имъ издохнуть!—взвизгнула молодая горничная съ завитыми волосами и съ брошкой.—Чертн!.. Право, черти!

— Сперва они рѣшили спровадить всякое начальство,—продолжалъ Благодѣтель,—чтобъ безъ него легче съ вами управиться, а потомъ и всѣхъ крестьянъ расписать себѣ: кому сколько достанется.

— Мы люди вольные! Пушай сами себя расписываютъ!—волновались слушатели.

— Теперь да: вольные, пока начальство за васъ.

— Да нешто дозволимъ?!—закричали мужчины.

— Безъ начальства позволите.

— Какъ бы не такъ!

— А что сдѣлаете-то?

— Да мы ихъ...

— Что?

— Въ морду!!

— Кого въ морду-то?

— Всѣхъ!

— Тогда будетъ поздно.

Онъ поглядѣлъ на взволнованныя, раздраженныя лица и добавилъ:

— Развѣ не слышали, что они даже на самого царя хотятъ наложить свою опеку? Это называютъ они кон-сти-туціей!.. Чтобы царь нашъ только бумаги ихнія подписывалъ, а править всѣмъ государствомъ будутъ они.

Всѣ облегченно вздохнули и стали даже смѣяться.

— Эна куда!.. Мы подумали, указъ такой вышель. А это... что! Дураки они, и больше ничего.

— И чѣрти!—добавила горничная, капризно встряхивая плечами.—Право, чѣрти.

И опять всё заговорили по старому: „Котлетъ отбивныхъ“... „Кому солонины“?.. „А то ишь выдумали: крѣпостные“!.. „Шесть по осмнадцати—въ кассу“!..

Однако, новость, пущенная Благодѣтелемъ, не умерла тутъ-же, въ лавкѣ. Вернувшись по домамъ, прислуги сообщили другимъ прислугамъ; тѣ, въ свою очередь, взволновались и за себя, и за родныхъ, сидѣвшихъ гдѣ-то по глухимъ деревнямъ, и невольно начали приглядываться осторожно къ хозяевамъ и къ гостямъ, и иногда имъ стало казаться, что среди господъ происходитъ что-то новое и секретное, чего не бывало раньше.

— Шушукуются,—передавали горничныя кухаркамъ, а тѣ сообщали въ лавкахъ:

— Шушукаться начинаютъ...

Благодѣтель, когда его спрашивали, не отрицалъ опасности, однако, сталъ добавлять, что всего этого желать только студенты да ученые.

— А настояще господа здѣсь не при чемъ: чиновники, дворяне разные, генералы... Эти развѣ затѣютъ такую гадость! Это все мутятъ волосатые эти...

— Ваять бы этихъ волосатыхъ!—горячо воскликнулъ лавочникъ, молодой хозяинъ, — ваять бы ихъ всѣхъ за волосы да въ пучки повязать, да въ Америку багажомъ: тамъ все одно купля-продажа негровъ! А мы бы ихъ по дешевымъ цѣнамъ: пятачокъ за пучокъ, а въ пучкѣ цѣлый десятокъ! Гы-гы-гы!!—расхохотался онъ надъ своимъ предложеніемъ, и долго не могъ успокоиться, и всѣ мясники его хохотали съ нимъ вмѣстѣ.

Благодѣтель серьезно глядѣлъ на ихъ веселья жирнаго лица, на бѣлые здоровые зубы, на крѣпкія склад-

ки щекъ и, когда ликование затихло, сказалъ, приложивъ ко лбу палецъ:

— А что?.. Вѣдь объ этомъ стоитъ подумать. Хорошая мысль... Надобно подумать. Вы умный человекъ, господинъ Красавицынъ, и настоящій русскій, истинно-русскій человекъ! Почему знать: можетъ быть, изъ васъ для Россіи судьба готовить новаго Минина.

Красавицынъ даже растерялся отъ такой неожиданной похвалы. Онъ стоялъ молча, съ опущенными глазами, сохраняя на своемъ молодомъ румянномъ лицѣ гордую и счастливую улыбку.

— А я вотъ не знаю, какъ сдѣлаю,—раздался новый голосъ:—но только ничему этому не бывать.

Это сказалъ, волнуясь и блѣднѣя, юноша лѣтъ восемнадцати. Онъ выговорилъ это негромко, но твердо.

— Я самъ крестьянинъ. И отецъ мой, и дѣдушка—крестьяне. И тому, что вы сказали о крѣпостныхъ,—не бывать.

Благодѣтель приподнял надъ головою цилиндръ и согнулъ шею.

— Радуюсь, молодой человекъ. Отъ души радуюсь,—сказалъ онъ, вглядываясь въ возбужденное лицо юноши, въ сдвинутыя брови и раздувшіяся ноздри.— Съ такими молодцами всякіе страхи исчезаютъ, какъ привидѣнія. Подумайте: вотъ уже двое въ одну минуту. Да этакъ вся Москва за нами пойдетъ! Вся Россія!

Онъ надѣлъ цилиндръ и протянулъ руку.

— Радъ познакомиться. Вы чѣмъ же занимаетесь, молодой человекъ?

— Я съ дѣдушкой иконами торгую; вотъ здѣсь, у подворья, лавка Синицына. А съ Денисомъ Петровичемъ,—указалъ онъ на Красавицына,—мы въ дальнемъ родствѣ.

— Побываю у васъ, побываю,—отвѣчалъ Благодѣтель.—Я ужъ бывалъ кое у кого изъ вашихъ сосѣдей. Дѣдушка-то вашъ не очень занятъ? Не обидится?

— Нѣтъ. Дѣдушка любитъ поговорить.

— Вотъ и прекрасно. Кстати, мнѣ нужно крестикъ золоченый купить. Такъ я побываю. Очень пріятно.

Онъ весело пожалъ руки обоимъ молодымъ людямъ, поклонился приказчикамъ и ушелъ, тихонько напѣвая, точно мурлыкая:

— Слався ты, слався, нашъ русскій царь...

II.

Яшу Синицына съ одиннадцати лѣтъ взяли изъ школы и начали пріучать къ дѣлу.

Съ утра до вечера онъ находился въ лавкѣ, гдѣ писалъ покупателямъ письма подѣ диктовку старшихъ, лизалъ языкомъ и наклеивалъ гербовыя марки на счета, ѣлъ у разносчиковъ горячіе пироги и наливалъ дѣдушкѣ, отцу и себѣ въ толстые стаканы чай изъ мѣднаго огромнаго чайника. Свободнаго времени было у него, несмотря на занятія, много, и онъ, прогуливаясь по своей линіи, расширялъ знакомство среди сосѣдей, дежурныхъ городовыхъ, артельныхъ сторожей и разныхъ людей, заходившихъ въ лавку какъ по дѣламъ, такъ и безъ всякаго дѣла. Дѣдушка любилъ побесѣдовать, и у него было много знакомыхъ, которые только для этого и заходили. Здѣсь Яша много разъ слыживалъ, что дѣдушка—крестьянинъ, и хотя платитъ въ гильдію и считается временнымъ купцомъ, но кореннаго званія своего не желаетъ мѣнять.

— Родился крестьяниномъ и помру крестьяниномъ,— твердо и съ удовольствіемъ говорилъ обыкновенно дѣдушка.— Вотъ и сынъ тоже ни во что иное не лѣзетъ, и внукъ не полѣзетъ. Такъ и будемъ всѣ крестьяне, какими Господь создалъ.

Черезъ годъ уже и Яша говорилъ своимъ знакомымъ не безъ достоинства, что онъ крестьянинъ, какъ

его отецъ и дѣдушка, и что онъ это званіе никогда не промѣняетъ ни на какое иное.

Лавка ихъ была небольшая, вся заставленная иконами и кіотами, а на прилавкѣ подъ стеклянной крышкой лежали мелкіе образки и крестики, и все вокругъ хорошо пахло кипарисомъ и свѣжимъ маслянистымъ лакомъ, такъ что о. Ѳедоръ, заштатный священникъ, когда входилъ, бывало, въ лавку, то, прежде чѣмъ поздороваться, втягивалъ въ себя ноздрями воздухъ и разводилъ руками:

— Благоуханіе-то какое!

Въ лицѣ и во всей фигурѣ этого священника было нѣчто загадочное и затаенное; большіе сѣрые глаза его были грозны и пронизательны, но онъ старался всегда сощуривать ихъ и дѣлать ласковыми; голосъ его былъ громокъ и рѣзокъ, но онъ старался говорить тихо и мягко, точно боясь, что за настоящіе взоры и за настоящій голосъ его сейчасъ же прогоняютъ. А жизнь его была нелегкая, полная бѣдствій, гоненій и нищеты, и онъ теперь ломалъ себя и свою натуру, чтобы какъ-нибудь не сорваться и не остаться голоднымъ.

— Пустой человѣкъ! — говорилъ про него дѣдушка. — Всю жизнь съ мѣста на мѣсто гоняютъ... Кабы не семейный, и на порогъ бы къ себѣ его не пустилъ.

Однако, когда о. Ѳедоръ надолго пропадалъ, дѣдушка начиналъ все чаще о немъ вспоминать и даже безпокоиться.

— Что-то давненько нашъ попикъ-то не бывалъ. Живъ ли, непутевая голова?

Время шло, и Яша привыкалъ. Его посылали къ мастерамъ съ заказами и научали распознавать старинные образа и складни; бесѣдовали съ нимъ про „медринный“ клей, про грунтовку „левкасомъ“ и про „твореное“ золото, которымъ дѣлаются узоры на одеждѣ святыхъ. Онъ уже сталъ отличать рублевскую живопись

отъ суздальской, кустарную отъ монастырской и товаръ свой научился узнавать по первому взгляду, хотя это было и не такъ легко на первое время, особенно съ иконами Божіей Матери. Троеручицу, Живоносный источникъ, Утоли моя печали, Прозрѣніе очей, Взысканіе погибшихъ—онъ заучилъ безъ труда, но Владимірскую, Казанскую, Иверскую, Корсунскую, Египетскую—онъ перепутывалъ и долго не умѣлъ различать. Потомъ дѣдушка сталъ разсказывать ему про разные стили или „пошибы“—строгановскій, московскій, фряжскій,—знакомилъ съ руководствами „толковыми“ и „лицевыми“ и указывалъ то на „рѣзкость“, то на „плавность“ рисунка.

—Всему тому цѣна разная, — умудрялъ старикъ, — все равно какъ рублю и двугривенному. И въ обманъ себя ты не долженъ давать никому.

Лавка у нихъ была холодная, безъ печей. Въ зимніе морозы она такъ выстывала, что въ чернильницѣ замерзали чернила, а бумага, на которой Яша писалъ, дѣлалась, какъ ледъ, и жгла ему руку. Завернутый въ шубу и туго подпоясанный для тепла кушакомъ, Яша окуналъ перо въ чернильницу, подцѣплялъ на кончикъ его блестящіе черные кристаллы, вродѣ чернаго снѣга, и начиналъ дышать на перо молодымъ горячимъ дыханіемъ; снѣгъ таялъ, и перо дѣлалось влажнымъ; Яша пользовался моментомъ и наносилъ на бумагу нѣсколько строкъ, потомъ опять поддѣввалъ изъ чернильницы на кончикъ пера чернаго снѣга, опять оттаивалъ его дыханіемъ—и продолжалъ доп сывать счетъ; руки зябли и ныли, и онъ, отрываясь нерѣдко отъ работы, бросалъ перо на половинѣ слова и согрѣвалъ посинѣвшіе пальцы тѣмъ же дыханіемъ, а иногда грѣлъ ихъ о стѣнки мѣднаго чайника, если тотъ бывалъ въ это время горячъ.

— На то и руки, чтобъ ими работать, — утѣшалъ онъ себя. — Нечего ихъ жалѣть.

Отецъ Яши тоже въ свое время не жалѣлъ себя на работѣ, но его хватило ненадолго; теперь онъ былъ хворымъ и слабымъ, сильно страдалъ отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, въ лавкѣ почти не бывалъ и, вообще, не замѣчалъ ничего вокругъ себя; зато дѣдушка вглядывался въ Яшу опытнымъ проникновеннымъ взоромъ и, наединѣ съ самимъ собою, молча кивая самъ себѣ съдой головой, думалъ съ удовольствіемъ:

— Дѣловой человекъ получается!

Линія, гдѣ торговали Синицыны, вся состояла, направо и налево, изъ такихъ же лавокъ; по ней цѣлые дни ходили люди, выкрикивали на разные голоса разносчики, и только къ вечеру все пустѣло и затихало, когда купцы затворяли ставнями окна и двери, запирали ихъ замками, запечатывали на нихъ пломбы изъ чернаго липкаго вара и расходились по домамъ.

III.

На Спасской башнѣ пробило полдень. Зычные, тяжелые удары одинъ за однимъ монотонно прорѣзывали воздухъ, точно падали куда-то съ высоты, расплываясь и тая надъ окрестными улицами и дворами, полными суеты.

Къ этому времени на подворья стремятся всякіе разносчики; скорымъ шагомъ проходятъ они по линіямъ, съ ящичкомъ на ремнѣ черезъ плечо, или съ лоткомъ на головѣ; всѣ выкрикиваютъ нараспѣвъ свои товары и, дорожа временемъ, останавливаются лишь на минуту, чтобъ отпустить кому-нибудь горячихъ пироговъ или рыбы, или мяса, и спѣшатъ дальше—къ другимъ, громко предлагая каждый свое и на свой особый голосъ и ладъ:

— Горячая ветчина!

— Бѣлужка малосольная!

— Кишки бараньи, съ кашей, съ огнемъ!

Главнымъ вниманіемъ пользуется пирожникъ, молодой веселый парень со вздернутымъ короткимъ носомъ; онъ громче и звонче всѣхъ кричитъ о своихъ пирогахъ еще издали, стараясь придать окрику непонятное балагурство:

— Съ пи... рогами!!—слышится его удалой голосъ, соответствующій плутоватому, дерзкому и веселому его лицу.

— Ну-ка, цыкни пирожника,—говоритъ торговецъ, заслышавъ его приходъ, и магазинный мальчикъ бросается со всѣхъ ногъ за дверь.

— Цс! цс!.. Рогачь! Рогачь!.. Съ чѣмъ нынче пироги?

— Съ лукомъ—говядиной; съ селечными башками; съ кашей—съ яйцами; съ клубничнымъ вареньемъ,—отчетливо и торопливо перечисляетъ пирожникъ, приподнимая надъ ящикомъ уголь теплаго одѣяла, изъ-подъ котораго клубится пахучій паръ.

Пробило полдень, и въ лавку Синицына вошелъ священникъ, о. Федоръ. Какъ всегда, онъ потянулъ носомъ воздухъ, пахнуцій масломъ и кипарисомъ, и похвалилъ:

— Благоуханіе-то какое!

Затѣмъ поздоровался.

— Въ полночь врагъ человѣческой приходитъ, а въ полдень—другъ человѣческой,—пошутилъ онъ, взглядывая на стѣнные часы.

— Гдѣ пропаладъ-то? — спросилъ дѣдушка, накрывая газетой только-что принесенные пироги.

— Не пропаладъ, — отыскался! — отвѣтилъ Федоръ.— Это кому живется весело, тотъ пропадаетъ, а нашего (ата и могила не беретъ... Въ больницѣ лежалъ, малъ въ послѣдній заштатъ выйти — нѣтъ! Выздоровѣлъ!

— Все ропщешь?—упрекнулъ дѣдушка.

— Возропщешь, Семень Никитичъ, когда пять

дочерей и ни одной копѣйки! Впрочемъ, я это шучу. Я послѣ болѣзни что-то веселымъ сдѣлался, давно такимъ и не бывалъ. Хорошо похворать. Право, хорошо: и въ теплѣ полежалъ, и кормился какъ слѣдуетъ, и чаемъ поили—чего еще!

— А табачку, небось, не давали понюхать?

— Да. Этого не давали. Скучно тому безъ табаку, кто привыкъ.

Дѣдушка вынулъ изъ кармана серебряную табакерку, похлопалъ ее по стѣнкамъ, открылъ и поднесъ, Федору.

— На-ка, понюхай.

Придерживая осторожно широкой рукавъ, Федоръ двумя пальцами взялъ щепоть табаку и сунулъ въ обѣ ноздри.

— Ахъ, хорошъ табачокъ!..—сказалъ онъ, улыбаясь.— Очень хорошъ!.. Скучно безъ него... кто привыкъ.

— А вѣдь ты похудѣлъ, батюшка!

Федоръ вмѣсто отвѣта провелъ себя ладонями по тощимъ бокамъ и груди и, помолчавъ, опять сказалъ:

— Ахъ, хорошъ табачокъ!

Несмотря на сырую и холодную погоду, онъ пришелъ въ легкой рясѣ и черной соломенной шляпѣ. Ряса, особенно на спинѣ и плечахъ, выцвѣла, и трудно было понять — была ли она зеленая и теперь стала желтѣть, или была желтая и начала зеленѣть; внизу ея образовалась уже бахрома, а воротникъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заштопанъ. Подъ глазами у Федора, которые онъ все старался сощуривать, синѣли болѣзненные полосы, и мохнатая брови надъ ними безпокойно подергивались; волосы его были жидки и рѣдки, но непокорны, и въ безпорядкѣ дыбились на темени, отчего и казалось, будто надъ головой у него стоитъ дымъ, какъ надъ вулканомъ; и это очень подтверждало отзывъ о немъ благочиннаго, который въ клировыхъ вѣдомостяхъ, въ графѣ о поведеніи, напи-

салъ, когда Ѳедора увольняли за штатъ: „Поведенія онъ весьма тихаго, но характера горячаго, а въ защитѣ своихъ правъ и добраго имени настойчивъ до самозабвенія“... Послѣднее слово было даже подчеркнуто.

— Садись-ка да расскажи,—пригласилъ дѣдушка.— Вотъ пирожка не хочешь ли пожевать; не знаю только, которые съ чѣмъ.

Онъ снялъ съ пироговъ газету и опять сказалъ:

— Поѣшь. Тутъ былъ который-то съ рыбой.

— Съ рыбой хорошо,—согласился Ѳедоръ, беря и откусывая первый попавшійся пирогъ.

— Постой! Ты съ вареньемъ взялъ.

— Ничего, я и съ вареньемъ люблю,—сконфузился тотъ.— Хорошо тепленькаго проглотить... хорошо!.. Ну вотъ и позавтракалъ; спасибо,—говорилъ онъ, вытирая сладкія губы.

— Возьми еще пирожокъ, да чайкомъ прихлебни.

— Спасибо. Не откажусь... Вотъ онъ и съ рыбой попался. Солененькая рыбка... хорошо! Очень соленая... прелестъ!

— Ну,—проговорилъ дѣдушка, раскалывая щипцами сахаръ на мелкія части,— у насъ безъ тебя новаго было много, а хорошаго — ничего: торговля плохая, товаръ нашъ изъ моды выходитъ; не только икону купить, а и въ церковь лобъ перекрестить не идетъ публика, вотъ до чего доучились. И ни Богъ, и ни царь на нихъ не потрафляютъ; все не по ихнему! Крѣпостными хотятъ всѣхъ крестьянъ опять сдѣлать... Нешто это терпимо!

— Не удастся имъ это! — горячо крикнулъ Яша и въ-за своей конторки.— Ни за что не допустимъ!

Ѳедоръ въ недоумѣніи раскрылъ свои большіе сѣрые глаза и глядѣлъ то на дѣдушку, то на Яшу, и отодвинувъ отъ себя даже стаканъ съ чаемъ.

— Христосъ съ вами! Кто же этого хочетъ? Никто не хочетъ!

— Студенты хотятъ! Ученые хотятъ!

— Крѣпостныхъ желаютъ, такіе-сякіе! — сердился дѣдушка, сжимая въ кулакъ свою сухую, уже слабую руку.—Надо имъ показать... крѣпостныхъ-то!

— Да что вы, миленькіе мои!—пытался успокоить ихъ Ѳеодоръ, начиная нервно гладить себя по бокамъ и груди.—Съ чего это вы такъ вдругъ?

Онъ всталъ, но опять сѣлъ.

— Что вы, что вы!.. И нѣтъ этого нигдѣ, и быть этого не можетъ, и сказалъ вамъ, должно быть, про это человѣкъ невоспитанный... худой человѣкъ!

— Вотъ кто сказалъ,—съ удовольствіемъ перебилъ старикъ, указывая на дверь, которую отворялъ Благодарѣтель, входя въ лавку. — Добро пожаловать, господинъ! А мы какъ разъ объ теперешнихъ дѣлахъ разсуждали.

Ѳеодоръ поднялся со скамьи, нагнувъ немного голову въ отвѣтъ на поклонъ Благодарѣтеля и отошелъ въ сторону, за большое распятіе, стоявшее среди магазина, и оттуда глядѣлъ пристальнымъ, холоднымъ взоромъ на незнакомца.

— Очень рады васъ видѣть; садитесь, — говорилъ дѣдушка, указывая на освободившуюся скамью. — А его можете не стѣсняться,—кивнулъ онъ на Ѳеодора,—это свой человѣкъ и старинный пріятель.

— Духовныя лица чрезвычайно желательны и должны быть украшеніемъ нашего дѣла. И во многомъ они намъ будутъ полезны... Кланяюсь вамъ, батюшка!

— И я кланяюсь,—просто отвѣтилъ Ѳеодоръ, не выходя изъ-за распятія.

Всѣ помолчали.

— Вы знаете князя Сардинина?—спросилъ Благодарѣтель.

— Какъ не знать: извѣстнѣйшій князь.

— А вы знаете, что онъ общалъ намъ тысячу рублей на расходы? Онъ очень сочувствуетъ намъ и

совѣтуетъ собратъся да рѣшить—какъ и что. Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ, пожалуйста въ здѣшній трактиръ; тамъ мы все и устроимъ. Комнату я уже взялъ.

— Дѣдушка, надо пойти!—вызвался Яша.

— Непремѣнно идите. И вы, Семень Никитичъ; пожалуйста. Можетъ прѣхать и самъ князь!—съ таинственной важностью сообщилъ Благодѣтель.

— А кто да кто будетъ?

— Красавицынъ придетъ, родственникъ вашъ; сосѣди ваши будутъ; брандмейстеръ одинъ... хоругвеносцы хотѣли придти... Народу человѣкъ тридцать сберется. А въ слѣдующій разъ всѣхъ позовемъ; а у насъ теперь—тысячи!.. Не угодно-ли, батюшка, и вамъ пожаловать къ намъ?—обратился онъ къ Федору.

Но тотъ отвѣчалъ попрежнему сухо и холодно:

— Я вина не пью.

— Какого вина?—удивился Благодѣтель.

— Никакого.

— Да вѣдь у насъ будетъ собраніе, дѣловое собраніе, патриотическое!.. Никто про вино и не думаетъ.

— Извиняюсь. А мнѣ показалось, будто вы зовете насъ попить на княжескія деньги. Значитъ, я не такъ понялъ. Послѣ болѣзни я, вообще, что-то сталъ непонятливъ. Да и въ больницѣ у насъ случай былъ: тоже одного молодого человѣка на собраніе пригласили, на очень серьезное собраніе, вотъ какъ у васъ. А на утро оказались всѣ пьяные и въ непотребномъ домѣ... Послѣ этого молодой человѣкъ и въ больницу попалъ... Вотъ я и спуталъ все это. Ужъ извините.

Всѣмъ стало неловко. Всѣ молчали.

Федоръ, облокотясь на нижнюю перекладину креста, стоялъ съ согнутой спиной и молча ожидалъ непріятности. Ему было жаль покидать эту лавку, жаль было и Яшу, и дѣдушку, и самого себя, но сердце его наливало горѣть, и онъ мысленно обрекалъ уже себя на

изгнаніе. Онъ ждалъ сейчасъ, что Благодѣтель обидится и скажетъ ему что-нибудь рѣзкое, и вотъ сердце его разгоралось и готовило достойный отвѣтъ.

Но въ это время вошли покупатели, и разговоръ кончился.

— Такъ мы васъ ждемъ,—сказалъ Благодѣтель.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Яша.

А дѣдушка уже былъ занятъ продажей и, не слушая ихъ, говорилъ кому-то съ упрекомъ:

— Этотъ ликъ не хорошъ? Помилуйте: надо бы лучше, да не бываетъ съ!..

IV.

Трактиръ, въ который вечеромъ отправился Яша, находился недалеко отъ ихней лавки и занималъ собою подъ огромнымъ многоэтажнымъ домомъ обширный подвалъ съ толстыми каменными стѣнами и сводчатымъ каменнымъ потолкомъ. Маленькія окна его выходили прямо на троттуаръ, точно лазейки, и посѣтителямъ видны бывали днемъ только однѣ ноги прохожихъ, и слышались только непрерывные глухіе звуки шаговъ. Трактиръ этотъ назывался „Низбѣкъ“ и напоминалъ собою внутренность корабля: такъ же вела внизъ отъ солнца и воздуха широкая лѣстница, такъ же были накрыты столы въ общихъ обѣденныхъ комнатахъ, а по длинному корридору вправо и влѣво были отгорожены крошечные кабинеты, похожіе на каюты, гдѣ съ утра до ночи горѣли лампы.

Одну изъ общихъ комнатъ хозяинъ отвелъ для простого народа и понизилъ въ ней всѣ цѣны, чтобы чернь не лѣзла къ чистой публикѣ, а на стѣнѣ повѣсилъ рукописное объявленіе: „Покорнѣйше просятъ посѣтителей по неприличному вслухъ не выражаться“. Эту комнату, совершенно отдѣльную отъ другихъ, онъ

и уступилъ Благодѣтелю, потому что она по вечерамъ обыкновенно пустовала. Ее вывели и убрали, накрыли посрединѣ одинъ длинный столъ и освѣжили воздухъ; только забыли снять рукопись со стѣны съ „покорнѣйшей просьбой“, которая такъ и осталась на засѣданіи.

Къ восьми часамъ начали собираться гости.

Первымъ пришелъ торговецъ сырыми кожами, Матюговъ, высокій старикъ съ большимъ животомъ, съ сѣдой окладистой бородой и краснымъ лицомъ, говорившій всѣмъ про себя, что онъ не только патріотъ, но и „столпъ отечества“; на груди его висѣли двѣ медали за двѣ коронаціи: одна—темная на красной лентѣ, другая—бѣлая на голубой лентѣ. Однажды въ пьяномъ видѣ онъ сломалъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ ходитъ съ палкой, прихрамываетъ и воображаетъ себя пострадавшимъ героемъ.

Пришелъ еще одинъ торговецъ теплымъ товаромъ, никому не знакомый, сумрачный и молчаливый; если онъ и отвѣчалъ иногда на вопросы, то говорилъ больше непонятными междометіями: „дѣшлишки — хны! денежки—турлы! обстоятельства—хрю“!

Потомъ явился мѣняло, низенькій человекъ съ безбородымъ сморщеннымъ лицомъ и тонкимъ женскимъ голосомъ, вообще, похожій на старую бабу, надѣвшую сюртукъ.

Мясникъ Красавицынъ пріѣхалъ прямо изъ лавки съ работы, не успѣвъ переодѣться, и хотя молодымъ лицомъ своимъ съ розовыми щеками и голубыми глазами напоминалъ херувима, но вокругъ себя разносилъ запахъ крови и сала. Онъ привезъ себѣ на подмогу еще молодца изъ лавки — съ короткой бычьей шей и тупымъ лбомъ.

Пришелъ со спутанными волосами и всклокоченной бородой содержатель бань, Друзьевъ, которому все время хотѣлось не то заснуть, не то выпить еще водки, не то разбить зеркало.

Пріѣхалъ подрядчикъ Осьмухинъ, которому многіе были должны крупныя суммы, а самъ онъ былъ долженъ другимъ еще того больше; одѣвался онъ въ поддевку и высокіе сапоги, но ѣдилъ на дорогихъ рыскахъ и резиновыхъ шинахъ.

Пришелъ маклеръ Сучилинъ, съ желтыми обвисшими усами, весь въ морщинахъ, съ худыми дрыгающими ногами и съ длиннымъ корявымъ носомъ, въ очкахъ, очень сердитый и никому не вѣрящій безъ росписокъ ни подъ какія слова. У него было огромное знакомство и огромныя связи, но онъ былъ золъ на всѣхъ за то, что его никогда не избирали въ настоящіе маклеры, и онъ всю жизнь былъ такъ называемымъ „биржевымъ зайцемъ“ и не могъ имѣть шнуровой книги; а шнуровая книга съ печатью—была его завѣтной мечтой.

Когда вошелъ Яша, всѣ они сидѣли уже за столомъ; одни молчали, другіе разговаривали о цѣнахъ:

— Осетрина какъ вздорожала!

— Къ рыбѣ приступа нѣтъ!

— Уважаю я осетрину.

Мало-по-малу подходили все новыя лица: пришелъ издатель сонниковъ и страшныхъ предсказаній, пришелъ похоронный кондитеръ, пришли лабазники, хозяинъ двадцати лихачей и хоругвеносцы. Среди нихъ вошли незамѣтно и четыре сыщика—второго сорта — на случай поддержать настроеніе. Вскорѣ комната наполнилась, и Благодѣтель приступилъ къ дѣлу.

Прежде всего онъ отрекомендовался:

— Русскій патриотъ, Василій Васильевичъ Вороновъ, преданный своему отечеству, престолу, самодержавію и православію. По совѣту князя Сардинина, я пригласилъ васъ сегодня, почтенное собраніе, обсудить наши русскія дѣла и принять мѣры къ спасенію нашего государства, которому грозитъ великая опасность отъ внутреннихъ враговъ, болѣе дерзкихъ и опасныхъ,

чѣмъ враги внѣшніе... Вотъ господинъ Щовъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, лучше меня объяснить вамъ суть дѣла. Господинъ Щовъ, будьте любезны сказать вступительное слово.

Изъ-за стола поднялся высокій, худощавый человекъ съ маленькими безстрастными глазами, гладко остриженный, съ выбритой бородой и подрѣзанными усами; лицо это, казалось, было очень удобно гримировать и придавать ему любое выраженіе.

— Почтенное собраніе!—началь онъ, вынимая изъ кармана бумажку и все время косясь на нее.—Трудное и ужасное время переживаетъ наше дорогое отечество. Измѣнники и крамольники, потерявшіе честь и совѣсть, кричатъ по всей Россіи: „долой правительство и царя, мы сами хотимъ управлять народомъ и царствомъ“. Они хозяйничаютъ уже въ городахъ и земствахъ, выжимаютъ съ крестьянъ земскіе сборы и мечтаютъ опять возстановить крѣпостное право.

— Крамольники!—крикнули четыре голоса изъ разныхъ угловъ, — и въ отвѣтъ имъ по собранію глухо пронесся ропоть.

— Они отрицаютъ Бога и православную вѣру, отрицаютъ отечество, царя и вѣрныхъ слугъ его, убивая лучшихъ людей, преданныхъ губернаторовъ и честныхъ министровъ. Кто-жъ эти люди, ведущіе насъ на край пропасти? Эти люди—студенты, профессора, учителя, адвокаты, писатели и жида!

Новая волна ропота пронеслась по собранію.

— Взглянемъ же, что стало съ нашимъ народнымъ хозяйствомъ. Все разорено: дѣла испорчены, кредитъ подорванъ, и все это началось съ проклятаго слова „довѣріе“, которое, не подумавши, бросилъ одинъ либеральный министръ, на зло дѣйствительной опорѣ Россіи—самодержавію! Этимъ проклятымъ словомъ онъ свергъ страну въ несказанныя бѣды. А другой ми-

нистръ, покровитель жидовъ, прямо отдалъ отечество на растерзаніе инородцамъ и всякимъ врагамъ...

— Правильно!—закричалъ вдругъ банщикъ, очнувшись отъ спячки.—Всѣ жулики и измѣнники!

Онъ ударилъ по столу тяжелой ладонью и, перебивая оратора, горячо продолжалъ:

— Всѣхъ ихъ къ чортовой матери!

Настроение вдругъ поднялось. Много голосовъ заговорило сразу, но банщикъ кричалъ громче всѣхъ, стуча по столу:

— Къ чортовой матери! Всѣхъ ихъ къ чортовой матери!

Ораторъ пытался что-то сказать, но его уже не слушали, а бранили обоихъ министровъ, называя ихъ предателями. Кто-то прибавилъ къ двумъ министрамъ третьяго, потомъ прибавили еще одного, а потомъ уже всѣ загалдѣли вообще про начальство.

— Велика больно власть дана!—сердился одинъ.

— Тѣснять народъ и знать ничего не желаютъ,—перебивалъ другой.

— Зазнались!—добавлялъ третій.—Ни суда на нихъ, ни управы!

— Жертвы наши разграбили; а мы-то сдуру несли денежки-то. А онѣ по карманамъ...

— Денежки наши—турлы!.. Фью!

— А полиція? Житья нѣтъ! Что захочеть, то и ломить: штрафуетъ, оретъ, придирается.

— Приставъ у насъ былъ—этакое животное!

— А нашъ-то приставъ: намедни такъ на меня и хрипить, такъ и топочеть ногами.

— А моего дворника изъ Москвы выслалъ. Спрашивается: за что?!

— Зазнались! Пора бы имъ кулаки-то сшибить!

— Только себѣ морды отращиваютъ, окаянные!

— Всѣхъ ихъ къ чортовой матери!

Говорили и кричали всѣ разомъ, и чѣмъ больше

шумѣли, тѣмъ больше разгорячались. Бранили войну, бранили какихъ-то мошенниковъ, роптали на налоги и ругали полицію. Настроеніе слагалось не въ пользу оратора. Напрасно пытался онъ перейти снова къ рѣчи, напрасно кричали сыщики про жидовъ и студентовъ, и напрасно махалъ руками Вороновъ, призывая къ порядку.

— Почтенное собраніе!.. Почтенное собраніе!—надрывался онъ, обливаясь холоднымъ потомъ.— Вы не про то! Тише! Не про это рѣчи! Подождите!.. Почтенное собраніе!..

Но страсти разгорѣлись, и имъ уже не было удержа.

— Мининъ! Спасайте!—бросился, наконецъ, Вороновъ чуть не со слезами къ Красавицыну.— Лѣзьте на столъ. Кричите имъ что-нибудь!

Красавицынъ точно ждалъ этого. Ловко занесъ онъ на столъ ногу и вдругъ выросъ надъ всѣмъ обществомъ съ раскинутыми врозь руками.

— Народъ православный! — гаркнулъ онъ во весь голосъ.

Неожиданность удалась. Всѣ повернули глаза къ новому оратору и притихли, тѣмъ болѣе, что привезенный имъ молодецъ успѣлъ кое-кого пырнуть пальцами подъ ребра и сказать:—гляди! Гляди!

— Народъ православный!—повторилъ Красавицынъ, не зная самъ, что говорить дальше; сердце его колотилось, кровь стучала въ виски.

Самолюбіе не позволяло ему слѣзть теперь со стола, не сказавши ни слова, и онъ съ своей высоты глядѣлъ почти съ ужасомъ въ эти десятки чужихъ глазъ, въ эти бороды и лица, обращенныя къ нему въ ожиданіи чего-то важнаго и большого. Это молчаніе, которое онъ вызвалъ своимъ окрикомъ, теперь давило его. Онъ понималъ, что еще секунда,—и всѣ расхохотутся, и онъ увидетъ, сгорая со стыда, а завтра весь

городъ будетъ знать, какъ Красавицынъ говорить рѣчи.

— Народъ православный! — воскликнулъ онъ еще разъ, теряясь, не разсуждая и дѣлая что-то безсознательное.

Трясущимися руками онъ распахнулъ вдругъ полу своего пиджака и, хватая изъ бумажника деньги, запальчиво мялъ ихъ и бросалъ на столъ, приговаривая:

— Вотъ!.. Вотъ!.. Вотъ!..

Потомъ вытащилъ кошелекъ и такъ же страстно и неожиданно для самого себя раскрылъ его надъ столомъ, и, когда зазвенѣли рубли, полтинники, золото и мелочь, онъ почти уже шопотомъ восклицалъ, но рѣзко, на всю комнату:

— Вотъ! Вотъ!

Отъ денегъ, сыпавшихся на скатерть и на полъ, и отъ той страстности, съ которой Красавицынъ все это дѣлалъ, впечатлѣніе было велико и сильно. Всѣ осторожно начали подгрѣбать бумажки въ одну кучу, а нѣкоторые нагибались и поднимали съ пола монеты.

— Жертвую!—восклицалъ Красавицынъ, овладѣвая опять собой и чувствуя, что честь спасена.—Сложимся, объявимъ подписку, наймемъ добровольцевъ: пусть дуютъ проклятыхъ крамольниковъ!

— Бить!—радостно поддержали сыщики.

— Бей ихъ! Бей!—отвѣтили еще голоса, а Вороновъ захопалъ въ ладоши и весь просіалъ.

— Кладу и я отъ себя на доброе дѣло, — сказалъ онъ, медленно роясь въ бумажникѣ.

— И я кладу на алтарь отечества!—добавилъ торговецъ съ медалями, выбрасывая золотой.

И другіе всѣ согнули головы надъ кошельками, стараясь достать и положить въ общую кучу такъ, чтобы другіе не замѣтили—сколько.

— Теперь мы видимъ,—говорилъ Вороновъ,—какъ

важно негодованіе противъ крамолы во всѣхъ слояхъ населенія. Намъ дорого ваше сочувствіе, а за средствами и силами дѣло не станетъ: народъ горитъ желаніемъ сокрушить враговъ родины. Да погибнетъ крамола!—торжественно воскликнулъ онъ, поднимая надъ головою кулакъ.

— Бить! Бить!—поддержало собраніе.

— Телеграмму послать въ Петербургъ!—настаивалъ кто-то.

— Уже близится радостный часъ,—громко продолжалъ Вороновъ, покрывая голосомъ общій шумъ, — когда всѣ мы, истинно-русскіе люди, соберемся побѣдосно подъ святныя стѣны Кремля, подъ благовѣсть и трезвонъ нашихъ московскихъ колоколовъ. Изъ соборовъ вынесемъ мы торжественно наши хоругви и святныя иконы и крестнымъ ходомъ двинемся тысячными толпами по древней столицѣ, колыбели нашей вѣры и самодержавныхъ царей! Да сгинетъ измѣна! Нѣтъ пощады крамольникамъ!

— Ур-а-а!—закричали сыщики, а остальные горячо подтверждали:

— Правильно! Дѣльно! Нечего ихъ миловать!

— Сочувствуемъ!—кричалъ банщикъ, ероша волосы.—Гнать ихъ всѣхъ къ чортовой матери!..

V.

Не прощаясь ни съ кѣмъ, Яша незамѣтно ушелъ. Странное, смутное чувство испытывалъ онъ, выйдя на свѣжій воздухъ. Магазины всѣ были заперты и темнѣло, и всѣ эти торговые улицы и переулки, оживленные днемъ, теперь были тихи и безлюдны. Полная луна освѣщала пустыне троттуары и мостовую, золотила желѣзные глухіе ставни дверей съ висячими медными замками и глядѣлась въ сѣрыя зеркальныя

стекла. Кое-гдѣ сидѣли сторожа на принесенныхъ ящикахъ, скучливо прохаживался городской, и только иврѣдка проѣзжали экипажи, точно среди глухой ночи, хотя было вовсе не поздно, и на другихъ улицахъ было еще свѣтло, оживленно и людно.

Часа два тому назадъ Яша шелъ сюда возбужденный и бодрый, а возвращался теперь усталый и подавленный. Онъ не понималъ себя; чувствовалъ какое-то недоумѣніе и не зналъ, что сказать завтра дѣдушкѣ.

Путь его лежалъ черезъ Кремль.

По обычаю, снявши шапку въ Спасскихъ воротахъ, онъ съ непокрытой головой шелъ противъ сквозного вѣтра и думалъ о томъ, какъ всѣ они, тысячными толпами, вскорѣ пойдутъ здѣсь съ пѣніемъ и хоругвями, а тѣ—другіе—будутъ въ это время лежать по кладбищамъ и больницамъ съ переломанными костями... И ему было жутко и въ то же время соблазнительно ожиданіе этого.

— Яша! А, Яша! — услышалъ онъ осторожный окликъ и вздрогнулъ отъ неожиданности.

Передъ нимъ стоялъ Федоръ и протягивалъ руку, но не такъ, какъ здороваются, а какъ благословляютъ.

— Отецъ Федоръ!—изумился Яша:—вы какъ здѣсь?

— Я здѣсь у пріятеля... Еще вѣдь не поздно. Я все тебя поджидалъ: второй ужъ разъ выхожу глядѣть. Ну что? Кончилось собраніе?

— Я ушелъ. Другіе еще остались.

— Ночь-то какая красавица! — шепнулъ Федоръ, взглядывая на небо.—Вотъ хорошо какъ! Чисто—лѣтомъ!.. Я тебя провожу немножко. Я сегодня ночью здѣсь вотъ,—кивнулъ онъ куда-то въ сторону.—Мнѣ не поздно; меня пустять.

Они шли уже рядомъ.

На Федорѣ было надѣто чье-то чужое черное пальто, похожее на монашеское, очень узкое, которое онъ

все старался запахивать, но оно расходилось и обнажало ему то ноги, то шею.

— Расскажи, Яша, что было?

Яшѣ и самому хотѣлось высказаться раньше, чѣмъ сообщать дѣдушкѣ. Ѳедора онъ знавалъ съ дѣтства и, хотя считалъ его человѣкомъ пустымъ и пропащимъ, все-таки вѣрилъ ему и не стѣснялся съ нимъ.

— Пойдемъ къ памятнику, — звалъ его Ѳедоръ, — тамъ скамеечка есть; посидимъ, потолкуемъ. Очень мнѣ интересно, Яша. Даже спать не могу.

— Пойдемте, — согласился Яша.

Они пересѣкли плацъ-парадъ и, взглянувъ мелькомъ на статую Александра, вошли въ гулкую сквозную галлерею, всю освѣщенную луной, съ черными тѣнями отъ колоннъ и арокъ, распластавшимися наискось по каменному полу.

— Со всей Россіи сюда жертвы несли, — промолвилъ Ѳедоръ, оглядываясь направо и налево. — Весь народъ давалъ по грошамъ да по монеткамъ въ память Освободителя. А его вонъ куда занесли: за ограду, въ четыре стѣны!.. Все боятся, какъ бы народъ-то дальше не заговорилъ про свободу... Вотъ и спрятали... Свобода, видно, вродѣ сокровища: всякому хочется ваять, да не всякому хочется дать.

Они сѣли на гранитную скамью у самага обрыва, откуда при свѣтѣ луны виднѣлось Зарѣчье съ его домами и колокольнями, съ длинными фабричными трубами, утопавшее въ туманной серебристой мглѣ.

Яша началъ рассказывать, а Ѳедоръ молча слушалъ и только изрѣдка покашливалъ или произносилъ: гм! гм! — словно подтверждая что-то.

— Что же вашъ Вороновъ своимъ колокольнымъ звономъ хочетъ весь народъ, что ли, сдѣлать счастливымъ? — спросилъ, наконецъ, Ѳедоръ, неожиданно и ласково накрывая своей холодной рукой Яшину руку. — Нѣтъ, Яша! Народъ по деревнямъ съ голоду пухнетъ.

и ему не до колокольнаго звона. Голодному нуженъ хлѣбъ, а обиженному—правда. А святую правду еще никто кулаками да палками не доказываль. Такъ-то, милый! Ты подумай объ этомъ.

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Гдѣ правда и гдѣ неправда—кому лучше знать? Образованнаго человѣка въ этомъ дѣлѣ не проведешь: онъ понимаетъ. И нужду народную понимаетъ лучше чиновника или жандарма. Ты подумай объ этомъ.

Яшѣ было неприятно все это слышать. И безъ того онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ толку, а тутъ еще Федоръ подливалъ масла въ огонь.

— Видишь Александра Второго? Онъ освободилъ крѣпостныхъ, а и въ его время тоже всякіе „царскіе слуги“ во все горло орали, что этого нельзя и не нужно, и тоже собирались бить образованныхъ людей. А народъ ему памятникъ поставилъ. Подумай-ка.

— А студенты его убили! — воскликнулъ вдругъ Яша и всталъ. — Прощайте, отецъ Федоръ. Мнѣ пора. Вы ужъ дѣдушкѣ-то не очень говорите про ваши мысли, а то онъ васъ и въ лавку перестанетъ пускать. Лучше помалкивайте, а то прогонитъ!

— Помолчу до поры до времени,—жестко улыбнулся Федоръ, тоже вставая и запахивая свое узкое пальто.

Яшѣ показалось, что онъ обидѣлъ Федора, и ему стало жалко его и стыдно. Чтобы загладить это, онъ протянулъ ему руку и сказалъ, точно прося прощенья:

— Приходите въ субботу... У насъ въ Ливніи будетъ общественный молебень. Пѣвчихъ человѣкъ сорокъ будетъ... Протодьякона пригласили...

Федоръ почувствовалъ настроеніе Яши. Онъ понялъ его и съ улыбкой отвѣтилъ, пожимая въ свою очередь руку и забывая обиду.

— А драться не будешь, помолясь Богу?

— Нѣтъ!—засмѣялся тотъ.

— Ну, ладно; приду. И дѣдушкѣ ничего говорить не стану. Да вѣдь онъ все равно убѣжденъ, что я очень люблю студентовъ, и говорю то же, что говорятъ студенты; а студенты, по его мнѣнiю, изъ человѣческихъ череповъ пиво пьютъ... Стало быть, ни имъ, ни мнѣ никакого довѣрiя нѣтъ. Знаю я это.

Онъ засмѣялся и все еще не выпускалъ Яшину руку. Ему хотѣлось сказать Яшѣ что-то хорошее, хотѣлось сказать спасибо за то, что онъ устыдился своей грубости.

— Дай, я тебя поцѣлую, — сказалъ онъ тихо.—А теперь иди съ Богомъ. Прощай.

И когда Яша пошелъ, Ѳедоръ черезъ минуту окликнулъ его:

— Яша!.. Народъ можетъ быть счастливымъ и сытымъ!

— А какъ?—спросилъ тотъ.

— Подумай,—отвѣтилъ Ѳедоръ, и голосъ его странно и загадочно прозвучалъ среди ясной тихой ночи.

Яша задумался.

Все въ эту ночь было для него тайною и вопросомъ. Онъ медленно шелъ, опустивъ голову, пытаясь одинъ на одинъ съ самимъ собою разобраться во всемъ, что сегодня слышалъ и видѣлъ. Острая любознательность томила его: онъ зналъ, что крестьянъ освободилъ Александръ Второй, и что его же, Александра Второго, убили бомбой...

Почему? За что? Наконецъ—кто?

Яшѣ было непонятно все это, и онъ съ жестокостью и съ отвращенiемъ думалъ объ этихъ людяхъ, и въ то же время ему вспоминались слова Ѳедора о царскихъ слугахъ, которые и тогда были, и тогда кричали, что освобожденiе есть погибель, и что все это ненужно и невозможно, и тоже, какъ теперь, собирались колотить образованныхъ людей... Стало быть, ученые люди стояли за что же: за свободу? и за кого: за народъ?..

А Яша слыхалъ отъ дѣдушки, что такое значило быть крѣпостнымъ. Если бы не свобода, то и Яша теперь былъ бы гдѣ-нибудь пастухомъ или поваренкомъ, или ѣздилъ бы на запяткахъ кареты... Его продалъ бы одинъ баринъ другому барину, какъ продаютъ теперь лошадь или собаку, или вотъ эти сапоги, въ которыхъ онъ идетъ... Его драли бы палками и розгами на конюшнѣ, женили бы на кривой пузатой дѣвкѣ, отдали бы на всю жизнь въ солдаты,—и никто не могъ бы вступить за него и сказать, что все это разбой и ужась.

А это все бывало. Это все помнить его бывшая нянька; она и до сихъ поръ еще не знаетъ, куда дѣвался ея мужъ, котораго однажды позвали къ барину. Уже полсотни лѣтъ прошло, а она все не знаетъ еще, поминаетъ ли его за здравіе, или за упокой...

Проходя черезъ мостъ, Яша остановился. Облокотясь о перила, онъ заглянулъ внизъ, гдѣ темныя далекія воды, сверкая верхними струями, безшумно стремились куда-то въ даль и тьму. На серебрящуюся поверхность было весело и пріятно глядѣть, но было жутко и страшно думать, что подъ этимъ серебромъ таится что-то темное, глубокое и живое. Оно также движется, медленно и тяжело, огромное, невидимое, движется во тьмѣ и плыветъ гдѣ-то внизу, и тайно уходитъ куда-то въ даль, и никто не знаетъ, что оно въ эту минуту несетъ въ себѣ...

VI.

Настала суббота, о которой говорилъ Федору Яша.

Въ этотъ день вся Линія имѣла необычный праздничный видъ. Еще съ вечера на двухъ лошадахъ привезъ мужикъ изъ деревни зеленыхъ можжевельныхъ вѣтокъ и свалилъ въ кучу. Теперь эту кучу

разбираль рядскій сторожъ Терентьичъ; мелкія вѣтки онъ разбрасываль по дорогѣ, будто устилая ее зеленымъ пахучимъ ковромъ, а крупными вѣтвями украшалъ каждую лавку, засовывая ихъ за петли, за гвозди и за рѣшетки и привязывая къ окнамъ, дверямъ и вывѣскамъ.

Къ десяти часамъ все было готово.

Среди Линіи возвышались пустые ящики, подпертые тяжелыми кипами товаровъ, и все это было покрыто краснымъ сукномъ и приготовлено для того, чтобы поставить сюда тяжелыя огромныя иконы, которыя ожидались ровно въ одиннадцать.

Передъ ящиками, поверхъ зелени, постлали коверъ, покрыли чистой скатертью столикъ, поставили на него миску съ водой, принесли изъ церкви большіе стоячіе подсвѣчники съ золочеными длинными свѣчами и на блюде насыпали ладану—для кадила.

Старостой ежегодно избирали дѣдушку, и теперь въ его лавкѣ сидѣлъ соборный дьяконъ, въ ожиданіи молебна, и держаль на колѣнахъ узелъ, гдѣ былъ завернуть его золоченный стихарь. Тутъ же сидѣлъ пѣвческій регентъ, вертя въ рукахъ камертонъ, а Ѳедоръ скромно удалился на свое любимое мѣсто за большимъ распятіемъ и грустно молчалъ. Чувствуя себя знаменитостью, дьяконъ небрежно дымилъ папирсой, не обращая никакого вниманія на захудалаго попа, и бесѣдовалъ съ дѣдушкой о торговыхъ дѣлахъ.

— Ъдутъ! Ъдутъ! — закричалъ вдругъ мальчикъ, вбѣгая въ лавку и взмахивая руками. — Иверскую везуть!

Не надѣвая шапокъ, всѣ вышли изъ магазина, а регентъ бросился бѣгомъ къ своему хору, стоявшему позади ящиковъ, приготовленныхъ для иконъ. Всѣ сорокъ человекъ пѣвчихъ повернули къ нему головы и глядѣли въ его глаза; это были подростки и дѣти, одѣтые въ одинаковыя длинныя пальто съ низко опу-

ценными широкими карманами; были среди нихъ и мужчины, молодые и старые, всѣ безъ шапокъ, но съ теплыми шарфами на шеяхъ. Регентъ поднялъ два пальца, сложенные кольцомъ, прогълъ тихонько: о-о!.. о-о!.. потомъ махнулъ рукою, и вся Линія вдругъ огласилась дружнымъ привѣтственнымъ пѣніемъ.

А по улицѣ въ это время подъѣзжала къ Линіи огромная тяжелая карета, которую везли шесть лошадей, запряженные цугомъ по двѣ и по четыре. На одной изъ переднихъ лошадей скакалъ верхомъ въ сѣдлѣ мальчикъ, обвязанный башлыкомъ, но безъ шапки и, взмахивая безъ надобности кнутомъ, кричалъ тонкимъ мальчишескимъ голосомъ на прохожихъ, которые поспѣшно снимали шапки и начинали креститься. Кучеръ на козлахъ и два человѣка въ поддевахъ, сидѣвшіе на запяткахъ позади кареты, были также съ непокрытыми головами и сытыми лицами.

Какъ только карета остановилась, эти двое соскочили и отворили дверцы, откуда сначала просунулась чья-то большая нога въ тяжеломъ ботикѣ, потомъ запестрѣла золоченая парча съ красными цвѣтами, а затѣмъ вылѣзъ іеромонахъ, плохонькій старичокъ, державшій набокъ сѣдую голову; риза надѣта была на немъ поверхъ теплаго пальто, и ему было въ нихъ неловко поворачиваться; за священникомъ вылѣзъ дяконъ въ такомъ же золоченомъ стихарѣ съ красными цвѣтами и въ черной скуфѣ, и оба они, согнувъ головы, равнодушно пошли по Линіи, топча набросанный можжевельникъ; а торговцы, сторожа и артельщики, человѣкъ восемь, вынули изъ кареты огромную икону, всю въ серебрѣ и алмазахъ, и, пошатываясь подъ страшной тяжестью, краснѣя, пыхтя и вытаращивъ глаза, понесли ее на приготовленное мѣсто подъ громкое пѣніе хора, а неизвѣстно откуда взявшаяся старуха все мѣшала имъ идти, подползая подъ икону и путаясь въ ногахъ у артельщиковъ.

Не успѣли еще дойти они до мѣста, какъ на улицѣ показалась новая процессія: шелъ угрюмый человѣкъ съ стекляннымъ зажженнымъ фонаремъ, за нимъ приходскій протопопъ въ лиловой бархатной камилавкѣ и дьяконъ съ кадиломъ, оба въ парчевыхъ ризахъ; за ними несли небольшой образъ на старой пеленѣ и высокій деревянный крестъ съ потемнѣвшей живописью. Едва они повернули въ Линію, какъ на улицѣ произошло новое движеніе: подъѣхала карета, еще больше прежней, но запряженная четверней.

— Спаситель! Спаситель! — зашептали вокругъ, и хоръ запѣлъ новое привѣтствіе на иной мотивъ.

Изъ кареты также вышли священникъ и дьяконъ, въ ризахъ съ зелеными разводами, а богомольцы, такъ же силясь, надуваясь и пошатываясь, выдвинули изъ кареты икону съ темнымъ, невѣроятно огромнымъ ликомъ и, хватаясь за скобки и мѣдныя жерди, закидывая на плечи привязанные къ ней ремни, съ трудомъ понесли ее по Линіи, отпугивая окриками усердную старуху. Всюду пахло можжевельникомъ, дымомъ углей, ладаномъ и горячимъ воскомъ.

Начался молебенъ.

Общее вниманіе сосредоточивалось на хорѣ и на соборномъ дьяконѣ, который, весь въ золотѣ, лохматый, толстый и бородатый, торжественно доказывалъ публикѣ свою принадлежность къ первокласснымъ басамъ. Остальные всѣ: монахи, дьяконы и священники, одѣтые въ мишурныя пестрыя ризы, сознавали свое безсиліе и заботились только о томъ, чтобы нѣсколько словъ, доставшихся на ихъ долю, произнести какъ можно трогательнѣй и проще; всѣ они были подавлены обаяніемъ героя-дьякона и возглашали тексты, стѣняясь и чувствуя, что ихъ никто не слушаетъ, и никто ими не интересуется.

Боевымъ номеромъ для дьякона считалось чтеніе Апостола. Покашлявъ въ сторону и набравши въ лег-

кля воздуха, дьяконъ взялъ въ обѣ руки книгу и, не раскрывая ее, въ знакъ того, что все въ ней написанное онъ знаетъ наизусть, вышелъ на средину и, медленно растягивая слога, прогудѣлъ низкимъ густымъ басомъ:

— Бра-ті-е...

Начальныя фразы онъ продолжалъ читать тѣмъ-же тономъ, но, мало-по-малу углубляясь въ текстъ, онъ все болѣе напрягалъ голосъ, выговаривалъ слова болѣе раздѣльно и болѣе громко; уже становилось замѣтно, что лицо его краснѣетъ отъ напряженія и на вискахъ выступаютъ жилки, а голосъ начинаетъ звенѣть, какъ металлъ; уже теряется смыслъ произносимыхъ словъ, утрачивается связь между фразами, и слышится только голосъ—громкій, звучный и чистый, сотрясающій воздухъ, и всѣ начинаютъ бояться за него, любясь этой силой, и ждуть скорѣе развязки, а дьяконъ между тѣмъ заносится все выше и выше и все медленнѣе, и все громче вытягиваетъ слога, напрягая голосъ почти до звона; глаза его уже не видятъ передъ собой ничего, кромѣ мути; кровь стучитъ въ голову и въ шею, и весь черепъ его звенитъ и содрогается, а изъ открытаго горла широкимъ потокомъ вырываются и мчатся оглушительные звуки, уже неслышныя ему самому, и разносятся въ воздухъ, сотрясая стекла и пламя свѣчей.

— Самъ искушенъ бысть,—слышится послѣдняя фраза, и всѣ съ напряженіемъ глядятъ на золоченую широкую спину и круто поднимающіяся плечи дьякона, не смѣя свободно вздохнуть.

— И иску-ша-е-мымъ по-мо-щи-и!!..—протянулъ дьяконъ, видимо, изъ послѣднихъ силъ, и хоръ, точно спѣша на выручку, громкимъ восклицаніемъ покрылъ эту ноту, и отчаянное, почти безумное „щи“ утонуло въ отвѣтномъ гулѣ и громѣ молодыхъ и сильныхъ голосовъ.

— Молодчина! Молодчина!—перешептывались и восторженно переглядывались всѣ.

А Яша стоялъ, опустивъ голову, и думалъ; о чемъ онъ думалъ, онъ и самъ не зналъ. Онъ слышалъ хоръ и воэгласы, но мысли его были далеко отъ всего того, что онъ слышалъ и видѣлъ.

— Перекрести лобъ-то!.. Нехорошо!—строго шепнулъ ему дѣдушка, незамѣтно для другихъ толкнувъ его ногою.

Яша встрепенулся и, по привычкѣ повинуюсь, началъ креститься, видя, какъ священникъ окунаетъ въ воду крестъ, и многіе становятся на колѣна, и слыша, какъ хоръ поетъ о дарованіи побѣды надъ „супротивными“...

Далѣе онъ видѣлъ, какъ сквозь толпу началъ протискиваться Вороновъ, неся въ рукѣ цилиндръ, а другою рукой разглаживая на ходу свои баки. Въ первый разъ замѣтилъ Яша на его остриженной головѣ небольшую розовую шишку, точно изъ его черепа кто-то показывалъ маленькій кукишъ. Онъ сталъ глядѣть на его затылокъ, и опять мысли его унеслись куда-то далеко, и глаза уже не видѣли опять ни Воронова, ни иконъ, ни монаховъ. Потомъ онъ опять очнулся, когда брызги холодной воды упали ему на лицо. Это священникъ, окуная въ чашу волосяную кисть, кропилъ водою народъ, широко взмахивая рукой и стараясь брызнуть какъ можно дальше.

А пѣвчіе заливались уже хвалою и громкими голосами воспѣвали славу и благодать; словно бубенчики звенѣли дисканты, чередуясь и смѣшиваясь съ альтами, дружно выкрикивали иногда басы, тяжело ревѣли октавы и сладко замирали звучные тенора... А толпа весело двигалась и колыхалась; всѣ устремились къ иконамъ, чтобъ приложиться къ нимъ и выпить глотокъ освященной воды.

VII.

Кареты развѣхались, публика разошлась, и только нищіе оставались теперь въ Линіи, робко заглядывая въ двери, да двое городскихъ обходили лавки съ поздравленіемъ:

— Помолясь Богу!

Послѣ стройнаго хора теперь слышались одиночныя выкрики разносчиковъ, и голоса ихъ казались гнусавыми и смѣшными.

— Съ пи... рогами!..

— Горячая ветчина!

— Кипитъ баранина!

По троттуару, при входѣ въ улицу, прохаживались пять молодцовъ, одѣтые въ короткіе зипуны, и все поглядывали въ ту сторону, куда скрылся отъ нихъ Благодѣтель, который въ это время сидѣлъ у дѣдушки въ лавкѣ.

Когда входили знакомые благодарить дѣдушку за хлопоты, Вороновъ нѣкоторымъ говорилъ:

— Взглянули бы на нашихъ добровольцевъ; они на углу дожидаются. Такихъ у насъ теперь уже много, а будетъ еще больше. По первому моему слову ринутся, какъ львы, куда прикажу.

— Яковъ Ильичъ,—обратился онъ къ Яшѣ.— Мнѣ нужно съ вами нынче поговорить. День возмездія близокъ, и крамола доживаетъ свои послѣднія минуты. Говорю вамъ правду-истину!

Тогда изъ-за большого распятія поднялась вдругъ высокая, сухая фигура, которую Вороновъ раньше не замѣтилъ.

— Здравствуйте, батюшка,—проговорилъ онъ, приподнимая надъ головой свой цилиндръ.—А я васъ и не вижу.

Не отвѣчая на поклонъ, Федоръ холодно и строго замѣтилъ:

— Правда и истина не одно и то же, сударь.

— То-есть какъ—не одно?

— Правда и истина не одно и то-же, — повторилъ Ѳедоръ, — ибо противоположность правды есть ложь, а противоположность истины есть заблужденіе. Не ложь, а заблужденіе.

— Къ чему эта философія?

— А къ тому, сударь, что дѣдушка и Яша—заблуждаются, а вы, извините меня, лжете!.. Они искренно желаютъ добра и истины, но не знаютъ, гдѣ они, а вы хорошо знаете, что истина не съ вами, но лжете умышленно. Вы ихъ къ чему призываете? Къ погрому? Зовете калѣчить молодежь и интеллигенцію, да?

— Ну, да!—рѣзко отвѣтилъ Вороновъ, почувствовавъ въ Ѳедорѣ явнаго, но слабого врага. — Вы слышали, батюшка, пословицу: дурная трава изъ поля—вонъ!

— А вы слышали пословицу, — отвѣтилъ Ѳедоръ:— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!

У Яши вдругъ задрожало сердце. Онъ тоже почувствовалъ, какъ и Вороновъ, что Ѳедоръ выступаетъ на этотъ разъ не собесѣдникомъ, не спорщикомъ, а именно — врагомъ. Онъ слышалъ въ его голосѣ вызовъ, а въ большихъ, точно загорѣвшихъ глазахъ его видѣлъ рѣшимость побиться не на жизнь, а на смерть. Онъ вспомнилъ вдругъ шишку на головѣ Благодѣтеля, прикрытую теперь цилиндромъ, и она показалась ему почему-то страшной, таившей въ себѣ непонятную силу, и подумалъ про Ѳедора:—нѣтъ, не сладить!..

Всѣ молчали.

— Именно такъ, — подхватилъ Вороновъ чужую фразу, — именно: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! А свинья эта хотѣла сожрать самое драгоценное для русскаго человѣка: величіе Россіи и самодержавіе! Но нѣтъ! Не дадимъ! Богъ не выдастъ; Богъ за насъ! А мы, вѣрные царскіе слуги, осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и растопчемъ крамолу, какъ змѣю! Какъ червя!

Онъ перевелъ духъ и, указывая на икону, добавилъ:

— Вонъ какъ Георгій Побѣдоносець растопталъ дракона!

Федоръ поднялъ глаза. И Яша, и дѣдушка тоже взглянули туда, куда показывалъ Вороновъ.

— Вижу, вижу,—сказалъ Федоръ.—Да кто драконъ-то? Какъ это понимать надобно?.. По сказанію, это былъ кровопійца: изъ городовъ и селеній выхватывалъ дѣвушекъ и юношей, самый цвѣтъ молодежи, и терзалъ ихъ, пока Георгій святой не растопталъ его. Вотъ что такое—драконъ!

— Да?—вопросительно сказалъ Вороновъ, пытливымъ взглядомъ отыскивая Федора въ глубинѣ магазина.

— Да,—твердо проговорилъ тотъ и, чувствуя, что его плохо видно, вышелъ изъ-за распятія на середину лавки; голова его была не покрыта, и жидкіе волосы непокорно стояли на ней дыбомъ.—Да!—повторилъ онъ громко, оглядывая сверху до низу магазинъ.—Со всѣхъ стѣнъ, со всѣхъ полокъ, изъ всѣхъ угловъ и сторонъ глядятъ на насъ пречистые лики угодниковъ Божіихъ. Они лучше меня отвѣтятъ вамъ, сударь, на всѣ ваши слова, на всѣ намѣренія ваши. Вотъ они! Смотрите! Вотъ—страстотерпцы, великомученики, защитники правды Божіей—кроткими очами своими глядятъ на васъ и спрашиваютъ васъ: „кто были гонители и мучители наши“?. И вы должны имъ отвѣтить: это были не столько цари, сколько вѣрные царскіе слуги!

— Какъ?! — воскликнулъ Вороновъ и вскочилъ со скамьи.

— Вѣрные царскіе слуги, отчетливо повторилъ Федоръ, — были во всѣ вѣка главными гонителями и мучителями нашихъ святыхъ страдальцевъ. Отъ такихъ-то вѣрныхъ слугъ и ограждалъ свою паству святой угодникъ Божій Николай Чудотворецъ; недаромъ поется: „положилъ еси душу твою о лжедѣхъ твоихъ и спаслъ

еси неповинныя отъ смерти“. И не было болѣе грознаго, болѣе гнѣвнаго защитника народа отъ прислужниковъ и приспѣшниковъ царскихъ, что грабили и угнетали невинныхъ, ради личныхъ, корыстныхъ цѣлей. Святой Николай крѣпко стоялъ за народъ, за права его, за человѣческую его честь!

Вороновъ весь насторожился и глядѣлъ то на Федора, то на Яшу, то на дѣдушку, словно не вѣря, что здѣсь, сейчасъ раздаются такія слова. Онъ сдѣлалъ было шагъ впередъ, но остановился, попятился и замеръ, какъ бы почуя добычу; только глаза его бѣгали, прищуривались и иногда вспыхивали въ ожиданіи чего-то очень пріятнаго, очень желаннаго. Чуть улыбаясь, онъ стоялъ, опершись рукой о прилавокъ, гдѣ наложены были одинъ на одного орѣховые кіоты съ стеклянными дверцами, и весело закручивалъ свои пушистыя баки.

— Да! Да! — разгораясь, все громче и громче говорилъ Федоръ. — Это вы взяли ключи разумѣнія, вы связали бремена тяжелыя, неудобноносимыя и навалили ихъ на плечи людямъ. Горе вамъ, лицемѣры!.. Вотъ они — святыя великомученики и страстотерпцы! — восторженно зывалъ онъ, поднимая обѣ руки и широко указывая ими на иконы, которыми была переполнена вся лавка. — Мы чтимъ страданія ихъ, мы молимся имъ, заступникамъ нашимъ въ бѣдахъ и въ горѣ, павшимъ за истинное Христово ученіе; а Господь нашъ Иисусъ Христосъ заповѣдалъ людямъ душу свою положить за други своя и возлюбить ближняго, какъ себя самого.

Федоръ повернулся вдругъ къ Воронову и, вытянувъ во всю длину свою руку съ широкимъ отвисшимъ рукавомъ, указывалъ прямо въ его лицо.

— А вы, вѣрные царскіе слуги, говорите: бей ближняго своего, топчи его, какъ червя, ибо онъ позналъ, гдѣ правда, и готовъ за чужое счастье, за народъ свой, обиженный и обездоленный, идти на страданіе и даже на смерть. И идутъ, и идутъ, какъ мученики, отваж-

ные люди, и несутъ чашу свѣжей воды жаждущему народу. А вы вырвали у нихъ эту чашу и расплескали ее. Не христіане вы, вѣрные слуги! Не люди вы, а волки въ овечьей шкурѣ, лисицы вы хитрыя, змѣи вы и драконы! Это вы цѣлителя Пантелеймона въ котлѣ кипятили, желѣзными бороздами колючими тѣло его стругали, Максимильяна-царя обманывали и гнѣвъ его распаляли—это вы!.. Это вы царя Дадіана наущали святого Георгія звѣрями травить, да живымъ въ могилу закапывать. Это вы, слуги царскіе, Варвару великомученицу огнемъ пытали, Вѣру, Надежду, Любовь терзали и мучили, головы имъ рубили, святую Ирину предавали постыдству и поруганію—это все вы!.. Вотъ они—смотрите: всѣ здѣсь!—воскликнулъ Ѳеодоръ, поднимая вверхъ руку и опять указывая на иконы.

— И нѣтъ имъ числа, замученнымъ вами. Всѣ смотрятъ на васъ пресвѣтлыми очами своими. Смутитесь-же, разбойники, передъ новыми жертвами!.. А вотъ и самъ Спаситель нашъ, призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ...

Ѳеодоръ стремительно шагнулъ къ распятію и, высоко поднявъ обѣ руки надъ грудью Христа, какъ бы защищая Его отъ кого-то, въ samozабвеніи воскликнулъ:

— Онъ пришелъ исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу! А вы распяли Его! Вы двѣ тысячи лѣтъ распинаете Его своими дѣлами!

У подножія высокаго креста тощая и длинная фигура Ѳеодора, въ холмоной заштопанной и полинявшей рясѣ, съ открытой головой и жидкими поднявшимися волосами, казалась точно возникшей откуда-то изъ глубины вѣковъ. Говоря о святыхъ, Ѳеодоръ и самъ былъ похожъ сейчасъ на какого-то мученика, навлекающаго на свою голову страданія и казнь; видно было, что онъ уже не владѣетъ собой и кидается въ бездну,

а Вороновъ сторожить его, какъ паукъ съ раскинутой сѣтью, выжидаетъ и томить свою жертву.

Дѣдушка сидѣлъ молча, шевеля губами, точно пережевывая что-то, моргая и тяжело дыша, а руки его тряслись и хватались за газету, за счеты, за бороду и за дрожавшія колѣна.

Яша, взволнованный и поблѣднѣвшій, какъ въ первое знакомство съ Вороновымъ, съ раздувшимися ноздрями и стиснутыми зубами, стоялъ и глядѣлъ на Ѳедора и переносилъ взоры туда, куда тотъ указывалъ: на иконы, на Воронова и на распятіе. Онъ глядѣлъ сейчасъ на блѣдное тѣло Христа въ терновомъ вѣнцѣ, на печально опущенную голову съ закрытыми глазами, на распятія руки и ноги, на пробитое ребро и на кровь, струившуюся изъ раны.

— „Сія есть кровь Моя!“—взывалъ восторженно и изступленно Ѳедоръ, протягивая ладонь и указывая ею на рану.—„Кровь Моя, за васъ и за многія изливаемая“... Изливаемая за людей, обманутыхъ и обворованныхъ сильными міра сего, и даже за васъ, вѣрные царскіе слуги, за васъ, враги темнаго несчастнаго народа, и за тебя,—крикнулъ онъ на Воронова, обжигая его взоромъ, полнымъ гнѣва и презрѣнія,—и за тебя, обманщикъ и палачъ! И за тебя, хриstopродавецъ!..

Вороновъ попятился и сжался.

— Вотъ какъ?—прошипѣлъ онъ въ отвѣтъ.—Такъ вотъ ты какой?—сказалъ онъ, выпрямляясь и мѣрзя Ѳедора взглядомъ съ головы до ногъ.—Ну, и погы!—обратился онъ къ дѣдушкѣ, и опять перенесъ взглядъ на Ѳедора.—По такимъ молодцамъ давно тюрьма плачетъ.

— Ну, и погы!—повторилъ Вороновъ, взглядывая на Яшу и словно въ удивленіи разводя руками.—Вотъ такъ погы!

И вдругъ закричалъ и затопалъ ногами.

— Въ тюрьму тебя, Гришка Отрепьевъ! Въ тюрьму тебя, разстрига!

Онъ вытащилъ вдругъ откуда-то изъ кармана полицейскій свистокъ и, быстро всунувъ его въ ротъ, надулъ щеки, краснѣя отъ напряженія и злобы. Рѣзкій, переливающийся, тревожный свистъ загремѣлъ неожиданно на всю лавку.

Въ этотъ же мигъ Яша, схвативъ себя за волосы, ринулся изъ-за конторки впередъ, не помня себя, не рассуждая и отшвыривая ногами стулъ и табуретку, съ грохотомъ покотившіеся по полу. Какъ это случилось, никто не успѣлъ замѣтить.

— Вотъ ты какой!!—задыхаясь, крикнулъ Яша и, схвативъ первый попавшійся на глаза кіотъ, поднялъ его обѣими руками надъ головой и со всего размаха ударилъ имъ Воронова по цилиндру.

Завзвѣло и застучало разбитое вдребезги стекло, заглушивъ сразу свистокъ. Острые мелкіе осколки посыпались на полъ, полетѣли въ стороны, засверкали въ складкахъ одежды и запутались въ бакахъ; цилиндръ отъ удара сплющился весь, перекосясь и налѣвъ почти на глаза.

Исцарапанными, окровавленными руками Яша быстро взмахнулъ опять, поднимая кіотъ, и опять ударилъ изо всей силы по цилиндру, и вновь замахнулся, но Вороновъ уже бросился къ двери и побѣжалъ по Ливіи, путаясь въ можжевельникъ, загораживая руками голову и во весь голосъ крича:

— Карауль!!.. Крамола! Крамола!

А Яша, настигая его на бѣгу, съ ожесточеніемъ билъ его пустымъ ящикомъ, куда попало—по шеѣ, по плечамъ, по спинѣ, по поднятымъ рукамъ, по затылку...

Оба они бѣжали одинъ за другимъ, не видя ни пути, ни встрѣчныхъ, не разбирая ни канавъ, ни по-роговъ.

Вороновъ задышался; цилиндръ его былъ весь

изломанъ, баки всклокочены, а изъ носа, торчавшаго прямо изъ-подъ шляпы, текла кровь.

— Крамола! Спасите! Крамола!—хрипѣлъ онъ, скользя и спотыкаясь, а Яша, тоже изнемогая, молча и тяжело ударялъ его на бѣгу разъ за разомъ, пока чья-то сильная рука не ударила его самого по лицу.

Онъ пошатнулся.

Пятеро молодцовъ въ короткихъ зипунахъ набросились на него, и голова его стала метаться отъ ударовъ туда и сюда; свѣтъ померкъ, сердце захолонуло, и Яша, опустивъ руки, повалился безъ памяти на каменный порогъ магазина.

Изъ виска его потекла кровь...

Тогда всѣ поняли отъ него и замолчали.

А на шумъ и крики уже бѣжали съ разныхъ сторонъ—съ улицы дежурный городской, а изъ лавки—дѣдушка.

1906 г.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

ЦВѢТНЫЯ СТЕКЛА.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

L

Цвѣтныя стекла.

Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половиць прогнившихъ скрипь.

Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стекляныхъ невысокихъ шкапахъ,
Гдѣ рядомъ Ся и Патерикъ.

Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ,
И серебро иконъ въ божничкѣ,
И въ горкѣ матовый фарфоръ.

И васъ, и васъ, дагеротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ!
И сумракъ отъ столѣтней липы,
И скрипь прогнившихъ половиць.

II.

Проснусь, проснусь—а окнами, въ саду,
Все тотъ же снѣгъ, все тотъ же блескъ полярный!
А въ залѣ—сумракъ... Слушаю и жду:
И вотъ опять—таинственный, коварный,
Чуть слышный трескъ... Конечно, полъ, иль мышъ...
Но какъ насторожишься, какъ слѣдишь
За кѣмъ-то, притаившимся у двери
Въ повисшей безъ движенія портьерѣ!
Но онъ молчитъ, онъ замеръ... Тюль гардинъ
Сквозить въ голубоватомъ лунномъ блескѣ,
Да чуть мерцаютъ—искорками льдинъ—
Подъ люстрой стеклянная подвѣски.

III.

За окнами—снѣга, стѣнная гладь и ширь,
На переплетахъ рамъ—слѣды ночной пурги...
Какъ тихъ и скученъ домъ! Какъ съежился снѣгирь
Отъ стужи за окномъ!.. Но вотъ слуга. Шаги.

По комнатамъ идетъ сѣдой костлявый дѣдъ,
Несетъ вечерній чай... „Опять глядишь въ углы?
Небось, все писемъ ждешь, депешъ, да эстафетъ?
Не жли. Ей не до насъ. Теперь въ Москвѣ—балы“.

Смутясь, глядитъ барчукъ на строгіе очки,
На сѣдину бровей, на розовую плѣшь...
— Да нѣтъ, старикъ, я такъ... Сыграемъ въ дурачки,
Пораньше ляжемъ спать... Какихъ ужъ тамъ—депешъ!

IV.

Слѣпой.

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.

Мальчишкѣ беззаботно въ чистомъ полѣ—
На васильки, на нѣжный цвѣтъ куколи
Глазѣть онъ, скучающій ребенокъ...
Но показался хуторъ. „Пой, чертенокъ!“

И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Затягиваетъ мальчикъ—о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ,
Подъ загудѣвшій мрачный басъ калѣки.

„Вы пожалѣйте,—плачетъ альтъ,—бездомныхъ!
Вы пожалѣйте, люди, сирыхъ, темныхъ!“
И басъ грозитъ: „Въ аду, въ огнѣ сгорите!
На пропитаніе бѣднымъ сотворите“.

И, угрожая, властнымъ мѣрнымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой подъ оврагомъ,
Надъ скучной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалищій,
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Прасковѣ.

V.

Пугало.

Страхъ—батюшка.

Пословица.

На задворкахъ, за ригами
Богатыхъ мужиковъ,
Стоитъ оно, родимое,
Одиннадцать вѣковъ.

Подъ шапкою лохматою—
Дубинка-голова.
Крестомъ по вѣтру треплются
Пустые рукава.

Старновкой—чистымъ золотомъ!—
Набить его чекмень,
На зависть на великую
Сосѣднихъ деревень...

Онъ, огородъ-то, выпуханъ,—
Ужъ есть и лебеда,
И глина означается,—
Да это не бѣда!

Не много дѣль и пугалу...
Да развѣ огородъ
Такое ужъ сокровище?—
Пугался бы народъ!

М. ГОРЬКІЙ.

МОИ ИНТЕРВЬЮ:

V. ЖРЕЦЪ МОРАЛИ.

М. Горькій. Мои интервью:

I. КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ВЫСОКО
ДЕРЖИТЬ СВОЕ ЗНАМЯ.	} <i>Помещены въ
Сборникъ XIII.</i>
II. ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦІА.	
III. ЦАРЬ.	
IV. ОДИНЪ ИЗЪ КОРОЛЕЙ РЕС-
ПУБЛИКИ.	} <i>Помещено въ
Сборникъ XIII.</i>
V. ЖРЕЦЬ МОРАЛИ.	
VI. ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ.	

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во
всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

*Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ
на переводъ и за справками къ представителю автора,
гв. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:*

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.*

V.

Жрецъ морали.

... Онъ пришелъ ко мнѣ поздно вечеромъ и, подозрительно оглянувъ мою комнату, негромко спросилъ:

— Могу я поговорить съ вами полчаса наединѣ?

Въ тонѣ его голоса и во всей сутуловатой, худой фигурѣ было что-то таинственное и тревожное. Онъ сѣлъ на стулъ такъ осторожно, точно боялся, что мебель не сдержитъ его длинныхъ и острыхъ костей.

— Вы можете опустить штору на окнѣ?—тихо спросилъ онъ.

— Пожалуйста! — сказалъ я и тотчасъ исполнилъ его желаніе.

Благодарно кивнувъ мнѣ головой, онъ подмигнулъ въ сторону окна и еще тише замѣтилъ:

— Всегда слѣдять!

— Кто?

— Репортеры, разумѣется!..

Я внимательно посмотрѣлъ на него. Одѣтый очень прилично, даже щеголевато, онъ, все-таки, производилъ впечатлѣніе бѣдняка. Его лысый, угловатый черепъ блестѣлъ скромно и корректно. Чисто выбритое, очень худое лицо, сѣрые, виновато улыбающіеся глаза, полуприкрытые свѣтлыми рѣсницами. Когда онъ поднималъ рѣсницы и смотрѣлъ прямо въ лицо мнѣ, я чув-

становалъ себя передъ какой-то туманной, неглубокой пустотой. Сидѣлъ онъ подогнувъ ноги подъ стулъ, положивъ ладонь правой руки на колѣно, а лѣвую, съ котелкомъ въ ней, опустилъ къ полу. Длинные пальцы рукъ немного дрожали, углы плотно сжатыхъ губъ были устало опущены—признакъ, что этотъ человекъ дорого заплатилъ за свой костюмъ.

— Позвольте вамъ представиться,—вздыхнувъ и покосившись на окно, началъ онъ:—я, такъ сказать, профессиональный грѣшникъ...

Я сдѣлалъ видъ, что не слышалъ его словъ и наружно спокойно спросилъ:

— Какъ?

— Я профессиональный грѣшникъ,—повторилъ онъ буква въ букву и добавилъ:—моя специальность—преступленія противъ общественной морали...

Въ тонѣ этой фразы звучала только скромность, я не уловилъ даже тѣни раскаянія въ словахъ и на лицѣ.

— Вы... не хотите ли стаканъ воды? — предложилъ я ему.

— Нѣтъ, благодарю васъ! — отказался онъ, и виноватые глаза его съ улыбкой остановились на моей фигурѣ.

— Вы, кажется, не вполне ясно понимаете меня?

— Нѣтъ, почему же!—возразилъ я, скрывая, по приѣру европейскихъ журналистовъ, невѣжество подъ маской развязности. Но онъ мнѣ, очевидно, не повѣрилъ. Покачивая котелкомъ въ воздухѣ и скромно улыбаясь, онъ заговорилъ:

— Я приведу вамъ нѣсколько фактовъ изъ моей дѣятельности, чтобы вамъ было понятно, кто я...

Здѣсь онъ вздохнулъ и опустилъ голову. И снова я былъ удивленъ тѣмъ, что въ этомъ вздохѣ было только утомленіе.

— Помните,—началъ онъ, тихо покачивая шляпой,—

въ газетахъ писали о человѣкѣ... т.-е. о пьяницѣ? Скандалъ въ театрѣ?

— Это господинъ изъ перваго ряда, который во время патетической сцены всталъ, надѣлъ шляпу и началъ кричать извозчика?—спросилъ я.

— Да,—подтвердилъ онъ и любезно добавилъ:—это я. Замѣтка подъ заголовкомъ: „Звѣрь, истязатель дѣтей“—тоже мною вызвана, какъ и другая: „Мужъ, продающій свою жену“... Человѣкъ, преслѣдовавшій на улицѣ даму нескромными предложеніями, это тоже я... Вообще, обо мнѣ пишутъ не менѣе одного раза въ недѣлю и всякій разъ, когда требуется доказать испорченность нравовъ...

Все это онъ сказалъ негромко, очень внятно, но безъ хвастовства. Я ничего не понималъ, но мнѣ не хотѣлось показать ему это. Какъ всѣ писатели, я тоже дѣлаю всегда видъ, будто знаю жизнь и людей, точно свои пять пальцевъ.

— Гм!—сказалъ я тономъ философа.—Что же, вамъ доставляетъ удовольствіе этотъ родъ занятій?

— Когда я былъ молодъ, это забавляло меня, не скрою, — отвѣтилъ онъ. — Но теперь мнѣ уже сорокъ пять лѣтъ, я женатъ, имѣю двухъ дочерей... Въ такомъ положеніи очень неудобно, когда васъ раза два-три въ недѣлю изображаютъ въ газетахъ, какъ источникъ порока и разврата. Постоянно слѣдятъ за вами репортеры, чтобы вы точно и во время выполняли свои обязанности...

Я закашлялся, чтобы скрыть недоумѣніе. Потомъ тономъ состраданія спросилъ:

— Это у васъ болѣзнь?

Онъ отрицательно качнулъ головой, помахалъ себѣ въ лицо шляпой, какъ вѣромъ, и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, профессія. Я уже сказалъ вамъ, что моя специальность—мелкіе скандалы на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ... Другіе товарищи въ нашемъ бюро

занимаются болѣе отвѣтственными и крупными дѣлами, напримѣръ: оскорбленіе религіознаго чувства, совращеніе женщинъ и дѣвиць, кражи на сумму не выше тысячи долларовъ... — Онъ вздохнулъ, оглянулся вокругъ и пояснилъ:—и прочіе поступки противъ нравственности... а я дѣлаю только мелкіе скандаль...

Онъ говорилъ, какъ ремесленникъ о своемъ ремеслѣ. Это меня начинало раздражать, и я саркастически спросилъ:

— Васъ не удовлетворяетъ это?

— Нѣтъ!—просто отвѣтилъ онъ.

Его простота обезоруживала и возбуждала острое любопытство. Помолчавъ, я поставилъ ему вопросъ:

— Сидѣли въ тюрьмѣ?

— Три раза. А вообще я дѣйствую въ размѣрахъ штрафа. Но штрафъ платить, конечно, бюро... — объяснилъ онъ.

— Бюро?—невольно повторилъ я.

— О, да! Согласитесь, что мнѣ самому невозможно платить штрафы!—съ улыбкою сказалъ онъ.—Пятьдесятъ долларовъ въ недѣлю—это очень немного для семьи въ четыре человѣка...

— Дайте мнѣ подумать объ этомъ!—сказалъ я, вставъ со стула.

— Пожалуйста!—согласился онъ.

Я началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ мимо него, напряженно вспоминая всѣ формы психическихъ заболѣваній. Мнѣ хотѣлось опредѣлить характеръ его болѣзни, но я не могъ. Было ясно одно—это не манія величія. Онъ слѣдилъ за мной съ любезной улыбкой на худомъ, истощенномъ лицѣ и терпѣливо ждалъ.

— Итакъ, бюро?—спросилъ я, останавливаясь противъ него.

— Да,—сказалъ онъ.

— Много служащихъ?

— Въ этомъ городѣ 125 мужчинъ и 75 женщинъ...

— Въ этомъ городѣ? Значить... и въ другихъ городахъ тоже бюро?

— Во всей странѣ, конечно! — сказалъ онъ, покровительно улыбаясь...

Мнѣ стало жалко себя.

— Но... что-же они...—нерѣшительно спросилъ я, — чѣмъ же они занимаются, эти бюро?

— Нарушаютъ законы нравственности, — скромно отвѣтилъ онъ, всталъ со стула, сѣлъ въ кресло, потянулся и съ откровеннымъ любопытствомъ сталъ разсматривать мое лицо. Очевидно, я казался ему дикаремъ, и онъ переставалъ стѣсняться.

— Чортъ побери!—подумалось мнѣ.—Не надо показывать, что я ничего не понимаю...—И, потирая руки, я оживленно сказалъ: — это интересно! Очень интересно!.. Только... зачѣмъ это?

— Что?—улыбаясь, спросилъ онъ.

— Да эти бюро для нарушенія законовъ морали?

Онъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ взрослого надъ глупостью ребенка. Я посмотрѣлъ на него и подумалъ, что, дѣйствительно, источникомъ всѣхъ непріятностей въ жизни является невѣжество.

— Какъ вы полагаете: надо жить, а?—спросилъ онъ.

— Конечно!

— И надо жить пріятно?

— О, разумѣется!

Этотъ человѣкъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и хлопнулъ меня по плечу.

— А развѣ можно наслаждаться жизнью, не нарушая законовъ морали, а?

Онъ отступилъ отъ меня, подмигнулъ мнѣ, снова развалился въ креслѣ, какъ вареная рыба на блюдѣ, вынулъ сигару и закурилъ ее, не спросивъ моего разрѣшенія. Потомъ продолжалъ:

— Кому пріятно кушать землянику съ карболовой кислотой?

И онъ бросилъ горящую спичку на полъ.

Ужъ это всегда такъ: сознавъ свое преимущество надъ ближнимъ, человекъ сразу становится свиньей по отношенію къ нему.

— Мнѣ трудно понять васъ!—сознался я, глядя въ его лицо.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Я былъ лучшаго мнѣнія о вашихъ способностяхъ.

Становясь все свободнѣе въ своихъ манерахъ, онъ сбросилъ пепель сигары прямо на полъ, полузакрывъ глаза и, слѣдя сквозь рѣсницы за струями дыма своей сигары, заговорилъ тономъ знатока дѣла:

— Вы мало знакомы съ моралью—вотъ что, я вижу...

— Нѣтъ, я иногда сталкивался съ нею, — скромно возразилъ я.

Онъ вынулъ сигару изо рта, посмотрѣлъ на конецъ ея и философски замѣтилъ:

— Удариться лбомъ объ стѣну, это еще не значить извучить стѣну.

— Да, я согласенъ съ этимъ. Но почему-то я всегда отскакиваю отъ морали, какъ мячъ отъ стѣны...

— Здѣсь виденъ недостатокъ воспитанія, — сказалъ онъ резонерски.

— Очень можетъ быть, — согласился я. — Самнымъ отчаяннымъ моралистомъ, котораго я зналъ, былъ мой дѣдъ. Онъ вѣдалъ всѣ пути въ рай и постоянно толкалъ на нихъ каждого, кто попадался ему подъ руку. Истина была извѣстна только ему одному, и онъ усердно вколачивалъ ее, чѣмъ попало, въ головы членовъ своего семейства. Онъ прекрасно зналъ все, чего хочетъ Богъ отъ человека, и даже собакъ и кошекъ училъ, какъ надо вести себя, чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства. При всемъ этомъ онъ былъ жаденъ, золъ, постоянно лгалъ, занимался ростовщичествомъ и, обла-

дая жестокостью труса,—особенность души всѣхъ моралистовъ и cadaго,—въ свободное и удобное время билъ своихъ домашнихъ, чѣмъ могъ и какъ хотѣлъ... Я пробовалъ вліять на дѣда, желая сдѣлать его мягче, — однажды выбросилъ старика изъ окна, другой разъ ударилъ его зеркаломъ. Окно и зеркало разбились, но дѣдъ не сталъ отъ этого лучше. Онъ такъ и умеръ моралистомъ. А мнѣ съ той поры мораль кажется нѣсколько противной... Можетъ быть, вы скажете что-нибудь такое, что можетъ помирить меня съ нею?—предложилъ я ему.

Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— У меня нѣтъ времени читать вамъ лекцію... Но, если я пришелъ къ вамъ, все равно. Начатое—нужно кончать. Можетъ быть, вы сумѣете что-нибудь сдѣлать для меня... Я буду кратокъ.

Онъ снова полузакрывъ глаза и началъ говорить внушительнымъ тономъ:

— Мораль необходима для васъ—это нужно помнить! Почему она необходима? Потому что она ограждаетъ вашъ личный покой, ваши права и ваше имущество—иначе сказать, она защищаетъ интересы „ближняго“. „Ближній“—это всегда вы и болѣе никто, понимаете? Если у васъ есть красивая жена, вы говорите всѣмъ окружающимъ васъ: „не пожелай жены ближняго твоего“. Если у человѣка есть деньги, воля, рабы, ослы, и самъ онъ не идіотъ—онъ моралистъ. Мораль выгодна для васъ, когда вы имѣете все, что вамъ нужно, и желаете сохранить это для себя одного; она не выгодна, если у васъ нѣтъ ничего лишняго, кромѣ волосъ на головѣ.

Онъ погладилъ рукой свой голый черепъ и продолжалъ:

— Мораль—это стражъ вашихъ интересовъ; вы стараетесь поставить его въ души людей, окружающихъ васъ. На улицахъ вы ставите полицейскихъ и сыщиковъ, внутрь человѣка вы всовываете цѣлый рядъ

принциповъ, которые должны вросли въ его мозгъ и связать въ немъ, задушить, уничтожить всѣ враждебныя вамъ мысли, всѣ угрожающія вашимъ правамъ желанія. Мораль всего строже тамъ, гдѣ экономическія противорѣчія нагляднѣе. Чѣмъ больше у меня денегъ, тѣмъ я болѣе строгій моралистъ. Вотъ почему въ Америкѣ, гдѣ такъ много богатыхъ, ими исповѣдуется мораль во сто лошадиныхъ силъ. Понятно?

— Да,—сказалъ я,—но зачѣмъ же бюро?

— Подождите!—возразилъ онъ, внушительно поднявъ руку. — Итакъ, мораль имѣетъ цѣлью внушить всѣмъ людямъ, чтобы они оставили васъ въ покоѣ. Но если у васъ много денегъ, у васъ множество желаній и полная возможность осуществить ихъ—такъ? Однако, большинство желаній вашихъ нельзя осуществить, не нарушая принциповъ морали... Какъ же быть? Нельзя проповѣдывать людямъ то, что отрицаешь самъ: это и неловко, да и люди могутъ не повѣрить. Вѣдь они не всѣ глупы...

Напримѣръ: вы сидите въ ресторанѣ, пьете шампанское и цѣлуете очень красивую женщину, хотя она не жена вамъ... Съ той точки зрѣнія, которую вы считаете обязательной для всѣхъ,—подобныя занятія являются безнравственными. Но лично для васъ — такая трата времени необходима: это ваша милая привычка, она даетъ вамъ массу наслажденій... И предъ вами встаетъ вопросъ: какъ примирить проповѣдь воздержанія отъ сладкихъ пороковъ съ вашей любовью къ нимъ? Другой примѣръ: вы говорите всѣмъ: не укради! Ибо вамъ крайне будетъ неприятно, если васъ начнутъ обкрадывать. Но, въ то же время, хотя у васъ и есть деньги—вамъ нестерпимо хочется украсть еще немного. Третій: вы строго исповѣдуете принципъ—не убій! Потому что жизнь вамъ дорога: она пріятна, полна наслажденій. Вдругъ въ вашихъ угольныхъ копяхъ рабочіе требуютъ увеличенія платы. Вы невольно вызываете

солдатъ, и трахъ—нѣсколько десятковъ рабочихъ убито. Или: вамъ некуда сбывать товаръ. Вы указываете на этотъ фактъ вашему правительству и убѣждаете его открыть для васъ новый рынокъ. Правительство любезно посылаетъ небольшую армию куда-нибудь въ Азію, Африку и исполняетъ ваше желаніе, перебивъ нѣсколько сотенъ или тысячъ туземцевъ... Все это плохо гармонируетъ съ вашей проповѣдью челоувѣколюбія, воздержанія и цѣломудрія. Но, избивая рабочихъ или туземцевъ, вы можете оправдать себя указаніемъ на интересы государства, которое не можетъ существовать, если люди не станутъ подчиняться вашимъ интересамъ. Государство—это вы, если вы богатый челоувѣкъ, разумѣется. Вамъ гораздо труднѣе въ мелочахъ,—въ развратѣ, воровствѣ и прочемъ. Вообще, позиція богатаго челоувѣка—трагическая позиція. Ему положительно необходимо, чтобы всѣ любили его, всѣ воздерживались отъ покушеній на цѣлость его имущества, чтобы никто не нарушалъ его привычекъ и всѣ относились цѣломудренно къ его женѣ, сестрѣ, дочерямъ. Въ то же время, для него не только нѣтъ необходимости любить людей, воздерживаться отъ воровства, цѣломудренно относиться къ женщинамъ и т. д. Напротивъ! Все это только стѣсняетъ его личную дѣятельность и безусловно вредно для успѣха его работъ. Обычно—вся его жизнь сплошное воровство, онъ грабитъ тысячи людей, цѣлую страну,—это необходимо для роста капитала, т. е. для прогресса страны—вы понимаете? Онъ развращаетъ женщинъ десятками,—это очень пріятное развлеченіе для празднаго челоувѣка. И кого ему любить? Всѣ люди дѣлятся для него на двѣ группы: одну онъ обворовываетъ, другая — конкурируетъ съ нимъ въ этомъ занятіи.

Довольный своимъ знаніемъ вопроса, ораторъ улыбнулся и, бросивъ окурокъ сигары въ уголъ комнаты, продолжалъ:

— Итакъ: мораль полезна богатому и вредна всѣмъ людямъ, но, въ то-же время, она не нужна ему и необходима для всѣхъ. Вотъ почему моралисты стараются вколотить принципы морали внутрь людей, а сами всегда носятъ ихъ снаружи, какъ галстуки и перчатки. Далѣе: какъ убѣдить людей въ необходимости для нихъ подчиненія законамъ морали? Никому не выгодно быть честнымъ среди жуликовъ. Но, если невозможно убѣдить, гипнотизируйте! Это всегда удается...

Онъ утвердительно кивнулъ головой и, подмигнувъ мнѣ, повторилъ:

— Невозможно убѣдить,—гипнотизируйте!

Затѣмъ онъ положилъ свою руку на колѣно мнѣ, заглянулъ въ лицо мое и, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Дальнѣйшее—между нами, хорошо?

Я кивнулъ головой.

— Бюро, въ которомъ я служу, занимается гипнозомъ общественнаго мнѣнія. Это одно изъ оригинальнѣйшихъ учрежденій Америки—прошу замѣтить!—съ гордостью сказалъ онъ.

Я еще разъ наклонилъ голову.

— Вы знаете, что наша страна,—говорилъ онъ,—живетъ только однимъ стремленіемъ — дѣлать деньги. Здѣсь всѣ хотятъ быть богатыми, и человѣкъ для человѣка только матеріаль, изъ котораго всегда можно выжать нѣсколько крупинокъ золота. И вся жизнь есть процессъ выниманія золота изъ мяса и крови человѣка. Народъ въ этой странѣ, какъ и вездѣ, я слышалъ,—руда, изъ которой добываютъ желтый металл; прогрессъ—это концентрація физической энергіи массы, т.-е. кристаллизація мяса, костей и нервовъ человѣка въ золото. Жизнь построена очень просто...

— Это вашъ личный взглядъ?—спросилъ я.

— Это? Конечно, нѣтъ!—сказалъ онъ съ гордостью.— Это просто... чья-то фантазія... Я не помню, какъ она

попала въ мою голову... Я пользуюсь ею, только когда говорю съ людьми... ненормальными... Продолжаю. Народу здѣсь некогда заниматься пороками — для этого не остается свободнаго времени. Часы напряженной работы такъ истощаютъ человѣка, что онъ уже не имѣетъ ни силъ, ни желанія согрѣшить въ часъ отдыха. Людямъ некогда думать, у нихъ нѣтъ силы желать, они живутъ только работой, для работы, и это дѣлаетъ ихъ жизнь очень нравственной. Развѣ иногда въ праздникъ нѣсколько ребятъ повѣсятъ пару негровъ, но это не противъ морали, потому что негръ—не бѣлый, къ тому-же ихъ здѣсь много, этихъ негровъ. Всѣ ведутъ себя болѣе или менѣе прилично, и на общемъ сѣромъ фонѣ этой неподвижной жизни, забитой въ тѣсныя рамки старой, пуританской морали, всякое нарушеніе ея принциповъ выступаетъ рѣзко, какъ пятно сажни. Это хорошо, но это дурно. Высшіе классы общества могутъ гордиться поведеніемъ низшихъ, но, въ то-же время, такое поведеніе стѣсняетъ свободу дѣйствій богатыхъ. Они имѣютъ деньги—значитъ, они имѣютъ право жить, какъ хотятъ, не считаясь съ моралью. Богатые—жадны, сытые—чувственны, праздные—порочны. Бурьянъ растетъ на жирной почвѣ, развратъ на почвѣ пресыщенія. Что-же дѣлать? Отрицать мораль? Это—невозможно, ибо это глупо. Если тебѣ выгодно, чтобы люди были нравственны, — умѣй скрывать свои пороки... Вотъ и все! Въ этомъ немного новаго.

Онъ оглянулся и еще понизилъ голосъ.

— И вотъ представители высшаго общества въ Нью-Йоркѣ напали на одну удивительно счастливую мысль. Они рѣшили учредить въ странѣ тайное общество для явнаго нарушенія законовъ морали. Былъ собранъ, путемъ вкладовъ, солидный капиталъ, и въ разныхъ городахъ страны открыты,—негласно, разумѣется,—бюро для гипноза общественнаго мнѣнія. Наняли разныхъ людей, вредѣ вашего покорнаго слуги, и воз-

ложили на нихъ обязанность совершать преступленія противъ нравственности. Во главѣ каждого бюро стоитъ надежный и опытный человѣкъ, руководящій дѣйствіями служащихъ и распредѣляющій занятія... обыкновенно онъ редакторъ какой-нибудь газеты.

— Я не понимаю цѣлей бюро!—тоскливо сказалъ я.

— Очень просто!—отозвался онъ. И вдругъ его лицо приняло выраженіе тревоги и нервознаго ожиданія чего-то. Онъ всталъ и, заложивъ руки за спину, началъ медленно ходить по комнатѣ.

— Очень просто!—повторилъ онъ.—Я уже сказалъ вамъ, что низшіе классы, по недостатку времени, мало грѣшатъ. А вѣдь необходимо, чтобы нравственность нарушалась—нельзя-же оставлять ее безплодной старой дѣвой! Нужно, чтобы всегда кричали о нравственности: это оглушаетъ общество, не позволяя ему слышать правду. Если въ рѣку набросать массу мелкихъ щепъ, среди нихъ можетъ незамѣтно для вашего глаза проплыть большое бревно. Или, если вы неосторожно вытащили бумажникъ изъ кармана вашего сосѣда, но своевременно обратите вниманіе публики на мальчишку, который укралъ горсть орѣховъ,—это можетъ спасти васъ отъ скандала. Только кричите громче—воръ! Наше бюро занимается тѣмъ, чтобы создавать массу мелкихъ скандаловъ, для прикрытія крупныхъ преступленій.

Онъ вздохнулъ, остановился среди комнаты и помолчалъ.

— Напримѣръ: въ городѣ разносится слухъ о томъ, что одно уважаемое и почтенное лицо бьетъ свою жену. Бюро немедленно поручаетъ мнѣ и нѣсколькимъ товарищамъ побить нашихъ женъ. Мы бьемъ. Жены, конечно, посвящены въ дѣло и кричатъ очень громко. Объ этомъ пишутъ всѣ газеты, и шумъ, поднятый ими, заставляетъ забыть о слухахъ, по поводу отношеній почтеннаго лица къ его женѣ. Какое значеніе имѣютъ

слухи, когда на лицо факты? Или: начинают говорить о подкупѣ сенаторовъ. Бюро немедленно организуетъ рядъ подкуповъ полицейскихъ чиновъ и разоблачаетъ ихъ продажность передъ публикой. Снова слухи исчезаютъ передъ фактами. Нѣкто изъ высшаго общества оскорбилъ женщину. Тотчасъ-же въ ресторанахъ, на улицахъ—создается рядъ оскорбленій женщинъ. Поступокъ представителя высшаго свѣта совершенно исчезаетъ въ ряду однородныхъ поступковъ. И такъ всегда, во всемъ. Крупная кража засыпается кучей мелкихъ кражъ, и, вообще, всѣ крупныя преступления подавляются горами мелочей. Вотъ—дѣятельность бюро.

Онъ подошелъ къ окну, осторожно взглянулъ на улицу и снова сѣлъ на стулъ, продолжая тихимъ голосомъ:

— Бюро ограждаетъ высшій классъ американскаго общества отъ суда народа и, въ то-же время, постоянными криками о нарушеніи законовъ морали, забываетъ народу голову мелкими скандалами, организованными для прикрытія порочности богатыхъ. Народъ находится всегда въ состояніи гипноза, ему нѣтъ времени думать самостоятельно, и онъ только слушаетъ газеты. Газеты принадлежатъ миллионерамъ, бюро организовано ими-же... Вы понимаете? Это очень оригинально..

Онъ замолчалъ, задумался, низко наклонивъ голову.

— Благодарю васъ!—сказалъ я ему.—Вы сообщили мнѣ очень много интереснаго.

Онъ поднялъ голову и уныло взглянулъ на меня.

— Д-да, это интересно, конечно!—медленно и задумчиво произнесъ онъ.—Но меня это уже утомляетъ. Я семейный человѣкъ, три года тому назадъ я построилъ себѣ домъ... мнѣ хочется немного отдохнуть. Это трудное дѣло, моя служба. Поддерживать въ обществѣ уваженіе къ законамъ морали—о! это, право, не

легко! Вы подумайте: мнѣ вреденъ алкоголь, но я долженъ напиваться; я люблю жену и тихую жизнь въ семьѣ—и долженъ ходить по ресторанамъ, скандалить... и постоянно видѣть себя въ газетахъ... хотя подѣ чужимъ именемъ, конечно, но, все-таки... однажды откроется мое собственное имя, и тогда... придется увѣхать изъ города... Я нуждаюсь въ совѣтѣ... Я пришелъ къ вамъ узнать ваше мнѣніе по моему дѣлу... очень запутанное дѣло!

— Говорите,—предложилъ я.

— Видите-ли, что,—началь онъ,—за послѣднее время среди представителей высшихъ классовъ общества въ южныхъ штатахъ заводятъ любовницъ—негритянскихъ дѣвушекъ... По двѣ и по три сразу. Объ этомъ начали говорить. Жены недовольны поведеніемъ мужей. Въ нѣкоторыхъ газетахъ получены письма женщинъ съ разоблаченіемъ дѣятельности ихъ мужей. Возможенъ громкій скандалъ. Бюро немедленно-же принялось за организацію ряда „контръ-фактовъ“, какъ это у насъ называется. Тринадцать агентовъ и въ ихъ числѣ я—немедленно должны завести любовницъ-негритянокъ. По двѣ и даже по три сразу...

Онъ нервно вскочилъ со стула и, приложивъ руку къ карману сюртука, заявилъ:

— Я не могу сдѣлать это! Я люблю жену... и она мнѣ не позволитъ, вотъ что главное! Наконецъ, если бы одна!

— Откажитесь!—посоветоваль я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

— А кто же мнѣ уплатитъ 50 долларовъ за недѣлю? И награду, въ случаѣ успѣха? Нѣтъ, этотъ совѣтъ вы оставьте для себя... Американецъ не отказывается отъ денегъ даже на другой день послѣ своей смерти. Посоветуйте что-нибудь другое.

— Мнѣ трудно!—сказаль я.

— Гм! Почему трудно? Вы, европейцы, очень легкомысленны въ вопросахъ нравственности... ваша развращенность намъ извѣстна!

Онъ сказалъ это съ твердой увѣренностью въ правдѣ своихъ словъ.

— Вотъ что,—продолжалъ онъ, наклонясь ко мнѣ,—вѣроятно, у васъ есть знакомые европейцы? Я увѣренъ, что есть!

— Зачѣмъ вамъ?—спросилъ я.

— Зачѣмъ?—Онъ отступилъ отъ меня на шагъ и всталъ въ драматическую позу. — Я положительно не могу взять на себя дѣло съ негритянками. Судите сами: жена мнѣ не позволить, и я ее люблю. Нѣтъ, я не могу...

Онъ энергично потрясъ головой, провелъ рукой по своей лысинѣ и вкрадчиво продолжалъ:

— Можетъ быть, вы могли бы мнѣ рекомендовать на это дѣло европейца? Они отрицаютъ нравственность, имъ все равно. Кого-нибудь изъ бѣдныхъ эмигрантовъ, а? Я плачу десять долларовъ въ недѣлю, хорошо? Я буду самъ ходить по улицамъ съ негритянками... вообще, я все сдѣлаю самъ,—онъ долженъ позаботиться только о томъ, чтобы родились дѣти... Вопросъ нужно рѣшить сегодня же вечеромъ... Вы подумайте, какой скандалъ можетъ разгорѣться, если это дѣло въ южныхъ штатахъ не завалить своевременно разнымъ хламомъ! Въ интересахъ торжества нравственности—необходимо топиться...

...Когда онъ убѣжалъ изъ комнаты, я подошелъ къ окну и приложилъ ушибленную объ его черепъ руку къ стеклу, чтобы охладить ее.

Онъ стоялъ подъ окномъ и дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я, открывая раму.

— Я забылъ взять шляпу!—сказалъ онъ скромно.

Поднявъ съ полу котелокъ, я выбросилъ его на улицу. И, закрывая окно, услыхалъ дѣловой вопросъ:
— А если я дамъ пятнадцать долларовъ въ недѣлю? Это хорошая плата!

(Слѣдующее „Интервью“ будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ Сборниковъ).

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

ЛЕГЕНДА СТАРАГО ЗАМКА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во
всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

*Гдѣ переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ
на переводъ и за справками къ представителю автора
Ив. П. Ладъжникову, по слѣдующему адресу:*

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow“.*

Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПРИНЦЪ, владѣлецъ замка.

БУЛЬ, карликъ.

ФРОГЪ, шутъ.

ЗОРГЕТТА, его сестра.

ГУРТАДО, іезуитъ.

Сеньоръ РЕНО.

Сеньоръ КАРДИО.

Сеньоръ ПЕДРИО.

Сеньоръ СИЛЬВІО.

Дама БУБЕНЬ.

Дама ЧЕРВЕЙ.

Дама ПИКЪ.

Дама ТРЕФЪ.

Дама съ Лиліей.

Поэты.

ГАВРИО, женихъ Зоргетты.

} Вассалы, приближенные принца, члены
„Высокаго Собранія“.

} Дамы въ маскахъ, члены „Высокаго
Собранія“.

Слуги, музыканты, кавалеры, дамы, рыцари.

Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Старый замокъ. Комната шута Фрога: сводчатый потолокъ, одно готическое окно съ цвѣтными стеклами; на стѣнахъ—принадлежности шутовской профессіи: маски, костюмы, бубень и др.; за красной не доходящей до потолока занавѣской — уголокъ Зоргетты: тамъ она чутко спитъ передъ утромъ. Шуть заснулъ на покрытомъ шкурою креслѣ въ дурацкомъ костюмѣ съ испачканнымъ бѣлыми лицомъ; въ откинутой рукѣ его—колпакъ съ бубенчиками. Шуть стонетъ и плачетъ во снѣ. Въ окно смотритъ наступающее утро; фонарь на столѣ догораетъ желтымъ пятномъ. Глухо звучитъ на башнѣ колоколъ, Зоргетта вскакиваетъ и, полуодѣтая, озабоченно выглядываетъ изъ-за занавѣски.

ЗОРГЕТТА. Бѣдный Фрогъ! Онъ такъ усталъ отъ этихъ празнествъ, что вторую ночь спитъ не раадѣваясь... Даже не смылъ съ лица бѣлила... (Выходить и грустно смотреть на спящаго брата) Жаль будить, а надо... Фрогъ!.. Фрогъ! Проснись: уже звонить на башнѣ колоколъ! Бѣдный Фрогъ... Словно мертвый... Фрогъ! Тебя душить кошмаръ! Проснись! Фрогъ! Фрогъ!

ФРОГЪ (просыпаясь). Кто?.. а?.. Ахъ, это ты, Зоргетта... Дай мнѣ еще немного поспать!..

ЗОРГЕТТА. Но на башнѣ уже билъ колоколъ!.. Фрогъ! Фрогъ. Билъ колоколъ... Такъ скоро... а-а!..

ЗОРГЕТТА. Ты плакалъ и стоналъ... Ты теперь каждую ночь стонешь, Фрогъ... Я боюсь, что ты не совсемъ здоровъ...

ФРОГЪ (поднявъ руку и увидя дурацкій колпакъ, сердито бросаетъ его въ сторону и, поднявшись, сладко потягивается). Тяжелые сны сняты теперь у насъ въ замкѣ!.. Мнѣ приснилось... (оглядывается по сторонамъ) мнѣ приснилось, будто бы я сдѣлался принцемъ, владѣтелемъ этого стараго замка, и былъ такимъ добрымъ, что не могъ вѣшать своихъ враговъ...

ЗОРГЕТТА. У тебя, Фрогъ, доброе сердце...

ФРОГЪ. Вотъ положеніе!.. Не могъ подписать приговоръ, а сеньоры заставляли... (Тушить фонарь) Отлично, что я никогда не буду принцемъ!.. Вчера, когда ты уходила изъ замка, въ сѣверныя ворота проскользнула безумная женщина въ лохмотьяхъ и съ проклятіями

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Я вполне согласна съ аббатомъ!..

ГУРТАДО. А если это такъ, то спрашивается: чѣмъ отличался первый человѣкъ, до грѣхопаденія, отъ современнаго человѣка, только-что получившаго отпущеніе грѣховъ?..

ДАМА ВУВЕНЪ. И все-таки первые люди украшали себя поясами изъ листьевъ!

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Сдѣлайте одолженіе! Это предоставляется вкусу!..

ДАМА ПИКЪ. Странный вкусъ!.. Къ счастью, въ Высокомъ Собраніи нашлась только одна Венера и одинъ Аполлонъ!..

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Напротивъ, это очень печально!..

ДАМА ТРЕФЪ. Дайте каждому полную свободу!.. Венера, какъ бы ее ни одѣли, всегда останется Венерой!..

СЕНЬОРЪ РЕНО. Прекрасныя дамы и сеньоры! Мы уклонились... (Шумъ и споръ стихаютъ) Нашъ ученый, философъ и поэтъ, сеньоръ въ ослиной маскѣ, имѣетъ сдѣлать новое предложеніе!

СЕНЬОРЪ СИЛЬВІО. Члены Высокаго Собранія!.. Какъ здѣсь было сказано, мы будемъ ловить каждый мигъ жизни. Въ години такихъ ужасныхъ испытаній, какое ниспослано намъ небомъ, люди живутъ усиленнымъ темпомъ... Въ одинъ день они могутъ пережить больше, чѣмъ могли ранѣе пережить въ десятки лѣтъ... Всѣ наши мысли и всѣ чувства въ такихъ случаяхъ работаютъ съ небывалой быстротой и силою... Это именно соображеніе и побуждаетъ меня предложить Высокому Собранію отмѣнить обычное исчисленіе времени и ввести новое: пусть каждый часъ нашей жизни будетъ отнынѣ считаться у насъ въ замкѣ сутками, каждая сутки—мѣсяцемъ, каждый мѣсяцъ—годомъ и т. д. При такомъ исчисленіи времени мы будемъ легче осваиваться съ условіями нашей необычной жизни и взаимныхъ отношеній... Нѣкоторыя изъ дамъ, напримѣръ,

видимо, до сихъ поръ недостаточно освоились съ установленными нами быстротечными браками... Нѣкоторымъ кажется сомнительной любовь на одинъ день... Но что такое время?.. Наука знаетъ такіе виды мотыльковъ, которые живутъ только одни сутки и на протяжении этого кусочка времени переживаютъ цѣлую вѣчность, полную, красивую; и жизнь этимъ мотылькамъ кажется столь же продолжительной, какъ и намъ...

дама червей. Для людей, привыкшихъ смотрѣть на жизнь, какъ на календарь съ буднями и праздниками,—это, пожалуй, не лишнее...

дама пикъ. При вашемъ новомъ исчисленіи очень скоро состаришься!

сеньоръ сальвио. О, нѣтъ! Совершенно обратно.. При новомъ исчисленіи, только въ 200 лѣтъ человѣкъ будетъ считаться совершеннолѣтнимъ!..

сеньоры. Величайшее открытіе!..

дама пикъ. А то время, которое мы всѣ прожили до сихъ поръ, какъ будетъ считаться?..

сеньоръ сальвио. Высоксе Собраніе! Я предложу считать всѣхъ живущихъ въ замкѣ какъ бы новорожденными и начинать счетъ жизни съ того дня, когда мы сюда съѣхались. Это будетъ только необходимымъ толкованіемъ къ дарованной его свѣтлостью милости, объявляющей всѣхъ насъ молодыми!..

сеньоры. Это величайшее открытіе!..

дамы. Мы согласны!..

дама пикъ. Отъ имени всѣхъ женщинъ высказываю вамъ, принцъ, нашу горячую признательность!

принцъ. Я очень радъ! Очень! Все, что могу, я готовъ сдѣлать для васъ...

сеньоръ рено. Какое наказаніе, ваша свѣтлость, полагали бы назначать лицамъ, нарушающимъ вырабатанныя Высокимъ Собраніемъ правила новой жизни? принцъ. Для сеньоровъ обыкновенное: висѣлицу!..

а для дамъ... что-нибудь полегче! (Продолжительное изумленное молчаніе) Я пошутил!

ДАМА ВУВЕНЪ. Не надо некрасивыхъ наказаній. Души многихъ изъ насъ наполнились сумерками, когда была повѣшена на стѣнѣ женщина въ лохмотьяхъ и болталась тамъ отъ вѣтра... Крикъ черныхъ вороновъ надъ трупомъ прогонялъ изъ души радость бытія... Это некрасиво... этого не надо...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. По моему мнѣнію, всякое наказаніе некрасиво и бесполезно... Не надо никакихъ наказаній.

ФРОГЪ. Высокое Собраніе! Осмѣлюсь вставить свое слово! Нѣтъ спора: висѣлица—наказаніе очень хорошее, исправляетъ людей отмѣнно, но она имѣетъ одну слабую сторону: всѣхъ исправленныхъ она отправляетъ на небо, а тамъ и безъ того большое и хорошее общество... Надо придумать наказаніе красивое и полезное...

СЕНЬОРЪ СИЛЬВІО. А главное—гуманное...

ФРОГЪ. И самое гуманное! Самое гуманное!.. Я предложилъ бы устроить въ замкѣ „Комнату Чернаго Молчанія“!.. (Удивленіе Собранія) Дѣло, видите ли, въ томъ, что, когда люди говорятъ о старости, о болѣзни, о смерти и тому подобныхъ вещахъ, то имъ бываетъ больше смѣшно, чѣмъ грустно, но когда они объ этомъ думаютъ,—бываетъ очень грустно... А заставить человѣка думать, если, разумѣется, онъ способенъ этимъ заниматься,—всего легче въ полномъ уединеніи. Вотъ я и предлагаю устроить для этого уединенія „Комнату Чернаго Молчанія“: обить одну изъ залъ съ верху до низу черной матеріей, поставить тамъ вновь изобрѣтенные сеньоромъ Сильвіо для новаго исчисленія времени часы,—они очень похожи на могильный памятникъ, а ихъ бой напоминаетъ похоронный благовѣсть,—и увѣнчать эти часы человѣческимъ черепомъ. Эту комнату надо освѣтить чрезъ окно изъ корридора темно-краснымъ свѣтомъ и сажать туда на ночь ослушниковъ, порознь и, въ худшемъ случаѣ, двухъ кавалеровъ

или двухъ дамъ, ибо, если мы посадимъ живую даму съ живымъ кавалеромъ на ночь хотя бы даже въ склепъ на кладбищѣ, они сумѣютъ ни о чемъ не думать...

(Общій смѣхъ и одобреніе)

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Въ чемъ же ты усматриваешь пользу этого наказанія? Я согласна, что это наказаніе красиво, но съ оговоркой: только при полномъ одиночествѣ! Если двѣ дамы ночью—смѣшны, то два кавалера еще болѣе... А гдѣ есть смѣшное, тамъ нѣтъ красиваго!..

ФРОГЪ. Я сказалъ: „въ худшемъ случаѣ, двухъ кавалеровъ или двухъ дамъ“! А польза несомнѣнна: провинившійся, проведя ночь въ такой обстановкѣ и вернувшись въ кругъ веселыхъ друзей, почувствуетъ себя какъ бы воскресшимъ изъ мертвыхъ и удвоитъ свои игривыя наклонности!..

(Общій шумъ одобренія)

ПРИНЦЪ. Сеньоръ Рено! Потрудитесь приготовить къ предстоящимъ праздникамъ „Комнату Чернаго Молчанія“... Фрогъ и сеньоръ въ ослиной маскѣ помогутъ въ этомъ.. А теперь пора поговорить о новыхъ празднествахъ... По нашему новому исчисленію въ субботу исполнится ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съѣхались въ замкъ, соединенные жаждою бытія въ одну тѣсную семью... Я желалъ бы этотъ день, а по нашему счисленію — мѣсяць, — отпраздновать съ подобающей торжественностью и особенной пышностью, устройвъ рядъ веселыхъ и остроумныхъ развлеченій и райскихъ игръ... Но прежде я хотѣлъ бы выслушать дамъ, чтобы наши планы совпали съ ихъ ожиданіями...

ДАМА ВУВЕНЪ (застѣнчиво). Дамамъ понравилась, а примѣръ, вчерашняя игра въ жмурки... Онѣ просили (и повторить ее!.. Лично я не настаиваю, но меня просили передать...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Къ этому я могу прибавить кое-что.

Почему только кавалеры ловятъ дамъ? Гдѣ логика?.. Уже если сеяборы ввѣряются слѣпому счастью, то позвольте и дамамъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ... Будемъ чередоваться: одинъ разъ слѣпые кавалеры ловятъ зрячихъ дамъ, а въ другой разъ слѣпныя дамы—зрячихъ кавалеровъ... Пусть каждый изъ насъ ловить самъ свое счастье!..

дама трефъ. Нѣкоторыя дамы предлагаютъ игру въ прятки... Дамы прячутся—кавалеры ищутъ, кавалеры прячутся—дамы ищутъ. Разумѣется, съ выкупомъ...

дама пикъ. Многія дамы просятъ устроить розыгрышъ вашей свѣтлости въ лотерею!

дама червей. И пусть та, которой выпадетъ выигрышъ, въ этотъ день будетъ называться принцессой!..

принцъ. Я очень польщенъ этимъ предложеніемъ, но, къ сожалѣнію, долженъ отказаться, такъ какъ имѣю другіе планы, мѣшающіе мнѣ поступить въ розыгрышъ... Я предложу ознаменовать предстоящія празднества... свадьбой моего карлика Буля съ сестрою шута Зоржеттой! (Общій восторгъ) Уродъ по уши влюбленъ въ Зоржетту, и надо сдѣлать, наконецъ, его счастливымъ. Пусть всякій уродъ узнаетъ, что такое женщина!

(Смѣхъ и радость. Фрогъ пораженъ, но овладѣваетъ собою)

фрогъ. Охъ, какъ это занятно!.. Это дѣлаетъ честь находчивости принца! (Къ принцу) Дуракъ вашей свѣтлости проситъ разрѣшенія сказать слова два-три!

принцъ. Говори!..

фрогъ. Если всякій уродъ долженъ познать, что такое женщина, то и всякая женщина должна познать, что такое уродъ. Это очень занятно. Не лучше ли, прекрасныя дамы, разыграть урода въ лотерею?..

дама червей. Отлично. Это не мѣшаетъ свадьбѣ...

фрогъ. Высокое Собраніе! Зоржетта обручена уже!..

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Это ничего не значить: аббат дастъ разрѣшеніе на новое обрученіе, если тебѣ и Зоргеттѣ кажется это необходимымъ.

ДАМА ВУВЕНЬ. Быть можетъ, Зоргетта будетъ плакать, и ея слезы испортятъ нашъ праздникъ... Слезы маленькаго несчастія—некрасивы... Не надо, чтобы кто-нибудь въ замкѣ плакалъ!..

ФРОГЪ. Совершенно такъ, прекрасная дама! Отъ слезъ краснѣютъ глаза и пропадаетъ блескъ ихъ... Высокое Собраніе!..

ПРИНЦЪ. Всѣ, живущіе въ замкѣ, должны порвать со всѣмъ, что находится за его стѣнами. Всѣ радости мы должны теперъ находить только въ замкѣ... Гдѣ живетъ женихъ Зоргетты?

ФРОГЪ. Тамъ... не въ замкѣ... (Съ отчаяніемъ) Высокое Собраніе! Зоргеттѣ не хватаетъ цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ до того возраста, когда дѣвушкамъ разрѣшается вступать въ бракъ!

ГУРТАДО. Не печалься, сынъ мой! Суббота наступитъ черезъ трое старыхъ сутокъ, и по нашему новому исчисленію времени Зоргеттѣ исполнится въ субботу шестнадцать лѣтъ и одинъ мѣсяцъ!..

ФРОГЪ. Высокое Собраніе!..

ПРИНЦЪ. Замолчи! Если ты скажешь еще хоть одно только слово, я... Не забывай, что я не только могу выдать Зоргетту замужъ за урода, но на правахъ сеньора могу оставить ее до утра вотъ здѣсь! (Указываетъ на свою постель, дамы вздыхаютъ) Поди позови сюда Зоргетту!...

ФРОГЪ. Небо и принцъ все могутъ сдѣлать... совершенно все! И небо всегда хочетъ того, чего хочетъ принцъ. Покоримся небу! Дуракъ вашей свѣтлости предъпоняется предъ мудростью его свѣтлости...

(Уходитъ; принцъ въ волненіи пьетъ вино, дамы—шепчутся. Неожиданно подъ кроватью раздается хныканье Буля. Всѣ переглядываются, недоумѣваютъ и улыбаются, слышно жалобное обра-

шеніе: „Высокое Собраніе“!—и карликъ выльзаетъ изъ-подъ кровати; всѣ неудержимо хохочутъ)

принцъ. Радуйся, Буль: скоро мы тебя женимъ на Зоргеттѣ!

буль (со слезами). Ваша свѣтлость! Высокое Собраніе!... Я не хочу жениться!..

дама червей. Ты вѣдь никогда еще не женился?..

буль (радостно). Никогда! Никогда! Избави небо, чтобы я...

дама червей. Ты не имѣешь объ этомъ понятія...

буль. Никакого понятія, высокая дама! Совершенно никакого!

дама червей. А если не имѣешь понятія, то не можешь и говорить: „хочу“ или „не хочу“... Когда ты поймешь, тогда... Вѣдь ты любишь Зоргетту?

буль. Очень! И потому не хочу на ней жениться...

(Общій смѣхъ)

принцъ. А я хочу, чтобы ты женился!

буль. Но тогда я перестану видѣть Зоргетту во снѣ!

дама пикъ. Въ этомъ, дурачокъ, тогда не будетъ никакой надобности!...

буль. Высокое Собраніе!

(Плачеть, какъ маленькій ребенокъ; всѣ смѣются. Фрогъ вводитъ смущенную Зоргетту, всѣ стихаютъ. Принцъ, приподнявшись въ постели, жадно озираетъ дѣвушку съ золотистыми волосами; сеньоры слегка приподнимаются на мѣстахъ и съ любопытствомъ смотрятъ на Фрога и Зоргетту)

ФРОГЪ (Зоргеттѣ). Поклонись его свѣтлости! (Зоргетта ищетъ глазами принца и, встрѣчая за столомъ звѣринныя маски сеньоровъ, пугается и жметъ къ брату) Не бойся!.. Это настоящіе люди! Самые настоящіе люди, а вовсе не свиньи и ослы, какими они тебѣ кажутся... Они въ маскахъ!..

З а н а в ѣ с ѣ .

Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната шута Фрога. За окномъ ночь. Вѣтеръ изрѣдка шумитъ высокими деревьями стараго парка. Фрогъ сидитъ у стола въ тяжеломъ раздумьѣ. Зоргетта и Габріо—на полу на шкурѣ. Габріо—въ лохмотьяхъ, изнуренный, странный какой-то, напоминаетъ загнаннаго волка; глаза его горятъ и кажутся изумительно большими, движенія порывисты и рѣчь пропитана злобой и ожесточеніемъ. На лицѣ Зоргетты то восхищенная улыбка, то печаль, то растерянность.

ГАВРИО. Какъ мы живемъ?... Голодные, мы бродимъ вокругъ вашихъ каменныхъ стѣнъ и подбираемъ остатки пищи, выбрасываемые изъ замка... Какъ собаки! Кости, корки, объѣдки, клочки зловоннаго мяса.. Все подбираемъ... Иногда попадаются гнилые фрукты... Это наше лакомство...

ЗОРГЕТТА. Когда же небо сжадется надъ вами? когда?

ГАВРИО. Оно слышитъ только васъ... И всѣ эти отбросы мы должны воровать, потому что на сторожевыхъ башняхъ и днемъ, и ночью—стража: она поражаетъ стрѣлами всякаго, кто неосторожно приближается къ стѣнамъ, влекомый запахомъ гнилой пищи... Мы живемъ, какъ собаки, какъ бродячія собаки!..

(Зоргетта прячетъ лицо въ лохмотьяхъ и не слышно плачетъ)

ЗОРГЕТТА. Какъ страшно шумить въ саду вѣтеръ...

ФРОГЪ. Когда вѣтеръ дуетъ съ долины, смрадъ наполняетъ и дворъ, и садъ замка... Принцъ приказалъ построить вокругъ всего замка стеклянныя галереи, чтобы окна не раскрывались во дворъ... И все-таки, когда поднимается сильный вѣтеръ, въ залахъ замка пахнетъ покойникомъ... Въ галереяхъ горятъ курильницы съ ароматной смолой...

ГАВРИО (злобыи смѣхъ). Это хорошо... это очень хорошо!.. Въ водѣ, которой наполнены рвы вокругъ вашего замка, плаваютъ вадутые синіе трупы... Только

смадомъ своимъ они могутъ беспокоить благородныхъ сеньоровъ и прекрасныхъ дамъ!.. Это хорошо... это очень хорошо! И въ поляхъ валяются неубранныя тѣла пораженныхъ Красной смертью... Вороны стаями кружатся на поляхъ и летятъ въ ваши сады... и поютъ вамъ, каркаютъ вамъ о Красной смерти...

ФРОГЪ. Какъ вы перебрались черезъ ровъ?.. Я сидѣлъ здѣсь, и мое сердце разрывалось отъ тревоги... Я думалъ, что ты, Зоргетта, не вернешься больше...

ЗОРГЕТТА. Я едва не задохнулась, Фрогъ, отъ смрада... (Ласкается къ Габрію) Мы съ тобой уйдемъ далеко-далеко!.. (Къ Фрогу) Я вспомнила, что мы съ тобой не простились, и не могла уйти... И мы пришли... поцѣловать тебя въ послѣдній разъ... Кто знаетъ?.. Быть можетъ... Мы вѣдь уйдемъ далеко, Фрогъ, очень далеко...

ГАБРИО. Куда уйдемъ?.. Вездѣ ходитъ Красная смерть...

ЗОРГЕТТА. Какъ мы несчастны, Габріо! Какъ мы несчастны! Что намъ дѣлать, Габріо?.. Я каждый день молюсь и все надѣюсь, что Св. Дѣва осѣнитъ мою голову и подскажетъ намъ, что мы должны дѣлать и куда идти, чтобы можно было любить другъ друга... Я каждый день молилась и постоянно думала о тебѣ, мой милый Габріо!

ГАБРИО. Обо мнѣ... вспоминала обо мнѣ...

ЗОРГЕТТА. А ты часто вспоминалъ меня?..

ГАБРИО. Я?.. Иногда вспоминалъ...

ЗОРГЕТТА. Рѣдко вспоминалъ?..

ГАБРИО. Иногда темной ночью я подползалъ почти къ самому рву, садился на пригоркѣ и смотрѣлъ... смотрѣлъ, какъ мигаютъ огни въ окнахъ вашего замка. Веселые огни!.. Только у васъ въ замкѣ свѣтились такіе веселые огни... словно звѣзды въ сказочномъ городѣ... гдѣ живутъ одни счастливые... (со слезами въ голосѣ, сжимая кулаки) одни счастливые!

ЗОРГЕТТА. Габріо! Габріо!.. Перестань... Не безпокой своего сердца... (Ласкается къ Габріо, онъ отстраняетъ ея руку)

ГАБРИО. Иногда я слышалъ, какъ вашъ колоколь звонилъ, призывая васъ къ молитвѣ... и тогда я, Зоржетта, бросался на землю, рыдалъ и терзалъ землю руками и хотѣлъ, безумно хотѣлъ, чтобы земля затряслась... чтобы огонь вырвался изъ ея утробы и проглотилъ васъ... всѣхъ васъ! всѣхъ...

ЗОРГЕТТА. И меня?.. И меня?..

ГАБРИО (послѣ угрюмой паузы). Да... всѣхъ, Зоржетта... И тебя!..

ЗОРГЕТТА. И меня!.. Ты меня переставалъ любить?.. меня?..

ГАБРИО. Злоба клокотала въ груди, какъ вода въ котлѣ подъ огнемъ... Всю душу и все тѣло заливала одна злоба, и моя любовь тонула въ ней... Злоба была необъятная, великая, какъ у дьявола... и любовь убѣгала, пугалась этой злобы... Я грызъ землю зубами и проклиналъ все... все проклиналъ...

ЗОРГЕТТА. Габріо! Габріо! Какъ ожесточилось твое доброе сердце!..

ГАБРИО. Да... Потомъ, когда злоба утихала, возвращалась моя любовь... Твой образъ вставалъ передъ моими глазами въ ночной темнотѣ, и я слабѣлъ, дѣлался, какъ ребенокъ. Я выбиралъ въ темнотѣ одинъ огонекъ изъ всѣхъ огней замка и долго, не отрываясь, смотрѣлъ на этотъ огонекъ... Мнѣ казалось, что этотъ огонекъ свѣтитъ вотъ въ этомъ окошкѣ, въ твоемъ окошкѣ... И я смотрѣлъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ... Начинали катиться слезы, огонекъ начиналъ расплываться въ большое свѣтлое пятно... и вдругъ въ свѣтломъ ореолѣ этого огонька я ловилъ профиль твоего личика, твоей грустно склоненной головки... (вѣжно гладитъ Зоржетту по головѣ) вотъ этой золотой головки!..

(Зоржетта бросается къ нему на шею, и долго они молчатъ, слившись въ объятіи)

ФРОГЪ. Заперта ли у насъ дверь?

(Габріо и Зоргетта разрываются, Фрогъ идетъ къ двери и, убѣдяся, что она заперта, возвращается)

ЗОРГЕТТА. Я каждый день думала о тебѣ, молилась за тебя... каждый день!

ГАБРИО. Здѣсь у васъ молятся?.. Это хорошо, это очень хорошо! Вы здѣсь можете молиться?.. (Послѣ паузы) О чемъ вы просите небо? Кто у васъ Богъ?..

ФРОГЪ. Габріо! Ты жестокъ... ты не долженъ говорить такъ съ Зоргеттой и со мной...

ЗОРГЕТТА. Габріо! Габріо! Ты ропщешь на Бога... Не надо! Не надо!.. Что съ тобой сдѣлалось?.. Ты такъ любилъ нѣжныя слова и любилъ молиться... Помнишь: мы каждый праздникъ встрѣчались въ церкви!.. А теперь ты...

ГАБРИО. Любилъ... Да, я любилъ молиться... И теперь иногда я блуждаю вокругъ ограды той маленькой церкви, въ которой мы съ тобой въ первый разъ увидели другъ друга и въ которой потомъ молились вмѣстѣ...

ЗОРГЕТТА. Какъ было хорошо! Какъ было хорошо намъ съ тобой!

ГАБРИО. Теперь тамъ не служатъ мессы... Опустила маленькая церковь... Только голуби воркуютъ попрежнему на колокольнѣ и, задѣвая крыльями колоколь, напоминаютъ о замолкшемъ благовѣстѣ... Только голуби...

ЗОРГЕТТА. Бѣлые и синіе голуби... милые голуби!..

ГАБРИО. Всѣ вымерли вокругъ или бѣжали въ горы... И маленькій домикъ добраго патера стоитъ, какъ гробъ, въ которомъ похоронено все, что прошло... Какъ гробъ...

ЗОРГЕТТА. У тебя горитъ лицо... Ты сталъ опять румянымъ, какъ прежде... Такимъ румянымъ ты дѣлался всякій разъ, когда мы встрѣчались съ тобой

тамъ, около маленькой церкви... А вотъ теперь ты поблѣднѣль!.. Что съ тобою?..

ГАБРИО. Закружилась голова... Можетъ быть, отъ воспоминаній... У меня въ ушахъ воркуютъ голуби и слышится звонъ... вотъ точно такой же звонъ, какой производятъ голуби, задѣвая крыльями колоколь на шей маленькой церкви...

ЗОРГЕТТА. Ты блѣдный... ты... здоровъ... да? да?

ФРОГЪ. Выпей, Габріо, вина... Я налью тебѣ стараго вина. Ты очень волнуешься... Встань!.. Я дамъ тебѣ вина...

(Габріо встаетъ, мгновеніе остается неподвижнымъ, сжимаетъ руками голову, потомъ идетъ къ столу и дрожащей рукою наливаетъ кубокъ. Пьетъ съ жадностью)

ГАБРИО. Очень хорошо!.. Прекрасное пьютъ у васъ вино! (Ставитъ кубокъ)

ЗОРГЕТТА. У тебя дрожатъ руки... Быть можетъ, ты все еще голоденъ? Хочешь, я дамъ тебѣ меду съ хлѣбомъ и кусокъ козлятины?..

ГАБРИО. Не надо, Зоргетта. Не хочу ни меда, ни козлятины... Я чувствую только злону и жажду... страшную жажду... Налей мнѣ, Фрогъ, еще этого прекраснаго вина!

(Пьетъ вино. Зоргетта съ любовью смотритъ на него)

ЗОРГЕТТА. Мы возьмемъ съ собою этого вина...

ФРОГЪ. Когда вы будете бѣжать отсюда,—вамъ надо взять съ собою шкуру и запасъ провизіи... Хорошо прихватить и вина... На горахъ холодно, и можно долго блуждать, прежде чѣмъ набредете на логовище людей...

ГАБРИО. Ночью они прячутся въ ущельяхъ и землянкахъ. Не зажигаютъ огней. Ужасомъ переполнены ихъ сердца ночью: все мерещится имъ призракъ Красной смерти, блуждающей по землѣ въ бѣлой одеждѣ,

испачканной кровью... Въ ужасѣ многіе видятъ его по ночамъ...

ЗОРГЕТТА. Одна служанка говорила мнѣ, что стража южной башни видѣла Красную смерть подъ стѣнами нашего замка... Она—высокая-высокая... Тихо шагала по ту сторону рва, наклонялась и вылавливала изъ воды тѣла утопленниковъ... Потомъ будто бы она перешагнула очень легко ровъ и посмотрѣла вверхъ на башню... (Встрепенулась, бѣжить къ окну) Кажется, стучить Буль... (Смотритъ въ окно) Какая черная ночь!.. Вѣтеръ гонитъ по небу тучи, и онѣ клубятся, какъ волны бушующаго моря... Нѣтъ... мнѣ почудилось... Страшно будетъ, Габрію, пробираться въ такую темную ночь на горы...

ФРОГЪ. Зато легче перебраться черезъ ровъ, ускользнуть отъ бдительной стражи...

ЗОРГЕТТА (подходить къ Фрогу). Ты проснешься завтра и тебѣ будетъ грустно, потому что завтра ты будешь уже одинъ... (Ласкаетъ Фрога) Какъ мнѣ тебя жалко! Какъ жалко! Когда принцъ узнаетъ о моемъ бѣгствѣ, онъ разгнѣвается...

ГАБРІЮ. И мы будемъ плакать, что огорчили его свѣтлость!..

ЗОРГЕТТА. Онъ можетъ тебѣ сдѣлать худо... И ты будешь страдать за то, что мы съ Габрію любимъ другъ друга больше, чѣмъ... тебя, Фрогъ!..

ФРОГЪ. Что же... мнѣ надоѣло слышать все смѣхъ и смѣхъ... Я хочу послушать, какъ стонутъ люди, и посмотрѣть, какъ они плачутъ...

ЗОРГЕТТА. Но вѣдь человѣкъ не слышитъ своихъ стоновъ и не видитъ своихъ слезъ?..

ФРОГЪ (таинственно). Погоди, Зоргетта... Мнѣ хочется сдѣлать нѣчто... чтобы въ одинъ прекрасный день здѣсь заплакали всѣ, всѣ...

ЗОРГЕТТА. Что ты задумалъ?

ФРОГЪ. Веселую шутку... И потому я не хочу бѣжать

вмѣстѣ съ вами... Я наряжусь прекрасной дамой и постараюсь, чтобы меня поймалъ принцъ... Тогда я его поцѣлую крѣпко, крѣпко... Онъ узнаеть, какъ любить шуты принцевъ... (Габріо склоняль голову на руки,—дремлетъ) Габріо!.. Не поддавайся сну... Скоро надо уходить...

ГАБРИО. У меня въ ушахъ гудить колоколь, и я горю, словно вся кровь кипитъ въ моихъ жилахъ... Мнѣ хочется лечь и уснуть крѣпко, какъ я спалъ когда-то послѣ охоты въ горахъ...

ФРОГЪ. Нельзя, Габріо... Надо быть бодрымъ, отправляясь въ опасный путь!..

ГАБРИО. Ахъ, какъ невыносимо болитъ моя голова...

ЗОРГЕТТА (тревожно). У тебя горитъ голова... Это нехорошо... А твои руки—холодны...

ФРОГЪ. Это нехорошо. Ты уйдешь и оставишь мнѣ тревогу за васъ обоихъ... (Подходить съ виномъ) Выпей еще вина! Надо хорошенько прогрѣть тѣло... (Раздается стукъ въ дверь, всѣ пугаются. Фрогъ и Зоргетта уводятъ Габріо за занавѣску. Фрогъ выходитъ и плотнѣе задергиваетъ ее. Въ этотъ моментъ за занавѣской слышны поцѣлун) Перестаньте цѣловаться!

(Идетъ къ двери и слушаетъ, приставляя ухо; опять стукъ и чей-то голосъ: „На одну минутку“)

ФРОГЪ. Ахъ, это вы, аббатъ!

(Отворяетъ дверь и впускаетъ аббата со сверткомъ)

ГУРТАДО. Это—я, дорогой другъ! Я на одну минутку... Зоргетта уже спитъ?

ФРОГЪ. Спитъ...

ГУРТАДО. Очень хорошо это, что она спитъ. Пусть спитъ побольше и набирается силъ къ празднествамъ и играмъ. Я принесъ вамъ костюмъ... Я попрошу васъ дать мнѣ другой, не такой оригинальный... попроще... Мы не разбудимъ Зоргетты?

ФРОГЪ. Нѣтъ. Она спитъ крѣпко. Весь день она

готовилась къ свадьбѣ: все шила что-то, плела вѣнокъ и играла лентами... Она вѣдь совсѣмъ дѣвочка, аббать!

гуртадо. Напрасно она беспокоится. Ей приготовленъ чудный брачный нарядъ... для обрученія... Принцъ самъ распоряжается этимъ дѣломъ... (Хлопаетъ Фрога по плечу) Теперь и на васъ, Фрогъ, посыплутся милости... Понимаете?

фрогъ. Кое-что понимаю.

гуртадо. Принцъ уже выгналъ карлика изъ-подъ кровати... Понимаете?..

фрогъ. Почти понимаю, аббать...

гуртадо. Неужели вамъ неясно? (Шепчетъ на ухо Фрогу)

фрогъ. Отлично! Я очень радъ породниться съ его свѣтлостью!

гуртадо. Еще бы!

фрогъ. Выбирайте, аббать, костюмъ! (Рожется въ костюмъ) Должно быть, вы намѣрены побывать на свадьбѣ моей сестры?

гуртадо. Трудно отказать себѣ въ этомъ удовольствіи... Это будетъ необычайное зрѣлище... Принцъ просто съ ума сходитъ отъ ожиданія... Вчера мы совѣщались до третьихъ пѣтуховъ... Принцъ предложилъ устроить нѣсколько библейскихъ мистерій... Опустошили весь садъ и оранжереи... Въ синемъ залѣ будетъ устроенъ рай... Послѣ обрученія женихъ съ невѣстой будутъ изображать первыхъ людей въ раю до изгнанія... Поэты заняты сочиненіемъ хвалебныхъ гимновъ, музыканты—мелодіями къ мистеріямъ и маршемъ въ честь новобрачныхъ. Приказано зарѣзать сто козлятъ, не знавшихъ грѣха... Это будетъ изумительно!..

фрогъ. Выбирайте!.. Принцъ знаетъ, что вы примете участіе?..

гуртадо. Нѣтъ. Только будемъ знать мы съ вами и еще третье лицо... Мнѣ таки удалось узнать ту даму...

Помните?.. Она тоже знаетъ... и больше никто... Это что за костюмъ?

ФРОГЪ. Это костюмъ пѣтуха! Очень хорошій костюмъ... Я его еще ни разу не надѣвалъ...

ГУРТАДО. Пѣтухъ? хм... это очень забавно... Отлично! Давайте пѣтуха! Почему у васъ такое утомленное лицо? Вамъ тоже надо пораньше лечь въ постель... Вы все возитесь съ „Комнатой Чернаго Молчанія“...

ФРОГЪ. Да, сегодня весь день...

ГУРТАДО. Такъ я возьму пѣтуха... И понятно, что вы утомились... Ну, спите!.. Сегодня въ замкѣ всѣ легли рано, и только въ голубомъ залѣ еще постукиваютъ обойщики... Тамъ будутъ работать всю ночь... Спокойной ночи, счастливый Фрогъ!.. Такъ я возьму пѣтуха... (Завертываетъ костюмъ)

ФРОГЪ. Вотъ къ нему дудочка: она кричитъ, какъ пѣтухъ, ссывающій курочекъ... Жаль, спитъ Зоргета... Я не могу вамъ покричать пѣтухомъ...

ГУРТАДО. Ничего... Не беспокоитесь... Я сумѣю это, сумѣю... (Прощается, оба идутъ къ двери и здѣсь останавливаются) Сегодня страшный вѣтеръ... И это очень некстати... Сирадь пробивается въ галлерей, а изъ галлерей забирается черезъ щели въ окнахъ въ залы... Это очень беспокоитъ сеньора Рено.

(Уходитъ. Фрогъ запираетъ дверь)

ФРОГЪ. Онъ ушелъ... этотъ обязательный чело-вѣкъ... Онъ захотѣлъ еще побыть пѣтухомъ, этотъ любознательный чело-вѣкъ... А ты, Габріо, нарядишься аббатомъ и прекрасно уведешь свою невѣсту... Какъ гудитъ вѣтеръ! (Подходить къ окну. Вѣтеръ глухо шумитъ деревьями; въ этомъ шумѣ плаваютъ одна жалобная нотка) Зловно плачетъ кто-то... Что вы тамъ замолчали? Зоргета!

ЗОРГЕТТА (за занавѣской). Габріо дрожить въ лихо-зидкѣ и все зябнетъ, а между тѣмъ онъ весь—какъ

огонь. У него на лбу горячія капли пота, а онъ зябнетъ... Милый, милый, дай, я согрѣю тебя своими поцѣлуями...

ГАВРІО (за занавѣской). Къ моему лицу словно прикасаются раскаленнымъ желѣзомъ, и твои поцѣлуи кажутся холодными, какъ прикосновеніе льдины...

ЗОРГЕТТА (за занавѣской). Габріо! Милый Габріо! Что же дѣлать?!

ФРОГЪ. Скоро долженъ прійти карликъ и вывести васъ за стѣны, а ты, Габріо... (подходить къ занавѣсѣ) не поддавайся, Габріо, лихорадкѣ! Встань и стряхни хворь, а то она заберетъ тебя въ руки...

ЗОРГЕТТА (за занавѣской). Встань, мой любимый, мой бѣдный Габріо!.. Нѣтъ... онъ не можетъ встать... Онъ стонетъ... Фрогъ!.. Фрогъ! Что намъ дѣлать?! (Стукъ въ окно; Фрогъ идетъ къ окну и, закрывшись отъ свѣта руками, смотритъ. Зоргетта появляется у занавѣски съ испуганнымъ лицомъ) Фрогъ! Онъ стонетъ!.. Онъ молчитъ... Онъ не слышитъ меня.

ФРОГЪ. Тамъ стучалъ Буль... Пора идти... (Видитъ на щекахъ Зоргетты кровь и вздрагиваетъ) Что у тебя на лицѣ?.. въ чемъ твое лицо?.. Ты... облилась виномъ?

ЗОРГЕТТА (коснувшись своего лица, смотритъ на руку). Фрогъ! Что это? Мнѣ кажется, что это...

ФРОГЪ. Тсс!.. (Съ ужасомъ смотреть другъ на друга) Ты прижималась къ лицу Габріо?.. (За занавѣской тяжелый, глухой стонъ Габріо) Слышишь?.. Не ходи туда! (Хватаетъ ее за руку и отстраняетъ отъ занавѣски) Туда нельзя тебѣ ходить! (Хватаетъ свѣтильникъ и идетъ за занавѣску, Зоргетта стоитъ неподвижно съ испугомъ въ глазахъ. Выходитъ изъ-за занавѣски Фрогъ на цыпочкахъ) Молчи!.. Пришла... Красная смерть...

ЗОРГЕТТА. Пришла?.. (Остается неподвижной)

ФРОГЪ. Пришла...

(Стукъ въ окно. Фрогъ хватается свѣтильникъ и дѣлаетъ имъ какіе-то знаки въ окно)

ЗОРГЕТТА. Габріо... Онъ...

(Опускается на полъ и беззвучно рыдаетъ, задрогивая плечами)

ФРОГЪ. Тише... Онъ... еше... живъ... (Стукъ въ дверь-Фрогъ подходитъ и тихо спрашиваетъ: „ты, Буль?“ потомъ выпускаетъ карлика и снова запираетъ дверь) Ты опоздалъ...

БУЛЬ. Нѣтъ... Но необходимо торопиться: я три раза стучалъ въ окно... Что съ ней? она плачетъ?

ФРОГЪ. Тсс! (Отводитъ Буля въ сторону и шепчетъ) Габріо... (шепчетъ очень тихо) понимаешь?

БУЛЬ. Габріо?!

ФРОГЪ. Красная смерть... (Подходитъ къ Зоргеттѣ, Зоргетта плачетъ громче) Нельзя намъ плакать... Ради Габріо перестань плакать!..

БУЛЬ. Сеньоръ Рено ходитъ въ корридорахъ... Если онъ услышитъ твой плачь, мы всѣ пропали...

ЗОРГЕТТА (встаетъ и хочетъ идти за занавѣску, Фрогъ удерживаетъ). Габріо! Мой Габріо! Пустите меня къ Габріо! Я не боюсь Красной смерти...

БУЛЬ. Послушай, Зоргетта... Если хочешь, убѣжимъ... Я проведу тебя въ горы...

ЗОРГЕТТА (вырывается). Не хочу!.. Пустите! Ради Бога пустите... Умоляю васъ!

(Опускается на колѣни и вдругъ ослабѣваетъ, падаетъ и плачетъ потихоньку. Громкій стукъ въ дверь. Фрогъ задерживаетъ занавѣску, мечется по комнатѣ; Буль жметъ въ уголъ. Голосъ за дверью: „отопри!“ Фрогъ отпираетъ,—входитъ сеньоръ Рено; карликъ притворно хохочетъ заглушая всхлипываніе Зоргетты)

СЕНЬОРЪ РЕНО. Кто здѣсь плачетъ?

БУЛЬ. Но здѣсь, сеньоръ, и смѣются! Здѣсь и плачутъ, и смѣются!

СЕНЬОРЪ РЕНО. Это ты, Зоргетта, оскорбляешь принца своими слезами? (Зоргетта не поднимаетъ головы) О чемъ она плачетъ?

Фрогъ. Всѣ дѣвушки, сеньоръ, передъ свадьбой плачутъ. Должно быть, жениться куда пріятнѣе, чѣмъ выходить замужъ. Ничего не подѣлаешь... Она вѣдь, сеньоръ, совсѣмъ молоденькая... Съ ней нельзя ничего подѣлать... Для нея никакіе законы...

вуль. Сеньоръ, она плачетъ, потому что ей не нравится женихъ, иными словами—я! Она говоритъ, что не хочетъ любить урода... Но принцъ приказалъ мнѣ быть счастливымъ, а приказанія его свѣтлости должны исполняться свято, какъ заповѣди!..

сеньоръ рено (къ Фрогу). Успокой Зорретту: скажи, что она никогда не познаетъ любви урода!

вуль. Эге! Это уже недобросовѣстно, сеньоръ! (Притворно плачетъ)

сеньоръ рено. Скажи, что она очень понравилась его свѣтлости, и онъ...

вуль. И онъ прогналъ уже меня изъ-подъ кровати..

сеньоръ рено (къ Фрогу). Ты кончилъ „Комнату Чернаго Молчанія“?

Фрогъ. Почти кончилъ, сеньоръ! Я только-что вернулся съ работы и опять скоро отправлюсь... Осталось только постлать черный коверъ и поставить мраморные часы...

сеньоръ рено. Отлично! Первую ночь послѣ свадьбы ты, уродъ, проведешь въ этой комнатѣ, чтобы тебѣ никто не мѣшалъ думать о своемъ счастіи! (къ Фрогу) А черепъ для часовъ найденъ?

Фрогъ. Нѣтъ... Не знаю, что и дѣлать!.. Никто въ замкѣ съ той поры, какъ его заперли, не умеръ...

сеньоръ рено. Его свѣтлость настаиваетъ, чтобы часы были увѣнчаны черепомъ.

вуль. Вамъ нуженъ черепъ? Нѣтъ ничего проще, сеньоръ! Спросите, кому изъ сеньоровъ голова кажется лишней! Зачѣмъ непременно голову? (Сеньоръ Рено сдѣлалъ сердитое лицо) Въ самомъ дѣлѣ, сеньоръ...

сеньоръ рено. Не лишняя ли она тебѣ, уродь?..
Смотри, голубчикъ...

вуль. Жениху, пожалуй, можно обойтись и безъ головы, но вотъ въ чемъ дѣло: нельзя помѣщать среди благородныхъ дамъ, рыцарей и сеньоровъ черепъ не-благороднаго происхожденія... Въ самомъ дѣлѣ, сеньоръ: въ саду есть фамилльный склепъ владѣтелей этого замка... Если принцу нельзя еще обойтись совсѣмъ безъ головы, то его родителямъ это можно.

сеньоръ рено. Однако, ты, уродь, будь поосторожнѣ!..

вуль. Сеньоръ, не все ли равно мертвецамъ? О чемъ имъ еще думать?! Къ чему имъ голова?

фрогъ. Покойнаго родителя его свѣтлости, пожалуй, неудобно тревожить, но какихъ-нибудь далекихъ родственниковъ... бабушку или дѣдушку... или еще лучше прадѣдушку— можно побезпокоить...

вуль. Это еще лучше! По черепу дѣдушки будетъ виднѣе, что голова принадлежала свѣтлости... Разрѣшите, сеньоръ, воспользоваться!

сеньоръ рено. Гм... Приказаніе принца необходимо исполнить... Пожалуй, придется воспользоваться фамилльнымъ склепомъ... Только я прошу васъ зря не тревожить высокихъ покойниковъ... Надо поаккуратнѣе...

фрогъ. Мы, сеньоръ, будемъ очень аккуратны! Мы будемъ почтительны къ высокимъ покойникамъ!.. Такъ вы разрѣшаете, сеньоръ?

сеньоръ рено. Ничего не подѣлаешь... (Подходить къ Зорреттѣ) Кажется, уснула?!

фрогъ. Уснула, сеньоръ! Это у ней съ дѣтства: было, сломается у ней игрушка, она плачетъ-плачетъ и снетъ отъ огорченія крѣпкимъ сномъ...

сеньоръ рено. У ней разстегнулось платье... Это хорошо... (Нагибается и поправляетъ платье)

вуль (тихо). Сеньоръ, я не выбиралъ васъ своей по-тенной матерью!..

сеньоръ рено (серьезно). Не надо, чтобы она плакала. Завтра принцъ увидитъ у ней заплаканные глаза, и ему будетъ это очень неприятно, очень! Не надо огорчать принца.

фрогъ. Она успокоилась, сеньоръ! А завтра, какъ взойдетъ солнышко, она раскроетъ глаза и засмѣется... Она совсѣмъ дѣвочка, сеньоръ!..

сеньоръ рено. Завтра пусть она вымоется въ розовой водѣ... Я пришлю ей кувшинъ розовой воды и любимыхъ духовъ принца...

(Уходитъ. Фрогъ въ пріоткрытую дверь прислушивается къ удаляющимся шагамъ сеньора Рено, Буль становится на колѣни надъ спящей Зоржеттой)

буль. Моя милая, бѣдная Зоржетта!.. (Потихоньку плачетъ) Моя святая невѣста съ золотыми волосами!..

фрогъ (дѣлаетъ недовольные жесты, Буль поднимается, стираетъ слезы). Перестань!

буль. Я не буду, Фрогъ, не буду...

фрогъ. Что дѣлать съ Габріо?..

буль. Не знаю, Фрогъ, не знаю... Лучше, если бы мы всѣ, всѣ трое, перестали жить...

фрогъ. А они?.. Нѣтъ, Буль, я не согласенъ...

буль. Завтра она... завтра она... Что съ ней будетъ завтра?.. съ моей невѣстой?.. (Оба нѣкоторое время молчатъ)

фрогъ. Надо вынести отсюда Габріо... Я думаю, что можно воспользоваться склепомъ... Спрятать тамъ его, въ склепѣ...

буль. Съ высокими покойниками?..

фрогъ. Теперъ это не трудно сдѣлать... Мы отправимся за черепомъ и...

буль. Развѣ Габріо пришелъ затѣмъ, чтобы познакомиться съ высокими покойниками?.. Нельзя обижать Габріо... Пусть онъ тоже пируетъ на свадьбѣ у своей невѣсты!.. Понимаешь? Пусть оба жениха, живой и

мертвый, пируют на ея свадьбѣ... Мы его спрячемъ въ замкѣ...

Фрогъ. Ты думаешь спрятать его въ замкѣ?

буль. Да. Мы его спрячемъ въ „Комнатѣ Чернаго Молчанія“... (Слышенъ отдаленный шумъ, тревога, шаги въ корридорахъ, звонъ оружія. Фрогъ и карликъ пугаются) Тсс! Что такое?

(Фрогъ смотритъ въ окно, Буль — въ пріотворенную дверь)

Фрогъ. Въ замкѣ тревога... Тамъ бѣгаютъ съ зажженными факелами!..

буль. Бѣгутъ рыцари... Что-то случилось? Погоди, надо узнать, что случилось... Запри дверь! (Выходитъ Фрогъ смотреть въ дверь. Тревога доносится сильнѣе. Вѣтеръ шумитъ за окномъ, и въ его шумѣ слышны обрывки тревожныхъ голосовъ и глухой звонъ колокола. Фрогъ то у окна, то за занавѣской. Стукъ въ дверь. Фрогъ осторожно отпираетъ, входитъ Буль) Опять голодные сервы собрались около южныхъ воротъ... На южной башнѣ пылаетъ красный факель... Слышишь?

Фрогъ. Тревожный колоколъ... И всѣ погибнуть... Опять всѣ погибнуть... (Оба смотрятъ въ окно, шепчутся)

буль. Теперь очень легко пронести Габріо... Сеньоры Педріо и Рено оба тамъ, на южной башнѣ... У тебя есть простыня?

Фрогъ. Мы обернемъ его въ простыню, а сверху покроемъ чернымъ ковромъ... Понимаешь?

буль. Да...

Фрогъ. И пронесемъ въ „Комнату Чернаго Молчанія“...

(Фрогъ хватается свѣтильникъ, и оба идутъ за занавѣску, тамъ они возятся съ тѣломъ Габріо. Изъ-за занавѣски выходитъ на цыпочкахъ Буль, отворяетъ дверь и прислушивается; онъ возвращается, около занавѣски появляется Фрогъ)

буль. Тихо... Только въ дверномъ узорѣ у аббата вѣтится огонекъ ..

Фрогъ. Это скверно: аббатъ можетъ выйти и помѣшать.

Вуль. Аббатъ, должно быть, отпускаетъ кому-нибудь грѣхи... А когда онъ занимается этимъ дѣломъ, онъ ничего не слышитъ. Какъ глухарь на току...

Оба скрываются за занавѣской и скоро волокомъ вытаскиваютъ изъ комнаты тѣло Габріо, завернутое поверхъ простыни въ черный коверъ. Долгая пауза. Бьетъ колоколъ башенныхъ часовъ полночь. Слышенъ отдаленный и приближающійся шумъ голосовъ рыцарей, въ радостномъ настроеніи возвращающихся съ побѣды у южныхъ воротъ. Зоргетта пробуждается, приподнимается на локтѣ и смотритъ вокругъ блуждающимъ взоромъ.

ЗОРГЕТТА. Это былъ страшный сонъ... Только сонъ... Фрогъ! Фрогъ! Это былъ сонъ? Габріо! Мы проспали! Бьетъ полночь!

(Вскакиваетъ, бѣжитъ за занавѣску, и оттуда вырывается крикъ ужаса и отчаянія)

Занавѣсъ.

Е. Чириковъ. Легенда стараго замка.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пиръ въ старомъ замкѣ. Сводчатые залы освѣщаются чрезъ цвѣтные стекла оконъ огнями пылающихъ въ галлерейхъ курильницъ, отчего залы кажутся разноцвѣтными. На спенѣ темно-желтый залъ съ однимъ окномъ въ правой стѣнѣ; изъ этого зала три раскрытыхъ тяжелыхъ двери: въ лѣвой стѣнѣ—въ невидимый зрителю зеленый залъ, а въ задней стѣнѣ—въ „Комнату Чернаго Молчанія“ и въ голубой залъ. Изъ голубого зала перспектива многочисленныхъ комнатъ. „Комната Чернаго Молчанія“, вся черная, освѣщается невидимымъ темно-краснымъ колеблющимся свѣтомъ; чрезъ раскрытую дверь видны часы въ формѣ мраморнаго памятника, увѣнчанные черепомъ, очень медленно отбивающіе маятникомъ удары; бой этихъ часовъ напоминаетъ далекій благовѣстъ треснувшаго колокола.

Сегодня въ числѣ игръ и забавъ назначена свадьба Зоргетты и Буля. Всѣ дамы и кавалеры въ маскахъ и причудливыхъ маскарадныхъ костюмахъ: цвѣты, животныя, птицы, домино, фигуры картъ; слуги одѣты обезьянами, только одна изъ которыхъ имѣетъ хвостъ; сеньоры, члены Высокаго Собранія—въ маскахъ II-го дѣйствія. Принцъ, Зоргетта и Буль—безъ масокъ. Фрогъ въ костюмѣ полишинеля. Аббатъ Гуртадо тайно присутствуетъ въ костюмѣ пѣтуха.

При открытіи занавѣса въ желтомъ залѣ—пусто; въ голубомъ суетятся слуги-обезьяны: тамъ готовятъ столы для пиршества; откуда-то издали доносится хаотическій шумъ голосовъ и смѣха. Изъ зеленого зала быстро выходятъ, словно выпархиваютъ, дама бубень и дама червей. Оглядѣвшись, онѣ въ волненіи дѣлятся своими тайнами.

ДАМА ВУБЕНЬ. Кто бы могъ быть этотъ пѣтухъ?.. Онъ неотступно ходить за мной...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Я думаю, что это шутъ... (Тревожно оглядывается по сторонамъ)

ДАМА ВУБЕНЬ. Шутъ?.. Едва ли... Онъ слишкомъ тонокъ для такихъ острогъ!

(Приподнявъ маски, шепчутся и смѣются; обѣ очень красивы и молоды)

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Я не могу найти аббата...

ДАМА ВУБЕНЬ. Развѣ онъ здѣсь?.. Ай-ай-ай!.. (Грозитъ пальчикомъ)

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Тсс!.. (Обѣ опускаютъ маски) Онъ обѣщаль...

ДАМА ВУБЕНЬ. Вотъ какъ?! (Опять шепчутся и смѣются) Пѣтухъ сказалъ, что изъ всѣхъ курочекъ онъ... (Шепчетъ, смѣются) Шутъ? Развѣ принцъ разрѣшилъ ему участвовать въ играхъ?

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Еще бы! Сегодня онъ сдѣлается зятемъ его свѣтлости!..

ДАМА ВУБЕНЬ. Чувствуете, какъ здѣсь скверно пахнетъ?.. Здѣсь смрадно...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Да... Почему это?.. (Часы въ „Комнатѣ Чернаго Молчанія“ бьютъ 11; дамы вздрагиваютъ, настораживаются, жмутся другъ къ другу и съ испугомъ смотрятъ по направленію этой комнаты) Какъ странно бьютъ часы?..

ДАМА ВУБЕНЬ. Странно... Свѣтъ дрожить тамъ по стѣнамъ, и кажется, что въ черной комнатѣ кто-то прячется... Мнѣ страшно...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Уйдемъ... Я боюсь этой комнаты...

Быстро уходить, оглядываясь назадъ, словно боятся, что ихъ кто-то догонитъ. Пробѣгаетъ изъ зеленого зала пѣтухъ, кричитъ въ дудочку: „ко-ко-ко!“ догоняетъ дамъ и любезничаетъ съ ними, скрываясь въ амфиладѣ комнатъ. Слуги-обезьяны протягиваютъ по полу золотистую дорожку изъ голубого зала въ зеленый; обезьяна съ хвостомъ повелѣваетъ; всѣ они говорятъ жестами и мимикой. Изъ зеленого зала идутъ сеньоры Рено и Кардио въ своихъ маскахъ, оба хлопотливы и озабочены.

СЕНЬОРЪ РЕНО. Смрадъ! Ужасный смрадъ... и здѣсь особенно!..

СЕНЬОРЪ КАРДИО. Вѣтеръ... Сегодня, какъ нарочно, страшный вѣтеръ съ юга!

СЕНЬОРЪ РЕНО. И все-таки странно... Можетъ быть, гдѣ-нибудь разбиты стекла?

СЕНЬОРЪ КАРДИО. Я два раза обошелъ всѣ галереи...

СЕНЬОРЪ РЕНО. Такъ не забудьте: они прослѣдуютъ изъ розовыхъ залъ чрезъ зеленую, желтую и голубую въ круглую золотую комнату... Здѣсь принцъ благословляетъ жениха съ невѣстой...

СЕНЬОРЪ КАРДИО. Помню!

СЕНЬОРЪ РЕНО. Изъ круглой комнаты шествіе слѣдуетъ обратно въ голубой и отсюда уже въ синій залъ. Здѣсь новобрачные представляютъ жизнь въ раю до грѣхопаденія... Синій залъ готовъ?..

СЕНЬОРЪ КАРДИО. Совершенно! Болѣе ста пальмъ и все, что было въ оранжереѣ изъ цвѣтущихъ растений... Бассейнъ наполненъ, зеленый гротъ обвить виноградомъ...

СЕНЬОРЪ РЕНО. Позаботьтесь въ зеленомъ гротѣ посадить даму, чтобы раадѣть Зоргетту.

СЕНЬОРЪ КАРДИО. Это сдѣлано.

СЕНЬОРЪ РЕНО. Ну, а затѣмъ—общія райскія игры

во всѣхъ залахъ замка. Гости удаляются. Уродь—въ „Комнату Чернаго Молчанія“... Одна невѣста остается въ раю послѣ изгнанія... Понимаете?

сеньоръ кардіо. Не трудно понять, сеньорь!

сеньоръ рено. Объ общихъ играхъ я позабочусь самъ!

Расходятся: Рено идетъ въ зеленый залъ, Кардіо—въ голубой, гдѣ онъ поучаетъ слугъ и распоряжается около столовъ. Вдали звучитъ свадебный маршъ... онъ все ближе и громче; выскакиваетъ сеньоръ Педріо въ козлиной маскѣ; оглядѣвъ путь, онъ оборачивается и идетъ задомъ, словно командуетъ солдатами; затѣмъ открывается свадебное шествіе: впереди Зоргетта подъ руку съ принцемъ; за ними Буль, одѣтый сказочнымъ королемъ, несетъ длинный шлейфъ своей невѣсты; затѣмъ дамы, члены Высокаго Собранія, кавалеры и дамы въ маскарадныхъ костюмахъ. Проходя мимо „Комнаты Чернаго Молчанія“, всѣ тревожно озираются на эту комнату и выказываютъ беспокойство. Позади всѣхъ—музыканты, управляемые сеньоромъ Сильвіо. Когда шествіе скрывается въ голубомъ залѣ,—изъ зеленаго выходитъ дама въ маскѣ съ бѣлой лиліей на груди. Она приостанавливается, оглядывается и замедляетъ шагъ. Съ крикомъ „ко-ко-ко“ выскакиваетъ изъ зеленаго зала пѣтухъ и, схвативъ даму подъ руку, влечетъ въ голубой залъ.

дама съ лиліей. Никто не догадывается...

пѣтухъ. Когда будутъ играть въ жмурки, я найду васъ въ розовыхъ залахъ, въ лѣвомъ углу за колоннами...

дама съ лиліей. Я распушу нитку, которую привяжу къ крайней колоннѣ... Слышите, какъ я дрожу?..

(Исчезаютъ въ голубомъ залѣ)

ФРОГЪ (выходя изъ голубого зала). Пѣтухъ отлично знаетъ свое дѣло... (Вынимаетъ изъ-подъ полы одежду аббата) Если аббатъ можетъ быть пѣтухомъ, почему бы мнѣ не быть аббатомъ?..

(Прячется въ „Комнатѣ Чернаго Молчанія“, гдѣ поверхъ своего костюма надѣваетъ одежду аббата. Изъ зеленого зала идетъ сеньоръ Рено, за нимъ поэтъ 1-й въ птичѣй маскѣ, съ развѣвающимися по плечамъ кудрями, со сверткомъ бумаги въ рукахъ)

СЕНЬОРЪ РЕНО. Я уже вамъ сказалъ: ничего грустнаго! Ничего печальнаго!..

ПОЭТЪ 1-Й. Но иногда, сеньоръ, въ печали—большая радость, а въ радости—большая печаль!..

(Быстро идетъ изъ зеленого зала другой поэтъ, безъ кудрей)

СЕНЬОРЪ РЕНО (поэту 1-му). Это абсурдъ. Это... однимъ словомъ, совѣтую вамъ не читать вашего дифирамба...

(Поэтъ 1-й печально отстаетъ отъ сеньора Рено, а поэтъ 2-й подобострастно наклоняется)

ПОЭТЪ 2-ОЙ. Только два слова!

(Сеньоръ Рено приостанавливается)

СЕНЬОРЪ РЕНО. Говорите скорѣй! Мнѣ некогда...

ПОЭТЪ 2-ОЙ. Только два слова! Я написалъ стихи... Если читать ихъ слѣва направо, то выходитъ счастливымъ карликъ Буль, а если читать справа налево, то—принцъ...

(Изъ голубого зала идетъ озабоченный сеньоръ Педрио)

СЕНЬОРЪ РЕНО. Читайте сзади напередъ. (Идетъ поэтъ за нимъ)

ПОЭТЪ 2-ОЙ. Я понимаю, сеньоръ... Но...

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО (къ Рено). Не видали, сеньоръ, аббата? Его свѣтлость требуетъ аббата, а его нигдѣ не могутъ найти...

ПОЭТЪ 2-ОЙ. Я понимаю, сеньоръ... Но дѣло въ томъ, что...

СЕНЬОРЪ РЕНО (къ поэту 2-му). Вы видите,—я занятъ... (Поэтъ отступаетъ; Рено говоритъ съ Педрио) БЫТ

можетъ, аббать у себя въ кельѣ?.. Зачѣмъ понадобился аббать?

сеньоръ педрио. Зоргетта требуетъ аббата... Безъ аббата она не принимаетъ обручальнаго кольца.

сеньоръ рено. Пошлите въ корридоры нижнихъ залъ: аббать любитъ слушать музыку издали.

(Педрио идетъ въ зеленый залъ, Рено въ голубой; поэтъ 2-ой не отстаетъ и говоритъ, шагая слѣдомъ за Рено)

поэтъ 2-ой. Я отлично понимаю... Но какъ отнесется къ этому его свѣтлость?..

сеньоръ рено (раздраженно). Обратитесь къ сеньору Сильвио!.. Это вопросъ его компетенціи... Вы читали свои стихи сеньору Сильвио?

(Приостанавливаются)

поэтъ 2-ой. Читалъ, сеньоръ!..

сеньоръ рено. Ну, и что же? Понравились ему ваши стихи?

поэтъ 2-й. Онъ восхищенъ!

сеньоръ рено. Съ которой стороны? (Идетъ; поэтъ за нимъ)

поэтъ 2-ой. Съ обоихъ концовъ!.. У сеньора Сильвио огромный художественный вкусъ, но у него... У васъ, сеньоръ, кромѣ вкуса, много такта... У сеньора Сильвио—только вкусъ, а у васъ, сеньоръ... у васъ, сеньоръ, и вкусъ, и тактъ, и что угодно...

(Оба скрываются въ голубомъ залѣ)

сеньоръ педрио (идетъ изъ зеленого зала, ему навстрѣчу изъ голубого идетъ дама пикъ). Нигдѣ вѣтъ... Это странно, это очень странно... (Почти сталкивается съ дамой пикъ) Виновать, высокая дама!

дама пикъ. Высокій сеньоръ!.. Скоро начнется представленіе въ синей залѣ?

сеньоръ педрио. Необходимъ аббать... Принцъ приказалъ отыскать аббата, но мы не можемъ найти

его... А между тѣмъ Зоргета упрямится и не принимаетъ безъ аббата обручальнаго кольца...

(Фрогъ, въ костюмѣ аббата, выглядываетъ изъ „Комнаты Чернаго Молчанія“)

ДАМА ПИКЪ. Ужасно упрямая дѣвченка!.. Пусть Фрогъ уговорить ее, дурочку!

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Фрогъ скачетъ пѣтухомъ и... ничего не хочетъ знать... Онъ такъ счастливъ, что...

ДАМА ПИКЪ. Еще бы!.. (Сеньоръ Педрио, поклонившись, бѣжитъ въ голубой залъ. Дама пикъ поправляетъ маску и открываетъ лицо: она старуха. Фрогъ выходитъ изъ „Комнаты Чернаго Молчанія“. Дама пикъ вскрикиваетъ отъ неожиданности и прячетъ лицо подъ маской) Ахъ, это вы, аббаты!.. Какъ вы меня испугали!

ФРОГЪ. Простите, высокая дама... (Благословляетъ даму пикъ)

ДАМА ПИКЪ. Васъ ищутъ... Васъ требуетъ принцъ, аббатъ... И вы надѣли маску?..

ФРОГЪ. Я—человѣкъ кельи, высокая дама... Вы понимаете, что служителю неба здѣсь лучше скрыть лицо свое.

ДАМА ПИКЪ. Я люблю, когда вы отпускаете грѣхи... Вы—такой добрый, такой добрый... Вы отлично понимаете человѣческія слабости, и съ вами такъ легко, такъ легко!..

ФРОГЪ. Сегодня я думаю начать отпущеніе грѣховъ сейчасъ же послѣ представленія въ синемъ залѣ... Какъ только послѣдуетъ изгнаніе изъ рая, я удалюсь и отдамъ себя въ распоряженіе грѣшниковъ...

ДАМА ПИКЪ (кокетливо). И грѣшницъ?

ФРОГЪ. Да... и грѣшницъ, конечно...

ДАМА ПИКЪ. Я приду къ вамъ... первая... Хотите, я приду къ вамъ нѣсколько раньше?.. Мнѣ бы хотѣлось побыть наединѣ съ вами подольше... Съ вами такъ легко, пріятно... Хотите?..

ФРОГЪ (подчеркивая). Я буду счастливъ побесѣдовать съ вами наединѣ...

(Изъ голубого зала идетъ сеньоръ Педріо)

ДАМА ПИКЪ (оглянувшись, шепчетъ). Ждите, ждите меня!..

(Жметъ Фрогу руку и торопливо идетъ въ зеленый залъ)

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Аббать! Что вы съ нами дѣлаете?.. Я нищу васъ по всему замку...

ФРОГЪ. Что вамъ надобно, сынъ мой?

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Принцъ желаетъ, чтобы вы надѣли кольца жениху и невѣстѣ...

ФРОГЪ. Развѣ Высокое Собраніе не считаетъ это совершенно излишней условностью?

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Принцъ желаетъ, чтобы вы обручили.

(Брачное шествіе, подъ звуки свадебнаго марша, появляется въ голубомъ залѣ)

ФРОГЪ. Это дѣлаетъ честь его свѣтлости... Онъ никогда не забываетъ о небесахъ...

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Идемте же, аббать!..

(Быстро идутъ въ голубой залъ. При появленіи аббата музыка обрывается, смѣняясь шумомъ и привѣтствіями обрадованныхъ гостей; въ шумѣ звучитъ диссонансомъ плачь Зоргетты, которую стараются утѣшить принцъ и пѣтухъ: принцъ гладитъ Зоргетту по волосамъ, пѣтухъ скачетъ и поетъ „ку-ку-реку“. Фрогъ кланяется принцу и отстраняетъ пѣтуха)

ФРОГЪ. Пѣтухъ! Отойти въ сторону!.. Не пришло еще время твое, и пока здѣсь требуется аббать, только динь аббать...

Пѣтухъ въ изумленіи отходить; онъ смущенъ и обезкураженъ появленіемъ своего двойника. Смѣхъ, шумъ... Гости толпятся, окружаютъ прин-

ца, жениха съ невѣстой и Фрога, и только по взрывамъ смѣха можно догадаться, что Фрогъ дѣлаеть тамъ, въ срединѣ толпы, что-то необычайное. Изъ зеленого зала пробѣгаютъ слуги-обезьяны, торопливо проходить заинтересованная шумомъ дама пикъ и видитъ въ дверяхъ „Комнаты Чернаго Молчанія“ призракъ Красной смерти въ бѣлой испачканной кровью простынѣ, съ красной полумаской на лицѣ, съ оскаленными зубами. Дама пикъ вскрикиваетъ отъ ужаса и бѣжитъ въ голубой залъ, роняя съ лица маску. Тамъ, въ голубомъ залѣ, она въ нервномъ возбужденіи рассказываетъ что-то гостямъ, но гости такъ поглощены происходящимъ обрученіемъ, что мало слушаютъ. Призракъ Красной смерти выходитъ изъ дверей „Комнаты Чернаго Молчанія“ и тихо и спокойно движется по направленію къ зеленому залу; тамъ онъ исчезаетъ... Изъ голубого зала идутъ подъ руку дама бубенъ и дама червей, оживленно и интимно разговаривающія о чемъ-то.

ДАМА ВУВЕНЪ. Но раньше аббатъ былъ такъ скромень... Это уже немного некрасиво... Я чувствовала, какъ горить у меня подъ маской лицо...

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Скромность... Какая скромность?.. Зачѣмъ?..

ДАМА ВУВЕНЪ. Принцу не понравилась эта выходка. Я видѣла, какъ онъ нахмурился. (Изъ голубого зала идетъ смущенный пѣтухъ) Тише! Пѣтухъ идетъ! (Объ сдержанно смѣются) Фрогъ, милый Фрогъ! (Беретъ пѣтуха подъ руку и отводитъ въ сторону) Шепни аббату, что я люблю только красивые грѣхи...

ПѢТУХЪ. Милныя курочки... (Раздается свадебный маршъ; шествіе направляется изъ голубого зала въ зеленый) Идутъ! Идутъ!

(Появляется сеньоръ Педрио)

ДАМА ЧЕРВЕЙ. Сеньоры! Теперь въ синій залъ?
СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Да, въ рай!..

Обѣ дамы становятся въ сторонкѣ и затѣмъ присоединяются къ шествію. Пѣтухъ съ крикомъ „ку-ку-реку“ исчезаетъ въ зеленомъ залѣ. Шествіе движется въ зеленый залъ подѣ звуки свадебнаго марша; когда шествіе скрывается, слуги-обезьяны, объясняясь жестами и мимикой, прокрадываются туда же. Маршъ все дальше, дальше, смолкаетъ. Въ желтомъ залѣ полная тишина. Часы бьютъ 12; изъ голубого зала движется призракъ Красной смерти... Онъ идетъ опять въ зеленый залъ. Когда призракъ исчезаетъ въ зеленомъ залѣ, оттуда выбѣгаетъ нѣсколько слуги-обезьянъ, взволнованныхъ, сильно жестикулирующихъ; въ голубомъ залѣ появляется нѣсколько испуганныхъ гостей и посреди нихъ дама пикъ безъ маски, растрепанная.. Слуги скрываются въ голубомъ залѣ, и здѣсь продолжается мимическій разговоръ между ними и испуганными гостями. Очень далеко звучитъ музыка: въ синемъ залѣ началось представленіе; музыка рассказываетъ о райскихъ блаженствахъ первыхъ людей, потомъ о грѣхопадѣніи ихъ и вдругъ рѣзко обрывается, смѣнившись тревожнымъ гуломъ толпы. Изъ зеленого зала медленно движется призракъ Красной смерти и направляется въ „Комнату Чернаго Молчанія“, гдѣ онъ сливается съ бѣлымъ мраморомъ часовъ. Все сильнѣе шумъ въ залахъ замка. Гости въ смятеніи: нѣкоторые видѣли Красную маску. Кавалеры и дамы беспорядочно бѣгаютъ по всѣмъ заламъ, при встрѣчѣ шепчутся между собою, пугливо озираются. Въ фигурахъ и движеніяхъ—испугъ и растерянность. Изъ зеленого зала выбѣгаетъ дама съ Лиліей и дама съ Розой, за ними сеньоръ Педріо.

сеньоръ педріо. Успокойтесь! Ради Бога успокойтесь!.. Это глупая шутка!.. Только глупая шутка!..

(Дамы убѣгаютъ. Изъ голубого зала бѣжитъ сеньоръ Кардіо)

сеньоръ кардіо. Я не видалъ, я ничего не видалъ... Никакой Красной маски я не видалъ.

сеньоръ педріо. Говорятъ, она вышла изъ Чер-

ной комнаты... Двѣ дамы видѣли ее въ зеленомъ залѣ... Принцъ приказалъ схватить дерзкаго сеньора... Такія шутки...

(Изъ зеленого зала бѣгутъ въ смятеніи кавалеры и дамы)

КАВАЛЕРЫ И ДАМЫ (страшнымъ шопотомъ). Видѣли! Видѣли!.. Видѣли!

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Сеньоры! Дамы! Остановитесь!

Кавалеры и дамы бѣгутъ безъ оглядки. Сеньоръ Кардіо, поддавшись общей паникѣ, бѣжитъ за ними. Изъ зеленого зала выскакиваютъ пѣтухъ и сеньоръ Рено, старающіеся остановить бѣгущихъ мимо нихъ дамъ и кавалеровъ... У нѣкоторыхъ спали съ лицъ маски и обнажили полныя ужасомъ лица. Появляется принцъ съ обнаженнымъ мечомъ, за нимъ выходитъ спокойный Фрогъ въ одеждѣ аббата)

ПРИНЦЪ. Эго малодушіе! Остановитесь!.. Сеньоръ Педрио! Введите стражу!..

(Мимо бѣгаютъ въ ужасѣ гости, нѣкоторыя изъ дамъ плачутъ, цѣпляются за Фрога)

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО. Сеньоры! Сейчасъ выйдетъ стража, и мы сорвемъ маску съ дерзкаго гостя!.. (Изъ зеленого зала съ дикимъ крикомъ пробѣгаетъ дама пикъ, и ужасъ ея передается всѣмъ, кромѣ Фрога) Сейчасъ войдетъ стража!

Торопливо идетъ въ голубой залъ, за нимъ— принцъ, Рено и пѣтухъ. Фрогъ остается. Тревога перешла въ отдаленныя залы. На сценѣ стихаетъ. Фрогъ осторожно высматриваетъ что-то, заглядывая въ зеленый залъ, дѣлаетъ какіе-то знаки руками; къ нему выбѣгаютъ полудѣтая Зоргетта и Буль въ костюмѣ сказочнаго короля; Фрогъ пріоткрываетъ лицо, Зоргетта узнаетъ его и вскрикиваетъ отъ радости.

ЗОРГЕТТА. Ты, Фрогъ?!

ФРОГЪ. Да, это я, Зоргетта!.. Бѣгите за стѣны и

скажете, что Красная смерть пришла поцѣловать нашего принца!..

Буль. Принцъ... онъ...

Фрогъ. Онъ еще живъ... но скоро онъ будетъ лежать съ раскрытымъ ртомъ и удивленно смотрѣть тусклыми глазами въ лицо страшной гостьи!.. Сбрось, Буль, со своей головы картонную корону!.. Оставь ее нашему принцу... (Буль сбрасываетъ корону и мантию сказочнаго короля) Бѣгите и ведите сервовъ: здѣсь можно теперь хорошо покушать!.. (Буль и Зоргетта намѣреваются бѣжать черезъ голубой залъ, Фрогъ останавливаетъ ихъ) Сюда! Черезъ Черную комнату! (Зоргетта и Буль бѣгутъ въ „Комнату Чернаго Молчанія“ и болѣе уже не появляются) Теперь остался одинъ женихъ, одинъ мертвый Габріо... Онъ привелъ свою новую невѣсту!.. Хорошую гостью привелъ онъ имъ на свадьбу!..

(Изъ зеленого зала пробѣгаетъ дама съ Лиліей; увидя Фрога, она цѣпляется за его одежду)

дама съ лиліей. Аббать!.. Молитесь за насъ... Тамъ... тамъ умеръ сеньоръ... одинъ сеньоръ... Тамъ... Красная смерть...

(Въ голубомъ залѣ шумъ и звонъ оружія: принцъ, сеньоръ Педріо и стража идутъ съ обнаженными мечами въ желтый залъ, отсюда въ зеленый. Дама съ Лиліей бѣжитъ за ними; изъ голубого зала бѣгутъ поэты, музыканты, сеньоры Кардіо, Сильвіо, Рено, всѣ высокія дамы... За ними слуги. Принцъ, увидя Фрога, кричить)

принцъ. Аббать Гуртадо!.. Успокойте Зоргетту!..

Всѣ скрываются въ зеленомъ залѣ. Изъ голубого появляется призракъ Красной смерти и медленно идетъ въ „Комнату Чернаго Молчанія“. Тамъ онъ исчезаетъ. На сценѣ тихо, только часы удивительно громко отбиваютъ тяжелымъ маятникомъ и слышно, какъ гдѣ-то очень далеко кричатъ люди... Изъ перспективы залъ движется стража

съ принцемъ и сенъорами, отыскивая Красную маску, звенить оружіемъ. Въ дверяхъ „Комнаты Чернаго Молчанія“ появляется призракъ Красной смерти и неподвижно стоитъ со скрещенными на груди руками... Принцъ первый видитъ призракъ.

ПРИНЦЪ. Онъ здѣсь!..

(Желтый залъ наполняется сенъорами и дамами, среди нихъ и пѣтухъ)

СЕНЬОРЪ ПЕДРИО (къ призраку). Сенъоръ! Именемъ его свѣтлости требую снять съ лица маску! (Призракъ неподвиженъ) Оставьте, сенъоръ, глупныя шутки!.. (Дамы оявливо прячутся за стражу, готовыя разбѣжаться каждый моментъ) Сенъоры и дамы! Успокойтесь!

(Пѣтухъ выбѣгаетъ впередъ, къ призраку, и свиститъ въ пѣтушью дудочку. Испугъ проходить, дамы нервно смѣются, подбадривая другъ друга)

ПРИНЦЪ (поднявъ мечъ). Я тебя заставлю снять маску!..

Хочетъ ударить мечомъ, призракъ простираетъ руку, и принцъ падаетъ, словно пораженный молніей. Крикъ ужаса среди гостей, они бѣгутъ во всѣ стороны. Призракъ тихо сходитъ съ порога и медленно идетъ въ голубой залъ, и слѣдующіе и тѣ, кто встрѣчается на его пути, падаютъ и корчатся въ судорогахъ. Изъ зеленаго зала Фрогъ тащитъ за ноги мертваго пѣтуха, изъ-подъ костюма котораго видна одежда аббата. Выбѣгаютъ сенъоры и дамы съ разныхъ сторонъ и, падая на колѣни передъ Фрогомъ, со слезами просятъ его.

ДАМЫ. Аббатъ! Молитесь! Молитесь!.. Небо услышитъ васъ!

ФРОГЪ. Небо?.. (Старается стащить съ аббата костюмъ пѣтуха)

ДАМЫ. Аббаты! Аббаты! Что вы дѣлаете! Молитесь, аббатъ...

ФРОГЪ (сдернувъ съ аббата костюмъ пѣтуха). Просите его!..
Вотъ онъ, вашъ защитникъ! (Дергаетъ аббата за ногу)
Аббатъ! Молитесь! Окажите протекцію!..

Окружающіе въ ужасѣ смотрятъ на Фрога. Фрогъ сдергиваетъ съ себя верхнюю одежду и оставшись въ балахонѣ полишинеля, неистово хохочетъ, потрясая въ рукѣ костюмъ аббата. Всѣ окружающіе въ паникѣ бѣгутъ и ползутъ отъ него, куда пошло. Вдали слышатся крики и стоны умирающихъ. Фрогъ хохочетъ, и гулкое эхо повторяетъ его дикій хохотъ въ опустѣвшихъ залахъ)

Занавѣсъ.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

XVI.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1907 ГОДЪ.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Г. Флоберъ. Испушеніе св. Антонія.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
М. Горькій. Мать.
Скиталець. Четверо.
Д. Айзманъ. Сердце Бытія.
Л. Андреевъ. Іуда Искаріотъ и другіе.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Г. Флоберъ. Испушеніе св. Антонія	1
Ив. Бунинъ. Стихотворенія	145
М. Горькій. Мать.	153
Скитаецъ. Четверо	223
Д. Айзманъ. Сердце Бытія	227
Л. Андреевъ. Іуда Искаріотъ и другіе.	261

ГУСТАВЪ ФЛОБЕРЪ.

ИСКУШЕНІЕ СВЯТОГО АНТОНІЯ.

Съ французскаго.

Переводъ Бориса Зайцева.

Памяти моего друга
Альфреда Лепуаттвена,
скончавшагося
въ Невилль-Шантъ-Д'Уавели.
3^е апрѣля 1848.

I.

Оиваида, вершина горы, площадка, закругленная полумѣсяцемъ, которую замыкають крупные камни.

Въ глубинѣ хижина Отшельника. Она сдѣлана изъ глины и тростника, съ плоской крышей, безъ двери. Внутри виденъ кувшинъ и черный хлѣбъ; по срединѣ, на подставкѣ изъ дерева, большая книга; кое-гдѣ по полу обрывки плетенья, двѣ-три цыновки, корзина, ножъ.

Въ десяти шагахъ отъ хижины воткнуто въ землю высокій крестъ; а на другомъ концѣ площадки скривясь виситъ надъ пропастью старая пальма—гора подъ нею отвѣсна—и Ниль образуетъ какъ бы озеро у ногъ утеса.

Справа и слѣва видъ ограничивается кольцомъ скалъ. А со стороны пустыни, какъ уступчатая побережья моря, пролегають одна за другой, все подымаясь, безконечныя параллельныя струи блѣдно-пепельнаго цвѣта; затѣмъ, надъ песками, совсѣмъ вдали, блѣднѣютъ мѣловою цѣпью ливійскія горы, слегка затуманенныя фіолетовыми парами. Передъ глазами садится солнце. На сѣверѣ небо жемчужнаго оттѣнка, а у зенита вытягиваются по голубому своду пурпурныя облака, разбросанныя какъ космы гигантской гривы. Эти огненные лучи темнѣютъ, полосы лазури принимаютъ перламутровую блѣдность; кустарники, камешки, земля, все теперь кажется твердымъ, какъ изъ бронзы; и въ воздухѣ плыветъ золотая пыль такая тонкая, что сливается съ дрожаніемъ свѣта.

СВЯТОЙ АНТОНІЙ

съ длинной бородой, длинными волосами и въ туникѣ изъ козьей шкуры, сидитъ, скрестивъ ноги, и работаетъ надъ цыновками. Когда солнце скрывается, онъ глубоко вздыхаетъ, оглядывая горизонтъ:

Еще одинъ день! еще день прошло! Прежде, однако, я не былъ такъ несчастенъ! Передъ концомъ ночи я начи-

Сборникъ. Книга XVI.

наль свои молитвы; затѣмъ сходилъ къ рѣкѣ за водой и взбирался по каменистой тропинкѣ съ мѣхомъ на плечѣ, напѣвая гимны. Потомъ развлекался уборкой своей хижины. Брался за инструменты; старался, чтобы цыновки были одинаковы и корзины легки; ибо ничтожнѣйшія мои дѣла казались мнѣ тогда обязанностями, въ которыхъ нѣтъ ничего труднаго.

Въ опредѣленные часы я прекращалъ работу; я молясь съ простертыми руками, я ощущалъ какъ бы потокъ милосердія, изливавшійся съ высоты небесъ мнѣ въ сердце. Онъ изсякъ теперь. Почему?

Медленно проходить въ оградѣ скаль.

Всѣ осуждали меня, когда я ушелъ изъ дому. Мать упала замертво, сестра издалека знаками звала вернуться; и та плакала, Аммонарія, это дитя, которое я встрѣчалъ каждый вечеръ у водоема, когда она пригоняла своихъ буйволовъ. Она бѣжала сзади за мной. На ногахъ у ней блестяли въ пыли кольца, и туника, распахнувшись на бедрахъ, развѣвалась по воздуху. Старый аскетъ, уводившій меня, выкрикивалъ ей ругательства. Два нашихъ верблюда мчались безостановочно; и я навсегда покинулъ близкихъ.

Сначала я избралъ жилищемъ могилу одного Фараона. Но очарованіе вѣетъ въ этихъ подземныхъ дворцахъ, гдѣ темнота какъ будто гуще отъ древняго куренія ароматовъ. Изъ глубины саркофаговъ, я слышалъ, раздавался жалобный голосъ, который звалъ меня; или, вдругъ, передо мной оживали отвратительныя сцены, изображенныя на стѣнахъ; и я бѣжалъ къ берегу Краснаго моря, въ разрушенную крѣпость. Тамъ я жилъ въ обществѣ скорпіоновъ, ползавшихъ среди камней, а надъ головой моей постоянно кружили въ голубомъ небѣ орлы. Ночью меня царапали когтями, щипали клювами, касались мягкими крыльями; и страшные демоны, завывая мнѣ въ уши, опрокидывали меня на землю. Разъ даже мнѣ подали помощь люди одного каравана, шедшаго въ Александрію, потомъ увели съ собой.

Тогда я захотѣлъ учиться у добраго старца Дидима. Хотя

онъ былъ слѣпъ, никто не зналъ Писанія лучше его. Когда урокъ кончался, онъ просилъ мою руку, чтобы пройтись. Я сопровождалъ его на Панаеумъ, откуда виденъ маякъ и открытое море. Затѣмъ мы возвращались черезъ гавань, сталкиваясь съ людьми всѣхъ народностей до киммерійцевъ въ медвѣжьихъ шкурахъ и гимнософистовъ Ганга, измазанныхъ коровьимъ пометомъ. А на улицахъ постоянно происходили стычки: евреи отказывались платить налоги, или мятежники пробовали изгнать римлянъ. Кромѣ того, городъ полонъ еретиковъ, послѣдователей Манеса, Валентина, Василида, Арія— всѣ они пристають со спорами и стараются переубѣдить.

Ихъ разсужденія приходятъ по временамъ мнѣ на память. Какъ ни стараешься не обращать на нихъ вниманія, это смущаетъ.

Я удалился въ Кольцимъ; и мое покаяніе было такъ велико, что я не боялся больше Бога. Нѣкоторые соединились вокругъ меня, чтобы сдѣлаться анахоретами. Ненавидя нечѣстности гностиковъ и умствованія философовъ, я составилъ имъ правило общежитія. Мнѣ присылали отовсюду посланія. Приходили издалека посмотриѣть на меня.

Между тѣмъ народъ истязалъ исповѣдниковъ, и жажда мученичества привлекла меня въ Александрію. Гоненіе прекратилось три дня назадъ.

Когда я возвращался, волна людей задержала меня у храма Сераписа. Это, говорили мнѣ, правитель хочетъ дать послѣдній примѣръ. Посреди портика, на солнцѣ, была привязана къ колоннѣ голая женщина; два солдата стегали ее ремнями; при каждомъ ударѣ все тѣло ея корчилось. Она обернулась, ротъ ея былъ раскрытъ;—и надъ толпой, подъ длинными волосами, закрывавшими ей лицо, мнѣ померещилась Аммонарія...

Однако... эта была выше... и прекраснѣе... непостижимо!
Проводить рукою по лбу.

Нѣтъ! иѣтъ! не хочу объ этомъ думать!

Въ другой разъ Аванасій позвалъ меня поддержать его противъ аріянь. Все ограничилось бранью и издѣвательствами.

Но съ тѣхъ поръ на него стали клеветать, онъ лишился каеэдры, бѣжалъ. Гдѣ онъ теперь? ничего не знаю! Вѣдь такъ мало заботятся сообщать мнѣ новости. Всѣ ученики оставили меня, даже Иларіонъ.

Ему было лѣтъ пятнадцать, когда онъ пришелъ; и умъ его былъ такъ пытливъ, что поминутно онъ задавалъ мнѣ вопросы. Затѣмъ внимательно выслушивалъ;—и когда я ему приказывалъ, онъ безропотно приносилъ мнѣ что нужно, проворнѣе козленка и притомъ съ такой веселостью, что улыбнулся бы даже патріархъ. Это былъ сынъ для меня!

Небо красно, земля совершенно черна. Подъ порывами вѣтра поднимаются полосы песку, какъ огромные саваны, потомъ ниспадають. Внезапно въ просвѣтѣ облаковъ пролетаютъ птицы трехугольнымъ отрядомъ, похожимъ на кусокъ металла, у котораго трепещуть только края.

Антовій смотритъ на нихъ.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы съ ними!

Сколько разъ глядѣлъ я такъ, съ завистью, на длинные корабли, паруса которыхъ напоминають крылья, особенно когда они увозили вдаль тѣхъ, кого я принималъ у себя! Что за часы я проводилъ съ ними! какъ раскрывались сердца! Интереснѣ всѣхъ для меня былъ Аммонъ; онъ рассказывалъ мнѣ о своей поѣздкѣ въ Римъ, о катакомбахъ, Колизеѣ, благочестіи знатныхъ женщинъ, тысячи разныхъ исторій!.. и я не хотѣлъ ѣхать съ нимъ! Откуда во мнѣ упорство продолжать такую жизнь? Я хорошо бы сдѣлалъ, если бъ остался у нитрійскихъ монаховъ, они вѣдь умоляли меня. Они живутъ въ отдѣльныхъ келіяхъ, однако сообщаются между собой. Въ воскресенье труба сзываетъ ихъ въ церковь, гдѣ висятъ три плетки; ими наказываютъ преступниковъ, воровъ и пролазъ, ибо уставъ у нихъ строгъ.

Тѣмъ не менѣе они не отказываются отъ нѣкоторыхъ удобствъ. Вѣрные приносятъ имъ яйца, плоды и даже инструменты для вытаскиванія занозъ изъ ногъ. Вокругъ Писперіи есть виноградники, у Пабенцевъ плотъ для поѣздокъ за провизіей.

Но я лучше служилъ бы ближнимъ, будучи просто свя-

щенникомъ. Помогаетъ бѣднымъ, совершаетъ таинства, пользуется вліяніемъ въ семействахъ.

Впрочемъ, не всё міряне осуждены, и отъ меня самого зависѣло стать... на примѣръ... грамматикомъ, философомъ. Въ моей комнатѣ стоялъ бы тростниковый глобусъ, въ рукахъ у меня были бы дощечки, вокругъ молодые люди, а на двери, какъ вывѣска, лавровый вѣнокъ.

Но въ такихъ успѣхахъ слишкомъ много гордости! Ремесло солдата лучше. Я былъ крѣпокъ и смѣлъ,—достаточно, чтобы тянуть канаты машинъ, пробираться сумрачными лѣсами, входить со шлемомъ на головѣ въ дымящіеся города!.. Ничто не мѣшало мнѣ, также, приобрести за деньги должность сборщика пошлинъ гдѣ-нибудь у моста; и путешественники рассказывали бы мнѣ о приключеніяхъ, показывая въ своей поклажѣ любопытныя вещицы...

Александрійскіе купцы плаваютъ въ дни праздниковъ по рѣкѣ у Канопы и пьютъ вино изъ чашечекъ лотоса подъ грохотъ тамбуриновъ, отъ которыхъ дрожатъ кабачки по берегу! На той сторонѣ обстриженные конусомъ деревья защищаютъ отъ южнаго вѣтра мирныя помѣстья. Крыша высокаго дома опирается на тонкія колонки, частыя какъ палочки рѣшетки; а хозяинъ, растянувшись на длинномъ сидѣньи, видитъ сквозь эти промежутки всё свои поля вокругъ отгоняльщицъ птицъ въ клѣбахъ, давиальню, куда собираютъ виноградъ, быковъ, которые молотятъ. Дѣти его играютъ на полу, жена наклоняется обнять его.

Въ блѣсаватой тѣмѣ ночи здѣсь и тамъ появляются острыя морды съ прямыми ушами и сверкающими глазами. Антоній направляется къ нимъ. Камешки скатываются, звѣри убѣгаютъ. Это стая шакаловъ.

Остался только одинъ; упираясь двумя лапами, онъ выгнулся дугой и наклонилъ голову, въ позѣ полной недовѣрія.

Какъ онъ красивъ! мнѣ бы хотѣлось ласково погладить его по спинѣ.

Свиститъ, чтобы вернуть его. Шакалъ исчезаетъ.

А! онъ уходитъ къ другимъ! Какое одиночество! Какая скука!

Смѣясь съ горечью.

Прекрасное существованіе — вить на огнѣ пальмовыя палки для посоховъ, дѣлать корзины, плести циновки и получать взаимнѣ всего этого отъ Номадовъ хлѣбъ, ломающій тебѣ зубы! О, я несчастный! Неужели не будетъ конца? Лучше ужь смерть! Я не могу больше! Довольно! Довольно!

Топаетъ ногой и быстрымъ шагомъ проходитъ среди скалъ, потомъ запыхавшись приостанавливается, рыдаетъ и ложится на землю, бокомъ.

Ночь тиха; мерцаютъ безчисленныя звѣзды; слышно только пощелкиваніе тарантуловъ.

Двѣ перекладины креста бросаютъ на песокъ тѣнь; плачущій Антоній замѣчаетъ ее.

Неужели я такъ слабъ, о Боже! Мужества, приободримся!

Входитъ въ свою кижину, разгребаетъ засыпанный уголь, зажигаетъ факель и втыкаетъ его въ подставку изъ дерева, стараясь освѣтить большую книгу.

Если я раскрою... Дѣянія Апостоловъ?... да! на удачу!

„И видитъ отверстое небо и сходящій къ нему некоторый сосудъ, какъ бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; съ немъ находились всякія четвероногія земныя, зѣри, пресмыкающіяся и птицы небесныя. И былъ гласъ къ нему: встань, Петръ, заколи и ѣшь“.

Значитъ, Господь желалъ, чтобы его Апостолъ вкушалъ ото всего? тогда какъ я...

Склоняетъ голову на грудь. Шелестъ страницъ, которыми играетъ вѣтеръ, вставляетъ его поднять голову, и онъ читаетъ:

„И избивали Иудеи вѣсехъ враговъ своихъ, побивая мечемъ, умерщвляя и истребляя, и поступали съ непріятелями своими по своей волѣ“.

Слѣдуетъ исчисленіе людей, убитыхъ ими: семьдесятъ пять тысячъ. Но они столько вынесли! Кромѣ того, ихъ враги были врагами истиннаго Бога. И какъ они, должно быть, наслаждались мстью, умерщвляя идолопоклонниковъ! Городъ, конечно, былъ полонъ мертвыхъ! Они валялись у входовъ въ сады, по лѣстницамъ, на такой высотѣ въ комнатахъ,

что двери не могли открыться!.. Но вѣдь это я погружаюсь въ мысли объ убійствѣ и крови!

Открываетъ книгу въ другомъ мѣстѣ.

„Тогда царь Навуходоносоръ палъ на лице свое и поклонился Даніилу“.

А! это хорошо! Всевышній прославляетъ своихъ пророковъ больше царей; между тѣмъ этотъ жилъ среди празднествъ, всегда опьяненный наслажденіями и гордостью. Но Богъ, въ наказаніе, обратилъ его въ звѣря. Онъ ходилъ на четверенькахъ!

Антоній смѣется; и дѣлая движеніе руками, переворачиваетъ страницы книги. Глаза его останавливаются на слѣдующей фразѣ:

„Езекиа, выслушавъ посланныхъ, показалъ имъклады свои, серебро и золото, и ароматы и масти дорогія, и весь оружейный домъ свой и все, что находилось въ сокровищницахъ его“.

Воображаю... представьте себѣ отборнѣйшіе камни, брилліанты, дарилки, сложенные въ кучу до потолка. Человѣкъ, которому принадлежитъ такая груда, уже не похожъ на остальныхъ. Перебирая ее, онъ думаетъ, что у него въ рукахъ плодъ безчисленнаго множества усилій и какъ бы жизнь народовъ, которую онъ вобралъ и можетъ излить. Заботы объ этомъ полезны и для царей. Мудрѣйшій изъ всѣхъ нихъ не пренебрегалъ ими. Корабли его привозили ему слоновой кости, обезьянъ... Однако, гдѣ же это?

Быстро перелистываетъ.

А! вотъ: *„Царица Савская, услышавши о славѣ Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками“.*

Чѣмъ надѣялась она его искусить? Діаволь очень хотѣлъ искусить Иисуса! Но Иисусъ восторжествовалъ, такъ какъ былъ Богъ, а Соломонъ, быть можетъ, благодаря магическому знанію. Оно возвышенно, это знаніе! Ибо міръ,—такъ объяснялъ мнѣ одинъ философъ,—составляетъ цѣлое, всѣ части котораго вліяютъ другъ на друга, какъ органы одного тѣла. Нужно только знать природную любовь и ненависть вещей, затѣмъ воспользоваться этимъ. Значитъ, можно было бы измѣнить то, что кажется непреложнымъ порядкомъ?

Вдругъ двѣ тѣни, обрисованныя свяди него пережладинами креста, выдвигаются впередъ. Онѣ образуютъ какъ бы два большихъ рога; Антоній вскрикиваетъ:

На помощь, Боже!

Тѣнь возвращается на свое мѣсто.

А!.. это было видѣніе! и только! Напрасно мучаю я свой духъ! Что мнѣ дѣлать!.. что!

Садится и скрещиваетъ руки.

Однако... какъ будто вблизи былъ кто-то... Но зачѣмъ бы ему приходить? Впрочемъ, развѣ я не знаю его хитростей? Я отвергъ чудовищнаго пустынника, который смѣясь предлагалъ мнѣ маленькіе теплые хлѣбцы, кентавра, ставшагося посадить меня себѣ на спину, — и того чернаго ребенка среди песковъ, который былъ очень красивъ и сказалъ мнѣ, что называется духомъ блуда.

Антоній въ волненіи ходитъ взадъ и впередъ.

Вѣдь по моему повелѣнію выстроены эти сотни святыхъ обитателей, гдѣ столько монаховъ во власяницахъ подъ козьими шкурами, что изъ нихъ можно бы набрать войско! Я испѣлялъ издалека больныхъ; я изгонялъ бѣсовъ; я перецмыль рѣку, полную крокодиловъ; императоръ Константинъ написалъ мнѣ три письма; Валакій, плюнувшій на мои посланія, былъ растерзанъ своими лошадьми; когда я снова появился въ Александріи, народъ дрался, чтобы меня видѣть, и Аванасій провожалъ меня до дороги. Но и какіе подвиги! Вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ я непрерывно стенаю въ пустынѣ! Я носилъ у пояса восемьдесятъ фунтовъ бронзы, какъ Евсейій, я подставлялъ свое тѣло укусамъ насѣкомыхъ, какъ Макарій, я пятьдесятъ три ночи не закрывалъ глазъ какъ Пахомій; и у тѣхъ, кого казнятъ, кого терзаютъ клещами и жгутъ, быть можетъ, менѣе заслугъ, ибо моя жизнь сплошное мученичество!

Антоній стихаетъ.

Поистинѣ, чья скорбь по глубинѣ могла бы равняться моей! Добрыхъ сердець все меньше. Мнѣ не приносятъ больше ничего. Мой плащъ изношенъ. У меня нѣтъ сандалій, даже чашки, — ибо я роздалъ бѣднымъ и семьѣ все свое

имущество, до послѣдняго обола. Вѣдь только на инструменты, необходимыя для моей работы, мнѣ нужно сколько-нибудь денегъ. О! немного! совсѣмъ немного! Я былъ бы бережливъ.

Никейскіе Отцы, въ пурпурныхъ одѣянїяхъ, держались какъ маги на тронахъ вдоль стѣнъ; и ихъ угощали на пиру, ихъ осыпали почестями, особенно Пафнугія, такъ какъ онъ кривъ и хромаетъ со времени гоненія Діоклетіана! Императоръ нѣсколько разъ поцѣловалъ ему вытекшій глазъ; какая глупость! Впрочемъ, на Соборѣ были такіе нечестивцы! Епископъ Скиѳи, Θεοομιλ, этотъ Іоаннъ изъ Персіи; пастухъ Спиридонъ! Александръ былъ слишкомъ старъ. Аванасію надо было быть ласковѣе съ аріанами, чтобы добиться уступокъ!

Развѣ они сдѣлали бы это! Они не хотѣли меня слушать! Тотъ, что возражалъ мнѣ, высокій молодой человекъ съ завитой бородой, спокойно бросалъ свои лукавыя возраженья; и пока я искалъ словъ, они со злобой смотрѣли на меня, лая какъ гienны. О, почему я не могу заставить Императора изгнать ихъ всѣхъ, нѣтъ лучше бить, раздавить, видѣть ихъ муки. Я самъ очень мучусь!

Ослабѣвая, прислоняется къ хижинѣ.

Слишкомъ много постовъ! силы мои уходятъ. Если бы мнѣ отвѣдать... хоть кусочекъ мяса.

Полузакрываетъ глаза, въ томленіи.

А! мяса... гроздь винограда!.. кислаго молока, что дрожить на блюдѣ!..

Но что со мной? Что со мной? Я чувствую, мое сердце переполнено, какъ море, вдувающееся передъ бурей. Безконечная слабость овладѣваетъ мной, и теплый воздухъ доноситъ какъ бы ароматъ волосъ. Нѣтъ ли тутъ женщинъ?

Поворачивается къ небольшой тропинкѣ между скалъ.

Вотъ отсюда онѣ появляются, покачиваясь на своихъ носилкахъ въ черныхъ рукахъ евнуховъ. Онѣ сходятъ на землю и, соединяя руки въ кольцахъ, колѣнопреклоняются. Онѣ рассказываютъ мнѣ о своихъ горестяхъ. Ихъ сжигаетъ жажда нечеловѣческой страсти; онѣ мечтаютъ о смерти, ви-

дять во снѣ Божества, которыя вовуть ихъ; и края ихъ одеждъ касаются моихъ ногъ. Я ихъ отталкиваю. „О, говорятъ онѣ, подожди! Что намъ дѣлать?“ Всѣ покаянья хороши для нихъ. Онѣ просятъ тяжчайшихъ,—участвовать въ моемъ, жить со мной.

Уже давно я не видалъ ихъ! Быть можетъ, онѣ сейчасъ появятся? Почему бы и нѣтъ? А вдругъ... я услышу сейчасъ въ горахъ колокольчики муловъ? Какъ будто...

Антоній вѣбирается на утесъ надъ тропинкой и, наклонясь, вперяетъ взоръ въ темноту.

Да! тамъ, въ самомъ низу, движется что-то, точно путники, сбившіеся съ дороги. Она вонъ тамъ! Они заблудятся!

Зоветь:

Здѣсь! Сюда! сюда!

Ѣхо повторяетъ: сюда! сюда!

Пораженный, онъ опускаетъ руки.

Какой позоръ! О, бѣдный Антоній!

И тотчасъ же слышится шопотъ: „Вѣдный Антоній!“

Кто тамъ? Отвѣчай!

Вѣтеръ звенитъ, проносясь въ расщелинахъ скалъ; и въ этихъ неясныхъ звукахъ онъ различаетъ ГОЛОСА, какъ будто говорить воздухъ. Они низки и вкрадчивы, свистящи.

ПЕРВЫЙ.

Хочешь ты жениться?

ВТОРОЙ.

Большія груды серебра, быть можетъ?

ТРЕТІЙ.

Блестящій мечъ?

ОСТАЛЬНЫЕ.

— Весь народъ боготворить тебя!

— Довѣрся!

— Ты ихъ погубишь, конечно, ты ихъ погубишь!

Въ то же время предметы измѣняются. На краю утеса старая пальма съ короной желтыхъ листьевъ становится торсомъ женщины, склонившейся надъ пропастью и длинныя волосы которой колеблются.

АНТОНІЙ

оборачивается въ своей хижинѣ; и скамья, на которой лежитъ большая книга съ крупными черными буквами, кажется ему кустомъ, покрытымъ ласточками.

Это факелъ, конечно, производитъ игру свѣта... Погасимъ его!

Тушить, настаетъ глубокая темнота.

И вотъ проплываетъ въ воздухѣ лужица воды, потомъ блудница, уголь храма, фигура воина, колесница съ парой бѣлыхъ коней, которые упрумятся.

Эти образы являются порывисто, точками, выдѣляясь на фонѣ ночи какъ живопись пурпуромъ по эбену.

Ихъ движеніе ускоряется. Они мелькаютъ съ головокружительной скоростью. По временамъ они приостанавливаются и постепенно блѣднѣютъ, таютъ; или уносятся, и сейчасъ же появляются другіе.

Антоній закрываетъ глаза.

Ихъ все больше, они окружаютъ его, осаждаютъ. Невыразимый ужасъ овладѣваетъ имъ; и онъ чувствуетъ только жгучее сдавливаніе въ груди. Несмотря на шумъ въ головѣ, онъ ощущаетъ великое молчаніе, отдѣляющее его отъ міра. Онъ пробуетъ говорить; немислимо! Какъ будто общая связь частей въ его духѣ распадается; и, не сопротивляясь болѣе, Антоній падаетъ на цыновку.

II.

И вотъ большая тѣнь, прозрачнѣе обыкновенной и окаймленная по краямъ другими тѣнями, очерчивается на землѣ.

Это Діаволъ; онъ облокотился на крышу хижины и держитъ у себя подъ крыльями, какъ гигантская летучая мышь, кормящая дѣтеннышей,—Семь Смертныхъ Грѣховъ, уродливыя головы которыхъ видны неясно.

Антоній, попрежнему закрывъ глаза, блаженствуетъ въ бездѣйствіи и вытягивается во весь ростъ на цыновкѣ.

Она кажется ему все мягче и мягче,—какъ будто ее набиваютъ шерстью; она растетъ, становится постелью, постелью лодкой; вода плещется у его боковъ.

Справа и слѣва поднимаются двѣ полосы черной земли, выше которой воздѣланные поля и кое-гдѣ сикоморы. Вдали слышны звуки барабановъ, бубенчиковъ и пѣнья. Это

отправляются въ Канопу спать въ храмъ Сераписа, чтобъ видѣть сны. Антоній знаетъ объ этомъ; — и подгоняемый вѣтромъ, онъ скользятъ между двухъ береговъ канала. Надъ нимъ свѣшиваются листья папирусовъ и красныя цвѣты нимфей, крупнѣе человѣка. Онъ растянулся на днѣ лодки; сзади бѣжитъ по водѣ весло. Время отъ времени налетаетъ теплый вѣтерокъ, и шуршатъ тонкіе тростники. Ропотъ маленькихъ волнъ смолкаетъ. Имъ овладѣваетъ дремота. Во снѣ онъ видитъ себя египетскимъ пустыннымъ.

Тогда онъ стремительно вскакиваетъ.

Я видѣлъ сонъ?... все было такъ отчетливо, что даже не вѣрится. Языкъ мой пылаетъ! Я жажду!

Входитъ въ свою хижину и наугадъ шарить повсюду.

Поль влаженъ... Развѣ шелъ дождь? Однако! осколки! разбитый кувшинъ... а мѣхъ?

Находить его.

Пусть! совершенно пусть!

Чтобы сойти къ рѣкѣ, мнѣ надо по крайней мѣрѣ три часа, а ночь такъ непроглядна, что я не найду дороги. Голодъ мучить меня Гдѣ же хлѣбъ?

Проискавъ долго, находить корку не больше яйца.

Какъ! неужели шакалы съѣли его? О, проклятіе!

И въ бѣшенствѣ онъ бросаетъ хлѣбъ на землю.

Лишь только онъ дѣлаетъ это движеніе, показывается столъ, покрытый яствами.

Виссонная окатеръ, въ бороздахъ, какъ пояски сфинкса, отливаетъ свѣтлыми волнами. На ней огромные куски мяса, большія рыбы, птицы въ перьяхъ, четвероногія въ шкурахъ, плоды отгѣнка человѣческаго тѣла; а глыбы бѣлаго льда и сосуды фіолетоваго хрустали сверкаютъ огнями. Антоній замѣчаетъ посреди стола дымящагося всѣми порами кабана, съ поджатыми лапами и полузакрытыми глазами;—и мысль о возможности съѣсть этого страшнаго звѣря необычайно радуетъ его. Затѣмъ, тутъ совершенно неизвѣстныя для него кушанья темное рубленое мясо, залитыя золотого цвѣта, рагу, гдѣ плаваютъ грибы, какъ нениофары на прудахъ, пироженныя, легкія какъ облака.

И въ ароматѣ всего этого онъ ощущаетъ соленый запахъ Океана, свѣжесть фонтановъ, великое благоуханіе лѣсовъ. Ноздри его раздуваются; изо рта течетъ слюна; онъ твер-

дять себѣ, что этого хватить на годъ, на десять лѣтъ, на всю жизнь!

По мѣрѣ того какъ расширенные глаза его перебѣгаютъ съ блюда на блюдо, прибавляются новыя, образуя пирамиду, углы которой сползаютъ. Вина начинаютъ течь, рыбомъ трепещуть, кровь въ кушаньяхъ бурлитъ, мякоть плодовъ тянется впередъ, какъ уста влюбленныхъ; и столъ вырастаетъ ему по грудь, по подбородокъ—на немъ, прямо передъ его глазами, всего одна тарелка и хлѣбъ. Онъ хочетъ взять его. Появляются другіе хлѣбы.

Какъ!.. все это мнѣ...

Отступаетъ.

Вмѣсто одного получилось столько! Да это чудо, то самое, что сотворилъ Спаситель!

Для чего? Ахъ, развѣ все остальное болѣе понятно? О, дьяволъ, прочь, прочь!

Ударяетъ ногой по столу. Столъ исчезаетъ.

И нѣтъ ничего? Невѣроятно!

Вздыхаетъ полной грудью.

О, искушеніе было сильно. Но какъ я избавился отъ него!

Подымаетъ голову и спотыкается о звонкій предметъ.

Что такое?

Наклоняется.

Однако! чаша! вѣроятно, кто-нибудь, путешествуя, потерялъ ее. Ничего удивительнаго...

Слюнитъ палецъ и треть.

Блеститъ! металлъ! Но я не различаю...

Зажигаетъ свой факель и разсматриваетъ чашу.

Она изъ серебра, украшена выпуклыми овалами по краю, на ея днѣ медаль.

Подбрасываетъ медаль щелчкомъ ногтя.

Эта монета стоитъ... отъ семи до восьми драхмъ; не больше! Ну что же! Я бы свободно могъ купить себѣ на нее овечью шкуру.

Отблескъ факела освѣщаетъ чашу.

Не можетъ быть! золотая! да... вся изъ золота!

На днѣ оказывается еще монета, крупнѣе. Подъ ней онъ замѣчаетъ много другихъ.

Но на это можно купить... трехъ быковъ... участокъ земли

Чаша теперь полна золотыми монетами.

Вот как! сто рабовъ, солдаты, цѣлая толпа...

Выпуклости по краю, отдѣляясь, образуютъ жемчужное ожерелье.

Противъ такой драгоценности не устояла бы и жена Императора!

Встряхнувъ, Антоній поддѣваетъ соскользнувшее ожерелье на руку. Онъ держитъ чашу въ лѣвой, а правой подымаетъ факель, чтобы лучше освѣтить ее. Какъ влага, льющаяся изъ бассейна, ожерелье струится сплошными волнами,—образуя на пескѣ небольшой холмикъ,—алмазы, карбункулы и сапфиры въ перемежку съ крупными золотыми монетами, на которыхъ изображены цари.

Какъ? статеры, сикли, дарики, арианцики! Александръ, Димитрій, Птоломен, Цезарь! но, ни у кого изъ нихъ не было столько! Все въ моей власти! нѣтъ больше страданій! и эти лучи, что ослѣпляютъ меня! О, сердце мое разорвется! Какъ это дивно! еще, еще, безъ конца! Сколько бы я ни бросалъ ихъ въ море, мнѣ останется все же. Зачѣмъ растрачивать? Я сберегу все; никому не скажу; вырою себѣ въ скалѣ комнату, которая будетъ выслана изнутри бронзовыми плитами;—и приходя туда, я съ наслажденіемъ буду погружать свои ступни въ кучи золота; я запущу въ него руки, какъ въ мѣшки съ зерномъ. Я хотѣлъ бы натереть имъ лицо, спать на немъ!

Выпускаетъ факель, чтобы обнять грудь, и падаетъ ничкомъ на землю.

Подымается. Ничего нѣтъ.

Что случилось?

Если я былъ мертвъ все это время, то это адъ! адъ, безнадежный!

Дрожить всѣми членами.

Значитъ, я проклятъ? О, нѣтъ! Я самъ виноватъ! я поддаюсь на всѣ уловки! Кто можетъ быть глупѣе и подлѣй? Мнѣ нужно бичеваніе, нѣтъ, лучше совсѣмъ лишиться тѣла! Слишкомъ долго я воздерживаюсь! Я чувствую потребность мстить, разить, убивать! какъ-будто въ моей душѣ стадо дикихъ звѣрей. Я бы хотѣлъ, ударами сѣкиры, въ толпѣ... А-а, кинжалъ!..

Бросается на замѣченный ножъ. Ножъ выскальзываетъ изъ его руки, и Антоній остается прислоненнымъ къ стѣнѣ своей хижины; огромный ротъ его раскрытъ, онъ неподвиженъ,—въ катаlepsіи.

Все вокругъ исчезаетъ.

Онъ какъ будто въ Александрію, на Панеумѣ, искусственномъ холмѣ въ центрѣ города, на который ведетъ лѣстница улиткой.

Прямо предъ нимъ лежитъ озеро Марейтисъ, направо море, налѣво поля,—а непосредственно внизу масса плоскихъ крышъ, перерѣзанныхъ съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ двумя улицами, которыя пересѣкаются и образуютъ по всей своей длинѣ цѣпь портиковъ съ коринтскими капителями. Дома, возвышающіеся надъ этой двойной колоннадой, снабжены цвѣтными стеклами въ окнахъ. У нѣкоторыхъ снаружи большія деревянныя клѣтки, гдѣ продуваетъ вѣтеръ.

Монумены различной архитектуры тѣснятся одни около другихъ. Египетскіе пилоны господствуютъ надъ греческими храмами. Обелиски встаютъ какъ копья изъ-за зубцовъ краснаго кирпича. На площадяхъ видѣются Гермесы съ заостренными ушами и Анубисы съ собачьей головой. Антоній различаетъ мозаики во дворахъ и развѣшенные на балкахъ потолка коври.

Онъ охватываетъ однимъ взглядомъ два порта (Большой Портъ и Эвностъ); оба они круглы, какъ цирки, и ихъ раздѣляетъ молъ, связывающій Александрію съ утесистымъ островкомъ, гдѣ подымается четырехугольная башня маяка, высотой въ пятьсотъ локтей и съ девятью этажами; на вершинѣ ея груды дымящагося угля.

Главные порты разрѣзаны малыми внутренними. Молъ съ обохъ концовъ переходитъ въ мостъ на колоннахъ изъ мрамора, водруженныхъ въ море. Подъ нимъ проплываютъ корабли; и тяжелыя габары, нагруженныя товаромъ, таласажныя барки въ рѣзбѣ изъ слоновой кости, гондолы съ тентами, триремы и биремы, суда всѣхъ родовъ, проходятъ или останавливаются у набережныхъ.

Вокругъ Большого Порты непрерывный рядъ царскихъ построекъ: дворецъ Птолемеевъ, Музей, Посидіонъ, Цезареумъ, Тимоніонъ, гдѣ укрывался Маркъ-Антоній, Сома съ могилою Александра;—а на другомъ концѣ города, за Эв-

ностомъ, видны въ предмѣстьѣ фабрики хрустали, ароматовъ и папирусовъ.

Толкаясь снуютъ бродячіе торговцы, носильщики, погонщики ословъ. Кое-гдѣ въ толпѣ жрецъ Осириса со шкурой пантеры на плечѣ, римскій солдатъ въ бронзовомъ шлемѣ, много негровъ. У порога лавочекъ останавливаются женщины, работаютъ ремесленники; и скрипѣнье воевъ разгоняетъ птицъ, подбирающихъ по землѣ обрѣзки мяса и остатки рыбъ.

На однообразную бѣлизну домовъ накинута узоромъ улица какъ бы черная сѣтка. Рынки, полные овощей, выглядятъ зелеными букетами, сушильни красильщиковъ цвѣтными пластинками, золотые орнаменты на фронтонахъ храмовъ сіяющими точками, — и все это заключено въ овальную ограду сѣроватыхъ стѣнъ, подъ сводомъ голубого неба, вблизи неподвижнаго моря.

Но толпа замираетъ и всё смотреть на западъ, откуда движутся огромные вихри пыли.

Это идутъ монахи Фиваиды въ козьихъ шкурахъ, вооруженные дубинами, и рыча воинственный религіозный гимнъ съ припѣвомъ:

„Гдѣ она? гдѣ она?“

Антоній соображаетъ, что они явились набивать арианъ.

Улицы сразу пустѣютъ, и мелькаютъ только ноги.

Теперь Пустынники уже въ городѣ. Ихъ страшныя палки, унизанныя гвоздями, вращаются какъ стальные солнца. Слышенъ грохотъ разбиваемыхъ вещей въ домахъ. Наступаютъ промежутки молчанія. Потомъ снова дикіе крики.

По всему городу въ смятеніи кишитъ испуганный народъ.

Въ рукахъ у многихъ пика. По временамъ двѣ группы сталкиваются, сливаются въ одну; и эта масса скользитъ по каменнымъ плитамъ, разстраивается, таетъ. Но каждый разъ люди съ длинными волосами появляются вновь.

Надъ углами зданій вьются струйки дыма. У дверей соскакиваютъ щеколды. Рухаются части стѣнъ. Падаютъ архитравы.

Антоній встрѣчаетъ поочередно всѣхъ своихъ враговъ. Онъ вспоминаетъ тѣхъ, кого забылъ; прежде чѣмъ убивать, онъ мучитъ ихъ. Вспарываетъ животы, рѣжетъ, колеть, тащеть старцевъ за бороды, давитъ дѣтей, добываетъ раненыхъ.

Мстятъ также за роскошь; неумѣющіе читать рвутъ книги, другіе бьютъ, уничтожаютъ статуи, картины, мебель, ящички, тысячи изящныхъ предметовъ, которыхъ употребленія не знаютъ и за это еще больше ненавидятъ. По временамъ они останавливаются, переводя духъ, и снова начинаютъ.

Жители, укрывшись во дворахъ, трепещутъ. Женщины поднимаютъ къ небу заплаканные глаза и обнаженные руки. Чтобы тронуть Пустынниковъ, онѣ обнимаютъ имъ колѣна; тѣ отталкиваютъ ихъ; и кровь брызжетъ къ потолку, стекаетъ полосами со стѣнъ, струится по обезглавленнымъ трупамъ, наполняетъ акведуки, образуетъ на полу большія красныя лужи.

Антоній вымокъ въ ней по колѣна; она повсюду вокрутъ него; онъ обрызгиваетъ ея капельки со своихъ губъ и вдрагиваетъ отъ наслажденія, чувствуя ее на всемъ своемъ тѣлѣ подъ волосяной туникой, которая напята ею.

Наступаетъ ночь. Страшный шумъ смолкаетъ.

Пустынники исчезли.

Вдругъ на вѣбныхъ галлереяхъ вокругъ девяти этажей маяка Антоній замѣчаетъ черныя полосы—какъ будто усѣвшіея вороны. Онъ бѣжитъ туда и оказывается на вершинѣ.

Большое мѣдное зеркало, обращенное къ открытому морю, отражаетъ корабли на горизонтѣ.

Антоній съ любопытствомъ разглядываетъ ихъ; и по мѣрѣ того какъ онъ смотритъ, число ихъ растеть.

Они толпятся въ заливѣ, имѣющемъ форму полумѣсяца. Саади, на мысу, лежитъ новый городъ римской архитектуры съ каменными куполами, коническими крышами, ровнымъ и голубымъ мраморомъ и массой мѣди въ завиткахъ капителей, на верхахъ домовъ и въ углахъ карнизовъ. Надъ нимъ господствуетъ лѣсъ кипарисовъ. Цвѣтъ моря зеленѣе, воздухъ прохладнѣе. Вдали на горахъ виденъ снѣгъ.

Антоній разыскиваетъ дорогу, какъ вдругъ къ нему подходитъ человѣкъ и говоритъ: „Иди, тебя ждутъ“.

Онъ пересѣкаетъ форумъ, входитъ во дворъ, нагибается у двери; и передъ нимъ фасадъ дворца, украшенный восковой группой, на которой Императоръ Константинъ повергаетъ дракона. Внутри порфирнаго бассейна видна ра-

ковина изъ золота, полная фисташекъ. Проводникъ говорить ему, что ихъ можно брать. Онъ беретъ.

Далѣе, онъ застривается въ переходахъ комнатъ.

На мозаичныхъ стѣнахъ изображены полководцы, подносящіе на ладони Императору ваятые города. И повсюду колонны изъ базальта, рѣшетки серебряной филигранной работы, кресла слоновой кости, вышитые жемчугомъ обои. Свѣтъ льется со сводовъ, Антоній идетъ дальше. Вѣютъ теплыя испаренія; по временамъ онъ слышитъ осторожную поступь сандалій. Стоящіе въ преддверьяхъ стражи,—похожіе на автоматовъ,—держатъ на плечахъ серебряные въ позолотѣ жезлы.

Наконецъ, онъ попадаетъ въ залу, перегороденную въ глубинѣ гіацинтовой занавѣсью. Складки расходятся и открываютъ Императора, который сидитъ на тронѣ, въ фіолетовой туникѣ, и обувь въ красные полусапоги съ черными шнурами.

Жемчужная діадема опоясываетъ его волосы въ правильныхъ завиткахъ. У него тяжелыя вѣки, прямой носъ, хмурое и обрюзглое лицо. Въ углахъ балдахина надъ его головой сидятъ четыре золотыхъ голубя, а у трона два эмалевыхъ льва на заднихъ лапахъ. Голуби начинаютъ ворковать, львы рычать, Императоръ поводитъ глазами, Антоній приближается; и тотчасъ, безъ предвареній, они вступаютъ въ бесѣду. Въ Антиохіи, Эфесѣ и Александріи разграблены храмы и статуи боговъ обращены въ горшки и котлы; Императоръ весело смѣется. Антоній укоряетъ его за терпимость къ новацианамъ. Императоръ раздражается; новаціане, аріане, мелетіане,—все это ему надоѣло. Между тѣмъ онъ въ восторгѣ отъ господствующей церкви: когда христіане смѣщаются епископовъ, которые зависятъ отъ пяти-шести лицъ, достаточно подкупить только ихъ, чтобы привлечь всѣхъ остальныхъ на свою сторону. Онъ самъ не разъ тратилъ на это значительныя суммы. Но онъ ненавидитъ отцовъ Никейскаго Собора.

„Посмотримъ ихъ!“ Антоній слѣдуетъ за нимъ. И они незамѣтно оказываются на террасѣ.

Подъ нею ипподромъ, наполненный народомъ, а надъ нимъ портики, гдѣ прогуливаются остальные зрители. Въ центрѣ арены вытянулась узкая площадка, по длинѣ которой стоитъ маленький храмъ Меркурія, статуя Константина, три свившіяся бронзовыя вѣи, у одного конца большія деревянные яйца, на другомъ семь дельфиновъ хвостами къверху.

Повади Императорскаго павильона, вплоть до перваго этажа церкви, всё окна которой усѣяны женщинами, выстроились рядами Префекты палатъ, Начальники дворцовой стражи, Патрици. Направо трибуна голубыхъ, налѣво зеленыхъ, внизу пикетъ солдатъ, а на уровнѣ арены рядъ коринескихъ арокъ образуесть входы въ клѣтки.

Бѣга скоро начнутся, выравниваютъ лошадей. Высокіе султаны надъ ихъ ушами раскачиваются по вѣтру какъ деревья; и упрямясь, они дергаютъ колесницы, похожія на раковины, которыми правятъ возникше въ разноцвѣтныхъ одеждахъ съ узкими у кистей и широкими въ плечахъ рукавами, съ голыми ногами, въ бородахъ, и съ подстриженными на лбу волосами, какъ принято у гунновъ.

Антонія сначала оглушаетъ гулъ голосовъ. Сверху до низу онъ видитъ только подкрашенные лица, пестрые одѣянія, блестящіе золотыхъ издѣлій; а песокъ арены, совершенно бѣлый, сверкаетъ какъ зеркало.

Императоръ разговариваетъ съ нимъ. Онъ повѣряетъ ему важныя секретныя свѣдѣнія, признается въ убійствѣ сына Криспа, даже совѣтуется о своемъ адоровѣ.

Между тѣмъ Антоній замѣчаетъ рабовъ въ глубинѣ клѣтокъ. Это отцы Никейскаго Собора, жалкіе, въ отрешкахъ. Мученикъ Пафнуцій чиститъ гриву одному коню, Феодилъ моетъ ноги другому, Иоаннъ раскрашиваетъ копыта третьему, Александръ подбираетъ въ корзину навозъ.

Антоній проходитъ среди нихъ. Они стоятъ вереницей, умоляютъ вступить, цѣлуютъ ему руки. Всё свистятъ имъ; и онъ безконечно радъ ихъ униженію. Вотъ онъ уже изъ первыхъ при дворѣ, повѣренный Императора, высшій сановникъ! Константинъ возлагаетъ ему на голову свою діадему. Антоній принимаетъ ее, нисколько не удивляясь этой чести.

И вдругъ изъ темноты выступаетъ огромная зала, освѣщенная золотыми канделябрами.

Колонны, наполовину теряясь въ сумракѣ — настолько онъ высоки — тянутся цѣпью съ внѣшней стороны столовъ, которые идутъ до горизонта, — гдѣ видны въ свѣтломъ туманѣ громады лѣстницъ, ряды аркадъ, колоссы, башни и повади неясный очеркъ дворца; надъ нимъ высятся кедръ, выдѣляясь во мглѣ болѣе темными массами.

Гости, въ вѣнкахъ изъ фіалокъ, опираются локтями на очень низкія лежа. Вдоль обоихъ этихъ рядовъ льютъ вино, наклоня амфоры; — а совѣмъ въ глубинѣ, въ одиночествѣ,

съ тiarою на головѣ и униженный карбункулами, ѣсть и пьеть царь Навуходоносоръ

Справа и слѣва отъ него кадятъ курильницами жрецы въ остроконечныхъ шапочкахъ, выстроившись въ два ряда. Внизу по землѣ ползають плѣнные цари, безъ рукъ и ногъ, и онъ бросаетъ имъ грызть кости; еще ниже сидятъ его братья съ повязками на глазахъ—все они слѣпы.

Протяжный стонъ идетъ изъ глубины эргастуловъ. Нѣжные и тихіе звуки водяного органа чередуются съ хорами голосовъ; и за дверьми чувствуется безпредѣльный городъ, океанъ людей, волны которыхъ бьютъ о стѣны.

Бѣгаютъ рабы, нося блюда. Снуютъ женщины, предлагая напитки; подъ тяжестью хлѣбовъ трещать корзинны; и дромадеръ, навьюченный мѣхами въ дырочкахъ, прохедить взадъ и впередъ, точа вервину для освѣженія пола.

Укротители приводятъ львовъ. Плясуньи съ волосами въ сѣткахъ ходятъ на рукахъ и пынутъ пламенемъ изъ новдрей; фокусники негры кривляются, голые мальчики бросаютъ другъ въ друга комья снѣга, которые плющатся, падая на свѣтлую серебряную посуду. Гулъ голосовъ такъ грохочетъ, что напоминаетъ бурю, и надъ широмъ стоитъ туманъ,—столько тамъ мяса и испареній. По временамъ искра съ большого факела, подхваченная вѣтромъ, пронизываетъ ночь, какъ падающая звѣзда.

Царь отираетъ рукой ароматы съ лица. Онъ ѣсть изъ священныхъ сосудовъ, потомъ бьетъ ихъ; и мысленно онъ исчисляетъ свои флоты, свои войска, свои народы. Черезъ минуту, и въ каприза, онъ сожжетъ свой дворецъ съ гостями. Онъ собирается снова выстроить башню въ Вавилонѣ и свергнуть Бога.

Антоній издали прочитываетъ на его лбу все эти мысли. Онъ овладѣваютъ имъ—и онъ становится Навуходоносоромъ.

Тотчасъ же наступаетъ пресыщеніе отъ излишествъ и крови; и его охватываетъ желаніе пресмыкаться въ ничто-жествѣ. При этомъ, унежеше того, что ужасаетъ людей, есть оскорбленіе ихъ духа, новый способъ одурачить ихъ; а такъ какъ нѣтъ ничего гаже дикаго звѣря, Антоній становится на столѣ на четвереньки и реветъ какъ быкъ.

Вдругъ онъ чувствуетъ боль въ рукѣ, — камешкомъ случайно оцарапавъ ее — и передъ нимъ снова его хижина. Ограда скаль пустынна. Сіяютъ звѣзды. Все тихо.

Еще разъ я обманулся! Откуда эти искушенія? Ихъ пораждаютъ возмущенія плоти. О, я несчастный!

Вѣбгаетъ въ хижину, беретъ связку веревокъ съ металлическими крючками на концахъ, обнажается до пояса, и поднимаетъ глаза къ небу.

Прими мое раскаяніе, о Боже! не отринь его, если оно слабо. Сдѣлай его острымъ, долгимъ, безпредѣльнымъ! Пора, къ дѣлу!

Наноситъ себѣ мощный ударъ.

Ой!.. нѣтъ! нѣтъ! не надо жалости!

Принимается снова.

О! каждый ударъ рветъ мнѣ кожу, разсѣкаетъ члены. Какъ это адски жжется!

Ахъ! это не такъ страшно! дѣлаютъ же другіе. Мнѣ даже кажется...

Перестаетъ.

Еще, трусь, еще! Отлично! отлично! руки, спину, грудь, животъ, всюду! Свищите бичи, грызите меня, раздирайте меня! Пусть капли моей крови брызнутъ до звѣздъ, пусть кости мои затрепещутъ, обнажатся нервы! Тисковъ сюда, дыбу, топленого свинцу! Мученики не такъ еще страдали! не правда ли, Аммонарія?

Тѣчь роговъ Дьявола появляется вновь.

Быть можетъ, меня привязали бы къ колоннѣ рядомъ съ тобой, лицомъ къ лицу, у тебя передъ глазами! Я отвѣчалъ бы на твои вопли стонами, и наши муки слились бы, наши души соединились.

Съ яростью хлещетъ себя.

Вотъ тебѣ еще! еще!.. Но какой-то трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ. Какая боль! Какое наслажденіе! какъ будто поцѣлуй. Мой мозгъ истаиваетъ! умираю!

И онъ видитъ передъ собой трехъ всадниковъ верхомъ на онаграхъ, въ оеленныхъ платьяхъ, съ лиліями въ рукахъ и пологихъ другъ на друга.

Антоній обращивается и видитъ еще трехъ всадниковъ, на такихъ же онаграхъ, въ томъ же положеніи.

Онъ отступаетъ. Тогда онагры воѣ сразу подвигаются на шагъ и начинаютъ тереться объ него мордами, стараясь укусить его одежду. Слышны голоса: „Сюда, сюда, адъсь!“ И въ расщелинахъ горы показываются значки, головы верблюдовъ въ уздечкахъ изъ краснаго шелку, навьюченные

поклажей мулы, и женщины въ желтыхъ покрывалахъ сидятъ по-мужски на пѣгихъ лошадахъ.

Измученныя животныя ложатся, рабы бросаются къ тюкамъ, развертываютъ узорные ковры, раскладываютъ по землѣ блестящіе предметы.

Потряхивая пучкомъ страусовыхъ перьевъ на лобной повязкѣ, приближается бѣлый слонъ въ попонѣ изъ золотой сѣтки.

На его спинѣ, въ подушкахъ голубой шерсти, скрестивъ ноги, полузакрывъ глаза и слегка покачивая головой, сидитъ женщина, такъ ослѣпительно одѣтая, что сіяетъ лучами вокругъ. Всѣ падаютъ ницъ, слонъ подгибаетъ колѣна и

ЦАРИЦА САВСКАЯ

соскальзывая по его плечу, сходитъ на ковры и направляется къ святому Антонію.

Платье изъ золотой парчи, все въ правильныхъ сборкахъ жемчуга, агатовъ и сапфировъ, стягиваетъ ей станъ узкимъ корсажемъ, который отдѣланъ разноцвѣтными нашивками, изображающими двѣнадцать знаковъ Зодіака. Она въ очень высокихъ башмакахъ—изъ нихъ одинъ черный и усѣянъ серебряными звѣздами съ полумѣсяцемъ,—а другой, бѣлый, покрытъ крапинками золота съ солнцемъ въ срединѣ.

Широкіе рукава, убранные изумрудами и птичьими перьями, обнажаютъ маленькую округлую руку съ эбеновымъ браслетомъ у кисти, а пальцы унизаны перстнями и оканчиваются такими острыми ногтями, что похожи на иглы.

Плоская золотая цѣпь, проходя подъ подбородкомъ, восходитъ вдоль щекъ, обвиваетъ спиралью прическу, напудренную голубой пудрой; затѣмъ, спускаясь, касается плечъ и прикрѣпляется къ брильянтовому скорпиону, который удлиняетъ язычекъ между ея грудей. Двѣ огромныхъ блѣдныхъ жемчужины оттягиваютъ ей уши. Вѣки ея по краямъ подкрашены чернымъ. На лѣвой щекѣ отъ природы темное пятнышко; и она дышетъ съ усиленіемъ, какъ будто ее стѣсняетъ платье.

На ходу она помахиваетъ зеленымъ зонтикомъ съ ручкой изъ слоновой кости, на которомъ висятъ алые колокольчики,—и двѣнадцать курчавыхъ негрятъ несутъ ея длинный шлейфъ, а обезьяна поддерживаетъ его конецъ и по временамъ приподымаетъ.

О, прекрасный отшельникъ! прекрасный отшельникъ!
сердце мое замираетъ!

Топая ногой отъ нетерпѣнія, я набила себѣ мозоли на пяткѣ
и сломала одинъ ноготь! Я выслала пастуховъ, которые стояли
на горахъ, приложивъ ладонь къ глазамъ, и охотниковъ,
что выкрикивали твое имя по лѣсамъ, и соглядатаевъ, обо-
шедшихъ всѣ дороги, спрашивая каждого: „гдѣ онъ?“

По ночамъ я плакала, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ.
Мои слезы подъ конецъ промыли два отверстія въ мозаикѣ,
какъ всплески моря на скалахъ, ибо я люблю тебя! О, очень
люблю!

Прикасается къ его бородѣ.

Улыбнись же, прекрасный отшельникъ! Улыбнись! Я очень
весела, увидишь! Я играю на лирѣ, я пляшу какъ пчела, и
я знаю миллионъ исторій одна другой забавѣе.

Ты не повѣришь, что за длинный путь мы совершили.
Взгляни на онагровъ у зеленыхъ скороходовъ, они мертвы
отъ усталости!

Онагры растянулись на землѣ, не двигаясь.

Три великихъ луны они бѣжали съ одинаковой скоростью,
держа въ зубахъ камешекъ, чтобы разсѣкать воздухъ, все
время вытянувъ хвостъ, не разгибая колѣнъ, все время
вскачѣ. Такихъ нѣтъ больше! Они достались мнѣ отъ дѣ-
душки по матери, царя Сагария, сына Якшаба, сына Яраба,
сына Кастана. Ахъ, если бъ они были живы, мы запрягли
бы ихъ въ носилки и быстро возвратились бы домой! Но...
что съ тобой?.. о чемъ ты думаешь?

Всматривается въ него.

О, когда ты будешь моимъ мужемъ, я тебя разодрѣну, я
надушу тебя, остригу.

Антоній неподвиженъ, въ остолбенѣніи, блѣденъ какъ
мертвецъ.

Ты какъ будто грустенъ; тебѣ жаль своей хижинны? Но
я все бросила для тебя, — даже царя Соломона, а онъ вѣдь
очень мудръ, у него двадцать тысячъ боевыхъ колесницъ и
тудная борода!

Я привезла тебѣ свадебные подарки. Выбирай.

Прокаживается между рядами рабовъ и товаровъ.

Вотъ генисаретскій бальзамъ, ладагъ съ мыса Гардефантъ, смолы, киннамона и сильфій, очень вкусный въ соусахъ. Тамъ внутри есть вышивки Ассура, слоновою кость съ Ганга, пурпуръ Элизы; а въ этомъ ящикѣ со свѣгомъ бурдожъ халибона—это вино хранятъ царямъ Ассиріи,—и его пьютъ цѣльнымъ изъ рога единорога. Вотъ ожерелья, застежки, сѣточки, зонты, золотая пудра Ваасы, касситеросъ изъ Тартесса, голубое дерево изъ Пандіо, бѣлые мѣха изъ Исседоніи, карбункулы съ острова Палезимонда, и зубочистки изъ волюсь тахаса,—вымершаго звѣря, котораго выкапываютъ изъ земли. Эти подушки изъ Эмата, а эта бахрома съ плаща—изъ Пальмиры. На этомъ вавилонскомъ коврѣ есть... но подойди же! Подойди же!

Тянетъ святаго Антонія за рукавъ. Онъ противится. Она продолжаетъ:

Эта тонкая ткань, что потрескиваетъ и даетъ искорки, когда трогаешь, знаменитый желтый холстъ отъ купцовъ Бактріи. Имъ нужно сорокъ три переводчика для путешествія. Я закажу тебѣ изъ него платья, которыя ты надѣнешь дома.

Отстегните крючки отъ футляра изъ сикоморы и дайте мнѣ шкатулку слоновою кости, что виситъ на закривѣ у моего слона!

Изъ ящика вытаскиваютъ что-то круглое, завернутое въ покрывало и подаютъ маленькій ларчикъ, покрытый чеканкой.

Хочешь ты цитъ Джіанъ-бень-Джіана, воздвигнушаго Пирамиды? Вотъ онъ! Онъ составленъ изъ семи кожъ дракона, лежащихъ другъ на другѣ, скрѣпленныхъ алмазными винтами, и нѣкогда ихъ пропитали желчью отцеубійцы. На немъ съ одной стороны изображены всѣ войны, что велись съ изобрѣтенія оружія, а съ другого, всѣ войны, что произойдутъ до конца міра. Молнія отсекаиваетъ отъ него, какъ пробковый шарикъ. Я надѣну его тебѣ на руку, и ты пойдешь съ нимъ на охоту.

А если бъ ты зналъ, что у меня въ маленькомъ ящикѣ!

Поверни его, попробуй открыть! Это никому не удастся; обвини меня; я тебя научу.

Береть святого Антонія за обѣ щеки; онъ отталкиваетъ ее.

Въ ту ночь самъ царь Соломонъ терялъ голову. Наконецъ, мы заключили договоръ. Онъ всталъ, и выхода на цыпочкахъ...

Дѣлаетъ пируеть.

Ахъ! Ахъ, прекрасный отшельникъ! Тебѣ не узнать этого! тебѣ не узнать этого!

Потряхиваетъ вонтикомъ, всѣ колокольчики котораго звенять.

И у меня много всякихъ другихъ вещей, взгляни! У меня есть сокровища въ галлерейхъ, гдѣ теряешься, какъ въ лѣсу. Мои зимніе дворцы изъ чернаго мрамора, а лѣтніе сплетены изъ тростниковъ. Посреди озеръ величиною съ море у меня есть острова, круглые какъ серебряная монета, Усыянные жемчугомъ, и ихъ побережія звучатъ при всплескахъ теплыхъ волнъ, набѣгающихъ на песокъ. Рабы съ моихъ кухонь берутъ пернатыхъ изъ моихъ птичниковъ и ловятъ рыбу въ моихъ садкахъ. Рѣзчики непрерывно вырѣзаютъ мои изображенія на твердыхъ камняхъ, задыхающіеся литейщики льютъ мои статуи, изготовители ароматовъ смѣшиваютъ сокъ растений съ укусами и приготавливаютъ тѣста. Мои портнихи кроютъ мнѣ матеріи, ювелиры дѣлаютъ драгоценности, искусныя женщины избрѣтаютъ для меня прически, и прилежные мастера заливаютъ мои украшенія кипящей смолой, охлаждая ее опахалами. Моихъ служанокъ хватило бы на цѣлый гаремъ, внуковъ на цѣлое войско. У меня есть войска, у меня есть народы! У меня въ приѣмной гвардія карликовъ съ трубами слоновой кости на спинахъ.

Антоній вздыхаетъ.

У меня есть упряжки газелей, четверни слоновъ, сотни паръ верблюдовъ, и кобылы съ такой длинной гривой, что путаются въ ней, когда скачутъ, и стада съ такими огромными рогами, что нужно вырубать лѣса, гдѣ они должны пасться. У меня въ садахъ бродятъ жирафы и достаютъ

мордами до края моей террасы, когда я отдыхаю послѣ обѣда.

Усѣвшись въ раковину, которую везутъ дельфины, я прогуливаюсь по гротамъ, слушая какъ падаютъ капли со сталактитовъ. Я плыву въ край алмазовъ, гдѣ мои друзья маги предлагаютъ мнѣ на выборъ лучшіе; затѣмъ я выхожу на землю и возвращаюсь домой.

Она пронзительно свиститъ,—и большая птица, спускаясь съ неба, садится на верхушку ея прически, съ которой осыпается голубая пудра.

Ея опереніе, оранжеваго цвѣта, состоитъ какъ бы изъ металлическихъ чешуекъ. Маленькая головка съ серебрянымъ хохолкомъ выглядитъ человѣческимъ лицомъ. У ней четыре крыла, ястребинныя лапы и огромный павлиній хвостъ, который она распускаетъ за собой кольцомъ.

Она хватается клювомъ вонтикъ Царицы, покачивается слегка, стремясь къ равновѣсію, потомъ топорщитъ перья и остается неподвижной.

Благодарю, прекрасный Симоргъ-анка! ты указалъ мнѣ, гдѣ скрывался возлюбленный! Благодарю, благодарю, посланикъ моего сердца!

Онъ крылатъ, какъ желаніе. Онъ облетаетъ міръ въ теченіе дня. Вечеромъ онъ возвращается; садится у ногъ моего ложа, рассказываетъ мнѣ, что видѣлъ, о моряхъ съ рыбами и кораблями, проплывавшими внизу, о великихъ безлюдныхъ пустыняхъ, что созерцалъ съ высоты неба, о посѣвахъ, что склонялись по полямъ, и о растеніяхъ на развалинахъ покинутыхъ городовъ.

Въ томленіи ломаетъ руки.

О, если бъ ты захотѣлъ, если бъ ты захотѣлъ!.. У меня есть павильонъ на мысѣ по срединѣ перешейка, между двухъ океановъ. Онъ выложенъ стеклянными пластинками, устланъ черепаховыми чешуйками, и открытъ четыремъ вѣтрамъ неба. Съ верху мнѣ видно, какъ возвращаются мои флоты и взбираются на холмъ народы съ тяжестими на плечахъ. Мы спали бы на пуху нѣжныя облаковъ, пили бы прохладныя напитки, наполняя ими плоды, и мы смотрѣли бы на солнце сквозь изумруды! Идемъ!

Антоній отступаетъ. Она приближается и говоритъ съ раздраженіемъ:

Какъ? ни богатая, ни завлекающая, ни влюбленная? Тебѣ мало всего этого? ты хочешь сладострастную, жирную, съ хриплымъ голосомъ, огненными волосами и пышнымъ тѣломъ? Предпочитаешь ты холодную, какъ кожа змѣй, или большіе черные глаза, мрачнѣе таинственныхъ пещеръ? смотри, вотъ моя!

Антоній, противъ воли, смотреть.

Всѣ тѣ, кто попадался на твоей дорогѣ, начиная съ дѣвочки на перекресткѣ, что поетъ подѣ фонаремъ, до патриціанки, роняющей лепестки розъ съ высоты носилокъ, все, что ты видѣлъ, всѣ образы твоихъ желаній — требуй ихъ! Я не женщина, я мѣръ. Мои одежды только чтобы падать, и ты найдешь во мнѣ лѣстницу тайнъ!

Антоній скрежещетъ зубами.

Положивъ свой палецъ на мое плечо, ты ощутишь какъ бы потоки пламени во всемъ существѣ. Обладаніе малѣйшей частью моего тѣла дастъ тебѣ больше живой радости, чѣмъ покореніе имперіи. Приблизь же губы! У моихъ поцѣлуевъ вкусъ плода, который растаетъ въ твоемъ сердцѣ! О! какъ ты забудешься сейчасъ среди моихъ волосъ, вдыхая мою грудь, плѣняясь моимъ станомъ и въ пламени моихъ лучей, въ моихъ объятіяхъ, въ вихрѣ...

Антоній дѣлаетъ крестное знаменіе.

Ты презираешь меня! прощай!

Удалается, плача, затѣмъ возвращается:

Никакихъ колебаній? а я такъ прекрасна!

Смѣется, и обезьяна, поддерживающая конецъ ея шлейфа, приподнимаетъ его.

Ты расквѣешься, прекрасный отшельникъ, будешь вздыхать! ты соскучишься! а мнѣ смѣшно! тра-та-та-та! ха-ха-ха-ха!

Уходитъ, закрывъ лицо руками, подпрыгивая на одной ногѣ.

Мимо святого Антонія тянутся рабы, лошади, дромадеры, слонъ, служанки, вновь навьюченные мулы, негрятата, обезьяна, зеленые скороходы съ лиліями въ рукавъ;— и Царица Савская удаляется, захлебываясь въ судо-

рожныхъ стонахъ; это похоже на рыданіе или на хохотъ.

III.

Послѣ ея ухода Антоній замѣчаетъ ребенка на порогѣ своей кибитки.

Это кто-нибудь изъ слугъ Царицы, думаетъ онъ.

Ребенокъ этотъ ростомъ не больше карлика, но коренастъ какъ Кабирь, кривобока, жалкаго вида. Его немновѣрно большая голова покрыта сѣдыми волосами; и онъ дрожить подъ плохой туникой, держа въ рукѣ свертокъ папируса.

Свѣтъ луны, на которую набѣжало облако, падаетъ на него.

АНТОНІЙ

наблюдаетъ за нимъ издали съ жуткимъ чувствомъ.

Кто ты?

РЕБЕНОКЪ

отвѣчаетъ:

Твой прежній ученикъ Иларіонъ!

АНТОНІЙ.

Ложь! Иларіонъ уже много лѣтъ живетъ въ Палестинѣ.

ИЛАРИОНЪ.

Я вернулся оттуда! да, конечно, это я!

АНТОНІЙ

приближается и разсматриваетъ его.

Но его лицо сіяло, какъ заря, было открыто, радостно.

А ты мраченъ и старъ.

ИЛАРИОНЪ.

Долгій трудъ истомилъ меня!

АНТОНІЙ.

И голосъ не тотъ. Въ немъ есть что-то леденящее.

ИЛАРИОНЪ.

Это потому, что я питался горькимъ!

АНТОНІЙ.

А сѣдые волосы?

ИЛАРИОНЪ.

Я столько страдалъ!

АНТОНІЙ.

въ сторону:
Возможно ли?

ИЛАРІОНЪ.

Я не былъ такъ далеко, какъ ты предполагаешь. Отшельникъ Павелъ посѣтилъ тебя въ этомъ году, въ мѣсяцъ шебарѣ. Ровно двадцать дней назадъ Номады принесли тебѣ хлѣба. Позавчера ты просилъ матроса достать тебѣ три шила.

АНТОНІЙ.

Ему извѣстно все!

ИЛАРІОНЪ.

Знай притомъ, что я и не покидалъ тебя никогда. Но ты подолгу совсѣмъ не замѣчаешь меня.

АНТОНІЙ.

Какъ такъ? Правда, въ головѣ моей такой туманъ! Въ особенности сегодня ночью...

ИЛАРІОНЪ.

Предстали всѣ Смертныя Грѣхи. Но ихъ жалкія козни рушатся предъ такимъ Святымъ какъ ты.

АНТОНІЙ.

О, нѣтъ! нѣтъ! Ежеминутно я поддаюсь слабости! Почему я не изъ тѣхъ, чьи души всегда безтрепетны и духъ твердъ,— какъ великій Аѳанасій, напимѣръ.

ИЛАРІОНЪ.

Его незаконно рукоположили семь епископовъ!

АНТОНІЙ.

Что же изъ этого? если его доблесть...

ИЛАРІОНЪ.

Ну, полно! гордецъ, жестокій, вѣчно въ проискахъ, и, наконецъ, изгнанъ за корыстолюбіе.

АНТОНІЙ.

Клѣвета!

ИЛАРІОНЪ.

Ты не будешь отрицать, что онъ хотѣлъ соблазнить Евстафія, хранителя приношеній?

Г. Флаберъ. Искушеніе Св. Антонія.

3

АНТОНІЙ.

Дѣйствительно, говорятъ.

ИЛАРИОНЪ.

Онъ изъ мести сжегъ домъ Арсенія!

АНТОНІЙ.

Увы!

ИЛАРИОНЪ.

На Никейскомъ Соборѣ онъ сказалъ, говоря объ Иисусѣ:
„человѣкъ Господа“.

АНТОНІЙ.

О, это богохульство!

ИЛАРИОНЪ.

Впрочемъ, онъ такъ ограниченъ, что сознается въ непониманіи природы Слова.

АНТОНІЙ

улыбаясь отъ удовольствія:

Въ самомъ дѣлѣ, его умъ не очень... возвышенъ.

ИЛАРИОНЪ.

Если бы его мѣсто занялъ ты, это было бы большимъ счастьемъ и для твоихъ братьевъ и для тебя. Жизнь вдали отъ всѣхъ нехороша.

АНТОНІЙ.

Напротивъ! Человѣкъ, будучи духомъ, долженъ бѣжать земного глѣна. Всякое дѣйствіе принижаетъ его. Я желалъ бы совсѣмъ не касаться земли,—даже подошвами ногъ!

ИЛАРИОНЪ.

Ты лицемѣръ и удаляешься въ пустыню, чтобы полнѣй предаться чрезмѣрности своихъ желаній! Ты отказываешься отъ мяса, бань, вина, рабовъ и почестей; но вѣдь взамѣнъ воображеніе доставляетъ тебѣ пиры, ароматы, голыхъ женщинъ и рукоплесканія толпы! Цѣломудріе твое только болѣе тонкій развратъ, а презрѣніе къ міру безсильная злоба на него! Это-то и дѣлаетъ всѣхъ васъ такими унылыми—быть можетъ еще и сомнѣнія. Обладаніе истиной даетъ радость. Развѣ Христосъ былъ печаленъ? Онъ шествовалъ среди друзей, отдыхалъ въ тѣни маслины, шелъ къ мытарю, умножалъ

чаши, прощая грѣшницѣ, испѣляя всѣ скорби. Ты же сострадаешь только собственному убожеству. Какъ будто угрызение совѣсти и дивное безуміе руководить тобой, — ты способенъ отвергнуть даже ласку пса, улыбку ребенка.

АНТОНІЙ

разражается рыданьями:

Довольно! довольно! ты слишкомъ взволновалъ мое сердце!

ИЛАРІОНЪ.

Страхни насѣкомыхъ со своихъ лохмотьевъ! Выйди изъ этой грязи! Твой Богъ не Молохъ, который требуетъ въ жертву тѣла!

АНТОНІЙ.

Однако, страданіе благословенно. Херувимы склоняются, чтобы приобщиться крови исповѣдниковъ.

ИЛАРІОНЪ.

Тогда восхищайся Монтанистами! они превосходятъ всѣхъ другихъ.

АНТОНІЙ.

Но вѣдь мучениковъ создаетъ истинность ученія!

ИЛАРІОНЪ.

Какъ могутъ они доказать его правду, одинаково свидѣтельствуя и въ пользу заблужденія?

АНТОНІЙ.

Замолчи, ехидна!

ИЛАРІОНЪ.

Это, можетъ быть, не такъ трудно. Увѣщанія друзей, радость, что оскорбляешь народъ, данная клятва, нѣкоторое ошьяненіе, тысячи обстоятельствъ помогаютъ имъ.

Антоній удаляется отъ Иларіона. Тотъ слѣдуетъ за нимъ.

Притомъ, этотъ способъ умирать влечетъ большія неудобства. Діонисій, Кипріанъ и Григорій уклонились отъ него. Петръ Александрійскій осудилъ его, и Эльвирскій соръ...

АНТОНІЙ

загибаетъ уши.

Не слушаю больше!

ИЛАРИОНЪ

возвышая голосъ:

И вотъ ты впадаешь въ свой обычный грѣхъ—лѣнность. Невѣжество есть пѣна гордости. Говорятъ: „Я убѣжденъ, къ чему спорить?“ и презираютъ учителей, философовъ, преданіе, даже текстъ Закона, котораго не знаютъ. Ты думаешь, что мудрость у тебя въ рукахъ?

АНТОНІЙ.

Я всегда ее слышу! Ея гремящія слова наполняютъ мнѣ голову.

ИЛАРИОНЪ.

Усилія понять Бога скорѣе тронуть его, чѣмъ твои истязанія. Въ насъ цѣнна только жажда Истины. Одна Религія не объясняетъ всего; и разрѣшеніе вопросовъ, которыхъ ты не признаешь, можетъ сдѣлать ее неприступнѣе и выше. Итакъ, для ея спасенія, надо общаться съ ея чадами — иначе Церковь, союзъ вѣрныхъ, стала бы пустымъ звукомъ, — и выслушивать всѣ доводы, не гнушаясь ничѣмъ и никѣмъ. Волшебникъ Валаамъ, поэтъ Эсхилъ и Сивилла Кумская пророчествовали о Спасителѣ. Діонисій Александрійскій получилъ съ Небесъ повелѣніе читать всѣ книги. Святой Климентъ повелѣваетъ поощрять письменность грековъ. Гермасъ былъ обращенъ призракомъ женщины, которую нѣбогда любилъ.

АНТОНІЙ.

Какая властная рѣчь! Мнѣ кажется, что ты становишься выше...

Дѣйствительно, тѣло Иларіона все увеличивается; и Антоній, чтобы не видѣть его больше, закрываетъ глаза.

ИЛАРИОНЪ.

Успокойся, добрый отшельникъ!

Сядемъ вотъ здѣсь, на этомъ большомъ камнѣ, — какъ прежде, когда при первомъ проблескѣ дня я привѣтствовалъ тебя и называлъ „ясной звѣздой утра“; а ты сейчасъ же начиналъ свои поученія. Они не окончены. Луна достаточно свѣтла. Я слушаю.

Вынимаетъ изъ-за пояса очиненную тростинку; и скрестивъ на землѣ ноги, со свиткомъ папируса въ рукѣ, подымаетъ взоръ на святого Антонія, который сидитъ рядомъ, попрежнему склонивъ голову.

Послѣ минутнаго молчанія Иларіонъ продолжаетъ:

Слово Божіе, не правда ли, подтверждено намъ чудесами? Однако, ихъ производили маги Фараона; могутъ производить и другіе обманщики; при этомъ можно впасть въ заблужденіе. Итакъ, что же такое чудо? Событіе, которое кажется намъ какъ бы внѣ природы. Но знаемъ ли мы все ея могущество? и изъ того, что нѣчто обыденное не удивляетъ насъ, слѣдуетъ ли, что мы его понимаемъ?

АНТОНІЙ.

Это неважно! нужно вѣрить Писанію!

ИЛАРИОНЪ.

Святой Павелъ, Оригенъ и многіе другіе понимали его не дословно; но если объяснять аллегоріями, оно дѣлается достояніемъ немногихъ и очевидность истины теряется. Какъ быть?

АНТОНІЙ.

Положиться на Церковь!

ИЛАРИОНЪ.

Значить, Писаніе бесполезно?

АНТОНІЙ.

Ничуть! хотя въ Ветхомъ Завѣтѣ, правда, есть... неясности... Зато Новый сіяетъ чистымъ свѣтомъ.

ИЛАРИОНЪ.

Однако, у Матѳея ангелъ благовѣстія является Іосифу, а у Луки—Маріи. Помазаніе Іисуса женщиною происходитъ по первому евангелисту въ началѣ его общественнаго служенія, а по тремъ остальнымъ незадолго до смерти. Напитокъ, предлагаемый на Голгоѣѣ, у Матѳея укусъ съ желчью, у Марка вино и мирра. По Лукѣ и Матѳею, апостолы не должны брать ни серебра, ни сумы, даже обуви и посоха; у Марка, напротивъ, Іисусъ не позволяетъ имъ имѣть ничего кромѣ обуви и посоха. Я теряюсь!

АНТОНІЙ

съ наумленіемъ:

Въ самомъ дѣлѣ... въ самомъ дѣлѣ...

ИЛАРІОНЪ.

Касаясь кровоточивой, Іисусъ обернулся, говоря: „Кто прикоснулся ко мнѣ?“ Значить, Онъ не зналъ, кто до него дотронулся? Это противорѣчитъ всевѣдѣнію Іисуса. Если гробницу охраняли стражи, женщинамъ не нужно было заботиться о помощи, чтобъ поднять камень этой гробницы. Значить, отсутствовали стражи, или святыя жены не были тамъ. Въ Эммаусѣ онъ веушаетъ со своими учениками и даетъ имъ осязать свои раны. Это человѣческое тѣло, матеріальный предметъ, вѣсомый, и однако онъ проходитъ сквозь стѣны. Развѣ это возможно?

АНТОНІЙ.

Нужно было бы много времени, чтобы тебѣ отвѣтить!

ИЛАРІОНЪ.

Зачѣмъ сходить на него Святой Духъ, разъ онъ Сынь? Для чего ему крещеніе, если онъ Слово? Какъ могъ Дьяволъ искушать его, Бога?

Развѣ эти мысли никогда тебя не посѣщали?

АНТОНІЙ.

О, да!.. часто! Заглушенные или бѣснуясь, онѣ живутъ въ моемъ сознаніи. Я сокрушаю ихъ, онѣ приходятъ вновь, душатъ меня; и по временамъ мнѣ кажется, что я проклять.

ИЛАРІОНЪ.

Тогда тебѣ не для чего служить Богу?

АНТОНІЙ.

Я всегда жажду обожать Его!

Послѣ долгаго молчанія

ИЛАРІОНЪ

продолжаетъ:

Но внѣ догмы намъ дана полная свобода исканій. Хочешь ли ты знать іерархію Ангеловъ, магическую силу Чисель, смыслъ зародышей и метаморфозъ?

АНТОНІЙ.

Да, да! мысль моя рвется изъ тюрьмы. Мнѣ кажется, что напрягая силы я смогу. По временамъ даже, на мгновѣніе, я какъ бы отдѣляюсь отъ земли; затѣмъ, снова падаю!

ИЛАРІОНЪ.

Тайна, которую ты ищешь, хранится мудрыми. Они живутъ въ далекой странѣ, сидятъ подъ гигантскими деревьями, въ бѣлыхъ одеждахъ и спокойны какъ Боги. Ихъ питаетъ теплый воздухъ. Леопарды ходятъ вокругъ по лужайкамъ. Журчанье ручьевъ и ржаніе единороговъ сливается съ ихъ голосами. Ты ихъ услышишь; и ликъ Невѣдомаго откроется тебѣ!

АНТОНІЙ

вздыхая:

Путь дологъ, а я старъ!

ИЛАРІОНЪ.

О! знающіе люди не такъ рѣдки! Есть даже совсѣмъ близко отъ тебя, здѣсь!—Идемъ!

IV.

И передъ Антоніемъ огромная базилика.

Изъ глубины падаетъ удивительный свѣтъ, какъ бы отъ многоцвѣтнаго солнца. Онъ освѣщаетъ безконечное множество людскихъ головъ, которыя наполняютъ нефъ и переливаются между колоннъ, къ дальнему углу, —гдѣ въ деревянныхъ отдѣленіяхъ видны алтари, ложа, цѣпочки изъ маленькихъ голубыхъ камней и изображенныя на стѣнахъ соавѣдія.

Въ толпѣ, кое-гдѣ, останавливаются группы. Мужчины, стоя на скамьяхъ, проповѣдуютъ, поднявъ палецъ; другіе молятся, скрестивъ руки, лежатъ на полу, поютъ гимны или пьютъ вино; за однимъ столомъ вѣрные совершаютъ вечерю; мученики распеленываютъ части тѣла, показывая раны; старцы, опершись на посохи, рассказываютъ о своихъ странствіяхъ.

Среди нихъ есть германцы, обитатели Фракіи и Галліи, Скиѣи и Индіи—со снѣгомъ на бородахъ, перьями въ во-

лосахъ, иглами въ бахромахъ одеждъ, съ почернѣвшими отъ пыли сандалями и сожженной солнцемъ кожей. Мелькаютъ всевозможныя одежды, пурпурныя плащи и платья изъ льна, расшитыя далматики, военныя шерстяныя плащи, матросскія шапочки, митры епископовъ. Глаза у всѣхъ сверкаютъ. Они похожи на палачей или на евнуховъ.

Иларіонъ подвигается впередъ среди нихъ. Всѣ привѣтствуютъ его. Антоній, прижимаясь къ его плечу, наблюдаетъ за ними. Онъ замѣчаетъ много женщинъ. Нѣкоторыя одѣты по-мужски, съ остриженными волосами; ему становится жутко.

И Л А Р І О Н Ъ.

Это христіанки, обратившія своихъ мужей. Впрочемъ, женщины всегда за Иисуса, даже язычницы, доказательство—Прокула, жена Пилата и Поппея, любовница Нерона. Не бойся! впередъ!

Безпрерывно появляются новыя.

Ихъ все больше, они раздвигаются, легкія какъ тѣни, производя сильный шумъ, гдѣ сливается рычанье бѣшенства, стоны любви, гимны и брань.

А Н Т О Н І Й

тихо:

Чего они хотятъ?

И Л А Р І О Н Ъ.

Господь сказалъ: „Я буду говорить вамъ еще о многомъ“. Они знаютъ это многое.

И онъ толкаетъ его къ золотому трону съ пятью ступенями, гдѣ, окруженный девятью учениками, которые умащены масломъ, худы и очень блѣдны, воссѣдаетъ пророкъ Манесъ,—прекрасный какъ архангелъ, неподвижный какъ статуя, въ индійскомъ одѣяніи, съ карбункулами въ заплетенныхъ волосахъ; въ лѣвой его рукѣ книга съ рисунками, подъ правой глобусъ. На рисункахъ изображены созданія, дремавшія въ хаосѣ. Антоній наклоняется, чтобы взглянуть.

М А Н Е С Ъ

поворачиваетъ свой глобусъ; и соразмѣряя слова съ лирой, которая звучитъ кристально, произноситъ:

Земля небесная у высшаго предѣла, земля смертная у

низшаго предѣла. Ее поддерживаютъ два ангела, Сплендентенсъ и Омофоръ съ шестью лицами.

На вершинѣ самаго высокаго неба пребываетъ безстрастное Божество; ниже, лицомъ къ лицу, Сынъ Божій и Князь тьмы.

Когда тьма приблизилась къ его царству, Богъ извлекъ изъ своей сущности силу, которая произвела перваго человѣка; и онъ надѣлилъ его пятью свойствами. Но демоны тьмы отняли у него одну часть, и эта часть—душа.

Есть только одна душа—разлитая повсюду, какъ воды рѣки, у которой много рукавовъ. Это она вздыхаетъ въ вѣтрѣ, скрежещетъ въ мраморѣ подъ пилой, воетъ голосомъ моря; и она плачетъ молочными слезами, когда срываютъ листья смоковницы.

Души, покинувъ этотъ міръ, переселяются на звѣзды, которыя одушевлены.

АНТОНІЙ

смѣется.

Какая бессмысленная выдумка!

ЧЕЛОВѢКЪ

безъ бороды и суроваго вида:

Почему?

Антоній хочетъ отвѣчать. Но Иларіонъ шепчетъ ему, что этотъ человѣкъ великій Оригенъ; а

МАНЕСЪ

продолжаетъ:

Сначала онѣ останавливаются на луиѣ, гдѣ очищаются. Затѣмъ восходятъ къ солнцу.

АНТОНІЙ

тихо:

Не знаю... что намъ мѣшаетъ... вѣрить въ это.

МАНЕСЪ.

Цѣль всякаго созданія есть освобожденіе небеснаго луча, заключеннаго въ матеріи. Онъ улетаетъ съ большей легкостью въ запахахъ, пряностяхъ, ароматѣ стараго вина, въ легкихъ вещахъ, которыя похожи на мысли. Но дѣйствія жизни задерживаютъ его. Убійца возродится въ тѣлѣ се-

лефа, умерщвляющий животное станетъ этимъ животнымъ; если ты сажаешь виноградную лозу, ты будешь связать ея вѣтвями. Питаніе заглушаетъ его. Итакъ, воздерживайтесь! поститесь!

ИЛАРИОНЪ.

Они умѣренны, какъ ты видишь!

МАНЕСЪ.

Его много въ мясѣ, меньше въ травахъ. Впрочемъ, Чистые, благодаря своимъ заслугамъ, лишаютъ растительность этой свѣтоносной части и она восходитъ къ своему очагу. Животныя, размножаясь, заточаютъ ее въ тѣлѣ. Итакъ, бѣгите женщинъ!

ИЛАРИОНЪ.

Удивляйся ихъ воздержанію!

МАНЕСЪ.

Или, лучше, дѣлайте такъ, чтобы онѣ были бесплодны.— Для души лучше пасть на землю, чѣмъ изнывать въ тѣлесныхъ путяхъ!

АНТОНІЙ.

О, мерзость!

ИЛАРИОНЪ.

Что значить рядъ этихъ гнустостей? Вѣдь Церковь же сдѣлала изъ брака таинство!

САТУРНИНЪ

въ сирійской одеждѣ:

Онъ питаетъ прискорбный строй жизни! Отецъ, желая наказать мятежныхъ ангеловъ, приказалъ имъ создать міръ. Христосъ явился, чтобы Богъ іудеевъ, который былъ однимъ изъ этихъ ангеловъ...

АНТОНІЙ.

Ангель? Онъ! Творецъ!

БЕРДОНЪ.

Развѣ онъ не желалъ убить Моисея, обмануть своихъ пророковъ, соблазнить народы, распространить ложь и идолопоклонство?

МАРКІОНЪ.

Конечно, Творецъ не есть истинный Богъ!
 святой КЛИМЕНТЬ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ.
 Матерія вѣчна!

ВАРДЕСАНЪ,

одѣтый вавилонскимъ магомъ:
 Она была произведена Семью планетными Духами.

ГЕРНІАНЪ.

Ангелы создали души!
 ПРИСЦИЛІАНЪ.
 Дьяволъ создалъ міръ!

АНТОНІЙ

отскакиваетъ назадъ:
 О, ужась!

ИЛАРІОНЪ

поддерживая его:

Ты слишкомъ скоро отчаиваешься! Ты плохо понимаешь
 ихъ ученіе. Вотъ нѣкто, воспринявшій его отъ Θεодата,
 друга святого Павла. Выслушай его!

И по знаку Иларіона выступаетъ

ВАЛЕНТИНЪ

въ туникѣ изъ серебрястой ткани; у него хриплый го-
 лось и острый черепъ:

Мірѣ есть созданіе безумнаго Бога.

АНТОНІЙ

опускаетъ голову.

Созданіе безумнаго Бога!..

Послѣ долгаго молчанія:

Какимъ образомъ?

ВАЛЕНТИНЪ.

Совершеннѣйшее изъ существъ, Эоновъ, Бездна, почивала
 въ лонѣ Глубины съ Мыслью. Изъ ихъ союза возникъ Умъ,
 подрутой котораго стала Истина.

Умъ и Истина породили Слово и Жизнь, тѣ, въ свою
 очередь, Человѣка и Церковь;—и это составляетъ восемь
 Эоновъ!

Считаетъ по пальцамъ.

Слово и Истина произвели десять другихъ Эоновъ, то есть пять паръ. Человѣкъ и Церковь—двѣнадцать другихъ, и между ними Параклета и Вѣру, Надежду и Милосердіе, Совершенство и Мудрость, Софію.

Совокупность этихъ тридцати Эоновъ составляетъ Плерому, или Всебытіе Бога. Такимъ образомъ, какъ эхо голоса, который удаляется, какъ струйки улетающаго благоуханія, какъ свѣтъ заходящаго солнца, постепенно понижаются Могущества, испещрившія отъ Начала.

Но Софія, желая познать Отца, устремилась за предѣлы Плеромы; — и тогда Слово создало другую пару, Христа и Святого Духа, который соединилъ между собой Эоны; и всѣ вмѣстѣ они дали Иисуса, цвѣтокъ Плеромы.

Между тѣмъ, порывъ Софіи къ бѣгству оставилъ въ пустотѣ ея образъ, дурную сущность, Ахарамоеъ. Спаситель жалился надъ нею, освободилъ ее отъ страстей; — и изъ улыбки освобожденной Ахарамоеъ родился свѣтъ; ея слезы обратились въ воды, ея скорбь произвела черную матерію. Ахарамоеъ стала матерью Деміурга, сотворившаго міры, небеса и Дьявола. Онъ обитаетъ гораздо ниже Плеромы, даже не замѣчая ее, такъ что считаетъ себя истиннымъ Богомъ, и повторяетъ устами своихъ пророковъ: „Нѣтъ иного Бога, кромѣ меня!“ Затѣмъ онъ создалъ человѣка, и бросилъ ему въ душу духовныя сѣмена; это была Церковь, отблескъ другой Церкви, обитавшей въ Плеромѣ.

Ахарамоеъ, въ нѣкій день, достигнувъ высшей области, соединится со Спасителемъ; огонь, скрытый въ мірѣ, уничтожитъ всю матерію, пожретъ самъ себя, и люди, сдѣлавшись чистыми духами, обрчатся съ ангелами!

О Р И Г Е Н Ъ.

Тогда Демонъ будетъ побѣжденъ, и начнется Царство Божіе!
Антоній сдерживаетъ крикъ; и тотчасъ его беретъ за локоть

В А С И Л И Д Ъ.

Высшее Существо съ безконечными излученіями называется Абракасъ, а Спаситель со всѣми своими добродѣте-

лями Каулакау, иначе линія надъ линіей, прямизна надъ прямизной.

Силу Каулакау получаютъ съ помощью нѣкоторыхъ словъ, написанныхъ на этомъ халцедонѣ, чтобы облегчить память.

И онъ показываетъ у себя на шеѣ камешекъ, на которомъ вырѣзаны причудливыя строки.

Тогда ты будешь перенесенъ въ Невидимое; и ставъ выше закона, ты будешь презирать все, даже добродѣтель.

Мы же, Чистые, мы должны бѣжать страданія, по примѣру Каулакау.

АНТОНІЙ.

Какъ? а крестъ?

ЭЛЕКСАНТЫ

въ гѣциановыхъ платьяхъ отвѣчаютъ ему:

Скорбь, ничтожество, проклятіе и угнетеніе нашихъ отцовъ уничтожены благодаря пришествію посланнаго!

Можно отрицать Христа низшаго, челоуѣка-Иисуса; но нужно поклоняться другому Христу, родившемуся въ его лицѣ изъ-подъ крыла Голубицы.

Почитайте бракъ! Духъ Святой Женскаго рода!

Иларіонъ исчезъ; и Антоній, тѣснымъ толпой, оказывается передъ

КАРПОКРАТІАНАМИ,

которые расположились съ женщинами на багряныхъ подушкахъ:

Прежде чѣмъ возвратиться къ Единому, ты пройдеши черезъ рядъ условій и дѣйствій. Чтобы избавиться отъ мрака, исполняй огниыя его дѣла! Супругъ скажетъ сейчасъ супругѣ: „Окажи милость брату“, и она поцѣлуетъ тебя.

НИКОЛАИТЫ

сидятъ вокругъ дымящагося кушанья:

Это идоложертвенное мясо; попробуй! Отступничество дозволено, когда сердце чисто. Насыщай тѣло тѣмъ, чего оно требуетъ. Старайся истощить его распутствомъ! Пруникось, мать Неба, погрязала въ безстыдствахъ.

Съ

МАРКОСИАНЪ

въ золотыхъ кольцахъ струится бальзамъ:

Приди къ намъ, чтобы соединиться съ Духомъ!

Приди къ намъ, чтобы испытъ безсмертія!

И одинъ изъ нихъ показываетъ ему, за пологомъ, тѣло
человѣка съ головой осла. Это изображеніе Савасаеа, отца
Дьявола. Въ знакъ ненависти онъ плюетъ на него.

Другой открываетъ очень низкое ложе, усыпанное цвѣ-
тами и говорить:

Сейчасъ исполнятся духовные браки.

У третьяго хрустальная чаша, онъ взываетъ; въ ней
появляется кровь.

А! вотъ она! вотъ она! кровь Христова!

Антоній отскакиваетъ. Но его обрызгиваютъ водой изъ
какого-то чана.

Г Е Л Ъ В И Д І А Н Е

бросаются туда, головой внизъ и бормочутъ:

Человѣкъ, возрожденный крещеніемъ, безгрѣшенъ!

Затѣмъ онъ проходитъ вблизи большого огня, гдѣ грѣются
адамиты, совершенно голые, подражая райской чистотѣ; и
онъ сталкивается съ

М Е С С А Л І А Н А М И

которые валяются на землѣ, въ полудремотѣ, оцѣпе-
нѣвъ:

О! дави насъ, если хочешь, мы не двинемся! Трудъ есть
грѣхъ, всякое занятіе скверна!

За ними отвратительные

П А Т Е Р Н І А Н Е

мужчины, женщины и дѣти, всё вмѣстѣ на кучѣ гравя,
подымаютъ противныя лица, испачканныя виномъ:

Низшія части тѣла, созданныя Дьяволомъ, ему и при-
надлежать. Пейте, ѣшьте, распутничайте!

Э Т І Й.

Преступленія суть потребности, которыя ниже взгляда Бога!

Но вдругъ изъ ихъ толпы выскакиваетъ

М У Ж Ч И Н А

въ карагенскомъ плащѣ, со связкой ремней въ рукѣ; и
стегая безъ разбору направо и налево, бѣшено кричить:

А! луны, разбойники, симоніане, еретики и демоны! червь
школь, подошки ада! Этотъ, Маркіонъ—матросъ изъ Синопа,
отлученный за кровосмѣшеніе; Карпократа изгнали какъ

мага; Этій укралъ свою любовницу, Николай продавалъ жену; а Манесъ, называющій себя Буддой, и имя котораго Кубрикъ, былъ живо ободранъ остриемъ тростника, такъ что его сохшаяся кожа качается на воротахъ Ктезифона!

АНТОНІЙ

узнаетъ Тертуллиана, и бросается къ нему.
Учитель! ко мнѣ! ко мнѣ!

ТЕРТУЛЛІАНЪ

продолжая:

Разбивайте иконы! закрывайте лица дѣвушекъ! Молитесь, поститесь, плачьте, умерщвляйте плоть! прочь философію! прочь книги! послѣ Иисуса знаніе бесполезно!

Никого нѣтъ; и Антоній видитъ вмѣсто Тертуллиана женщину, которая сидитъ на каменной скамьѣ.

Она рыдаетъ, прислонивъ голову къ колоннѣ, съ распущенными волосами, поникнувъ гѣломъ въ темной длинной одеждѣ.

Затѣмъ, они оказываются рядомъ, вдалекѣ отъ толпы;— и настаетъ молчаніе, необычайный миръ, какъ въ лѣсахъ, когда заморають вѣтеръ и листья сразу затихаютъ.

Женщина эта прекрасна, хотя поблекла и мертвенной блѣдности. Они глядятъ другъ на друга; и глаза ихъ обмѣниваются какъ бы волнами мыслей, тысячами старыхъ, неясныхъ, глубокихъ чувствъ. Наконецъ,

ПРИСЦИЛЛА

произносить:

Я была въ послѣднемъ отдѣленіи бань, и дремала подъ шумъ улицъ.

Вдругъ я услышала возгласы. Кричали: „Это магъ! это Дьяволъ!“ И толпа остановилась передъ нашимъ домомъ, противъ храма Эскулапа. Я поднялась на рукахъ до высоты отдушины.

На перистилѣ храма стоялъ человѣкъ съ желѣзнымъ ошейникомъ на шеѣ. Онъ бралъ угли съ жаровни и проводилъ себѣ на груди широкія полосы, взывая: „Иисусъ, Иисусъ!“ Народъ говорилъ: „Это не дозволено! побьемъ его камнями!“ А онъ продолжалъ. Это было неслыханно, очаровательно. Широкіе какъ солнце цвѣты вращались передъ моими глазами, и я слышала въ пространствахъ звонъ золотой арфы.

День угасъ. Перекладыны выскользнули изъ моихъ рукъ, тѣло ослабло, и когда онъ увелъ меня въ свой домъ...

АНТОНІЙ.

Но о комъ ты говоришь?

ПРИОЦИЛЛА.

О Монтанѣ, разумѣется!

АНТОНІЙ.

Его нѣтъ въ живыхъ.

ПРИОЦИЛЛА.

Неправда!

ГОЛОСОЪ.

Нѣтъ, Монтанъ живъ!

Антоній оборачивается; и рядомъ съ нимъ, на скамьѣ, съ другой стороны, сидитъ вторая женщина—бѣлокурая, и еще блѣднѣе, съ припухшими вѣками, какъ будто она долго плакала. Не дожидаясь вопроса, она говоритъ:

МАКСИМИЛЛА.

Мы возвращались изъ Тарса горами, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, увидѣли человѣка подъ смоковницей.

Онъ кричалъ издали: „Остановитесь“. И онъ обрушился на насъ съ бранью. Сбѣжались рабы. Онъ разразился смѣхомъ. Лошади заупрямились. Всѣ меделянки зарычали.

Онъ стоялъ. Потъ стекалъ по его лицу. Вѣтеръ хлопалъ его плащемъ.

Называя насъ по именамъ, онъ осуждалъ тщету нашей жизни, позоръ нашихъ тѣлъ;—и онъ подымалъ кулакъ въ сторону дромадеровъ, ибо подъ нижней челюстью у нихъ висятъ серебряные колокольчики.

Его неистовство вливало ужасъ въ мое сердце; но это была какъ бы страсть, которая баюкала, ошьяняла.

Сначала приблизились рабы. „Господинъ, сказали они, животныя устали“; потомъ подошли женщины: „Намъ страшно“, и рабы удалились. Потомъ дѣти заплакали: „Мы голодны!“. И такъ какъ женщины не получили отвѣта, онъ исчезли.

А онъ говорилъ. Я почувствовала, что около меня есть

кто-то. Это былъ мужъ; я слушала другого. Онъ ползъ между камнями, восклицая: „Ты покидаешь меня?“ и я отвѣтила: „Да! уйди!“—и пошла за Монтаномъ.

АНТОНІЙ.

За евнухомъ!

ПРИОЦИЛЛА.

А, это удивляетъ тебя, грубое сердце! Однако, Магдалина, Иоанна, Марса и Сусанна не раздѣляли ложа Спасителя. Души, еще лучше чѣмъ тѣла, могутъ соединяться въ страсти. Чтобы сохранить чистою Эвстолию, епископъ Леонтій изувѣчилъ себя,—любя больше свою любовь, чѣмъ полъ. Притомъ это не моя вина; нѣкій духъ принуждаетъ меня къ этому; Сотасъ не могъ меня излѣчить. А между тѣмъ онъ жестокъ! Что мнѣ за дѣло! Я послѣдняя изъ пророчицъ; и послѣ меня настанетъ конецъ свѣта.

МАКСИМИЛЛА.

Онъ осыпалъ меня подарками. Впрочемъ кто любить его съ такой силой,—и кого онъ любить такъ?

ПРИОЦИЛЛА.

Ложь! меня!

МАКСИМИЛЛА.

Нѣтъ, меня!

Онѣ дерутся.

Между ихъ плечь показывается голова негра.

МОНТАНЪ

въ черномъ плащѣ, который застегивается двумя костями мертвеца:

Успокойтесь, мои голубицы! Неспособные къ земному счастью, мы живемъ, благодаря этому союзу, въ полнотѣ духовной. За вѣкомъ Отца вѣкъ Сына; и я предвѣщаю третій —Параклета. Его свѣтъ сошелъ на меня въ тѣ сорокъ ночей, когда Иерусалимъ небесный блисталъ на небѣ надъ моимъ домомъ въ Пепузѣ.

Ахъ, какъ вы кричите въ томленіи, когда бичи хлещутъ васъ! какъ ваши страждущіе члены предлагаются моимъ ласкамъ! какъ изнемогаете вы на моей груди отъ неосу-

ществуемой любви! она такъ сильна, что открыла вамъ міры; и вы можете теперь видѣть души.

Антоній дѣлаеть жестъ удавленія.

ТЕРТУЛІАНЪ,

вновь появившійся рядомъ съ Монтаномъ:

Безъ сомнѣнія, такъ какъ у души есть тѣло,—то, у чего нѣтъ тѣла, не существуетъ.

МОНТАНЪ.

Чтобы утончить ее, я предписалъ много истязаній, три поста въ годъ, и на каждую ночь молитвы, при которыхъ закрываютъ ротъ,—изъ опасенія чтобы дыханіе, улетая, не помутняло мысль. Нужно воздерживаться отъ вторыхъ браковъ, а лучше вообще отъ брака! Съ женщинами грѣшили ангелы.

АРХОНТИКИ

во власяницахъ изъ конскаго волоса:

Спаситель сказалъ: „Я пришелъ разрушить дѣло Женщины“.

ТАТІАНИТЫ

во власяницахъ изъ камыша:

Дерево зла это она! Одежды изъ шкуръ вотъ наше тѣло.

И, подвигаясь все въ томъ же направленіи, Антоній встрѣчаетъ

ВАЛЕЗІАНЪ,

распростертыхъ по полу, съ кровавыми пятнами подъ туникой, въ нижней части живота.

Они предлагаютъ ему ножъ:

Дѣлай какъ Оригенъ и какъ мы! Или ты боишься боли, трусъ? Или тебя удерживаетъ любовь къ плоти, лицемѣръ?

И пока онъ смотритъ какъ они дергаются, вытягиваясь на спинѣ, въ лужахъ крови, мимо проходятъ

КАИНИТЫ,

у которыхъ волосы завязаны гадюкой; они выкликають ему:

Слава Каину! Слава Содому! слава Іудѣ!

Каинъ создалъ племя сильныхъ. Содомъ ужаснулъ землю своею карой; и благодаря Іудѣ Богъ спасъ міръ!—Да, Іуда! безъ него нѣтъ смерти и нѣтъ искупленія!

Они исчезаютъ въ ватагѣ

ЦИРКУМЦЕЛЛІОНОВЪ

одѣтыхъ въ волчьи шкуры, въ вѣнкахъ изъ терновника, съ желѣзными палицами.

Давите плоды! возмущайте источники! топите дѣтей! Грабьте богатаго, который счастливъ, который много ѣсть! Бейте бѣднаго, который завидуетъ попой ослу, пиру собаки, гнѣзду птицы и страдаетъ, что другіе не такъ ничтожны какъ онъ.

Мы, Святые, чтобы приблизить конецъ свѣта, отравляемъ, жжемъ, убиваемъ!

Спасеніе только въ мукѣ. Мы создаемъ себѣ муку. Мы срываемъ клещами кожу со своихъ головъ, мы ложимся подъ плугъ, бросаемся въ пасть печей!

Долой крещеніе! долой евхаристію! долой бракъ! проклятіе всему!

И вотъ повсюду въ базиликѣ безумства удваиваются.

Аудиты мечутъ стрѣлами въ Дьявола; Коллиридыты бросаютъ къ потолку голубья покрывала; Аскиты простираются передъ бурдюкомъ; Маркіониты помазываютъ мертвеца масломъ. Женщина рядомъ съ Апеллесомъ, чтобы лучше изяснить его ученіе, показываетъ круглый хлѣбецъ въ бутылкѣ; другая раздаетъ среди Сампсеянъ пыль со своихъ сандалій какъ просфору. На ложѣ Маркіонанъ, устланномъ розами, обнимаются двое любовниковъ.

Циркумцелліоны умерщвляютъ другъ друга, Валезіане храпятъ, Вардесанъ поетъ, Карпократъ танцуетъ, Максимила и Присцилла громко вздыхаютъ;—а лжепророчица изъ Каппадокіи, вся голая, облокотясь на льва и потрясая тремя факелами, выкрикиваетъ Страшный Призывъ.

Колонны колеблются, какъ стволы деревьевъ, амулеты на шеяхъ Ересіарховъ перекрещиваются огненными линиями, созвѣдія въ часовняхъ движутся и стѣны разступаются подъ плескомъ толпы, каждая голова которой—стремительная, ревушая волна.

Между тѣмъ,—изъ нѣдръ этихъ криковъ раздается при взрывахъ смѣха пѣснь, гдѣ снова слышится имя Христа.

Это люди изъ престоляродья, всѣ они бьютъ въ ладоши, соблюдая тактъ. Среди нихъ

А Р І Й

въ одеждѣ дьякона.

Безумцы, возстающіе на меня, берутся объяснить без-
смысленное; и чтобы погубить ихъ совершенно, я сочинилъ
небольшія пѣсенки, которыя такъ забавны, что ихъ знаютъ
наизусть на мельницахъ, въ кабакахъ и гаваняхъ.

Тысячу разъ нѣтъ! Сынъ не совѣченъ Отцу, и не еди-
носущенъ! Иначе онъ не сказалъ бы—„Отче, да минуетъ
меня чаша сія!—Что ты называешь меня благимъ? Никто
не благъ, какъ только одинъ Богъ.—Восхожу къ Богу мо-
ему и Богу вашему!“ и другихъ словъ, указывающихъ, что
онъ созданъ. Это видно, кромѣ того, изъ всѣхъ его названій:
агнецъ, пастырь, родникъ, мудрость, сынъ человѣческой,
пророкъ, добрый путь, краеугольный камень!

САВЕЛЛІЙ.

Я же утверждаю, что оба они одно.

АРІЙ.

Антиохійскій соборъ установилъ обратное.

АНТОНІЙ.

Что же такое Слово?.. Кто былъ Иисусъ?

ВАЛЕНТИНИАНЕ.

Супругъ раскаявшейся Ахарамоеъ!

СИѦІАНЕ.

Симъ, сынъ Ноя!

ѦЕОДОТІАНЕ.

Мельхиседекъ!

МЕРИИТІАНЕ.

Онъ былъ просто человѣкъ!

АПОЛЛИНАРИСТЫ.

Онъ принялъ его видъ! онъ притворно страдалъ.

МАРКЕЛЪ АНКІРСКІЙ.

Это проявленіе Отца!

ПАПА КАЛІКЕСТЪ.

Отецъ и Сынъ два образа единого Бога!

МЕТОДІЙ.

Онъ былъ сначала въ Адамѣ, затѣмъ въ человѣкѣ!

КЕРИНЕЪ.

И онъ воскреснетъ!

ВАЛЕНТИНЪ.

Немыслимо,—тѣло его небесно!

ПАВЕЛЪ САМОСАТСКІЙ.

Онъ сталъ Богомъ только послѣ крещенія!

ГЕРМОГЕНЪ.

Его жилище—солнце!

И всѣ ересіархи окружаютъ Антонія, который плачетъ, закрывъ лицо руками. Къ нему подходитъ

ІУДЕЙ

съ красной бородой, испятнанной проказой кожей, и дико смѣется:

Его душа была душой Исава! Онъ страдалъ беллерофонтовой болѣзью; а его мать, продавщица ароматовъ, отдалась Пантеру, римскому солдату, на снопахъ маиса, вечеромъ во время жатвы.

АНТОНІЙ

быстро подымаетъ голову, молча оглядываетъ ихъ; затѣмъ, надвигаясь прямо на нихъ:

Ученые, маги, епископы и діаконы, люди и призраки, прочь! прочь! Всѣ вы обманъ!

ЕРЕСІАРХИ.

Наши мученики больше мученики чѣмъ твои, наши молитвы труднѣе, порывы любви выше, восторги такъ же долги.

АНТОНІЙ.

Но нѣтъ откровенія! нѣтъ доказательствъ!

Тогда всѣ потрясаютъ въ воздухъ свитками папируса, деревянными дощечками, кусками кожи, полосами тканей;—и, толкая другъ друга, кричатъ:

КЕРИНѢИАНЕ.

Вотъ Евангеліе іудеевъ!

МАРКІОНІТЫ.

Евангеліе Господа!

МАРКОСИАНЕ.

Евангеліе Евы!

ЭНКРАТИТЫ.

Евангеліе Θомы!

КАИНИТЫ.

Евангеліе Іуды!

ВАСИЛИДЪ.

Трактатъ о присоединенной душѣ!

МАНЕСЪ.

Пророчество Баркуфа!

Антоній отбивается, выскальзываетъ отъ нихъ;—и замѣчаетъ въ углу, совсѣмъ въ тѣни

СТАРЫХЪ ЕВІОНИТОВЪ,

изсохшихъ какъ муміи, съ угасшимъ взоромъ, бѣлыми бровями.

Они говорятъ дрожащимъ голосомъ:

Мы знали его, да, и мы знали сына плотника! Онъ былъ намъ ровесникомъ, мы жили на той же улицѣ. Онъ забавлялся лѣпкой маленькихъ птицъ изъ грязи и не боялся остраго края абаки; помогаль работать отцу, или сматывалъ матери клубки крашеной шерсти. Затѣмъ совершилъ путешествіе въ Египетъ, откуда вывезъ великія тайны. Мы были въ Иерихонѣ, когда онъ встрѣтился съ пожирателемъ саранчи. Они бесѣдовали вполголоса, такъ что нельзя было ничего услышать. Но съ этого именно времени онъ напумѣлъ въ Галилеѣ и на его счетъ стали рассказывать много басенъ.

Подрагивая продолжаютъ:

Мы знали его, да, и мы! мы знали его!

АНТОНІЙ.

Ахъ, говорите еще! еще! Какое было у него лицо?

ТЕРТУЛЛІАНЪ.

Дикаго и отталкивающаго вида;—ибо онъ былъ обремененъ всѣми грѣхами, всѣми скорбями и всѣми уродствами міра.

АНТОНІЙ.

О, нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ кажется, напротивъ, что весь его обликъ имѣлъ нечеловѣческую прелесть.

ЕВСЕВІЙ КЕСАРІЙСКІЙ.

Въ Панадѣ, передъ старой лачугой, въ чащѣ травъ, есть каменная статуя, воздвигнутая, какъ утверждаютъ, кровоточивой. Но время излѣло ей лицо, и дожди испортили надпись.

Изъ группы Карпократіанъ выходитъ женщина.

МАРЦЕЛЛИНА.

Нѣкогда я была діаконой въ Римѣ, въ маленькой церкви, и показывала вѣрнымъ серебряныя образки Св. Павла, Гомера, Пинеагора и Иисуса Христа.

У меня сохранился только Христовъ.

Приоткрываетъ плащъ.

Хочешь его?

ГОЛОСЪ.

Онъ вновь появляется, самъ, когда мы зовемъ его. Пора!
Приди!

И Антоній чувствуетъ на своемъ плечѣ грубую руку, которая уводитъ его.

Онъ всходитъ по совершенно темной лѣстницѣ;—и пройдя много ступенекъ, оказывается передъ дверью.

Тогда тотъ, кто ведетъ его (быть можетъ, Иларіонъ? онъ этого не знаетъ), говорить другому на ухо: „Сейчасъ придетъ Господь“, — и ихъ вводятъ въ комнату съ нивкимъ потолкомъ, безъ убранства.

Прежде всего его поражаетъ—прямо передъ глазами—длинная куколка кроваваго цвѣта, съ головой человѣка, откуда льются лучи и со словомъ К и у ф и с ъ, опоясывающимъ ее греческими буквами. Она возвышается надъ колонной, помѣщенной посреди пьедестала. На другихъ стѣнахъ комнаты медальоны полированного желѣза изображаютъ животныя,—льва, быка, орла, собаки, и даже осла!

Глиняныя свѣтильни, висящія подъ этими изображеніями, слабо мерцаютъ. Сквозь отверстіе въ стѣнѣ Антоній видитъ лунный свѣтъ вдали на волнахъ, и различаетъ даже ихъ мѣрный, слабый плескъ, вмѣстѣ съ глухимъ шорохомъ судна, которое трется килемъ о камешки мола.

Мужчины, на короточкахъ, спрятавъ лица подъ плащи, издають по временамъ подавленные, какъ бы лающіе звуки. Женщины дремлютъ, закрывъ лицо руками, которыя опираются на колѣна; онъ такъ закутанъ покрывалами, что ихъ можно принять за ворохи одеждъ вдоль стѣнъ. Рядомъ съ ними полуголыя дѣти, облѣпленныя паразитами, съ безсмысленнымъ видомъ глядятъ на свѣтильни; и никто ничего не дѣлаетъ; ждуть чего-то.

Говорятъ вполголоса о своихъ семьяхъ, сообщаютъ другъ другу средства отъ болѣзней. Многіе отплываютъ на разсвѣтъ, такъ какъ преслѣдованія становятся невыносимы.

Язычниковъ, однако, не трудно обмануть: „Они думаютъ, глушцы, что мы почитаемъ Кнуфисъ“

Но одинъ изъ братьевъ, внезапно вдохновившись, становится передъ колонной, гдѣ лежитъ хлѣбъ, который возвышается надъ корзиной съ укропомъ и кирказономъ. Остальные заняли свои мѣста, и стоя образуютъ три параллельныя линіи.

В Д О Х Н О В Л Е Н Н Ы Й

развертываетъ свитокъ, испещренный цилиндрами, и начинать:

На мракъ сошелъ лучъ Слова, и раздался неистовый крикъ, походившій на голось свѣта.

В С ъ

отвѣчаютъ, покачиваясь:

Кири элейсонъ!

В Д О Х Н О В Л Е Н Н Ы Й.

Человѣкъ, затѣмъ, былъ созданъ безчестнымъ Богомъ Израила при помощи—

перебирая медальоны:

Астофая, Орая, Саваоа, Адонаи, Элои, Яо!

И онъ пребывалъ въ грязи, мерзкій, слабый, безобразный, безъ мысли.

В С ъ

жалобно:

Кири элейсонъ!

В Д О Х Н О В Л Е Н Н Ы Й.

Но Софія, сострадая, оживила его частицей своей души.

Тогда, видя что человѣкъ такъ прекрасенъ, Богъ былъ охваченъ гнѣвомъ. Онъ заключилъ его въ свое царство, за претивъ ему древо познанія.

А та еще разъ помогла ему! Она послала змѣя, который посредствомъ многихъ уловокъ заставилъ его преступить этотъ законъ злобы.

И человѣкъ, вкусивши знанія, понялъ небесное.

В С ъ

съ силой:

Кири элейсонъ!

В Д О Х Н О В Л Е Н Н Ы Й.

Но Іабдалаоеъ, чтобъ отомстить, низринулъ человѣка въ матерію, и съ нимъ змѣя!

В С Я

очень тихо:

Кири элейсонъ!

Затишаютъ и молчатъ.

Запахи гавани смѣшиваются въ теплое воздухѣ съ копотью свѣтиленъ. Ихъ фитили, потрескивая, тухнуть; кружатся длинные москиты. Антоній хрипитъ въ тоскѣ; онъ ощущаетъ какъ бы нѣчто чудовищное, что разлито вокругъ, ужасъ передъ надвигающимся преступленіемъ.

В Д О Х Н О В Л Е Н Н Ы Й,

пристукивая пяткой, шелкая пальцами, потрясая головой, неистовымъ темпомъ поетъ гимнъ, подъ звонъ кимваловъ и пронзительной флейты:

Явись! Явись! Явись! покинь свою пещеру! Быстрый, что бѣжишь безъ ногъ, ловець, что хватаешь безъ рукъ!

Въ извивахъ, какъ рѣки, кругообразный, какъ солнце, черный съ золотыми пятнами, какъ небо усыпанное звѣздами! Похожий на обвивы лозы и спирали внутренностей!

Нерожденный! пожиратель земли! вѣчно юный! прозорливецъ! чтимый въ Эпидаврѣ! Добрый къ людямъ! излѣчившій царя Птолемея, воиновъ Моисея, и Главка сына Миноса!
Явись! Явись! Явись! покинь свою пещеру!

В С Я

повторяютъ:

Явись! Явись! Явись! покинь свою пещеру!

Однако никого нѣтъ.

Что это значитъ? Что съ нимъ?

Начинаютъ совѣщаться, предлагаютъ средства.

Старикъ приноситъ глыбу дерну. Тогда въ корзинѣ что-то подымается. Зеленъ колеблется, цвѣты падаютъ — и показывается голова пиеона.

Онъ медленно ползетъ по краю хлѣба, какъ живое кольцо вокругъ неподвижнаго диска, затѣмъ развертывается, удлиняется; онъ громаденъ и значительнаго вѣса. Чтобы не дать ему коснуться пола, мужчины поддерживаютъ его грудью, женщины головами, дѣти ладонями; — и его хвостъ, проходя сквозъ отверстие въ стѣнѣ, тянется безъ конца, до дна моря. Кольца его развертываются, комната наполняется ими; они сдавливаютъ Антонія.

ВЪРНЫЕ,

впиваясь губами въ его кожу, вырываютъ другъ у друга хлѣбъ, который онъ откусилъ.

Это ты! это ты!

Вознесенный сначала Моисеемъ, сокрушенный Езекиѣй, возстановленный Мессіей Онъ пилъ тебя въ струяхъ крещенія; но ты покинулъ его въ саду Оливъ и онъ почувствовалъ тогда всю свою слабость.

Изогнутый на перекладинѣ креста, надъ его головой, пуская слюну на терновый вѣнецъ, ты видѣлъ его смерть.— Ибо ты не Иисусъ, нѣтъ, ты Слово! ты Христось!

Антоній лишается чувствъ отъ ужаса и падаетъ на щепки передъ своей хижиной, гдѣ мягко теплится факель, выскользнувшій изъ его рукъ.

Отъ этого сотрясенія глаза его раскрываются; и передъ нимъ Нилъ, струистый и свѣтлый въ серебрѣ луны, какъ огромная змѣя среди песковъ;—видѣнія не прекращаются, такъ что онъ и не покидалъ Офитовъ; они окружаютъ его, вонуть, везутъ пожитки, сходятъ къ гавани. Онъ отплываетъ съ ними.

Проходить неопредѣленное время.

И вотъ надъ нимъ сводъ темницы. Рѣшетки передъ глазами выглядятъ черными линіями на голубомъ фонѣ;—а справа и слѣва, въ тѣни, плачутъ и молятся люди, которыхъ ободряютъ и утѣшаютъ стоящіе вокругъ нихъ.

За стѣнами чувствуется гулъ толпы и роскошь лѣтняго дня.

Пронзительные голоса предлагаютъ арбузы, воду, напитки со льдомъ, набитыя сѣномъ подушки для сидѣнья. По временамъ гремятъ рукоплесканія. Слышно, какъ ходить надъ головой.

Вдругъ раздается долгій ревъ, могучій, замогильный, какъ шумъ воды въ акведука.

И онъ видитъ передъ собой, за рѣшеткой другой кѣтки, шагающаго льва,—затѣмъ рядъ сандалій, голыя ноги и пурпурную бахрому. Выше, симметрично расширяясь, идутъ круги зрителей, отъ самаго нижняго, заключающаго арену, до наивысшаго, гдѣ укрѣплены шести, поддерживающіе гяцинтовый навѣсъ, который натянута въ воздухъ на верев-

кахъ. Лѣстницы, сходясь къ центру, прорѣзаютъ на равныхъ разстояніяхъ эти огромныя каменныя кольца. Ступени теряются подъ массой сидящихъ—всадниковъ, сенаторовъ, солдатъ, плебеевъ, весталокъ и куртизанокъ,—въ шерстяныхъ капюшонахъ, шелковыхъ облаченіяхъ, желтыхъ туникахъ, съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней, султанами изъ перьевъ, ликторскими связками; и все это кипитъ, кричитъ, оглушаетъ его шумомъ и неистовствомъ, какъ огромный кипящій котель. Посреди арены, на жертвенникѣ, дымится въ сосудѣ ладанъ.

Люди, которые окружаютъ его—христіане, приговоренные къ растерзанію. На мужчинахъ красныя плащи жрецовъ Сатурна, женщины въ повязкахъ Цереры. Друзья дѣлятъ между собой остатки ихъ одежды, кольца. Чтобы проникнуть въ тюрьму, говорятъ они, пришлось потратить много денегъ. Ну что же, они останутся до конца.

Среди утѣшающихъ Антоній замѣчаетъ лысаго человѣка въ черной туникѣ, лицо котораго ему откуда-то уже знакомо; онъ поучаетъ о ничтожествѣ міра и блаженствѣ избранныхъ. Антоній охваченъ любовью. Онъ жаждетъ случая отдать свою жизнь за Спасителя, и ему кажется, что самъ онъ тоже одинъ изъ этихъ мучениковъ.

Но кромѣ фригійца съ длинными волосами, который поднималъ руки кверху, всѣ печальны. Старикъ рыдаетъ на скамейкѣ, а молодой человѣкъ мечтаетъ стоя, склонивъ голову.

СТАРИКЪ,

откавывавшійся платить передъ статуей Минервы, на углу перекрестка, смотреть на товарищей, какъ бы говоря вглядомъ:

Вы должны были бы помочь мнѣ! Сообщества добиваются иногда, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Многіе изъ васъ запаслись даже подложными свидѣтельствами, что жертвы принесены.

Спрашиваетъ:

Развѣ не Петръ Александрійскій установилъ, какъ нужно поступать, когда поколебленъ мученіями?

Продолжаетъ про себя:

Ахъ, это очень тяжело въ мои годы! немощи дѣлаютъ меня такимъ слабымъ! Однако, я могъ бы еще прожить до слѣдующей зимы!

Воспоминаніе о маленькомъ садикѣ умиляетъ его;—и онъ смотритъ въ сторону жертвенника.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

который дракой нарушилъ празднество Аполлона, бормочетъ:

А вѣдь только отъ меня зависѣло—убѣжать въ горы!

— Солдаты схватили бы тебя,
принеситъ одинъ изъ братьевъ.

— О, я поступилъ бы какъ Киприанъ; я бы отрекся; и во второй разъ былъ мужественнѣй, я увѣренъ!

Затѣмъ онъ думаетъ о безконечныхъ дняхъ предстоящей жизни, о всѣхъ радостяхъ, которыхъ онъ не узнастъ;— и онъ смотритъ въ сторону жертвенника.

Но

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧЕРНОЙ ТУНИКѢ

подбѣгаетъ къ нему:

Какой позоръ! Какъ, ты, избранная жертва? Всѣ эти женщины смотрятъ на тебя, подумай только! И потомъ Господь по временамъ творитъ чудеса. Піоній окаменилъ руки своихъ палачей, кровь Поликарпа гасила пламя костра.

Оборачивается къ старику:

Отецъ, отецъ! ты долженъ наставить насъ своею смертью. Откладывая ее, ты конечно допускаешь нѣкій дурной поступокъ, который погубитъ плодъ добрыхъ. Кромѣ того, могущество Господа безконечно. Быть можетъ, твой примѣръ обратитъ сейчасъ же весь народъ.

А напротивъ, въ елѣткѣ, быстрой поступью безостановочно шагаютъ взадъ и впередъ львы. Самый большой вдругъ посмотрѣлъ на Антонія, зарычалъ—и паръ идетъ изъ его пасти.

Женщины сбѣлились около мужчинъ.

У Т Ъ Ш И Т Е Л ь

переходитъ отъ одного къ другому.

Что сказали бы вы, что сказалъ бы ты, если бъ тебя изжарили на желѣзныхъ пластинахъ, четверговали лошадами, если бъ твое тѣло, обмазанное медомъ, выставили насѣкомымъ! Ты же умрешь какъ охотникъ, на котораго врасплохъ напали въ лѣсу.

Антоній предпочелъ бы все это ужаснымъ дикимъ звѣр-
рямъ; онъ какъ будто чувствуетъ ихъ зубы, ихъ когти,
слышать какъ хрустятъ его кости въ ихъ челюстяхъ.

Въ темницу входятъ беллуарій; мученики трепещутъ.

Только одинъ фригіецъ, который молится въ сторонѣ,
бесстрастенъ. Онъ сжегъ три храма; и онъ подвигается
впередъ, поднявъ руки, раскрывъ губы, обративъ взоръ
къ небу, ничего не видя, какъ соннамбула.

УТѢШИТЕЛЬ

воскликаетъ:

Назадъ! назадъ! Вами овладѣетъ духъ Монтана.

ВСѢ

отступаютъ съ криками:

Проклятіе Монтанисту!

Ругаютъ его, плюютъ, порываются бить.

Раздраженные львы кусаютъ себѣ гривы. Чернъ воетъ:
„Звѣрей! звѣрей!“

Мученики, разражаясь рыданьями, обнимаются. Имъ
предлагаютъ чашу одуряющаго вина. Они быстро переда-
ютъ ее изъ рукъ въ руки.

У двери кѣлѣтки другой беллуарій ждетъ знака. Она
отворяется; выходитъ левъ.

Онъ пересѣкаетъ арену длинными косыми шагами. За
нимъ вереницей появляются другіе львы, ватѣмъ медвѣдь,
три пантеры, леопарды. Они разбредаются какъ стадо по
лугу.

Раздается шелканіе бича. Христіане трепещутъ—и, чтобы
прекратить это, братья подталкиваютъ ихъ. Антоній за
крываетъ глаза.

Открываетъ ихъ. Но вокругъ тьма.

Скоро она проясняется; и онъ видитъ сухую усѣянную
бугорками равнину, какія бывають вокругъ покинутыхъ
каменоломень.

Кустарники пробиваются кое-гдѣ между плитъ, лежа-
щихъ вровень съ землей; и бѣлые призраки, туманнѣе
облаковъ, склоняются надъ ними.

Скользья появляются другіе. Изъ-подъ длинныхъ по-
крывалъ блестятъ глаза. По небрежности походки и
аромату отъ нихъ Антоній узнаетъ патриціанокъ. Есть и

мужчины, но низшаго происхожденія, у нихъ простыя и грубыя лица.

ОДНА ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ

глубоко вадыхая:

Ахъ, какъ хороше въздухъ холодной ночи среди гробницъ! Я такъ утомлена нѣгой ложь, суетой дня, тягостью зноя!

Служанка вынимаетъ изъ холщоваго мѣшка факель и зажигаетъ его. Вѣрныя зажигаютъ отъ него свои факелы, и втыкаютъ ихъ на могилахъ.

Трепещущая

ЖЕНЩИНА.

О! наконецъ, и я здѣсь! Какъ скучно быть женою язычника!

ДРУГАЯ.

Посѣщенія тюремъ, разговоры съ братьями, все подозрительно нашимъ мужьямъ!—И даже надо скрываться, когда дѣлаешь знаменіе креста; они примутъ это за магическое заклинаніе.

ТРЕТЬЯ.

У меня были постоянныя ссоры съ мужемъ; я не допускала надруганій надъ своимъ тѣломъ, какъ требовалъ онъ;—и чтобы отомстить, онъ донесъ, что я христіанка.

ЧЕТВЕРТАЯ.

Помните ли вы Люція, прекраснаго юношу, котораго тащили за пятки позади колесницы, какъ Гектора, отъ Эскилинскихъ воротъ до Тибурскихъ холмовъ;—и по обѣимъ сторонамъ дороги кусты были испачканы кровью! Я собрала съ нихъ капли. Вотъ онѣ!

Отнимаетъ отъ груди совершенно черную губку, осыпаетъ ее поцѣлуями, ватѣмъ бросается на плиты съ криками:

О, мой возлюбленный, мой возлюбленный!

МУЖЧИНА.

Нынче ровно три года, какъ умерла Домицилла. Она была побита камнями въ глубинѣ рощи Прозерпины. Я собралъ ея кости, которыя сіяли какъ свѣтлячки въ травѣ. Теперь земля укрываетъ ихъ!

Бросается на могилу

О моя невѣста! моя невѣста!

И ОСТАЛЬНЫМ

по всей равнинѣ:

О сестра! О братъ! О дочь! О мать!

Они стоятъ на колѣняхъ, поддерживая головы ладонями, или простершись на землѣ съ вытянутыми руками;—и груди ихъ чуть не разрываются отъ сдерживаемыхъ рыданій. Глядя на небо они молятъ:

Сжался надъ его душой, о Боже! Она изнываетъ въ пріютѣ тѣней; благоволи принять ее въ Воскресеніи, чтобы она наслаждалась твоимъ свѣтомъ!

Или уставившись взоромъ въ плиты, бормочутъ:

Успокойся, но страдай! Я принесла тебѣ вина, мяса!

В Д О В А .

Вотъ кисель, приготовленный мною по его вкусу, здѣсь много яицъ и двойная порція муки! Мы примемся сейчасъ за него вмѣстѣ, какъ прежде, не правда ли?

Взявъ немного, подносятъ къ губамъ; и внезапно разражается дикимъ, безумнымъ смѣхомъ.

Другія, какъ и она, гложутъ что-то, пьютъ. Рассказываютъ другъ другу исторіи своихъ мучениковъ; горе разгорается, возліянія учащаются. Глаза, омоченные слезами, останавливаются другъ на другѣ. Они бормочутъ въ опьяненіи и отчаяньи; мало-по-малу ихъ руки соприкасаются, губы сближаются, покрывала пріоткрываются, и они соединяются на могилахъ среди чашъ и фаяеловъ.

Небо начинаетъ блѣднѣть. Туманъ увлажняетъ ихъ одежды; — и, какъ будто не зная другъ друга, они расходятся разными дорогами въ разныя стороны.

Солнце блистаетъ; трава стала выше, равнина преобразилась.

И Антоній отчетливо видитъ сквозь бамбуки лѣсъ колоннъ голубовато-сѣраго цвѣта. Это стволы деревьевъ, идущихъ отъ одного ствола. Отъ каждой ихъ вѣтви спускаются новыя вѣтви, вращая въ землю; и въ цѣломъ всѣ эти горизонтальныя и вертикальныя линіи, безконечно переплетаясь, напоминаютъ чудовищную змѣю, лишь мѣстами на ней маленькія фиги съ черноватой листвою, какъ у сякоморы.

Онъ замѣчаетъ черезъ ихъ развилыны кисти желтыхъ цвѣтовъ, фіолетовые цвѣты, и папортники, похожіе на птичьи перья. Подъ самыми нижними вѣтками видны кое-гдѣ рога буйвола или блестяще глаза антилопы; висятъ по-пугай, порхаютъ бабочки, ползаютъ ящерицы, жужжать мухи; и среди молчанія слышно какъ бы бѣненіе глубокой жизни.

У входа въ лѣсъ на чемъ-то въ родѣ костра виднѣется странный предметъ—человѣкъ, обмазанный коровьимъ пометомъ, весь голый, иссохшій какъ мумія; его суставы образуютъ уалы на оконечностяхъ костей, которыя кажутся палками. Въ ухахъ вдѣты свяски раковинъ, лицо длинное, съ астребинымъ носомъ. Лѣвая рука вытянута въ водухъ, онѣмѣла, жества какъ колъ;—и онъ стоитъ здѣсь столько времени, что птицы свили гнѣздо въ его волосахъ.

Въ четырехъ углахъ его костра горятъ четыре огня. Солнце свѣтитъ прямо въ лицо. Онъ совершаетъ его своими огромными глазами;—и не глядя на Антонія произноситъ:

Брахманъ съ береговъ Нила, что ты скажешь объ этомъ?

Пламя вырывается со всѣхъ сторонъ изъ-подъ бревенъ; а

Г И М Н О С О Ф И С Т Ъ

продолжаетъ:

Похожій на единорога, я погрузился въ одиночество. Я жилъ въ деревѣ, которое позади.

Дѣйствительно, толстый стволъ смоковницы образуетъ естественное углубленіе размѣромъ съ человѣческое тѣло.

И я питался цвѣтами и плодами, такъ строго соблюдая заповѣдь, что скрывалъ свою ѣду даже отъ собакъ.

Такъ какъ жизнь происходитъ отъ грѣха, грѣхъ отъ желанія, желаніе отъ ощущенія, ощущеніе отъ прикосновенія,—я избѣгалъ всякаго дѣйствія, всякаго прикосновенія; и—неподвижный какъ могильный памятникъ, испуская дыханіе черезъ ноздри, сосредоточивъ взглядъ на своемъ носу и совершая вѣиръ въ своемъ духѣ, міръ въ своихъ членахъ, луну въ своемъ сердцѣ,—я думалъ осуществити великой Души, откуда безостановочно истекаютъ, какъ искорки пламени, начала жизни.

Я позналъ, наконецъ, верховную Душу во всѣхъ существахъ, всѣ существа въ верховной Душѣ;—и мнѣ удалось ввести въ нее свою душу, въ которую я ввелъ свои чувства.

Я получаю знаніе прямо съ неба, какъ птица Чатака, которая утоляетъ жажду лишь въ струяхъ дождя.

Благодаря же тому, что я позналъ все, ничего не существуетъ для меня больше.

Для меня теперь нѣтъ надежды, нѣтъ скорби, нѣтъ счастья, нѣтъ добродѣтели, ни дня, ни ночи, ни тебя, ни меня, совершенно ничего.

Страшныя лишенія сдѣлали меня могущественнѣе Силь. Напряженіе моей мысли можетъ убить сто царскихъ сыновей, свергать боговъ, опрокинуть міръ.

Онъ произноситъ все это монотоннымъ голосомъ.

Листья вокругъ свертываются. Крысы на землѣ убѣгаютъ.

Онъ медленно склоняетъ взоръ на пламя, которое все растеть и прибавляетъ:

Я возненавидѣлъ форму, возненавидѣлъ воспріятіе, возненавидѣлъ даже само знаніе,—ибо мысль не переживаетъ мимолетнаго событія, отъ котораго происходитъ, и умъ только призракъ, какъ и остальное.

Все, что родилось, погибнетъ, все, что мертво, должно ожить; существа, исчезнувшія нынѣ, найдутъ себѣ убѣжище въ еще несозданныхъ утробахъ, и вновь появятся на землѣ, чтобы въ печали служить другимъ созданіямъ.

Но, такъ какъ я влачилъ безчисленное множество жизней, подъ видомъ боговъ, людей и животныхъ, я отказываюсь отъ странствія, я не желаю больше этой тягости! Я покидаю грязное пристанище своего тѣла, грубо сдѣланнаго изъ мяса, краснаго отъ крови, покрытаго безобразной кожей, полнаго нечистотъ;—и въ награду я отхожу, наконецъ, къ успокоенію въ бездонной глубинѣ абсолютнаго, въ Уничтоженіи.

Пламя подымается ему до груди,—затѣмъ охватываетъ всего. Голова выступаетъ какъ бы сквозь отверстіе въ стѣнѣ. Вытаращенные глаза попережнему смотрять.

АНТОНІЙ

встаетъ.

Факель на полу поджегъ древесныя стружки; и пламя подпалило ему бороду.

Съ крикомъ онъ ватаптываетъ огонь;—и вотъ осталась только груда пепла:

Гдѣ же Иларіонъ? Онъ сейчасъ былъ здѣсь. Я его видѣлъ.

О, нѣтъ, не можетъ быть, я заблуждаюсь! Почему?..
Право, это было явственнѣе моей хижины, этихъ камней,
песку. Я схожу съ ума. Спокойствіе! Гдѣ я былъ? что про-
изошло?

Ахъ, гимнософистъ! Эта смерть въ обычаѣ у индійскихъ
мудрецовъ. Каланосъ сжегъ себя передъ Александромъ; дру-
гой сдѣлалъ то же во времена Августа. Какую нужно имѣть
ненависть къ жизни! А можетъ быть, ихъ толкаетъ гордость?..
Все равно, это безтрепетность мучениковъ!.. Что касается
ихъ, я вѣрю теперь всему, что мнѣ говорили о распущен-
ности, которую они порождаютъ.

А передъ этимъ? Да, вспоминаю! толпа ересіарховъ...
Какіе крики! какіе глаза! Но почему столько излишествъ
плоти и заблужденій духа?

Всѣми этими путями они мнятъ достигъ Бога! По ка-
кому праву мнѣ проклинать ихъ, разъ я самъ колеблюсь
въ вѣрѣ? Когда они удалились, я былъ, быть можетъ, ближе
къ ней. Все это было похоже на вихрь; не было времени
отвѣтить. Сейчасъ въ моей головѣ какъ будто яснѣе и больше
свѣту. Я спокоенъ. Я чувствую себя способнымъ... Что это
значить? какъ будто я потушилъ огонь.

Огонекъ перепархиваетъ среди скалъ; и немного спусти
вдали въ горахъ слышенъ отрывистый голосъ.

Что это, лай гіены, или рыданья заблудившагося путника?
Антоній слушаетъ. Огонекъ приближается.

И вотъ передъ нимъ плачущая женщина, которая обло-
котилась на плечо человѣка съ сѣдой бородой.

Она одѣта въ платье изъ лохмотьевъ пурпура. Онъ съ
обнаженной головой, какъ и она, въ туникѣ того же цвѣта,
и съ бронзовымъ сосудомъ, откуда подымается маленькое
голубое пламя.

Антонію страшно — и хочется узнать, кто эта женщина.
Чужестранецъ (симонъ).

Это молодая дѣвушка, бѣдное дитя, которое я вожу всюду
за собой.

Поднимаетъ мѣдный сосудъ.

Антоній разсматриваетъ ее при отблескѣ этого колеблющагося пламени.

На лицѣ ея есть отпечатки укусовъ, по рукамъ слѣды ударовъ; растрепанные волосы запутались въ прорѣхахъ ея рубища; глаза кажутся нечувствительными къ свѣту.

СИМОНЪ.

По временамъ она очень долго остается такъ, не говорить, не ѣсть; потомъ просыпается,—и изрекаетъ удивительныя вещи.

АНТОНІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ?

СИМОНЪ.

Энной! Энной! расскажи, что ты знаешь!

Она поводитъ глазами, какъ бы разставаясь со сномъ, медленно проводитъ пальцами по бровямъ, и произноситъ жалобно:

ЕЛЕНА (ЭННОЙЯ).

Я храню память о дальней странѣ, изумруднаго цвѣта. Единственное дерево напоминаетъ ее.

Антоній вадрагиваетъ.

У каждаго ряда ея широкихъ вѣтвей находится въ воздухѣ пара Духовъ. Сучья переплетаются вокругъ нихъ, какъ вены одного тѣла; и они видятъ круговращеніе вѣчной жизни, что восходитъ отъ погруженныхъ въ тѣнь корней до верхушки, которая выше солнца. Я, со второй вѣтви, освѣщала своимъ лицомъ ночи лѣта.

АНТОНІЙ

прикасаясь ко лбу.

А, понимаю! голова!

СИМОНЪ

прикладывая палецъ къ губамъ:

Тс! тс!

ЕЛЕНА.

Парусъ надувался, киль разрѣзалъ пѣну. Онъ говорилъ мнѣ: „Все равно, пусть я врежу родинѣ, пусть потеряю царство! Ты будешь моей, въ моемъ домѣ!“

Какъ плѣнительна была высокая комната его дворца! Онъ возлегалъ на ложе изъ слоновой кости, и, лаская мои волосы, влюбленно пѣлъ.

На закатѣ дня я наблюдала оба лагеря, зажигавшіеся сигналы, Улисса на порогѣ его палатки, Ахилла во всеоружіи, который правилъ колесницей вдоль морского побережья.

АНТОНІЙ.

Но она совсѣмъ безумная! Что съ ней?

СИМОНЪ.

Тссъ! тссъ!

ЕЛЕНА.

Они умастили меня мазями и продали черни, чтобъ я забавляла ее.

Разъ вечеромъ, стоя съ систромъ въ рукѣ, я играла танцующимъ греческимъ матросамъ. Дождь лилъ потоками на кабачекъ и чаши теплаго вина дымились. Вошелъ человѣкъ, хотя дверь была заперта.

СИМОНЪ.

Это былъ я! Я вновь нашелъ тебя!

Передъ тобой, Антоній, та, кого зовутъ Сиге, Эннойя, Барбело, Пруникость! Духи правители міра завидовали ей, и заключили ее въ тѣло женщины.

Она была Еленой Троянцевъ, память о которой проклялъ поэтъ Стесихоръ. Она была Лукреціей, патриціанкой, и ее оскорбили цари. Она была Далилой, отрѣзавшей волосы Самсона. Она была той дочерью Израиля, что отдавалась козламъ. Она любила распутство, идолопоклонство, ложь и глупость. Она отдавалась всѣмъ народамъ. Она пѣла на всѣхъ перекресткахъ. Она перецѣловала всѣ губы.

Въ Тирѣ Сирійскомъ она была любовницей воровъ. Она пила съ ними по ночамъ, и скрывала убійцъ въ отреньяхъ своего теплаго ложа.

АНТОНІЙ.

Что мнѣ до этого?

СИМОНЪ

въ неистовствѣ:

Я выкупилъ ее, говорю тебѣ,—и возстановилъ ее вели-

колѣнне; такъ что Кай Цезарь Калигула влюбился въ нее, ибо пожелалъ спать съ Луной!

АНТОНІЙ.

И что-же?

СИМОНЪ.

Она и есть Луна! Развѣ не писалъ папа Климентъ, что она была заключена въ башню? Триста человекъ окружили башню; и во всѣхъ бойницахъ одновременно появились луны,— хотя на свѣтѣ всего одна Луна, и одна Эпноія!

АНТОНІЙ.

Да... какъ будто вспоминаю.

Впадаетъ въ задумчивость.

СИМОНЪ.

Невинная какъ Христось, который умеръ за мужчинъ, она пожертвовала собою для женщинъ. Ибо безсиліе Іеговы явствуетъ изъ грѣхопаденія Адама, и нужно отвергнуть древній законъ, враждебный строю вещей.

Я проповѣдывалъ обновленіе въ колѣнѣ Ефрема и Иссахара, по теченію потока Бизоръ, позади озера Уле, въ долинѣ Мегиддо, за предѣлами горъ, въ Бострѣ и Дамаскѣ! Пусть придутъ ко мнѣ тѣ, кто утопаютъ въ винѣ, кто утопаютъ въ грязи, кто утопаютъ въ крови; и я омою ихъ скверны Духомъ Святымъ, названнымъ у Грековъ Минервой!

Она Минерва! Она Духъ Святой! Я Юпитеръ, Аполлонъ, Христось, Параклетъ, великое могущество Бога, воплощенное въ лицѣ Симона!

АНТОНІЙ.

Ахъ, это ты... такъ это ты? Но я знаю твои преступленія!

Ты родился въ Гиттонѣ, вблизи Самаріи. Доснеей, твой первый учитель, отослалъ тебя! Ты ненавидишь св. Павла, такъ какъ онъ обратилъ одну изъ твоихъ женъ; и, побѣжденный св. Петромъ, ты отъ страха и бѣшенства бросилъ въ воду мѣшокъ со своими фокусами.

СИМОНЪ.

Хочешь ихъ?

Антоній смотритъ на него; и внутренній голосъ шепчетъ ему: „Почему бы и нѣтъ?“

Симонъ продолжаетъ:

Знающій силы Природы и природу Духовъ долженъ творить чудеса. Это мечта всѣхъ мудрыхъ,—и желаніе, которое гложетъ тебя; признайся!

Въ циркѣ у Римлянъ я взлеталъ такъ высоко, что пропалъ изъ глазъ. Неронъ приказалъ обезглавить меня; но на землю упала голова овцы, вмѣсто моей. Наконецъ, меня заживо похоронили; но я воскресъ въ третій день. Доказательство,—что я передъ тобой!

Даешь ему дотронуться до рукъ. Онѣ пахнутъ трупомъ. Антоній отступаетъ.

По моему приказанію движутся бронзовыя змѣи, смѣются мраморныя статуи, разговариваютъ собаки. Я покажу тебѣ безсчетное множество золота; я воздвигну царей; ты увидишь, что народы поклонятся мнѣ! Я могу ходить по волнамъ и по тучамъ, проходить сквозь горы, обернуться юношей, старикомъ, тигромъ и муравьемъ, принять твой обликъ, дать тебѣ мой, произвести ударъ грома. Слышишь?

Громъ грохочетъ, молніи сверкаютъ другъ за другомъ.

Это голосъ Всевышняго! „ибо Вѣчный твой Богъ есть огонь“, и всѣ созданія происходятъ отъ искръ этого очага.

Ты сейчасъ примешь это крещеніе, — второе крещеніе, возвѣщенное Иисусомъ, и сошедшее однажды на апостоловъ во время грозы, когда было открыто окно!

И двигая рукой съ сосудомъ, онъ колеблетъ пламя,—медленно, какъ бы окропляя имъ Антонія:

Мать милосердія, ты, которая открываешь тайны, чтобы миръ посѣтилъ насъ въ восьмомъ домѣ...

А Н Т О Н І Й

воскликаетъ:

Ахъ, если бѣ у меня была святая вода!

Пламя гухнетъ и даетъ много дыма.

Эннойя и Симонъ исчезли.

Необычайно холодный, густой и зловонный туманъ наполняетъ все вокругъ.

АНТОНІЙ

простирая руки, какъ слѣпецъ:

Гдѣ я?.. Я боюсь упасть въ пропасть. А крестъ, очевидно, слишкомъ далеко отъ меня... О, какая ночь! какая ночь!

Подъ порывомъ вѣтра туманъ отодвигается;—и онъ видитъ двухъ мужчинъ, одѣтыхъ въ длинныя бѣлыя туники.

Первый высокаго роста, съ привѣтливымъ лицомъ, внѣшность его значительна. Его свѣтлыя волосы, расчесанные какъ у Христа, ровно спадаютъ на плечи. Онъ бросаетъ жемъ, который держалъ въ рукѣ, и спутникъ подхватываетъ его съ поклономъ, по обычаю Востока.

Этотъ послѣдній малъ, толстъ, курносъ, съ плотной шеей, волосы его курчавы, видъ простодушень.

Оба они босы, съ обнаженными головами, и запылены, какъ будто только что вернулись изъ путешествія.

АНТОНІЙ

встрепенувшись:

Что вамъ нужно? Говорите! Прочь отсюда!

ДАМИДЪ

меньшій изъ нихъ.

Тише, тише, добрый отшельникъ! что мнѣ нужно? Не знаю! Вотъ учитель.

Садится; спутникъ его стоять. Молчаніе.

АНТОНІЙ

продолжаетъ:

Итакъ, вы пришли?..

ДАМИДЪ.

О, издалека,—очень издалека!

АНТОНІЙ.

А идете?

ДАМИДЪ

указывая на спутника:

Куда онъ захочетъ!

АНТОНІЙ.

Кто же онъ, наконецъ?

ДАМИДЪ.

Взгляни на него!

АНТОНІЙ

въ сторону:

Онъ походить на святого! Если бы я рѣшился...

Мгла рассялась. Воздухъ совершенно прозраченъ. Свѣтъ луна.

ДАМИДЪ.

Ты умоляешь, о чемъ же ты думаешь?

АНТОНІЙ.

Я думаю... Нѣтъ, ни о чемъ.

ДАМИДЪ

направляется къ Аполлонію, и нѣсколько разъ обходитъ вокругъ него, согнувшись, не подымая головы.

Учитель! вотъ галилейскій отшельникъ, который хочетъ узнать о началахъ мудрости.

АПОЛЛОНИЙ.

Пусть приблизится!

Антоній колеблется.

ДАМИДЪ.

Приблизься!

АПОЛЛОНИЙ

звучнымъ голосомъ:

Приблизься! Ты желалъ бы знать кто я, что совершилъ, что думаю? Не правда ли, дитя?

АНТОНІЙ.

... Если это, однако, можетъ способствовать моему спасенію...

АПОЛЛОНИЙ.

Радуйся, сейчасъ я сообщу тебѣ все!

ДАМИДЪ

тихо Антонію:

Возможно ли! Очевидно, онъ съ перваго взгляда замѣтилъ въ тебѣ необычайную склонность къ философіи! Я тоже воспользуюсь этимъ, что жъ!

АПОЛЛОНИЙ.

Я расскажу тебѣ сначала о длинномъ пути, который прошелъ въ поискахъ истины; и если ты найдешь во всей моей жизни дурной поступокъ, останови меня, ибо тотъ, кто сѣялъ зло своими поступками, долженъ соблазнять и своими словами.

ДАМИДЪ

Антонію:

Какъ онъ справедливъ! а?

АНТОНІЙ.

Рѣшительно, я думаю, что онъ искрененъ.

АПОЛЛОНИЙ.

Въ ночь, когда я родился, моей матери приснилось, что она собираетъ цвѣты на берегу озера. Вспыхнула молнія, и она произвела меня на свѣтъ подъ крики лебедей, что гѣли въ ея сновидѣніи.

До пятнадцати лѣтъ меня трижды въ день погружали въ Асвадейскій источникъ, воды котораго поражаютъ водянкой клятвopреступниковъ; и мнѣ натирали тѣло листьями книзы, чтобы я былъ цѣломудренъ.

Разъ вечеромъ ко мнѣ пришла царевна изъ Пальмиры, предлагая сокровища, которыя, какъ она знала, находятся въ могилахъ. Геродула храма Діаны, съ отчаянія, зарѣзалась жертвеннымъ ножомъ; а правитель Киликіи, въ заключеніе своихъ обѣщаній, крикнулъ моей семьѣ, что умертвить меня; но какъ разъ самъ онъ погибъ три дня спустя, умерщвленный Римлянами.

ДАМИДЪ

Антонію, подталкивая его локтемъ:

А? развѣ я не говорилъ? что за человекъ!

АПОЛЛОНИЙ.

Я хранилъ четыре года подрядъ полное молчаніе пнеагорейцевъ. Самое неожиданное горе не вырывало у меня вздоха; и въ театрѣ, когда я входилъ, отъ меня отстранялись какъ отъ призрака.

ДАМИДЪ.

Сдѣлалъ ли бы это ты?

АПОЛЛОНИЙ.

Когда кончилось время искуса, я принялся учить жрецовъ, которые исказили преданіе.

АНТОНІЙ.

Какое преданіе?

ДАМИДЪ.

Дай ему продолжать! Молчи!

АПОЛЛОНИЙ.

Я бесѣдовалъ съ Саманеями Ганга, съ астрологами Халдеи, магами Вавилона, съ галльскими Друидами, съ жрецами негровъ. Я взомель на четырнадцать Олимповъ, я измѣрилъ глубину озера Скионъ, я извѣдалъ огромность Пустыни!

ДАМИДЪ.

И все это правда! Я тоже былъ тамъ!

АПОЛЛОНИЙ.

Вначалѣ я побывалъ у Гирканскаго моря. Я обошелъ его кругомъ; и черезъ страну Бараоматовъ, гдѣ погребенъ Будефалъ, я спустился къ Ниневии. У воротъ города ко мнѣ подошелъ человѣкъ.

ДАМИДЪ.

Это былъ я! Добрый учитель! Я полюбилъ тебя сейчасъ же. Ты былъ ласковѣй дѣвушки и прекраснѣ Бога!

АПОЛЛОНИЙ

не слушая его:

Онъ хотѣлъ идти за мной, чтобы служить переводчикомъ.

ДАМИДЪ.

Но ты отвѣтилъ, что понимаешь всѣ языки и тебѣ доступны всѣ мысли. Тогда я поцѣловалъ край твоего плаща и послѣдовалъ за тобой.

АПОЛЛОНИЙ.

За Ктезифономъ мы вступили въ земли Вавилона.

ДАМИДЪ.

И сатрапъ испустилъ крикъ, увидавъ такого блѣднаго человѣка.

АНТОНІЙ

въ сторону:

Что значить...

АПОЛЛОНИЙ.

Царь принялъ меня стоя, вблизи серебрянаго трона, въ круглой залѣ, усыянной звѣздами;—а съ купола, на дѣвочкахъ, которыхъ нельзя разглядѣть, свѣшивались четыре большія золотыя птицы съ распростертыми крыльями.

АНТОНІЙ

мечтательно:

Неужели есть на свѣтѣ такія вещи?

ДАМИДЪ.

Что за городъ этотъ Вавилонъ! всё тамъ богаты! У домовъ, выкрашенныхъ въ синее, бронзовыя двери, и лѣстницы спускаются къ рѣкѣ;

чертить по землѣ палкой,

Вотъ такъ, видишь? А потомъ,—храмы, площади, бани, акведуки! Дворцы отдѣланы красной мѣдью! а внутри, если бы ты зналъ!

АПОЛЛОНИЙ.

Надъ сѣверной стѣной возвышается башня, которая поддерживаетъ вторую, третью, четвертую, пятую—и еще цѣлыхъ три! Восьмая—святилище съ ложемъ. Туда никому нѣтъ доступа, кромѣ женщины, избранной жрецами для Бога Бала. Царь Вавилона поселилъ тамъ меня.

ДАМИДЪ.

Меня же почти и не замѣчали! Такъ, я оставался въ одиночествѣ и бродилъ по улицамъ. Я разузнавалъ объ обычаяхъ; заходилъ въ мастерскія; рассматривалъ могучія машины, доставляющія воду въ сады. Но мнѣ было скучно безъ Учителя.

АПОЛЛОНИЙ.

Наконецъ, мы покинули Вавилонъ; и при свѣтѣ луны мы вдругъ увидали эмпузу.

ДАМИДЪ.

Да, да! Она прыгала на своихъ желѣзныхъ копытахъ; она ржала какъ осель; она скакала по скаламъ. Онъ посыпалъ ей проклятія; она исчезла.

АНТОНІЙ

въ сторону:

Куда же они направляются?

АПОЛЛОНИЙ

Въ Таксилѣ, столицѣ пяти тысячъ укрѣпленій, Фраортъ, царь Гангскій, показывалъ намъ гвардію черноко-

жихъ, ростомъ въ пять локтей, и въ садахъ своего дворца, подъ навѣсомъ изъ зеленой парчи—огромнаго слона, умещеніемъ котораго развлекались царицы. Это былъ слонъ Пора, сбѣжавшій послѣ смерти Александра.

ДАМИДЪ.

И котораго нашли въ одномъ лѣсу.

АНТОНІЙ.

Они говорятъ такъ много, какъ будто пьяны.

АПОЛЛОНИЙ.

Фраорть посадилъ насъ съ собой за столъ.

ДАМИДЪ.

Какая забавная страна! Владыки, на пирахъ, развлекаются стрѣльбой изъ лука подъ ноги танцующимъ дѣтямъ. Но я не одобряю...

АПОЛЛОНИЙ.

Когда я былъ готовъ къ отъѣзду, Царь далъ мнѣ зонтикъ, и сказалъ: „У меня есть на Индѣ табунъ бѣлыхъ верблюдовъ. Когда они не будутъ тебѣ нужны, подуй имъ въ уши. Они возвратятся“.

Мы спустились по теченію рѣки, идя ночью при мерцаніи свѣтляковъ, что блестяли въ бамбукахъ. Рабъ насвистывалъ пѣсенку, чтобы отгонять змѣй: и наши верблюды нагибались, проходя подъ деревьями, какъ севозъ слишкомъ низкія двери.

Однажды, чернѣйшій ребенокъ съ золотымъ жезломъ въ рукѣ привелъ насъ въ школу мудрецовъ. Ярхасъ, ихъ глава, говорилъ мнѣ о моихъ предкахъ, обо всѣхъ моихъ мысляхъ, поступкахъ, существованіяхъ. Онъ былъ нѣкогда рѣкою Индомъ, и напомнилъ мнѣ, что я сопровождалъ барки на Нилѣ во времена царя Сезостриса.

ДАМИДЪ.

Мнѣ же ничего не говорятъ, такъ что я не знаю, кѣмъ я былъ.

АНТОНІЙ.

Они смутны, какъ тѣни.

АПОЛЛОНИЙ.

На берегу моря мы встрѣтили Киноцефаловъ, упившихся молокомъ, которые возвращались изъ похода на островъ Тапробанъ. Телныя волны приносили намъ блѣдный жемчугъ. Амбра хрустѣла у насъ подъ ногами. Скелеты китовъ бѣгали въ расщелинахъ утесовъ. Суша, подъ конецъ, сузилась до размѣра сандали; — и брызнувъ къ солнцу водою Океана, мы повернули направо, чтобы возвратиться назадъ.

Мы возвращались Областью Ароматовъ, страной Гангаридовъ, мимо мыса Комарія, землей Сахалитовъ, Адрамитовъ и Гомеритовъ; — затѣмъ черезъ Кассанійскія горы, Красное море и островъ Топазъ мы проникли въ Эѳіопію, пересѣкли царство Пигмеевъ.

АНТОНИЙ

въ сторону:

Какъ велика земля!

ДАМИДЪ.

И когда мы возвратились домой, всѣ тѣ, кого мы знали прежде, уже умерли.

Антоній склоняетъ голову. Молчаніе.

АПОЛЛОНИЙ

продолжаетъ:

Тогда среди людей начали говорить обо мнѣ.

Чума опустошала Эфесъ; я приказалъ побить камнями стараго нищаго;

ДАМИДЪ.

И чума прекратилась!

АНТОНИЙ.

Какъ? Онъ изгоняетъ болѣзни?

АПОЛЛОНИЙ.

Въ Книдѣ я излѣчилъ влюбившагося въ Венеру.

ДАМИДЪ.

Да, безумца, который обѣщалъ даже жениться на ней. — Любить женщину еще простительно; но статую, какая глупость! Учитель положилъ ему руку на сердце; и любовь тотчасъ угасла.

АНТОНІЙ.

Какъ! онъ освобождаетъ отъ бѣсовъ?

АПОЛЛОНИЙ.

Въ Тарентѣ несли на костеръ молодую мертвую дѣвушку.

ДАМИДЪ.

Учитель дотронулся до ея губъ и она поднялась, призывая мать.

АНТОНІЙ.

Какъ! онъ воскрешаетъ мертвыхъ?

АПОЛЛОНИЙ.

Я предсказалъ Веспасіану власть.

АНТОНІЙ.

Какъ! Онъ угадываетъ будущее?

ДАМИДЪ.

Въ Коринѣ былъ,

АПОЛЛОНИЙ.

Сидя съ нимъ за столомъ, на водахъ въ Байи.

АНТОНІЙ.

Извините меня, иностранцы, уже поздно!

ДАМИДЪ.

Юноша, котораго звали Менипомъ.

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! уходите!

АПОЛЛОНИЙ.

Вбѣжала собака, неся въ пасти отрубленную руку.

ДАМИДЪ.

Разъ вечеромъ, въ предмѣстьѣ, онъ встрѣтилъ женщину.

АНТОНІЙ.

Вы не слышите меня? Удайтесь!

АПОЛЛОНИЙ.

Собака безцѣльно бродила вокругъ возлежавшихъ.

АНТОНІЙ.

Довольно!

АПОЛЛОНИЙ.

Ее хотѣли прогнать.

ДАМИДЪ.

Менишъ же отправился къ женщинѣ; они полюбили другъ друга.

АПОЛЛОНИЙ.

И постукивая хвостомъ по мозаикѣ, собака положила эту руку на колѣни Флавія.

ДАМИДЪ.

Но утромъ, на урокахъ въ школѣ, Менишъ былъ блѣденъ.

АНТОНИЙ

отскакивая:

Опять! Ахъ, пусть продолжаютъ, вѣдь нѣтъ...

ДАМИДЪ.

Учитель сказалъ ему: „О прекрасный юноша, ты ласкаешь змѣю; змѣя ласкаетъ тебя. Когда свадьба?“ Мы всё пошли на свадьбу.

АНТОНИЙ.

Право, какъ глупо, что я слушаю это!

ДАМИДЪ.

Начиная со входа двигались служители, открывались двери; однако, не было слышно ни шума шаговъ, ни скрипа дверей. Учитель сѣлъ возлѣ Мениша. Тотчасъ же новобрачному овладѣлъ гнѣвъ на философовъ. Но золотая посуда, виночерпи, повара, хлѣбодары, все исчезло; крыша слетѣла, стѣны рухнули; и Аполлоній стоялъ одинъ, недвижимо, а у его ногъ лежала женщина, вся въ слезахъ. Это былъ вампиръ, удовлетворявшій красивыхъ юношей, чтобы пожирать ихъ тѣла,—ибо ничего нѣтъ пріятнѣе для этого рода выходцевъ, чѣмъ кровь влюбленныхъ.

АПОЛЛОНИЙ.

Если ты хочешь знать искусство...

АНТОНИЙ.

Я не хочу ничего знать!

АПОЛЛОНИЙ.

Въ вечеръ нашего прибытія къ воротамъ Рима,

АНТОНИЙ.

О! да! говорите мнѣ о городѣ папъ!

А П О Л Л О Н И Й.

Пьяный человекъ подошелъ къ намъ, напѣвая пріятнымъ голосомъ. Это была эпиталама Нерона; и онъ имѣлъ право умертвить всякаго, кто слушалъ небрежно. Онъ носилъ на спинѣ, въ ящичкѣ, струну съ киеары Императора. Я пожалъ плечами. Онъ бросилъ намъ въ лицо грязью. Тогда я разстегнулъ свой поясъ, и передалъ его ему въ руки.

Д А М И Д Ъ.

Извини меня, это была ошибка!

А П О Л Л О Н И Й.

Ночью Императоръ велѣлъ позвать меня во дворецъ. Онъ игралъ въ кости со Споромъ, облокотившись лѣвой рукой на агатовый столъ. Онъ обернулся, хмурия свои свѣтлыя брови: „Почему ты не боишься меня?“ спросилъ онъ. „Потому что Богъ, создавшій тебя свирѣпымъ, далъ мнѣ безтрепетность“, отвѣтилъ я.

А Н Т О Н И Й

въ сторону:

Что-то необъяснимое ужасаетъ меня.

Молчаніе.

Д А М И Д Ъ

продолжаетъ пронзительнымъ голосомъ.

Кромѣ того, вся Азія могла бы подтвердить тебѣ...

А Н Т О Н И Й

порывисто:

Я боленъ! оставьте меня!

Д А М И Д Ъ.

Слушай же! Онъ видѣлъ, изъ Эфеса, какъ убивали Домициана, который былъ въ Римѣ.

А Н Т О Н И Й

пытаясь смѣяться:

Развѣ это возможно?

Д А М И Д Ъ.

Да, въ театрѣ, среди бѣла дня—четырнадцатаго октябрьскихъ календъ, онъ вдругъ воскликнулъ: „Убиваютъ Цезаря!“ и прибавлялъ отъ времени до времени: „Онъ падаетъ“

на землю; о, какъ онъ борется. Онъ поднимается; пробуетъ убѣжать; двери заперты; ахъ, конечно! онъ мертвъ“. И въ этотъ день, дѣйствительно, Титъ Флавій Домиціанъ былъ умерщвленъ, какъ ты знаешь.

АНТОНІЙ.

Безъ помощи Дьявола... разумѣется...

АПОЛЛОНИЙ.

Онъ хотѣлъ погубить меня, этотъ Домиціанъ! Дамидъ бѣжалъ по моему приказу, и я остался одинъ въ темницѣ.

ДАМИДЪ.

Это была страшная смѣлость, надо сознаться!

АПОЛЛОНИЙ.

Въ пятомъ часу солдаты привели меня въ судилищѣ. Рѣчь моя была написана, и я держалъ ее подъ плащомъ.

ДАМИДЪ.

Мы, остальные, были на прибрежьи Пуццоли. Мы думали, что ты уже мертвъ; мы плакали. Какъ вдругъ, въ шестомъ часу, ты внезапно появился и сказалъ: „Это я“.

АНТОНІЙ

въ сторону:

Какъ Онъ!

ДАМИДЪ

очень громко:

Совершенно такъ же!

АНТОНІЙ.

О, нѣтъ, вы ждете, конечно вы ждете!

АПОЛЛОНИЙ.

Онъ сошелъ съ Неба. Я же восхожу туда,—благодаря своей добродѣтели, возведшей меня до высоты Начала!

ДАМИДЪ.

Тіана, его родной городъ, воздвигъ въ честь его храмъ со жрецами!

АПОЛЛОНИЙ

приближается къ Антонію и кричитъ ему:

Ибо я знаю всѣхъ боговъ, всѣ обряды, всѣ молитвы, всѣ

оракулы! Я проникъ въ пещеру Трофонія, сына Аполлона! Я закващивалъ для Сиракузянокъ пироги, которые они носятъ въ горы! я выдержалъ восемьдесятъ испытаній Митры! я прижималъ къ своей груди змѣю Сабазія! я получилъ поясъ Кабировъ! я купалъ Кибелу въ волнахъ кампанскихъ заливовъ, и я провалъ три луны въ пещерахъ Самоеракин!

ДАМИДЪ

глупо смѣясь:

А, да, да! при тайнствахъ Доброй Богини!

АПОЛЛОНИЙ.

И теперь мы возобновляемъ паломничество! Мы идемъ къ Сѣверу, въ страну лебедей и снѣговъ. На бѣлой равнинѣ слѣпые гиппоподы топчуть копытами заморскія растенія.

ДАМИДЪ.

Идемъ! уже заря. Пѣтухъ проеричалъ, лошадь проржала, корабль готовъ.

АНТОНИЙ.

Пѣтухъ не кричалъ! Я слышу сверчка въ пескахъ, и луна попрежнему стоитъ на небѣ.

АПОЛЛОНИЙ.

Мы идемъ къ Югу, дальше горъ и великихъ волнъ, искать въ ароматахъ смысла любви. Ты вдохнешь запахъ мирродіона, который губитъ слабыхъ. Ты искупаешь свое тѣло въ оверѣ розоваго масла на островѣ Юнонія. Ты увидишь ящерицу, спящую на буквицахъ, что пробуждается каждый вѣкъ, какъ выпадаетъ въ часъ ея зрѣлости карбункулъ съ ея лба. Звѣзды мерцаютъ какъ рѣсницы, каскады поютъ какъ лиры, опьяненіе исходитъ отъ распустившихся цвѣтовъ; твой духъ какъ и твоя виѣшность расцвѣтутъ среди вѣтерковъ.

ДАМИДЪ.

Учитель! время! Сейчасъ подыметъ вѣтеръ, ласточки просыпаются, улетѣлъ листочекъ мирты!

АПОЛЛОНИЙ.

Да, идемъ!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, я остаюсь!

АПОЛЛОНИЙ.

Хочешь, я сообщу тебѣ, гдѣ найти растеніе Балисъ, что воскрешаетъ мертвыхъ?

ДАМИДЪ.

Проси у него лучше андродамасъ, привлекающей серебро, желѣзо и мѣдь!

АНТОНІЙ.

О, какъ я страдаю! какъ я страдаю!

ДАМИДЪ.

Ты будешь понимать языкъ всѣхъ тварей, рычанія, воркованія!

АПОЛЛОНИЙ.

Я посажу тебя на единорога, на драконовъ, на гиппоцентавровъ и дельфиновъ.

АНТОНІЙ

плачетъ

О! о.!. о!

АПОЛЛОНИЙ.

Ты узнаешь демоновъ, что живутъ въ пещерахъ, тѣхъ, что говорятъ въ лѣсахъ, вадываютъ волны, гонять облака.

ДАМИДЪ.

Стяни свой поясъ! завяжи сандаліи!

АПОЛЛОНИЙ.

Я объясню тебѣ смыслъ изображеній боговъ, — почему Аполлонъ стоитъ, Юпитеръ сидитъ, почему Венера черна въ Коринѣ, четырехугольна въ Афинахъ, коническая въ Пафосѣ.

АНТОНІЙ,

соединяя руки:

Уйдите! Уйдите!

АПОЛЛОНИЙ.

Я буду срывать предъ тобой доспѣхи съ Боговъ, мы взломаемъ святилища, я дамъ тебѣ изнасиловать Пнеюю!

АНТОНІЙ.

На помощь, Господи!

Бросается къ кресту.

АПОЛЛОНИЙ.

Чего ты хочешь? о чемъ мечтаешь? Торопись же подумать...

АНТОНІЙ.

Иисусъ, Иисусъ, на помощь!

АПОЛЛОНИЙ.

Хочешь, чтобы я заставилъ явиться Иисуса?

АНТОНІЙ.

Что? Какъ?

АПОЛЛОНИЙ.

Это будетъ онъ! никто иной! Онъ сброситъ свой вѣнецъ, и мы поговоримъ лицомъ къ лицу.

ДАМИДЪ

тихо:

Скажи, что очень хочешь! Скажи, что очень хочешь!

Антоній бормочетъ молитвы у подножья креста. Дамидъ вертится вокругъ него съ заискивающими жестами.

Ну, добрый отшельникъ, дорогой святой Антоній! чело-вѣкъ чистый, знаменитый, которому нѣтъ достаточныхъ похвалъ! Не пугайся; это просто приѣмъ говорить преувеличивая, заимствованный съ Востока. Это нисколько не мѣшаетъ...

АПОЛЛОНИЙ.

Оставь его, Дамидъ!

Онъ вѣритъ, какъ невѣжда, въ дѣйствительность внѣшняго міра. Ужасъ передъ Богами мѣшаетъ ему понять ихъ; и онъ унижаетъ своего Бога до уровня ревниваго царя.

Ты, сынъ мой, не покидай меня!

Пятая приближается къ краю утеса, переступаетъ его и останавливается въ воздухѣ.

Надъ всѣмъ видимымъ, далѣе земли, за предѣлами неба, пребываетъ міръ Идей, полный слова! Однимъ движеніемъ мы перейдемъ въ другую область; и ты познаешь въ ея безконечности Вѣчное, Абсолютное, Сущее!—Идемъ! дай мнѣ руку! Въ путь!

Оба, бокъ-о-бокъ, плавно поднимаются вверху.
 Антоній, обнимая крестъ, смотритъ на нихъ.
 Они исчезаютъ.

V.

АНТОНІЙ,

медленно шагая:

Этотъ стоитъ дѣлаго ада!

Навуходоносоръ поразилъ меня меньше. Царица Савская
 восхитила не такъ глубоко.

То, какъ онъ говоритъ о Богахъ, внушаетъ желаніе
 узнать ихъ.

Помню, я видѣлъ ихъ сотни одновременно на островѣ
 Элефантинѣ при Диоклетіанѣ. Императоръ уступилъ Нома-
 дамъ обширный край, подъ условіемъ охраны границъ; и до-
 говоръ былъ заключенъ во имя „Силъ невидимыхъ“. Ибо
 каждое племя знало только своихъ Боговъ.

Варвары привезли своихъ. Они заняли песчаные холмы,
 что окаймляютъ рѣку. Было видно, какъ они держатъ на
 рукахъ своихъ идоловъ, точно большихъ параличныхъ дѣтей;
 или они плавали между пороговъ на пальмовыхъ стволахъ,
 показывая издали амулеты на шеѣ, татуировку груди;—и въ
 этомъ не больше преступнаго, чѣмъ въ религіи Грековъ,
 жителей Азіи и Римлянъ!

Когда я жилъ въ храмѣ Геліополя, я часто наблюдалъ
 изображенія на стѣнахъ: ястребовъ съ жезлами, крокодиловъ,
 что играли на лирахъ, лица мужчинъ съ туловищами змѣй,
 женщинъ съ коровьими головами, что простирались передъ
 итифаллическими богами; и ихъ сверхъестественные образы
 вводили меня въ иные міры. Мнѣ интересно было бы знать,
 что видятъ эти спокойные глаза.

Чтобы матерія обладала такой властью, она должна
 содержать духъ. Души Боговъ связаны съ ихъ изображеніями...

Тѣ изъ нихъ, кто прекрасенъ, могутъ соблазнять. Но
 остальные.... противные и ужасные, какъ вѣрить въ нихъ?..

И мимо него вровень съ землей движутся листья, камни,
 раковины, вѣтви деревьевъ, неясныя изображенія живот-

ныхъ, разныя уродцы, раздутые водяной; это Божества. Онъ раздражается смѣхомъ.

Сзади тоже раздается смѣхъ; и появляется Иларіонъ— въ одеждѣ отшельника, гораздо большаго роста, чѣмъ былъ только-что, гигантъ.

АНТОНІЙ

не удивленъ, что вновь видитъ его.

Какимъ глупцомъ нужно быть, чтобы поклоняться этому!

ИЛАРИОНЪ.

О, да, необычайнымъ глупцомъ!

И вотъ передъ ними проходятъ идолы всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣдовъ, изъ дерева, металла, гранита, перьевъ, спитыхъ шкуръ.

Самые древніе, предшествовавшіе Потопу, теряются подъ морскими водорослями, что висятъ какъ гривы. У нѣкоторыхъ, несоразмѣрно высокихъ, лопаются суставы, и шагая они переламываютъ себѣ поясицы.

Изъ другихъ сыплется песокъ черезъ дыры въ брюхахъ.

Антоній и Иларіонъ въ восторгѣ. Они хватаются за бока отъ хохота.

Потомъ проходятъ идолы, похожіе на барановъ. Они покачиваются на кривыхъ ногахъ, приоткрываютъ вѣки и мычатъ какъ нѣмые: „Ba! ba! ba!“

Чѣмъ ближе они къ человѣческому типу, тѣмъ сильнѣе раздраженіе Антонія. Онъ бьетъ ихъ кулаками, ногой, кидается на нихъ.

Они становятся ужасны—съ высокими гребнями, шарообразными глазами, руки ихъ переходятъ въ когти, пасти какъ у акулъ.

И передъ этими Богами умерщвляютъ на каменныхъ алтаряхъ людей; другихъ толкутъ въ чанахъ, давятъ колесницами, пригвождаютъ къ деревьямъ. Среди Божествъ одно изъ раскаленнаго желѣза и съ бычьими рогами; оно пожираетъ дѣтей.

АНТОНІЙ.

О, ужасъ!

ИЛАРИОНЪ.

Но Боги всегда требуютъ мукъ. Даже твой пожелалъ...

АНТОНІЙ,

рыдая:

О, не доканчивай, умолкни!

Ограда скаль превращается въ долину. На ней щиплетъ мелкую травку стадо быковъ.

Пастухъ, караулящій ихъ, смотритъ на облако;—и гор-
таннымъ голосомъ выкрикиваетъ къ небу слова повелѣнія.

И Л А Р І О Н Ъ.

Такъ какъ ему нуженъ дождь, онъ старается пѣніемъ
принудить царя небесъ раскрыть живоносную тучу.

А Н Т О Н І Й,

смѣясь:

Что за глупѣйшая гордость!

И Л А Р І О Н Ъ.

А зачѣмъ ты произносишь заклинанія?

Долина становится молочнымъ моремъ, недвижимымъ и
безбрежнымъ.

Посрединѣ плаваешь продолговатая колыбель, составлен-
ная изъ колецъ змѣи, всѣ головы которой, склоняясь одно-
временно, бросаютъ тѣнь на бога, заснуваго на ея тѣлѣ.

Онъ молодъ, безбородъ, прекраснѣе дѣвушки и покрытъ
прозрачными пеленами. Жемчуги его тѣры блистаютъ
ласково, какъ луны, цѣпочка изъ звѣздъ дѣлаетъ нѣ-
сколько оборотовъ на его груди; и подложивъ одну руку
подъ голову, вытянувъ другую, онъ отдыхаетъ въ задумчи-
вости и опьяненіи.

Женщина на корточкахъ у его ногъ ожидаетъ его про-
бужденія.

И Л А Р І О Н Ъ.

Это первородная двойственность Брахмановъ,—ибо Абсо-
лютъ не выражается ни въ какой формѣ.

Изъ пупа Бога выросъ стебель лотоса; и въ его вѣнчикѣ
появляется другой Богъ съ тремя лицами.

А Н Т О Н І Й.

Что за диковина!

И Л А Р І О Н Ъ.

Отецъ, Сынъ и Духъ Святой такъ же соединены въ одномъ
существовѣ!

Три головы разъединяются и показываются три вели-
кихъ Бога.

Первый, рововый, кусаетъ большой палецъ своей ноги.

Второй, синій, движетъ четырьмя руками.

На третьемъ, зеленомъ, ожерелье изъ человѣчьихъ чешуевъ.

Передъ ними сейчасъ же появляются три Богини,—одна покрыта сѣткой, другая протягиваетъ чашу, третья размахиваетъ лукомъ.

И число этихъ Боговъ и Богинь удесятеряется, умножается. На ихъ плечахъ вырастаютъ руки, которыя держатъ знамена, топоры, щиты, мечи, зонтики и барабаны. Изъ ихъ головъ бьютъ фонтаны, изъ ноздрей свѣшиваются травы.

Верхомъ на птицахъ, укачиваемые въ паланкинахъ, всѣдая на золотыхъ креслахъ, стоя въ нипахъ изъ слоновой кости, они мечтаютъ, путешествуютъ, предводительствуютъ, пьютъ вино, вдыхаютъ запахи цвѣтовъ. Танцовщицы пляшутъ, гиганты преслѣдуютъ чудищъ; у входовъ въ гроты размышляютъ пустынники. Нельзя отличить зрачковъ отъ вѣядъ, облаковъ отъ знаменъ; павлины пьютъ изъ ручьевъ золотого песка, вышивки на шатрахъ смѣшиваются съ пятнами леопардовъ, разноцвѣтные лучи перекрещиваются въ голубомъ воздухѣ съ летящими стрѣлами и кадящими курильницами.

И все это развертывается какъ высокій фризъ, опираясь основаніемъ на скалы и восходя вверхъ къ небесамъ.

АНТОНІЙ

въ восхищеніи:

Какое множество! чего они хотятъ?

ИЛАРИОНЪ.

Тотъ, что третъ себѣ брюхо слоновымъ хоботомъ,—Богъ солнца, вдохновитель мудрости.

Вотъ этотъ, на шести головахъ котораго башни и въ четырнадцать рукахъ дротики, царь войны, огонь-пожиратель.

Старикъ верхомъ на крокодилѣ ѣдетъ къ побережью омывать души умершихъ. Ихъ будетъ мучить эта черная женщина съ гнилыми зубами, владычица ада.

Колесница съ рыжими кобылами, которою править безногій кучеръ, носить по воздуху властелина солнца. Богъ луны сопровождаетъ его въ повозкѣ, запряженной тройкой газелей.

Колѣнопреклоненная на спинѣ попугая, Богиня Красоты предлагаетъ богу Любви, своему сыну, свой круглый сосецъ.

Вотъ она дальше прыгаетъ въ радости по лугамъ. Смотри! смотри! съ ослѣпительной митрой на головѣ, она мчится по полямъ, по волнамъ, восходитъ кверху,—она вездѣ!

Среди этихъ Боговъ возсѣдаютъ Геніи вѣтровъ, планетъ, мѣсяцевъ, дней, тысячи всякихъ другихъ! и ихъ облики многообразны, ихъ измѣненія быстры. Вотъ одинъ изъ рыбъ превращается въ черепаху; теперь у него голова кабана, туловище карлика.

АНТОНІЙ.

Для чего это?

ИЛАРІОНЪ

Чтобъ возстановить равновѣсіе, чтобы побѣдить зло. Но жизнь истощается, формы изнашиваются; и онѣ должны совершенствоваться въ превращеніяхъ.

Вдругъ появляется

НАГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

сидящій въ песокъ скрестивъ ноги.

Широкое сіяніе мерцаетъ сзади него въ воздухѣ. Мелкіе завитки черныхъ волосъ съ синеватымъ отливомъ симметрично опоясываютъ выступъ на темени. Очень длинныя руки вытянуты по бокамъ. Ихъ кисти, съ ладонями вверхъ, покоятся на бедрахъ. На ступняхъ ногъ изображеніе двухъ солнцъ; и онъ совершенно недвижимъ передъ Антоніемъ и Иларіономъ; вокругъ всѣ Боги выстроились по утесамъ, какъ по ступенямъ цирка.

Губы его приоткрываются; и слышенъ низкій голосъ:

Я учитель великой милостыни, облегчитель созданій, и вѣрующимъ какъ и невѣждамъ я излагаю законъ.

Чтобы освободить міръ, я пожелалъ родиться среди людей. Боги рыдали, когда я ушелъ.

Я искалъ вначалѣ женщину, какую слѣдуетъ: изъ воинской касты, добродѣтельную, необычайно прекрасную, съ глубокимъ пупкомъ, съ крѣпкимъ какъ алмазъ тѣломъ; и во время полнолунія безъ посредства самца я вошелъ въ ея чрево.

Я вышелъ оттуда черезъ правый бокъ. Звѣзды остановились.

И Л А Р І О Н Ъ,

бормочетъ сквозь зубы:

„Увидѣвши же звѣзду, они возрадовались радостью весьма великою!“

Антоній смотритъ внимательно на

В У Д Д У,

который продолжаетъ:

Изъ глубины Гималаевъ одинъ благочестивый старецъ пришелъ посмотрѣть на меня.

И Л А Р І О Н Ъ.

„Человѣкъ, именемъ Симеонъ. Ему было предсказано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня!“

В У Д Д А.

Меня учили въ школахъ. Тамъ я зналъ больше, чѣмъ учителя.

И Л А Р І О Н Ъ.

...„Сидящаго посреди учителей; и всѣ слушавшіе Его дивились разуму и отвѣтамъ Его“.

Антоній дѣлаетъ Иларіону знакъ замолчать.

В У Д Д А.

Безпрерывно размышлялъ я въ садахъ. Тѣни деревъ передвигались; но тѣнь того, что укрывало меня, была неподвижна.

Никто не могъ сравниться со мной въ знаніи писаній, исчисленіи атомовъ, управленіи слонами, въ работахъ изъ воску, астрономіи, поэзій, кулачномъ боѣ, во всѣхъ упражненіяхъ и во всѣхъ искусствахъ!

Слѣдуя обычаю, я взялъ себѣ супругу;—и я проводилъ дни въ своемъ царскомъ дворцѣ, одѣтый въ жемчугъ, въ потокахъ ароматовъ, овѣваемый опахалами тридцати трехъ тысячъ женщинъ, созерцая мои народы съ высоты террасъ, украшенныхъ звенящими колокольчиками.

Но видъ ничтожества міра отвратилъ меня отъ наслажденій. Я бѣжалъ.

Я нищенствовалъ на дорогахъ, покрытый лохмотьями, которые подбиралъ въ гробницахъ; и такъ какъ былъ одинъ

очень мудрый отшельникъ, я пожелалъ сдѣлаться его рабомъ; я стерегъ его дверь, я мылъ ему ноги.

Уничтожились всѣ ощущенія, всѣ радости, всѣ томленія.

Затѣмъ, сосредоточивъ мысль на болѣе глубокомъ размышленіи, я позналъ существо вещей, призрачность видимаго.

Я быстро исчерпалъ науку Брахмановъ. Ихъ грызутъ желанія несмотря на суровость ихъ вида, они испачкиваются нечистотами, спятъ на шипахъ, надѣясь придти къ блаженству путемъ смерти!

И Л А Р І О Н Ъ .

„Фарисей, лицемеръ, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, порожденія ехиднѣ!“

В У Д Д А .

Я также совершилъ много изумительнаго; я сѣдалъ въ день всего по зернышку риса, а зерна риса въ тѣ времена не были крупнѣ теперешнихъ;—мои волосы выпали, тѣло стало чернымъ; глаза, ушедшія въ орбиты, казались звѣздами на днѣ колодца.

Шесть лѣтъ я пребывалъ неподвижнымъ, отдаваясь мухамъ, лвамъ и змѣямъ; и я встрѣчалъ великія жары, великіе дожди, снѣгъ, молнію, градъ и бурю, не закрываясь даже рукой.

Проѣзжавшіе путники, считая меня мертвымъ, бросали въ меня издали комьями земли!

Мнѣ не хватало искушенія Дьявола.

Я призвалъ его.

Явились его сыновья—мерзкіе, въ струпьяхъ, отъ нихъ воняло какъ изъ кладовыхъ для мяса, они выли, свистѣли, мычали, бряцали доспѣхами и костями мертвецовъ. Одни изрыгаютъ пламя изъ ноздрей, другіе наводятъ тьму своими крыльями, на третьихъ чѣтки изъ отрубленныхъ пальцевъ, четвертые пьютъ ядъ змѣи съ ладоней своихъ рукъ; у нихъ свиньи, единорожьи и жабы морды, всевозможные облики, внушающіе отвращеніе и ужасъ.

АНТОНІЙ

въ сторону:

Я испыталъ все это нѣкогда!

БУДДА.

Затѣмъ онъ послалъ мнѣ своихъ дочерей—прекрасныхъ, нарумяненныхъ, въ золотыхъ ноесахъ, съ бѣлыми какъ жасминъ зубами, съ округлыми какъ хоботь слона бедрами. Нѣкоторыя зѣвая вытягиваютъ руки, чтобъ показать ямочки на локтяхъ; другія подмигиваютъ глазами, третьи принимаютъ хохотать, четвертыя пріотерываютъ одежды. Здѣсь есть стыдливыя дѣвушки, полныя гордости матроны, царицы съ длинной свитой рабовъ и поклажи.

АНТОНІЙ

въ сторону:

А! и онъ тоже?

БУДДА.

Побѣдивъ демона, я провелъ двѣнадцать лѣтъ, питаюсь исключительно благоуханіями; и такъ какъ я приобрѣлъ пять добродѣтелей, пять способностей, десять силъ, восемнадцать субстанцій и проникъ въ четыре сферы невидимаго міра, Разумъ почилъ на мнѣ! Я сталъ Буддой.

Всѣ Божества склоняются; тѣ, у кого нѣсколько головъ, наклоняютъ всѣ сразу.

Онъ поднимаетъ свою длинную руку и продолжаетъ:

Чтобы освободить созданія, я принесъ сотни тысячъ жертвъ! Я роздалъ бѣднымъ шелковыя одежды, постели, колесницы, дома, груды золота и алмазовъ. Я отдалъ свои руки безрукимъ, ноги хромымъ, глаза слѣпымъ; я отрубилъ свою голову для обезглавленныхъ. Будучи царемъ, я раздавалъ области; будучи брахманомъ, я не отвергъ никого. Когда я былъ пустынникомъ, я обратился съ ласковыми словами къ разбойнику, зарѣзавшему меня. Когда я былъ тигромъ, я уморилъ себя голодомъ.

И въ этомъ послѣднемъ существованіи, проповѣдавъ законъ, я свободенъ отъ дѣлъ. Великій періодъ законченъ! Люди, животныя, Боги, бамбуки, океаны, горы, песчинки съ

береговъ Ганга и мириады мириадъ звѣздъ, все умреть; и до новыхъ рожденій пламя будетъ плясать на развалинахъ погибшихъ мировъ!

Тогда безуміе овладѣваетъ Богами. Они шатаются, падаютъ въ конвульсіяхъ, и извергаютъ свои жизни. Ихъ короны разламываются, знамена улетаютъ. Они срываютъ свои символы, полъ, бросаютъ черезъ плечи чаши, изъ которыхъ пили безсмертіе, удушаютъ себя своими змѣями, падаютъ, изнемогая въ дыму;—и когда все исчезло

И Л А Р І О Н Ъ

говорить тихо:

Ты только что видѣлъ вѣру многихъ сотенъ миллионовъ людей!

Антоній лежитъ на полу, закрывъ лицо руками. Стоя передъ нимъ, спиной къ кресту, смотритъ на него Иларіонъ. Проходитъ довольно долгое время.

Затѣмъ появляется странное существо съ человѣческой головой и рыбьимъ туловищемъ. Оно подвигается стоймя, ударяя хвостомъ по песку;—и етотъ патриархъ съ короткими руками вызываетъ у Антонія смѣхъ.

О А Н Н Ъ

жалобнымъ голосомъ:

Почитай меня! Я современникъ сотворенія міра.

Я обиталъ въ царствѣ безформеннаго, гдѣ дремали двуполыя твари подъ грузомъ непрозрачной атмосферы, въ глубинѣ темныхъ волнъ,—когда пальцы, плавники и крылья не были раздѣлены, и когда глаза безъ головъ плавали какъ моллюски, среди быковъ съ человѣчьими лицами и змѣй съ собачьими лапами.

Надъ этимъ сборищемъ существо согнута какъ обручъ Оморока простирала свое тѣло женщины. Но Балъ разсѣкъ ее на двѣ части, изъ одной создалъ землю, изъ другой небо; и два родственныхъ міра взаимно созерцаютъ другъ друга.

Я, первое сознаніе Хаоса, возсталъ изъ бездны, чтобы уплотнить матерію, чтобы установить формы; и я научилъ людей рыболовству, сѣву, письму и исторіи Боговъ.

Съ тѣхъ поръ я живу въ прудахъ, оставшихся отъ Потопа. Но пустыня разрастается вокругъ, вѣтеръ заноситъ

ихъ пескомъ, солнце пожираетъ ихъ;—и я умираю на своемъ ложѣ изъ ила, совершая звѣзды сквозь воду. Я возвращаюсь туда. Прыгаетъ и исчезаетъ въ Нилѣ.

И Л А Р І О Н ъ.

Это древнее Божество Халдеевъ!

А Н Т О Н І Й

иронически:

Такъ каковы же были Вавилонскія?

И Л А Р І О Н ъ.

Ты можешь ихъ увидѣть!

И они оказываются на площадкѣ четырехугольной башни, высящейся надъ шестью другими, которыя по мѣрѣ подъема суживаются и образуютъ фантастическую пирамиду. Внизу виднѣется черная масса,—очевидно городъ,—расположенный въ равнинѣ. Холодно, небо темно-синее; мерцаютъ множество звѣздъ.

Посреди площадки стоитъ колонна бѣлаго камня. Жрецы въ льняныхъ одеждахъ ступаютъ вокругъ вереницею, описывая своимъ движеніемъ какъ бы живой кругъ; и поднявъ головы они совершаютъ звѣзды.

И Л А Р І О Н ъ

указываетъ Святому Антонію многія изъ нихъ:

Главныхъ свѣтилъ тридцать. Пятнадцать смотрятъ на землю сверху, пятнадцать снизу. Черезъ опредѣленные промежутки одно изъ нихъ устремляется изъ верхнихъ областей внизъ, а другое покидаетъ нижнія, чтобы достичь высшихъ.

Изъ семи планетъ двѣ благосклонны, двѣ враждебны, три безразличны; все на свѣтѣ зависитъ отъ этихъ вѣчныхъ огней. По ихъ мѣсту и движеніямъ можно предсказать будущее;—и ты попираешь священнѣйшее мѣсто на землѣ. Пиеагоръ и Зороастръ встрѣтились здѣсь. Вотъ ужъ двѣнадцать тысячъ лѣтъ эти люди наблюдаютъ небо, чтобы лучше знать Боговъ.

А Н Т О Н І Й.

Звѣзды не Боги.

И Л А Р І О Н ъ.

Боги, говорятъ они; ибо все вокругъ насъ переходитъ; а небо, какъ вѣчность, остается недвижнымъ!

АНТОНІЙ.

Надъ нимъ есть, однако, властелинъ!

ИЛАРІОНЪ

указывая на колонну:

Вотъ онъ, Бэлъ, первый свѣтъ, Солнце, Самецъ!—Другая, кого онъ оплодотворяетъ, подъ нимъ!

Передъ Антоніемъ садъ, освѣщенный свѣтильниками.

Онъ въ кипарисовой аллеѣ, вокругъ него толпа. Направо и лѣво небольшія дорожки ведутъ къ хижинамъ въ гранатовой рошѣ, которая огорожена камышевымъ плетнемъ.

На большинствѣ мужчинъ остроконечныя шапочки и пестрыя какъ перья павлиновъ, одежды. Здѣсь люди съ-вера въ медвѣжьихъ шкурахъ, номады въ плащахъ бурой шерсти, блѣдые Гангариды съ длинными серьгами; матросы и каменотесы ходятъ рядомъ съ царевичами въ алмазныхъ тиарахъ, у которыхъ въ рукахъ длинныя трости съ чеканными набалдашниками. У всѣхъ трепещутъ ноздри, всѣ объединены однимъ желаніемъ.

По временамъ они разступаются, давая мѣсто длинной закрытой повозкѣ, запряженной быками; или проходить осель, покачивая на спинѣ женщину, закутанную въ покрывала, и также исчезаетъ у хижинъ.

Антонію страшно; онъ вернулся бы назадъ. Но необъяснимое любопытство влечетъ его.

У подножья кипарисовъ вытянулись въ рядъ женщины, сидяція на корточкахъ на оленьихъ шкурахъ, съ веревочными тесьмами вмѣсто діадемы. Нѣкоторые, роскошно одѣтыя, громкимъ голосомъ зовутъ прохожихъ. Болѣе робкія прячутъ лицо въ ладоняхъ рукъ, а свади ихъ ободряютъ пожилыя женщины, очевидно матери. Другія, у которыхъ головы закутаны въ черныя шали, а тѣла обнажены, кажутся издали живыми статуями. Когда мужчины бросаютъ имъ на колѣни золота, онѣ встаютъ.

А подъ деревьями слышны поцѣлуй,—иногда длинный пронзительный крикъ.

ИЛАРІОНЪ.

Это дѣвушки Вавилона служатъ Богинѣ.

АНТОНІЙ.

Какой богинѣ?

И Л А Р І О Н Ъ.

Вотъ этой!

И онъ показываетъ ему въ глубинѣ аллеи, на порогѣ освѣщеннаго грота, кусокъ камня, изображающій половой органъ женщины.

А Н Т О Н І Й.

Срамъ! какая мерзость—приписывать полъ Божеству!

И Л А Р І О Н Ъ.

Ты, однако, представляешь его какъ бы живымъ существомъ!

Вокругъ Антонія снова мракъ.

Онъ видитъ въ воздухѣ сіяющій кругъ, почившій на горизонтальныхъ крыльяхъ.

Это подобіе кольца опоясываетъ, какъ черезуръ просторный поясъ, станъ маленькаго человѣка въ митрѣ, съ короной въ рукѣ, нижняя часть тѣла котораго теряется въ большихъ перьяхъ, расположенныхъ вѣеромъ.

Это

О Р М У З Д Ъ,

богъ Персовъ.

Онъ порхааетъ, крича:

Мнѣ страшно! Я предчувствую его пасть.

Я побѣдилъ тебя, Ариманъ! Но ты начинаешь снова!

Сначала, возставая на меня, ты погубилъ старшее изъ созданий—Кайморца, человѣка - Быка. Затѣмъ ты соблазнилъ первую чету людей, Мешіа и Мешіанэ; и ты распространилъ мракъ въ сердцахъ, ты двинулъ къ небу свои полчища.

У меня тоже были войска, племена звѣздъ; и со своего трона я созерцалъ внизу отряды свѣтилъ.

Митра, мой сынъ, жилъ въ неприступномъ мѣстѣ. Тамъ онъ принималъ души, отпускалъ ихъ, и подымался каждое утро расточать свои богатства.

Великолѣпіе неба отражалось землей. На горахъ сверкалъ огонь,—образъ другого огня, которымъ я создалъ всѣ твари. Чтобъ охранить его отъ оскверненія, мертвыхъ не сжигали. Клювы птицъ уносили ихъ къ небу.

Я установилъ пастбища, пашни, дерево для жертвъ, форму

чашь, слова, необходимыя противъ бессонницы;—и мои жрецы непрерывно молились, чтобы культъ былъ вѣченъ какъ Богъ. Очищались водой, возлагали хлѣбы на алтарь, громкимъ голосомъ исповѣдывали грѣхи.

Хаома отдавался въ видѣ питья людямъ, чтобы сообщать имъ свою силу.

Въ то время какъ геніи неба сражались съ демонами, дѣти Ирана преслѣдовали змѣй. Царь, которому служилъ на колѣняхъ цѣлый дворъ, воплощалъ меня, носилъ мой головной уборъ. Его сады были великолѣпны какъ земля небесная; а на гробницѣ онъ былъ изображенъ поражающимъ чудище,—эмблема Добра, уничтожающаго Зло.

Ибо въ концѣ концовъ я долженъ былъ, по милости безграничнаго времени, окончательно побѣдить Аримана.

Но разстояніе между нами все меньше; ночь надвигается! Ко мнѣ, Амеша-Спенты, Изеды, Феруэры! На помощь, Митра! обнажи свой мечъ! Каосіакъ, который долженъ придти для всеобщаго освобожденія, защити меня! Какъ?.. Никого?

О, я умираю! Ариманъ, власть за тобой!

Иларіонъ, повади Антонія, удерживаетъ крикъ радости,—
и Ормуздъ погружается во мракъ.

Тогда появляется

ВЕЛИКАЯ ДІАНА ЭФЕССКАЯ

черная съ эмалевыми глазами; локти ея прижаты къ бокамъ, руки раздвинуты, ладони обращены кверху.

Львы ползаютъ у нея по плечамъ; на груди вперемежку фрукты, цвѣты, звѣзды; ниже открываются три ряда сосцовъ; и отъ чрева до ногъ она закутана въ тѣсную пелену, откуда высовываются въ полъ-туловища быки, олени, грифы и пчелы.—Ее освѣщаетъ бѣлый отсвѣтъ серебрянаго диска въ формѣ луны, который помѣщенъ позади головы.

Гдѣ мой храмъ?

Гдѣ можь амазонки?

Что со мной... я, нетлѣнная, и вотъ меня одолеваетъ слабость!

Ея цвѣты вянутъ. Перезрѣлые плоды падаютъ. Львы,

АНТОНІЙ

въ ужасѣ:

Не закалывайте агнца!

Врызжетъ алая струя.

Жрецъ окропляетъ ею толпу; и всѣ, — въ томъ числѣ Антоній и Иларіонъ, — размѣстившись вокругъ дерева, которое пылаетъ, въ молчаніи смотрять на послѣднія судороги жертвы.

Изъ среды жрецовъ выходитъ Женщина, чрезвычайно похожая на изображеніе въ маленькомъ ящикѣ.

Она останавливается, увидавъ Юношу во фригійской шапочкѣ.

На немъ узкіе штаны, прорѣзанные кое-гдѣ правильными ромбами; которые закрыты цвѣтными бантами. Онъ прислонился локтемъ къ одной изъ вѣтвей дерева, съ флейтой въ рукѣ, въ томной позѣ.

К И Б Е Л А,

обнимая его обѣими руками:

Чтобы вновь встрѣтить тебя, я обошла всѣ земли, — и голодъ опустошалъ поля. Ты обманулъ меня! Пусть, я люблю тебя! Согрѣй мнѣ тѣло! соединимся!

А Т И С Ъ.

Весна не вернется, о вѣчносущая Мать! Несмотря на мою любовь, мнѣ невозможно познать твою сущность. Я хотѣлъ бы одѣться въ цвѣтное платье, какъ у тебя. Я вижу твоимъ грудямъ, полнымъ молока, длинѣ твоихъ волосъ, обширному чреву, откуда исходятъ существа. Почему я не ты! почему я не женщина! — Нѣтъ, никогда! уйди! Мой полъ ужасаетъ меня!

Острымъ камнемъ онъ осконпляетъ себя, потомъ въ безуміи бросается бѣжать, подымая вверху отрѣзанный членъ.

Жрецы слѣдуютъ примѣру бога, вѣрные — жрецовъ. Мужчины и женщины мѣняются одеждами, обнимаются; и этотъ вихрь окровавленныхъ тѣлъ удаляется, а несмолкающіе голоса становятся пронзительнѣе и рѣзче, какъ на похоронахъ.

На верху большого катафалка, обитаго пурпуромъ, помѣщено эбеновое ложе, вокругъ котораго факелы и кор-

зины филигранной серебряной работы, гдѣ зеленѣетъ латукъ, мальвы и укропъ. По ступенямъ, сверху до низу, сидятъ женщины, всѣ въ черномъ, съ разстегнутыми поясами, босыя, и меланхолически держатъ большіе букеты цвѣтовъ.

На землѣ, въ углахъ помоста, тихо курятся алебастровыя урны, полныя мирры.

На ложѣ виденъ трупъ мужчины. Кровь течетъ по его бедру. Рука его повисла;—и собака съ воемъ облизываетъ ему ноги.

Рядъ слишкомъ сближенныхъ факеловъ мѣшаетъ разглядѣть его лицо; и Антонія охватываетъ тоска. Онъ боится узнать кого-то.

Рыданія женщины смолкаютъ; и послѣ промежутка молчанія,

В С Ъ

взываютъ разомъ:

Дивный! дивный! Онъ прекрасенъ! Довольно спавшій, подыми голову! Возстань!

Вдохни запахъ нашихъ букетовъ! это нарциссы и анемоны, собранныя въ твоихъ садахъ, чтобъ угодить тебѣ. Очнись, намъ страшно за тебя!

Скажи, что тебѣ нужно? Хочешь ли пить вино? Хочешь ли лечь на наши ложа? Хочешь ли ѣсть медовыя хлѣбы, похожіе формой на маленькихъ птичекъ?

Прильнемъ къ его бедрамъ, будемъ цѣловать его грудь! Такъ! Такъ! слышишь ли ты какъ наши пальцы въ массивныхъ перстняхъ бѣгаютъ по твоему тѣлу, какъ наши губы ищутъ твоего рта, наши волосы обметаютъ твои ноги, уснувшій Богъ, глухой къ нашимъ мольбамъ!

Онъ испускаютъ крики, раздраютъ себѣ лица ногтями, затѣмъ смолкаютъ;—и все время слышно завываніе собаки.

Увы, увy! Черная кровь течетъ по его бѣлоснѣжному тѣлу! Вотъ, колѣни его корчатся; бока проваливаются. Цвѣты его лица омочили пурпурь. Онъ мертвъ! Плачьте! Сокрушайтесь!

Онъ подходятъ, одна за другой, и слагаютъ между факелами свои длинныя косы, похожія издали на черныхъ или свѣтлыхъ змѣй;—и катафалкъ плавно опускается до уровня пещеры, темнаго склепа, который вѣдетъ позади. Тогда

Ж Е Н Щ И Н А

... сгоняется надъ трупомъ.

Ея волосы, которые она не обрѣзала, покрываютъ ее съ головы до пятъ. Она проливаетъ столько слезъ, что горе ея кажется не такимъ, какъ у другихъ, оно выше человѣческаго, бесконечно.

Антоній вспоминаетъ Богоматерь.

Она говоритъ:

Ты выходилъ съ Востока; и ты бралъ меня на руки, всю вздрагивавшую отъ росы, о богъ Солнца! Голуби вились въ лазури твоего плаща, отъ нашихъ поцѣлуевъ рождались вѣтерки въ листья; и я отдавалась твоей любви, наслаждаясь своей слабостью.

Увы! Увы! Зачѣмъ отправлялся ты рыскать по горамъ? Въ осеннее равноденствіе вепръ ранилъ тебя!

Ты мертвъ; и источники плачутъ, деревья никнутъ. Зимній вѣтеръ свиститъ въ голыхъ кустарникахъ. Мои глаза сейчасъ закроются, такъ какъ тьма охватила тебя. Теперь ты обитаешь въ другой части міра, рядомъ съ моею болѣе сильной соперницей.

О, Персефона, все, что прекрасно, нисходитъ къ тебѣ и не возвращается больше!

Пока она говоритъ, ея подруги поднимаютъ мертвеца, чтобы снести его въ сляпъ. Онъ остается у нихъ на рукахъ. Это изображеніе изъ воску.

Антоній испытываетъ облегченіе.

Все исчезаетъ;—и снова появилась хижина, скалы, крестъ.

Но на другой сторонѣ Нила онъ видитъ Женщину—стоящую среди пустыни.

Она держитъ въ правой рукѣ конецъ длиннаго чернаго покрывала, которое закрываетъ ей лицо, а на лѣвой у нея маленькій ребенокъ, сосущій грудь. Рядомъ на пескѣ сидитъ на корточкахъ большая обезьяна.

Женщина подымаетъ голову къ небу;—и несмотря на разстояніе, слышенъ ея голосъ.

И З И Д А.

О, Нейтъ, начало вещей! Аммонъ, владыка вѣчности, Фта,

деміургъ, Тотъ, его умъ, боги Аменти, отдѣльныя триады Номовъ, ястреба въ лазури, сфинксы на порогахъ храмовъ, ибисы, что стоятъ между бычьихъ роговъ, планеты, созвѣздія, побережья, шопоты вѣтра, отблески свѣта, скажите мнѣ, гдѣ Озирись!

Я искала его во всѣхъ каналахъ и во всѣхъ озерахъ,—и еще дальше, до финикійскаго Библоса. Анубись съ прямыми ушами прыгалъ вокругъ меня, лая и обшаривая своей мордой тамариндовыя заросли. Благодарю, милый Киноцефалъ, благодарю!

Дружески похлопываетъ нѣсколько разъ обезьяну по головѣ.

Отвратительный рыжеволосый Тифонъ убилъ его, разорвалъ на части! Мы подобрали всѣ члены. Но не хватаетъ того, который оплодотворялъ меня!

Испускаетъ протяжные вопли.

АНТОНІЙ

охваченъ бѣшенствомъ. Бросаетъ въ нее камнями, и выкрикиваетъ ругательства.

Безстыдница! прочь, прочь!

ИЛАРИОНЪ.

Уважай ее! Это религія твоихъ предковъ! ты носилъ ея амулеты еще въ колыбели.

ИЗИДА.

Прежде, когда возвращалось лѣто, наводненіе прогоняло въ пустыню нечистыхъ животныхъ. Отворялись плотины, сновали барки, задыхавшаяся земля въ опьяненіи пила рѣку. Богъ съ бычачьими рогами, ты возлегалъ на мою грудь—и было слышно мычаніе вѣчной коровы!

Посѣвы, жатвы, молотьба и сборъ винограда слѣдовали чередой, по временамъ года. По ночамъ, всегда яснымъ, свѣтили крупныя звѣзды. Дни были напоены неизмѣннымъ великолѣпіемъ. На обѣихъ сторонахъ горизонта, какъ царственная пара, стояли Солнце и Луна.

Оба мы царили въ мірѣ болѣе возвышенномъ, монархически, супруги отъ нѣдръ вѣчности.—онъ держа скипетръ съ головою конкуфы, а скиптръ съ цвѣткомъ лотоса,

оба выпрямившись, соединивъ руки;—и крушенія имперій не мѣняли нашего положенія.

Египетъ лежалъ подъ нами, монументальный и задумчивый, длинный какъ [переходы храма, съ обелисками направо, пирамидами налево, лабиринтомъ въ срединѣ, — и повсюду аллея чудовищъ, лѣса колоннъ, тяжелые пилоны по бокамъ дверей, у которыхъ наверху земной шаръ между двухъ крыльевъ.

Животныя его зодіака паслись на его пастбищахъ, наполняли своими образами и цвѣтами его таинственныя писмена. Раздѣленный на двѣнадцать областей, какъ въ году двѣнадцать мѣсяцевъ,—а у каждого мѣсяца, у каждого дня свой богъ,—онъ воспроизводилъ неизмѣнный порядокъ неба; и человекъ, умирая, не терялъ своей внѣшности; но насыщенный благоуханьями, ставшій неразрушимымъ, засыпалъ на три тысячи лѣтъ въ Египтѣ молчанія.

Этотъ Египетъ, болѣе обширный чѣмъ верхній, лежалъ подъ землей.

Туда сходили по лѣстницамъ, ведущимъ въ залы, гдѣ были изображены радости добрыхъ, мученія злыхъ, все, что имѣетъ мѣсто въ невидимомъ третьемъ мірѣ. Расположенные вдоль стѣнъ, мертвые въ раскрашенныхъ гробахъ ждали своей очереди; и душа, изъятая отъ скитаній, продолжала дремать до наступленія новой жизни.

Озирись, однако, посѣщала иногда меня. Его тѣнь сдѣлала меня матерью Гарпократа.

Всматривается въ ребенка.

Это онъ! Это его глаза; это его волосы, завитые какъ рога барана! Ты возобновишь его дѣла. Мы вновь зацвѣтемъ какъ лотосы. Я попрежнему великая Изиды! никто еще не поднялъ моего покрывала! Мой плодъ—солнце!

Солнце весны, облака затемняютъ твой ликъ! Дыханіе Тифона пожираетъ пирамиды. Я видѣла сейчасъ, какъ убѣгала сфинксъ. Онъ неся какъ шакаль.

Я ищу своихъ жрецовъ, — жрецовъ въ льняныхъ пла-

щахъ, съ большими арфами, которые носили таинственную ладью, украшенную серебряными патерами. Нѣтъ больше празднествъ на озерахъ! нѣтъ огней въ моей дельтѣ! нѣтъ чашъ съ молокомъ въ Филахъ! Аписъ съ давнихъ поръ уже не появлялся.

Египеть! Египеть! у твоихъ великихъ недвижныхъ Боговъ побѣлѣли плечи отъ птичьяго помета, вѣтеръ, гуляющій по пустынѣ, вздымаетъ прахъ твоихъ мертвецовъ!—Анубисъ, хранитель тѣней, не покидай меня!

Киноцефаль падаетъ замертво.

Она встряхиваетъ своего ребенка.

... Что съ тобой?.. твои руки холодны, голова не держится!

Гарпократъ уже мертвъ.

Тогда она выпускаетъ такой пронзительный крикъ скорби и боли, что Антоній вторитъ ей, простирая руки, чтобы поддержать ее.

Она исчезаетъ. Онъ опускаетъ голову, внѣ себя отъ стыда.

Все, что онъ только-что видѣлъ, перепутывается у него въ умѣ. Это какъ бы оцѣпенѣніе отъ ѣзды, разбитость отъ пьянства. Онъ хотѣлъ бы ненавидѣть; и въ то же время смутная жалость размягчаетъ его сердце. Онъ разражается слезами.

И Л А Р І О Н Ъ.

Что же печалитъ тебя?

А Н Т О Н І Й

долго думаетъ, сосредоточившись на себѣ:

Я размышляю о всѣхъ душахъ, погубленныхъ этими ложными Богами!

И Л А Р І О Н Ъ.

Не находишь ли ты, что въ нихъ... по временамъ есть какъ бы сходство съ истиннымъ?

А Н Т О Н І Й

Это хитрость Дьявола, чтобы лучше соблазнять вѣрныхъ. Онъ искушаетъ сильныхъ дѣйствуя на духъ, остальныхъ плотью.

И Л А Р І О Н Ъ.

Но сладострастіе въ своихъ безумствахъ безкорыстно, какъ и раскаяніе. Неистовая плотская любовь ускоряетъ разрушеніе тѣла,—и его слабостью свидѣтельствуешь о размѣрахъ невозможнаго.

А Н Т О Н І Й.

Что мнѣ за дѣло до этого! Сердце мое полно омерзѣнія предъ этими скотскими Богами, которые всегда заняты убійствами и кровосмѣшеніемъ!

И Л А Р І О Н Ъ.

Вспомни въ Писаніи обо всемъ, что тебя оскорбляетъ, такъ какъ ты не умѣешь понять этого. Также и эти Боги подъ своей преступной внѣшностью могутъ заключать истину.

Ты видѣлъ еще не всѣхъ. Отвернись!

А Н Т О Н І Й.

Нѣтъ, нѣтъ! это погибель!

И Л А Р І О Н Ъ.

Ты только-что хотѣлъ узнать ихъ. Развѣ твоя вѣра поколеблется отъ лжи? Чего ты боишься?

Скалы передъ Антоніемъ превратились въ гору.

Линія облаковъ дѣлитъ ее на полувысоты; а надъ нею видна другая гора, громадная, вся въ зелени, неравномѣрно изрытая долинами, и на верху ея, въ роцѣ лавровъ, бронзовый чертогъ въ золотыхъ черепицахъ и съ капителями слоновой кости.

Посреди перистыя, на тровѣ, колоссальный Юпитеръ съ обнаженнымъ торсомъ держитъ побѣду въ одной рукѣ, въ другой молнію; и въ ногахъ у него подымаетъ голову орель.

Юнона, рядомъ съ нимъ, поводитъ огромными глазами, надъ которыми діадема; изъ-подъ нея, какъ паръ, вьется развѣвающимся покрывало.

Сзади Минерва, выпрямившись на пьедесталѣ, опирается на копьё. Кожа горгоны прикрываетъ ей грудь; и льняной пелюсъ правильными складками ниспадаетъ до ногтей пальцевъ. Ясные глаза, сверкающіе подъ забраломъ, внимательно вглядываются вдаль.

Справа отъ дворца старикъ Нептунъ сидитъ верхомъ на дельфинѣ, который движеть плавниками въ безпредѣльной лазури—незавѣстно, небо это или море, ибо вдали Океанъ переходитъ въ голубой вѣзръ; обѣ стихіи сливаются.

Съ другой стороны свирѣпый Плутонъ въ плащѣ цвѣта ночи, съ алмазной тиарой и эбеновымъ скиптромъ, занимаетъ островокъ, опоясанный извилами Стикса;—а эта рѣка тѣни стремится во мракъ, куда ведетъ огромная черная дыра у подножья утеса, безформенный проваль.

Марсъ, закованный въ мѣдь, бѣшено размахиваетъ своими огромными щитомъ и мечомъ.

Ниже Геркулесъ смотритъ на него, опираясь на палицу.

Аполлонъ съ сіяющимъ лицомъ управляетъ, вытянувъ правую руку, четырьмя бѣлыми конями, которые скачутъ; а Церера въ повозкѣ, запряженной быками, приближается къ нему съ серпомъ въ рукѣ.

Вакхъ появляется сади́ней, на очень низкой колесницѣ, которую медленно везутъ рыси. Полный, безбородый, съ кистями винограда на лбу, онъ держитъ чашу, откуда льется вино. Рядомъ съ нимъ Силэнъ покачивается на ослѣ. Панъ съ острыми ушами играетъ на свирѣли; Мималлонеиды бьютъ въ барабаны, Менады бросаютъ цвѣты, Вакханки кружатся, закидывая назадъ головы съ распущенными волосами.

Діана, въ подобранной туникѣ, выходитъ со своими нимфами изъ лѣсу.

Въ глубинѣ пещеры Вулканъ куетъ желѣзо среди Кабировъ; здѣсь и тамъ старыя Рѣки, опершись на зеленые камни, наливаютъ свои урны; стоя въ прогалинахъ поютъ Музы.

Оры одинаковаго роста держатся за руки; а Меркурій стоитъ наклонно на радугѣ со своимъ жезломъ, крылышками и въ круглой шапочкѣ.

Наверху же лѣстницы Боговъ, среди нѣжныхъ какъ пухъ облаковъ, завитки которыхъ, вращаясь, роняютъ розы, Венера-Анадиомена смотритъ въ зеркало; зрачки ея томно скользятъ подъ тяжеловатыми вѣками.

У нея пышные свѣтлые волосы, сбѣгающіе по плечамъ, небольшія груди, тонкій станъ, бока, расширенные какъ выгибъ лиры, округлыя бедра, ямочки у колѣнъ и нѣжныя попки; около рта порхаетъ бабочка. Очарованіе ея тѣла окружаетъ ее сіяющимъ жемчужнымъ кольцомъ; и весь остальной Олимпъ тонетъ въ алой зарѣ, которая незамѣтно достигаетъ высоту голубого неба.

АНТОНІЙ.

О, грудь моя расширяется. Незвѣстная прежде радость нисходитъ въ глубину души! Какъ это прекрасно! Какъ прекрасно!

ИЛАРІОНЪ.

Они склонялись съ высоты облаковъ, чтобы направлять мечи; ихъ встрѣчали у дорогъ, ихъ имѣли у себя дома;—и эта близость обожествляла жизнь.

Ея цѣль была свобода и красота. Широкія одежды способствовали благородству движеній. Голосъ оратора, воспитанный моремъ, звучными волнами ударялъ по мраморнымъ портикамъ. Эфебъ, натертый масломъ, боролся голый подъ палящимъ солнцемъ. Самое священное дѣйствіе было—показывать безукоризненныя формы.

И эти люди почитали женъ, старцевъ, нищихъ. Позади храма Геркулеса стоялъ алтарь Милосердія.

Жертвы приносили съ цвѣтами вокругъ пальцевъ. Само воспоминаніе было ограждено отъ тлѣнія смерти. Отъ мертвыхъ оставляли только немного пепла. Душа, слившись съ безграничнымъ эфиромъ, восходила къ Богамъ!

Наклоняясь къ уху Антонія:

И они вѣчно живы! Императоръ Константинъ поклоняется Аполлону. Ты найдешь Троицу въ мистеріяхъ Самоэракіи, крещеніе у Изиды, искупленіе у Митры, мученичество Бога въ празднествахъ Вахха. Прозерпина Дѣва!.. Аристей Исусъ!

АНТОНІЙ

не поднимаетъ глазъ; затѣмъ вдругъ повторяетъ Іерусалимскій символъ—какъ онъ ему вспоминается—протяжно вздыхая на каждой фразѣ:

„Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимаго и невидимаго. И во единого Господа Іисуса Христа Сына Божія, Единороднаго, отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣковъ, Бога истиннаго, чрезъ Котораго все произошло, воплотившагося и вочеловѣчившагося, распятаго и погребеннаго, воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса, сѣдшаго одесную Отца

и грядущаго во славу судить живыхъ и мертвыхъ, Котораго царству не будетъ конца. И во единаго Святаго Духа Утѣшителя, глаголавшаго чрезъ Пророковъ. И во единую святую вселенскую церковь. И въ воскресеніе плоти. И въ жизнь вѣчную“.

Тогда крестъ вырастаетъ и, пронизывая облака, бросаетъ тѣнь на небо Боговъ.

Они блѣднѣютъ. Олимпъ заколебался.

Антоній различаетъ у его подножья огромныя тѣла въ цѣпяхъ, наполовину ушедшія въ расщелины, или держащія камни на плечахъ. Это Титаны, Гиганты, Гекатонхейры, Циклопы.

слышится

ГОЛОСЪ

неясный и грозный,—какъ рокоть волнъ, какъ шумъ лѣсовъ въ бурю, какъ вой вѣтра въ пропастяхъ:

Мы знали это, мы остальные! Боги должны погибнуть. Уранъ былъ изуродованъ Сатурномъ, Сатурнъ Юпитеромъ. Онъ также будетъ уничтоженъ. Каждому свой часъ; таковъ рокъ! И, мало-по-малу, они погружаются въ гору, исчезаютъ. Между тѣмъ череницы съ золотого дворца слетаютъ.

ЮПИТЕРЪ

сошелъ со своего трона. Молнія у его ногъ дымится какъ гаснущая головня; — а орель, вытягивая шею, подбираетъ клювомъ падающія перья.

Итакъ, я уже не владыка міра,—всеблагой, великій, богъ братрій и народовъ Греціи, прадѣдъ всѣхъ царей, Агамемнонь неба!

Орель апопеезовъ, какое дуновеніе Эреба принесло тебя ко мнѣ? или улетаю съ поля Марса, ты несешь мнѣ душу послѣдняго изъ императоровъ?

Я не желаю больше человѣческихъ! Пусть охраняетъ ихъ Земля, и пусть прозябаютъ они въ ея жалкой изменности. У нихъ теперь сердца рабовъ, они не помнятъ обидъ, предковъ, клятвы; и вездѣ царить тупость толпы, ничтожество человѣка, безобразіе расы!

Дыханіе задымаетъ ему грудь и она чуть не разрывается, онъ сжимаетъ кулаки. Геба въ слезахъ подаетъ ему чашу. Онъ беретъ ее.

Нѣтъ! нѣтъ! Пока останется гдѣ-нибудь голова, способная къ мысли, ненавидящая неустройство и понимающая Законъ, духъ Юпитера не угаснетъ!

Но чаша пуста.

Онъ медленно наклоняетъ ее къ ногтю своего пальца.

Ни капли! Когда изсякла амброзія, Безсмертные удаляются!

Чаша выскальзываетъ изъ его рукъ; и онъ прислоняется къ колоннѣ, чувствуя, что умираетъ.

Ю Н О Н А.

Не надо было столько любить! Орелъ, быкъ, лебедь, золотой дождь, облако и огонь, — ты принималъ всѣ образы, осквернялъ свой свѣтъ во всѣхъ стихіяхъ, пряталъ свои волосы во всѣхъ ложахъ! На этотъ разъ разводъ неминуемъ, — и наша власть, наша жизнь рушится!

Удаляется по воздуху.

М И Н Е Р В А

уже безъ конья; и вороны, прятаншіеся въ украшеніяхъ фриза, кружатъ надъ ней, клюютъ ея племь.

Дайте мнѣ посмотрѣть, вернулись ли мои корабли, что разсѣкаютъ ослѣпительное море, въ три мои гавани, почему поля пустынны, и что дѣлаютъ теперь дѣвы Аэиы.

Въ мѣсяцъ Гекатомбеонъ весь мой народъ шелъ ко мнѣ подъ предводительствомъ магистратовъ и жрецовъ. Затѣмъ подходили въ бѣлыхъ платьяхъ и золотыхъ хитонахъ длинныя вереницы дѣвушекъ съ чашами, корзинами, зонтами; затѣмъ триста жертвенныхъ быковъ, старцы, помахивающіе зелеными вѣтвями, воины, бряцающіе доспѣхами, эфебы съ пѣніемъ гимновъ, флейтисты, играющіе на лирахъ, рапсоды, танцовщицы; — наконецъ, на мачтѣ триремы, движущейся на колесахъ, — мое большое покрывало, вышитое дѣвушками, которыхъ въ теченіе года кормили особеннымъ образомъ; и показавши его на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ площадяхъ и передъ всѣми храмами, при несмолкаемомъ пѣніи сопутствующихъ, его ввозили шагъ за шагомъ на холмъ Акрополя, оно касалось Пропилеевъ и вѣзжало въ Парѣонъ.

Но безпокойство овладѣваетъ мной, искусною! Какъ, какъ, ни одной мысли! Вотъ, я трепещу сильнѣе женщины.

Видитъ развалины позади себя, выпускаетъ крикъ, и сраженная въ лобъ, падаетъ на землю навзничь.

ГЕРКУЛЕСЪ

отбросилъ свою львиную шкуру; и, упираясь ногами, выгнувъ спину, кусая губы, дѣлаетъ сверхчеловѣческія усилія, чтобы поддержать рушашійся Олимпъ.

Я побѣдилъ Керкоповъ, Амазонокъ и Кентавровъ. Я убилъ много царей. Я сломалъ рогъ Ахелоя, большой рѣки. Я разсѣкалъ горы, я соединялъ океаны. Земли несвободныя я освобождалъ; земли безлюдныя я заселялъ. Я прошелъ Галлію. Я пересѣкъ пустыню, гдѣ мучить жажда. Я защищалъ Боговъ, и я избавился отъ Омфалы. Но Олимпъ слишкомъ тяжелъ. Руки мои слабѣютъ. Я умираю!

Обломки раздавливаютъ его.

ПЛУТОНЪ.

Это твоя вина, Амфитріонидъ! Зачѣмъ сошелъ ты въ мое царство?

Коршунъ, терзающій утробу Титія, поднялъ голову, губы Тантала увлажнились, колесо Иксіона остановилось.

Между тѣмъ Керы вытягивали когти, стараясь удержать души; Фуріи свивали въ отчаяніи змѣй у себя въ волосахъ; а Церберъ, котораго ты привязалъ цѣпью, хрипѣлъ, и изъ трехъ его пастей текла слюна.

Ты оставилъ дверь полуоткрытой. Пришли другіе. Человѣческой дѣнь проникъ въ Тартаръ!

Тонетъ во мракѣ.

НЕПТУНЪ.

Мой трезубецъ не вадываетъ больше бурь. Чудовища, вселявшія ужасъ, сгнили на днѣ водъ.

Амфитрита, бѣлыя ноги которой скользили по пѣнѣ, зеленныя Нереиды, которыя видѣлись на горизонтѣ, Сирены въ чешуяхъ, что останавливали корабли, чтобы рассказывать сказки, и старые Тритоны, дувшіе въ раковины, все погибло! Радость моря исчезла!

Я не переживу этого! Пусть великій Океанъ возьметъ меня!

Падаетъ замертво въ лазурь.

ДІАНА

въ черной одеждѣ, окруженная своими собаками, которыя превратились въ волковъ.

Приволье большихъ лѣсовъ съ запахомъ краснаго звѣря и испареніями болотъ опьянило меня. Женщины, которымъ я помогала въ беременности, производятъ на свѣтъ мертвыхъ младенцевъ. Луна трепещетъ подъ чарами колдуній. Я жажду насилій и необъятности. Я хочу отвѣдать ядовъ, утопать въ испареніяхъ, въ грезахъ!

И проходящее облако увлекаетъ ее.

МАРСЪ

съ обнаженной головой, окровавленный:

Вначалѣ я бился одинъ, вызывая бранью цѣлое войско, безучастный къ цѣли, изъ-за наслажденія сѣчи.

Потомъ у меня появились товарищи. Они ходили подъ звуки флейтъ, въ порядкѣ, ровнымъ шагомъ, дыша изъ-за своихъ щитовъ, съ высокими султанами, съ копьями на перевѣсѣ. Бросались въ битву съ мощнымъ орлинымъ крикомъ. Война была радостна какъ праздникъ. Триста человекъ сопро­тивлялись цѣлой Азіи.

Но они вновь появились, Варвары! ихъ мириады, милліоны. И такъ какъ сила за числомъ, машинами и хитростью, то лучше покончить съ доблестью!

Убиваетъ себя.

ВУЛКАНЪ,

отирая губкой вспотѣвшее тѣло:

Миръ холодѣетъ. Нужно грѣть источники, вулканы и рѣки, что катяты металлы подъ землей!—Куйте крѣпче! наотмашь! изо всѣхъ силъ!

Кабиры наносятъ себѣ раны молотами, ослѣпляютъ себя искрами, и, бредя ошущью, углубляются во тьму.

ЦЕРЕРА

стоитъ на своей колесницѣ, которую уносятъ колеса съ крыльями въ ступицахъ:

Остановись! Остановись!

Правы были, удаляя иностранцевъ, безбожниковъ, эпикурейцевъ и христіанъ! Тайна корзины раскрыта, алтарь оскверненъ, все погибло!

Она спускается по крутому скату,—въ отчаяніи, съ криками, вырывая волосы.

О, ложь! Даира не возвращена мнѣ! Мѣдъ зоветъ меня къ мертвымъ. Это другой Тартаръ! Изъ него нѣтъ возврата. О, ужасъ!

Бездна поглощаетъ ее.

В А К Х Ъ

хочетъ въ неистовствѣ:

Не все ли равно! жена Архонта—моя супруга! Самъ законъ пьянѣетъ. Я несу новую пѣснь и умноженныя формы!

Огонь, пожравшій мою мать, течетъ въ моихъ жилахъ. Гори сильнѣе, пусть я погибну!

Самецъ и самка, благосклонный ко всѣмъ, я отдаюся вамъ, Вакханки! я отдаюся вамъ, Вакханты! и лоза обовѣется вокругъ ствола деревъ! Войте, пляшите, сплетайтесь! Дайте волю тигру и рабу! впивайтесь зубами, кусайте тѣло!

И Панъ, Силѣнь, Сатиры, Вакханки, Мималлонейды и Менады со своими змѣями, факелами, черными масками кидаютъ другъ въ друга цвѣты, открываютъ фаллы, цѣлуютъ его,—потрясаютъ тимпанами, бьютъ тирсами, бросаютъ другъ въ друга раковинами, давятъ виноградъ, удавливаютъ козла и раздираютъ Вакха,

А П О Л Л О Н Ъ

погоняетъ своихъ скакуновъ, побѣлѣвшія гривы которыхъ развѣваются по вѣтру:

Я оставилъ за собой каменистый Делось, такой чистый, что все теперь кажется тамъ мертвымъ; и я стараюсь достичь Дельфъ, пока ихъ вдохновительныя пары еще не изсякли. Мулы щиплютъ ихъ лавръ. Пнеія сошла съ ума и не приходитъ въ себя.

Сосредоточившись глубже, я создамъ возвышеннѣйшія поэмы, вѣчные памятники; и вся матерія будетъ пронизана трепетомъ моей кнеары!

Проводить по ея струнамъ. Онѣ рвутся, хлещуть ему по лицу. Онъ отбрасываетъ ее; и въ бѣшенствѣ замахивается на свою четверню:

Нѣтъ, довольно формъ! Дальше, дальше! Къ вершинѣ! Къ чистой идеѣ!

Но лошади, отпрядывая, встаютъ на дыбы, разбиваютъ колесницу; и подъ обломками дышла, опутанный сбруей, онъ падаетъ въ пропасть головой внизъ.

Небо темнѣетъ.

В Е Н Е Р А

дрожить, посинѣвъ отъ холода.

Я съ моимъ поясомъ была для Эллады всей жизнью.

Ея поля блистали розами моихъ щекъ, ея побережья были изрѣзаны по формѣ моихъ губъ; и ея горы, бѣлыя моихъ голубокъ, трепетали подъ рукою ваятелей. Моя душа сквозила въ распорядкѣ празднествъ, формѣ причесокъ, въ бесѣдахъ философовъ, устройствѣ республикъ. Но я слишкомъ любила мужчинъ! И Амуръ обезчестилъ меня!

Падаетъ навзничь, въ слезахъ.

Миръ отвратителенъ. Нечѣмъ дышать!

О Меркурій, изобрѣтатель лиры и проводникъ душъ, возьми меня!

Прикладываетъ палецъ къ губамъ, и, описавъ огромную параболу, падаетъ въ пропасть.

Больше не видно ничего. Полный мракъ.

Между тѣмъ изъ глазъ Иларіона вырываются какъ бы огненные стрѣлы.

А Н Т О Н І Й

замѣчаетъ, наконецъ, его высокій ростъ.

Много разъ уже, пока ты говорилъ, мнѣ казалось, что ты растешь, — и это не было обманомъ. Почему? Объясни мнѣ... Ты пугаешь меня!

Слышны шаги:

Кто это?

И Л А Р І О Н Ъ

протягиваетъ руку:

Взгляни!

И вотъ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, Антоній видитъ безконечный караванъ, тянущійся по гребню скалъ — и всѣ

путники, одинъ за другимъ, падаютъ съ утеса въ бездну.

Здѣсь, во-первыхъ, три великихъ Божества Самоеракии, Аксерось, Аксіокерось, Аксіокерза, связанные въ пучекъ, закутанные въ пурпуръ, съ поднятыми руками.

Съ меланхолическимъ видомъ приближается Эскулапъ, даже не глядя на Самосу и Телесфора, которые въ тоскѣ обращаются къ нему. Созиполь элейскій, подъ видомъ пиеона, катитъ къ безднѣ свои кольца. Деспенея, обезумѣвъ, сама бросается туда. Бритомартисъ, воя отъ страха, цѣпляется за петли своей цѣпи. Кентавры подсказиваютъ полнымъ галопомъ и толпой прыгаютъ въ черную яму.

За ними прихрамывая бредетъ толпа жалобныхъ нимфъ. Полевыя покрыты пылью, лѣсныя стонуть и изъ нихъ идетъ кровь; онѣ изранены топорами дровосѣковъ. Геллюды, Стриги, Эмпузы, всѣ богини ада, со своими крюками, факелами, эмѣями, образуютъ пирамиду;—а на вершинѣ, на коршуновой кожѣ, Эриномъ, синеватый какъ мухи на падали, пожираетъ свои руки.

Затѣмъ одновременно исчезаютъ изъ вихрѣ: Ортія кровавацная, Гимнія изъ Орхомена, Лафрія Патрасцевъ, Афія изъ Эгинны, Бендида Эракійская, Стимфалія на птичьихъ лапахъ. У Триона, вмѣсто трехъ зрачковъ, три орбиты. Эрихтоній, съ безкостыми ногами, ползетъ какъ калѣка на рукахъ.

И Л А Р І О Н Ъ.

Не правда ли, какое счастье смотрѣть на ихъ позоръ и агонію? Стань со мной на этотъ камень; и ты будешь какъ Ксерксъ, пропускающій мимо себя свое войско.

Тамъ внизу, очень далеко, въ туманахъ, — видишь, гигантъ со свѣтлой бородой роняетъ мечъ, красный отъ крови? это Скионъ Залмоксисъ между двухъ планетъ: Артимпазы—Венеры, и Орсилохи—Луны.

Далѣе возникаютъ изъ блѣдныхъ облаковъ Боги, которымъ поклонялись Киммерійцы за Оуле!

Ихъ большія палаты были теплы; и при блескѣ обнаженныхъ мечей, висѣвшихъ на сводахъ, они пили меды изъ роговъ слоновой кости. Они ѣли печенки китовъ на мѣдныхъ блюдахъ, выкованныхъ демонами; или слушали плѣнныхъ кодуновъ, заставляя ихъ пробѣгать руками по каменнымъ арфамъ.

Они устали! имъ холодно! Снѣгъ отягчаетъ ихъ медвѣжьи шкуры, и сквозь разорванныя сандалии видны ноги.

Они оплакиваютъ степи, гдѣ на травянистыхъ курганахъ они переводили духъ во время битвъ, длинные корабли, носы которыхъ разсѣкали ледяныя горы и коньки, на которыхъ они двигались по полярному кругу, поддерживая вытянутыми руками весь небосводъ, вращавшійся вмѣстѣ съ ними.

Шквальн морозы охватываетъ ихъ.

Антоній склоняетъ взоръ въ другую сторону.

И онъ видитъ странныя фигуры, выдѣляющіяся чернымъ на красномъ фонѣ, въ набородникахъ и нарукавникахъ; онѣ перекидываются мячами, прыгаютъ другъ черезъ друга, дѣлаютъ гримасы, наступленно пляшутъ.

И Л А Р И О Н Ъ.

Это Боги Этрурии, безчисленные Эзары.

Вотъ Тагетъ, изобрѣтатель авгурій. Онъ пробуетъ одной рукой умножить дѣленія неба, а другой упирается въ землю. Пусть возвращается въ нее!

Нортія разсматриваетъ стѣну, куда вбивала гвозди, чтобы отмѣчать года. Поверхность усѣяна ими, и послѣдній періодъ заканчивается.

Какъ путники, захваченные грозой, Касторъ и Поллуксъ дрожа прячутся подъ одинъ плащъ.

А Н Т О Н И Й

закрываетъ глаза.

Довольно! довольно!

Но въ воздухѣ проносятся, сильно шумя крыльями, всѣ Побѣды Капитолія, — закрывъ лица руками и роняя трофеи.

Янусъ, — владыка сумерекъ, улетаетъ на черномъ коалѣ; и изъ его двухъ лицъ одно уже истлѣло, другое дремлетъ въ усталости.

Сумманъ, — богъ темнаго неба, у котораго нѣтъ уже больше головы, прижимаетъ къ сердцу старый пирогъ въ формѣ круга.

Веста, — подъ куполомъ въ развалинахъ, старается раздуть свою потухшую свѣтильню.

Беллона—надрѣзаетъ себѣ щеки, но кровь, очищавшая ея служителей, не брызжетъ,

АНТОНІЙ.

Пощади, они утомляютъ меня!

ИЛАРІОНЪ.

Нѣкогда они забавляли!

И онъ показываетъ ему въ кустахъ боярышника совершенно голую Женщину на четверенькахъ, какъ животное, которая соединяется съ чернымъ человѣкомъ, держащимъ въ каждой рукѣ по факелу.

Это богиня Агнція съ демономъ Вирбіемъ. Ея жрецъ, царь лѣса, долженъ былъ быть убійцей;—и для бѣглыхъ рабовъ, осквернителей труповъ, разбойниковъ съ дороги Саларія, хромыхъ съ моста Сублиція, всѣхъ отбросовъ изъ лачугъ Субурры не было болѣе дорогого предмета поклоненія.

Патриціанки времяъ Марка-Антонія предпочитали Литбину.

И онъ показываетъ ему, подъ кипарисами и розовыми кустами, другую Женщину, — одѣтую въ газъ. Она улыбается—а вокругъ разбросаны лопаты, носилки, черные покровы, всѣ принадлежности похоронъ. Ея брилліанты блестятъ издали подъ паутинными покрывалами. Ларвы, какъ скелеты показываютъ свои кости изъ-за деревьевъ и Лемуры, призраки, расправляютъ свои крылья летучей мыши.

У края поля поникъ богъ Термъ, вырванный изъ земли, весь въ нечистотахъ.

На бороздѣ рыжія собаки обглодали огромный трупъ Вертумна.

Боги земледѣлія удаляются отъ него плача,—Сарторъ, Сарраторъ, Фервакторъ, Коллина, Валлона, Гостилинъ— всѣ въ небольшихъ плащахъ съ капюшонами, и у каждого изъ нихъ по орудію—заступъ, вилы, плетенка, рогатина.

ИЛАРІОНЪ.

Это ихъ души благословляли помѣстье, егоголубятни, садки сонь и улитокъ, птичники, огороженные сѣтками, теплыя конюшни, благоухающія кедромъ.

Они покровительствовали всѣмъ бѣднякамъ, что волочили кандалы по камнямъ Сабинны,—сзывавшимъ свиней звукомъ

трубы, собиравшимъ гроздь на верхушкахъ вязовъ тѣмъ, что погоняли на узенькихъ дорожкахъ ословъ, нагруженныхъ навозомъ. Пахарь, обливаясь потомъ надъ ручкой сохи, молил ихъ дать силу его рукамъ; и коровьи пастухи въ тѣни липъ, среди тыквъ съ молокомъ, славали имъ хвалы на флейтахъ изъ тростника.

Антоній вадыхаетъ.

Посреди комнаты, на возвышенъѣ, показывается крывать слоновой кости, а вокругъ нея люди съ еловыми факелами.

Это Боги брака. Они ждуть новобрачную!

Домидука должна была привести ее, Вирго развязать поясъ, Субиго положить на постель, а Прэма распространеть руки, шепча на ухо ласковыя слова.

Но она не придетъ! и онѣ отпускаютъ другихъ: Нону и Дециму, охранительницъ отъ болѣзни, трехъ Никсій помогавшихъ при родахъ, двухъ кормилицъ Эдуку и Потину,— и Карну няньку, чей букетъ изъ боярышника отгоняетъ отъ ребенка дурные сны.

Позже Оссипаго укрѣпилъ бы ему колѣна, Барбатусъ далъ бороду, Стимула первыя желанія, Волюпія первое наслажденіе, Фабулинъ научилъ бы говорить, Нумера считать, Камена пѣть, Конзъ размышлять.

Комната пуста; и у постели остается только Ненія— столѣтняя старуха— бормочущая самой себѣ причитанія, которыя выкликала у смертнаго ложа стариковъ. Но скоро ея голосъ заглушается рѣзкими криками.

Это

ДОМАШНІЕ ЛАРЫ.

Они скорчились въ глубинѣ атрія, одѣты въ собачьи шкуры, съ цвѣтами вокругъ тѣла, подпираютъ головы руками и плачутъ навзрыдь.

Гдѣ порція пищи, которую намъ давали за каждымъ обѣдомъ, прилежныя хлопоты служанки, улыбка матроны и веселе маленькихъ мальчиковъ, играющихъ косточками на мозанкахъ двора? Позже, сдѣлавшись взрослыми, они вѣшали намъ на грудь свою золотую или кожаную буллу.

Какое счастье, когда, въ вечеръ какого-нибудь триумфа, хозяинъ входя обращалъ къ намъ свои влажные глаза! Онъ рассказывалъ о своей борьбѣ; и скромный домъ становился горделивѣе дворца и священенъ какъ храмъ.

Какъ милы были обѣды семьи, въ особенности въ день послѣ Фералій! Любовь къ мертвымъ смиряла всѣ раздоры; и, обнимаясь, пили во славу прошедшаго и за надежды будущаго.

Но предки изъ раскрашеннаго воску, скрытые позади насъ, понемногу покрываются плѣсенью. Новыя поколѣнья, наказывая насъ за свои разочарованія, пobiли намъ челюсти; подъ зубами крысъ наши деревянные тѣла искривляются.

И безсчетные Боги, хранившіе двери, кухню, погребъ, бани, разсѣиваются во всѣ стороны,—подъ видомъ огромныхъ бѣгущихъ муравьевъ, или большихъ улетающихъ бабочекъ.

КРЕПИТУСЪ

подастъ голосъ:

Меня тоже чтли нѣкогда! Мнѣ совершали возліанія! Я былъ Божествомъ!

Ассирійцы привѣтствовали меня какъ знакъ удачи, а набожный Римлянинъ проклиналъ, сжимая кулаки; жрецъ же Египта, воздерживаясь отъ бобовъ, дрожалъ при моемъ голосѣ и блѣднѣлъ отъ моего запаха.

Когда походный укусъ стекалъ по небритымъ бородамъ, когда угощались желудями, горохомъ и сырмъ лукомъ, и куски козлятины шипѣли въ прогорѣломъ маслѣ пастуховъ, тогда никто не стѣснялся, не обращалъ вниманія на сосѣда. Основательная ѣда переваривалась съ зычностью. Подъ деревенскимъ солнцемъ люди облегчались не торопясь.

Такъ, меня не стыдились, какъ и другихъ надобностей жизни, какъ Мены, мученія дѣвъ и нѣжной Румины, покровительницы материнской груди, налитой голубоватыми жилками. Я былъ игривъ. Я заставлялъ смѣяться! И расширяясь отъ радости благодаря мнѣ, чюсть испускалъ всю свою веселость черезъ отверстія тѣла.

У меня были дни гордости. Добрый Аристофанъ ввелъ меня на сцену, а императоръ Клавдій Друзъ посадилъ за свой столъ. Подъ латиклавами патриціевъ я шествовалъ величественно! Золотыя вазы звучали подо мной какъ тимпаны;— и когда желудокъ господина, полный муренъ, трюфелей и паштетовъ съ трескомъ освобождался, внимательный міръ узнавалъ, что Цезарь пообѣдалъ!

Но теперь я изгнанъ къ черни,—и даже мое имя, мое имя вызываетъ крикъ!

И Крепитусъ удаляется, испуская стонъ. Раздается ударъ грома.

Г О Л О С Ъ.

Я былъ Богомъ войскъ, Господомъ, Господомъ Богомъ!

Я разбилъ на холмахъ шатры Иакова, и питалъ среди песковъ свой бѣжавшій народъ.

Это я сжегъ Содомъ! Это я поглотилъ землю Потопомъ! Это я утопилъ Фараона съ лучшими царскими сынами, съ военными колесницами и возничими.

Богъ завистникъ, я ненавидѣлъ другихъ Боговъ. Я стеръ нечистыхъ; я низринулъ надменныхъ;—и я опустошалъ направо и налево, какъ дромадеръ, выпущенный въ маясовое поле.

Чтобы освободить Израиль, я избиралъ простыхъ. Ангелы съ огненными крылами говорили имъ изъ кустарниковъ.

Умашенныя народомъ, киннамоной и миррой, въ прозрачныхъ платьяхъ и въ обуви на высокихъ каблукахъ, женщины безтрепетнаго сердца шли умерщвлять полководцевъ. Вѣтеръ вдохновлялъ пророковъ.

Я начерталъ свой законъ на камонныхъ скрижаляхъ. Онъ заключалъ мой народъ какъ бы въ крѣпость. Это былъ мой народъ. Я былъ его Богъ! Земля была моя, люди мои,— съ ихъ мыслями, дѣлами, орудіями хлѣбопашества и потомствомъ.

Мой ковчегъ стоялъ въ Святилищѣ изъ трехъ частей, позади пурпурной завѣсы и зажженныхъ свѣтильниковъ. Я имѣлъ, для служенія, цѣлое колено курившихъ кадильни-

цами и великаго жреца въ гіацинтовомъ платьѣ, съ драгоценными камнями на груди, которые были расположены въ строгомъ порядкѣ.

Горе! горе! Святая-Святыхъ открыто, завѣса разорвана, ароматы всесожженія развѣяны вѣтрами. Шакаль мяукаетъ въ гробницахъ; мой храмъ разрушенъ, мой народъ разсѣянъ.

Жрецовъ удавливалаи шнурами ихъ одеждъ. Женщины взяты въ плѣнъ, всѣ сосуды расплавлены.

Голосъ удаляется:

Я былъ Богомъ войскъ, Господомъ, Господомъ Богомъ!

Наступаетъ великое молчаніе, глубокая ночь.

АНТОНІЙ.

Всѣ прошли.

Остаюсь я!

говорить

НѢКТО.

И передъ нимъ Иларіонъ, — но преображенный, прекрасный какъ архангелъ, сіяющій какъ солнце, — и такой высокій, что, чтобы посмотрѣть на него

АНТОНІЙ

запрокидываетъ голову.

Кто же ты?

ИЛАРІОНЪ.

Мое царство размѣра вселенной; и у моего желанія нѣтъ предѣловъ. Я иду не останавливаясь, — освобождая духъ и взвѣсивая міры, безъ ненависти, страха, жалости, любви и безъ Бога. Имя мое—Знаніе.

АНТОНІЙ

откидывается назадъ.

Скорѣе ты... Дьяволъ!

ИЛАРІОНЪ,

вперяя въ него взоръ:

Хочешь увидѣть его?

АНТОНІЙ

не можетъ оторваться отъ этого взгляда; его охватываетъ интересъ къ Дьяволу. Ужасъ его возрастаетъ, желаніе становится безграничнымъ.

Если бы я увидѣлъ его, однако... если бы я увидѣлъ?

Затѣмъ въ порывѣ гнѣва:

Отвращеніе къ нему навсегда избавить меня отъ него!—

Согласенъ!

Показывается виллообразная нога.

Антоній рассказываетъ.

Но Дьяволъ подхватилъ его на рога и уносить.

VI.

Онъ летитъ подъ нимъ распростершись какъ пловецъ;—
два большія вытянутыя крыла, закрывая его всего, кажутся
облакомъ.

А Н Т О Н І Й.

Куда я мчусь?

Только что я смутно видѣлъ образъ Проклятаго. Нѣтъ! меня
уносить туча! Быть можетъ я мертвъ и восхожу къ Богу?..

Ахъ, какъ легко дышать! Безгрѣшный воздухъ перепол-
няетъ мнѣ душу! Нѣтъ больше тяжести! нѣтъ страданій!

Внизу подо мной блистаетъ молнія, горизонтъ разверты-
вается, перекрещиваются рѣки. Это свѣтлое пятно—пустыня,
эта лужица воды—Океанъ.

И появляются другіе океаны, огромныя пространства,
которыхъ я не зналъ раньше. Вотъ черныя страны, что
дымятся какъ жаровни, поясъ снѣговъ, всегда затемненныхъ
туманами. Я стараюсь отыскать горы, куда каждый вечеръ
заходитъ солнце.

Д Ъ Я В О Л Ъ.

Солнце никогда не заходить!

Антонія не удивляютъ эти слова. Они кажутся ему эхомъ
собственной мысли, отвѣтомъ его памяти.

Между тѣмъ земля принимаетъ форму шара; и онъ ви-
дитъ, какъ она вращается въ лазури вокругъ своихъ по-
люсовъ, вращаясь въ то же время вокругъ солнца.

Д Ъ Я В О Л Ъ.

Итакъ, она не центръ міра? Гордость человѣка, смирись!

А Н Т О Н І Й.

Я едва различаю ее теперь. Она теряется среди другихъ
огней.

Небосводъ только ткань звѣздъ.

Они все поднимаются.

Полная тишина! даже орлы не клекочуть! Ничего... и я склоняюсь, чтобы слушать гармонию планетъ.

Дьяволъ.

Ты не услышишь ея! Не увидишь и противоземія Платона, ни центрального очага Филолая, ни сферъ Аристотеля, ни семи небесъ Гудеевъ съ великими водами надъ кристалльнымъ сводомъ!

Антоній.

Снизу онъ казался плотнымъ какъ стѣна. Но, напротивъ, я проникаю его, погружаюсь въ него!

И передъ нимъ луна,—похожая на круглый кусокъ льда, застывшій въ неподвижномъ свѣтѣ.

Дьяволъ.

Здѣсь нѣкогда пребывали души. Добрый Пиеагоръ украсилъ ее даже птицами и роскошными цвѣтами.

Антоній.

Я вижу только пустынные равнины и потухшіе кратеры подъ совершенно чернымъ небомъ.

Полетимъ къ тѣмъ мягче сіяющимъ свѣтиламъ, чтобы созерцать ангеловъ, которые держатъ ихъ въ рукахъ, какъ факелы.

Дьяволъ

уноситъ его къ звѣздамъ.

Онѣ одновременно притягиваютъ и отталкиваютъ другъ друга. Дѣйствіе каждой зависитъ отъ другихъ и способствуетъ имъ—безъ посторонняго посредства, силою закона, единственной власти порядка.

Антоній.

Да... да! Мой умъ постигаетъ это! Такая радость выше удовольствій любви. Я задыхаюсь, ошеломленный величіемъ Бога!

Дьяволъ.

Какъ небосводъ, поднимающійся по мѣрѣ твоего подъема, онъ будетъ расти съ высотой твоей мысли;—и ты ощутишь,

какъ увеличивается твоя радость отъ этого раскрытія міра, въ этомъ расширеніи безконечнаго.

А Н Т О Н І Й.

О, выше! выше, все выше!

Число свѣтилъ возрастаетъ, они искрятся. Млечный путь развертывается въ зенитъ какъ безконечный поясъ, съ отверстіями кое-гдѣ; сквозь эти прорывы его блеска уходятъ въ глубь области мрака. Появляются дожди звѣздъ, потоки золотой пыли, сіяющіе пары, которые плаваютъ и растворяются.

По временамъ вдругъ пролетаетъ комета;—затѣмъ спокойствіе безчисленныхъ свѣтовъ возобновляется.

Антоній, распростерши руки, опирается на оба рога Дьявола, занимая такимъ образомъ весь размахъ крыль.

Онъ вспоминаетъ съ презрѣніемъ о невѣжествѣ прежнихъ дней, объ убожествѣ своихъ грезъ. Вотъ они, подлѣ него, эти сіяющіе шары, которые онъ созерцалъ снизу! Онъ различаетъ перекрещиваніе ихъ путей, сложность направленій. Онъ видитъ, какъ они приносятся издалека,—и, какъ камни пращи, описываютъ свои орбиты, чертятъ свои гиперболы.

Онъ охватываетъ однимъ взглядомъ Южный Крестъ и Большую Медвѣдницу, Рысь и Кентавра, туманность Доррады, шесть солнць созвѣздія Оріона, Юпитера съ четырьмя спутниками и тройное кольцо чудовищнаго Сатурна! всѣ планеты, всѣ свѣтила, которыя позже будутъ открыты людьми! Глаза его полны ихъ свѣта, мысль обременена подсчетомъ разстояній;—и вотъ голова его снова никнетъ.

Какова цѣль всего этого?

Д Ъ Я В О Л Ъ.

Цѣли нѣтъ!

Какъ могъ бы Богъ имѣть цѣль? чей опытъ могъ научить его, чья мысль установить ее?

До начала онъ не дѣйствовалъ бы, а теперь былъ бы не нуженъ.

А Н Т О Н І Й.

Онъ создалъ міръ, однако, сразу, своимъ словомъ!

Д Ъ Я В О Л Ъ.

Но существа, населяющія землю, появляются на ней одни

за другими. Такъ же на небѣ возникаютъ новыя свѣтила,—
различныя слѣдствія разнообразныхъ причинъ.

АНТОНІЙ.

Разнообразіе причинъ есть воля Бога!

ДЬЯВОЛЬ.

Но признать въ Богѣ много актовъ воли, значитъ при-
знать много причинъ и разрушить его единство!

Его воля неотдѣлима отъ его сущности. Онъ не могъ
имѣть другой воли, такъ какъ не могъ имѣть другой сущ-
ности;—и существуя вѣчно, онъ творитъ вѣчно.

Наблюдай солнце! Съ его краевъ вырываются длинныя
языки пламени, разбрасывая искры, которыя разсѣиваются,
чтобы стать мірами; — и за самымъ послѣднимъ, за тѣми
глубинами, гдѣ ты видишь только ночь, вращаются новыя
солнца, за ними еще и еще другія, безъ конца...

АНТОНІЙ.

Довольно! довольно! Мнѣ страшно! я сейчасъ упаду въ
бездну.

ДЬЯВОЛЬ

останавливается и мягко покачиваетъ его:

Небѣтія нѣтъ! пустоты нѣтъ! Всюду тѣла, движущіяся
на недвижной основѣ Пространства;—и такъ какъ, если бы
оно ограничивалось чѣмъ-либо, то было бы уже тѣломъ, а
не пространствомъ,—оно безгранично.

АНТОНІЙ

остолбенѣвъ:

Безгранично!

ДЬЯВОЛЬ.

Поднимайся все выше и выше къ небу; никогда ты не
достигнешь вершины! Спускайся подъ землю въ теченіе
милліардовъ вѣковъ, никогда ты не дойдешь до дна — ибо
нѣтъ ни дна, ни вершины, ни верха, ни низа, нѣтъ предѣла;
и Пространство заключено въ Богѣ, который не есть его
часть, той или иной величины,—а необъятность!

АНТОНІЙ.

тихо:

Тогда... матерія... есть часть Бога?

ДЬЯВОЛЬ.

Почему бы и нѣтъ? Можешь ты знать, гдѣ онъ кончается?

АНТОНІЙ.

Напротивъ, я падаю ницъ, уничтожаюсь передъ его могуществомъ!

ДЬЯВОЛЬ.

И ты мнишь его тронуть! Ты говоришь съ нимъ, ты даже украшаешь его добродѣтелью, добротой, справедливостью, кротостью, вмѣсто того чтобы признать, что онъ обладаетъ всѣми совершенствами!

Утверждать что-либо внѣ этого, значитъ утверждать Бога внѣ Бога, бытіе сверхъ бытія. Итакъ, онъ единственное Бытіе, единственная субстанція.

Если бъ Субстанція могла дѣлиться, она лишилась бы своей природы, она не была бы собой, Бога не было бы. Итакъ, онъ недѣлимъ какъ безконечное; — а если бъ онъ имѣлъ тѣло, онъ былъ бы составленъ изъ частей, онъ больше не былъ бы однимъ, онъ не былъ бы безконечнымъ. То-есть, онъ не личность!

АНТОНІЙ.

Какъ? мои молитвы, мои рыданія, страданія моего тѣла, восторги моего вдохновенія, все это направлялось ко жи... въ пространство... безцѣльно,—какъ крикъ птицы, какъ вихрь сухихъ листьевъ!

Плачь.

О, нѣтъ! Надо всѣмъ есть нѣкто, великій духъ, Господь, отецъ, обожаемый моимъ сердцемъ и который долженъ любить меня!

ДЬЯВОЛЬ.

Ты хочешь, чтобы Богъ не былъ Богомъ;—ибо если бы онъ испытывалъ любовь, гнѣвъ, или жалость, онъ перешелъ бы отъ своего совершенства къ совершенству большому или меньшему. Онъ не можетъ снизойти до чувства, какъ и вмѣститься въ форму.

АНТОНІЙ.

Все-таки, я увижу его когда-нибудь!

ДЬЯВОЛЬ.

Въ царствѣ небесномъ, не правда ли? — когда конечно будетъ наслаждаться безконечнымъ, въ ограниченномъ мѣстѣ, содержащемъ абсолютное!

АНТОНІЙ.

Безразлично, долженъ быть рай для добра, какъ адъ для зла!

ДЬЯВОЛЬ.

Развѣ требованіе твоего ума составляетъ законъ міра? Безъ сомнѣнія, Богъ равнодушенъ ко злу, ибо вся земля полна имъ!

По безсилію ли онъ выноситъ его, или сохраняетъ изъ жестокости?

Думаешь ли ты, что онъ постоянно исправляетъ міръ, какъ несовершенное созданіе и оберегаетъ всѣ движенія всѣхъ существъ, отъ полета бабочки до мысли человѣка?

Если онъ создалъ вселенную, провидѣніе излишне. Если Провидѣніе существуетъ, твореніе несовершенно.

Но зло и добро касается только тебя,—какъ день и ночь, удовольствіе и скорбь, смерть и рожденіе, которыя относятся къ одному уголку пространства, къ особой средѣ, къ опредѣленному благу. Такъ какъ одно безконечное постоянно, то существуетъ Безконечность;—и больше ничего!

Дьяволъ повемногу вытянулъ свои длинныя крылья; теперь они покрываютъ все.

АНТОНІЙ

не видитъ ничего больше. Ослабѣваетъ.

Ужасный холодъ леденитъ меня до глубины души. Это превосходитъ мѣру страданія! Это какъ бы смерть глубже самой смерти. Я погруженъ въ безграничный мракъ. Онъ входитъ въ меня. Мое сознаніе разрывается отъ расширенія этого „ничто“!

ДЬЯВОЛЬ.

Но міръ доходитъ до тебя лишь при посредствѣ твоего

духа. Какъ вогнутое зеркало, онъ искажаетъ предметы; — и у тебя нѣтъ никакого средства проверить его точность.

Никогда ты не узнаешь вселенной во всей ея величинѣ; слѣдовательно, не можешь составить представленія о ея причинѣ, создать правильного понятія о Богѣ, — даже сказать, что вселенная безконечна, — ибо сначала нужно познать Безконечное!

Быть можетъ, форма есть заблужденіе твоихъ чувствъ, Субстанція — миражъ твоей мысли.

— Если только въ этомъ мірѣ, гдѣ все течетъ, видимость не есть наиболѣе истинное, иллюзія единственная реальность.

Но увѣренъ ли ты, что видишь? увѣренъ ли ты даже, что живешь? Можетъ быть ничего нѣтъ.

Дьяволъ схватываетъ Антонія; и держа въ рукахъ, смотритъ на него съ разинутой пастью, готовясь проглотить.

Поклонись же мнѣ! и проклѣни призракъ, который называешь Богомъ!

Антоній подымаетъ глаза въ послѣднемъ порывѣ надежды.

Дьяволъ покидаетъ его.

VII.

АНТОНІЙ

приходитъ въ себя, лежа на спинѣ, на краю утеса.

Небо начинаетъ блѣднѣть.

Ясность ли это вари, или отсвѣтъ луны?

Старается подняться, затѣмъ снова падаетъ; зубы его стучать.

Я чувствую утомленіе... какъ будто у меня переломаны всѣ кости.

Отчего?

Ахъ! это Дьяволъ! вспоминаю; — и даже онъ повторялъ мнѣ то же, что я зналъ отъ стараго Дидима объ ученіяхъ Ксенофана, Гераклита, Мелисса, Анаксагора, о безконечномъ, твореніи, невозможности знать что-либо!

И я вѣрилъ, что могу слиться съ Богомъ!

Горько смѣясь:

О, безуміе, безуміе! Развѣ я виноватъ? Молитва для меня невыносима. Сердце мое бесплоднѣй утеса. Прежде оно захлебывалось отъ любви!

По утрамъ на горизонтѣ дымился песокъ, какъ пепель кадильницы; при захожденіи солнца огненные цвѣты распускались на крестѣ;—и среди ночи часто мнѣ казалось, что всѣ существа и всѣ предметы, соединенные въ общемъ молчаніи, поклонялись со мной Господу. О прелесть молитвъ, счастье восторговъ, дары неба, гдѣ вы?

Припоминаю путешествіе, которое я совершилъ съ Аммономъ въ поискахъ за уединеннымъ мѣстомъ для монастырей. Былъ послѣдній вечеръ; и мы ускоряли шаги, напѣвая гимны, бокъ-о-бокъ, въ безмолвіи. По мѣрѣ того какъ опускалось солнце, тѣни нашихъ фигуръ удлинялись какъ два все растущихъ обелиска, которые какъ бы шли передъ нами. Мы втыкали кое-гдѣ кресты изъ кусковъ нашихъ посоховъ, чтобы обозначить мѣсто кельи. Ночь наступала медленно; и черныя волны разливались по землѣ, въ то время какъ небо было еще въ розовомъ сіяніи.

Когда я былъ ребенкомъ, я забавлялся, строя скиты изъ камешковъ. Мать невдалекѣ смотрѣла за мной.

Она навѣрно прокляла меня за мой уходъ, вырывая цѣлыя клоки сѣдыхъ волосъ. А ея трупъ остался распростертымъ въ хижинѣ подъ тростниковой крышей, среди рушащихся стѣнъ. Гіена, фыркающая, просовываетъ морду въ отверстіе... Ужасъ! Ужасъ!

Рыдаетъ.

Нѣтъ, Аммонарія конечно не покинула ее!

Гдѣ она теперь, Аммонарія?

Быть можетъ, въ глубинѣ бани, она снимаетъ съ себя одну за другой одежды, сначала верхнюю, затѣмъ поясъ, первую тунику, вторую, болѣе легкую, всѣ свои ожерелья; и паръ киннамоны охватываетъ ея нагіе члены. Она ложится, наконецъ, на теплую мозанку. Волосы образуютъ во-

кругъ ея бедръ какъ бы черное руно,—и слегка задыхаясь въ черзучуръ жаркомъ воздухѣ, она дышетъ, изогнувъ станъ, выставляя впередъ груди... Однако... это возстаетъ моя плоть! Въ разгарѣ скорби меня терзаетъ сластолюбіе. Два мученія сразу, это слишкомъ! Я не могу больше выносить себя!

Наклоняется и смотреть въ пропасть.

Если прыгнуть, разобьешься. Ничего нѣтъ легче, стоитъ покатиться съ лѣваго бока; всего одно движеніе! только одно!

Появляется

С Т А Р А Я Ж Е Н Щ И Н А.

Антоній вскакиваетъ съ движеніемъ страха.—Ему кажется, что передъ нимъ воскресшая мать.

Но эта гораздо старше и необыкновенно худа.

Саванъ, завязанный на головѣ, падаетъ съ сѣдыми волосами къ ступнямъ тонкихъ, какъ костьюли, ногъ. Блескъ зубовъ, цвѣта слоновой кости, отбѣняетъ землистость ея кожи. Орбиты глазъ полны мрака, а внутри мигаютъ огоньки, какъ лампы въ склепѣ.

Приблизься, говоритъ она. Кто удерживаетъ тебя?

А Н Т О Н І Й

запинаясь:

Я боюсь совершить грѣхъ!

О Н А

продолжаетъ:

Но царь Саулъ убилъ себя. Разія, праведникъ, убилъ себя. Святая Пелагея изъ Антиохіи убила себя; Доммина Алепская и ея двѣ дочери, три другихъ святыхъ, убили себя;—а вспомни исповѣдниковъ, что предупреждали палачей изъ нетерпѣнія къ смерти. Чтобъ насладиться ею поскорѣй, дѣвственницы Милета удавливались своими шнурами. Философъ Гегевій такъ успѣшно проповѣдалъ ее въ Сиракузахъ, что убѣгали изъ лупанаровъ, чтобы вѣстаться въ поляхъ. Патриціи Рима доставляютъ ее себѣ какъ развратъ.

А Н Т О Н І Й.

Да, эта страсть сильна! Много анахоретовъ поддаются ей!

СТАРУХА.

Сдѣлать нѣчто, равняющее тебя съ Богомъ, подумай только! Онъ сотворилъ тебя, ты замышляешь уничтожить его дѣло, — своимъ мужествомъ, добровольно! Это не ниже блаженства Герострата. И затѣмъ, тѣло твое достаточно надругалось надъ духомъ, чтобы ты отмстилъ, наконецъ. Ты не будешь страдать. Это произойдетъ быстро. Чего ты боишься? большая черная дыра! Она пуста, быть можетъ?

Антоній слушаетъ, не отвѣчая; — и съ другой стороны появляется

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

юная и обаятельно прекрасная. — Онъ принимаетъ ее сначала за Аммонарию.

Но она выше, свѣтлая какъ медь, очень полная, съ на-румяненными щеками и розами на головѣ. Ея длинное платье, усыпанное блестками, отливаетъ металломъ; чувственные губы налиты кровью, а тяжеловатая вѣки полны такой истомы, что ее можно принять за слѣпую.

Она бормочетъ:

Живи же, наслаждайся! Соломонъ проповѣдуетъ радость! Иди куда влечетъ сердце и слѣдуя желанію глазъ!

АНТОНІЙ.

Гдѣ найти радость? мое сердце устало, глаза плохо видятъ!

ОНА

продолжаетъ:

Иди въ предмѣстье Ракотисъ, толкни дверь, выкрашенную въ голубое; и когда ты будешь въ атрий, гдѣ журчитъ фонтанъ, выйдетъ женщина — въ бѣломъ шелковомъ пеплосѣ, вышитомъ золотомъ, съ распущенными волосами, со смѣхомъ похожимъ на шелканье кроталовъ. Она исусна. Ты вкусишь въ ея ласкахъ гордость посвященія въ таинства и удовлетвореніе потребности.

Ты не знаешь также и тревоги прелюбодѣйства, ночныхъ свиданій, похищеній, счастья видѣть голой ту, кого уважалъ въ одеждѣ.

Прижималъ ли ты къ груди дѣвушку, любившую тебя?

Помнишь ли ты какъ уходилъ ея стыдъ и въ потокъ нѣжныхъ слезъ таяли угрызения.

Ты можешь, конечно, представить себѣ, какъ вы идете въ лѣсу при свѣтѣ луны? Отъ пожатія вашихъ рукъ трепеть пробѣгаетъ по тѣлу; ваши близкіе глаза обмѣниваются какъ бы нематеріальными волнами, и сердца наполняются; они разрываются; это сладкій вихрь, затопляющее опьяненіе...

С Т А Р А Я.

Развѣ нужно знать радости, чтобы чувствовать ихъ горечь! Достаточно взглянуть на нихъ издали, и тебя возьметъ отвращеніе. Ты навѣрно усталъ отъ однообразія одинаковыхъ дѣйствій, теченія дней, некрасивости міра, глухости солнца!

А Н Т О Н І Й.

О, да, все, что оно освѣщаетъ, не нравится мнѣ!

М О Л О Д А Я.

Отшельникъ, отшельникъ! ты найдешь алмазы среди камешковъ, фонтаны подъ пескомъ, наслажденіе въ случайностяхъ, которыя презираешь; и даже на землѣ есть такія дивныя мѣста, что хочется прижать ихъ къ сердцу.

С Т А Р А Я.

Каждый вечеръ, засыпая на ней, ты надѣешься, что скоро она возьметъ тебя!

М О Л О Д А Я.

Однако, ты вѣришь въ воскресеніе тѣла, а это переносить жизнь въ вѣчность!

Старая за это время еще болѣе иссохла; и надъ ея черепомъ, на которомъ нѣтъ больше волосъ, описываетъ въ воздухѣ круги летучая мышь.

Молодая стала толще. Платье ея переливается, ноадри дрожать, глаза томны.

П Е Р В А Я

раскрывая объятія:

Приди, я утѣшеніе, покой, забвеніе, вѣчная ясность!

В Т О Р А Я

предлагая свои груди:

Я усыпительница, радость, жизнь, неисчерпаемое счастье!

Антоній поворачивается, пытаюсь бѣжать. Обѣ кладутъ ему на плечи руки.

Саванъ распахивается и обнажаетъ скелеть Смерти.

Платье разрывается и подъ нимъ видно все тѣло Чувственности, у которой тонкій станъ, широкіе бока, и длинныя волнистыя волосы, концы которыхъ развѣваются.

Антоній не двигаясь стоитъ между ними и разсматриваетъ ихъ.

С М Е Р Т Ъ.

Мгновеніемъ раньше, мгновеніемъ позже не все ли равно! Ты мой, какъ солнце, народы, города, цари, снѣгъ горъ, трава полей. Я парю выше коршуна, я мчусь быстрѣе гавели, я настигаю даже надежду, я побѣдила сына Божія!

Ч У В С Т В Е Н Н О С Т Ъ.

Не противься; я всемогуща! Лѣса полны моими вздохами, волны колеблются моими движеніями. Добродѣтель, храбрость, благочестіе, таютъ въ ароматѣ моихъ устъ. Я сопутствую человѣку во всѣхъ его поступкахъ;—и съ порога могилы онъ оборачивается ко мнѣ!

С М Е Р Т Ъ.

Я открою тебѣ то, что ты старался уловить при свѣтѣ факеловъ на лицахъ мертвыхъ, или—когда блуждалъ за Пирамидами, въ этихъ великихъ пескахъ, составленныхъ изъ человѣческихъ останковъ. По временамъ кусокъ черепа откапывался изъ-подъ твоей сандаліи. Ты зачерпывалъ прахъ, ты пропускалъ его между пальцами; и твоя мысль, сливаясь съ нимъ, погружалась въ ничто.

Ч У В С Т В Е Н Н О С Т Ъ.

Моя бездна глубже! Мраморы внушали грязную любовь. Бросаются ко встрѣчамъ, которыя ужасаютъ. Куютъ цѣпи, которыя проклинаютъ. Откуда чародѣйство блудницъ, сумасбродство грезъ, безмѣрность моей печали?

С М Е Р Т Ъ.

Моя иронія превосходить все! На похоронахъ царей, при гибели народа, бываютъ спазмы наслажденій;—и воюютъ подъ музыку, съ султанами, знаменами, золотой сбруей, устраиваютъ церемоніи, чтобы лучше почтить меня.

ЧУВСТВЕННОСТЬ.

Мой гнѣвъ стѣитъ твоего. Я вою, я кусаю. Я вмѣщаю
потъ агоніи и видъ трупа.

СМЕРТЬ.

Вѣдь благодаря мнѣ ты значительна; обнимемся!

Смерть хочешь, Чувственность рычить. Онѣ обхва-
тываютъ другъ друга и поютъ вмѣстѣ:

- Я ускоряю разложеніе матеріи!
- Я облегчаю разсѣянье зародышей!
- Ты разрушаешь, чтобы я восстанавливала!
- Ты зарождаешь, чтобы я губила!
- Усиль мое могущество!
- Оплодотворяй мое гніеніе!

И ихъ голоса, эхо которыхъ, раскатываясь, заполняетъ
окрестность, становятся такъ сильны, что Антоній падаетъ
навзничь.

Толчки, по временамъ, заставляютъ его пріоткрыть
глаза; и онъ видитъ передъ собой во мракѣ нѣчто чудо-
вищное.

Это голова мертвеца въ вѣнкѣ изъ розъ. Она помѣщена
на туловищѣ женщины жемчужной бѣлизны. Внизу —
испещренный золотыми точками саванъ образуетъ какъ бы
хвостъ; и все тѣло извивается, напоминая гигантскаго, вы-
прямившагося во весь ростъ червя.

Видѣніе истончается, исчезаетъ.

АНТОНИЙ

подымается.

Еще разъ это былъ Дьяволъ въ своихъ двухъ видахъ:
духъ блуда и духъ разрушенія.

Ни тотъ, ни другой не страшень мнѣ. Я отвергаю
счастье и я чувствую себя вѣчнымъ.

Такъ, смерть есть только призракъ, покрывало, прикры-
вающее кое-гдѣ безсперывность жизни.

Но разъ Субстанція едина, почему многообразны Формы?

Должны быть гдѣ - нибудь первообразы, предметы же
суть лишь ихъ подобія. Если бы ихъ можно было увидѣть,
мы познали бы связь матеріи съ мыслью, въ чемъ и состоятъ
Бытіе!

Эти-то образы и нарисованы въ Вавилонѣ на стѣнахъ храма Бела, и ими была покрыта одна мозаика въ Кареагенскомъ портѣ. Я самъ видѣлъ иногда на небѣ нѣчто въ родѣ духовъ. Путешествующіе въ пустынѣ встрѣчаютъ животныхъ, превосходящихъ все возможное.

И, напротивъ, на другой сторонѣ Нила, появляется Сфинксъ.

Онъ вытягиваетъ свои лапы, потрясаетъ повязками на лбу и ложится на брюхо.

Скача, взлетая, изрыгая пламя изъ ноздрей и хлопая по крыльямъ драконовымъ хвостомъ, кружится и лааетъ Химера съ зелеными глазами.

Кольца ея волосъ, отброшенные съ одной стороны, путаются въ шерсти на бокахъ, а съ другой свѣшиваются до песка и прыгаютъ при движеніи всего тѣла.

С Ф И Н К С Ъ

неподвиженъ и глядитъ на Химеру:

Сюда, Химера; остановись!

Х И М Е Р А.

Нѣтъ, никогда!

С Ф И Н К С Ъ.

Не носись такъ быстро, не летай такъ высоко, не лай такъ сильно!

Х И М Е Р А.

Не зови меня больше, не зови меня больше, ибо ты вѣчно нѣмъ!

С Ф И Н К С Ъ.

Перестань дышать пламенемъ мнѣ въ лицо и выть мнѣ въ уши; ты не расплавилъ моего гранита!

Х И М Е Р А.

Ты не поймаешь меня, страшный сфинксъ!

С Ф И Н К С Ъ.

Чтобы жить со мной, ты слишкомъ безумна!

Х И М Е Р А.

Чтобы слѣдовать за мной, ты слишкомъ тяжелъ!

С Ф И Н К С ь.

Куда же ты стремишься, носясь так быстро?

Х И М Е Р А.

Я скачу въ корридорахъ лабиринта, я парю надъ горами, я скользя по волнамъ, я брешу въ глубинѣ пропастей, я цѣпляюсь пастью за края тучъ; своимъ волочащимся хвостомъ я исчерчиваю морскія побережья, и кривыя очертанія холмовъ зависятъ отъ формы моихъ плечъ. Но ты, ты всегда и попрежнему недвижимъ, или выписываешь на песокъ алфавиты концомъ своего когтя.

С Ф И Н К С ь.

Да, я храню свою тайну! Я мыслю, я счисляю.

Море колеблется въ своемъ лонѣ, хлѣба колеблются подъ вѣтромъ, караваны проходятъ, пыль улетаетъ, города рушатся; — а мой взглядъ, котораго ничто не можетъ отелонить, вѣчно направленъ сквозь видимое къ недостижимому горизонту.

Х И М Е Р А.

Я же легка и радостна. Я открываю людямъ ослѣпительныя перспективы съ воздушными замками и отдаленнымъ счастьемъ. Я лью имъ въ душу вѣчное безуміе, проекты счастья, планы будущаго, мечты о славѣ и клятвы любви и добродѣтельныя рѣшенія.

Я подстрекаю къ опаснымъ путешествіямъ и великимъ предпріятіямъ. Я извѣкла своими лапами жемчужины архитектуры. Это я повѣсила колокольчики на могилѣ Порсенны и опоясала лѣнной жоринеской мѣди набережныя Атлантиды.

Я ищу новыхъ благоуханій, болѣе пышныхъ цвѣтовъ, неиспытанныхъ удовольствій. Когда я вижу гдѣ-нибудь человѣка, умъ котораго дремлетъ въ мудрости, я кидаюсь на него и удшаю его.

С Ф И Н К С ь.

Всѣхъ тѣхъ, кого мучаетъ жажда Бога, всѣхъ я пожралъ.

Сильнѣйшіе, чтобы вскарабкаться на мой царственный лобъ, восходятъ по складкамъ моихъ повязокъ какъ по ступ-

пенямъ лѣстницы. Усталость охватываетъ ихъ; и они падаютъ навзничь.

Антоній начинаетъ трепетать.

Передъ нимъ теперь нѣтъ хижины, онъ въ пустынѣ,— и съ обѣихъ его сторонъ эти чудовищныя звѣри, пасти которыхъ касаются его плечъ.

С Ф И Н К С Ъ.

О, Мечта, унеси меня на своихъ крыльяхъ, чтобы развѣять мою печаль!

Х И М Е Р А.

О, Незнакомецъ, я влюблена въ твои глаза! Какъ гiena въ плу я ношусь вокругъ тебя, возбуждая къ оплодотвореніямъ, необходимость которыхъ пожираетъ меня.

Раскрой пасть, подыми ноги, стань мнѣ на спину!

С Ф И Н К С Ъ.

Мои ноги, съ тѣхъ поръ какъ вытянуты, не могутъ сдвинуться. Мохъ, какъ лишай, выросъ въ моей пасти. Я столько думалъ, что мнѣ нечего больше сказать.

Х И М Е Р А.

Ты лжешь, лицемѣрный сфинксъ! Почему ты зовешь меня и каждый разъ отрекаешься?

С Ф И Н К С Ъ.

Это ты, неукротимая причуда, являешься и вьешься!

Х И М Е Р А.

Развѣ я виновата? Въ чемъ? оставь меня!

Лаетъ.

С Ф И Н К С Ъ.

Ты движешься, ты ускользаешь!

Ворчитъ.

Х И М Е Р А.

Попробуемъ!—ты меня давишь!

С Ф И Н К С Ъ.

Нѣтъ, невозможно!

И погружаясь мало-по-малу, онъ исчезаетъ въ песокъ а Химера, ползая съ высунутымъ языкомъ, удаляется, описывая круги.

Дыханіе ея рта произвело туманъ.

Въ этой мглѣ Антоній видитъ завитки облаковъ, неясныя извилины.

Наконецъ, онъ различаетъ нѣчто въ родѣ человѣческихъ фигуръ.

И сначала приближается

Р О Й А С Т О М И,

похожихъ на пузырьки воздуха, пронизанные солнцемъ.

Не дыши слишкомъ сильно! Капли дождя умерщвляютъ насъ, фальшивые звуки обнажаютъ, мракъ ослѣпляетъ. Созданные изъ вѣтерковъ и благовоній, мы течемъ, мы плывемъ—немного больше чѣмъ грезы, не совсѣмъ настоящія твари.

Н И Н Ы.

У нихъ по одному глазу, одной щекѣ, одной рукѣ, одной ногѣ, по половинѣ тѣла, по половинѣ сердца.

И они говорятъ очень громко:

Мы живемъ съ полнымъ удобствомъ въ половинахъ нашихъ домовъ, съ половинами нашихъ женъ и половинами нашихъ дѣтей.

В Л Е М М И

совершенно безъ головъ.

Наши плечи отъ этого шире; — и нѣтъ быка, носорога, слона, который могъ бы поднять столько, сколько мы.

Нѣчто въ родѣ слѣдовъ и неяснаго отпечатка лицъ у насъ на груди, вотъ и все! Мы размышляемъ о пищевареніи, мы разжижаемъ выдѣленія. Богъ для насъ плаваетъ съ миромъ во внутреннемъ хилѣ.

Мы идемъ прямо по нашему пути, черезъ всякую грязь, мимо всѣхъ безднъ;—и мы самые счастливые, самые трудолюбивые, самые добродѣтельные люди.

П И Г М Е И.

Маленькіе человѣчки, мы кишимъ въ мірѣ, какъ паразиты въ горбу дромадера.

Насъ жгутъ, насъ топятъ, насъ давятъ; и всякій разъ мы появляемся снова, еще живучѣе и многочисленнѣй, — страшные своимъ числомъ!

С К И А П О Д Ы.

Прикрѣпленные къ землѣ своими волосами, длинными

какъ лианы, мы прозябаемъ подъ тѣнью своихъ ногъ, широкихъ какъ зонты; и свѣтъ доходитъ до насъ сквозь толщю нашихъ ступней. Никакого безпокойства и никакого труда! Какъ можно ниже голову, въ этомъ тайна счастья!

Число ихъ поднятыхъ лапъ, напоминающихъ стволы деревьевъ, увеличиваются.

И появляется лѣсъ. Въ немъ бѣгаютъ большія четвероногія обезьяны; это люди съ собачьими головами.

К И Н О Ц Е Ф А Л Ы.

Мы прыгаемъ съ вѣтви на вѣтвь, чтобы высасывать яйца, и мы ощипываемъ птичекъ; потомъ надѣваемъ себѣ на головы ихъ гнѣзда вмѣсто шапокъ.

Мы пользуемся случаемъ вырвать коровье вымя; и мы выдираемъ глаза рысей, мы испражняемся съ верхушки деревъ, мы проявляемъ свою гнусность среди бѣла дня.

Портя цвѣты, топчя плоды, грязня источники, насилуя женщинъ,—мы господа надъ всѣмъ, ибо руки наши сильны и сердца свирѣпы.

Смѣлѣй, товарищи! Ляскайте челюстями!

Кровь и молоко текутъ у нихъ по губамъ. По мохнатымъ спинамъ струятся потоки воды.

Антоній вдыхаетъ свѣжесть зеленыхъ листьевъ.

Они трепещутъ, вѣтви шелестятъ; и вдругъ появляется большой черный олень съ бычьей головой, на лбу у котораго цѣлый лѣсъ бѣлыхъ роговъ.

О А Д У З А Г Ъ.

Мои семьдесятъ четыре рога полны какъ флейты!

Когда я поворачиваюсь къ южному вѣтру, ихъ звуки привлекаютъ ко мнѣ восхищенныхъ животныхъ. Змѣи свертываются у меня въ ногахъ, осы липнутъ къ моимъ ноздрямъ, и попугаи, ибисы и голуби садятся на мои вѣтви.

— Слушай!

Онъ вакидываетъ свои рога, и раздаются необыкновенно пріятные звуки.

Антоній сжимаетъ грудь обѣими руками. Ему кажется, что его душа унесется сейчасъ съ этой мелодіей.

О А Д У З А Г Ъ.

Но когда я поворачиваюсь къ вѣтру сѣвера, мои рога,

которые гуще чѣмъ щетина копій, издають ревъ; лѣса дрожать, рѣки текутъ вспяты, оболочки плодовъ лопаются и травы подымаются какъ волосы труса.

— Слушай!

Наклоняетъ свои вѣтви, оттуда летать безсвязные крики; Антонія какъ бы разрываютъ.

И его ужасъ возрастаетъ при видѣ

МАРТИХОРА,

гигантскаго краснаго льва съ человѣческимъ обликомъ и тремя рядами зубовъ.

Лоскъ моего яркокраснаго мѣха сливается съ отблескомъ великихъ песковъ. Я выдыхаю изъ своихъ ноздрей ужасы пустыни. Я изрыгаю чуму. Я поѣдаю войска, когда они держатъ углубиться въ степи.

Мои когти скручены буравами, мои зубы зазубрены какъ пила; а мой кольцеобразный хвостъ утыканъ дротиками, которые я мечу вправо, влево, впередъ, назадъ. — Смотри! вотъ!

Мартихоръ сыплетъ иглами своего хвоста, онѣ разлетаются во всѣ стороны какъ стрѣлы. Падаютъ капельки крови, барабана по листьѣ.

КАТОВЛЕПЪ,

черный буйволъ со свиной головой, которая склоняется до земли и прикрѣплена къ плечамъ тонкой, длинной и дряблой, какъ пустая кишка, шеей.

Онъ лежитъ на животѣ; и ноги его исчезаютъ подъ могучей гривой изъ жесткихъ волосъ, которая покрываетъ ему морду.

Жирный, задумчивый, дикій, я постоянно ощущаю у себя подъ брюхомъ теплоту грязи. Мой черепъ такъ тяжелъ, что мнѣ нельзя его поднять. Я медленно катаю его вокругъ себя;—и полураскрывъ челюсти, я вырываю языкомъ ядовитыя травы, орошенные моимъ дыханьемъ. Однажды я отѣлъ себѣ лапы, не замѣтивъ этого.

Никто, Антоній, никогда не видалъ моихъ глазъ, а тѣ, кто видѣлъ, погибли. Если я подыму свои вѣки, — розовыя, налитыя вѣки,—тотчасъ ты умрешь.

АНТОНІЙ.

О, зтогь... А если я пожелаю сейчасъ? Его глушость влечеть меня. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Упорно смотритъ въ землю.

Но трава загорается, и въ извивахъ пламени подымается

ВАСИЛИСКЪ,

большой фіолетовый змѣй съ трехлопастнымъ гребнемъ, съ двумя зубами, вверху и внизу.

Берегись, ты сейчасъ попадешь въ мою пасть! Я нью огонь. Огонь это я; — и я вбираю его отовсюду: изъ тучъ, изъ камней, изъ мертвыхъ деревьевъ, изъ шерсти животныхъ, съ поверхности болотъ. Мое тепло питаетъ вулканы; я причина блеска драгоценностей и цвѣта металловъ.

ГРИФЪ

левъ съ ястребинымъ клювомъ и бѣлыми крыльями, лапы у него красны, а шея синяя.

Я властелинъ подземныхъ очарованій. Я знаю тайну могилъ, гдѣ спятъ древніе цари.

Цѣпь, прикрепленная къ стѣнѣ, поддерживаетъ ихъ головы. Рядомъ съ ними, въ порфириновыхъ бассейнахъ, плаваютъ въ черныхъ жидкостяхъ женщины, которыхъ они любили. Ихъ богатства размѣщены въ залахъ, ромбами, холмиками, пирамидами;—а ниже, гораздо глубже могилъ, за длинными переходами удушающаго мрака есть золотыя рѣки съ алмазными лѣсами, луга карбункуловъ, озера ртути.

Прислонившись къ двери подземелья и вытянувъ когти, я съ пылающими глазами поджидаю тѣхъ, кто намѣренъ приблизиться. Безпредѣльная равнина пустынна до самаго горизонта и поблѣла отъ костей путниковъ. Но предъ тобой бронзовые створы откроются, и ты вдохнешь пары рудниковъ, ты спустишься въ пещеры... Скорѣй, скорѣй!

Роетъ лапами землю и кричитъ по пѣтушинуму.

Тысячи голосовъ вторятъ ему. Лѣсъ трепещетъ.

И появляются всевозможные страшные звѣри: Трагелафъ, полу-олень, полубыкъ; Мирмеколео, спереди левъ, сзади муравей, съ половыми органами навыворотъ; Пнеонъ Акваръ, въ шестьдесятъ локтей, ужаснувшій Моисея; большая ласка Пастинака, убивающая деревья своимъ запахомъ;

Престерось, отъ прикосновенія къ которому теряютъ умъ; Мирагъ, рогатый заяцъ, житель морскихъ острововъ. У леопарда Фальманта отъ рева разрывается брюхо; Сенадъ, трехголовый медвѣдь, раздраетъ языкомъ своихъ дѣтеншей; собака Кеъ обливаетъ утесы синимъ молокомъ своихъ сосковъ. Москиты жужжать, жабы прыгаютъ, вѣи свистятъ. Блισταютъ молвіи. Идетъ градъ.

Налетаютъ шквалы, принося диковины анатоміи. Здѣсь голы алигаторовъ на ногахъ козуль, совы съ змѣйными хвостами, борова съ мордой тигра, ковы съ ослиными задками, мохнатыя, какъ медвѣди, лягушки, камелеоны величиною съ гиппопотамовъ, телята о двухъ головахъ—одна изъ нихъ плачетъ, другая мычитъ,—четверни-недоноски, скрѣпленные одной пуповиной и пляшущіе какъ волчки, крылатая чрева, что летаютъ какъ мопки.

Ихъ источаетъ небо, они выходятъ изъ земли, текутъ изъ утесовъ. Вездѣ сверкаютъ глаза, рычатъ пасти; закругляются груди, вытягиваются когти, скрежешуть зубы, плещутся тѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ родятъ, другіе совокупляются, или пожираютъ другъ друга однимъ глоткомъ.

Задыхаясь отъ страшной тѣсноты, размножаясь соприкосновеніемъ, они карабкаются другъ на друга;—и вѣ движутся вокругъ Антонія въ мѣрномъ колыханіи, какъ будто земля стала палубой корабля. Онъ чувствуетъ у своихъ икорь улитокъ, на ладоняхъ холодъ гадюкъ; и пауки, сплетая свои ткани, одѣваютъ его этой сѣткой.

Но цѣль чудовищъ полуразрывается, небо сразу становится голубымъ и выскакиваетъ

ЕДИНОРОГЪ.

Галопомъ, галопомъ!

У меня копыта изъ слоновой кости, зубы изъ стали, голова цвѣта пурпура, тѣло снѣжной бѣлизны, а рогъ на лбу разноцвѣтенъ какъ радуга.

Я несусь изъ Халдеи въ татарскую пустыню, къ берегамъ Ганга и въ Мессопотамію. Я обгоняю страусовъ. Я несусь такъ быстро, что увлекаю вѣтры. Я задѣваю спиной за пальмы. Я валяюсь въ бамбукахъ. Однимъ скачкомъ я перепрыгиваю рѣки. Надо мной летятъ голуби. Только одна дѣва можетъ меня взнудать.

Галопомъ, галопомъ!

И на глазахъ Антонія онъ исчезаетъ.

Такъ какъ Антоній смотритъ вверхъ, онъ видитъ птицъ, питающихся вѣтромъ: Гуйфа, Агути, Альфалима, Юкнефа съ Каффскихъ горъ, арабскихъ Оман, которыя суть души убитыхъ. Онъ слышитъ какъ попугай говорить по-человѣчьи, а большія лапчатоногія птицы рыдаютъ какъ дѣти или явительно хохочутъ, какъ старухи.

Онъ вдыхаетъ сильно соленый воздухъ. Теперь передъ нимъ побережье моря.

Вдалекѣ встаютъ водяные фонтаны, взымаемые китами; и со всѣхъ сторонъ приближаются, ползая по песку,

МОРСКІЕ ВѢРРИ

круглые какъ бурдюки, плоскіе какъ пластины, извуренные какъ пилы.

Ты отправишься сейчасъ съ нами, въ наши просторы, куда не сходилъ еще никто!

Разныя племена населяютъ области Океана. Одни живутъ въ убѣжищѣ бурь; другія плаваютъ на волѣ въ прозрачныхъ холодныхъ волнахъ, пасутся, какъ быки на равнинахъ коралловъ, втягиваютъ хоботами остатки отлива, или несутъ на своихъ плечахъ грузъ источниковъ моря.

Усы тюленей, чешуи рыбъ блестятъ фосфорическимъ свѣтомъ. Морскіе ежи вращаются какъ колеса, рога Аммона развертываются какъ канаты, устрицы щелкаютъ своими створами, полипы выпускаютъ щупальца, дрожатъ медузы, похожія на шарикъ хрустала, плаваютъ губки, анемоны выплевываютъ воду; вырастаютъ мхи, водоросли.

И всевозможнѣйшія растенія вытягиваются въ вѣтви свиваются воронками, удлиняются въ острія, закругляются въ вѣра. Тыквы похожи на груди, лианы переплетаются какъ вѣи.

У деревьевъ Деданмъ изъ Вавилона, вмѣсто плодовъ человѣчьи головы; Мандрагоры поютъ, корень Баарасъ движется въ травѣ.

Растенія не отличаются теперь больше отъ животныхъ. У полипняковъ, напоминающихъ сикоморы, на вѣтвяхъ руки. Антонію кажется, что между двухъ листьевъ сидитъ гусеница; это бабочка, она улетаетъ. Онъ хочетъ наступить на камешекъ; выскакиваетъ сѣрый кузнечикъ. Насѣкомья, похожія на лепестки розъ, украшаютъ кустъ; остатки вѣмеридъ лежатъ на землѣ снѣжнымъ покровомъ.

Далѣ растенія сливаются съ камнями.

Галька походитъ на мозги, сталактиты на соски, желѣзистые цвѣты на обои съ фигурами.

Въ кусочкахъ льда онъ различаетъ узоры, отпечатки побѣговъ и раковинъ,—и нельзя разобрать, отпечатки ли это предметовъ, или сами предметы. Бриллианты блестятъ какъ глаза, минералы мерцаютъ.

И ему больше не страшно!

Онъ ложится на грудь, подпираетъ голову руками; и удерживая дыханіе, онъ смотритъ.

Насѣкомья, у которыхъ нѣтъ больше желудковъ, продолжаютъ ѣсть; изсохшіе папортники начинаютъ цвѣсти; недостающіе члены вырастаютъ.

Наконецъ, онъ видитъ маленькія шаровидныя массы, величиной съ булавочную головку, усаженныя рѣсницами. Онъ трепещутъ.

АНТОНІЙ,

безумѣя:

О счастье, счастье! я видѣлъ зарожденіе жизни, я видѣлъ начало движенія. Кровь въ моихъ жилахъ бьется такъ сильно, что они сейчасъ разорвутся. Я хочу летать, плавать, лаять, рычать, вить. Я желалъ бы имѣть крылья, щитъ черепахи, одѣться корой, выдыхать паръ, обладать хоботомъ, извиваться, разсѣяться повсюду, быть во всемъ, уноситься съ запахами, распространяться какъ растенія, течь какъ вода, звенѣть какъ звукъ, блистать какъ свѣтъ, затаиться во всемъ, пронизать каждый атомъ, погрузиться до дна матеріи,—быть матеріей!

День, наконецъ, настаетъ; и какъ складки священной занавѣси, которую поднимаютъ, золотыя облака, свиваясь широкими завитками, открываютъ небо.

Въ срединѣ, на дискѣ самого солнца, сіяетъ ликъ Иисуса Христа.

Антоній дѣлаетъ знаменіе креста и возвращается къ молитвамъ.

Конецъ.

ИВАНЪ ВУНИНЪ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Истара.

Луна, богъ Синь, ее зарей встрѣчаетъ.
Онъ свой путь свершаетъ на быкъ,
Ее тиара звѣздная вѣнчаетъ,
Стрѣла и лукъ лежатъ въ ея рукѣ.

Царица битвъ, она рѣшаетъ битвы,
Судья царей, она неправымъ мститъ—
И ужъ ни дымъ, ни оѳиміамъ молитвы
Ея очей тогда не обольститъ.

Но вотъ весна. Среди рѣчного пара
Свой блѣдный ликъ подьѣмлетъ Синь, луна—
И какъ нѣжна становится Истара!

Откинувъ лукъ, до чреслъ обнажена,
Таинственна и сладостна, какъ чара,
Съ какой мольбой ждетъ страстныхъ ласкъ она!

Египетъ.

Ра-Озирисъ, владыка дня и свѣта,
Хвала тебѣ! Я, богъ пустыни, Сетъ,
Горжусь врагомъ: ты, побѣждая Сета,
Въ его странѣ царилъ пять тысячъ лѣтъ.

Ты славенъ былъ, твоя ладья воспѣта
Была стократъ. Но за ладьей во слѣдъ
Шелъ богъ пустынь, богъ древняго завѣта—
И вотъ, о Ра, плоды твоихъ побѣдъ:

Безносый сфинксъ среди полей Гизеха,
Лѣнивый Нилъ да глыбы пирамидъ,
Руины Фивъ, гдѣ гулко бродить эхо,
Да письмена въ куски разбитыхъ плитъ,

Да обелискъ въ блестящей политурѣ,
Да пыль песковъ на пламенной лазури.

Одинъ.

Онъ на западъ глядитъ—солнце къ морю спускается,
Свѣтитъ по морю краснымъ огнемъ.

Онъ застылъ на скалѣ—ветхій плащъ развѣвается
Отъ холоднаго вѣтра на немъ.

Опираясь на мечъ, онъ глядитъ на багровую
Чешую безпредѣльныхъ выбей.

Но не видитъ онъ волнъ—только думу суровую
Означаютъ изгибы бровей.

Древенъ мѣръ,—онъ древнѣй. Плащъ Одина какъ вретиче,
Ржа вѣковъ—на желѣзномъ мечѣ...

Черный воронъ Хугинъ—скорбной Памяти дѣтище
У него на плечѣ.

Розы Ширази.

Пой, соловей! Онѣ томятся:
Въ шатрахъ узорчатыхъ мимозъ,
На ихъ рѣсницахъ серебрятся
Алмазы томныхъ крупныхъ слезъ.

Садъ въ эту ночь — какъ садъ Ирема.
И сладострастна, и блѣдна,
Какъ въ шакизирь — тайникъ гарема,
Въ узоръ вѣтвей глядитъ луна.

Блѣветъ мѣль стѣны неясно.
Но тамъ, гдѣ свѣтъ, его атласъ
Горитъ такъ зелено и страстно,
Какъ изумрудъ змѣиныхъ глазъ.

Пой, соловей! Томятъ желанья.
Цвѣты молчатъ — нѣтъ словъ у нихъ:
Ихъ сладкій зовъ — благоуханья,
Алмазы слезъ — покорность ихъ.

Магометъ въ изгнаніи.

Джины близъ Тайифа пролетали
Въ сумерки долиной каменной.
Чу! Пророкъ!—Его слова звучали,
Какъ источникъ сладостный и чистый.

На камняхъ, среди кустовъ дзарига,
Онъ сидѣлъ и говорилъ, тоскуя:
„Я одинъ. Мнѣ тяжело Божье иго.
Я вдали отъ тѣхъ, кого люблю я!“

И сказали джины: „Недостойно
Быть Пророку слабымъ и усталымъ!“
И Пророкъ печально и спокойно
Отвѣчалъ: „Я жаловался скаламъ“.

Безсмертный.

Ангель Смерти въ Судный День умреть:
Истребить живущихъ—и со стономъ
Прилетитъ къ Аллаху—и простреть,
Бездыханный, крылья передъ трономъ.

Ангель мести, грозный судія!
На твоёмъ стальномъ клинкѣ изсѣченъ
Грозный кличъ: „Безсмертенъ только Я.
Трепещите! Ангель Мести вѣченъ“.

М. ГОРЬКІЙ.

МАТЬ.

М. Горькій. Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, выпущеннымъ фирмой

Appleton and Company,

436 Fifth Avenue, New York,

или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просятъ предварительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю автора внѣ Россіи, Ив. Павл. Ладыжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;

„Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren

I. Ladyschnikow“.

М. Горький. Мать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

...Каждый день надъ рабочей слободкой въ дымномъ, масляномъ воздухѣ дрожали и ревѣли фабричный гудокъ и, послушные зову силы пара, изъ маленькихъ сѣрыхъ домовъ суетливо выбѣгали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успѣвшіе освѣжить сномъ свои мускулы. Въ холодномъ сумракѣ они шли по узкой, немощеной улицѣ къ высокимъ каменнымъ клѣткамъ фабрики, а она съ равнодушной увѣренностью ждала ихъ, освѣщая людямъ грязную дорогу десятками своихъ жирныхъ и желтыхъ квадратныхъ глазъ. Грязь чмокала подъ ногами, точно насмѣшливо сожалѣя о чемъ-то. Раздавались хрипья восклицанія сонныхъ голосовъ, раздражительная ругань зло рвала воздухъ, а встрѣчу людямъ плыли глухіе звуки—тяжелая возня машинъ, недовольное ворчаніе пара. Угрюмо и строго маячили высокія черныя трубы, поднимаясь надъ слободкой, точно толстыя палки.

Вечеромъ, когда садилось солнце и на стеклахъ домовъ устало блестяли его красные лучи, фабрика выкидывала людей изъ своихъ каменныхъ нѣдръ, словно отработанный шлакъ, и они снова шли по улицамъ, закопченные, съ черными лицами, распространяя въ воздухъ липкій запахъ машиннаго масла и блестя голыми зубами. Теперь въ ихъ голосахъ звучало оживленіе и даже радость: на сегодня кончилась каторга труда, дома ждалъ ужинъ и отдыхъ.

День былъ проглоченъ фабрикой, машины высосали изъ мускуловъ людей столько силы, сколько имъ было нужно. День былъ безслѣдно вычеркнутъ изъ жизни, человекъ незамѣтно сдѣлалъ еще шагъ къ своей могилѣ, но онъ видѣлъ близко передъ собой наслажденіе отдыха, радости дымнаго кабака и—былъ доволенъ.

По праздникамъ спали часовъ до десяти; потомъ люди солидные и женатые одѣвались въ свое лучшее платье и шли слушать обѣдню, попутно ругая молодежь за ея равнодушіе къ церкви. Изъ церкви возвращались домой, ѣли пироги и снова ложились спать—до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишила людей аппетита, и для того, чтобы ѣсть, много пили, раздражая безсильный желудокъ острыми ожогами водки.

Вечеромъ лѣниво гуляли по улицамъ, и тотъ, кто имѣлъ галоши, надѣвалъ ихъ, если даже было сухо, а имѣя дождевой зонтикъ, носилъ его съ собой, хотя бы свѣтило солнце. Не каждый имѣетъ галоши и зонть, но всякому хочется быть хоть чѣмъ-нибудь значительнѣе другого.

Встрѣчаясь другъ съ другомъ, говорили о фабрикѣ, о машинахъ, ругали мастеровъ,—говорили и думали только о томъ, что было близко и явно связано съ работой. Одинокія искры неумѣлой, безсильной мысли едва мерцали въ скучномъ однообразіи дней. Возвращаясь домой, ссорились съ женами и часто били ихъ, не щадя кулаковъ. Молодежь сидѣла въ трактирахъ или устраивала вечеринки другъ у друга, играла на гармоникахъ, пѣла похабныя, некрасивыя пѣсни, танцевала, сквернословила и пила. Истомленные трудомъ, люди пьянѣли быстро, и во всѣхъ грудяхъ пробуждалось непонятное, болѣзненное раздраженіе. Оно требовало выхода. И цѣпко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди изъ-за пустяковъ бросались другъ на друга съ ѣдкимъ озлобленіемъ

звѣрей. Возникали кровавыя драки. Порою онѣ кончались тяжкими увѣчьями, изрѣдка—убійствами.

Въ отношеніяхъ людей всего больше было именно этого чувства подстерегающей злобы, и оно было такое же застарѣлое, какъ и неисклѣчимая усталость мускуловъ. Люди рождались съ этою болѣзнью души, наследуя ее отъ отцовъ, и она черною тѣнью сопровождала ихъ до могилы, побуждая въ теченіе жизни къ ряду поступковъ, отвратительныхъ своей безцѣльной жестокостью.

По праздникамъ молодежь являлась домой поздно почью въ разорванной одеждѣ, въ грязи и пыли, съ разбитыми лицами, злорадно хвастаясь нанесенными товарищамъ ударами, или оскорбленная ими, въ гнѣвѣ или слезахъ обиды, пьяная и жалкая, несчастная и противная. Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали ихъ гдѣ-нибудь на улицѣ или въ кабакахъ безчувственно пьяными, скверно ругали, били кулаками мягкія, разжиженные водкой тѣла дѣтей, потомъ болѣе или менѣе заботливо укладывали ихъ спать, чтобы рано утромъ, когда въ воздухъ темнымъ ручьемъ потечетъ сердитый ревъ гудка, разбудить ихъ для работы.

Ругали и били дѣтей тяжело, но, въ то же время, пьянство и драки молодежи казались старикамъ вполне законнымъ явленіемъ: когда отцы были молоды, они тоже пили и дрались, ихъ тоже били матери и отцы. Жизнь всегда была такова,—она ровно и медленно текла куда-то мутнымъ потокомъ, годы и годы, и вся была связана крѣпкими, давними привычками думать и дѣлать одно и то же изо дня въ день. И, казалось, никто не имѣлъ времени, ни желанія попытаться измѣнить ее.

Изрѣдка въ слободку приходили откуда-то посторонніе люди. Сначала они обращали на себя вниманіе просто тѣмъ, что были чужіе, затѣмъ возбуждали къ себѣ легкій, внѣшній интересъ разказами о мѣстахъ,

гдѣ они работали, потомъ новизна стиралась съ нихъ, къ нимъ привыкали, и они становились незамѣтными. Изъ ихъ разсказовъ было ясно: жизнь рабочаго вездѣ одинакова. А если это такъ,—о чемъ же разговаривать?

Но иногда нѣкоторые изъ нихъ говорили что-то чужое, неслыханное въ слободкѣ. Съ ними не спорили, но слушали ихъ странныя рѣчи недовѣрчиво. Эти рѣчи у однихъ возбуждали слѣпое раздраженіе, у другихъ смутную тревогу, третьихъ беспокоила легкая тѣнь надежды на что-то неясное и они начинали больше пить, чтобы изгнать ненужную, мѣшающую тревогу.

Замѣтивъ въ чужомъ что-то необычное для нихъ, слобожане долго не могли забыть ему это и относились къ человѣку, непохожему на нихъ, съ безотчетнымъ опасеніемъ. Они точно боялись, что человѣкъ броситъ въ ихъ жизнь что-нибудь такое, что нарушитъ ея уныло-правильный ходъ, хотя тяжелый, но спокойный. Люди привыкли, чтобы жизнь давила ихъ всегда съ одинаковой силой и, не ожидая никакихъ измѣненій къ лучшему, они считали всѣ измѣненія способными только увеличить гнетъ.

И отъ людей, которые говорили необычно, слобожане молча сторонились. Тогда эти люди исчезали, снова уходя куда-то, а оставаясь на фабрикѣ, жили въ сторонѣ, если не умѣли слиться въ цѣлое съ однообразной массой слобожанъ...

Поживъ такой жизнью лѣтъ пятьдесятъ, человѣкъ умиралъ.

II.

Такъ жилъ и слесарь Михайлъ Власовъ, человѣкъ угрюмый, съ маленькими глазами, которые смотрѣли на все изъ-подъ густыхъ бровей подозрительно, съ недовѣрчивой и нехорошей усмѣшкой. Онъ былъ лучшимъ слесаремъ на фабрикѣ и первымъ силачомъ въ

слободкѣ. Но онъ держался съ начальствомъ грубо и поэтому зарабатывалъ мало; каждый праздникъ онъ кого-нибудь избивалъ, и всѣ его не любили, боялись. Его тоже пробовали бить и не однажды, но безуспѣшно. Когда Власовъ видѣлъ, что на него идутъ люди, онъ хваталъ въ руки камень, доску, кусокъ желѣза и широко разставивъ ноги, молча ожидалъ враговъ. Лицо его, заросшее отъ глазъ до шеи черной бородой, и волосатые руки, густо покрытыя шерстью, внушали всѣмъ страхъ. Особенно боялись его глазъ, — маленькіе и острые, они сверлили людей точно стальные буравчики, и каждый, кто встрѣчался съ ихъ взглядомъ, чувствовалъ передъ собой звѣря, дикую силу, недоступную страху, готовую бить безошадно.

— Ну, расходись, сволочь! — глухо говорилъ онъ. Сквозь густые волосы на его лицѣ страшно сверкали крупные, желтые зубы. Люди расходились, ругая его трусливо воющей руганью

— Сволочь! — кратко говорилъ онъ вслѣдъ имъ, и глаза его блестѣли острой, какъ шило, усмѣшкой. Потомъ, держа голову вызывающе прямо, съ короткой и толстой трубкой въ зубахъ, онъ шелъ слѣдомъ за ними и порою вызывалъ:

— Ну, кто смерти хочеть?

Никто не хотѣлъ.

Говорилъ онъ мало, и „сволочь“ — было его любимое слово. Имъ онъ называлъ начальство фабрики и полицію, съ нимъ онъ обращался къ женѣ.

— Ты, сволочь, не видишь — штаны разорвались!

Когда Павлу, сыну его, было четырнадцать лѣтъ, Власову захотѣлось оттаскать его за волосы еще разъ. Но Павелъ взялъ въ руки тяжелый молотокъ и кратко сказалъ:

— Не тронь...

— Чего? — спросилъ отецъ, надвигаясь на высокую и тонкую фигуру сына, какъ тѣнь на березу.

— Будетъ!—сказаль Павелъ.—Больше я не дамся...
И широко раскрывъ глаза, онъ взмахнулъ молоткомъ.

Отець посмотрѣль на него, спрятавъ за спину свои мохнатяя руки и, усмѣхаясь, проговориль:

— Ладно...

Потомъ тяжело вадохнулъ и добавилъ:

— Эхъ ты, сволочь...

Вскорѣ послѣ этого онъ сказаль женѣ:

— Денегъ съ меня больше не спрашивай... тебя и Пашка прокормить...

— А ты все пропивать будешь?— осмѣлилась она спросить его.

Онъ, ударивъ кулакомъ по столу, заявилъ:

— Не твое дѣло... сволочь! Я любовницу заведу...

Любовницы онъ не завелъ, но съ того времени почти два года, вплоть до смерти своей, не замѣчалъ сына и не говорилъ съ нимъ.

Была у него собака, такая же большая и мохнатая, какъ самъ онъ. Она каждый день провожала его на фабрику и каждый вечеръ ждала его у воротъ. По праздникамъ Власовъ отправлялся ходить по кабакамъ. Ходилъ онъ молча и, точно желая найти кого-то, царапалъ своими глазами лица людей. И собака весь день ходила за нимъ, опустивъ большой, пышный хвостъ. Возвращаясь домой пьяный, онъ садился ужинать и кормилъ собаку изъ своей чашки. Онъ ее не билъ, не ругалъ и не ласкалъ никогда. Послѣ ужина онъ сбрасывалъ посуду со стола на полъ, если жена не успѣвала во-время убрать ее, ставилъ передъ собой бутылку водки и, опираясь спиной о стѣну, глухимъ голосомъ, наводившимъ тоску, вылъ пѣсню, широко открывая ротъ и закрывъ глаза. Заунывные, некрасивые звуки путались въ его усахъ, сбивая съ нихъ хлѣбныя крошки, слесарь расправлялъ волосы бороды и усовъ толстыми пальцами и—пѣлъ. Слова пѣсни были какія-то непо-

нятыня, растянутыя, мелодія напоминала о зимнемъ воѣ волковъ. Пѣлъ онъ до поры, пока въ бутылкѣ была водка, а потомъ валялся бокомъ на лавку или опускалъ голову на столъ и такъ спалъ до гудка. Собака лежала рядомъ съ нимъ.

Умеръ онъ отъ грыжи и умиралъ долго. Дней пять, весь почернѣвшій, онъ ворочался на постели, плотно закрывъ глаза, и скрипѣлъ зубами. Иногда говорилъ женѣ:

— Дай мышьяку... отрави...

Она приводила доктора; онъ велѣлъ поставить Михаилу припарки, но сказалъ, что необходима операція и больного нужно сегодня же везти въ больницу.

— Пошелъ къ чорту... я самъ умру... сволочь!—сказалъ Михаилъ.

А когда докторъ ушелъ и жена со слезами стала уговаривать его согласиться на операцію, онъ сжалъ кулакъ и, погрозивъ ей, заявилъ:

— Не смѣй... выздоровлю—тебѣ хуже будетъ!

Онъ умеръ утромъ, въ тѣ минуты, когда гудокъ звалъ на работу. Въ гробу лежалъ съ открытымъ ртомъ, но брови у него были сердито нахмурены. Хоронили его жена, сынъ, собака, старый пьяница и воръ Данило Вѣсовщиковъ, прогнанный съ фабрики, и нѣсколько слободскихъ нищихъ. Жена плакала тихо и немного, Павелъ не плакалъ. Слобожане, встрѣчая на улицѣ гробъ, останавливались и крестясь говорили другъ другу:

— Чай, Палагея-то рада-радешенька, что померъ онъ...

Нѣкоторые поправляли:

— Не померъ, а—надохъ...

Когда гробъ зарыли,—люди ушли, а собака осталась и, сидя на свѣжей землѣ, долго и молча нюхала могилу. Черезъ нѣсколько дней кто-то убилъ ее...

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ смерти отца, въ воскресенье, Павелъ Власовъ пришелъ домой сильно пьяный. Качаясь, онъ пролѣзъ въ передній уголъ и, ударивъ кулакомъ по столу, какъ это дѣлалъ отецъ,—крикнулъ матери:

— Ужинать!..

Мать подошла къ нему, сѣла рядомъ и обняла сына, притягивая голову его къ себѣ на грудь. Онъ, упираясь рукой въ плечо ей, сопротивлялся и кричалъ:

— Мамаша... живо!..

— Дурачекъ ты!—печально и ласково сказала мать, одолгвая его сопротивленіе.

— И я—курить буду... дай мнѣ отцову трубку...—тяжело двигая непослушнымъ языкомъ, бормоталъ Павелъ.

Онъ напился впервые. Водка ослабила его тѣло, но не погасила сознанія, и въ головѣ стучалъ вопросъ:

— Пьянъ?.. Пьянъ?..

Его смущали ласки матери и трогала печаль въ ея глазахъ. Хотѣлось плакать и, чтобы подавить это желаніе, онъ старался притвориться болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ.

А мать гладила рукой его потные, спутанные волосы и тихо говорила:

— Не надо бы этого тебѣ...

Его начало тошнить. Послѣ бурнаго припадка рвоты мать уложила его въ постель, накрывъ блѣдный лобъ мокрымъ полотенцемъ. Онъ немного отрезвѣлъ, но все подъ нимъ и вокругъ него волнообразно качалось, у него отяжелѣли вѣки и, ощущая во рту скверный горькій вкусъ, онъ смотрѣлъ сквозь рѣсницы на большое лицо матери и безсвязно думалъ:

— Видно рано еще мнѣ... другіе пьютъ и—ничего... а меня тошнить...

Откуда-то издали доносился мягкій голосъ матери:
— Какимъ кормильцемъ ты будешь мнѣ, если пить начнешь...

Плотно закрывъ глаза, онъ сказалъ:

— Всѣ пьютъ...

Мать тяжело вздохнула. Онъ былъ правъ. Она сама знала, что, кромѣ кабака, людямъ негдѣ почерпнуть радости, кромѣ водки, нѣтъ у нихъ наслажденія. Но все-таки сказала:

— А ты—не пей! За тебя, сколько надо, отецъ выпилъ... И меня онъ намучилъ довольно... такъ ужъ ты бы пожалѣлъ мать, а?

Слушая печальныя, мягкія слова, Павелъ вспоминалъ, что при жизни отца мать была незамѣтна въ домѣ, молчалива и всегда жила въ тревожномъ ожиданіи побоевъ. Избѣгая встрѣчъ съ отцомъ, онъ мало бывалъ дома послѣднее время, отвыкъ отъ матери и теперь, постепенно трезвѣя, пристально смотрѣлъ на нее.

Была она высокая, немного сутулая, ея грузное тѣло, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось безшумно и какъ-то бокомъ, точно она всегда боялась задѣтъ за что-то. Широкое, овальное лицо, изрѣзанное морщинами и одутловатое, освѣщалось темными глазами, тревожно-грустными, какъ у большинства женщинъ въ слободкѣ. Надъ правой бровью былъ глубокій шрамъ, онъ немного поднималъ бровь кверху, казалось, что и правое ухо у нея выше, и это придавало ея лицу такое выраженіе, какъ будто она всегда пугливо прислушивалась... Въ густыхъ, темныхъ волосахъ блестяли сѣдые пряди, точно знаки тяжелыхъ ударовъ... Вся она была мягкая, печальная, покорная...

И по щекамъ ея медленно текли слезы.

— Подожди, не плачь!—тихо попросилъ сынъ.—Дай мнѣ испить.

— Я тебѣ со льдомъ принесу воды...

Но когда она воротилась, онъ уже заснулъ. Она по-

стояла надъ нимъ съ минуту, стараясь дышать не громко, ковшъ въ ея рукѣ дрожалъ, и ледъ тихо бился о жестъ. Потомъ, поставивъ ковшъ на столъ, она опустила на колѣни передъ образами и молча начала молиться. Въ стекла оконъ бились звуки темной, пьяной жизни. Во тьмѣ и сырости осеняго вечера визжала гармоника, кто-то громко пѣлъ пѣсню, кто-то ругался скверными, гнилыми словами, и тревожно звучали раздраженные, усталые голоса женщинъ...

Жизнь въ маленькомъ домѣ Власовыхъ потекла однообразно, но болѣе тихо и спокойно, чѣмъ прежде, и нѣсколько иначе, чѣмъ вездѣ въ слободѣ. Домъ ихъ стоялъ на краю слободы, у невысокаго, но крутого спуска къ болоту. Третя дома занимала кухня и отгороженная отъ нея тонкой, не доходящей до потолка переборкой маленькая комнатка, въ которой спала мать. А остальные двѣ трети представляли собой квадратную комнату съ двумя окнами; въ одномъ углу ея стояла кровать Павла, въ переднемъ—столъ и двѣ лавки. Нѣсколько стульевъ, комодъ для бѣлья, на немъ маленькое зеркало, сундукъ съ платьемъ, часы на стѣнѣ и двѣ иконы въ углу—вотъ и все.

Павель старался жить, какъ всѣ. Онъ сдѣлалъ все, что надо молодому парню: купилъ себѣ гармонику, рубашку съ накрахмаленной грудью, яркій галстукъ, га-лоши, трость и внѣшне сталъ такой же, какъ всѣ подростки его лѣтъ. Ходилъ на вечеринки, выучился танцевать кадрили и польку, по праздникамъ возвращался домой выпивши и всегда сильно страдалъ отъ водки. На утро болѣла голова, мучила изжога, лицо было блѣдное, скучное.

Однажды мать спросила его:

— Ну, что, весело тебѣ было вчера?

Онъ отвѣтилъ съ угрюмымъ раздраженіемъ:

— Тоска зеленая!.. Всѣ какъ машины... Я лучше удить рыбу буду... или—куплю себѣ ружье.

Работалъ онъ усердно, безъ прогуловъ и штрафовъ, былъ молчаливъ и голубые, большіе глаза его смотрѣли недовольно... Онъ не купилъ себѣ ружья и не сталъ удить рыбу, но замѣтно началъ уклоняться съ торной дороги для всѣхъ: все рѣже посѣщалъ вечеринки и хотя по праздникамъ куда-то уходилъ, но возвращался трезвый. Мать зорко слѣдила за нимъ и видѣла, что смуглое лицо сына становится все острѣе, глаза смотрять все болѣе серьезно и губы его сжались странно строго. Казалось, онъ всегда молча сердится на что-то, или его сосетъ болѣзнь. Раньше къ нему заходили товарищи, теперь, не заставая его дома, они перестали являться. Матери было пріятно видѣть, что сынъ ея становится непохожимъ на фабричную молодежь, но, когда она замѣтила, что онъ сосредоточенно и упрямо выплываетъ куда-то всторону изъ темнаго потока однотонной жизни, это вызвало въ душѣ ея чувство смутнаго опасенія.

Онъ началъ приносить съ собой книги и сначала старался читать ихъ незамѣтно, а прочитавъ, куда-то пряталъ. Иногда онъ выписывалъ изъ книжекъ что-то на отдѣльную бумажку и тоже пряталъ ее...

— Ты, можетъ, нездоровъ, Павлуша?—спрашивала она его иногда.

— Нѣтъ, я здоровъ!—отвѣчалъ онъ.

— Худой ты очень!—вадохнувъ говорила мать.

Онъ молчалъ.

Говорили они мало и мало видѣли другъ друга. Утромъ онъ молча пилъ чай и уходилъ на работу, въ полдень являлся обѣдать, за столомъ перекидывались незначительными словами, и снова онъ исчезалъ вплоть до вечера. А вечеромъ, кончивъ день, онъ тщательно умывался, ужиналъ и послѣ долго читалъ свои книги. По праздникамъ онъ уходилъ съ утра, а возвращался поздно ночью. Она знала, что онъ ходитъ въ горедь, бываетъ тамъ въ театрѣ, но къ нему изъ города никто

не являлся. Ей казалось, что съ теченіемъ времени сынъ говорилъ все меньше и, въ то же время, она замѣчала, что порою, и все чаще, онъ употребляетъ какія-то новыя слова, непонятныя ей, а привычныя для нея, грубыя и рѣзкія выраженія—выпадаютъ изъ его рѣчи. Въ поведеніи его явилось много мелочей, обращавшихъ на себя вниманіе: онъ бросилъ щегольство, сталъ больше заботиться о чистотѣ тѣла и платья, двигался свободнѣе, ловчѣе и, становясь наружно проще, мягче, возбуждалъ у матери тревожное вниманіе къ себѣ. И въ его отношеніи къ матери было что-то новое: онъ иногда подметалъ полъ въ комнатѣ, самъ убиралъ по праздникамъ свою постель и вообще, всегда молча, незамѣтно, старался облегчить ея трудъ. Никто не дѣлалъ этого въ слободѣ...

Однажды онъ принесъ и повѣсилъ на стѣнѣ картину: трое людей разговаривая шли куда-то легко и бодро.

— Это воскресшій Христосъ идетъ въ Эммаусъ! — объяснилъ ей Павелъ.

Матери понравилась картина, но она подумала:

— Христа почитаешь, а въ церковь не ходишь...

Потомъ на стѣнахъ явилось еще нѣсколько картинъ, и все больше становилось книгъ на полкѣ, красиво сдѣланной Павлу товарищемъ-столяромъ. Комната пріяла пріятный видъ.

Онъ говорилъ ей вы и называлъ ее „мамаша“, но иногда, вдругъ, обращался къ ней съ короткими словами:

— Ты, мать, пожалуйста, не беспокойся, я поздно ворочусь домой...

Ей это нравилось, въ такихъ словахъ она чувствовала что-то серьезное и крѣпкое.

Но все росла ея тревога. Не становясь отъ времени яснѣе, она все болѣе остро щекотала сердце предчувствіемъ чего-то необычнаго. Порою у матери являлось легкое недовольство сыномъ, и она думала:

— Всѣ люди какъ люди, а онъ—какъ монахъ... Ужъ очень строгъ... не по годамъ это...

Иногда она думала:

— Можетъ, онъ тамъ дѣвицу себѣ завелъ какую-нибудь?

Но возня съ дѣвицами требуетъ денегъ, а онъ отдавалъ ей свой заработокъ почти весь.

Такъ шли недѣли, мѣсяцы, прошло два года странной, молчаливой жизни, полной смутныхъ думъ и опасеній, все возраставшихъ.

IV.

Однажды послѣ ужина Павелъ опустилъ занавѣску на окнѣ, сѣлъ въ уголъ и сталъ читать, повѣсивъ на стѣнку надъ своей головой жестяную лампу. Мать убрала посуду и, выйдя изъ кухни, осторожно подошла къ нему. Онъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ ей въ лицо.

— Ничего, Паша, это я такъ!..—посгѣшно сказала она и ушла, смущенно двигая бровями. Но, постоявъ среди кухни съ минуту неподвижно, задумчивая и озабоченная, она чисто вымыла руки и снова вышла къ сыну.

— Хочу я спросить тебя,—тихонько сказала она,— что ты все читаешь?

Онъ сложилъ книжку.

— Ты сядь, мамаша...

Мать грузно опустилась рядомъ съ нимъ и выпрямилась, насторожилась, жутко ожидая чего-то важнаго.

Не глядя на нее, негромко, и почему-то очень сурово, Павелъ заговорилъ:

— Я читаю запрещенныя книги. Ихъ запрещаютъ читать потому, что онѣ говорятъ правду о нашей, о рабочей жизни... Онѣ печатаются тихонько, тайно, и

если ихъ у меня найдутъ, меня посадятъ въ тюрьму... въ тюрьму, за то, что я хочу знать правду... Поняла?

Ей вдругъ стало трудно дышать. Широко открывъ глаза, она смотрѣла на сына, онъ казался ей новымъ, чуждымъ. У него былъ другой голосъ—ниже, гуще и звучнѣе. Онъ щипалъ пальцами тонкіе, пушистые усы и странно, исподлобья смотрѣлъ куда-то въ уголъ. Ей стало страшно за сына и жалко его.

— Зачѣмъ же ты это, Паша?—проговорила она.

Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нее и негромко, спокойно отвѣтилъ:

— Хочу знать правду.

Голосъ его звучалъ тихо, но твердо, глаза блестѣли упрямо. Она сердцемъ поняла, что сынъ ея обрекъ себя чему-то тайному и страшному. Всегда и все въ жизни казалось ей неизбѣжнымъ, она привыкла подчиняться не думая и теперь только заплакала тихонько, не находя словъ въ сердцѣ, сжатомъ горемъ и тоской.

— Не плачь!—говорилъ Павелъ ласково и тихо, а ей казалось, что онъ прощается.

— Подумай, какую жизнь мы живемъ? Вотъ тебѣ сорокъ лѣтъ, — а развѣ ты жила? Отецъ тебя билъ... я теперь понимаю, что онъ на твоихъ бокахъ вымещалъ свое горе... горе своей жизни... оно давило его, а онъ не понималъ, откуда оно. Онъ работалъ тридцать лѣтъ, началъ работать, когда вся фабрика помѣщалась въ двухъ корпусахъ, а теперь вотъ ихъ—семь!.. Фабрики растутъ, а люди умираютъ въ работѣ на нихъ...

Она слушала его со страхомъ и жадностью. Глаза у него горѣли красиво и свѣтло; опираясь грудью на столъ, онъ подвинулся ближе къ матери и говорилъ ей прямо въ лицо, мокрое отъ слезъ, свою первую рѣчь о правдѣ, понятой имъ. Со всею силой юности и жаромъ ученика, гордаго своими знаніями, свято вѣрующаго въ ихъ истину, онъ говорилъ о томъ, что было ясно для него, и говорилъ не столько для матери,

сколько провѣряя самого себя. Пороку онъ останавливался, не находя словъ, и тогда видѣлъ передъ собой огорченное лицо, на которомъ тускло блестѣли, затуманенные слезами, добрые глаза. Они смотрѣли со страхомъ, съ недоумѣніемъ. Ему было жалко мать, онъ начиналъ говорить снова, но уже о ней, о ея жизни.

— Какія радости ты знала? — спрашивалъ онъ. — Чѣмъ ты можешь помянуть прожитое?

Она слушала и печально качала головой, чувствуя что-то новое, невѣдомое ей, скорбное и радостное, и оно мягко ласкало ея наболѣвшее сердце. Такія рѣчи о себѣ, о своей жизни, она слышала впервые, и онѣ будили въ ней давно уснувшія, неясныя думы, тихо раздували угасшія чувства смутнаго недовольства жизнью, — думы и чувства дальней молодости. Она говорила о жизни съ подругами, говорила подолгу, обо всемъ, но всѣ, и она сама, только жаловались, никто не объяснялъ — почему жизнь такъ тяжела и трудна... А вотъ теперь передъ нею сидитъ ея сынъ, и то, что говорятъ о ней его глаза, лицо, слова, все это задѣваетъ за сердце, наполняя его чувствомъ гордости за сына, который вѣрно понялъ жизнь своей матери, правду говорить ей о ея страданіяхъ, жалѣеть ее.

Матерей — не жалѣють.

Она это знала. Она не понимала того, что Павелъ говоритъ не о ней, но все, что говорилъ онъ о ея женской жизни, была горькая, знакомая правда. Поэтому ей казалось, что каждое слово его полно правды, и въ груди у нея тихо трепеталъ клубокъ ощущеній, все болѣе согрѣвавшій ее незнакомой лаской.

— Что же ты хочешь дѣлать? — спросила она, перебивая его рѣчь.

— Учиться, а потомъ — учить другихъ. Намъ, рабочимъ, надо учиться. Мы должны узнать, должны по-нять, отчего жизнь такъ тяжела для насъ.

Ей было сладко видѣть, что его голубые глаза,

всегда серьезные и строгіе, теперь горѣли такъ мягко и освѣщали въ немъ что-то рѣдкое для нея. На ея губахъ играла довольная, тихая улыбка, хотя въ морщинахъ щекъ еще дрожали слезы. Въ ней колебалось двойственное чувство гордости сыномъ, который хочеть всѣмъ людямъ добра, жалѣеть всѣхъ, видитъ горе жизни, и въ то же время она не могла забыть о его молодости и о томъ, что онъ говоритъ не такъ, какъ всѣ, что онъ одинъ рѣшилъ вступить въ споръ съ этой привычной для всѣхъ и для нея жизнью... Ей хотѣлось сказать ему:

— Милый, что ты можешь сдѣлать? Сомнуй тебя... пропадешь!

Но ей было пріятно слушать его рѣчи и она боялась помѣшать себѣ любоваться сыномъ, который вдругъ открылся передъ нею такимъ новымъ, умнымъ... И немного чужимъ для нея.

Павель видѣлъ улыбку на губахъ матери, вниманіе на лицѣ, любовь въ ея глазахъ, ему казалось, что онъ заставилъ ее понять свою правду, и юная гордость силою слова возвышала его вѣру въ себя. Охваченный возбужденіемъ, онъ все говорилъ, то усмѣхаясь, то хмурия брови, порою въ его словахъ звучала ненависть, и когда мать слышала ея звенящія, жесткія слова, она, пугаясь, качала головой и тихо спрашивала сына:

— Такъ ли, Паша?

— Такъ!—отвѣчалъ онъ твердо и крѣпко. И рассказывалъ ей о людяхъ, которые, желая добра народу, сѣяли въ немъ правду, а за это враги жизни ловили ихъ, какъ звѣрей, сажали въ тюрьмы, посылали на ка-торгу...

— Я такихъ людей видѣлъ!—горячо воскликнулъ онъ.—Это лучшіе люди на землѣ!

Въ ней эти люди возбуждали страхъ, и она хотѣла спросить сына:

— Такъ ли, Паша?

Но не рѣшалась и, замирая, слушала рассказы о людяхъ, непонятныхъ ей, научившихъ ея сына говорить и думать столь опасно для него. Наконецъ, она сказала ему:

— Скоро свѣтать будетъ... легъ бы ты, уснулъ!.. Вѣдь на работу идти...

— Да, я сейчасъ лягу!—согласился онъ. И, наклонясь къ ней, стросилъ:

— Поняла ты меня?

— Поняла!—вздохнувъ отвѣтила она. Изъ глазъ ея снова покатались слезы, и, вскрикнувъ, она добавила:

— Пропадешь ты!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потомъ сказалъ:

— Ну, вотъ, ты теперъ знаешь, что я дѣлаю, куда хожу... я тебѣ все сказалъ! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь,—не мѣшай мнѣ!..

— Голубчикъ ты мой!—воскликнула она.—Можетъ, лучше бы для меня не знать ничего!

Онъ взялъ ея руку и крѣпко стиснулъ въ своихъ.

Ее потрясло слово „мать“, сказанное имъ съ горячей силой, и это пожатіе руки, новое и странное.

— Ничего я не буду дѣлать!—прерывающимся голосомъ сказала она.—Только береги ты себя... береги!

Не зная, чего нужно беречься, она тоскливо прибавила:

— Худѣешь ты все...

И объявъ его крѣпкое, стройное тѣло ласкающимъ теплымъ взглядомъ, заговорила торопливо и тихо:

— Богъ съ тобой! Живи, какъ хочешь, не буду я тебѣ мѣшать. Только объ одномъ прошу: не говори съ людьми безъ страха! Опасаться надо людей: ненавидятъ всѣ другъ друга! Живутъ жадностью, живутъ завистью. Всѣ рады зло сдѣлать... Какъ начнешь ты ихъ обличать, да судить,—возненавидятъ они тебя, погубятъ!

Сынъ стоялъ въ дверяхъ, слушая тоскливую рѣчь, а когда мать кончила, онъ улыбаясь сказалъ:

— Люди плохи, да... Но когда я узналъ, что на свѣтѣ есть правда,—люди стали лучше!..

Онъ снова улыбнулся и продолжалъ:

— Самъ не понимаю, какъ это вышло! Съ дѣтства всѣхъ боялся... сталъ подростать,—началъ ненавидѣть... которыхъ за подлость, которыхъ—и не знаю за что... такъ, просто! А теперь всѣ для меня по другому встали... жалко всѣхъ, что ли? Не могу понять... но сердце стало мягче, когда узналъ, что есть въ людяхъ правда... и не всѣ виноваты въ грязи своей...

Онъ замолчалъ, точно прислушиваясь къ чему-то въ самомъ себѣ, потомъ негромко и вдумчиво сказалъ:

— Вотъ какъ дышетъ правда!

Она взглянула на него и тихо молвила:

— Опасно ты перемѣнился, о, Господи!

Когда онъ легъ и уснулъ, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла къ нему. Павелъ лежалъ кверху грудью, и на бѣлой подушкѣ четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижавъ руки къ груди, мать, босая и въ одной рубашкѣ, стояла у его постели, губы ея беззвучно двигались, а изъ глазъ медленно и ровно, одна за другой, текли большія, мутныя слезы...

И снова они стали жить молча, далекіе и близкіе другъ другу.

V.

Какъ-то разъ среди недѣли, въ праздникъ, Павелъ, уходя изъ дома, сказалъ матери:

— Въ субботу у меня соберутся люди...

— Какіе люди?—спросила она.

— Нѣкоторые здѣшніе... другіе изъ города.

— Изъ города?...—повторила мать, качая головой, и вдругъ вскрикнула.

— Ну, зачѣмъ, мамаша?—недовольно воскликнулъ Павелъ.—О чемъ?

Она, утирая лицо фартукомъ, тихо отвѣтила:

— Не знаю... такъ ужь...

Онъ прошелся по комнатѣ и, остановясь передъ ней, спросилъ:

— Боишься?

— Боюсь!..—созналась она.—Эти, изъ города... кто ихъ знаетъ?

Онъ наклонился къ ея лицу и сердито, точно его отецъ, проговорилъ:

— Отъ этого страха всѣ мы и пропадемъ! А которые командуютъ нами—они пользуются страхомъ и еще больше запугиваютъ насъ. Пойми ты: будутъ люди бояться,—будутъ гнить, вонъ какъ березы на болотѣ... Надо осмѣлѣть, пора!

Онъ отошелъ въ уголъ и оттуда сказалъ:

— Все равно... собираться у меня будутъ!

Мать тоскливо взвыла:

— Не сердись! Какъ мнѣ не бояться? Всю жизнь въ страхѣ жила... вся душа обросла имъ!

Негромко и мягче онъ сказалъ:

— Ты прости меня... иначе мнѣ нельзя!

И ушелъ.

Три дня у нея дрожало сердце, замирая каждый разъ, какъ она вспоминала, что, вотъ, въ домъ придутъ чужіе люди. Она не могла себѣ представить ихъ, но ей казалось, что они—страшные. Это они указали сыну дорогу, по которой онъ идетъ...

Въ субботу вечеромъ Павелъ пришелъ съ фабрики, умылся, переодѣлся и, снова уходя куда-то, сказалъ, не глядя на мать:

— Придутъ,—скажи, что я сейчасъ ворочусь... Пусть подождутъ. И, пожалуйста, не бойся... Люди, какъ люди.

Она бессильно опустила на лавку. Сынъ хмуро взглянулъ на нее и предложилъ:

— Можетъ быть, ты... уйдешь куда-нибудь?

Это ее обидѣло. Отрицательно качнувъ головой, она сказала:

— Нѣтъ... все равно! Зачѣмъ же?

Быль конецъ ноября. Днемъ на мерзлую землю выпалъ сухой, мелкій снѣгъ, и теперь было слышно, какъ онъ скрипитъ подъ ногами уходившаго сына. Къ стекламъ окна неподвижно прислонилась густая тьма, враждебно подстерегая что-то. Мать, упираясь руками въ лавку, сидѣла и, глядя на дверь, ждала...

Ей казалось, что во тьмѣ со всѣхъ сторонъ къ дому осторожно крадутся, согнувшись и оглядываясь по сторонамъ, чужіе люди, странно одѣтые, молчаливые. Вотъ кто-то уже ходитъ вокругъ дома, шарить руками по стѣнѣ.

Сталъ слышенъ свистъ. Онъ извивался въ тишинѣ тонкой стружкой, печальный и мелодичный, задумчиво плуталъ въ пустынѣ тьмы, искалъ чего-то и приближался... И вдругъ исчезъ подъ окномъ, точно воткнувшись въ дерево стѣны.

Въ сѣняхъ зашаркали чьи-то ноги, мать вадрогнула и, напряженно поднявъ брови, встала.

Дверь отворили. Сначала въ комнату всунулась голова въ большой, мохнатой шапкѣ, потомъ, согнувшись, медленно пролѣзло длинное тѣло, выпрямилось, не торопясь подняло правую руку и, шумно вдохнувъ, густымъ, груднымъ голосомъ сказала:

— Добрый вечеръ!

Мать молча поклонилась.

— А Павла дома еще нѣту?

Человѣкъ медленно снялъ короткую мѣховую куртку, поднялъ одну ногу, смахнулъ шапкой снѣгъ съ сапога, потомъ то же сдѣлалъ съ другой ногой, бросилъ шапку въ уголъ и, качаясь на длинныхъ ногахъ, пошелъ въ комнату. Подошелъ къ стулу, осмотрѣлъ его, какъ бы убѣждаясь въ его прочности, наконецъ, сѣлъ и, при-

крывъ ротъ рукой, зѣвнулъ. Голова у него была правильно круглая и гладко острижена, бритыя щеки и длинные усы, концами внизъ. Внимательно осмотрѣвъ комнату большими, выпуклыми глазами, сѣраго цвѣта, онъ положилъ ногу на ногу и, качаясь на стулѣ, спросилъ:

— Что жъ это ваша хата, или—нанимаете?

Мать, сидя противъ него, отвѣтила:

— Нанимаемъ...

— Неважная хата!—замѣтилъ онъ.

— Папа скоро придетъ, вы подождите!—тихо попросила мать.

— Да я уже и жду!—спокойно сказала длинный человекъ.

Его спокойствіе, глубокій, пѣвучій голосъ и простота лица ободряли мать. Онъ смотрѣлъ на нее открыто, доброжелательно, въ глубинѣ его прозрачныхъ глазъ играла веселая искра, а во всей фигурѣ, угловатой, сутулой, съ длинными ногами, было что-то забавное и располагающее къ нему. Одѣтъ онъ былъ въ синюю рубашку и черные шаровары, сунутые въ сапоги. Ей захотѣлось спросить его, кто онъ, откуда, давно ли знаетъ ея сына, но вдругъ онъ весь покачнулся и самъ спросилъ ее:

— Кто жъ это лобъ пробилъ вамъ, ненько?

Спросилъ онъ ласково, съ ясной улыбкой въ глазахъ, но женщину обидѣлъ этотъ вопросъ. Она плотно поджала губы и, помолчавъ, холодно-вѣжливо освѣдомилась:

— А вамъ какое дѣло до этого, батюшка мой?

Онъ мотнулся къ ней всѣмъ тѣломъ и заговорилъ:

— Да вы не сердчайте, чего же! Я потому спросилъ, что у матери моей приѣмной тоже голова была пробита, совсѣмъ вотъ такъ, какъ ваша. Ей, видите, сожитель пробилъ, сапожникъ, колодкой—разъ! Она была прачка, а онъ сапожникъ. Она уже послѣ того, какъ приняла меня за сына, нашла его гдѣ-то, пьяницу, на свое ве-

ликое горе... Билъ онъ ее, скажу вамъ! У меня со страху кожа лопалась...

Мать почувствовала себя обезоруженной его откровенностью, и ей подумалось, что, пожалуй, Павелъ разсердится на нее за неласковый отвѣтъ этому чудаку. Виногато улыбаясь, она сказала:

— Я не разсердилась, а ужъ очень вы сразу... спросили. Муженекъ это угостилъ меня... царство ему небесное! Вы не татаринъ будете?

Человѣкъ дрыгнулъ ногами и такъ широко улыбнулся, что у него уши подвинулись къ затылку. Потомъ онъ серьезно сказалъ:

— Нѣтъ еще... не татаринъ!

— Говорь у васъ какъ будто не русскій!—объяснила мать улыбаясь, понявъ его шутку.

— Онъ лучше русскаго!—весело кивнувъ головой сказалъ гость.—Я хохоль, изъ города Канева.

— А давно здѣсь?

— Въ городѣ жилъ около года... а теперь перешель къ вамъ на фабрику, мѣсяцъ тому назадъ. Здѣсь людей хорошихъ нашель: сына вашего и другихъ... немало! Здѣсь поживу!—говорилъ онъ, дергая усы.

Онъ ей нравился, и, повинуюсь желанію заплатить ему чѣмъ-нибудь за его слова о сынѣ, она предложила:

— Можеть, чайку выпьете?

— Что же я одинъ угощаться буду?—отвѣтилъ онъ, поднявъ плечи.—Вотъ уже когда всѣ соберутся, вы и почевствуйте...

Онъ напомнилъ ей объ ея страхѣ.

— Кабы всѣ они такіе были!—горячо пожелала она.

Снова раздались шаги въ сѣняхъ, дверь торопливо отворилась, мать снова встала. Но, къ ея удивленію, въ кухню вошла бѣдно и легко одѣтая дѣвушка, небольшого роста, съ простымъ лицомъ крестьянки и толстой косой свѣтлыхъ волосъ. Она тихо спросила:

— Не опоздала я?

— Да нѣтъ же!—отвѣтилъ хохоль, выглядывая изъ комнаты.—Пѣшкомъ?

— Конечно! Вы—мать Павла Михайловича? Здравствуйте! Меня зовутъ—Наташа...

— А по батюшкѣ?—спросила мать.

— Васильевна... А васъ?

— Пелагея Ниловна.

— Ну, вотъ, мы и знакомы...

— Да!—сказала мать, легко вздохнувъ и съ улыбкой разсматривая дѣвушку.

Хохоль помогаль ей раздѣваться и спрашиваль:

— Холодно?

— Въ полѣ—очень! Вѣтеръ...

Голосъ у нея былъ сочный, ясный, ротъ маленькій, пухлый и вся она была круглая, свѣжая. Раздѣвшись, она крѣпко потерла румяныя щеки маленькими, красными отъ холода руками и, мелко, быстро шагая, прошла въ комнату, звучно топая по полу каблуками ботинокъ.

— Безъ галопъ ходить!—мелькнуло въ головѣ матери.

— Да-а...—протянула дѣвушка. — Иззябла я... ухъ, какъ!

— А вотъ я вамъ сейчасъ самоварчикъ согрѣю!—заторопилась мать, уходя въ кухню.—Сейчасъ...

Ей почему-то казалось, что она давно знаетъ эту дѣвушку и любить ее хорошей, жалостливой любовью матери. Она была рада видѣть ее и, представляя себѣ синіе, немного прищуренные глаза гостыи, довольно улыбалась, прислушиваясь къ разговору въ комнатѣ.

— Вы что скучный, Находка?—спрашивала дѣвушка.

— А такъ...—негромко отвѣтилъ хохоль.—У вдовы глаза хороши... мнѣ и подумалось, что, можетъ, у матери моей такіе же? Я, знаете, о матери часто думаю... и все мнѣ кажется, что она жива.

— Вы говорили, умерла?

— То—приемная умерла... А я—о родной... Кажется мнѣ, что она гдѣ-нибудь въ Кіевѣ милостыню соби-
раетъ... И водку пьетъ...

— Почему?

— Да ужъ такъ! И пьяную ее полицейскіе по ще-
камъ бьютъ...

— Ахъ ты, сердечный!—подумала мать и вздохнула.

Наташа заговорила что-то быстро, горячо и негромко.
Снова раздался звучный голосъ хохла.

— Э, вы еще молоды, товарищъ... мало вы луку ѣли!
У каждаго есть мать, а люди—злы. Родить—трудно,
научить человѣка добру еще труднѣе...

— Ишь ты!—внутренно воскликнула мать и ей по-
чему-то захотѣлось возразить хохлу, сказать ему, что
вотъ она и рада была бы сына своего научить добру,
да сама ничего не знаетъ. Но дверь неторопливо отво-
рилась и вошелъ Николай Вѣсовщиковъ, сынъ стараго
вора Данилы, извѣстный всей слободѣ нелюдимъ. Онъ
всегда угрюмо сторонился отъ людей, и всѣ надъ нимъ
надѣвались за это. Она удивленно спросила его:

— Ты... что, Николай?

Онъ посмотрѣлъ на мать маленькими сѣрыми гла-
зами, вытеръ широкой ладонью рябое, скуластое лицо
и не здороваясь глухо спросилъ:

— Павель дома?

— Нѣтъ.

Онъ заглянулъ въ комнату и прошелъ туда говоря:

— Здравствуйте, товарищи...

— Неужто и онъ?—непріязненно подумала мать и
очень удивилась, видя, что Наташа протягиваетъ ему
руку ласково и радостно.

Потомъ пришли двое молодыхъ парней, почти еще
мальчики. Одного изъ нихъ мать знала. это былъ пле-
мянникъ стараго фабричнаго рабочаго Сизова.—Федоръ,
остролицый, съ высокимъ лбомъ и курчавыми воло-
сами Другой гладко причесанный и скромный былъ

незнакомъ ей, но тоже не страшень. Наконецъ, явился Павелъ и съ нимъ два молодыхъ человекъ, она знала обоихъ въ лицо, это были фабричные. Сынъ ласково сказалъ ей:

— Самоваръ поставила? Вотъ спасибо!

— Можеть, водочки купить?—предложила она, не зная, какъ выразить ему свою благодарность за что-то, чего еще не понимала.

— Нѣтъ, это лишнее!—отозвался Павелъ, раздѣваясь, и дружески улыбнулся ей.

Ей вдругъ показалось, что сынъ нарочно преувеличилъ опасность собранія, чтобы подшутить надъ ней.

— Вотъ это и есть—запрещенные люди?—тихонько спросила она.

— Эти самые!—отвѣтилъ Павелъ, проходя въ комнату.

— Эхъ ты!..—проводила она его ласковымъ восклицаніемъ, а про себя снисходительно подумала:

— Дитя еще!

Когда самоваръ вскипѣлъ и она внесла его въ комнату, гости сидѣли тѣснымъ кружкомъ у стола, а Наташа съ книжкой въ рукахъ помѣстилась въ углу подъ лампой.

— Чтобы понять, отчего люди живутъ такъ плохо...—говорила Наташа.

— И отчего они сами такъ плохи...—вставилъ хохоль.

— Нужно посмотрѣть, какъ они начали жить...

— Посмотрите, милые, посмотрите! — пробормотала мать, заваривая чай.

Всѣ замолчали.

— Вы что, мамаша?—спросилъ Павелъ, хмуря брови.

— Я?—она оглянулась и видя, что всѣ смотрять на нее, смущенно объяснила:

— Я такъ, про себя... поглядите, молы!

Наташа засмѣялась, и Павелъ усмѣхнулся, а хохоль сказалъ:

— Спасибо вамъ, ньенько... за чай!

— Не пили, а ужъ благодарите!—отозвалась она и, взглянувъ на сына, спросила:

— Я вѣдь не помѣшаю?

Отвѣтила Наташа:

— Какъ же вы, хозяйка дома, можете помѣшать гостямъ?

И дѣтски жалобно попросила:

— Голубушка! Дайте мнѣ скорѣе чаю! Вся тряусь... страшно ноги иззябли!

— Сейчасъ, сейчасъ!—торопливо воскликнула мать.

Выпивъ чашку чая, Наташа шумно вздохнула, забросила косу за плечо и начала читать большую книгу въ желтой обложкѣ, съ картинками. Мать, стараясь не шумѣть посудой, наливала стаканы и, напрягая непривычный мозгъ, вслушивалась въ плавную рѣчь дѣвочки. Ея звучный голосъ сливался съ тонкой, задумчивой гѣсней самовара, и въ комнатѣ красивой лентой вился, трепеталъ простой и ясный рассказъ о дикихъ людяхъ, которые жили въ пещерахъ и убивали камнями звѣрей. Это было похоже на сказку, и мать нѣсколько разъ взглянула на сына, желая его спросить, что же въ этой исторіи о дикаряхъ запретнаго? Но скоро она устала слѣдить за рассказомъ и начала разсматривать гостей, незамѣтно для сына и для нихъ.

Павель сидѣлъ рядомъ съ Наташей и онъ былъ красивѣе всѣхъ. Наташа низко наклонилась надъ книгой, часто поправляя сползавшіе ей на виски тонкіе, вьющіеся волосы. Порою она взмахивала головой и, понизивъ голосъ, говорила что-то отъ себя, не глядя въ книгу и ласково скользя глазами по лицамъ слушателей. Холъ навалился широкою грудью на уголь стола, крутилъ усы, косилъ глазами, стараясь разсмотрѣть издерганные концы усовъ. Вѣсовщиковъ сидѣлъ на стулѣ прямо, точно деревянный, упираясь ладонями въ колѣна, и его рябое лицо безъ бровей, съ тонкими губами, было

неподвижно, точно маска. Не мигая узкими глазами, онъ упорно смотрѣлъ на свое лицо, отраженное въ блестящей мѣди самовара, и, казалось, не дышалъ. Маленькій Федя слушалъ чтеніе и беззвучно двигалъ губами, точно повторяя про себя слова книги, а его товарищъ согнулся, поставивъ локти на колѣна, и, подпирая скулы ладонями, задумчиво улыбался. Одинъ изъ парней, пришедшихъ съ Павломъ, былъ рыжій, кудрявый и тонкій, съ веселыми зелеными глазами, ему, должно быть, хотѣлось что-то сказать и онъ нетерпѣливо двигался; другой, свѣтловолосый и коротко остриженный, гладилъ себя ладонью по головѣ и смотрѣлъ въ полъ, лица его не было видно. Въ комнатѣ было тепло и какъ-то особенно хорошо. Мать чувствовала это особенное, до сей поры невѣдомое ей, и, подъ журчаніе голоса Наташи, слитаго съ дрожащей пѣсней самовара, вспоминала шумныя вечеринки своей молодости, грубыхъ слова парней, отъ которыхъ всегда пахло перегорѣлой водкой, ихъ циничныя шутки. Вспоминала—и щемящее чувство жалости къ себѣ самой тихо трогало ея усталое, обиженное сердце.

Передъ нею встала сцена сватовства ея покойника мужа. На одной изъ вечеринокъ онъ поймалъ ее въ темныхъ сѣняхъ и, прижавъ всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ, спросилъ, глухо и сердито:

— Замужъ за меня пойдешь?

Ей было больно и обидно, а онъ грубо мялъ пальцами ея груди, сопѣлъ и дышалъ ей въ лицо, горячо и влажно. Она попробовала вывернуться изъ его рукъ, рванулась всторону...

— Куда!—зарычалъ онъ.—Ты отвѣчай мнѣ, ну?

Задыхаясь отъ стыда и обиды, она молчала.

— Не ломайся, дура! Знаю я вашу сестру... сама—рада!

Кто-то открылъ дверь въ сѣни, и онъ не спѣша выпустилъ ее, сказавъ:

— Въ воскресенье сваху пришлю...

И прислать.

Мать закрыла глаза, тяжело вздохнула.

— Мнѣ не то надо знать, какъ люди жили, а какъ надо жить!—раздался въ комнатѣ недовольный голосъ Вѣсовщикова.

— Вотъ именно!—поддержалъ его рыжій, вставая.

— Не согласенъ!—крикнулъ Федя.—Если мы должны идти впередъ, намъ нужно все знать...

— Вѣрно! Это вѣрно!..—тихо сказалъ курчавый.

Вспыхнулъ оживленный споръ и засверкали слова, точно языки огня въ кострѣ. Мать не понимала, о чемъ кричатъ. Всѣ лица загорѣлись румянцемъ возбужденія, по никто не злился и не говорилъ знакомыхъ ей рѣзкихъ словъ.

— Барышни стѣсняются!—рѣшила она.

Ей нравилось серьезное лицо Наташи, такъ внимательно наблюдавшей за всѣми, точно эти парни были дѣтьми для нея.

— Подождите, товарищи!—вдругъ сказала она. И всѣ они замолчали, глядя на нее.

— Правы тѣ, которые говорятъ: мы должны все знать. Намъ нужно зажечь себя самихъ свѣтомъ разума, чтобы темные люди видѣли насъ, намъ нужно на все отвѣтить честно и вѣрно. Нужно знать всю правду, всю ложь...

Хохоль слушалъ и качалъ въ тактъ ея словамъ головой. Вѣсовщиковъ, рыжій и другой, приведенный Павломъ фабричный стояли всѣ трое тѣсной группой и почему-то не нравились матерп.

Когда Наташа замолчала, всталъ Павелъ и спокойно спросилъ:

— Развѣ мы хотимъ быть только сытымъ?

— Нѣтъ!—самъ себѣ отвѣтилъ онъ, твердо глядя въ сторону троицъ.—Мы хотимъ быть людьми! Мы должны показать тѣмъ, кто сидитъ на нашихъ шеяхъ и закры-

ваает намъ глаза, что мы все видимъ,—мы не глупы, мы не звѣри и не только ѣсть хотимъ — мы хотимъ жить, какъ достойно людей! Мы должны показать врагамъ, что наша каторжная жизнь, которую они намъ навязали, не мѣшаетъ намъ сравняться съ ними въ умѣ, а въ духѣ—встать выше ихъ!..

Мать слушала его слова, и въ груди ея дрожала гордость за сына—вотъ какъ онъ складно говоритъ!

— Сытыхъ все-таки не мало, честныхъ нѣтъ!—говорилъ хохоль.—Мы должны построить мостикъ черезъ болото этой гнѣющей жизни къ будущему царству доброты сердечной,—вотъ наше дѣло, товарищи!

— Пришла пора драться, такъ некогда руку лѣчить!—глухо возразилъ Вѣсовщиковъ.

— Да намъ еще до драки кости поломають!—весело вскричалъ хохоль.

Было уже за полночь, когда они стали расходиться. Первыми ушли Вѣсовщиковъ и рыжій, это снова не понравилось матери.

— Ишь, заторопились!—недружелюбно кланяясь имъ, подумала она.

— Вы проводите меня, Находка?—спросила Наташа.

— А какъ же!—отвѣтилъ хохоль.

Когда Наташа одѣвалась въ кухнѣ, мать сказала ей:

— Чулочки-то у васъ тонки для такого времени! Уже вы позвольте, я вамъ шерстяные свяжу.

— Спасибо, Целагея Ниловна! Они кусаются, шерстяные!—отвѣтила Наташа, смѣясь.

— А я вамъ такіе, что не будутъ кусаться!—сказала Власова.

Наташа смотрѣла на нее, немного прищуривъ глаза, и этотъ пристальный взглядъ сконфузилъ мать.

— Вы извините мою глупость... я вѣдь отъ души!—тихо добавила она.

— Славная вы какая! — тоже негромко отозвалась Наташа, быстро пожавъ ей руку.

— Добрай ночи, ненько! — заглянувъ ей въ глаза, сказавъ хохоль, согнулся и вышелъ въ сѣни вслѣдъ за Наташей.

Мать посмотрѣла на сына, — онъ стоялъ у двери въ комнату и улыбался.

— Ты что смѣешься? — смущенно спросила она.

— Такъ... весело!

— Конечно, я 'старая и глупая... но хорошее и я понимаю! — съ легкой обидой замѣтила она.

— Вотъ и славно! — отозвался онъ, кивая головой. — Вы бы дожились, пора!..

— И тебѣ пора... Я сейчасъ... лягу!

Она суетилась вокругъ стола, убирая посуду, довольная и даже вспотѣвшая отъ пріятнаго волненія; она была рада, что все было такъ хорошо и мирно кончилось.

— Хорошо ты придумалъ, Павлуша! — говорила она. — Хорошіе люди это... хохоль очень милый! И барышня... ахъ, какая умница! Кто она такая?

— Учительница! — кратко отвѣтилъ Павелъ, расхаживая по комнатѣ.

— А! То-то бѣдная такая!.. Одѣта такъ плохо... ахъ, какъ плохо! Долго ли простудиться? Родители-то гдѣ у нея?..

— Въ Москвѣ! — сказалъ Павелъ и, остановясь противъ матери, серьезно, негромко заговорилъ:

— Вотъ смотри: ея отецъ — богатый, торгуетъ желѣзомъ, имѣетъ нѣсколько домовъ. За то, что она пошла этой дорогой, онъ — прогналъ ее... Она воспитывалась въ теплѣ, ее баловали всѣмъ, чего она хотѣла... а сейчасъ вотъ пойдетъ семь верстъ ночью, одна...

Это поразило мать. Она стояла среди комнаты и, удивленно двигая бровями, молча смотрѣла на сына. Потомъ тихо спросила:

— Въ городъ пойдетъ?

— Въ городъ.

— Аа-ай! И... не боится?
— Вошь—не боится!—усмѣхнулся Павелъ.
— Да зачѣмъ? Ночевала бы здѣсь... легла бы со мной!
— Это неудобно! Ее могутъ увидѣть завтра утромъ здѣсь, а этого не нужно намъ. И ей.

Мать вспомнила, задумчиво взглянула въ окно и тихо спросила:

— Не понимаю я, Паша, что тутъ опаснаго, запрещеннаго? Вѣдь ничего дурнаго нѣтъ, а?

Она не была увѣрена въ этомъ, и ей хотѣлось услышать отъ сына утвердительный отвѣтъ. Онъ, спокойно глядя ей въ глаза, твердо заявилъ:

— Дурнаго нѣтъ и не будетъ. А, все-таки, для всѣхъ пасъ впереди—тюрьма. Ты ужь такъ и знай...

У нея дрогнули руки. Упавшимъ голосомъ она проговорила:

— А, можетъ быть, Богъ дастъ... какъ-нибудь обойдется?..

— Нѣтъ!—сказалъ сынъ ласково, но твердо.—Я тебя обманывать не могу. Не обойдется.

Онъ улыбнулся.

— Ложись, устала вѣдь. Покойной ночи!

Оставшись одна, она подошла къ окну и встала передъ нимъ, глядя на улицу. За окномъ было холодно и мутно. Игралъ вѣтеръ, сдувая снѣгъ съ крышъ маленькихъ сонныхъ домовъ, бился о стѣны и что-то торопливо шепталъ, падалъ на землю и гналъ вдоль улицы бѣлыя облака сухихъ снѣжинокъ...

— Иисусе Христе, помилуй насъ!—тихо прошептала мать.

Въ сердцѣ настойчиво закипали слезы и, подобно ночной бабочкѣ, слѣпо и жалобно трепетало ожиданіе горя, о которомъ такъ спокойно и увѣренно говорилъ сынъ. Передъ глазами ея встала плоская, снѣжная равнина. Холодно и тонко посвистывая, носится, мечется въ ней вѣтеръ, бѣлый и косматый. Посреди равнины

одиноко идетъ, качаясь, небольшая, темная фигурка дѣвушки. Вѣтеръ путается у нея въ ногахъ, раздуваетъ юбку, бросаетъ ей въ лицо колючія снѣжинки. Трудно идти, маленькія ноги вязнуть въ снѣгу. Холодно и боязно. Дѣвушка наклонилась впередъ и, — точно былинка среди мутной равнины, въ рѣзвой игрѣ осенняго вѣтра. Справа отъ нея, на болотѣ, темной стѣной стоитъ лѣсъ, тамъ дрожать и уныло шумять тонкія, голыя березы и осины. Гдѣ-то далеко впереди тускло мелькаютъ огни города...

— Господи помилуй! — опять прошептала мать, вздрогнувъ отъ холода и страха...

VI.

Дни скользили одинъ за другимъ, какъ бусы четокъ, и слагались въ недѣли, мѣсяцы. Каждую субботу къ Павлу приходили товарищи, и каждое собраніе являлось ступенью длинной, пологой лѣстницы, — она вела куда-то вдаль, медленно поднимая людей, и конца ея не было видно.

Появлялись все новые люди. Въ маленькой комнатѣ Власовыхъ становилось тѣсно и душно. Приходила Наташа, изящная, усталая, но всегда неисчерпаемо веселая и живая. Мать связала ей чулки и сама надѣла на маленькія ноги. Наташа сначала смѣялась, а потомъ вдругъ замолчала, задумалась и тихонько сказала:

— У меня няня была... тоже удивительно добрая! Какъ странно, Пелагея Ниловна, — рабочій народъ живетъ такой трудной, такой обидной жизнью, а вѣдь у него больше сердца, больше доброты, чѣмъ у... тѣхъ!

И махнула рукой, указывая куда-то вдаль, очень далеко отъ нея.

— Вотъ какая вы! — сказала ей Власова. — Родителей лишили и всего... — она не умѣла докончить своей мысли, вздохнула и замолчала, глядя въ лицо Наташи,

чувствуя къ ней благодарность за что-то. Она сидѣла на полу передъ ней, а дѣвушка задумчиво улыбалась, наклонивъ голову.

— Родителей лишилась?—повторила она.—Это—ничего! Отецъ у меня такой глупый и грубый... братъ тоже... и пьяница. Старшая сестра—несчастливая, жалкая.. вышла замужъ за человѣка, который много старше ея... очень богатый, скучный и жадный... Но маму—жалко! Она у меня простая, какъ вы... маленькая такая, точно мышка... такъ же быстро бѣгаетъ и всѣхъ боится... Иногда такъ хочется видѣть ее... маму!

— Бѣдная вы моя!—грустно качая головой, сказала мать.

Дѣвушка быстро вскинула голову и протянула руку, какъ бы отталкивая что-то.

— О, нѣтъ! Я порой чувствую такую радость, такое счастье!

У нея поблѣднѣло лицо и синіе глаза ярко вспыхнули. Положивъ руки на плечи матери, она глубокимъ голосомъ сказала тихо и внушительно:

— Если бы вы знали... если бы вы поняли, какое великое, радостное дѣло дѣлаемъ мы!..

Что-то близкое зависти коснулось сердца Власовой. Поднимаясь съ пола, она грустно проговорила:

— Стара ужъ я для этого... неграмотна... стара.

... Павелъ говорилъ все чаще и больше все горячѣе спорилъ и—худѣлъ. Матери казалось, что когда онъ говорить съ Наташей или смотреть на нее, его строгіе глаза блестятъ мягче, голосъ звучитъ ласковѣе, и весь онъ становится проще.

— Дай Господи!—думала она. И представляя Наташу своей снохой, улыбалась.

Всегда на собраніяхъ, чуть только споры начинали принимать слишкомъ горячій и бурный характеръ, вставалъ хохоль и, раскачиваясь, точно языкъ колокола, говорилъ своимъ звучнымъ, гудящимъ голосомъ что-то

простое и доброе, отъ чего всѣ становились спокойнѣе и серьезнѣе. Въсовщиковъ постоянно угрюмо торопиль всѣхъ куда-то; онъ и рыжий, котораго звали Самойловъ, первые начинали всѣ споры. Съ ними соглашался круглоголовый, бѣлобрысый, точно выпцѣтшій или вымытый щелокомъ, Иванъ Букинъ; Яковъ Сомовъ, гладкій и чистый, говорилъ мало, тихимъ, серьезнымъ голосомъ; онъ и большелобый Федя Мазинъ всегда стояли въ спорахъ на сторонѣ Павла и хохла.

Иногда вмѣсто Наташи являлся изъ города Николай Ивановичъ, человекъ въ очкахъ, съ маленькой, свѣтлой бородкой, уроженецъ какой-то дальней губерніи,—онъ говорилъ особеннымъ, пѣвучимъ говоркомъ. Онъ вообще весь былъ какой-то далекій. Рассказывалъ онъ о простыхъ вещахъ—о семейной жизни, о дѣтяхъ, о торговлѣ, о полиціи, о цѣнахъ на хлѣбъ и мясо—обо всемъ, чѣмъ люди живутъ изо дня въ день. И во всемъ онъ открывалъ фальшь, путаницу, что-то глупое, порою смѣшное и всегда явно невыгодное людямъ. Матери казалось, что онъ прибылъ откуда-то издалека, изъ другого царства, тамъ всѣ живутъ простой, честной и легкой жизнью, а здѣсь—все чужое ему, онъ не можетъ привыкнуть къ этой жизни, принять ее, какъ необходимую, она не нравится ему и возбуждаетъ въ немъ спокойное, упрямое желаніе перестроить все на свой ладъ. Лицо у него было желтоватое, вокругъ глазъ тонкія, лучистыя морщинки, голосъ тихій, а руки всегда теплыя. Здороваясь съ Власовой, онъ обнималъ всю ея руку длинными, крѣпкими пальцами, и послѣ такого рукопожатія на душѣ становилось легче, спокойнѣе.

Являлись и еще люди изъ города, чаще другихъ высокая стройная барышня, съ огромными глазами на худомъ, блѣдномъ лицѣ. Ее звали Сашенька. Въ ея походкѣ и движеніяхъ было что-то мужское, она сердито хмурила густыя, темныя брови, и когда она говорила, тонкія ноздри ея прямого носа вздрагивали.

Сашенька первая сказала однажды, громко и рѣзко:
— Мы, социалисты...

Когда мать услышала это слово, она въ молчаливомъ испугѣ уставилась въ лицо барышни. А та, полузакрывъ глаза, говорила строго и властно:

— Мы должны отдать всѣ свои силы дѣлу обновленія жизни...

Мать знала, что социалисты убили царя. Это было во дни ея молодости; тогда говорили, что помѣщики, желая отомстить царю за то, что онъ освободилъ крестьянъ, дали зарокъ себѣ не стричь волосъ до поры, пока они не убьютъ его, за это ихъ и называли социалистами. И теперь она не могла понять, почему же социалистъ сынъ ея и товарищи его?

Когда всѣ разошлись, она спросила Павла:

— Павлуша, развѣ ты социалистъ?

— Да!—сказаль онъ, стоя передъ нею, какъ всегда, прямой и твердый.—А что?

Мать тяжело вздохнула и, опустивъ глаза, спросила:

— Такъ ли, Павлуша? Вѣдь они противъ царя... вѣдь они убили одного.

Павель прошелся по комнатѣ, погладилъ рукой щеку, и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Намъ это не нужно!

Онъ долго говорилъ ей что-то тихимъ, серьезнымъ голосомъ. Она смотрѣла ему въ лицо и думала:

— Онъ не сдѣлаеть ничего худого... онъ не можетъ!

А потомъ страшное слово стало повторяться все чаще, острота его стерлась и оно сдѣлалось такимъ же привычнымъ ея уху, какъ десятки другихъ, непонятныхъ словъ. Но Сашенька не правила ей, и, когда она являлась, мать чувствовала себя тревожно, неловко...

Однажды она сказала хохлу, недовольно поджимая губы:

— Что-то ужъ очень строга Сашенька! Все приказываетъ: вы и то должны, вы и это должны...

Хохоль громко засмѣялся.

— Вѣрно взято! Вы, ненько, въ глазъ попали! Павелъ, а?

И подмигивая матери, сказалъ съ усмѣшкой въ глазахъ:

— Дворянство съ человѣка и ножомъ не соскоблишь!

Павель сухо замѣтилъ:

— Она хорошій человѣкъ.

— И это вѣрно!—подтвердилъ хохоль.—Только не понимаетъ, что это она — должна, а мы — хотимъ и можемъ!

Они заспорили о чемъ-то непонятномъ.

Мать замѣтила также, что Сашенька наиболѣе строго относится къ Павлу, иногда она даже кричала на него. Павелъ усмѣхался, молчалъ и смотрѣлъ въ лицо дѣвухи тѣмъ мягкимъ взглядомъ, какимъ ранѣе онъ смотрѣлъ въ лицо Наташи. Это тоже не нравилось матери.

Народу становилось все больше; стали собираться по два раза въ недѣлю, и, когда мать видѣла съ какой напряженной жадностью молодежь слушаетъ рѣчи ея сына и хохла, интересные рассказы Сашеньки, Наташи, Николая Ивановича и другихъ людей изъ города, она забывала свои тревоги и печально покачивала головой, вспоминая скуку дней своей молодости.

Иногда мать поражало непонятное для нея настроеніе яркой, буйной радости, вдругъ и дружно овладѣвавшее всѣми. Обыкновенно это было въ тѣ вечера, когда они читали въ газетахъ о рабочемъ народѣ за границей. Тогда глаза у всѣхъ блестѣли живой, бодрой радостью, всѣ становились странно, какъ-то по-дѣтски счастливы, смѣялись веселымъ, яснымъ смѣхомъ, ласково хлопали другъ друга по плечамъ.

— Молодцы товарищи-нѣмцы!—кричалъ кто-нибудь, точно опьяненный своимъ весельемъ.

— Да здравствуютъ товарищи-рабочіе Италіи!—кричали въ другой разъ.

И посылая эти крики куда-то вдаль, друзьямъ, которые не знали ихъ и не могли понять ихъ языка, они, казалось, были увѣрены, что люди, невѣдомые имъ, слышать и понимаютъ ихъ восторгъ.

Хохоль говорилъ, блестя глазами и полный большого, всѣхъ обнимаващаго чувства любви:

— Хорошо бы написать имъ туда, товарищи, а? Чтобы знали они, что въ далекой Россіи живутъ у нихъ друзья, рабочіе, которые вѣрують и исповѣдуютъ одну религію съ ними, живутъ товарищи, люди однѣхъ цѣлей и радуются ихъ побѣдамъ!

И всѣ мечтательно, съ улыбками на лицахъ, долго говорили о французахъ, англичанахъ и шведахъ, о рабочихъ людяхъ всѣхъ странъ, какъ о своихъ друзьяхъ, о близкихъ сердцу людяхъ, которыхъ они—не видя—любятъ, уважаютъ, живутъ ихъ радостями, чувствуютъ горе.

Въ тѣсной комнатѣ рождалось огромное, необъятное чувство всемірнаго духовнаго родства рабочихъ земли, ея хозяевъ и рабовъ, которыхъ мысль уже освободила изъ плѣна предрасудковъ и которые почувствовали себя владыками жизни. Это чувство сливало всѣхъ въ одну душу, оно волновало мать и хотя недоступно было ей, но какъ-то выпрямляло ее своей силой, радостной, торжественной и юной, охмѣляющей, ласковой, полной надеждъ.

— Какіе вы!—сказала она хохлу какъ-то разъ.— Всѣ вамъ товарищи—армяне и евреи, и австріяки... обо всѣхъ вы говорите, какъ о друзьяхъ, за всѣхъ печаль и радость!

— За всѣхъ, моя ненько, за всѣхъ!—воскликнул хохоль.— Міръ—нашъ! Міръ—для рабочихъ! Для насъ нѣтъ націй, нѣтъ племенъ, есть только товарищи, только враги. Всѣ рабочіе—наши товарищи; всѣ богатые, всѣ правительства—наши враги. Когда окинешь добрыми глазами землю, когда увидишь, какъ насъ, рабочихъ,

много, сколько силы духа несемъ мы,—такая радость, такое счастье обнимаетъ сердце, такой великій праздникъ поетъ въ груди! И такъ же, ненько, чувствуетъ французъ и нѣмецъ, когда они взглянуть на жизнь, и такъ же радуется итальянецъ. Мы всѣ дѣти одной матери, великой, непобѣдимой мысли о братствѣ рабочаго народа всѣхъ странъ земли. Она растетъ, она насъ грѣетъ солнцемъ, она второе солнце на небѣ справедливости, а это небо—въ сердцѣ рабочаго, и кто бъ онъ ни былъ, какъ бы онъ ни называлъ себя—соціалистъ—нашъ братъ по духу всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Эта дѣтская радость, свѣтлая, крѣпкая вѣра, все чаще возникала среди нихъ, все возвышалась и росла въ своей могучей силѣ...

И когда мать видѣла ее, она невольно чувствовала, что воистину въ мирѣ родилось что-то великое и свѣтлое, подобное солнцу неба, видимаго ею.

Часто пѣли пѣсни. Простыя, всѣмъ извѣстныя пѣсни пѣли громко и весело, но иногда запѣвали новыя, какъ-то особенно складныя, но невеселыя и необычныя по напѣвамъ. Ихъ пѣли вполголоса и задумчиво, серьезно, точно церковное. Лица пѣвцовъ блѣднѣли, разгорались, и въ звучныхъ словахъ чувствовалась большая сила.

Особенно одна изъ новыхъ пѣсней тревожила и волновала женщину. Въ этой пѣснѣ не слышно было стоновъ, печальнаго раздумья души, обиженной и одиноко блуждающей по темнымъ тропамъ горестныхъ недоумѣній, стоновъ души, забитой нуждой, запуганной страхомъ, безличной и безцвѣтной. И не звучали въ ней тоскливые вздохи силы, смутно жаждущей простора, вызывающіе крики зазорной удали, безразлично готовой сокрушить и злое и доброе. Въ ней не было слѣпого чувства мести и обиды, которое способно все разрушить, бессильно что-нибудь создать; въ этой пѣснѣ не слышно было ничего отъ стараго, рабьяго мира.

Рѣзкія слова и суровый напѣвъ ея не нравились матери, но за словами и напѣвомъ было нѣчто большее, оно заглушало звукъ и слово своею силой, и будило въ сердцѣ предчувствіе чего-то необъятнаго для мысли. Это нѣчто она видѣла на лицахъ, въ глазахъ молодежи, она чувствовала въ ихъ грудяхъ и, поддаваясь силѣ пѣсни, не умѣщавшейся въ словахъ и звукахъ, всегда слушала ее съ особеннымъ вниманіемъ, съ трепетомъ болѣе глубокой, чѣмъ всѣ другія пѣсни.

Эту пѣсню пѣли тише другихъ, но она всегда звучала сильнѣе всѣхъ и обнимала людей, какъ воздухъ мартовскаго дня, перваго дня грядущей весны.

— Пора намъ это на улицѣ запѣть!—угрюмо говорилъ Вѣсовщиковъ.

Когда его отецъ снова что-то укралъ и сѣлъ въ тюрьму, Николай спокойно заявилъ товарищамъ:

— Теперь у меня можно собираться... Полиція подумаетъ: воры... а воровъ она любитъ!

Почти каждый вечеръ послѣ работы у Павла сидѣлъ кто-нибудь изъ товарищей и они читали, что-то выписывали изъ книгъ, озабоченные, не успѣвшіе умыться. Ужинали и пили чай съ книжками въ рукахъ, и все болѣе непонятны для матери были ихъ рѣчи...

— Намъ нужна газета!—часто говорилъ Павелъ.

Жизнь становилась торопливой и лихорадочной, люди все быстрѣе перебѣгали другъ къ другу и отъ одной книги къ другой, точно пчелы съ цвѣтка на цвѣтокъ.

— Поговариваютъ про насъ!—сказалъ однажды Вѣсовщиковъ.—Должны мы скоро провалиться...

— На то и перепелъ, чтобы въ сѣти попасть!—отозвался хохоль.

Онъ все больше нравился матери. Когда онъ называлъ ее „ненько“, это слово точно гладило щеки ея мягкой, дѣтской рукой. По воскресеньямъ, если Павлу было некогда, онъ кололъ дрова; однажды пришелъ

съ доской на плечѣ и, взявъ топоръ, быстро и ловко перемѣнилъ сгнившую ступень на крыльцѣ, другой разъ также незамѣтно починилъ завалившійся заборъ. Работая онъ свистѣлъ, и свистъ у него былъ красиво печальный.

Однажды мать сказала сыну:

— Давай, возьмемъ хохла себѣ въ нахлѣбники? Лучше будетъ обоимъ вамъ, не бѣгать другъ къ другу.

— Зачѣмъ вамъ стѣснятъ себя?—спросилъ Павелъ, пожимая плечами.

— Ну, вотъ еще! Всю жизнь стѣснялась, не зналъ для чего... для хорошаго человѣка можно!

— Дѣлайте, какъ хотите!—отозвался сынъ. — Коли онъ переѣдетъ—я буду радъ...

И хохоль перебрался къ нимъ.

VII.

Маленькій домъ на окраинѣ слободки будилъ вниманіе людей, и стѣны его уже щупали десятки подозрительныхъ взглядовъ. Надъ нимъ безпокойно рѣяли пестрыя крылья молвы; люди старались спугнуть обнаружитъ что-то, притаившееся за стѣнами дома, надъ оврагомъ. По ночамъ заглядывали въ окна, иногда кто-то стучалъ въ стекло и быстро, пугливо убѣгалъ прочь.

Однажды Власову остановилъ на улицѣ трактирщикъ Бѣгунцевъ, благообразный старичекъ, всегда носившій черную шелковую косынку на красной, дряблой шеѣ, а на груди толстый плюшевый жилетъ лиловаго цвѣта. На его носу, острымъ и блестящемъ, сидѣли черепаховыя очки, и за это его звали—„Костяные глаза“.

Остановивъ Власову, онъ, однимъ дыханіемъ и не ожидая отвѣтовъ, закидалъ ее трескучими и сухими словами.

— Пелагея Ниловна, какъ здравствуете? Сынокъ какъ? Женить не собираетесь, а? Юноша въ полной силѣ

для супружества. Женить сына пораньше—родителямъ покойнѣе. Въ семьѣ человѣкъ лучше сохраняется и духомъ и плотію, въ семьѣ онъ—вродѣ гриба въ укусѣ! Я-бы на вашемъ мѣстѣ женилъ его. Время наше требуетъ строгаго надзора за существомъ человѣка, люди начинаютъ жить изъ своей головы, а не въ голову. Въ мысляхъ разбродъ пошелъ и поступки достойны порицанія. Божію церковь молодежь обходить, публичныхъ мѣстъ чуждается и, собираясь тайно, по угламъ, шепчетъ. Зачѣмъ шепчуть, позвольте узнать? Зачѣмъ бѣгутъ людей? Все, чего человѣкъ не смѣетъ сказать при людяхъ, въ трактирѣ, напримѣръ, что это такое есть? Тайна! Тайнѣ же мѣсто—наша святая, равноапостольная церковь. Всѣ же другія тайности, по угламъ совершаемыя,—отъ заблужденія ума! Желаю вамъ добраго здоровья!

Вычурно изогнутой рукой онъ снялъ картузъ, взмахнулъ имъ въ воздухъ и ушелъ, оставивъ мать въ недоумѣніи.

Сосѣдка Власовыхъ, Марья Корсунова, вдова кузнеца, торговавшая на фабрикѣ съѣстнымъ, встрѣтивъ мать на базарѣ, тоже сказала:

— Поглядывай за сыномъ, Пелагея!

— Что такое?—спросила мать.

— Слухъ идетъ!—тайнственно сообщила Марья.— Нехорошій, мать ты моя! Будто онъ устраиваетъ... артель такую, вродѣ хлыстовъ. Секты, называется это. Съчь будутъ другъ друга, какъ хлысты...

— Полно, Марья, ерунду пороть!

— Не тотъ вретъ, кто поретъ, а тотъ, кто шьетъ!—отозвалась торговка.

Мать передавала сыну всѣ эти разговоры, онъ молча пожималъ плечами, а хохолъ смѣялся своимъ густымъ, мягкимъ смѣхомъ.

— Дѣвицы тоже очень обижаются на васъ!—говорила она.—Женихи вы для всякой дѣвушки завидные

и работники всѣ хорошіе, непьющіе... а вниманія на дѣвицъ не обращаете! Говорятъ, будто ходятъ къ вамъ изъ города барышни зазорнаго поведенія...

— Ну, конечно!—брезгливо сморщивъ лицо, воскликнулъ Павелъ.

— На болотѣ все гнилью пахнетъ!—вздохнувъ молвилъ хохоль.—А вы бы, ненько, объяснили имъ, дурочкамъ, что такое замужество, чтобы не торопились онѣ изломать себѣ кости...

— Эхъ, батюшка!—сказала мать.—Онѣ горе видятъ, онѣ понимаютъ, да вѣдь дѣваться имъ некуда, кромѣ этого!

— Плохо понимаютъ, а то бы нашли путь!—замѣтилъ Павелъ.

Мать взглянула на его строгое лицо.

— А вы—поучите ихъ! Позвали бы которыхъ поуменьше къ себѣ...

— Это неудобно!—сухо отозвался сынъ.

— А если попробовать?—спросилъ хохоль.

Павелъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Начнутся прогулки парочками, потомъ нѣкоторые поженятся, вотъ и все!

Мать задумалась. Монашеская суровость Павла смущала ее. Она видѣла, что его совѣтовъ слушаются даже тѣ товарищи, которые, какъ хохоль, старше его годами, но ей казалось, что всѣ боятся его и никто не любитъ за эту сухость.

Какъ-то разъ, когда она легла спать, а сынъ и хохоль еще читали, она подслушала сквозь тонкую перегородку ихъ тихій разговоръ.

— Нравится мнѣ Наташа, знаешь?—вдругъ тихо воскликнулъ хохоль.

— Знаю!—несразу отвѣтилъ Павелъ.

Было слышно, какъ хохоль медленно всталъ и началъ ходить. По полу шаркали его босыя ноги. И раз-

дался тихій, заунывный свистъ. Потомъ снова загудѣлъ его голосъ.

— А замѣчаетъ она это?

Павель молчалъ.

— Какъ ты думаешь?—пониживъ голосъ, спросилъ хохоль.

— Замѣчаетъ!—отвѣтилъ Павель.—Поэтому и отказалась заниматься у насъ...

Хохоль тяжело возилъ ноги по полу и снова въ комнатѣ дрожалъ его тихій свистъ. Потомъ онъ спросилъ:

— А если я скажу ей...

— Что?—раздался краткій вопросъ Павла, точно онъ выстрѣлилъ.

— Что вотъ я...—тихо началъ хохоль.

— Зачѣмъ?—прервалъ его Павель.

Мать услышала, что хохоль остановился и почувствовала, что онъ усмѣхается.

— Да я, видишь, полагаю, что если любишь дѣвушку, то надо же ей сказать объ этомъ, иначе не будетъ никакого толка!

Павель громко захлопнулъ книгу. Былъ слышенъ его вопросъ.

— А какого толка ты ждешь?

Оба долго молчали.

— Ну?—спросилъ хохоль.

— Надо, Андрей, ясно представлять себѣ, чего хочешь...—заговорила Павель медленно.—Положимъ, и она тебя любитъ... я этого не думаю, но, положимъ, такъ! И вы—поженитесь. Интересный бракъ—интеллигентка и рабочій. Родятся дѣти... работать тебѣ надо будетъ одному... и—много. Жизнь ваша станетъ обычной жизнью изъ-за куска хлѣба, для дѣтей, для квартиры... для дѣла—васъ больше нѣтъ. Обоихъ нѣтъ!

Стало тихо. Потомъ Павель заговорилъ какъ будто мягче.

— Ты лучше брось все это, Андрей... И молчи, не смущай ее... Такъ честнѣе.

— А помнишь, Николай Ивановичъ говорилъ о необходимости для человѣка жить полной жизнью... всѣми силами души и тѣла... помнишь?

— Это не для насъ!—сказалъ Павелъ.—Какъ ты достигнешь полноты? Для тебя ея нѣтъ. Любишь будущее,—все отрицай въ настоящемъ... все, братъ!

— Это тяжело для человѣка!—сказалъ хохоль тихо.

— Какъ иначе—подумай?

Тихо. И отчетливо стучить равнодушный маятникъ часовъ, мѣрно отсѣкая секунды жизни.

Хохоль сказалъ:

— Половина сердца—любить, половина—ненавидить, развѣ жъ это сердце... а?

— Я спрашиваю—какъ иначе?

— Справедливо, а—не утѣшаетъ!—тихонько проговорилъ Андрей.

Зашелестѣли страницы книги, должно быть, Павелъ снова началъ читать. Мать лежала, закрывъ глаза, и боялась пошевелиться. Ей было до слезъ жаль хохла, но еще болѣе сына. Она думала о немъ.

— Милый ты мой... обреченный ты мой...

Вдругъ хохоль спросилъ:

— Такъ—молчать?

— Это честнѣе, Андрей...—тихо сказалъ Павелъ.

— По этой дорогѣ и пойдемъ!—сказалъ хохоль. И черезъ нѣсколько секундъ продолжалъ грустно и тихо:

— Трудно тебѣ будетъ, Паша, когда ты самъ вотъ такъ...

— Мнѣ уже трудно...

— Да?

О стѣны дома шаркалъ вѣтеръ. Четко считалъ уходящее время маятникъ часовъ.

— Надъ этимъ не посмѣешься!—медленно проговорилъ хохоль.

Мать ткнулась лицомъ въ подушку и беззвучно заплакала.

На утро Андрей показался матери ниже ростомъ и весь какъ-то милѣе. А сынъ былъ, какъ всегда, худъ, прямъ и молчаливъ. Раньше мать называла хохла Андрей Онисимовичъ, а тутъ, какъ-то невольно, не замѣчая, сказала ему:

— Вамъ, Андриша, сапоги-то починить надо бы... такъ вы ноги простудите!

— А вотъ я въ получку новые куплю!—отвѣтилъ онъ, засмѣялся и вдругъ, положивъ ей на плечо свою длинную руку, спросилъ:

— А, можетъ, вы и есть родная моя мать? Только вамъ не хочется въ томъ признаться людямъ, какъ я очень некрасивый, а?

Она молча похлопала его по рукѣ. Ей хотѣлось сказать ему много ласковыхъ словъ, но сердце ея было стиснуто жалостью, и слова не шли съ языка.

VIII.

...Въ слободкѣ говорили о социалистахъ, которые разбрасываютъ всюду написанные синими чернилами листки. Въ этихъ листкахъ ало и мѣтко писали о порядкахъ на фабрикѣ, о стачкахъ рабочихъ въ Петербургѣ и въ южной Россіи, рабочіе призывались къ объединенію и борьбѣ за свои интересы.

Пожилые люди, имѣвшіе на фабрикѣ хорошій заработокъ, читая ругались:

— Смутьяны! За такія дѣла надо морду бить!

И носили листки въ контору. Молодежь читала прокламаціи съ увлеченіемъ и говорила возбужденно:

— Правда!

Большинство, забитое работой и ко всему равнодушное, лѣнливо отзывалось:

— Ничего не будетъ... развѣ можно?

Но листки волновали людей, и, если ихъ не было недѣлю, люди уже говорили другъ другу:

— Опять нѣту сегодня. Бросили, видно, печатать...

А въ понедѣльникъ листки снова появлялись, и снова рабочіе глухо шумѣли.

Въ трактирахъ и на фабрикахъ замѣчали новыхъ, никому неизвѣстныхъ людей. Они выспрашивали, разсматривали, нюхали и сразу бросались всѣмъ въ глаза—одни—своей подозрительной осторожностью, другіе—излишней навязчивостью.

Мать знала, что весь этотъ шумъ поднять работой ея сына. Она видѣла, какъ люди стягивались вокругъ него; онъ былъ не одинъ, а это не такъ опасно. И опасенія за судьбу Павла сливались въ ней съ гордостью за него: вѣдь это его тайные труды вливаются свѣжимъ ручьемъ въ тѣсное русло мутнаго потока жизни...

Какъ-то вечеромъ Марья Корсунова постучала съ улицы въ окно и, когда мать открыла раму, она громкимъ шопотомъ заговорила:

— Ну, держись, Пелагея, доигрались голубчики! Ночью сегодня обыскъ рѣшенъ у васъ и у Мазина, и у Вѣсовщикова...

Мать слышала только начало рѣчи, а дальше всѣ слова слились въ зловѣщій, хриплый звукъ.

— И-у-и-у-и-у...

Толстыя губы Марьи торопливо шлепались одна о другую, мясистый носъ сопѣлъ, глаза мигали и косились изъ стороны въ сторону, выслѣживая кого-то на улицѣ.

— А я ничего не знаю и ничего я тебѣ, мать моя, не говорила и даже не видѣла тебя сегодня, слышишь? Она исчезла.

Мать закрыла окно и медленно опустилась на стулъ,

безъ силъ, съ опустошенной головой. Но сознание опасности, грозившей сыну, быстро подняло ее на ноги, она живо одѣлась, зачѣмъ-то плотно укутала голову шалью и побѣжала къ Федѣ Мазину, который, она знала, былъ боленъ и не работалъ. Когда она пришла къ нему, онъ сидѣлъ подь окномъ, читая книгу, и качалъ лѣвой рукой правую, оттопыривъ большой палецъ. Узнавъ новость, онъ быстро вскочилъ, его лицо поблѣднѣло.

— Вотъ-те и разъ... а у меня—палецъ нарывается!— пробормоталъ онъ.

— Что надо дѣлать-то?—дрожащей рукой отирая съ лица потъ, спрашивала Власова. ;

— Погодите... вы не бойтесь!—отвѣтилъ Федя, поглаживая здоровой рукой курчавые волосы.

— Да вѣдь вы сами-то боитесь!—воскликнула она.

— Я?—Щеки его вспыхнули румянцемъ, и смущенно улыбаясь онъ сказалъ:—Да-а... струсилъ, чортъ... Надо Павлу сказать... Я сейчасъ пошлю къ нему сестренку мою... Вы идите... ничего! Вѣдь бить не будутъ?

Возвратясь домой, она собрала тамъ въ кучу всѣ книжки и прижавъ ихъ къ груди, долго ходила по дому, заглядывая въ печь, подь печку, въ трубу самовара и даже въ кадку съ водой. Ей казалось, что Павелъ сейчасъ же броситъ работу и придетъ домой, а онъ—не шель. Наконецъ, усталая, она сѣла въ кухнѣ на лавку, подложивъ подь себя книги и такъ, боясь встать, просидѣла до поры, пока не пришли съ фабрики Павелъ и хохоль.

— Знаете?—воскликнула она не вставая.

— Знаемъ!—спокойно улыбаясь, сказалъ Павелъ.— Ты боишься?

— Такъ боюсь, такъ боюсь...

— Не надо бояться!—сказалъ хохоль.—Это ничему не помогаетъ.

— Даже самоваръ не поставила!—замѣтилъ Павелъ.

Мать встала и, указывая на книжки, виновато объяснила:

— Да я воть все съ ними...

Сынъ и хохоль засмѣялись, и это освѣжило ее. Потомъ Павелъ отобралъ нѣсколько книгъ и понесъ ихъ прятать на дворъ, а хохоль ставилъ самоваръ и горючилъ:

— Совсѣмъ ничего нѣтъ страшнаго, ненько, а только стыдно за людей, что они пустяками занимаются. Придутъ этакіе взрослые мужчины сѣраго цвѣта, съ саблями на боку, со шпорами на ногахъ и роются вездѣ. Подъ кровать заглянуть и подъ печку, погребъ есть— и въ погребъ лѣзутъ, и на чердакъ сходятъ. Тамъ имъ на рожи паутина садится, и они фыркаютъ. Скучно имъ и стыдно, оттого они дѣлаютъ видъ, будто очень злые люди и очень сердятся на васъ. Поганая работа, они же понимаютъ! Одинъ разъ порыли у меня все, сконфузились и ушли просто... а другой разъ захватили и меня съ собой... ну, посадили въ тюрьму... и мѣсяца четыре сидѣлъ я у нихъ. Сидишь-сидишь, позовутъ къ себѣ, проведутъ по улицѣ съ солдатами... спросятъ что-нибудь. Народъ они неумный, говорятъ несуразное такое, поговорятъ,—опять велютъ солдатамъ въ тюрьму отвести. Такъ и водятъ туда и сюда... надо же имъ жалованье свое оправдать! А потомъ выпустятъ на волю... вотъ и все!

— Какъ вы всегда говорите, Андрюша! — невольно воскликнула мать.

Стоя на колѣняхъ около самовара, онъ усердно дулъ въ трубу, но тутъ поднялъ на нее свое лицо, красное отъ напряженія, и обѣими руками расправляя усы, спросилъ:

— А какъ говорю?

— Да будто васъ никто никогда не обижалъ...

Онъ всталъ, подошелъ къ ней и, тряхнувъ головой, заговорилъ, улыбаясь:

— Развѣ же есть гдѣ на землѣ необиженная душа? Но меня столько обижали, что я уже усталъ обижаться. Что подѣлаешь, если люди не могутъ иначе? Обиды очень мѣшаютъ мнѣ дѣло мое дѣлать... обойти ихъ нельзя, останавливаться около нихъ—даромъ время терять. Такая жизнь! И прежде, бывало, сердился на людей... а подумаль—вижу всё разбиты сердцемъ!.. Всякій боится какъ бы сосѣдъ не ударилъ, ну, и старается поскорѣе самъ въ ухо дать. Такая жизнь, ненько моя!

Ужь его лилась спокойно и властно отталкивала куда-то всторону тревогу ожиданія обыска, выпуклые глаза свѣтло и печально улыбались, и весь онъ, хотя и нескладный, былъ такой гибкій, неломкій.

Мать вздохнула и тепло пожелала ему:

— Даль бы вамъ Богъ счастья, Андрюша!

Хохоль широко шагнулъ къ самовару, снова сѣлъ на корточки передъ нимъ и тихо пробормоталъ:

— Дадутъ счастья—не откажусь, просить—не стану, ваять—некогда!

И засвистѣлъ.

Вошелъ Павелъ со двора, увѣренно сказалъ:

— Не найдутъ!—и сталъ умываться.

Потомъ, крѣпко и тщательно вытирая руки, заговорилъ:

— Если вы, мамаша, покажете имъ, что испугались, они подумаютъ: значить, въ этомъ домѣ что-то есть, коли она такъ дрожить. А мы еще ничего не сдѣлали... ничега! Вы вѣдь знаете—дурного мы не хотимъ, на нашей сторонѣ правда и всю жизнь мы будемъ работать для нея—вотъ вся наша вина! Чего же бояться?

— Я, Паша, скрѣплюсь!—пообѣщала она. И вслѣдъ за тѣмъ у нея тоскливо вырвалось:—Ужь скорѣе бы приходили они!

А они не пришли въ эту ночь, и на утро, предупредая возможность шутокъ надъ ея страхомъ, мать первая стала шутить надъ собой.

IX.

Они явились какъ разъ тогда, когда ихъ не ждали, почти черезъ мѣсяцъ послѣ тревожной ночи. У Павла сидѣлъ Николай Вѣсовщиковъ и втроемъ съ Андреемъ они говорили о своей газетѣ. Было поздно, около полуночи. Мать уже легла и, засыпая, сквозь дрему слушала озабоченные, тихіе голоса. Вотъ Андрей, осторожно шагая, прошелъ черезъ кухню, тихо притворилъ за собой дверь. Въ сѣняхъ загремѣло желѣзное ведро. И вдругъ дверь широко распахнулась—хохолъ шагнулъ въ кухню, громко шепнувъ:

— Эй, шпоры звенять на улицѣ!..

Мать вскочила съ постели, дрожащими руками хватая платьѣ, но въ двери изъ комнаты явился Павелъ и спокойно сказалъ:

— Вы лежите... вамъ неадоровится!

Въ сѣняхъ былъ слышенъ осторожный шорохъ. Павелъ подошелъ къ двери, и толкнувъ ее рукой, спросилъ:

— Кто тамъ?

Въ дверь странно быстро ввернулась высокая, сѣрая фигура, за ней другая, двое жандармовъ отгѣснили Павла, встали по бокамъ у него и прозвучалъ высокій, насмѣшливый голосъ:

— Не тѣ, кого вы ждали, а?

Это сказалъ высокій, худой тонкій офицеръ съ черными, рѣдкими усами. У постели матери появился слободскій полицейскій Федякинъ и приложивъ одну руку къ фуражкѣ, а другою указывая въ лицо матери, сказалъ, сдѣлавъ страшные глаза:

— Вотъ это мать его, ваше благородіе!—И махнувъ рукой на Павла, прибавилъ:—А это—онъ самый!

— Павелъ Власовъ?—спросилъ офицеръ, прищуривъ

глаза и когда Павелъ молча кивнулъ головой, онъ завилъ, крутя усъ:

— Я долженъ произвести обыскъ у тебя... Старуха, встань! Тамъ—кто?—спросилъ онъ, заглядывая въ комнату, и порывисто шагнулъ къ двери.

— Ваши фамиліи?—раздался оттуда его голосъ.

Изъ сѣней вышли двое понятыхъ—старый литейщикъ Тверяковъ и его постоялецъ, кочегаръ Рыбинъ, солидный, черный мужикъ. Онъ густо и громко сказалъ:

— Здравствуй, Ниловна!

Она одѣвалась и, чтобы придать себѣ бодрости, тихонько говорила:

— Что ужъ это!.. приходять ночью... люди спать легли, а они приходять!..

Въ комнатѣ было тѣсно и почему-то сильно пахло ваксой. Двое жандармовъ и слободскій приставъ Рыскинъ, громко топая ногами, снимали съ полки книги и складывали ихъ на столъ передъ офицеромъ. Другіе двое стучали кулаками по стѣнамъ, заглядывали подъ стулья, одинъ неуклюже лѣзъ на печь. Хохоль и Вѣсовщиковъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стояли въ углу. Рябое лицо Николая покрылось красными пятнами и его маленькіе, сѣрые глаза не отрываясь смотрѣли на офицера. Хохоль крутилъ усы, и когда мать вошла въ комнату, онъ, усмѣхнувшись, ласково кивнулъ ей головой.

Стараясь подавить свой страхъ, она двигалась не бокомъ, какъ всегда, а прямо, грудью впередъ,—это придавало ея фигурѣ смѣшную и напыщенную важность. Она громко топала ногами, а брови у нея дрожали...

Офицеръ быстро хваталъ книги тонкими пальцами бѣлой руки, перелистывалъ ихъ, встряхивалъ и ловкимъ движеніемъ кисти отбрасывалъ всторону. Порою книга мягко шлепалась на полъ. Всѣ молчали, было слышно тяжелое сопѣніе вспотѣвшихъ жандармовъ, звякали шпоры, иногда раздавался негромкій вопросъ:

— Здѣсь смотрѣль?

Мать встала рядомъ съ Павломъ у стѣны, сложила руки на груди, какъ это сдѣлалъ онъ и тоже смотрѣла на офицера. У нея вздрагивало подъ колѣнями и глаза застилалъ сухой туманъ.

Вдругъ среди молчанія раздался рѣжущій ухо голосъ Николая:

— А зачѣмъ это нужно—бросать книги на полъ?

Мать вздрогнула. Тверяковъ качнулъ головой, точно его толкнули въ затылокъ, а Рыбинъ крикнулъ и внимательно посмотрѣлъ на Николая.

Офицеръ вскинулъ голову, прищурилъ глаза и воткнулъ ихъ на секунду въ рябое, пестрое и неподвижное лицо... Пальцы его еще быстрѣе стали перебрасывать страницы книгъ. Порою онъ такъ широко открывалъ свои большіе, сѣрые глаза, какъ будто ему было невыносимо больно и онъ готовъ крикнуть громкимъ крикомъ безсильной злобы на эту боль.

— Солдатъ!— снова сказалъ Вѣсовщиковъ.—Подними книги...

Всѣ жандармы обернулись къ нему, потомъ взглянули на офицера. Онъ снова поднималъ голову, и окинувъ широкую фигуру Николая испытующимъ взглядомъ, протянулъ въ носъ:

— Н-но... поднимите...

Одинъ жандармъ нагнулся, и искоса глядя на Вѣсовщикова, сталъ подбирать съ пола растрепанныя книги...

— Молчать бы Николаю-то!.. — тихо шепнула мать Павлу.

Онъ пожалъ плечами. Хохоль опустилъ голову.

— Что тамъ за шопоть? Кто это читаетъ Библию?

— Я!—сказалъ Павелъ.

— Ага... А чьи всѣ эти книги?

— Мои!—отвѣтилъ Павелъ.

— Такъ!—сказалъ офицеръ, откидываясь на спинку

стула. Хрустнулъ пальцами тонкихъ рукъ, вытянулъ подъ столомъ ноги, поправилъ усы и спросилъ Николая:

— Это ты—Андрей Находка?

— Я!—отвѣтилъ Николай, подвигаясь впередъ. Хохоль вытянулъ руку, ваялъ его за плечо и отодвинулъ назадъ.

— Это—онъ ошибся! Я—Андрей!..

Офицеръ поднялъ руку и, грозя Вѣсовщикову маленькимъ пальцемъ, сказалъ:

— Смотри ты у меня!..

Онъ началъ рыться въ своихъ бумагахъ.

Съ улицы въ окно бездушными глазами смотрѣла свѣтлая, лунная ночь. Кто-то медленно ходилъ за окномъ, скрипѣлъ снѣгъ.

— Ты, Находка, привлекался уже къ дознанію по политическимъ преступленіямъ? — спросилъ офицеръ.

— Въ Ростовѣ привлекался и въ Саратовѣ... Только тамъ жандармы говорили мнѣ—вы...

Офицеръ мигнулъ правымъ глазомъ, потеръ его и, оскаливъ мелкіе зубы, заговорилъ:

— А не извѣстно ли вамъ, Находка,—именно вамъ,—кто тѣ мерзавцы, которые разбрасываютъ на фабрикахъ преступныя воззванія и книжки, а?

Хохоль покачнулся на ногахъ и, широко улыбаясь, хотѣлъ что-то сказать, но вновь прозвучалъ раздражающій голосъ Николая:

— Мы мерзавцевъ первый разъ видимъ...

Наступило молчаніе, всѣ остановились на секунду.

Шрамъ на лицѣ матери побѣлѣлъ и правая бровь всползла кверху. У Рыбина странно задрожала его черная борода, онъ поднялъ руку и, опустивъ глаза, сталъ медленно расчесывать ее пальцами.

— Выведите вонъ этого скота!—сказалъ офицеръ.

Двое жандармовъ взяли Николая подъ руки, грубо

повели его въ кухню. Тамъ онъ остановился, крѣпко упираясь ногами въ полъ, и крикнулъ:

— Стойте... я одѣнусь!

Со двора явился приставъ и сказалъ:

— Ничего нѣтъ, все осмотрѣли!

— Ну, разумѣется! — воскликнулъ офицеръ усмѣхаясь. — Я такъ и зналъ! Здѣсь опытный человѣкъ... естественно!

Мать слушала его слабымъ, вдрагивающей и ломкой голосъ и, со страхомъ глядя въ желтое лицо, чувствовала въ этомъ человѣкѣ врага, врага безъ жалости, съ сердцемъ, полнымъ барскаго презрѣнія къ людямъ. Она и раньше мало видѣла такихъ людей, а теперь почти забыла, что они есть.

— Вотъ кого потревожили! — думала она.

— Васъ, г. Андрей Онисимовъ Находка, незаконно-рожденный, я арестую!

— За что? — спокойно спросилъ хохоль.

— Это я вамъ послѣ скажу! — со злой вѣжливостью отвѣтилъ офицеръ. И обратясь къ Власовой, крикнулъ ей:

— Ты грамотна?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Павелъ.

— Я не тебя спрашиваю! — строго сказалъ офицеръ и снова спросилъ: — Старуха, отвѣчай! Ты грамотная?

Мать, невольно отдаваясь чувству пенависти къ этому человѣку, вдругъ, точно прыгнувъ въ холодную воду, вся охваченная дрожью, выпрямилась, ея шрамъ побагровѣлъ и бровь низко опустилась.

— Вы не кричите! — заговорила она, протянувъ къ нему руку. — Вы еще молодой человѣкъ... вы горя не знаете...

— Успокойтесь, мамаша! — остановилъ ее Павелъ.

— Тутъ, ненько, надо сердце въ зубы взять и — стиснуть! — сказалъ хохоль.

— Погоди, Паша! — крикнула мать, порываясь къ столу. — Зачѣмъ вы людей хватаете?

— Это васъ не касается... замолчать! — крикнулъ офицеръ, вставая. — Введите арестованнаго Вѣсовщикова!

И началъ читать какую-то бумагу, поднявъ ее къ лицу. Ввели Николая.

— Шапку снять! — крикнулъ офицеръ, прервавъ чтеніе. Рыбинъ подошелъ къ Власовой и, толкнувъ ее плечомъ, тихонько сказалъ:

— Не горячись...

— Какъ же я сниму шапку, если меня за руки держать? — спросилъ Николай, заглушая чтеніе протокола.

Офицеръ бросилъ бумагу на столъ.

— Подписать!

Мать смотрѣла, какъ всѣ подписываютъ протоколъ, ея возбужденіе погасло, сердце упало и на глаза навернулись ѣдкія слезы обиды, безсилія. Этими слезами она плакала двадцать лѣтъ своего замужества, но послѣдніе годы почти забыла ихъ разъѣдающій вкусъ; офицеръ посмотрѣлъ на нее и, брезгливо сморщивъ лицо, замѣтилъ:

— Вы преждевременно ревете, сударыня! Смотрите, вамъ не хватить слезъ впослѣдствіи!..

Снова озлобляясь, она сказала:

— У матери на все слезъ хватить... на все! Коли у васъ есть мать, она это знаетъ, да!

Офицеръ торопливо укладывалъ бумаги въ новенькій портфель съ блестящимъ замкомъ.

— Какіе они, — обратился онъ къ приставу, — самостоятельные всѣ!..

— Озорство! — пробормоталъ приставъ.

— Маршъ! — скомандовалъ офицеръ.

— До свиданья, Андрей до свиданья, Николай! — тепло и тихо говорилъ Павелъ, пожимая товарищамъ руки.

— Вот именно—до свиданья!—усмѣхаясь заявилъ офицеръ.

Вѣсовщиковъ молча давилъ руки своими короткими пальцами и тяжело согбѣлъ. Его толстая шея налилась кровью, глаза сверкали жесткой злобой. Хохолъ блестяль улыбками, киваль головой и что-то говорилъ матери, она крестила его и тоже говорила:

— Богъ видитъ правыхъ...

Наконецъ, толпа людей въ сѣрыхъ шинеляхъ вывалилась въ сѣни и, прозвенѣвъ тамъ шпорами, исчезла. Послѣднимъ вышелъ Рыбинъ, онъ окинулъ Павла внимательнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, задумчиво сказалъ:

— Ну... прощайте!

И, покашливая въ бороду, неторопливо вышелъ въ сѣни.

Заложивъ руки за спину, Павелъ медленно ходилъ по комнатѣ, перешагивая черезъ книги и бѣлье, валявшіяся на полу, и говорилъ угрюмо:

— Видишь, какъ это дѣлается?.. Меня оставили...

Недоумѣнно разсматривая развороченную комнату, мать тоскливо прошептала:

— Зачѣмъ Николай грубилъ ему?..

— Испугался, должно быть...—тихо сказалъ Павелъ.— Да... съ ними нельзя говорить... ничего нельзя!..

— Пришли, схватили, увели...—бормотала мать, разводя руками.

Сынъ остался дома, сердце ея стало биться спокойно, а мысль стояла неподвижно передъ фактомъ и не могла обнять его.

— Насмѣхается этотъ желтый, грозить...

— Хорошо, мать!—вдругъ рѣшительно сказалъ Павелъ.—Давай, уберемъ все это...

Онъ сказалъ ей мать и ты, какъ говорилъ только тогда, когда вставаль ближе къ ней. Она подвинулась къ нему, заглянула въ его лицо и тихонько спросила:

— Обидѣли тебя?..

— Да! — отвѣтилъ онъ. — Это противно... тяжело!..
Лучше бы съ ними...

Ей показалось, что у него на глазахъ слезы, и желая утѣшить, смутно чувствуя его боль, она, вздохнувъ, сказала:

— Погоди... возмуть и тебя!..

— Возмуть!—отозвался онъ.

Помолчавъ, мать грустно замѣтила:

— Экій ты, Паша, суровый! Хоть бы ты когда-нибудь утѣшилъ меня... А то — я скажу страшно, а ты еще страшнѣе.

Онъ взглянулъ на нее, подошелъ и тихо проговорилъ:

— Не умѣю я, мама! Не могу я лгать... Надо тебѣ привыкнуть къ этому.

Она вздохнула и, помолчавъ, заговорила, сдерживая дрожь страха:

— А вдругъ они пытаются людей? Рвутъ тѣло, ломаютъ косточки... Какъ подумаю я объ этомъ... Паша, милый, страшно!..

— Они рвутъ душу, а не тѣло, мнѣ кажется... Это больнѣе—когда хватаютъ душу грязными руками...

X.

... На другой день стало извѣстно, что арестованы Букинъ, Самойловъ, Сомовъ и еще пятеро. Вечеромъ къ нимъ забѣгалъ Федя Мазинъ—у него тоже былъ обыскъ и, довольный этимъ, онъ чувствовалъ себя героемъ.

— Боялся, Федя?—спросила мать.

Онъ поблѣднѣлъ, лицо его заострилось, поздри дрогнули.

— Боялся, что ударить офицера! Онъ черпобородый, толстый, пальцы у него въ шерсти, а на носу—черныя

очки и онъ точно—безглазый. Кричалъ, топалъ ногами! Въ тюрьмѣ сгною, говоритъ!.. А меня никогда не били, ни отецъ, ни мать, потому что я одинъ сынъ, они меня любили. Всѣхъ вездѣ бьютъ, а меня никогда...

Онъ закрылъ на мигъ глаза, сжалъ губы, быстрымъ жестомъ обѣихъ рукъ взбилъ волосы на головѣ и, глядя на Павла покраснѣвшими глазами, сказалъ:

— Если меня когда-нибудь ударятъ... я весь, какъ ножъ, воткнуся въ человѣка... зубами буду грызть... пусть ужъ сразу добьютъ!..

— Защищаться—твое право!—замѣтилъ Павелъ.

— Тонкій ты, худенькій!—воскликнула мать.—Куда тебѣ драться?

— Я буду!—тихо отвѣтилъ Федя.

Когда онъ ушелъ, мать сказала Павлу:

— Этотъ раньше всѣхъ сломится!..

Павелъ промолчалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ кухню медленно отворилась и вошелъ Рыбинъ.

— Здравствуйте!—усмѣхаяся молвилъ онъ.—Вотъ—я опять явился. Вчера привели, а сегодня—самъ пришелъ, да!—Онъ сильно потрясъ руку Павла, взялъ мать за плечо и спросилъ:

— Чаемъ напоишь?

Павелъ молча разсматривалъ его смуглое, широкое лицо, въ густой, черной бородѣ и темные, умные глаза. Въ ихъ спокойномъ взглядѣ свѣтилось что-то значительное и вся его крупная фигура располагала къ себѣ увѣренной стойкостью.

Мать ушла въ кухню ставить самоваръ. Рыбинъ сѣлъ, погладилъ бороду, и положивъ локти на столъ, окинулъ Павла темнымъ взглядомъ.

— Такъ вотъ!—сказалъ онъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ.—Мнѣ съ тобой надо поговорить открыто. Я тебя долго оглядывалъ, прежде чѣмъ придти. Живемъ мы почти рядомъ, вижу—народу къ тебѣ хо-

дить много, а пьянства и безобразія нѣтъ. Это—первое. Если люди не безобразяютъ, они сразу замѣтны—что такое? Вотъ. Потому и самъ я всѣмъ глаза памяль, что живу въ сторонѣ, безъ пакостей...

Рѣчь его лилась тяжело, но свободно и въ ней звучали ноты, вызывающія довѣріе къ этому человѣку.

— Такъ. Заговорили всѣ про тебя. Мои хозяева зовутъ еретикомъ—въ церковь ты не ходишь. Я тоже не хожу. Потомъ бумажки явились, листки эти... Это ты ихъ придумалъ?

— Я!—отвѣтилъ Павелъ, не отводя глазъ отъ лица Рыбина. Тотъ тоже неотрывно смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ужъ и ты!—тревожно воскликнула мать, выглядывая изъ кухни.—Не одинъ ты...

Павелъ усмѣхнулся. Рыбинъ тоже.

— Такъ!—сказалъ онъ.

Мать громко потянула носомъ воздухъ и ушла, немало обиженная тѣмъ, что они не обратили вниманія на ея слова.

— Листки—это хорошо придумано... Они народъ беспокоятъ... Девятнадцать было?

— Да!—отвѣтилъ Павелъ.

— Значить, всѣ я читалъ! Такъ. Есть въ нихъ непонятное, есть лишнее... ну, когда человѣкъ много говоритъ, ему словъ съ десятокъ и зря сказать приходится...

Рыбинъ улыбнулся, зубы у него были бѣлые и крѣпкіе.

— Потомъ обыскъ. Это меня расположило къ вамъ больше всего... И ты, и хохоль, и Николай—всѣ вы обнаружились...

Не находя нужнаго слова, онъ замолчалъ, взглянулъ въ окно, постукалъ пальцами по столу.

— Обнаружили рѣшеніе ваше. Дескать ты, ваше благородіе, дѣлай свое дѣло, а мы будемъ дѣлать свое.. Хохоль тоже хорошій парень. Иной разъ слушаю я, какъ онъ на фабрику говорить, и думаю—этого не со-

мнешь, его только смерть одолѣветъ. Жилистый человекъ! Ты мнѣ, Павелъ, вѣришь?

— Вѣрю!—сказалъ Павелъ, кивнувъ головой.

— Вотъ такъ. Гляди—мнѣ сорокъ лѣтъ, я вдвое старше тебя, въ двадцать разъ больше видѣлъ. Въ солдатахъ тригода слишкомъ шагаль, женать былъ два раза, одна жена померла, другую бросилъ. На Кавказѣ былъ, духоборцевъ знаю... Они, братъ, жизнь не одолѣютъ, нѣтъ!

Мать жадно слушала его крѣпкую рѣчь, и ей было пріятно видѣть, что, вотъ, къ сыну ея пришелъ пожилой человекъ и говорить съ нимъ, точно исповѣдуется. Но ей казалось, что Павелъ ведетъ себя слишкомъ сухо съ гостемъ, и чтобы смягчить его отношеніе, она спросила Рыбина:

— Можетъ, поѣсть хочешь, Михаилъ Ивановичъ?

— Спасибо, матъ! Я поужиналъ. Такъ вотъ, Павелъ, ты, значить, думаешь, что жизнь идетъ незаконно?

Павелъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Она вѣрно идетъ!—говорилъ онъ.—Вотъ, она привела васъ ко мнѣ съ открытой душой. Насъ, которые всю жизнь работаютъ, она соединяетъ понемногу и все больше, будетъ время,—соединить всѣхъ! Несправедливо, тяжело построена она для насъ, но сама же и открываетъ намъ глаза на свой горькій смыслъ, сама указываетъ человекъ, какъ ускорить ея ходъ.

— Вѣрно. Но, погоди!—остановилъ его Рыбинъ.—Человѣка надо обновить—вотъ что я думаю! Если опаршивѣетъ человекъ—своди его въ баню,—вымой, надѣнь чистую одежду—выздоровѣетъ! Такъ? И если сердце опаршивѣло, сними съ него кожу, хотя бы съ кровью, омой, одѣнь во все новое—такъ? Какъ же изнутри очистить человекъ? Вотъ!

Павелъ заговорилъ горячо и рѣзко о Богѣ, о царѣ, о начальствѣ, о фабрикѣ, о томъ, какъ за границей рабочіе отстаиваютъ свои права. Рыбинъ порою улыбался,

порой ударялъ пальцемъ по столу, какъ бы ставя точку. Не однажды онъ восклицалъ:

— Такъ!

И разъ, засмѣявшись, тихо сказалъ:

— Э-эхъ, молодъ ты... Мало знаешь людей!

Тогда Павелъ, остановясь противъ него, серьезно замѣтилъ:

— Не будемъ говорить о старости и о молодости! Посмотримъ лучше чьи мысли вѣрнѣе.

— Значить, по твоему, и Богомъ обманули насъ? Такъ. Я тоже думаю, что религія наша фальшивая и вредная намъ...

Тутъ вмѣшалась мать. Когда сынъ говорилъ о Богѣ и обо всемъ, что она связывала съ своей вѣрой въ Него, что было дорого и свято для нея, она всегда искала встрѣтить его глаза, ей хотѣлось молча попросить сына, чтобы онъ не царапалъ ей сердце острыми и рѣзкими словами своего невѣрія. Но за невѣріемъ его, ей чувствовалась вѣра, и это успокаивало ее.

— Гдѣ мнѣ понять мысли его?—думала она.

Ей казалось, что Рыбину, пожилому человѣку, тоже неприятно и обидно слушать рѣчи Павла. Но когда Рыбинъ спокойно поставилъ Павлу свой вопросъ, она не стерпѣла и кратко, но настойчиво сказала:

— Насчетъ Господа—вы бы поосторожнѣе! Вы, какъ хотите... вамъ дѣла ваши зачтутся...—Переведя дыханіе она съ силой, еще бѣльшей, продолжала:—А мнѣ, старухѣ, опереться будетъ не на что въ тоскѣ моей, если вы Господа Бога у меня отнимете...

Глаза ея наполнились слезами. Она мыла посуду и пальцы у нея дрожали.

— Вы насъ не поняли, мамаша!—тихо и ласково сказалъ Павелъ.

— Ты прости, мать!—медленно и густо прибавилъ Рыбинъ и, усмѣхаясь, посмотрѣлъ на Павла.

— Забылъ я, что стара ты для того, чтобы тебѣ бо-
родавки срѣзывать...

— Я говорилъ,—продолжалъ Павелъ,—не о томъ
добромъ и милостивомъ Богѣ, въ котораго вы вѣруете,
а о томъ, которымъ попы грозятъ намъ, какъ палкой...
о Богѣ, именемъ котораго хотятъ заставитьъ всѣхъ лю-
дей подчиниться злой волѣ непогихъ...

— Вотъ такъ, да!—воскликнулъ Рыбинъ, стукнувъ
пальцами по столу.—Они и Бога подмѣнили намъ, они
все, что у нихъ въ рукахъ, противъ насъ направляютъ!
Ты помни, мать, Богъ создалъ человѣка по образу и
подобію своему,—значить, онъ подобенъ человѣку, если
человѣкъ ему подобенъ! А мы не Богу—подобны стали,
по дикимъ звѣрямъ. Въ церкви намъ пугало показы-
ваютъ. Очистить надо Бога! Въ ложь и въ клевету
одѣли Его, исказили лицо Ему, чтобы души намъ
убить!..

Онъ говорилъ тихо, но какъ-то особенно внятно,
каждое слово его рѣчи падало на голову матери мяг-
кимъ и тяжелымъ, оглушающимъ ударомъ. И его лицо,
въ черной рамѣ бороды, большое, траурное, пугало ее.
Темный блескъ глазъ былъ невыносимъ, онъ будилъ
тоску и ноющий страхъ въ сердцѣ.

— Нѣтъ, я лучше уйду!—сказала она, отрицательно ка-
чая головой.—Слушать это—нѣтъ моихъ силъ... не могу!

И быстро ушла въ кухню, сопровождаемая словами
Рыбина:

— Вотъ оно, Павелъ! Не въ головѣ, а въ сердцѣ—
начало!.. Это есть такое мѣсто въ душѣ человѣческой,
на которомъ ничего другого не вырастетъ...

— Только разумъ!—твердо сказалъ Павелъ.—Только
разумъ освободитъ человѣка!

— Разумъ силы не даетъ!—возражалъ Рыбинъ, громко
и настойчиво.—Сердце даетъ силу, а не голова, вотъ!

Мать раздѣлась и легла въ постель не молясь. Ей
было холодно, неприятно. И Рыбинъ, который показался

ей сначала такимъ солиднымъ, умнымъ, теперь возбуждалъ у нея глухую вражду.

— Еретикъ! Смутьяны! — думала она, слушая его ровный голосъ, гулко переливавшійся въ широкой, выпуклой груди...—Тоже, пришелъ... понадобилось!

А онъ говорилъ, увѣренно и спокойно:

— Свято мѣсто не должно быть пусто. Тамъ, гдѣ Богъ живетъ—мѣсто наболѣвшее... и ежели выпадеть онъ изъ души—рана будетъ въ ней—вотъ! Надо, Павелъ, вѣру новую придумать... надо сотворить Бога—для всѣхъ, не судью, не война, а Бога—друга людей!

— Вотъ—былъ Христось!—воскликнулъ Павелъ.

— Погоди! Христось былъ не твердъ духомъ... Пропнеси, говорить, мимо меня чашу... И кесаря признавалъ... Богъ не можетъ признавать власти человѣческой надъ людьми, Онъ есть—вся власть! Онъ душу свою не дѣлитъ: это—божеское, это—человѣческое... если онъ сошелъ утвердить божеское—ему не надо ничего человѣческаго. А онъ—торговлю признавалъ... и бракъ признавалъ... И смоковницу проклялъ онъ неправильно... развѣ по своей волѣ не родила она? Душа тоже не по своей волѣ добромъ неплодна... самъ ли я посѣялъ злобу въ ней? Вотъ!

Въ комнатѣ непрерывно звучали два голоса, какъ бы обнимаясь и борясь другъ съ другомъ въ захватывающей, возбужденной игрѣ. Быстро шагаль Павелъ, скрипѣлъ полъ подъ его ногами. Когда онъ говорилъ, всѣ звуки тонули въ его рѣчи, а когда спокойно и медленно лился тяжелый голосъ Рыбина,—былъ слышенъ стукъ маятника и тихій трескъ мороза, щупавшаго стѣны дома острыми когтями.

— Скажу тебѣ по-своему, по-кочегарски: Богъ—подобенъ огню. Такъ! Онъ ничего не укрѣпляетъ, не можетъ... Онъ жгетъ и плавить, когда освѣщаетъ... Онъ сожигаетъ церкви, а не строить ихъ. Живетъ онъ въ сердцѣ. Сказано—Богъ—слово, а слово есть—Духъ...

— Разумъ!—настоячиво сказалъ Павелъ.

— Такъ! Значить—Богъ въ сердцѣ и въ разумѣ, а не въ церкви! Въ томъ и горе, и скорбь, и все несчастіе человѣковъ—оторваны всѣ мы стали сами отъ себя! Откинута сердце отъ разума и разумъ отошелъ... Не единъ человѣкъ... Богъ соединяетъ человѣка во единое, круглое... Богъ всегда создаетъ круглое, такова земля и всѣ звѣзды, и все видимое... Острое—человѣкомъ сдѣлано... Церковь же—могила Бога и человѣка...

Мать заснула и не слышала, когда ушелъ Рыбинъ.

Но онъ сталъ приходитъ часто и если у Павла былъ кто-либо изъ товарищей, Рыбинъ садился въ уголь и молчалъ, лишь изрѣдка говоря:

— Вотъ такъ!

А однажды, глядя на всѣхъ изъ угла темнымъ взглядомъ, онъ угрюмо сказалъ:

— Надо говорить о томъ, что есть, а что будетъ—намъ неизвѣстно, вотъ! Когда народъ освободится, онъ самъ увидитъ какъ лучше. Довольно много ему въ голову вколачивали, чего онъ не желалъ совсѣмъ... будетъ... Пусть самъ сообразитъ. Можетъ онъ захочетъ все отвергнуть... всю жизнь и всѣ науки, можетъ онъ увидитъ, что все противу него направлено... какъ, примѣрно, Богъ церковный... Вы только передайте ему всѣ книги въ руки, а ужъ онъ самъ отвѣтитъ—вотъ. Только понять бы онъ, что чѣмъ комутъ туже, тѣмъ работать хуже...

Но если Павелъ былъ одинъ, они тотчасъ же вступали въ безконечный, есегда спокойный споръ и мать, тревожно слушая ихъ рѣчи, молча слѣдила за ними, стараясь понять, что говорятъ они. Порою ей казалось, что широкоплечій, чернобородый мужикъ и ея сынъ, стройный, крѣпкій—оба ослѣпли. Во тьмѣ и въ этой маленькой комнаткѣ, они тычутся изъ стороны въ сторону въ поискахъ свѣта и выхода, хватаются за все сильными, но слѣпыми руками, трясутъ, передвигаютъ съ мѣста на мѣсто, роняютъ на полъ и даютъ упавшее

погами. Задѣваютъ за все, оцупываютъ каждое и отобра- сываютъ отъ себя, спокойные, не теряющіе ни вѣры, ни надежды...

Они приучили ее слышать множество словъ, страш- ныхъ своей прямою и смѣлостью, и эти слова уже не давили ее съ той силой, какъ первый разъ,—она на- училась отталкивать ихъ отъ ушей. И порой, за сло- вами, отрицавшими Бога, она чувствовала крѣпкую вѣру въ Него. Тогда она улыбалась тихой и мудрой, все- прощающей улыбкой. И хотя Рыбинъ, какъ и раньше, не нравился ей, но уже не возбуждалъ вражды къ себѣ...

Разъ въ недѣлю она носила въ тюрьму бѣлье и книги для хохла; однажды ей дали свиданіе съ нимъ и, придя домой, она умиленно рассказывала:

— Онъ и тамъ какъ дома. Со всѣми ласковый, всѣ съ нимъ шутятъ. Точно у него въ сердцѣ всегда празд- никъ. Трудно ему, тяжело, а показать не хочетъ...

— Вотъ такъ и надо!—замѣтилъ Рыбинъ.—Мы всѣ въ горѣ, какъ въ кожѣ... горемъ дышимъ, горемъ одѣ- ваемся... Но хвастаться тутъ нечѣмъ... Не у всѣхъ глаза выколоты, иные сами ихъ закрываютъ... вотъ. А коли глушь—терпи!..

(Продолженіе въ слѣдующемъ сборникѣ).

СКИТАЛЕЦЪ.
ЧЕТВЕРО.

ЧЕТВЕРО.

Какъ мать умирала,—дѣтей созывала,
Своихъ четверыхъ сыновой.
— „Ну, дѣти, живите, меня скороните,
„Да только живите дружныи!

„Отець и вы сами—всѣ были крестьяно,
„И всѣ—не имѣли земли...
„Добились бы, что ли, земельки да воли!..“
И мать на кладбище снесли.

Межь тѣмъ все проснулось, вся Русь всколыхнулась,
Вся Русь задымилась въ огнѣ...
И все сотрясалось и въ узелъ свивалось,
Какъ въ страшномъ, чудовищномъ снѣ...

Былъ старшій поэтомъ... Къ народнымъ завѣтамъ,
Гремя, его пѣсни неслись...
Второй былъ суровымъ... жегъ огненнымъ словомъ,
А двое—за ружья взялись.

Одинъ былъ „замѣшанъ“, судимъ и повѣшенъ,
Второй былъ заколотъ въ бою.

А двое другіе въ морозы лихіе
Погибли въ далекомъ краю.

А мать и не знала—въ могилѣ лежала,
Въ гробу, подъ тяжелой землей...
Не знала, что въ полѣ за землю и волю
Зарыли ихъ ранней зарей!

Д. АЙЗМАНЪ.

СЕРДЦЕ БЫТІЯ.

Д. Айзманъ. Сердце Бытія.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

*Г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, **Ив. П. Ладъжникову**, по слѣдующему адресу:*

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow“.*

I.

Иисуса Христа много разъ предупреждали, что Иуда изъ Каріота—человѣкъ очень дурной славы, и его нужно остерегаться. Одни изъ учениковъ, бывавшіе въ Іудеѣ, хорошо знали его сами, другіе много слышали о немъ отъ людей, и не было никого, кто могъ бы сказать о немъ доброе слово. И если порицали его добрые, говоря, что Иуда корыстолюбивъ, коваренъ, наклоненъ къ притворству и лжи, то и дурные, которыхъ спрашивали объ Іудѣ, поносили его самыми жестокими словами. Онъ ссорить насъ постоянно,—говорили они, отплеываясь; онъ думаетъ что-то свое, и въ домъ влѣзаетъ тихо, какъ скорпіонъ, а выходитъ изъ него съ шумомъ. И у воровъ есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецовъ есть жены, которымъ говорятъ они правду, а Иуда смѣется надъ ворами, какъ и надъ честными, хотя самъ крадетъ искусно, и видомъ своимъ безобразнѣе всѣхъ жителей въ Іудеѣ. Нѣтъ, не нашъ онъ, этотъ рыжій Иуда изъ Каріота—говорили дурные, удивляя этимъ людей добрыхъ, для которыхъ не было большой разницы между нимъ и всѣми остальными порочными людьми Іудеи.

Разсказывали далѣе, что свою жену Иуда бросилъ давно и живетъ она, несчастная и голодная, безуспѣшно стараясь изъ тѣхъ трехъ камней, что составляютъ помѣстье Іуды, выжать хлѣбъ себѣ на пропитаніе. Самъ же онъ много лѣтъ шатается безмысленно въ народѣ

и доходилъ даже до одного моря и до другого моря, которое еще дальше; и всюду онъ лжетъ, кривляется, зорко высматриваетъ что-то своимъ воровскимъ глазомъ, и вдругъ уходитъ внезапно, оставляя по себѣ неприятности и ссору—любопытный, лукавый и злой, какъ одноглазый бѣсъ. Дѣтей у него не было, и это еще разъ говорило, что Иуда дурной человѣкъ и не хочетъ Богъ потомства отъ Иуды.

Никто изъ учениковъ не замѣтилъ, когда впервые оказался около Христа этотъ рыжій и безобразный Иудей; но ужъ давно неотступно шель онъ по ижему пути, вмѣшивался въ разговоры, оказывалъ маленькія услуги, кланялся, улыбался и заискивалъ. И то совсѣмъ привыченъ онъ становился, обманывая утомленное зрѣніе, то вдругъ бросался въ глаза и въ уши, раздражая ихъ, какъ нѣчто невиданно безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время онъ пропадалъ гдѣ-то у дороги,—а потомъ снова незамѣтно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, какъ одноглазый бѣсъ. И не было сомнѣнія для нѣкоторыхъ изъ учениковъ, что въ желаніи его приблизиться къ Иисусу скрывалось какое-то тайное намѣреніе, быть злой и коварный расчетъ.

Но не послушалъ ихъ совѣтовъ Иисусъ; не коснулся Его слуха ихъ пророческій голосъ. Съ тѣмъ духомъ свѣтлаго противорѣчія, который неудержимо влекъ Его къ отверженнымъ и нелюбимымъ, Онъ рѣшительно принялъ Иуду и включилъ его въ кругъ избранныхъ. Ученики волновались и сдержанно роптали, а Онъ тихо сидѣлъ, лицомъ къ заходящему солнцу, и слушалъ задумчиво—можетъ быть ихъ, а можетъ быть и что-нибудь другое. Ужъ десять дней не было вѣтра и все готъ же оставался, не двигаясь и не мѣняясь, прозрачный воздухъ, внимательный и чуткій. И казалось будто бы сохранилъ онъ въ своей прозрачной глубинѣ все то, что кричалось и пѣлось въ эти дни людьми, жи-

вотными и птицами—слезы, плачь и веселую пѣсню, молитву и проклятiя; и отъ этихъ стеклянныхъ застывшихъ голосовъ былъ онъ такой тяжелый, тревожный, густо насыщенный неэримой жизнью. И еще разъ заходило солнце. Тяжело пламенѣющимъ шаромъ скатывалось оно книзу, зажигая небо; и все на землѣ, что было обращено къ нему: смуглое лицо Иисуса, стѣны домовъ и листья деревьевъ—все покорно отражало этотъ далекій и страшно задумчивый свѣтъ. Бѣлая стѣна уже не была бѣлою теперь, и не остался бѣлымъ красный городъ на красной горѣ.

И вотъ пришелъ Иуда.

Пришелъ онъ, низко кланаясь, выгибая спину, осторожно и пугливо вытягивая впередъ свою безобразную бугроватую голову—какъ разъ такой, какимъ представляли его знающіе. Онъ былъ худощавъ, хорошаго роста, почти такого же, какъ Иисусъ, который слегка сутулился отъ привычки думать при ходьбѣ и отъ этого казался ниже; и достаточно крѣпокъ силою былъ онъ, повидимому, но зачѣмъ-то притворялся хилымъ и болѣзненнымъ, и голосъ имѣлъ перемѣнчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, какъ у старой женщины, ругающей мужа, досадно жидкій и неприятный для слуха; и часто слова Иуды хотѣлось вытащить изъ своихъ ушей, какъ гнилыя, шероховатыя занозы. Короткіе рыжіе волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный съ затылка двойнымъ ударомъ меча и вновь составленный, онъ явственно дѣлился на четыре части и внушалъ недоувѣріе, даже тревогу: за такимъ черепомъ не можетъ быть тишины и согласія, за такимъ черепомъ всегда слышится шумъ кровавыхъ и безпощадныхъ битвъ. Двоилось такъ же и лицо Иуды: одна сторона его, съ чернымъ остро высматривающимъ глазомъ, была

живая, подвижная, охотно собиравшаяся въ многочисленныя кривыя морщинки. На другой же не было морщинъ и была она мертвенно гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величинѣ она равнялась первой, но казалась огромною отъ широко открытаго слѣпнаго глаза. Покрытый бѣлесой мутью, не смыкающійся ни ночью, ни днемъ, онъ одинаково встрѣчалъ и свѣтъ и тьму; но оттого ли, что рядомъ съ нимъ былъ живой и хитрый товарищъ, не вѣрилось въ его полную слѣпоту. Когда въ припадкѣ робости или волненія Іуда закрывалъ свой живой глазъ и качалъ головой, этотъ качался вмѣстѣ съ движеніями головы и молчаливо смотрѣлъ. Даже люди, совсѣмъ лишенные проникаемости, ясно понимали, глядя на Искаріота, что такой человѣкъ не можетъ принести добра, а Іисусъ приблизилъ его и даже рядомъ съ собою—рядомъ съ собою посадилъ Іуду.

Брезгливо отодвинулся Іоаннъ, любимый ученикъ, и всѣ остальные, любя учителя своего, неодобрительно потупились. А Іуда сѣлъ—и двигая головою направо и налево, тоненькимъ голоскомъ сталъ жаловаться на болѣзни, на то, что у него болитъ грудь по ночамъ, что всходя на горы, онъ задыхается, а стоя у края пропасти, испытываетъ головокруженіе и едва удерживается отъ глупаго желанія броситься внизъ. И многое другое безбожно выдумывалъ онъ, какъ будто не понимая, что болѣзни приходятъ къ человѣку не случайно, а рождаются отъ несоотвѣтствія поступковъ его съ завѣтами Предвѣчнаго. Потиралъ грудь широкою ладонью и даже кашлялъ притворно, этотъ Іуда изъ Каріота—при общемъ молчаніи и потупленныхъ взорахъ.

Іоаннъ, не глядя на учителя, тихо спросилъ Петра Симонова, своего друга:

— Тебѣ не наскучила эта ложь? Я не могу дольше выносить ее и уйду отсюда.

Петръ взглянулъ на Іисуса, встрѣтилъ его взоръ и быстро всталъ.

— Подожди!—сказаль онъ другу.

Еще разъ взглянулъ на Иисуса, быстро какъ камень, оторванный отъ горы, двинулся къ Иудѣ Искариоту и громко сказаль ему съ широкой и ясной привѣтливостью:

— Вотъ и ты съ нами, Иуда.

Ласково похлопаль его рукою по согнутой спинѣ, и не глядя на учителя, но чувствуя на себѣ взоръ Его, рѣшительно добавиль своимъ громкимъ голосомъ, вытѣснявшимъ всякія возраженія, какъ вода вытѣсняетъ воздухъ:

— Это ничего, что у тебя такое скверное лицо: въ наши сѣти попадаютъ еще и не такія уродины, а приѣдъ-то они и есть самыя вкусныя. И не намъ, рыба-рямъ Господа нашего, выбрасывать уловъ только потому, что рыба колюча и одноглаза. Я видѣлъ однажды въ Тирѣ осьминога, пойманнаго тамошними рыбаками, и такъ испугался, что хотѣлъ бѣжать. А они посмѣялись надо мною, рыбакомъ изъ Тиверіады, и дали мнѣ поѣсть его, и я попросиль еще, потому что было очень вкусно. Помнишь, учитель, я рассказываль тебѣ объ этомъ и ты тоже смѣялся. А ты, Иуда, похожь на осьминога—только одною половиною.

И громко захохоталь, довольный своею шуткой. Когда Петръ что-нибудь говорилъ, слова его звучали такъ твердо, какъ будто онъ прибиваль ихъ гвоздями. Когда Петръ двигался или что-нибудь дѣлаль, онъ производиль далеко слышный шумъ и вызываль отвѣтъ у самыхъ глухихъ вещей: каменный полъ гудѣль подъ его ногами, двери дрожали и хлопали, и самый воздухъ пугливо вдрагиваль и шумѣль. Въ ущельяхъ горъ его голосъ будиль сердитое эхо, а по утрамъ на озерѣ, когда ловили рыбу, онъ кругло перекатывался по сонной и блестящей водѣ и заставляль улыбаться первые робкіе солнечные лучи. И вѣроятно они любили за это Петра: на всѣхъ другихъ лицахъ еще лежала ночная тѣнь, а его крупная голова, и широкая обна-

женная грудь и свободно закинутыя руки уже горѣли въ заревѣ восхода.

Слова Петра, видимо одобренныя учителемъ, разсѣяли тягостное состояніе собравшихся. Но нѣкоторыхъ, также бывавшихъ у моря и видѣвшихъ осьминога, смутилъ его чудовищный образъ, приуроченный Петромъ столь легкомысленно къ новому ученику. Имъ вспомнились: огромные глаза, десятки жадныхъ щупальцевъ, притворное спокойствіе—и разъ!—обнять, облить, раздавить и высосать, ни разу не моргнувши огромными глазами. Что это? Но Иисусъ молчитъ, Иисусъ улыбается и исподлобья съ дружеской насмѣшкой смотритъ на Петра, продолжающаго горячо рассказывать объ осьминогѣ—и одинъ за другимъ подходили къ Іудѣ смущенные ученики, заговаривали ласково, но отходили быстро и неловко.

И только Іоаннъ Зеведеевъ упорно молчалъ, да Фома видимо не рѣшался ничего сказать, обдумывая происшедшее. Онъ внимательно разглядывалъ Христа и Іуду, сидѣвшихъ рядомъ, и эта странная близость божественной красоты и чудовищнаго безобразія, чело-вѣка съ кроткимъ взоромъ и осьминога съ огромными, неподвижными, тускло жадными глазами—угнетала его умъ, какъ неразрѣшимая загадка. Онъ напряженно морщилъ прямой, гладкій лобъ, щурилъ глаза, думая, что такъ будетъ видѣть лучше, но добивался только того, что у Іуды какъ будто и вправду появлялось во-семь безпокойно шевелящихся ногъ. Но это было невѣрно. Фома понималъ это и снова упорно смотрѣлъ.

А Іуда понемногу осмѣливался: расправилъ руки, согнутыя въ локтяхъ, ослабилъ мышцы, державшія его челюсти въ напряженіи, и осторожно началъ выстав-лять на свѣтъ свою бугроватую голову. Она и раньше была у всѣхъ на виду, но Іудѣ казалось, что она глу-боко и непроницаемо скрыта отъ глазъ какой-то невидимой, но густою и хитрой плененою. И вотъ теперь,

точно вытѣвая изъ ямы, онъ почувствовалъ на свѣту свой странный черепъ, потомъ глаза—остановился—и рѣшительно открылъ все свое лицо. Ничего не произошло. Петръ ушелъ куда-то. Иисусъ сидѣлъ задумчиво, опершись головою на руку, и тихо покачивалъ загорѣлой ногою; ученики разговаривали между собой и только Фома внимательно и серьезно разсматривалъ его, какъ добросовѣстный портной, снимающій мѣрку. Иуда улыбнулся—Фома не отвѣтилъ на улыбку, но видимо принялъ ее въ расчетъ, какъ и все остальное, и продолжалъ разглядывать. Но что-то неприятное тревожило лѣвую сторону Иудина лица—оглянулся: на него изъ темнаго угла холодными и красивыми глазами смотритъ Іоаннъ, красивый, чистый, не имѣющій ни одного пятна на свѣжно бѣлой совѣсти. И идя, какъ и всѣ ходять, но чувствуя такъ, будто онъ волочится по землѣ подобно наказанной собакѣ, Иуда приблизился къ нему и сказалъ:

— Почему ты молчишь, Іоаннъ? Твои слова, какъ золотыя яблоки въ прозрачныхъ серебряныхъ сосудахъ—подари одно изъ нихъ Иудѣ, который такъ бѣденъ.

Іоаннъ пристально смотрѣлъ въ неподвижный, широко открытый глазъ и молчалъ. И видѣлъ, какъ отползъ Иуда, помедлилъ нерѣшительно и скрылся въ темной глубинѣ открытой двери.

Такъ какъ встала полная луна, то многіе пошли гулять. Иисусъ также пошелъ гулять, и съ невысокой кровли, гдѣ устроилъ свое ложе Иуда, онъ видѣлъ уходящихъ. Въ лунномъ свѣтѣ каждая бѣлая фигура казалась легкою и неторопливою, и не шла, а точно скользила впереди своей черной тѣни; и вдругъ чело-вѣкъ пропадалъ въ чемъ-то черномъ и тогда слышался его голосъ. Когда же люди вновь появлялись подъ луною, они казались молчащими—какъ бѣлыя стѣны, какъ черныя тѣни, какъ вся прозрачно-мгли-

стая ночь. Уже почти всё спали, когда Иуда услыхалъ тихій голосъ возвратившагося Христа. И все стихло въ домѣ и вокругъ него. Пропѣлъ пѣтухъ; обиженно и громко, какъ днемъ, закричалъ гдѣ-то проснувшійся осель и, неохотно, съ перерывами умолкъ. А Иуда все не спалъ и слушалъ, притаившись. Луна освѣтила половину его лица и, какъ въ замершемъ озерѣ, отразилась странно въ огромномъ открытомъ глазу.

Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и поспѣшно закашлялъ, потирая ладонью волосатую, здоровую грудь: быть можетъ кто-нибудь еще не спитъ и слушаетъ, что думаетъ Иуда.

II.

Постепенно къ Иудѣ привыкли и перестали замѣчать его безобразіе. Исусъ поручилъ ему денежный ящикъ, и вмѣстѣ съ этимъ на него легли всё хозяйственныя заботы: онъ покупалъ необходимую пищу и одежду, раздавалъ милостыню, а во время странствованій приискивалъ мѣсто для остановки и ночлега. Все это онъ дѣлалъ очень искусно, такъ что въ скоромъ времени заслужилъ расположеніе нѣкоторыхъ учениковъ, видѣвшихъ его старанія. Лгалъ Иуда постоянно, но и къ этому привыкли, такъ какъ не видѣли за ложью дурныхъ поступковъ, а разговору Иуды и его разсказамъ она придавала особенный интересъ и дѣлала жизнь похожею на смѣшную, а иногда и страшную сказку.

По разсказамъ Иуды выходило такъ, будто онъ знаетъ всёхъ людей и каждый человекъ, котораго онъ знаетъ, совершилъ въ своей жизни какой-нибудь дурной поступокъ или даже преступленіе. Хорошими же людьми, по его мнѣнію, называются тѣ, которые умѣютъ скрывать свои дѣла и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выспросить хорошенько, то

изъ него потечеть, какъ гной изъ проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь. Онъ охотно сознавался, что иногда лжетъ и самъ, но увѣрялъ съ клятвою, что другіе лгутъ еще больше, и если есть въ мірѣ кто-нибудь обманутый, такъ это онъ, Иуда. Случалось, что нѣкоторые люди по многу разъ обманывали его, и такъ и этакъ. Такъ нѣкій хранитель сокровищъ у богатаго вельможи сознался ему однажды, что ужъ десять лѣтъ непрестанно хочетъ украсть вѣренное ему имущество, но не можетъ, такъ какъ боится вельможи и своей совѣсти. И Иуда повѣрилъ ему—а онъ вдругъ укралъ и обманулъ Иуду. Но и тутъ Иуда ему повѣрилъ,—а онъ вдругъ вернулъ украденное вельможѣ и опять обманулъ Иуду. И всѣ обманываютъ его, даже животныя: когда онъ ласкаетъ собаку, она кусаетъ его за пальцы, а когда онъ бьетъ ее палкой, она лижетъ ему ноги и смотритъ въ глаза, какъ дочь. Онъ убилъ эту собаку, глубоко зарылъ ее и даже заложилъ большимъ камнемъ, но кто знаетъ?—можетъ быть оттого, что онъ ее убилъ, она стала еще болѣе живою, и теперь не лежитъ въ ямѣ, а весело бѣгаетъ съ другими собаками.

Всѣ весело смѣялись на рассказъ Иуды и самъ онъ пріятно улыбался, щуря свой живой и насмѣшливый глазъ—и тутъ же съ тою же улыбкой сознавался, что немного солгалъ: собаки этой онъ не убивалъ. Но онъ найдетъ ее непременно и непременно убьетъ, потому что не желаетъ быть обманутымъ. И отъ этихъ словъ Иуды смѣялись еще больше.

Но иногда въ своихъ разсказахъ онъ переходилъ границы вѣроятнаго и правдоподобнаго и приписывалъ людямъ такія наклонности, какихъ не имѣетъ даже животное, обвинялъ въ такихъ преступленіяхъ, какихъ не было и никогда не бываетъ. И такъ какъ онъ называлъ при этомъ имена самыхъ почтенныхъ людей, то нѣкоторые возмущались клеветою, другіе же шутиво спрашивали:

— Ну, а твои отецъ и мать, Іуда,—не были ли они хорошіе люди?

Іуда прищуривалъ глазъ, улыбался и разводилъ руками. И вмѣстѣ съ покачиваніемъ головы, качался его застывшій, широко открытый глазъ и молчаливо смотрѣлъ.

— А кто былъ мой отецъ? Можетъ быть, тотъ чловѣкъ, который билъ меня розгой, а можетъ быть и дьяволь, и козелъ, и пѣтухъ. Развѣ можетъ Іуда знать всѣхъ, съ кѣмъ дѣлила ложе его мать? У Іуды много отцовъ—про котораго вы говорите?

Но тутъ возмущались всѣ, такъ какъ сильно почитали родителей, и Матвей, весьма начитанный въ писаніи, строго говорилъ словами Соломона:

— Кто злословить отца своего и свою мать, того свѣтильникъ погаснетъ среди глубокой тьмы.

Іоаннъ же Зеведеевъ надменно бросалъ:

— Ну, а мы? Что о насъ дурного скажешь ты, Іуда изъ Каріота?

Но тотъ съ притворнымъ испугомъ замахалъ руками, сторбился и занялъ, какъ нищій, тщетно выпрашивающій подаванія у прохожаго:

— Ахъ, искушаютъ бѣднаго Іуду! Смѣются надъ Іудой, обмануть хотятъ бѣднаго, довѣрчиваго Іуду!

И пока въ шутовскихъ гримасахъ корчилась одна сторона его лица, другая качалась серьезно и строго, и широко смотрѣлъ никогда не смыкающійся глазъ. Больше всѣхъ и громче всѣхъ хохоталъ надъ шутками Искаріота Петръ Симоновъ. Но однажды случилось такъ, что онъ вдругъ нахмурился, сдѣлался молчаливъ и печаленъ, и поспѣшно отвелъ Іуду въ сторону, таща его за рукавъ.

— А Іисусъ? Что ты думаешь объ Іисусѣ?—наклонившись, спросилъ онъ громкимъ шопотомъ.—Только не шути, прошу тебя.

Іуда злобно взглянулъ на него:

— А ты что думаешь?

Петръ испуганно и радостно прошепталъ:

— Я думаю, что Онъ сынъ Бога живаго.

— Зачѣмъ же ты спрашиваешь? Что можетъ тебѣ сказать Иуда, у котораго отецъ—козелъ!

— Но ты Его любишь? Ты какъ будто никого не любишь, Иуда.

Съ той же странной злобою Искариотъ бросилъ отрывисто и рѣзко:

— Люблю.

Послѣ этого разговора Петръ дня два громко называлъ Иуду своимъ другомъ - осьминогомъ, а тотъ неповоротливо и все также злобно старался ускользнуть отъ него куда-нибудь въ темный уголъ, и тамъ сидѣлъ угрюмо, свѣтлѣя своимъ бѣлымъ несмыкающимся глазомъ.

Вполнѣ серьезно слушалъ Иуду одинъ только Фома: онъ не понималъ шутокъ, притворства и лжи, игры словами и мыслями, и во всемъ доискивался основательнаго и положительнаго. И всѣ рассказы Искариота о дурныхъ людяхъ и поступкахъ онъ часто перебивалъ короткими дѣловыми замѣчаніями:

— Это нужно доказать. Ты самъ это слышалъ? А кто еще былъ при этомъ, кромѣ тебя? Какъ его зовутъ?

Иуда раздражался и визгливо кричалъ, что онъ все это самъ видѣлъ и самъ слышалъ, но упрямый Фома продолжалъ допрашивать неотвязчиво и спокойно, пока Иуда не сознавался, что солгалъ, или не сочинялъ новой правдоподобной лжи, надъ которою тотъ надолго задумывался. И найдя ошибку, немедленно приходилъ и равнодушно уличалъ лжеца. Вообще Иуда возбуждалъ въ немъ сильное любопытство и это создало между ними что-то вродѣ дружбы, полной крика, смѣха и ругательства съ одной стороны—и спокойныхъ, настойчивыхъ вопросовъ съ другой. Временами Иуда чув-

ствовавъ нестерпимое отвращеніе къ своему странному другу и, пронизывая его острымъ взглядомъ, говорилъ раздраженно, почти съ мольбою:

— Но чего ты хочешь? Я все сказалъ тебѣ, все.

— Я хочу, чтобы ты доказалъ, какъ можетъ быть козелъ твоимъ отцомъ?—съ равнодушной настойчивостью допрашивалъ Ѳома и ждалъ отвѣта. Случилось, что послѣ одного изъ такихъ вопросовъ Іуда вдругъ замолчалъ и удивленно съ ногъ до головы ощупалъ его глазомъ: увидѣлъ длинный, прямой станъ, сѣрое лицо, прямые прозрачно-свѣтлые глаза, двѣ толстыя складки, идущія отъ носа и пропадающія въ жесткой, ровно подстриженной бородѣ, и убѣдительно сказалъ:

— Какой ты глупый, Ѳома! Ты что видишь во снѣ: дерево, стѣну, осла?

И Ѳома какъ-то странно смутился и ничего не возразилъ. А ночью, когда Іуда уже заволакивалъ для сна свой живой и безпокойный глазъ, онъ вдругъ громко сказалъ съ своего ложа—они оба спали теперь вмѣстѣ на кровлѣ:

— Ты не правъ, Іуда. Я вижу очень дурные сны. Какъ ты думаешь: за свои сны также долженъ отвѣчать человѣкъ?

— А развѣ сны видитъ кто-нибудь другой, а не онъ самъ?

Ѳома тихо вадохнулъ и задумался. А Іуда презрительно улыбнулся, плотно закрылъ свой воровской глазъ и спокойно отдался своимъ мятежнымъ снамъ, чудовищнымъ грезамъ, безумнымъ видѣніямъ, на части раздиравшимъ его бугроватый черепъ.

Когда во время странствованій Иисуса по Іудеѣ, путники приближались къ какому-нибудь селенію, Искаріотъ рассказывалъ дурное о жителяхъ его и предвѣщалъ бѣду. Но почти всегда случалось такъ, что люди, о которыхъ говорилъ онъ дурно, съ радостью встрѣчали Христа и его друзей, окружали ихъ внима-

ніемъ и любовью и становились вѣрующими, а денежный ящикъ Иуды дѣлался такъ полонъ, что трудно было его нести. И тогда надъ его ошибкой смѣялись, а онъ покорно разводилъ руками и говорилъ:

— Такъ, такъ! Иуда думалъ, что они плохіе, а они хорошіе: и повѣрили быстро, и дали денегъ. Опять, значить, обманули Иуду, бѣднаго, довѣрчиваго Иуду изъ Каріота!

Но какъ-то разъ, уже далеко отойдя отъ селенія, встрѣтившаго ихъ радушно, Фома и Иуда горячо заспорили и, чтобы рѣшить споръ, вернулись обратно. Только на другой день догнали они Иисуса съ учениками, и Фома имѣлъ видъ смущенный и грустный, а Иуда глядѣлъ такъ гордо, какъ будто ожидалъ, что вотъ сейчасъ всѣ начнутъ его поздравлять и благодарить. Подойдя къ учителю, Фома рѣшительно заявилъ:

— Иуда правъ, Господи. Это были злые и глухие люди, и на камень упало сѣмя твоихъ словъ.

И рассказалъ, что произошло въ селеніи. Ужъ послѣ ухода изъ него Иисуса и его учениковъ, одна старая женщина начала кричать, что у нея украли молоденькаго бѣленькаго козленка и обвинила въ покражѣ ушедшихъ. Вначалѣ съ нею спорили, а когда она упрямо доказывала, что больше некому было украсть, какъ Иисусу, то многіе повѣрили и даже хотѣли пуститься въ погоню. И хотя вскорѣ нашли козленка запутавшимся въ кустахъ, но все-таки рѣшили, что Иисусъ обманщикъ и, можетъ быть, даже воръ.

— Такъ вотъ какъ!—вскричалъ Петръ, раздувая ноздри.—Господи, хочешь, я вернусь къ этимъ глупцамъ и...

Но молчавшій все время Иисусъ сурово взглянулъ на него и Петръ замолчалъ и скрылся сзади, за спинами другихъ. И уже никто больше не заговаривалъ о происшедшемъ, какъ будто ничего не случилось совсѣмъ и какъ будто не правъ оказался Иуда. Напрасно

со всѣхъ сторонъ показывалъ онъ себя, стараясь сдѣлать скромнымъ свое раздвоенное, хищное, съ крючковатымъ носомъ лицо—на него не глядѣли, а если кто и взглядывалъ, то очень недружелюбно, даже съ презрѣніемъ какъ будто.

И съ этого же дня какъ-то странно измѣнилось къ нему отношеніе Иисуса. И прежде почему-то было такъ, что Иуда никогда не говорилъ прямо съ Иисусомъ и тотъ никогда прямо не обращался къ нему, но зато часто взглядывалъ на него ласковыми глазами, улыбался на нѣкоторыя его шутки, и если долго не видѣлъ, то спрашивалъ: а гдѣ же Иуда? А теперь глядѣлъ на него, точно не видя, хотя попрежнему, и даже упорнѣе, чѣмъ прежде, искалъ его глазами, всякій разъ, какъ начиналъ говорить къ ученикамъ или къ народу,—но или садился къ нему спиною и черезъ голову бросалъ слова свои на Иуду, или дѣлалъ видъ, что совсѣмъ его не замѣчаетъ. И что бы Онъ ни говорилъ, хотя бы сегодня одно, а завтра совсѣмъ другое, хотя бы даже то самое, что думаетъ и Иуда—казалось, однако, что Онъ всегда говоритъ противъ Иуды. И для всѣхъ онъ былъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ, благоухающей розою ливанскою, а для Иуды оставлялъ одни только острые шипы—какъ будто нѣтъ сердца у Иуды, какъ будто глазъ и носа нѣтъ у него и не лучше, чѣмъ всѣ, понимаетъ онъ красоту нѣжныхъ и безпорочныхъ лепестковъ.

— Оома! Ты любишь желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и глаза, какъ у серны?—спросилъ онъ своего друга однажды и тотъ равнодушно отвѣтилъ:

— Розу? Да, мнѣ пріятенъ ея запахъ. Но я не слыхалъ, что бы у розъ были смуглыя лица и глаза, какъ у серны.

— Какъ? Ты не знаешь и того, что у многорукаго кактуса, который вчера разорвалъ твою новую одежду, одинъ только красный цвѣтокъ и одинъ только глазъ?

Но и этого не зналъ Ѳома, хотя вчера кактусъ дѣйствительно вцѣпился въ его одежду и разорвалъ ее на жалкіе клочки. Онъ ничего не зналъ, этотъ Ѳома, хотя обо всемъ разспрашивалъ, и смотрѣлъ такъ прямо своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, какъ сквозь финикійское стекло, было видно стѣну позади его и привязаннаго къ ней понураго осла.

Произошелъ нѣкоторое время спустя и еще одинъ случай, въ которомъ опять-таки правымъ оказался Иуда. Въ одномъ іудейскомъ селеніи, которое онъ настолько не хвалилъ, что даже совѣтовалъ обойти его стороною, Христа приняли очень враждебно, а послѣ проповѣди Его и обличенія лицемѣровъ, пришли въ ярость и хотѣли побить камнями Его и учениковъ. Враговъ было много, и несомнѣнно, имъ удалось бы осуществить свое пагубное намѣреніе, если бы не Иуда изъ Каріота. Охваченный безумнымъ страхомъ за Иисуса, точно видя уже капли алой крови на Его бѣлой рубашкѣ—Иуда яростно и слѣпо бросался на толпу, грозилъ, кричалъ, умолялъ и лгалъ, и тѣмъ далъ время и возможность уйти Иисусу и ученикамъ. Разительно проворный, какъ будто онъ бѣгалъ на десяткѣ ногъ, смѣшной и страшный въ своей ярости и мольбахъ, онъ бѣшено метался передъ толпою и очаровывалъ ее какой-то странной силой. Онъ кричалъ, что вовсе не одержимъ бѣсомъ Назорей, что Онъ просто обманщикъ, воръ, любящій деньги, какъ и всѣ Его ученики, какъ и самъ Иуда—потрясалъ денежнымъ ящикомъ, кривлялся и молилъ, припадая къ землѣ. И постепенно гнѣвъ толпы перешелъ въ смѣхъ и отвращеніе, и опустили поднятыя съ камнями руки.

— Недостойны эти люди, чтобы умереть отъ руки честнаго,—говорили одни, въ то время, какъ другіе задумчиво провожали глазами быстро удалявшася Иуду.

И снова ожидалъ Иуда поздравленій, похвалъ и бла-

годарности, и выставлялъ на видъ свою изодранную одежду, и лгалъ, что били его—но и на этотъ разъ былъ онъ непонятно обманутъ. Разгнѣванный Иисусъ шелъ большими шагами и молчалъ, и даже Іоаннъ съ Петромъ не осмѣливались приблизиться къ Нему; и всѣ, кому попадался на глаза Іуда въ изодранной одеждѣ, съ своимъ счастливо-возбужденнымъ, но всееще немного испуганнымъ лицомъ—отгоняли его отъ себя короткими и гнѣвными восклицаніями. Какъ будто не онъ спасъ ихъ всѣхъ, какъ будто не онъ спасъ ихъ учителя, котораго они такъ любятъ.

— Ты хочешь видѣть глупцовъ?—сказалъ онъ Ѳомѣ, задумчиво шедшему сзади.—Посмотри: вотъ идутъ они по дорогѣ, кучкой, какъ стадо барановъ и поднимаютъ пыль. А ты умный, Ѳома, плетешься сзади, а я, благородный, прекрасный Іуда, плетусь сзади, какъ грязный рабъ, которому не мѣсто рядомъ съ господиномъ.

— Почему ты называешь себя прекраснымъ?—удивился Ѳома.

— Потому что я красивъ,—убѣжденно отвѣтилъ Іуда, и рассказалъ, многое прибавляя, какъ онъ обманулъ враговъ Иисуса и посмѣялся надъ ними и ихъ глупыми каменьями.

— Но ты солгалъ!—сказалъ Ѳома.

— Ну да, солгалъ,—согласился спокойно Искаріотъ.— Я имъ далъ то, что они просили, а они вернули то, что мнѣ нужно. И что такое ложь, мой умный Ѳома? Развѣ не большею ложью была бы смерть Иисуса?

— Ты поступилъ не хорошо. Теперь я вѣрю, что отецъ твой—дьяволъ. Это онъ научилъ тебя, Іуда.

Лицо Искаріота поблѣло и вдругъ какъ-то быстро надвинулось на Ѳому—словно бѣлое облако напало, и закрыло дорогу и Иисуса. Мягкимъ движеніемъ Іуда такъ же быстро прижалъ его къ себѣ, прижалъ сильно, парализуя движенія, и зашепталъ въ ухо:

— Значить дьяволъ научилъ меня? Такъ, такъ, Өома. А я спасъ Иисуса? Значить дьяволъ любить Иисуса, значить дьяволу нуженъ Иисусъ и правда? Такъ, такъ, Өома. Но вѣдь мой отецъ не дьяволъ, а козелъ. Можетъ и козлу нуженъ Иисусъ? Хе? А вамъ Онъ не нуженъ, нѣтъ? И правда не нужна?

Разсерженный и слегка испуганный Өома съ трудомъ вырвался изъ липкихъ объятій Иуды и быстро зашагалъ впередъ, но вскорѣ замедлилъ шаги, стараясь понять происшедшее.

А Иуда тихонько плелся сзади и понемногу отставалъ. Вотъ въ отдаленіи смѣшались въ пеструю кучку идущіе и уже нельзя было рассмотреть, которая изъ этихъ маленькихъ фигурокъ Иисусъ. Вотъ и маленький Өома превратился въ сѣрую точку—и внезапно всѣ пропали за поворотомъ. Оглянувшись, Иуда сошелъ съ дороги и огромными скачками спустился въ глубину каменистаго оврага. Отъ быстрого и порывистаго бѣга платье его раздувалось и руки замывали вверхъ, какъ для полета. Вотъ на обрывѣ онъ поскользнулся и быстро сѣрымъ комкомъ скатился внизъ, обдираясь о камни—вскочилъ и гнѣвно погрозилъ горѣ кулакомъ:

— Ты еще, проклятая!..

И внезапно смѣнивъ быстроту движеній утрумой и сосредоточенной медленностью, выбралъ мѣсто у большого камня и сѣлъ неторопливо. Повернулся, точно ища удобнаго положенія, приложилъ руки ладонь съ ладонью къ сѣрому камню и тяжело прислонился къ нимъ головою. И такъ часъ и два сидѣлъ онъ, не шевелясь и обманывая птицъ, неподвижный и сѣрый, какъ самъ сѣрый камень. И впереди его, и сзади, и со всѣхъ сторонъ поднимались стѣны оврага, острой линіей обрѣвая края синяго неба; и всюду, вшиваясь въ землю, высились огромные сѣрые камни—словно прошелъ здѣсь когда-то каменный дождь и въ безконечной думѣ за-

стыли его тяжелыя капли. И на опрокинутый, обрубленный черепъ похожъ былъ этотъ дико пустынный оврагъ и каждый камень въ немъ былъ, какъ застывшая мысль, и ихъ было много, и всѣ они думали—тяжело, безгранично, упорно.

Вотъ дружелюбно проковылялъ воелгъ Іуда на своихъ шаткихъ ногахъ обманутый скорпионъ. Іуда взглянулъ на него, не отнимая отъ камня головы, и снова неподвижно остановились на чемъ-то его глаза, оба неподвижные, оба покрытые бѣлесомъ странною мутью, оба точно слѣпые и страшно зрячіе. Вотъ изъ земли, изъ камней, изъ расщелинъ стала подниматься спокойная ночная тьма, окутала неподвижнаго Іуду и быстро поползла вверхъ—къ свѣтлому поблѣднѣвшему небу. Наступала ночь съ своими мыслями и снами.

Въ эту ночь Іуда не вернулся на ночлегъ, и ученики, оторванные отъ думъ своихъ, хлопотали о пищѣ и питьѣ, роптали на его нерадивость.

III.

Однажды, около полудня, Іисусъ и ученики Его проходили по каменистой и горной дорогѣ, лишенной тѣни, и такъ какъ уже болѣе пяти часовъ находились въ пути, то началъ Іисусъ жаловаться на усталость. Ученики остановились, и Петръ съ другомъ своимъ Іоанномъ разостлали на землѣ плащи свои и другихъ учениковъ, сверху же укрѣпили ихъ между двумя высокими камнями, и такимъ образомъ сдѣлали для Іисуса какъ бы шатерь. И онъ волегъ въ шатръ, отдыхая отъ солнечнаго зноя, они же развлекали Его веселыми рѣчами и шутками. Но видя, что и рѣчи утомляютъ Его, сами же будучи мало чувствительны къ усталости и жару, удалились на нѣкоторое разстояніе и предались различнымъ занятіямъ. Кто по склону горы между камнями разыскивалъ съѣдобныя корни, и найдя, при-

носилъ Иисусу; кто, взбираясь все выше и выше, искалъ задумчиво границъ голубѣющей дали и, не находя, поднимался на новые островерхіе камни. Іоаннъ нашель между камней красивую, голубенькую ящерицу и въ нѣжныхъ ладоняхъ, тихо смѣясь, принесъ ее Иисусу; и ящерица смотрѣла своими выпуклыми загадочными глазами въ Его глаза, а потомъ быстро скользнула холоднымъ тѣльцемъ по Его теплой рукѣ и быстро унесла куда-то свой нѣжный вадрогивающій хвостикъ.

Петръ же, не любившій тихихъ удовольствій, а съ нимъ и Филиппъ, занялись тѣмъ, что отрывали отъ горы большіе камни и пускали ихъ внизъ, состязаясь въ силѣ. И привлеченные ихъ громкимъ смѣхомъ, по-немногу собрались вокругъ нихъ остальные и приняли участіе въ игрѣ. Напрягаясь, они отдирали отъ земли старый, обросшій камень, поднимали его высоко обѣими руками и пускали по склону. Тяжелый, онъ ударился коротко и тупо и на мгновеніе задумывался; потомъ нерѣшительно дѣлалъ первый скачекъ—и съ каждымъ прикосновеніемъ къ землѣ, беря отъ нея быстроту и крѣпость, становился легкій, свирѣпый, все-сокрушающій. Уже не прыгалъ, а летѣлъ онъ съ оскаленными зубами, и воздухъ, свистя, пропускалъ его тупую, круглую тушу. Вотъ край—плавнымъ послѣднимъ движеніемъ камень вмывалъ кверху и спокойно, въ тяжелой задумчивости округло летѣлъ внизъ, на дно невидимой пропасти.

— Ну-ка, еще одинъ!—кричалъ Петръ. Бѣлые зубы его сверкали среди черной бороды и усовъ, мощная грудь и руки обнажились, и старые сердитые камни, тупо удивляясь поднимающей ихъ силѣ, одинъ за другимъ покорно уносились въ бездну. Даже хрупкій Іоаннъ бросалъ небольшіе камушки—и тихо улыбаясь, смотрѣлъ на ихъ забаву Иисусъ.

— Что же ты, Иуда? Отчего ты не примешь участія

въ игрѣ,—это, повидимому, такъ весело?—спросить Гома, найдя своего страннаго друга въ неподвижности, за большимъ сѣрымъ камнемъ.

— У меня грудь болитъ, и меня не звали.

— А развѣ нужно звать? Ну, такъ вотъ я тебя зову, иди. Посмотри, какіе камни бросаетъ Петръ.

Іуда какъ-то бокомъ взглянулъ на него, и тутъ Гома впервые смутно почувствовалъ, что у Іуды изъ Каріота—два лица. Но не успѣлъ онъ этого понять, какъ Іуда сказалъ своимъ обычнымъ тономъ, льстивымъ и въ то же время насмѣшливымъ:

— Развѣ есть кто-нибудь сильнѣе Петра? Когда онъ кричитъ, всѣ ослы въ Іерусалимѣ думаютъ, что пришелъ ихъ Мессія и тоже поднимаютъ крикъ. Ты слышалъ когда-нибудь ихъ крикъ, Гома?

И привѣтливо улыбаясь и стыдливо запахивая одеждою грудь, поросшую курчавыми рыжими волосами, Іуда вступилъ въ кругъ играющихъ. И такъ какъ всѣмъ было очень весело, то встрѣтили его съ радостію и громкими шутками и даже Іоаннъ снисходительно улыбнулся, когда Іуда, кряхтя и притворно охая, взялся за огромный камень. Но вотъ онъ легко поднялъ его и бросилъ—и слѣпой, широко открытый глазъ его, покачнувшись, неподвижно уставился на Петра, а другой, лукавый и веселый, налился тихимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты еще брось!—сказалъ Петръ обиженно.

И вотъ одинъ за другимъ поднимали они и бросали гигантскіе камни, и, удивляясь, смотрѣли на нихъ ученики. Петръ бросалъ большой камень—Іуда еще больше. Петръ, хмурый и сосредоточенный, гнѣвно вращалъ обломокъ скалы, шатаясь поднималъ его и ронялъ внизъ—Іуда, продолжая улыбаться, отыскивалъ глазомъ еще большій обломокъ, ласково впивался въ него длинными пальцами, облипалъ его, качался вмѣстѣ съ нимъ и, блѣднѣя, посылалъ его въ пропасть. Бросивъ свой камень, Петръ откидывался назадъ и такъ

слѣдилъ за его паденіемъ,—Иуда же наклонялся впередъ, выгибался и простиралъ длинныя шевелящіяся руки, точно самъ хотѣлъ улетѣть за камнемъ. Наконецъ оба они, сперва Петръ, потомъ Иуда, схватились за старый, сѣдой камень—и не могли его поднять, ни тотъ, ни другой. Весь красный, Петръ рѣшительно пошелъ къ Иисусу и громко сказалъ:

— Господи! я не хочу, чтобы Иуда былъ сильнѣе меня. Помоги мнѣ поднять тотъ камень и бросить.

И тихо отвѣтилъ ему что-то Иисусъ. Петръ недовольно пожалъ широкими плечами, но ничего не осмѣлился возразить и вернулся назадъ со словами:

— Онъ сказалъ: а кто поможетъ Искариоту?

Но вотъ взглянулъ онъ на Иуду, который, задыхаясь и крѣпко стиснувъ зубы, продолжалъ еще обнимать упорный камень, и весело засмѣялся:

— Вотъ такъ больной! Посмотрите, что дѣлаетъ нашъ больной, бѣдный Иуда!

И засмѣялся самъ Иуда, такъ неожиданно уличенный въ своей лжи, и засмѣялись всѣ остальные—даже Фома слегка раздвинулъ улыбкой свои прямые, нависшіе на губы, сѣрые усы. И такъ, дружелюбно болтая и смѣясь, всѣ двинулись въ путь, и Петръ, совершенно примирившійся съ побѣдителемъ, время отъ времени подталкивалъ его кулакомъ въ бокъ и громко хохоталъ:

— Вотъ такъ больной!

Всѣ хвалили Иуду, всѣ признавали, что онъ побѣдилъ, всѣ дружелюбно болтали съ нимъ, но Иисусъ—но Иисусъ и на этотъ разъ не захотѣлъ похвалить Иуду. Молча шелъ Онъ впереди, покусывая сорванную травку; и понемногу одинъ за другимъ переставали смѣяться ученики и переходили къ Иисусу. И въ скоромъ времени опять вышло такъ, что всѣ они тѣсною кучкою шли впереди, а Иуда—Иуда побѣдитель—Иуда сильный—одинъ плелся сзади, глотая пыль.

- Вотъ они остановились, и Иисусъ положилъ руку на плечо Петра, другою рукою указывая вдаль, гдѣ уже показался въ дымкѣ Иерусалимъ. И широкая могучая спина Петра бережно приняла эту тонкую загорѣлую руку.

На ночлегъ они остановились въ Визаніи, въ домѣ Лазаря. И когда всѣ собрались для бесѣды, Иуда подумалъ, что теперь вспомнить о его побѣдѣ надъ Петромъ и сѣсть поближе. Но ученики были молчаливы и необычно задумчивы. Образы пройденнаго пути: и солнце, и камень, и трава, и Христосъ, возлежащій въ шатрѣ, тихо плыли въ головѣ, навѣвая мягкую задумчивость, рождая смутныя, но сладкія грезы о какомъ-то вѣчномъ движеніи подъ солнцемъ. Сладко отдыхало утомленное тѣло, и все оно думало о чемъ-то, загадочно прекрасномъ и большемъ—и никто не вспомнилъ объ Іудѣ.

Иуда вышелъ. Потомъ вернулся. Иисусъ говорилъ и въ молчаніи слушали Его рѣчь ученики. Неподвижно, какъ изваяніе, сидѣла у ногъ Его Марія и, закинувъ голову, смотрѣла въ Его лицо. Іоаннъ, придвинувшись близко, старался сдѣлать такъ, чтобы рука его коснулась одежды учителя, но не обезпокоила Его. Коснулась—и замеръ. И громко и сильно дышалъ Петръ, вторя дыханіемъ своимъ рѣчи Иисуса.

Искаріотъ остановился у порога, и, презрительно миновавъ взглядомъ собравшихся, весь огонь его сосредоточилъ на Иисусѣ. И по мѣрѣ того, какъ смотрѣлъ, гасло все вокругъ него, одѣвалось тьмою и безмолвіемъ, и только свѣтился Иисусъ съ своею поднятою рукою. Но вотъ и Онъ словно поднялся въ воздухъ, словно растаялъ и сдѣлался такой, какъ будто весь Онъ состоялъ изъ надозернаго тумана, пронизаннаго свѣтомъ заходящей луны; и мягкая рѣчь Его зазвучала гдѣ-то далеко-далеко и нѣжно. И вглядываясь въ колеблющійся призракъ, вслушиваясь въ нѣжную мелодію далекихъ и призрачныхъ словъ, Иуда забралъ въ желѣзные

пальцы всю душу и въ необъятномъ мракѣ ея, молча, началъ строить что-то огромное. Медленно, въ глубокой тѣмѣ, онъ поднималъ какія-то громады, подобныя горамъ, и плавно накладывалъ одна на другую; и снова поднималъ и снова накладывалъ; и что-то росло во мракѣ, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вотъ куполомъ почувствовалъ онъ голову свою и въ непроглядномъ мракѣ его продолжало расти огромное и кто-то молча работалъ: поднималъ громады, подобныя горамъ, накладывалъ одна на другую и снова поднималъ... И нѣжно звучали гдѣ-то далекія и призрачныя слова.

Такъ стоялъ онъ, загораживая дверь, огромный и черный, и говорилъ Иисусъ, и громко вторило Его словамъ прерывистое и сильное дыханіе Петра. Но вдругъ Иисусъ смолкъ—рѣзкимъ незаконченнымъ звукомъ и Петръ, точно проснувшись, восторженно воскликнулъ:

— Господи! Тебѣ вѣдомы глаголы вѣчной жизни!

Но Иисусъ молчалъ и пристально глядѣлъ куда-то. И когда послѣдовали за Его взоромъ, то увидѣли у дверей окаменѣвшаго Иуду съ раскрытымъ ртомъ и остановившимися глазами. И не понявъ, въ чемъ дѣло, засмѣялись. Матвѣй же, начитанный въ писаніи, притронулся къ плечу Иуды и сказалъ словами Соломона:

— Смотрящій кротко—помилованъ будетъ, а встрѣчающійся въ воротахъ стѣснить другихъ.

Иуда вздрогнулъ и даже вскрикнулъ слегка отъ испуга и все у него: глаза, руки и ноги, точно побѣжало въ разныя стороны—какъ у животного, которое внезапно увидѣло надъ собою глаза человѣка. Прямо къ Иудѣ шель Иисусъ и слово какое-то несъ на устахъ своихъ—и прошелъ мимо Иуды въ открытую и теперь свободную дверь.

Уже въ серединѣ ночи обезпокоенный Ѳома подо-

шелъ къ ложу Іуды, присѣлъ на корточки и спросилъ:

— Ты плачешь, Іуда?

— Нѣтъ. Отойди, Ѳома.

— Отчего же ты стонешь и скрипишь зубами? Ты нездоровъ?

Іуда помолчалъ, и изъ усть его, одно за другимъ, стали падать тяжелыя слова, налитыя тоскою и гнѣвомъ.

— Почему Онъ не любитъ меня? Почему Онъ любить тѣхъ? Развѣ я не красивѣе, не лучше, не сильнѣе ихъ? Развѣ не я спасъ Ему жизнь, пока тѣ бѣжали согнувшись, какъ трусливыя собаки?

— Мой бѣдный другъ, ты не совсѣмъ правъ. Ты вовсе некрасивъ, и языкъ твой такъ же непріятенъ, какъ и твое лицо. Ты лжешь и злословишь постоянно, какъ же ты хочешь, чтобы тебя любилъ Іисусъ!

Но Іуда точно не слышалъ его и продолжалъ, тяжело шевелясь въ темнотѣ:

— Почему Онъ не съ Іудой, а съ тѣми, кто Его не любитъ? Іоаннъ принесъ Ему ящерицу—я принесъ бы Ему ядовитую змѣю. Петръ бросалъ камни—я гору бы повернулъ для Него! Но что такое ядовитая змѣя? Вотъ вырванъ у нея зубъ, и ожерельемъ ложится она вокругъ шеи. Но что такое гора, которую можно срыть руками и ногами потоптать? Я далъ бы Ему Іуду, смѣлаго, прекраснаго Іуду? А теперь Онъ погибнетъ и вмѣстѣ съ Нимъ погибнетъ и Іуда.

— Ты что-то странное говоришь, Іуда!

— Сухая смоковница, которую нужно порубить сѣкирою—вѣдь это я, это обо мнѣ Онъ сказалъ. Почему же Онъ не рубить? Онъ не смѣетъ, Ѳома. Я Его знаю: Онъ боится Іуды! Онъ прячется отъ смѣлаго, сильнаго, прекраснаго Іуды! Онъ любитъ глупыхъ, предателей, лжецовъ. Ты лжець, Ѳома, ты слыхалъ объ этомъ?

Ѳома очень удивился и хотѣлъ возражать, но по-

думалъ, что Иуда просто бранится, и только покачалъ въ темнотѣ головою. И еще сильнѣе затосковалъ Иуда; онъ стоналъ, скрежеталъ зубами и слышно было, какъ спокойно движется подъ покрываломъ все его большое тѣло.

— Что такъ болитъ у Иуды? Кто приложилъ огонь къ его тѣлу? Онъ сына своего отдастъ собакамъ! Онъ дочь свою отдастъ разбойникамъ на поруганіе, невѣсту свою на непотребство. Но развѣ не нѣжное сердце у Иуды? Уйди, Ома, уйди, глупый. Пусть одинъ останется сильный, смѣлый, прекрасный Иуда!

IV.

Иуда утаилъ нѣсколько динаріевъ, и это открылось благодаря Омѣ, который видѣлъ случайно, сколько было дано денегъ. Можно было предположить, что это уже не въ первый разъ Иуда совершаетъ кражу, и всѣ пришли въ негодованіе. Разгнѣванный Петръ схватилъ Иуду за воротъ его платья и почти волокомъ притащилъ къ Иисусу, и испуганный, поблѣднѣвшій Иуда не сопротивлялся.

— Учитель, смотри! Вотъ онъ—шутникъ! Вотъ онъ—воръ! Ты ему повѣрилъ, а онъ крадетъ наши деньги. Воръ! Негодяй! Если Ты позволишь, я самъ...

Но Иисусъ молчалъ. И внимательно взглянувъ на него, Петръ быстро покраснѣлъ и разжалъ руку, державшую воротъ—Иуда стыдливо оправился, искоса поглядѣлъ на Петра и принялъ покорно-угнетенный видъ раскаявшагося преступника.

— Такъ вотъ какъ!—сердито сказалъ Петръ и громко хлопнулъ дверью, уходя. И всѣ были недовольны и говорили, что ни за что не останутся теперь съ Иудой,—но Іоаннъ что-то быстро сообразилъ и проскользнулъ въ дверь, за которою слышался тихій и какъ будто даже ласковый голосъ Иисуса. И когда по прошествіи

времени вышелъ оттуда, то былъ блѣдный и потупленные глаза его краснѣли какъ бы отъ недавнихъ слезъ.

— Учитель сказалъ... учитель сказалъ, что Иуда можетъ брать денегъ, сколько онъ хочетъ.

Петръ сердито засмѣялся. Быстро, съ укоромъ взглянулъ на него Иоаннъ—и внезапно загорѣвшись весь, смѣшивая слезы съ гнѣвомъ, восторгъ со слезами, звонко воскликнулъ:

— И никто не долженъ считать, сколько денегъ получилъ Иуда. Онъ нашъ братъ, и всѣ деньги его какъ и наши, и если ему нужно много, пусть беретъ много, никому не говоря и ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Иуда нашъ братъ и вы тяжело обидѣли его—такъ сказалъ учитель... Стыдно намъ, братья!

Въ дверяхъ стоялъ блѣдный, криво улыбавшійся Иуда и легкимъ движеніемъ Иоаннъ приблизился и трижды поцѣловалъ его. За нимъ, оглядываясь другъ на друга, смущенно подошли Иаковъ, Филиппъ и другіе—и послѣ каждаго поцѣлуя Иуда вытиралъ ротъ, но чмокала громко, какъ будто этотъ звукъ доставлялъ ему удовольствіе. Послѣднимъ подошелъ Петръ.

— Всѣ мы тутъ глухие, всѣ мы слѣпые, Иуда. Одинъ Онъ видитъ, одинъ Онъ умный. Мнѣ можно поцѣловать тебя?

— Отчего же? Цѣлуй!—согласился Иуда.

Петръ крѣпко поцѣловалъ его и на ухо громко сказалъ:

— А я тебя чуть не удушилъ! Они хоть такъ, а я прямо за горло! Тебѣ не больно было?

— Немножко.

— Пойду къ Нему и все расскажу. Вѣдь я и на Него разсердился,—мрачно сказалъ Петръ, стараясь тихонько, безъ шума, отворить дверь.

— А что же ты, Тома?—строго спросилъ Иоаннъ, наблюдавшій за дѣйствіями и словами учениковъ.

— Я еще не знаю. Мнѣ нужно подумать.

И долго думалъ Ѳома, почти весь день. Разошлись по дѣламъ своимъ ученики и уже гдѣ-то за стѣною громко и весело кричалъ Петръ, а онъ все соображалъ. Онъ сдѣлалъ бы это быстрѣе, но ему нѣсколько мѣшалъ Иуда, неотступно слѣдившій за нимъ насмѣшливымъ взглядомъ и изрѣдка серьезно спрашивавшій:

— Ну какъ, Ѳома? Какъ идетъ дѣло?

Потомъ Иуда притащилъ свой денежный ящикъ и громко, звеня монетами и притворно не глядя на Ѳому, сталъ считать деньги.

— Двадцать одинъ, двадцать два, двадцать три... Смотри, Ѳома, опять фальшивая монета. Ахъ, какіе всѣ люди мошенники, они даже жертвуютъ фальшивыя деньги... Двадцать четыре... А потомъ опять скажутъ, что укралъ Иуда... Двадцать пять, двадцать шесть...

Ѳома рѣшительно подошелъ къ нему—уже къ вечеру это было—и сказалъ:

— Онъ правъ, Иуда. Дай я поцѣлую тебя.

— Вотъ какъ? Двадцать девять, тридцать. Напрасно. Я опять буду красть. Тридцать одинъ...

— Какъ же можно красть, когда нѣтъ ни своего, ни чужого. Ты просто будешь братъ, сколько тебѣ нужно, братъ.

— И это столько времени тебѣ понадобилось, чтобы повторить только Его слова? Не дорожишь же ты временемъ, умный Ѳома.

— Ты, кажется, смѣешься надо мною, братъ?

— И подумай, хорошо ли ты поступаешь, добродѣтельный Ѳома, повторяя слова Его. Вѣдь это Онъ сказалъ—„свое“—а не ты. Это Онъ поцѣловалъ меня—вы же только осквернили мнѣ ротъ. Я и до сихъ поръ чувствую, какъ ползаютъ по мнѣ ваши мокрыя губы. Это такъ отвратительно, добрый Ѳома. Тридцать восемь, тридцать девять, сорокъ. Сорокъ динаріевъ. Ѳома, не хочешь ли провѣрить?

— Вѣдь Онъ нашъ учитель. Какъ же намъ не повторять словъ учителя?

— Развѣ отвалился воротъ у Іуды? Развѣ онъ теперь голый и его не за что схватить? Вотъ уйдетъ учитель изъ дому, и опять украдетъ нечаянно Іуда три динарія и развѣ не за тотъ же воротъ вы схватите его?

— Мы теперь знаемъ, Іуда. Мы поняли.

— А развѣ не у всѣхъ учениковъ плохая память? И развѣ не всѣхъ учителей обманывали ихъ ученики? Вотъ поднялъ учитель розгу—ученики кричатъ: мы знаемъ, учитель! А ушелъ учитель спать и говорятъ ученики: не этому ли училъ насъ учитель? И тутъ. Сегодня утромъ ты называлъ меня: воръ. Сегодня вечеромъ ты зовешь меня: братъ. А какъ ты назовешь меня завтра?

Іуда засмѣялся и, легко поднимая рукою тяжелый звенящій ящикъ, продолжалъ:

— Когда дуетъ сильный вѣтеръ, онъ поднимаетъ соръ. И глухие люди смотрятъ на соръ и говорятъ: вотъ вѣтеръ! А это только соръ, мой добрый Ѳома, ослиный пометъ, растоптанный ногами. Вотъ встрѣтилъ онъ стѣну и тихо легъ у подножія ея, а вѣтеръ летитъ дальше, вѣтеръ летитъ дальше, мой добрый Ѳома!

Іуда предупредительно показалъ рукою черезъ стѣну и снова засмѣялся.

— Я радъ, что тебѣ весело,—сказалъ Ѳома.—Но очень жаль, что въ твоей веселости такъ много зла.

— Какъ же не быть веселымъ человѣку, котораго столько цѣловали и который такъ полезенъ? Если бы я не укралъ трехъ динаріевъ, развѣ узналъ бы Іоаннъ, что такое восторгъ? И развѣ не приятно быть крякомъ, на который вывѣшивается для просушки—Іоаннъ свою отсырѣвшую добродѣтель, Ѳома—свой умъ, поѣденный молью?

— Мнѣ кажется, что лучше мнѣ уйти.

— Но вѣдь я же шучу! Я шучу, мой добрый *Том*,— я только хотѣлъ знать, дѣйствительно ли ты желаешь поцѣловать стараго, противнаго *Иуду*, вора, который украсть три динарія и отдалъ ихъ блудницѣ.

— Блудницѣ? — удивился *Том*.— А объ этомъ ты сказалъ учителю?

— Вотъ ты опять сомнѣваешься, *Том*. Да, блудницѣ. Но если бы ты зналъ, *Том*, что это была за несчастная женщина. Уже два дня она ничего не ѣла...

— Ты это знаешь навѣрное?— смутился *Том*.

— Да, конечно. Вѣдь я самъ два дня былъ съ нею и видѣлъ, что она ничего не ѣсть и пьетъ только красное вино. Она пяталась отъ истощенія и я падалъ вмѣстѣ съ нею...

Том быстро всталъ и, уже отойдя на нѣсколько шаговъ, кинулъ *Иудѣ*:

— Повидимому, въ тебя вселился Сатана, *Иуда*.

И уходя, слышалъ въ наступившихъ сумеркахъ, какъ жалобно позванивалъ въ рукахъ *Иуды* тяжелый денежный ящикъ. И какъ будто смѣялся *Иуда*.

Но уже на другой день *Томѣ* пришлось сознаться, что онъ ошибся въ *Иудѣ*—такъ просто, мягко и въ то же время серьезенъ былъ *Искариотъ*. Онъ не кричался, не шутилъ злорѣчиво, не кланялся и не оскорблялъ, но тихо и незамѣтно дѣлалъ свое хозяйственное дѣло. Былъ онъ проворенъ, какъ и прежде—точно не двѣ ноги, какъ у всѣхъ людей, а цѣлый десятокъ имѣлъ ихъ, но бѣгалъ безшумно, безъ писка, воплей и смѣха, похожаго на смѣхъ гѣны, какимъ раньше сопровождалъ онъ всѣ дѣйствія свои. А когда *Иисусъ* начиналъ говорить, онъ тихо усаживался въ углу, складывалъ свои руки и ноги и смотрѣлъ такъ хорошо своими большими глазами, что многіе обратили на это вниманіе. И о людяхъ пересталъ онъ говорить дурное, и больше молчалъ, такъ что самъ строгій *Матвѣй* счелъ возможнымъ похвалить его, сказавъ словами *Соломона*:

— Скудоумный высказываетъ презрѣніе къ ближ-
нему своему; но разумный человѣкъ молчитъ.

И поднявъ палецъ, намекая тѣмъ на прежнее зло-
рѣчіе Іуды. Въ скоромъ времени и всѣ замѣтили въ
Іудѣ эту переменѣ и порадовались ей; и только Іисусъ
все также чуждо смотрѣлъ на него, хотя прямо ни-
чѣмъ не выражалъ своего нерасположенія. И самъ
Іоаннъ, которому Іуда оказывалъ теперь глубокое по-
чтеніе, какъ любимому ученику Іисуса и своему за-
ступнику въ случаѣ съ тремя динаріями, сталъ отно-
ситься къ нему нѣсколько мягче и даже иногда всту-
палъ въ бесѣду.

— Какъ ты думаешь, Іуда,—сказалъ онъ однажды
сниходительно,—кто изъ насъ, Петръ или я, будетъ
первымъ воалѣ Христа въ Его небесномъ царствіи?

Іуда подумалъ и отвѣтилъ:

— Я полагаю, что ты.

— А Петръ думаетъ, что онъ,—усмѣхнулся Іоаннъ.

— Нѣтъ. Петръ всѣхъ ангеловъ разгонитъ своимъ
крикомъ—ты слышишь, какъ онъ кричитъ? Конечно,
онъ будетъ спорить съ тобою и постарается первый
занять мѣсто, такъ какъ увѣряетъ, что тоже любить
Іисуса,—но онъ уже староватъ, а ты молодъ, онъ тя-
желъ на ногу, а ты бѣгаешь быстро, и ты первый вой-
дешь туда со Христомъ. Не такъ ли?

— Да, я не оставлю Іисуса,—согласился Іоаннъ.

И въ тотъ же самый день и съ такимъ же вопро-
сомъ обратился къ Іудѣ Петръ Симоновъ. Но боясь,
что громкій голосъ его будетъ услышанъ другими,
отвелъ Іуду въ самый дальній уголъ, за домъ.

— Такъ какъ же ты думаешь?—тревожно спраши-
валъ онъ.—Ты умный, тебя за умъ самъ учитель хва-
литъ, и ты скажешь правду.

— Конечно ты,—безъ колебанія отвѣтилъ Іскаріотъ;
и Петръ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Я ему говорилъ!

— Но конечно и тамъ онъ будетъ стараться отнять у тебя первое мѣсто.

— Конечно!

— Но что онъ можетъ сдѣлать, когда мѣсто уже будетъ занято тобою? Вѣдь ты первый пойдешь туда съ Иисусомъ? Ты не оставишь Его одного? Развѣ не тебя называлъ Онъ—камень?

Петръ положилъ руку на плечо Иуды и горячо сказалъ:

— Говорю тебѣ, Иуда, ты самый умный изъ насъ. Зачѣмъ только ты такой насмѣшливый и злой? Учитель не любитъ этого. А то вѣдь и ты могъ бы стать любимымъ ученикомъ, не хуже Іоанна. Но только и тебѣ—Петръ угрожающе поднималъ руку—не отдамъ я своего мѣста возлѣ Иисуса, ни на землѣ, ни тамъ! Слышишь!

Такъ старался Иуда доставить всемъ пріятное, но и свое что-то думалъ при этомъ. И оставаясь все тѣмъ же скромнымъ, сдержаннымъ и незамѣтнымъ, каждому умѣлъ сказать то, что ему особенно нравится. Такъ, ѳомѣ онъ сказалъ:

— Глупый вѣрять всякому слову, благоразумный же внимателенъ къ путямъ своимъ.

Матвѣю же, который страдалъ нѣкоторымъ излишествомъ въ пищѣ и питьѣ и стыдился этого, привелъ слова мудраго и почитаемаго имъ Соломона:

— Праведникъ ѣстъ до сытости, а чрево беззаконныхъ терпитъ лишеніе.

Но и пріятное говорилъ рѣдко, тѣмъ самымъ придавая ему особенную цѣнность, а больше молчалъ, внимательно прислушивался ко всему, что говорится, и думалъ о чемъ-то. Размышляющій Иуда имѣлъ, однако, видъ непріятный, смѣшной и въ то же время внушающій страхъ. Пока двигался его живой и хитрый глазъ, Иуда казался простымъ и добрымъ, но когда оба глаза останавливались неподвижно и въ странные

бугры и складки собиралась кожа на его выпукломъ лбу—являлась тягостная догадка о какихъ-то совсѣмъ особенныхъ мысляхъ, ворочающихся подъ этимъ черепомъ. Совсѣмъ чужія, совсѣмъ особенныя, совсѣмъ не имѣющія языка, онѣ глухимъ молчаніемъ тайны окружали размышляющаго Искаріота и хотѣлось, чтобы онѣ поскорѣе начали говорить, шевелиться, даже лгать. Ибо сама ложь, сказанная человѣческимъ явномъ, казалась правдою и свѣтомъ передъ этимъ безнадежно глухимъ и неотзывчивымъ молчаніемъ.

— Опять задумался, Іуда?—кричалъ Петръ, своимъ яснымъ голосомъ и лицомъ внезапно разрывая глухое молчаніе іудинныхъ думъ, отгоняя ихъ куда-то въ темный уголь.—О чемъ ты думаешь?

— О многомъ, — съ покойной улыбкой отвѣчалъ Искаріотъ. И замѣтивъ, вѣроятно, какъ нехорошо дѣйствуетъ на другихъ его молчаніе, чаще сталъ удаляться отъ учениковъ и много времени проводилъ въ уединенныхъ прогулкахъ, или же забирался на плоскую кровлю и тамъ тихонько сидѣлъ. И уже нѣсколько разъ слегка пугался Тома, наткнувшись неожиданно въ темнотѣ на какую-то сѣрую грудку, изъ которой вдругъ высовывались руки и ноги Іуды, и слышался его шутиливый голосъ.

Только однажды Іуда какъ-то особенно рѣзко и странно напомнилъ прежняго Іуду, и произошло это какъ разъ во время спора о первенствѣ въ царствіи небесномъ. Въ присутствіи учителя Петръ и Іоаннъ перекорялись другъ съ другомъ, горячо оспаривая свое мѣсто возлѣ Іисуса; перечисляли свои заслуги, мѣряли степень своей любви къ Іисусу, горячились, кричали, даже бранились несдержанно — Петръ, весь красный отъ гнѣва, рокочущій; Іоаннъ, блѣдный и тихій, съ дрожащими руками и кусающейся рѣчью. Уже непристойнымъ дѣлался ихъ споръ и началъ хму-

рится учитель, когда Петръ взглянулъ случайно на Іуду и самодовольно захохоталъ; взглянулъ на Іуду Іоаннъ и такъ же улыбнулся—каждый изъ нихъ вспомнилъ, что говорилъ ему умный Искаріотъ. И уже предвкушая радость близкаго торжества, они молча и согласо призывали Іуду въ судьи и Петръ закричалъ:

— Ну-ка, умный Іуда! Скажи-ка намъ, кто будетъ первый возлѣ Іисуса—онъ или я?

Но Іуда молчалъ, дышалъ тяжело и глазами жадно спрашивалъ о чемъ-то спокойно-глубокіе глаза Іисуса.

— Да—подтвердилъ снисходительно Іоаннъ—скажи ты ему; кто будетъ первый возлѣ Іисуса.

Не отрывая глазъ отъ Христа, Іуда медленно поднялся и отвѣтилъ тихо и важно:

— Я!

Іисусъ медленно опустилъ взоры. И тихо бія себя въ грудь костлявымъ пальцемъ, Искаріотъ повторилъ торжественно и строго:

— Я! Я буду возлѣ Іисуса!

И вышелъ. Пораженные дерзкой выходкой, ученики молчали и только Петръ, вдругъ вспомнивъ что-то, шепнулъ Ѳомѣ неожиданно тихимъ голосомъ:

— Такъ вотъ о чемъ онъ думаетъ!.. Ты слышалъ?

V.

Какъ разъ въ это время Іуда Искаріотъ совершилъ первый, рѣшительный шагъ къ предательству: тайно посѣтилъ первосвященника Анну. Былъ онъ встрѣченъ очень сурово, но не смутился этимъ и потребовалъ продолжительной бесѣды съ глазу на глазъ. И оставшись наединѣ съ сухимъ и суровымъ старикомъ, презрительно смотрѣвшимъ на него изъ-подъ нависшихъ, тяжелыхъ вѣкъ, рассказалъ, что онъ, Іуда, человѣкъ благочестивый, и въ ученики къ Іисусу Назорею всту-

пилъ съ единственной цѣлью уличить обманщика и предать Его въ руки закона.

— А кто онъ, этотъ Назорей?—пренебрежительно спросилъ Анна, дѣлая видъ, что въ первый разъ слышитъ имя Иисуса.

Иуда также сдѣлалъ видъ, что вѣрить странному невѣдѣнію первосвященника и подробно разсказалъ о проповѣди Иисуса и чудесахъ, о ненависти Его къ фарисеямъ и храму, о постоянныхъ нарушеніяхъ Имъ закона и, наконецъ, о желаніи Его исторгнуть власть изъ рукъ церковниковъ и создать свое особенное царство. И такъ искусно перемѣшивалъ правду съ ложью, что внимательнѣе взглянуть на него Анна и лѣниво сказалъ:

— Мало ли въ Иудеѣ обманщиковъ и безумцевъ?

— Нѣтъ, Онъ опасный человѣкъ,—горячо возразилъ Иуда:—Онъ нарушаетъ законъ. И пусть лучше одинъ человѣкъ погибнетъ, чѣмъ весь народъ.

Анна одобрительно кивнула головою.

— Но у Него, кажется, много учениковъ?

— Да, много.

— И они, вѣроятно, очень любятъ Его?

— Да, они говорятъ, что любятъ. Очень любятъ, больше, чѣмъ себя.

— Но если мы захотимъ взять Его, не вступятся ли они? Не поднимутъ ли они возстанія?

— Иуда засмѣялся продолжительно и зло:

— Они? Эти трусливыя собаки, которыя бѣгутъ, какъ только человѣкъ наклоняется за камнемъ. Они!

— Развѣ они такіе дурные?—холодно спросилъ Анна.

— А развѣ дурные бѣгаютъ отъ хорошихъ, а не хорошіе—отъ дурныхъ? Хе! Они хорошіе—и поэтому побѣгутъ. Они хорошіе—и поэтому они спрячутся. Они хорошіе—и поэтому они явятся только тогда, когда Иисуса надо будетъ класть въ гробъ. И они положатъ Его сами, а ты только казни!

— Но вѣдь они же любятъ Его? Ты самъ сказалъ!

— Своего учителя они всегда любятъ, но больше мертвымъ, чѣмъ живымъ. Когда учитель живъ, онъ можетъ спросить у нихъ урокъ и тогда имъ будетъ плохо. А когда учитель умираетъ, они сами становятся учителями и плохо дѣлается уже другимъ! Хе!

Анна проникательно взглянулъ на Предателя и сухія губы его сморщились—это значило, что Анна улыбается.

— Ты обиженъ ими? Я это вижу.

— Развѣ можетъ укрыться что либо отъ твоей проникательности, мудрый Анна? Ты проникъ въ самое сердце Иуды. Да. Они обидѣли бѣднаго Иуду. Они сказали, что онъ укралъ у нихъ три динарія—какъ будто Иуда не самый честный человекъ въ Израилѣ!

И еще долго говорили они объ Иисусѣ, объ ученикахъ Его, о гибельномъ вліяніи Его на израильскій народъ,—но рѣшительнаго отвѣта не далъ на этотъ разъ осторожный и хитрый Анна. Онъ ужъ давно слѣдилъ за Иисусомъ и на тайныхъ совѣщаніяхъ съ родственниками и друзьями своими, начальниками и саддукеями, уже давно рѣшилъ участь пророка изъ Галилеи. Но онъ не довѣрялъ Иудѣ, о которомъ и раньше слыхалъ, какъ о дурномъ и лживомъ человекѣ, не довѣрялъ его легкомысленнымъ надеждамъ на трусость учениковъ и народа. Въ свою силу Анна вѣрилъ, но боялся кровопролитія, боялся грознаго бунта, на который такъ легко шелъ непокорный и гнѣвливыи народъ іерусалимскій, боялся, наконецъ, суроваго вмѣшательства властей изъ Рима. Раздутая сопротивленіемъ, оплодотворенная красной кровію народа, дающей жизнь всему, на что она падетъ—еще сильнѣе разрастется ересь и въ гибкихъ кольцахъ своихъ задушитъ Анну, и власть и всѣхъ его друзей. И когда во второй разъ постучался къ нему Искаріотъ, Анна смутился духомъ и не принялъ его. Но и въ третій, и въ четвертый разъ пришелъ къ нему Искаріотъ, настойчивый, какъ вѣтеръ,

который и днемъ и ночью стучится въ запертую дверь и дышитъ въ скважины ея.

— Я вижу, что боится чего-то мудрый Анна,—сказалъ Іуда, допущенный, наконецъ, къ первосвященнику.

— Я довольно силенъ, чтобы ничего не бояться,—надменно отвѣтилъ Анна, и Искаріотъ раболѣпно поклонился, простирая руки.—Чего ты хочешь?

— Я хочу предать вамъ Назорея.

— Онъ намъ не нуженъ.

Іуда поклонился и ждалъ, покорно устремивъ свои глаза на первосвященника.

— Ступай.

— Но я долженъ прійти опять. Не такъ ли, почтенный Анна?

— Тебя не пустять. Ступай.

Но вотъ и еще разъ, и еще разъ постучался Іуда изъ Каріота и былъ впущенъ къ престарѣлому Аннѣ. Сухой и злобный, удрученный мыслями, молча глядѣлъ онъ на предателя и точно считалъ волосы на бугроватой головѣ его. Но молчалъ и Іуда—точно и самъ подсчитывалъ волоски въ рѣденькой сѣдой бородкѣ первосвященника.

— Ну? Ты опять здѣсь?—надменно бросилъ, точно плюнулъ на голову, раздраженный Анна.

— Я хочу предать вамъ Назорея.

Оба замолчали, продолжая со вниманіемъ разглядывать другъ друга. Но Искаріотъ смотрѣлъ спокойно, а Анну уже начала покалывать тихая злость, сухая и холодная, какъ предутренній иней зимою.

— Сколько же ты хочешь за твоего Іисуса?

— А сколько вы дадите?

Анна съ наслажденіемъ оскорбительно сказалъ:

— Вы всѣ шайка мошенниковъ. Тридцать серебряниковъ—вотъ сколько мы дадимъ.

И тихо порадовался, видя, какъ весь затрепыхалъ, задвигался, забѣгалъ Іуда—проворный и быстрый, какъ

будто не двѣ ноги, а цѣлый десятокъ ихъ было у него.

— За Иисуса? Тридцать серебряниковъ?—закричалъ онъ голосомъ дикаго изумленія, порадовавшимся Анну.— За Иисуса Назорея! И вы хотите купить Иисуса за тридцать серебряниковъ? И вы думаете, что вамъ могутъ продать Иисуса за тридцать серебряниковъ?

Иуда быстро повернулся къ стѣнѣ и захохоталъ въ ея бѣлое плоское лицо, поднимая длинныя руки:

— Ты слышишь? Тридцать серебряниковъ! За Иисуса!

Съ той же тихой радостью Анна равнодушно замѣтила:

— Если не хочешь, то ступай. Мы найдемъ человѣка, который продастъ дешевле.

И точно торговцы старымъ платьемъ, которые на грязной площади перебрасываютъ съ рукъ на руки негодную ветошь, кричатъ, клянутся и бранятся, они вступили въ горячій и бѣшенный торгъ. Упиваясь страннымъ восторгомъ, бѣгая, вертясь, крича, Иуда по пальцамъ вычислялъ достоинства Того, Кого онъ продаетъ.

— А то, что онъ добръ и исцѣляетъ больныхъ, это такъ уже ничего и не стоитъ по вашему? А? Нѣтъ, вы скажите, какъ честный человѣкъ!

— Если ты...—пробовалъ вставить порозовѣвшій Анна, холодная злость котораго быстро нагрѣвалась на раскаленныхъ словахъ Иуды,—но тотъ беззаастѣнчиво перебивалъ его.

— А то, что Онъ красивъ и молодъ—какъ нарцисъ саронскій, какъ лилія долины? А? Это ничего не стоитъ? Вы, быть можетъ, скажете, что Онъ старъ и никуда не годенъ, что Иуда продаетъ вамъ стараго пѣтуха? А?

— Если ты...—старался кричать Анна, но его старческой голосъ, какъ пухъ вѣтромъ, уносила отчаянно-бурная рѣчь Иуды.

— Тридцать серебряниковъ! Вѣдь это одного обола не выходитъ за кашлю крови! Половины обола не вы-

ходить за слезу! Четверть обола за стонъ! А крики! А судороги! А за то, чтобы Его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись Его глаза? Это даромъ?—вопить Искаріотъ, наступая на первосвященника, всего его одѣвая безумнымъ движеніемъ своихъ рукъ, пальцевъ, крутящихся словъ.

— За все! За все!—задыхался Анна.

— А сами вы сколько наживете на этомъ? Хе? Вы ограбить хотите Іуду, кусокъ хлѣба вырвать у его дѣтей! Я не могу! Я на площадь пойду, я кричать буду: Анна ограбилъ бѣднаго Іуду! Спасите!

Утомленный, совсѣмъ закружившійся Анна бѣшено затопалъ по полу мягкими туфлями и замахалъ руками:

— Вонъ!.. Вонъ!..

Но Іуда вдругъ смиренно согнулся и покорно развелъ руками.

— Но если ты такъ... Зачѣмъ же ты сердиться на бѣднаго Іуду, который желаетъ добра своимъ дѣтямъ? У тебя тоже есть дѣти, прекрасные молодые люди...

— Мы другого... Мы другого... Вонъ!

— Но развѣ я сказалъ, что я не могу уступить? И развѣ я вамъ не вѣрю, что можете прійти другой и отдать вамъ Іисуса за пятнадцать оболовъ? За два обола? За одинъ?

И кланаясь все ниже, извиваясь и лстя, Іуда покорно согласился на предложенныя ему деньги. Дрожащею, сухою рукой порозовѣвшій Анна отдалъ ему деньги и, молча, отвернувшись и жуя губами, ждалъ пока Іуда перепробовалъ на зубахъ всѣ серебряныя монеты. Изрѣдка Анна оглядывался и, точно обжегшись, снова поднималъ голову къ потолку и усиленно жевалъ губами.

— Теперь такъ много фальшивыхъ денегъ,—спокойно пояснилъ Іуда.

— Это деньги, пожертвованныя благочестивыми людьми на храмъ,—сказалъ Анна, быстро оглянувшись

и еще быстрѣе подставивъ глазамъ Иуды свой розоватый лысый затылокъ.

— Но развѣ благочестивые люди умѣютъ отличить фальшивое отъ настоящаго? Это умѣютъ только мошенники.

Полученныя деньги Иуда не отнесъ домой, но выйдя за городъ спряталъ ихъ подъ камнемъ. И назадъ онъ возвращался тихо, тяжелыми и медлительными шагами, какъ раненое животное, медленно уползающее въ свою темную нору послѣ жестокой и смертельной битвы. Но не было своей норы у Иуды, а былъ домъ, и въ этомъ домѣ онъ увидѣлъ Иисуса. Усталый, похудѣвшій, измученный непрерывной борьбою съ фарисеями, стѣною бѣлыхъ, блестящихъ, ученыхъ лбовъ окружавшихъ Его каждодневно въ храмѣ, Онъ сидѣлъ прижавшись щекою къ шершавой стѣнѣ, и повидимому крѣпко спалъ. Въ открытое окно влетали безпокойные звуки города, за стѣною стучалъ Петръ, сбивая для трапезы новый столъ, и напѣвалъ тихую галилейскую пѣсенку,—но Онъ ничего не слышалъ и спалъ спокойно и крѣпко. И это былъ тотъ, кого они купили за тридцать серебряниковъ.

Безшумно продвинувшись впередъ, Иуда съ нѣжной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, съ изумленіемъ вылѣзшаго изъ логовища звѣря, котораго вдругъ очаровалъ бѣленькій цвѣтокъ—тихо коснулся Его мягкихъ волосъ и быстро отдернулъ руку. Еще разъ коснулся—и выползъ безшумно.

— Господи!—сказалъ онъ—Господи!

И выйдя въ мѣсто, куда ходили по нуждѣ, долго плакалъ тамъ, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкалъ воображаемые волосы Иисуса, нашептывалъ тихо что-то нѣжное и смѣшное и скрипѣлъ зубами. Потомъ внезапно пересталъ плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался,

склонивъ на сторону мокрое лицо, похожий на человѣка, который прислушивается. И такъ долго стоялъ онъ тяжелый, рѣшительный и всему чужой, какъ сама судьба.

...Тихою любовью, нѣжнымъ вниманіемъ, ласкою окружилъ Іуда несчастнаго Іисуса въ эти послѣдніе дни Его короткой жизни. Стыдливый и робкій, какъ дѣвушка въ своей первой любви, страшно чуткій и пронизательный, какъ она—онъ угадывалъ малѣйшія невысказанныя желанія Іисуса, проникалъ въ сокровенную глубину Его ощущеній, мимолетныхъ вспышекъ грусти, тяжелыхъ мгновеній усталости. И куда бы ни ступала нога Іисуса, она встрѣчала мягкое, и куда бы ни обращался Его взоръ, онъ находилъ приятное. Раньше Іуда не любилъ Марію Магдалину и другихъ женщинъ, которыя были воалѣ Іисуса, грубо шутили надъ ними и причинялъ мелкія непріятности—теперь онъ сталъ ихъ другомъ, смѣшнымъ и неповоротливымъ союзникомъ. Съ глубокимъ интересомъ разговаривалъ съ ними о маленькихъ, милыхъ привычкахъ Іисуса, подолгу съ настойчивостью спрашивая объ одномъ и томъ же, тайственно совалъ деньги въ руку, въ самую ладонь—и тѣ приносили амбру, благовонное дорогое миро, столь любимое Іисусомъ, и обтирали Его ноги. Самъ покупалъ, отчаянно торгуясь, дорогое вино для Іисуса и потомъ очень сердился, когда почти все его выпивалъ Петръ съ равнодушіемъ человѣка, придающаго значеніе только количеству; и въ каменистомъ Іерусалимѣ, почти во все лишенномъ деревьевъ, цвѣтовъ и зелени, доставалъ откуда-то молоденькіе весенніе цвѣты, зелененькую травку и черезъ тѣхъ же женщинъ передавалъ Іисусу. Самъ приносилъ на рукахъ—первый разъ въ жизни—маленькихъ дѣтей, добывая ихъ гдѣ-то по дворамъ или на улицѣ и принужденно цѣлуя ихъ, чтобы не

плакали; и часто случалось, что къ задумавшемуся Иисусу вдругъ всползало на колѣни что-то маленькое, черненькое съ курчавыми волосами и грязнымъ носикомъ и требовательно искало ласки. И пока оба они радовались другъ на друга, Иуда строго прохаживался въ сторонѣ, какъ суровый тюремщикъ, который самъ весною впустилъ къ заключенному бабочку и теперь притворно ворчить, жалуясь на беспорядокъ.

По вечерамъ, когда вмѣстѣ съ тьмою у оконъ становилась на стражѣ и тревога, Искариотъ искусно заводилъ разговоръ на Галилею, чуждую ему, но милую Иисусу Галилею съ ея тихою водой и зелеными берегами. И до тѣхъ поръ раскачивалъ онъ тяжелаго Петра, пока не просыпались въ немъ заглохшія воспоминанія и въ яркихъ картинахъ, гдѣ все было громко, красочно и густо, не вставала передъ глазами и слухомъ милая галилейская жизнь. Съ жаднымъ вниманіемъ, по-дѣтски полуоткрывъ ротъ, заранѣе смѣясь глазами, слушалъ Иисусъ его порывистую, звонкую, веселую рѣчь и иногда такъ хохоталъ надъ его шутками, что на нѣсколько минутъ приходилось останавливать разговоръ. Но еще лучше, чѣмъ Петръ, рассказывалъ Іоаннъ; у него не было смѣшного и неожиданнаго, но все становилось такимъ задумчивымъ, необыкновеннымъ и прекраснымъ, что у Иисуса показывались на глазахъ слезы и Онъ тихонько вздыхалъ, а Иуда толкалъ въ бокъ Марію Магдалину и съ восторгомъ шепталъ ей:

— Какъ онъ рассказываетъ! Ты слышишь?

— Слышу, конечно.

— Нѣтъ, ты лучше слушай. Вы, женщины, никогда не умѣете хорошо слушать.

Потомъ всѣ тихо расходились спать и Иисусъ нѣжно съ благодарностью цѣловалъ Іоанна и ласково гладилъ по плечу высокаго Петра.

И безъ зависти, съ снисходительнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ Иуда на эти ласки. Что значать всѣ эти раз-

сказы, эти поцѣлуи и вздохи сравнительно съ тѣмъ, что знаетъ онъ, Иуда изъ Каріота, рыжій, безобразный иудей, рожденный среди камней!

VI.

Одною рукою предавая Иисуса, другою рукою Иуда старательно искалъ разстроить свои собственные планы. Онъ не отговаривалъ Иисуса отъ послѣдняго, опаснаго путешествія въ Іерусалимъ, какъ дѣлали это женщины, онъ даже склонялся скорѣе на сторону родственниковъ Иисуса и тѣхъ изъ Его учениковъ, которые побѣду надъ Іерусалимомъ считали необходимою для полнаго торжества дѣла. Но настойчиво и упорно предупреждалъ онъ объ опасности и въ живыхъ краскахъ изображалъ грозную ненависть фарисеевъ къ Иисусу, ихъ готовность пойти на преступленіе и тайно или явно умертвить пророка изъ Галилеи. Каждый день и каждый часъ говорилъ онъ объ этомъ и не было ни одного изъ вѣрующихъ, передъ кѣмъ не стоялъ бы Иуда, поднося грозящій палецъ, и не говорилъ бы предостерегающе и строго:

— Нужно беречь Иисуса! Нужно беречь Иисуса! Нужно заступиться за Иисуса, когда придетъ на то время.

Но безграничная ли вѣра учениковъ въ чудесную силу ихъ учителя, сознаніе ли правоты своей или просто ослѣпленіе — пугливыя слова Иуды встрѣчались улыбкою, а безконечные совѣты вызывали даже ропотъ. Когда Иуда добылъ откуда-то и принесъ два меча, только Петру понравилось это и только Петръ похвалилъ мечи и Иуду, остальные же недовольно сказали:

— Развѣ мы воины, что должны опоясываться мечами? И развѣ Иисусъ не пророкъ, а военачальникъ?

— Но если они захотятъ умертвить Его?

— Они не посмѣютъ, когда увидятъ, что весь народъ идетъ за Нимъ.

— А если посмѣютъ? Тогда что?

Иоаннъ говорилъ пренебрежительно:

— Можно подумать, что только одинъ ты, Иуда, любишь учителя.

И жадно вѣпившись въ эти слова, совсѣмъ не обижаясь, Иуда начиналъ допрашивать торопливо, горячо, съ суровой настойчивостью:

— Но вы Его любите, да?

И не было ни одного изъ вѣрующихъ, приходившихъ къ Иисусу, кого онъ не спросилъ бы неоднократно:

— А ты Его любишь? Крѣпко любишь?

И всѣ отвѣчали, что любятъ.

Онъ часто бесѣдовалъ съ Ѳомой и, поднявъ предохраняюще сухой цѣпкій палецъ съ длиннымъ и грязнымъ ногтемъ, таинственно предупреждалъ его:

— Смотри, Ѳома, близится страшное время. Готовы ли вы къ нему? Почему ты не ваялъ меча, который я принесъ?

Ѳома разсудительно отвѣтилъ:

— Мы люди непривычные къ обращенію съ оружіемъ. И если мы вступимъ въ борьбу съ римскими воинами, то они всѣхъ насъ перебьютъ. Кромѣ того ты принесъ только два меча,—что можно сдѣлать двумя мечами?

— Можно еще достать. Ихъ можно отнять у воиновъ,—нетерпѣливо возразилъ Иуда, и даже серьезный Ѳома улыбнулся сквозь прямые, нависшіе усы:

— Ахъ, Иуда, Иуда! А эти гдѣ ты ваялъ? Они похожи на мечи римскихъ солдатъ?

— Эти я укралъ. Можно было еще украсть, но тамъ закричали—и я убѣжалъ.

Ѳома задумался и печально сказалъ:

— Опять ты поступилъ нехорошо, Иуда. Зачѣмъ ты крадешь?

— Но вѣдь нѣтъ же чужого!

— Да, но завтра воиновъ спросять: а гдѣ ваши мечи? И, не найдя, накажутъ ихъ безъ вины.

И въ послѣдствіи, уже послѣ смерти Иисуса, ученики припоминали эти разговоры Іуды и рѣшили, что вмѣстѣ съ учителемъ хотѣлъ онъ погубить и ихъ, вызвавъ на неравную и убійственную борьбу. И еще разъ прокляли ненавистное имя Іуды изъ Каріота, предателя.

А разсерженный Іуда, послѣ каждаго такого разговора, шелъ къ женщинамъ и плакался передъ ними. И охотно слушали его женщины. То женственное и нѣжное, что было въ его любви къ Иисусу, сблизило его съ ними, сдѣлало его въ ихъ глазахъ простымъ, понятнымъ и даже красивымъ, хотя попрежнему въ его обращеніи съ ними сквозило нѣкоторое пренебреженіе.

— Развѣ это люди?—горько жаловался онъ на учениковъ, довѣрчиво устремляя на Марію свой слѣпой и неподвижный глазъ. — Это же не люди! У нихъ нѣтъ крови въ жилахъ даже на оболъ!

— Но вѣдь ты же всегда говорилъ дурно о людяхъ,—возражала Марія.

— Развѣ я когда-нибудь говорилъ о людяхъ дурно?—удивлялся Іуда.—Ну да, я говорилъ о нихъ дурно, но развѣ не могли бы они быть немного лучше? Ахъ, Марія, глупая Марія, зачѣмъ ты не мужчина и не можешь носить меча!

— Онъ такъ тяжелъ, я не подниму его,—улыбнулась Марія.

— Поднимешь, когда мужчины будутъ такъ плохи. Отдала ли ты Иисусу лилію, которую нашель я въ горахъ? Я всталъ рано утромъ, чтобы найти ее и сегодня было такое красное солнце, Марія! Радъ ли былъ Онъ? Улыбнулся ли Онъ?

— Да, Онъ былъ радъ. Онъ сказалъ, что отъ цвѣтка пахнетъ Галилеей.

— И ты, конечно, не сказала Ему, что это Іуда досталь, Іуда изъ Каріота?

— Ты же просилъ не говорить.

— Нѣтъ, не надо, конечно, не надо, — вдохнулъ Иуда. — Но ты могла проболтаться, вѣдь женщины такъ болтливы. Но ты не проболталась, нѣтъ? Ты была тверда? Такъ, такъ, Марія, ты хорошая женщина. Ты знаешь, у меня гдѣ-то есть жена. Теперь бы я хотѣлъ посмотреть на нее: быть-можетъ, она тоже не плохая женщина. Не знаю. Она говорила: Иуда лгунъ, Иуда Симоновъ злой, и я ушелъ отъ нея. Но, можетъ быть, она и хорошая женщина — ты не знаешь?

— Какъ же я могу знать, когда я ни разу не видала твоей жены?

— Такъ, такъ, Марія. А какъ ты думаешь, тридцать серебряниковъ — это большія деньги? Или нѣтъ, небольшія?

— Я думаю, что небольшія.

— Конечно, конечно. А сколько ты получала, когда была блудницей? Пять серебряниковъ или десять? Ты была дорогая?

Марія Магдалина покраснѣла и опустила голову, такъ что пышные золотистые волосы совсѣмъ закрыли ея лицо: виднѣлся только круглый и бѣлый подбородокъ.

— Какой ты недобрый, Иуда! Я хочу забыть объ этомъ, а ты вспоминаешь.

— Нѣтъ, Марія, этого забывать не надо. Зачѣмъ? Пусть другіе забываютъ, что ты была блудницей, а ты помни. Это другимъ надо поскорѣе забыть, а тебѣ не надо. Зачѣмъ?

— Вѣдь это — грѣхъ.

— Тому страшно, кто грѣха еще не совершалъ. А кто уже совершилъ его, — чего бояться тому? Развѣ мертвый боится смерти, а не живой? А мертвый смѣется надъ живымъ и надъ страхомъ его.

Такъ дружелюбно сидѣли они и болтали по цѣлымъ часамъ — онъ, уже старый, сухой, безобразный со своею

бугроватой головою и дико раздвоившимся лицомъ; она—молодая, стыдливая, нѣжная, очарованная жизнью, какъ сказкою, какъ сномъ.

А время равнодушно протекало, и тридцать серебряниковъ лежали подъ камнемъ, и близился неумолимо страшный день предательства. Уже вступилъ Иисусъ въ Иерусалимъ на ослии и, разстилая одежды по пути Его, привѣтствовалъ Его народъ восторженными криками:

— Осанна! Осанна! Грядый во имя Господне!

И такъ велико было ликованіе, такъ неудержимо въ крикахъ рвалась къ небу любовь, что плакалъ Иисусъ, а ученики Его говорили гордо:

— Не сынъ ли это Божій съ нами?

И сами кричали торжествующе:

— Осанна, Осанна! Грядый во имя Господне!

Въ тотъ вечеръ долго не отходили ко сну, вспоминая торжественную и радостную встрѣчу, а Петръ былъ, какъ сумасшедшій, какъ одержимый бѣсомъ веселія и гордости. Онъ кричалъ, заглушая всѣ рѣчи своимъ лвинымъ рыканіемъ, хохоталъ, бросая свой хохоть на головы, какъ круглые, большіе камни, цѣловалъ Иоанна, цѣловалъ Іакова и даже поцѣловалъ Іуду. И сознался шумно, что онъ очень боялся за Иисуса, а теперь ничего не боится, потому что видѣлъ любовь народа къ Иисусу. Удивленно, быстро двигая живымъ и зоркимъ глазомъ, смотрѣлъ по сторонамъ Искаріотъ; задумывался и вновь слушалъ и смотрѣлъ; потомъ отвелъ въ сторону Θому и, точно прикалывая его къ стѣнѣ своимъ острымъ взоромъ, спросилъ въ недоумѣніи, страхѣ и какой-то смутной надеждѣ:

— Θома! А что, если Онъ правъ? Если камни у Него подъ ногами, а у меня подъ ногою—песокъ только. Тогда что?

— Про кого ты говоришь?—освѣдомился Θома.

— Какъ же тогда Іуда изъ Каріота? Тогда я самъ

долженъ удушить Его, чтобы сдѣлать правду. Кто обманываетъ Иуду: вы или самъ Иуда? Кто обманываетъ Иуду? Кто?

— Я тебя не понимаю, Иуда. Ты говоришь очень непонятно. Кто обманываетъ Иуду? Кто правъ?

И покачивая головою, Иуда повторилъ, какъ эхо:

— Кто обманываетъ Иуду? Кто правъ?

И на другой еще день, въ томъ, какъ поднималъ Иуда руку съ откинутымъ большимъ пальцемъ, какъ онъ смотрѣлъ на Θому, звучалъ все тотъ же странный вопросъ:

— Кто обманываетъ Иуду? Кто правъ?

И еще больше удивился и даже обезпокоился Θома, когда вдругъ ночью зазвучалъ громкій и какъ будто радостный голосъ Иуды: .

— Тогда не будетъ Иуды изъ Каріота. Тогда не будетъ Исуса. Тогда будетъ... Θома, глупый Θома! Хотѣлось ли тебѣ когда-нибудь взять землю и поднять ее? И, можетъ быть, бросить потомъ.

— Это невозможно. Что ты говоришь, Иуда!

— Это возможно,—убѣжденно сказалъ Искариотъ.—

И мы ее поднимемъ когда-нибудь, когда ты будешь спать, глупый Θома. Спи! Мнѣ весело, Θома! Когда ты спишь, у тебя въ носу играетъ галилейская свирѣль. Спи!

Но вотъ уже разошлись по Іерусалиму вѣрующіе и скрылись въ домахъ, за стѣнами, и загадочны стали лица встрѣчныхъ. Погасло ликование. И уже смутные слухи объ опасности поползали въ какія-то щели; пробовалъ сумрачный Петръ подаренный ему Иудою мечъ и все печальнѣе и строже становилось лицо учителя. Такъ быстро пробѣгало время и неумолимо приближалось страшный день предательства. Вотъ прошла и послѣдняя вечера, полная печали и смутнаго страха, и уже прозвучали неясныя слова Исуса о комъ-то, кто предастъ Его.

— Ты знаешь, кто Его предасть?—спрашивалъ Ѳома, смотря на Іуду своими прямыми и ясными, почти прозрачными глазами.

— Да, знаю,—отвѣтилъ Іуда, суровый и рѣшительный.—Ты, Ѳома, предашь Его. Но Онъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ! Пора! Пора! Почему Онъ не зоветъ къ себѣ сильнаго, прекраснаго Іуду?

... Уже не днями, а короткими быстро летящими часами мѣрялось неумолимое время. И былъ вечеръ, и вечерняя тишина была, и длинныя тѣни ложились по землѣ—первыя острыя стрѣлы грядущей ночи великаго боя, когда прозвучалъ печальный и суровый голосъ. Онъ говорилъ:

— Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать Тебя въ руки твоихъ враговъ.

И было долгое молчаніе, тишина вечера и острыя, черныя тѣни.

— Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мнѣ идти?

И снова молчаніе.

— Позволь мнѣ остаться. Но ты не можешь? Или не смѣешь? Или не хочешь?

И снова молчаніе, огромное, какъ глаза вѣчности.

— Но вѣдь ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты все знаешь. Зачѣмъ ты такъ смотришь на Іуду? Велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя—меньше? Поведи мнѣ остаться!.. Но Ты молчишь, Ты все молчишь? Господи, Господи, затѣмъ ли въ тоскѣ и мукахъ искалъ я Тебя всю мою жизнь, искалъ и нашелъ! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжеле горъ и свинца. Развѣ Ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды изъ Каріота?

И послѣднее молчаніе, бездонное, какъ послѣдній взглядъ вѣчности.

— Я иду.

Даже не проснулась вечерняя тишина, не закричала

и не заплакала она, и не зазвенѣла тихимъ звономъ своего тонкаго стекла—такъ слабъ былъ шумъ удалявшихся шаговъ. Прошумѣли и смолкли. И задумалась вечерняя тишина, протянулась длинными тѣнями, потемнѣла—и вдругъ вздохнула вся шелестомъ тоскливо взметнувшихся листьевъ, вздохнула и замерла, встрѣчая ночь.

Затолклись, захлопали, застучали другіе голоса — точно развязалъ кто-то мѣшокъ съ живыми звонкими голосами и они попадали оттуда на землю, по одному, по два, цѣлой кучей. Это говорили ученики. И покрывая ихъ всѣхъ, стучаясь о деревья, о стѣны, падая на самого себя, загремѣлъ рѣшительный и властный голосъ Петра—онъ клялся, что никогда не оставитъ Учителя своего.

— Господи!—говорилъ онъ съ тоскою-гнѣвомъ.— Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть идти.

И тихо, какъ мягкое эхо чьихъ-то удалившихся шаговъ, прозвучалъ безошадный отвѣтъ:

— Говорю тебѣ, Петръ, не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься отъ меня.

VII.

Уже встала луна, когда Іисусъ собрался идти на гору Елеонскую, гдѣ проводилъ Онъ всѣ послѣднія ночи свои. Но непонятно медлилъ Онъ и ученики, готовые тронуться въ путь, торопили Его; тогда Онъ сказалъ внезапно:

— Кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, такъ же и суму; а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ. Ибо сказываю вамъ, что должно исполниться на Мнѣ и этому написанному: и къ злодѣямъ причтенъ.

Ученики удивились и смотрѣли другъ на друга съ смущеніемъ. Петръ же отвѣтилъ:

— Господи! вотъ здѣсь два меча.

Онъ взглянулъ испытующе на ихъ добрыя лица, опустилъ голову и сказалъ тихо:

— Довольно.

Звонко отдавались въ узкихъ улицахъ шаги идущихъ—и пугались ученики звука шаговъ своихъ; на бѣлой стѣнѣ, озаренной луною, выростали ихъ черныя тѣни—и тѣней своихъ пугались они. Такъ молча проходили они по спящему Иерусалиму, и вотъ уже за ворота города они вышли, и въ глубокой лощинѣ, полной загадочно неподвижныхъ тѣней, открылся имъ Кедронскій потокъ. Теперь ихъ пугало все. Тихое журчаніе и плескъ воды на камняхъ казался имъ голосами подкрадывающихся людей; уродливыя тѣни скалъ и деревьевъ, преграждавшія дорогу, беспокоили ихъ пестротою своею, и движеніемъ казалась ихъ ночная неподвижность. Но по мѣрѣ того, какъ поднимались они въ гору и приближались къ Геосиманскому саду, гдѣ въ безопасности и тишинѣ уже провели столько ночей, они дѣлались смѣлѣе. Изрѣдка оглядываясь на оставленный Иерусалимъ, весь бѣлый подъ луною, они разговаривали между собою о минувшемъ страхѣ; и тѣ, которые шли сзади, слышали отрывочно тихія слова Иисуса. О томъ, что всѣ покинуть Его, говорилъ Онъ.

Въ саду, въ началѣ его они остановились. Большая часть остались на мѣстѣ и съ тихимъ разговоромъ начали готовиться ко сну, разстилая плащи въ прозрачномъ кружевѣ тѣней и луннаго свѣта. Иисусъ же, томимый безпокойствомъ, и четверо Его ближайшихъ учениковъ, пошли дальше въ глубину сада. Тамъ сѣли они на землѣ, неостывшей еще отъ дневного жара и, пока Иисусъ молчалъ, Петръ и Іоаннъ лѣниво перекидывались словами, почти лишенными смысла. Зѣвая отъ усталости, они говорили о томъ, какъ холодна ночь и о томъ, какъ дорого мясо въ Иерусалимѣ, рыбы же со-всѣмъ нельзя достать. Старались точнымъ числомъ

опредѣлить количество паломниковъ, собравшихся къ прааднику въ городъ, и Петръ, громкою зѣвотою растягивая слова, говорилъ, что двадцать тысячъ, а Іоаннъ и братъ его Іаковъ увѣряли такъ же лѣниво, что не болѣе десяти. Вдругъ Іисусъ быстро поднялся.

— Душа моя скорбитъ смертельно. Побудьте здѣсь и бодрствуйте,—сказалъ Онъ и быстрыми шагами удалился въ чашу и скоро пропалъ въ неподвижности тѣней ея и свѣта.

— Куда Онъ?—сказалъ Іоаннъ, приподнявшись на локтѣ. Петръ повернулъ голову вслѣдъ ушедшему и утомленно отвѣтилъ:

— Не знаю.

И, еще разъ громко зѣвнувъ, опрокинулся на спину и затихъ. Затихли и остальные и крѣпкій сонъ здоровой усталости охватилъ ихъ неподвижныя тѣла. Сквозь тяжелую дрему Петръ видѣлъ смутно что-то бѣлое, наклонившееся надъ нимъ, и чей-то голосъ прозвучалъ и погасъ, не оставивъ слѣда въ его помраченномъ сознаніи:

— Симонъ, ты спишь?

И опять онъ спалъ, и опять какой-то тихій голосъ коснулся его слуха и погасъ, не оставивъ слѣда:

— Такъ ли и одного часа не могли вы бодрствовать со Мною?

„Ахъ, Господи, если бы Ты зналъ, какъ мнѣ хочется спать“,—подумалъ онъ въ полуснѣ, но ему показалось, что сказалъ онъ это громко. И снова онъ уснулъ, и много какъ будто прошло времени, когда внезапно выросла около него фигура Іисуса и громкій, будящій голосъ мгновенно отрезвилъ его и остальныхъ:

— Вы все еще спите и поживаете? Конечно, пришелъ часъ—вотъ предается сынъ человѣческій въ руки грѣшниковъ.

Ученики быстро вскочили на ноги, растерянно хватая свои плащи и дрожа отъ холода внезапнаго про-

бужденія. Сквозь чащу деревьевъ, озаряя ихъ бѣгущимъ огнемъ факеловъ, съ топотомъ и шумомъ, въ лязгѣ оружія и хрустѣ ломающихся вѣтокъ приближалась толпа воиновъ и служителей храма. А съ другой стороны прибѣгали трясущіеся отъ холода ученики, съ испуганными, заспанными лицами, и еще не понимая въ чемъ дѣло, торопливо спрашивали:

— Что это? Что это за люди съ факелами?

Блѣдный Ѳома, со сбившимся на сторону прямымъ усомъ, зябко ляскалъ зубами и говорилъ Петру:

— Повидимому, это пришли за нами.

Вотъ толпа воиновъ окружила ихъ и дымный, тревожный блескъ огня отогналъ куда-то въ стороны и вверхъ тихое сіяніе луны. Впереди воиновъ торопливо двигался Иуда изъ Каріота и, остро ворочая живымъ глазомъ своимъ, разыскивалъ Иисуса. Нашелъ Его, на мигъ остановился взоромъ на Его высокой, тонкой фигурѣ и быстро шепнулъ служителямъ:

— Кого я поцѣлую, Тотъ и есть. Возьмите Его и ведите осторожно. Но только осторожно—вы слышали?

Затѣмъ быстро продвинулся къ Иисусу, ожидавшему его молча, и погрузилъ, какъ ножъ, свой прямой и острый взглядъ въ Его спокойные, потемнѣвшіе глаза.

— Радуйся, Равви!—сказалъ онъ громко, вкладывая странный и грозный смыслъ въ слова обычнаго привѣтствія.

Но Иисусъ молчалъ—и съ ужасомъ глядѣли на предателя ученики, не понимая, какъ можетъ столько зла вмѣстить въ себя душа человѣка. Быстрымъ взглядомъ окинулъ Искаріотъ ихъ смятенные ряды, замѣтилъ трепеть, готовый перейти въ громко ляскающую дрожь испуга, замѣтилъ блѣдность, бессмысленныя улыбки, вялыя движенія рукъ, точно стянутыхъ желѣзомъ у предплечья—и зажглась въ его сердцѣ смертельная скорбь, подобная той, какую испыталъ передъ этимъ Христосъ. Вытянувшись въ сотню громко звенящихъ,

рыдающихъ струнъ, онъ быстро рванулся къ Иисусу— и нѣжно поцѣловаль Его холодную щеку. Такъ тихо, такъ нѣжно, съ такой мучительной любовью и тоской, что будь Иисусъ цвѣткомъ на тоненькомъ стебелькѣ— онъ не колыхнулъ бы его этимъ поцѣлуемъ и жемчужной росы не сронилъ бы съ чистыхъ лепестковъ.

— Иуда! — сказали Иисусъ и молніей своего взора освѣтилъ ту чудовищную грудь насторожившихся тѣней, что была душой Искариота, — но въ бездонную глубину ея не могъ проникнуть. — Иуда! Цѣлованіемъ ли предаешь сына человѣческаго?

И видѣлъ, какъ дрогнулъ и пришелъ въ движеніе весь этотъ чудовищный хаосъ. Безмолвнымъ и строгимъ, какъ смерть въ своемъ гордомъ величіи, стоялъ Иуда изъ Каріота, а внутри его все стонало, гремѣло и выло тысячью буйныхъ и огненныхъ голосовъ:

„Да! Цѣлованіемъ любви предаемъ мы Тебя! Цѣлованіемъ любви предаемъ мы Тебя на поруганіе, на истязанія, на смерть! Голосомъ любви скликаемъ мы палачей изъ темныхъ норъ, и ставимъ крестъ — и высоко надъ теменемъ земли мы поднимаемъ на крестѣ любовью распятую любовь“.

Такъ стоялъ Иуда безмолвный и холодный, какъ смерть, а крику души его отвѣчали крики и шумъ, поднявшіеся вокругъ Иисуса. Съ грубой нерѣшительностью вооруженной силы, съ неловкостью смутно понимаемой цѣли, уже хватали Его за руки солдаты и тащили куда-то — свою нерѣшительность принимая за сопротивленіе, свой страхъ за насмѣшку надъ ними и надѣвательство. Какъ кучка испуганныхъ ягнятъ, тѣснились ученики, ничему не препятствуя, но всѣмъ мѣшая, и даже самимъ себѣ; и только немногіе рѣшались ходить и дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ. Толкаемый со всѣхъ сторонъ, Петръ Симоновъ съ трудомъ, точно потерявъ всѣ свои силы, извлекъ изъ ноженъ мечъ и слабо, косымъ ударомъ опустилъ его на голову одного

изъ служителей,—но никакого вреда не причинилъ. И замѣтившій это Иисусъ приказалъ ему бросить ненужный мечъ, и, слабо звякнувъ, упало подъ ноги желѣзо, столь видимо лишенное своей колющей и убивающей силы, что никому не пришло въ голову поднять его. Такъ и валялось оно подъ ногами, и много дней спустя нашли его на томъ же мѣстѣ играющія дѣти и сдѣлали его своей забавой.

Солдаты распахивали учениковъ, а тѣ вновь собирались и тупо лѣзали подъ ноги, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не овладѣла солдатами презрительная ярость. Вотъ одинъ изъ нихъ, насупивъ брови, двинулся къ кричащему Іоанну; другой грубо столкнулъ съ своего плеча руку Ѳомы, въ чемъ-то убѣждавшаго его, и къ самымъ прямымъ и прозрачнымъ глазамъ его поднесъ огромный кулакъ — и побѣждалъ Іоаннъ, и побѣждалъ Ѳома и Іаковъ, и всѣ ученики, сколько ни было ихъ здѣсь, оставивъ Иисуса, бѣжали. Теряя плащи, ушибаясь о деревья, натыкаясь на камни и падая, они бѣжали въ горы, гонимые страхомъ, и въ тишинѣ лунной ночи звонко гудѣла земля подъ топотомъ многочисленныхъ ногъ. Кто-то неизвѣстный, по видимому, только что вставшій съ постели, ибо былъ покрытъ онъ только однимъ одѣяломъ, возбужденно сновалъ въ толпѣ воиновъ и служителей. Но когда его хотѣли задержать и схватили за одѣяло, онъ испуганно вскрикнулъ и бросился бѣжать, какъ и другіе, оставивъ свою одежду въ рукахъ солдатъ. Такъ совершенно голый бѣжалъ онъ отчаянными скачками, и нагое тѣло его странно мелькало подъ луною.

Когда Иисуса увели, вышелъ изъ-за деревьевъ притаившійся Петръ и въ отдаленіи послѣдовалъ за учителемъ. И увидя впереди себя другого человѣка, шедшаго молча, подумалъ, что это Іоаннъ и тихо окликнулъ его:

— Іоаннъ, это ты?

— А это ты, Петръ?—отвѣтилъ тотъ, остановившись, и по голосу Петръ призналъ въ немъ Предателя.— Почему же ты, Петръ, не убѣжалъ вмѣстѣ съ другими?

Петръ остановился и съ отвращеніемъ произнесъ:

— Отойди отъ меня, сатана!

Иуда засмѣялся и, не обращая болѣе вниманія на Петра, пошелъ дальше, туда, гдѣ дымно сверкали факелы и лязгъ оружія смѣшивался съ отчетливымъ звукомъ шаговъ. Двинулся осторожно за нимъ и Петръ, и такъ почти одновременно вошли они во дворъ первосвященника и вмѣшались въ толпу служителей, грѣвшихся у костровъ. Хмуро грѣлъ надъ огнемъ свои костлявыя руки Иуда и слышалъ, какъ гдѣ-то позади него громко заговорилъ Петръ:

— Нѣтъ, я не знаю Его.

Но тамъ, очевидно, настаивали на томъ, что онъ изъ учениковъ Иисуса, потому что еще громче Петръ повторилъ:

— Да нѣтъ же, я не понимаю, что вы говорите!

Не оглядываясь и нехотя улыбаясь, Иуда мотнулъ утвердительно головой и пробормоталъ:

— Такъ, такъ, Петръ! Никому не уступай своего мѣста возлѣ Иисуса!

И не видѣлъ онъ, какъ ушелъ со двора перепуганный Петръ, чтобы не показываться болѣе. И съ этого вечера до самой смерти Иисуса не видѣлъ Иуда вблизи Его ни одного изъ учениковъ; и среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданій—Тотъ, Кого предали на поруганіе и муки, и тотъ, кто Его предалъ. Изъ одного кубка страданій, какъ братья, пили они оба, Преданный и Предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистыя и нечистыя уста.

Пристально глядя на огонь костра, наполнявшій глаза ощущеніемъ жара, протягивая къ огню длинныя шевелящіяся руки, весь безформенный въ путаницѣ

рукъ и ногъ, дрожащихъ тѣней и свѣта, Искаріотъ бормоталъ жалобно и хрипло:

— Какъ холодно! Боже мой, какъ холодно!

Такъ, вѣроятно, когда уѣзжаютъ ночью рыбаки, оставивъ на берегу тлѣющей костеръ—изъ темной глубины моря вылѣзаетъ нѣчто, подползаетъ къ огню, смотреть на него пристально и дико, тянется къ нему всѣми членами своими и бормочетъ жалобно и хрипло:

— Какъ холодно! Боже мой, какъ холодно!

Вдругъ за своей спиной Іуда услышалъ взрывъ громкихъ голосовъ, крики и смѣхъ солдатъ, полные знакомой, сонно-жадной злобы, и хлесткіе, короткіе и частые удары по живому тѣлу. Обернулся, пронизанный мгновенной болью всего тѣла, всѣхъ костей—это били Иисуса.

Такъ вотъ оно!

Видѣлъ, какъ солдаты увели Иисуса къ себѣ, въ караульню. Ночь проходила, гасли костры и покрывались пепломъ, а изъ караульни все еще неслись глухіе крики, смѣхъ и ругательства. Это били Иисуса. Точно заблудившись, Искаріотъ проворно бѣгалъ по обезлюдѣвшему двору, останавливался съ разбѣга, поднималъ голову и снова бѣжалъ, удивленно натываясь на костры, на стѣны. Потомъ прилипалъ къ стѣнѣ караульни и, вытягиваясь, присасывался къ окну, къ щелямъ дверей и жадно разглядывалъ, что дѣлается тамъ. Видѣлъ тѣсную, душную, комнату, грязную, какъ всѣ караульни въ мірѣ, съ заплываннымъ поломъ и такими замасленными, запятнанными стѣнами, точно по нимъ ходили или валялись. И видѣлъ человѣка, котораго били. Его били по лицу, по головѣ, перебивали, какъ мягкій тюкъ, съ одного конца на другой; и такъ какъ Онъ не кричалъ и не сопротивлялся, то минутами, послѣ напряженного смотрѣнія, дѣйствительно начинало казаться, что это не живой человѣкъ,

а какая-то мягкая кукла, безъ костей и крови. И выгибалась она странно, какъ кукла, и когда при паденіи ударялась головой о камни пола, то не было впечатлѣнія удара твердымъ о твердое, а все то же мягкое, безболѣзненное. И когда долго смотрѣть, то становилось похоже на какую-то безконечную, странную игру—иногда до полного почти обмана. Послѣ одного сильнаго толчка человѣкъ или кукла опустился плавнымъ движеніемъ на колѣни къ сидящему солдату; тотъ въ свою очередь оттолкнулъ и оно, перевернувшись, сѣло къ слѣдующему, и такъ еще и еще. Поднялся сильный хохотъ и Иуда такъ же улыбнулся—точно чья-то сильная рука желѣзными пальцами разодрала ему ротъ. Это былъ обмануть ротъ Иуды.

Ночь тянулась и костры еще тлѣли. Иуда отвалился отъ стѣны и медленно прибрелъ къ одному изъ костровъ, раскопалъ уголь, поправилъ его и, хотя холода теперь не чувствовалъ, протянулъ надъ огнемъ слегка дрожащія руки. И забормоталъ тоскливо:

— Ахъ, больно, очень больно, сыночекъ мой, сыночекъ, сыночекъ. Больно, очень больно!..

Потомъ опять пошелъ къ окну, желтѣющему тусклымъ огнемъ въ прорѣзѣ частой рѣшетки, и снова сталъ смотрѣть, какъ бьютъ Иисуса. Одинъ разъ передъ самыми глазами Иуды промелькнуло Его смуглое, теперь обезображенное лицо въ чашѣ спутавшихся волосъ. Вотъ чья-то рука впиалась въ эти волосы, повалила человѣка и равномерно переворачивая голову съ одной стороны на другую, стала лицомъ Его вытирать заплеванный полъ. Подъ самымъ окномъ спалъ солдатъ, открывъ ротъ съ бѣлыми блестящими зубами; вотъ чья-то широкая спина съ толстой, голой шеей загородила окно и больше ничего уже не видно. И вдругъ стало тихо.

Что это? Почему они молчатъ? Вдругъ они догадались?

Мгновенно вся голова Иуды, во всёхъ частяхъ своихъ, наполняется гуломъ, крикомъ, ревомъ тысячъ взбѣсившихся мыслей. Они догадались? Они поняли, что это — самый лучший человекъ — это такъ просто, такъ ясно? Что тамъ теперь? Стоять передъ Нимъ на колѣняхъ и плачутъ тихо, цѣлуя Его ноги. Вотъ выходитъ Онъ сюда, а за Нимъ ползутъ покорно тѣ — выходитъ сюда, къ Иудѣ, выходитъ побѣдителемъ, мужемъ, властелиномъ правды, богомъ...

— Кто обманываетъ Иуду? Кто правъ?

Но нѣтъ. Опять крикъ и шумъ. Бьютъ опять. Не поняли, не догадались и бьютъ еще сильнѣе, еще больнѣе бьютъ. А костры догораютъ, покрываясь пепломъ, и дымъ надъ ними такъ же прозрачно синь, какъ и воздухъ, и небо такъ же свѣтло, какъ и луна. Это наступаетъ день.

— Что такое день? — спрашиваетъ Иуда.

Вотъ все загорѣлось, засверкало, помолодѣло, и дымъ наверху уже не синій, а розовый. Это восходитъ солнце.

— Что такое солнце? — спрашиваетъ Иуда.

VIII.

На Иуду показывали пальцами и, нѣкоторые презрительно, другіе съ ненавистью и страхомъ говорили:

— Смотрите: это Иуда Предатель!

Это уже начиналась поворная слава его, на которую обрекъ онъ себя во вѣки. Тысячи лѣтъ пройдутъ, народы смѣнятся народами, а въ воздухѣ все еще будутъ звучать слова, произносимыя съ презрѣніемъ и страхомъ добрыми и злыми:

— Иуда Предатель... Иуда Предатель!..

Но онъ равнодушно слушалъ то, что говорили про него, поглощенный чувствомъ всепобѣждающаго жгучаго любопытства. Съ самаго утра, когда вывели изъ караульни избитаго Иисуса, Иуда ходилъ за Нимъ и

какъ-то странно не ощущалъ ни тоски, ни боли, ни радости—одно только непобѣдимое желаніе все видѣть и все слышать. Хотя не спалъ всю ночь, но тѣло свое чувствовалъ легкимъ; когда его не пропускали впередъ, тѣснили, онъ расталкивалъ народъ толчками и проворно вылѣзалъ на первое мѣсто; и ни минуты не оставался въ покоѣ его живой и быстрый глазъ. При допросѣ Иисуса Каиафой, чтобы не пропустить ни одного слова, онъ оттопыривалъ рукою ухо и утвердительно моталъ головою, бормоча:

— Такъ! Такъ! Ты слышишь, Иисусъ!

Но свободнымъ онъ не былъ—какъ муха, привязанная на нитку: жужжа летаетъ она туда и сюда, но ни на одну минуту не оставляетъ ее послушная и упорная нитка. Какія-то каменные мысли лежали въ затылкѣ у Иуды и къ нимъ онъ былъ привязанъ крѣпко; онъ не зналъ, какъ будто, что это за мысли, не хотѣлъ ихъ трогать, но чувствовалъ ихъ постоянно. И минутами онъ вдругъ надвигались на него, насѣдали, начинали давить всею своею невообразимой тяжестью—точно сводъ каменной пещеры медленно и страшно опускался на его голову. Тогда онъ хватался рукою за сердце, старался шевелиться весь, какъ озябшій и спѣшилъ перевести глаза на новое мѣсто, еще на новое мѣсто. Когда Иисуса выводили отъ Каиафы, онъ совсѣмъ близко встрѣтилъ его утомленный взоръ и какъ-то не отдавая отчета, нѣсколько разъ дружелюбно кивнулъ головою,

— Я здѣсь, сынокъ, здѣсь!—пробормоталъ онъ торопливо, и со злобой толкнулъ въ спину какого-то ротозѣя, стоявшаго ему на дорогѣ. Теперь огромной, крикливой толпою всѣ двигались къ Пилату, на послѣдній допросъ и судъ, и съ тѣмъ же невыносимымъ любопытствомъ Иуда быстро и жадно разглядывалъ лица все прибывавшаго народа. Многіе были совершенно незнакомы, ихъ никогда не видѣлъ Иуда, но встрѣчались

и тѣ, которые кричали Иисусу „Осанна!“ и съ каждымъ шагомъ количество ихъ какъ будто возросло.

— Такъ, такъ!—быстро подумалъ Іуда и голова его закружилась, какъ у пьянаго.—Все кончено. Вотъ сейчасъ закричатъ они: это—нашъ, это Иисусъ, что вы дѣлаете? и всѣ поймутъ и...

Но вѣрующіе шли молча. Одни притворно улыбались, дѣлая видъ, что все это не касается ихъ; другіе что-то сдержанно говорили, но въ гулѣ движенія, въ громкихъ и изступленныхъ крикахъ враговъ Иисуса безслѣдно тонули ихъ тихіе голоса. И опять стало легко. Вдругъ Іуда замѣтилъ невдалекѣ осторожно пробираващагося Ѳому и, что-то быстро придумавъ, хотѣлъ къ нему подойти. При видѣ предателя Ѳома испугался и хотѣлъ скрыться, но въ узенькой, грязной улочкѣ, между двухъ стѣнъ, Іуда нагналъ его.

— Ѳома! Да погоди же!

Ѳома остановился и, протягивая впередъ обѣ руки, торжественно произнесъ:

— Отойди отъ меня, сатана.

Искаріотъ нетерпѣливо махнулъ рукою.

— Какой ты глупый, Ѳома, я думалъ, что ты умнѣе другихъ. Сатана! Сатана! вѣдь это надо доказать.

Опустивъ руки, Ѳома удивленно спросилъ:

— Но развѣ не ты предалъ учителя? Я самъ видѣлъ, какъ ты привелъ воиновъ и указалъ имъ на Иисуса. Если это не предательство, то что же тогда предательство?

— Другое, другое,—торопливо сказалъ Іуда.—Слушай, васъ здѣсь много. Нужно, чтобы вы всѣ собрались вмѣстѣ и громко потребовали: отдайте Иисуса, Онъ нашъ. Вамъ не откажутъ, не посмѣютъ. Они сами поймутъ...

— Что ты! Что ты!—рѣшительно отмахнулся руками Ѳома:—развѣ ты не видѣлъ, сколько здѣсь вооруженныхъ солдатъ и служителей храма. И потомъ суда еще не было, и мы не должны препятствовать суду. Развѣ

онъ не пойметъ, что Іисусъ невиненъ и не повелитъ немедля освободить Его.

— Ты тоже такъ думаешь? — задумчиво спросилъ Иуда. — Ѳома, Ѳома, но если это правда? Что же тогда? Кто правъ? Кто обмануль Іуду?

— Мы сегодня говорили всю ночь и рѣшили: не можетъ судъ осудить невиннаго. Если же онъ осудитъ...

— Ну! — торопилъ Искаріотъ.

— ... то это не судъ. И имъ же придется худо, когда надо будетъ дать отвѣтъ передъ настоящимъ судіею.

— Передъ настоящимъ! Есть еще настоящій! — засмѣялся Иуда.

— И всѣ наши прокляли тебя, но такъ какъ ты говоришь, что не ты предатель, то я думаю, тебя слѣдовало бы судить...

Не дослушавъ, Іуда круто повернулся и быстро устремился внизъ по улочкѣ, вслѣдъ за удаляющеюся толпой. Но вскорѣ замедлилъ шаги и пошелъ неторопливо, подумавъ, что когда идетъ много народу, то всегда идутъ они медленно и одиноко идущій непременно нагонитъ ихъ.

Когда Пилать вывелъ Іисуса изъ своего дворца и поставилъ Его передъ народомъ — Іуда, прижатый къ колоннѣ тяжелыми спинами солдатъ, яростно ворочающій головою, чтобы разсмотрѣть что-нибудь между двухъ блистающихъ шлемовъ, вдругъ ясно почувствовалъ, что теперь все кончено. Подъ солнцемъ, высоко надъ головами толпы онъ увидѣлъ Іисуса, окровавленнаго, блѣднаго, въ терновомъ вѣнцѣ, остріями своими вонзавшимися въ лобъ; у края возвышенія стоялъ Онъ, видимый весь съ головы до маленькихъ загорѣлыхъ погъ, и такъ спокойно ждалъ, былъ такъ ясенъ въ своей непорочности и чистотѣ, что только слѣпой, который не видитъ самого солнца, не увидѣлъ бы этого, только безумецъ не понялъ бы. И молчалъ народъ — такъ тихо было, что слышалъ Іуда, какъ дышитъ стоя-

щій впереди солдатъ и при каждомъ дыханіи гдѣ-то поскрипываетъ ремень на его тѣлѣ.

— Такъ. Все кончено. Сейчасъ они поймутъ,—подумалъ Иуда и вдругъ что-то странное, похожее на ослѣпительную радость паденія съ безконечно высокой горы въ голубую сіяющую бездну, остановило его сердце.

Презрительно оттянувъ губы внизъ къ круглому бритому подбородку, Пилать бросаетъ въ толпу сухія, короткія слова—такъ кости бросаютъ въ стаю голодныхъ собакъ, думая обмануть ихъ жажду свѣжей крови и живого трепещущаго мяса:

— Вы привели ко мнѣ Человѣка этого, какъ развращающаго народъ; и вотъ я при васъ изслѣдовалъ и не нашелъ Человѣка этого виновнымъ ни въ чемъ томъ, въ чемъ вы обвиняете Его...

Иуда закрылъ глаза. Ждетъ.

И весь народъ закричалъ, завопилъ, завылъ на тысячу звѣриныхъ и человѣческихъ голосовъ:

— Смерть Ему! Распни Его! Распни Его!

И вотъ, точно глумясь надъ самимъ собою, точно въ одномъ мигѣ желая испытать всю безпредѣльность паденія, безумія и позора — тотъ же народъ кричитъ, вопитъ, требуетъ тысячью звѣриныхъ и человѣческихъ голосовъ:

— Варраву отпусти намъ! Его же распни! Распни!

Но вѣдь еще римлянинъ не сказалъ своего рѣшающаго слова: по его бритому надменному лицу пробѣгаютъ судороги отвращенія и гнѣва. Онъ понимаетъ, онъ понялъ! Вотъ онъ говоритъ тихо служителямъ своимъ, но голосъ его не слышенъ въ ревѣ толпы. Что онъ говоритъ? Велитъ имъ взять мечи и ударить на этихъ безумцевъ?

— Принесите воды.

Воды? Какой воды? Зачѣмъ?

Вотъ онъ моетъ руки — зачѣмъ-то моетъ свои бѣ-

лыя, чистыя, украшенныя перстнями руки — и злобно кричить, поднимая ихъ, удивленно молчащему народу:

— Неповиненъ я въ крови Праведника этого. Смотрите вы!

Еще скатывается съ пальцевъ вода на мраморныя плиты, когда что-то мягко расплывается у ногъ Пилата и горячія, острыя губы цѣлуютъ его безсильно сопротивляющуюся руку—присасываются къ ней, какъ щупальцы, тянуть кровь, почти кусаютъ. Съ отвращеніемъ и страхомъ онъ взглядываетъ внизъ — видитъ большое извивающееся тѣло, дико двоящееся лицо и два огромные глаза, такъ странно непохожіе другъ на друга, какъ будто не одно существо, а множество ихъ цѣпляется за его ноги и руки. И слышать шопотъ прерывистый, горячій:

— Ты мудрый!.. Ты благородный!.. Ты мудрый, мудрый!..

И такой поистинѣ сатанинскою радостью пылаетъ это дикое лицо, что съ крикомъ ногою отталкиваетъ его Пилатъ и Иуда падаетъ навзничь. И лежа на каменныхъ плитахъ, похожій на опрокинутаго дьявола, онъ все еще тянется рукою къ уходящему Пилату и кричить, какъ страстно влюбленный:

— Ты мудрый! Ты мудрый! Ты благородный!

Затѣмъ проворно поднимается и бѣжитъ, провожаемый хохотомъ солдатъ Вѣдь еще не все кончено. Когда они увидятъ крестъ, когда они увидятъ гвозди, они могутъ понять и тогда... Что тогда? Видитъ мелькомъ оторопѣлаго блѣднаго Θому и затѣмъ-то, успокоительно кивнувъ ему головою, нагоняетъ Иисуса, ведомаго на казнь. Идти тяжело, мелкіе камни скатываются подъ ногами, и вдругъ Иуда чувствуетъ, что онъ усталъ. Весь уходитъ въ заботу о томъ, чтобы лучше ставить ногу, тускло смотреть по сторонамъ и видеть плачущую Марію Магдалину, видитъ множество плачущихъ женщинъ—распущенные волосы, красные глаза, искривленныя уста—всю безмѣрную печаль нѣжной женской

души, отданной на поруганіе. Оживаетъ внезапно и, улучивъ мгновеніе, подбѣгаетъ къ Иисусу:

— Я съ Тобою,—шепчетъ онъ торопливо.

Солдаты отгоняютъ его ударами бичей и извиваясь, чтобы ускользнуть отъ ударовъ, показывая солдатамъ оскаленные зубы, онъ поясняетъ торопливо:

— Я съ Тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!

Вытираетъ съ лица кровь и грозитъ кулакомъ солдату, который оборачивается, смѣясь, и показываетъ на него другимъ. Ищетъ зачѣмъ-то Тому—но ни его, ни одного изъ учениковъ нѣтъ въ толпѣ провожающихъ. Снова чувствуетъ усталость и тяжело передвигаетъ ноги, внимательно разглядывая острые, бѣлые, рассыпающіеся камушки.

... Когда былъ поднять молотъ, чтобы пригвоздить къ дереву лѣвую руку Иисуса, Иуда закрылъ глаза и цѣлую вѣчность не дышалъ, не видѣлъ, не жилъ, а только слушалъ. Но вотъ со скрежетомъ ударило железо о желѣзо, и разъ за разомъ тупые, короткіе, низкіе удары,—слышно, какъ входитъ острый гвоздь въ мягкое дерево, раздвигая частицы его...

Одна рука. Еще не поздно.

Другая рука. Еще не поздно.

Нога, другая нога—неужели все кончено? Нерѣшительно раскрываетъ глаза и видитъ, какъ поднимается, качаясь, крестъ и устанавливается въ ямѣ. Видитъ, какъ напряженно содрогаясь, вытягиваются мучительно руки Иисуса, расширяютъ раны—и внезапно уходитъ подъ ребра опавшій животъ. Тянутся, тянутся руки, становятся тонкія, бѣлѣютъ, вывертываются въ плечахъ, и раны подъ гвоздями краснѣютъ, ползутъ—вотъ оборвутся онѣ сейчасъ... Нѣтъ, остановилось. Все остановилось. Только ходятъ ребра, поднимаемыя короткимъ, глубокимъ дыханіемъ.

На самомъ теменн земли вздымается крестъ и на

немъ распятый Иисусъ. Осуществился ужасъ и мечты Искариота,—онъ поднимается съ колѣнъ, на которыхъ стоялъ зачѣмъ-то, и холодно оглядывается кругомъ. Такъ смотритъ суровый побѣдитель, который уже рѣшилъ въ сердцѣ своемъ предать все разрушенію и смерти и въ послѣдній разъ обводитъ взоромъ чужой и богатый городъ, еще живой и шумный, но уже призрачный подъ холодною рукою смерти. И вдругъ такъ же ясно, какъ ужасную побѣду свою — видитъ Искариотъ ея зловѣщую шаткость. А вдругъ они поймутъ? Еще не поздно. Иисусъ еще живъ. Вонъ смотритъ Онъ зовущими, тоскующими глазами...

Что можетъ удержать отъ разрыва тоненькую пленку, застилающую глаза людей, такую тоненькую, что ея какъ будто нѣтъ совсѣмъ? Вдругъ—они поймутъ? Вдругъ всею своею грозною массой мужчинъ, женщинъ и дѣтей они двинутся впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ теменемъ земли поднимутъ свободнаго Иисуса! Осанна! Осанна!

Осанна? Нѣтъ, лучше Иуда ляжетъ на землѣ. Нѣтъ, лучше, лежа на землѣ и ляская зубами, какъ собака, онъ будетъ высматривать и ждать, пока не поднимутся всѣ тѣ. Но что случилось съ временемъ? То почти оставливается оно, такъ что хочется пихать его руками, бить ногами, кнутомъ, какъ лѣниваго осла—то безумно мчится оно съ какой-то горы и захватываетъ дыханіе, и руки напрасно ищутъ опоры. Вонъ плачетъ Марія Магдалина. Вонъ плачетъ мать Иисуса. Пусть плачутъ. Развѣ значать сейчасъ что-нибудь ея слезы, слезы всѣхъ матерей, всѣхъ женщинъ въ мірѣ!

— Что такое слезы?—спрашиваетъ Иуда и бѣшено толкаетъ неподатливое время, бьетъ его кулаками, проклиная, какъ раба. Оно чужое и оттого такъ непослушно. О, если бы оно принадлежало Иудѣ,—но оно

принадлежитъ всѣмъ этимъ плачущимъ, смѣющимся, болтающимъ, какъ на базарѣ; оно принадлежитъ солнцу; оно принадлежитъ кресту и сердцу Иисуса, умирающему такъ медленно.

Какое подлое сердце у Иуды! Онъ держитъ его рукою, а оно кричитъ: осанна, такъ громко, что вотъ услышать всѣ. Онъ прижимаетъ его къ землѣ, а оно кричитъ: осанна, осанна!—какъ болтунъ, который на улицѣ разбрасываетъ святягя тайны... Молчи! Молчи!

Вдругъ громкій, оборванный плачь, глухіе крики, поспѣшное движеніе къ кресту. Что это? Поняли?

Нѣтъ, умираетъ Иисусъ. И это можетъ быть? Да, Иисусъ умираетъ. Блѣдныя руки неподвижны, но по лицу, по груди и ногамъ пробѣгаютъ короткія судороги. И это можетъ быть? Да, умираетъ. Дыханіе рѣже. Остановилось... Нѣтъ, еще вздохъ, еще на землѣ Иисусъ. И еще?.. Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ... Иисусъ умеръ.

Свершилось. Осанна! Осанна!

Осуществился ужасъ и мечты. Кто вырветъ теперь побѣду изъ рукъ Искаріота? Свершилось. Пусть всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекутся къ Голгоѣ и возопіютъ милліонами своихъ глотокъ: осанна, осанна! и моря крови и слезъ прольютъ къ подножію ея—они найдутъ только позорный крестъ и мертваго Иисуса!

Спокойно и холодно Искаріотъ оглядываетъ умершаго, останавливается на мигъ взоромъ на щекѣ, которую еще только вчера поцѣловалъ онъ прощальнымъ поцѣлуемъ, и медленно отходить. Теперь все время принадлежитъ ему, и идетъ онъ неторопливо; теперь вся земля принадлежитъ ему, и ступаетъ онъ твердо, какъ повелитель, какъ царь, какъ тотъ, кто безпредѣльно и радостно въ этомъ мірѣ одинокъ. Замѣчаетъ мать Иисуса и говоритъ ей сурово:

— Ты плачешь, мать? Плачь, плачь, и долго еще будутъ плакать съ тобою всѣ матери земли. Дотолѣ,

пока не придемъ мы вмѣстѣ съ Иисусомъ и не разрушимъ смерть.

Что онъ—безуменъ или издѣвается, этотъ предатель. Но онъ серьезенъ и лицо его строго, и въ безумной торопливости не бѣгаютъ его глаза, какъ прежде. Вотъ останавливается онъ и съ холоднымъ вниманіемъ осматриваетъ новую, маленькую землю. Маленькая она стала и всю ее онъ чувствуетъ подъ своими ногами; смотреть, на маленькія горы, тихо краснѣющія въ послѣднихъ лучахъ солнца, и горы чувствуетъ подъ своими ногами; смотреть на небо, широко открывшее свой синій ротъ, смотреть на кругленькое солнце, безуспѣшно старающееся обжечь и ослѣпить—и небо, и солнце чувствуетъ подъ своими ногами. Безпредѣльно и радостно одинокій, онъ гордо ощутилъ безсиліе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, и всѣ ихъ бросилъ въ пропасть.

И дальше идетъ онъ спокойными и властными шагами. И не идетъ время ни впереди, ни сзади: покорное, вмѣстѣ съ нимъ движется оно всею своей незримой громадой.

Свершилось.

IX.

Старымъ обманщикомъ, покашливая, льстиво улыбаясь, кланяясь безконечно — явился передъ синедриономъ Иуда изъ Каріота, Предатель. Это было на другой день послѣ убійства Иисуса, около полудня. Тутъ были всѣ они, Его судьи и убійцы: и престарѣлый Анна съ своими сыновьями, точными и отвратительными подобіями отца, и снѣдаемый честолюбіемъ Каиафа, зять его, и всѣ другіе члены синедриона, украсившіе имена свои у памяти людской—богатые и знатные саддукеи, гордые силою своею и знаніемъ закона. Молча встрѣтили они Предателя и надменные лица ихъ остались неподвижны: какъ будто не вошло ничего. И даже са-

мый маленькій изъ нихъ и ничтожный, на котораго другіе не обращали вниманія, поднималъ кверху свое птичье лицо и смотрѣлъ такъ, будто не вошло ничего. Иуда кланялся, кланялся, кланялся, а они смотрѣли и молчали: какъ будто не человѣкъ вошелъ, а только вползло нечистое насѣкомое, котораго не видно. Но не такой былъ человѣкъ Иуда изъ Каріота, чтобы смутиться: они молчали, а онъ себѣ кланялся и думалъ, что если и до вечера придется, то и до вечера онъ будетъ кланяться.

Наконецъ нетерпѣливый Каіафа спросилъ:

— Что надо тебѣ?

Иуда еще разъ поклонился и скромно сказалъ:

— Это я, Иуда изъ Каріота, тотъ, что предалъ вамъ Иисуса Назорея.

— Такъ что же? Ты получилъ свое. Ступай!—приказалъ Анна, но Иуда какъ будто не слыжалъ приказанія и продолжалъ кланяться. И взглянувъ на него, Каіафа спросилъ Анну:

— Сколько ему дали?

— Тридцать серебряниковъ.

Каіафа усмѣхнулся, усмѣхнулся и самъ сѣдой Анна и по всѣмъ надменнымъ лицамъ скользнула веселая улыбка; а тотъ, у котораго было птичье лицо, даже засмѣялся. И, замѣтно блѣднѣя, быстро подхватилъ Иуда:

— Такъ, такъ. Конечно, очень мало, но развѣ Иуда недоволенъ, развѣ Иуда кричитъ, что его ограбили? Онъ доволенъ. Развѣ не святому дѣлу онъ послужилъ. Святому. Развѣ не самые мудрые люди слушаютъ теперь Иуду и думаютъ: онъ нашъ, Иуда изъ Каріота, онъ нашъ братъ, нашъ другъ, Иуда изъ Каріота, Предатель? Развѣ Аннѣ не хочется стать на колѣни и поцѣловать у Иуды руку?—но только Иуда не дастъ, онъ трусъ, онъ боится, что его укусятъ.

Каіафа сказалъ:

— Выгони этого пса. Что онъ лаетъ?

— Ступай отсюда. Намъ нѣтъ времени слушать твою болтовню,—равнодушно сказалъ Анна.

Іуда выпрямился и закрылъ глаза. То притворство, которое такъ легко носилъ онъ всю свою жизнь, вдругъ стало невыносимымъ бременемъ; и однимъ движеніемъ рѣсницъ онъ сбросилъ его. И когда снова взглянулъ на Анну, то былъ взоръ его простъ и прямъ и страшенъ въ своей голой правдивости. Но и на это не обратили они вниманія.

— Ты хочешь, чтобы тебя выгнали палками!—крикнулъ Каиафа.

Задыхаясь подъ тяжестью страшныхъ словъ, которыя онъ поднималъ все выше и выше, чтобы бросить ихъ отсюда на головы судей—Іуда хрипло спросилъ:

— А вы знаете... вы знаете, кто былъ Онъ—Тотъ, котораго вчера вы осудили и распяли?

— Знаемъ. Ступай!

Однимъ словомъ онъ прорветъ сейчасъ ту тонкую пленку, что застилаетъ ихъ глаза — и вся земля дрогнетъ подъ тяжестью безошадной истины! У нихъ была душа—они лишатся ея; у нихъ была жизнь—они потеряютъ жизнь; у нихъ былъ свѣтъ передъ глазами—вѣчная тьма и ужасъ покроютъ ихъ. Осанна! Осанна!

И вотъ они, эти страшныя слова, раздирающія горло:

— Онъ не былъ обманщикъ. Онъ былъ невиненъ и чистъ. Вы слышите? Іуда обманулъ васъ. Онъ предалъ вамъ невиннаго.

Ждетъ. И слышитъ равнодушный, старческій голосъ Анны:

— И это все, что ты хотѣлъ сказать?

— Кажется, вы не поняли меня,—говоритъ Іуда съ достоинствомъ, блѣднѣя.—Іуда обманулъ васъ. Онъ былъ невиненъ. Вы убили невиннаго.

Тотъ, у котораго птичье лицо, улыбается, но Анна равнодушна, Анна скучна, Анна зѣваетъ. И зѣваетъ вслѣдъ за нимъ Каиафа и говоритъ утомленно:

— Что же мнѣ говорили объ умѣ Іуды изъ Каріота? Это просто дуракъ, очень скучный дуракъ.

— Что! — кричить Іуда, весь наливаясь темнымъ бѣшенствомъ.—А кто вы, умные! Іуда обманулъ васъ— вы слышите! Не Его онъ предалъ, а васъ, мудрыхъ, васъ, сильныхъ, предалъ онъ позорной смерти, которая не кончится во вѣки. Тридцать серебряниковъ! Такъ, такъ. Но вѣдь это цѣна вашей крови, грязной, какъ тѣ помои, что выливаютъ женщины за ворота домовъ своихъ. Ахъ, Анна, старый, сѣдой, глупый Анна, наглотававшийся закона,—зачѣмъ ты не далъ однимъ серебряникомъ, однимъ оболомъ больше! Вѣдь въ этой цѣнѣ пойдешь ты во вѣки!

— Вонъ! — закричалъ побагровѣвшій Каіафа. Но Анна остановилъ его движеніемъ руки и все также равнодушно спросилъ Іуду:

— Теперь все?

— Вѣдь если я пойду въ пустыню и крикну звѣрямъ: звѣри, вы слышали, во сколько оцѣнили люди своего Іисуса—что сдѣлаютъ звѣри? Они выльзутъ изъ логовищъ, они завоюютъ отъ гнѣва, они забудутъ свой страхъ передъ человѣкомъ и всѣ придутъ сюда, чтобы сожрать васъ! Если я скажу морю: море, ты знаешь, во сколько люди оцѣнили своего Іисуса? Если я скажу горамъ: горы, вы знаете, во сколько люди оцѣнили Іисуса? И море, и горы оставятъ свои мѣста, опредѣленные изъ вѣка, и придутъ сюда, и упадутъ на головы ваши!

— Не хочеть ли Іуда стать пророкомъ? Онъ говорить такъ громко!—насмѣшливо замѣтилъ тотъ, у котораго было птичье лицо, и заискивающе взглянулъ на Каіафу.

— Сегодня я видѣлъ блѣдное солнце. Оно смотрѣло съ ужасомъ на землю и говорило: гдѣ же человѣкъ? Сегодня я видѣлъ скорпіона. Онъ сидѣлъ на камнѣ, и смѣялся, и говорилъ: гдѣ же человѣкъ? Я подошелъ

близко и въ глаза ему посмотрѣлъ. И онъ смѣялся и говорилъ: гдѣ же челоуѣкъ, я не вижу! Гдѣ же челоуѣкъ, скажите мнѣ, я не вижу! Или ослѣпъ Иуда, бѣднѣйшій Иуда изъ Каріота!

И Искаріотъ громко заплакалъ. Былъ онъ въ эти минуты похожъ на безумнаго, и Каіафа, отвернувшись, презрительно махнулъ рукою. Анна же подумалъ немного и сказала:

— Я вижу, Иуда, что ты дѣйствительно получилъ мало, и это волнуетъ тебя. Вотъ еще деньги, возьми и отдай своимъ дѣтямъ.

Онъ бросилъ что-то, звякнувшее рѣзко. И еще не замолкъ этотъ звукъ, какъ другой, похожіи странно продолжилъ его: это Иуда горстью бросалъ серебряники и оболочки въ лица первосвященника и судей, возвращая плату за Иисуса. Косымъ дождемъ криво летѣли монеты, попадая въ лица, на столъ, раскатываясь по полу. Нѣкоторые изъ судей закрывались руками, ладонями наружу, другіе, вскочивъ съ мѣстъ, кричали и бранились. Иуда, стараясь попасть въ Анну, бросилъ послѣднюю монету, за которою долго шарилъ въ мѣшкѣ его дрожащая рука, плюнулъ гнѣвно и вышелъ.

— Такъ, такъ! — бормоталъ онъ, быстро проходя по улочкамъ и пугая дѣтей.—Ты, кажется, плакалъ, Иуда? Развѣ дѣйствительно правъ Каіафа, говоря, что глупъ Иуда изъ Каріота? Кто плачетъ въ день великой мести, тотъ не достоинъ ея—знаешь ты это, Иуда? Не давай глазамъ твоимъ обманывать тебя, не давай сердцу твоему лгать, не заливай огня слезами, Иуда изъ Каріота!

Ученики Иисуса сидѣли въ грустномъ молчаніи и прислушивались къ тому, что дѣлается снаружи дома. Еще была опасность, что месть враговъ Иисуса не ограничится Имъ однимъ, и всѣ ждали вторженія стражи и, быть можетъ, новыхъ казней. Возлѣ Іоанна, кото-

рому, какъ любимому ученику Иисуса, была особенно тяжела смерть Его, сидѣли Марія Магдалина и Матвѣй и вполголоса утѣшали его. Марія, у которой лицо распухло отъ слезъ, тихо гладила рукою его пышные волнистые волосы, Матвѣй же наставительно говорилъ словами Соломона:

— Долготерпѣливый лучше храбраго и владѣющей собою лучше завоевателя города.

И въ это мгновеніе, громко хлопнувъ дверью, вошелъ Иуда Искаріотъ. Всѣ испуганно вскочили и вначалѣ даже не поняли, кто это, а когда разглядѣли ненавистное лицо и рыжую бугроватую голову, то подняли крикъ. Петръ же поднялъ обѣ руки и закричалъ:

— Уходи отсюда, предатель! Уходи, иначе я убью тебя!

Но всмотрѣлись лучше въ лицо и глаза Предателя и смолкли, испуганно шепча:

— Оставьте! Оставьте его! Въ него вселился сатана.

Выждавъ тишину, Иуда громко воскликнулъ:

— Радуйтесь глаза Иуды изъ Каріота! Холодныхъ убійцъ вы видѣли сейчасъ — и вотъ уже трусливые предатели предъ вами! Гдѣ Иисусъ? Я васъ спрашиваю: гдѣ Иисусъ?

Было что-то властное въ хрипломъ голосѣ Искаріота и покорно отвѣтилъ Ѳома:

— Ты же самъ знаешь, Иуда, что учителя нашего вчера вечеромъ распяли.

— Какъ же вы позволили это? Гдѣ же была ваша любовь? Ты, любимый ученикъ, ты—камень, гдѣ были вы, когда на деревѣ распинали вашего друга?

— Что же могли мы сдѣлать, посуди самъ, — развелъ руками Ѳома.

— Ты это спрашиваешь, Ѳома? Такъ, такъ!—склонилъ голову набокъ Иуда изъ Каріота и вдругъ гнѣвно обрушился:—Кто любить, тотъ не спрашиваетъ, что дѣлать. Онъ идетъ и дѣлаетъ все. Онъ плачетъ, онъ ку-

сается, онъ душитъ врага и кости ломаетъ у него! Кто любить! Когда твой сынъ утопаеъ, развѣ ты идешь въ городъ и спрашиваешь прохожихъ: что мнѣ дѣлать? мой сынъ утопаеъ! а не бросаешься самъ въ воду и не тонешь рядомъ съ сыномъ. Кто любить!

Петръ хмуро отвѣтилъ на неистовую рѣчь Иуды:

— Я обнажилъ мечъ, но Онъ самъ сказалъ — не надо.

— Не надо? И ты послушался? — засмѣялся Искаріотъ.—Петръ, Петръ, развѣ можно Его слушать. Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, въ борьбѣ!

— Кто не повинуется Ему, тотъ идетъ въ геенну огненную.

— Отчего же ты не пошелъ? Отчего ты не пошелъ, Петръ? Геенна огненная—что такое геенна? Ну и пусть бы ты пошелъ—зачѣмъ тебѣ душа, если ты не смѣешь бросить ее въ огонь, когда захочешь!

— Молчи! — крикнулъ Іоаннъ, поднимаясь. — Онъ Самъ хотѣлъ этой жертвы. И жертва Его прекрасна!

— Развѣ есть прекрасная жертва, что ты говоришь, любимый ученикъ? Гдѣ жертва, тамъ и палачъ, и предатели тамъ! Жертва—это страданія для одного и позоръ для всѣхъ. Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотрять на нее и сверху и снизу и хохочуть и кричать: посмотрите на эту землю, на ней распяли Иисуса! И плюютъ на нее—какъ я!

Иуда гнѣвно плюнулъ на землю.

— Онъ весь грѣхъ людей взялъ на себя. Его жертва прекрасна!—настаивалъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, вы на себя ваяли весь грѣхъ. Любимый ученикъ! Развѣ не отъ тебя начнется родъ предателей, порода малодушныхъ и лжецовъ? Слѣпцы, что сдѣлали вы съ землею? Вы погубить ее захотѣли, вы скоро будете цѣловать крестъ, на которомъ вы распяли Иисуса! Такъ, такъ—цѣловать крестъ, общаетъ вамъ Иуда!

— Иуда, не оскорбляй! — прорычалъ Петръ, багро-

вѣя. — Какъ могли бы мы убить всѣхъ враговъ Его? Ихъ такъ много!

— И ты, Петръ!—съ гнѣвомъ воскликнулъ Іоаннъ.— Развѣ ты не видишь, что въ него вселился сатана? Отойди отъ насъ, искуситель. Ты полонъ лжи! Учитель не велѣлъ убивать.

— Но развѣ Онъ запретилъ вамъ и умирать? Почему же вы живы, когда Онъ мертвъ? Почему ваши ноги ходятъ, вашъ языкъ болтаетъ дрянное, ваши глаза моргаютъ, когда Онъ мертвъ, недвижимъ, безгласенъ? Какъ смѣютъ быть красными твои щеки, Іоаннъ, когда Его блѣдны? Какъ смѣешь ты кричать, Петръ, когда Онъ молчитъ? Что дѣлать, спрашиваете вы Іуда? И отвѣчаетъ вамъ Іуда, прекрасный, смѣлый Іуда изъ Каріота: умереть. Вы должны были пасть на дорогѣ, за мечи, за руки хватать солдатъ. Утопить ихъ въ морѣ своей крови—умереть, умереть! Пусть бы самъ Отецъ Его закричалъ отъ ужаса, когда всѣ вы вошли бы туда!

Іуда замолчалъ, поднявъ руку, и вдругъ замѣтилъ на столѣ остатки трапезы. И съ страннымъ изумленіемъ любопытно, какъ будто первый разъ въ жизни увидѣлъ пищу, оглядѣлъ ее и медленно спросилъ:

— Что это?—вы ѣли? Быть можетъ, вы спали также?

— Я спалъ, — коротко, опустивъ голову, отвѣтилъ Петръ, уже чувствуя въ Іудѣ кого-то, кто можетъ приказывать.—Спалъ и ѣлъ.

Θома рѣшительно и твердо сказалъ:

— Это все невѣрно, Іуда. Подумай: если бы мы всѣ умерли, то кто бы рассказалъ объ Иисусѣ? Кто бы понесъ людямъ Его ученіе, если бы умерли всѣ: и Петръ, и Іоаннъ, и я?

— А что такое сама правда въ устахъ предателей? Развѣ не ложью становится она? Θома, Θома, развѣ ты не понимаешь, что только сторожъ ты теперь у гроба мертвой правды. Засыпаетъ сторожъ, и приходитъ воръ, и уноситъ правду съ собою—скажи, гдѣ правда? Будь

же ты проклять, Ѳома! Безплоденъ и нищъ ты будешь во вѣки, и въ съ нимъ, проклятые!

— Будь самъ проклять, сатана!—крикнулъ Іоаннъ и повторили его возгласъ Іаковъ и Матвѣй и всѣ другіе ученики. Только Петръ молчалъ.

— Я иду къ Нему!—сказалъ Іуда, простирая вверхъ властную руку.—Кто за Искариотомъ къ Иисусу?

— Я! Я съ тобою!—крикнулъ Петръ, вставая. Но Іоаннъ и другіе съ ужасомъ остановили его, говоря:

— Безумный! Ты забылъ, что онъ предалъ учителя въ руки враговъ!

Петръ ударилъ себя кулакомъ въ грудь и горько заплакалъ:

— Куда же мнѣ идти? Господи! Куда же мнѣ идти!

Иуда давно уже, во время своихъ одинокихъ прогулокъ, намѣтилъ то мѣсто, гдѣ онъ убьетъ себя послѣ смерти Иисуса. Это было на горѣ, высоко надъ Іерусалимомъ, и стояло тамъ только одно дерево, кривое, измученное вѣтромъ, рвущимъ его со всѣхъ сторонъ, полузасохшее. Одну изъ своихъ обломанныхъ кривыхъ вѣтвей оно протянуло къ Іерусалиму, какъ бы благословляя его или чѣмъ-то угрожая, и ее избралъ Іуда для того, чтобы сдѣлать на ней петлю. Но идти до дерева было далеко и трудно, и очень усталъ Іуда изъ Каріота. Все тѣ же маленькіе острые камешки рассыпались у него подъ ногами, и точно тянули его назадъ, а гора была высока, обвѣяна вѣтромъ, угрюма и зла. И уже нѣсколько разъ присаживался Іуда отдохнуть, и дышалъ тяжело, а сзади, сквозь разсѣлины камней, холодомъ дышала въ его спину гора.

— Ты еще, проклятая!—говорилъ Іуда презрительно, и дышалъ тяжело, покачивая тяжелой головою, въ которой всѣ мысли теперь окаменѣли. Потомъ вдругъ поднималъ ее, широко раскрывалъ застывшіе глаза и гнѣвно бормоталъ:

Сборникъ. Книга XVI.

— Нѣтъ, они слишкомъ плохи для Іуды. Ты слышишь, Іисусъ? Теперь Ты мнѣ повѣришь? Я иду къ Тебѣ. Встрѣть меня ласково, я усталъ. Я очень усталъ. Потому мы вмѣстѣ съ Тобою, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю. Хорошо?

Опять качалъ каменьющей головою и опять широко раскрывалъ глаза, бормоча:

— Но можетъ быть Ты и тамъ будешь сердиться на Іуду изъ Каріота? И не повѣришь? И въ адъ меня пошлешь? Ну, что же! Я пойду въ адъ. И на огнѣ Твоего ада я буду ковать желѣзо, ковать желѣзо, и разрушу Твое небо. Хорошо? Тогда Ты повѣришь мнѣ? Тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Іисусъ?

Наконецъ, добрался Іуда до вершины и до кривого дерева, и тутъ сталъ мучить его вѣтеръ. Но когда Іуда выбранилъ его, то началъ пѣть мягко и тихо,—улеталъ куда-то вѣтеръ и прощался.

— Хорошо, хорошо! А они—собаки!—отвѣтилъ ему Іуда, дѣлая петлю. И такъ какъ веревка могла обмануть его и оборваться, то повѣсилъ онъ ее надъ обрывомъ—если оборвется, то все равно на камняхъ найдеть онъ смерть. И передъ тѣмъ, какъ оттолкнуться ногою отъ края и повиснуть, Іуда изъ Каріота еще разъ заботливо предупредилъ Іисуса:

— Такъ встрѣть же меня ласково, я очень усталъ, Іисусъ.

И прыгнулъ. Веревка натянулась, но выдержала; шея Іуды стала тоненькая, а руки и ноги сложились и обвисли, какъ мокрая. Умеръ. Такъ въ два дня, одинъ за другимъ, оставили землю Іисусъ Назорей и Іуда изъ Каріота, Предатель.

Всю ночь, какъ какой-то чудовищный плодъ, качался Іуда надъ Іерусалимомъ; и вѣтеръ поворачивалъ его то къ городу лицомъ, то къ пустынѣ—точно и городу и пустынѣ хотѣлъ онъ показать Іуду. Но куда бы ни поворачивалось обезображенное смертью лицо—

красные глаза, налитые кровью и теперь одинаковые, какъ братья, неотступно смотрѣли въ небо. А на утро кто-то зоркій увидѣлъ надъ городомъ висящаго Іуду и закричалъ въ испугъ. Пришли люди и сняли его и, узнавъ, кто это, бросили его въ глухой оврагъ, куда бросали дохлыхъ лошадей, кошекъ и другую падаль.

И въ тотъ вечеръ уже всѣ вѣрующіе узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узналъ о ней весь Іерусалимъ. Узнала о ней каменистая Іудея, и зеленая Галилея узнала о ней; и до одного моря и до другого, которое еще дальше, долетѣла вѣсть о смерти Предателя. Ни быстрѣе, ни тише, но вмѣстѣ съ временемъ шла она, и какъ нѣтъ конца у времени, такъ не будетъ конца рассказамъ о предательствѣ Іуды и страшной смерти его. И всѣ—добрые и злые—одинаково предадутъ проклятію позорную память его; и у всѣхъ народовъ, какіе были, какіе есть, останется онъ одинокимъ въ жестокой участи своей—Іуда изъ Каріота, Предатель.

24 февраля 1907 г.

